

Ник. Горькавый Теория катастрофы

Астровитянка – 2

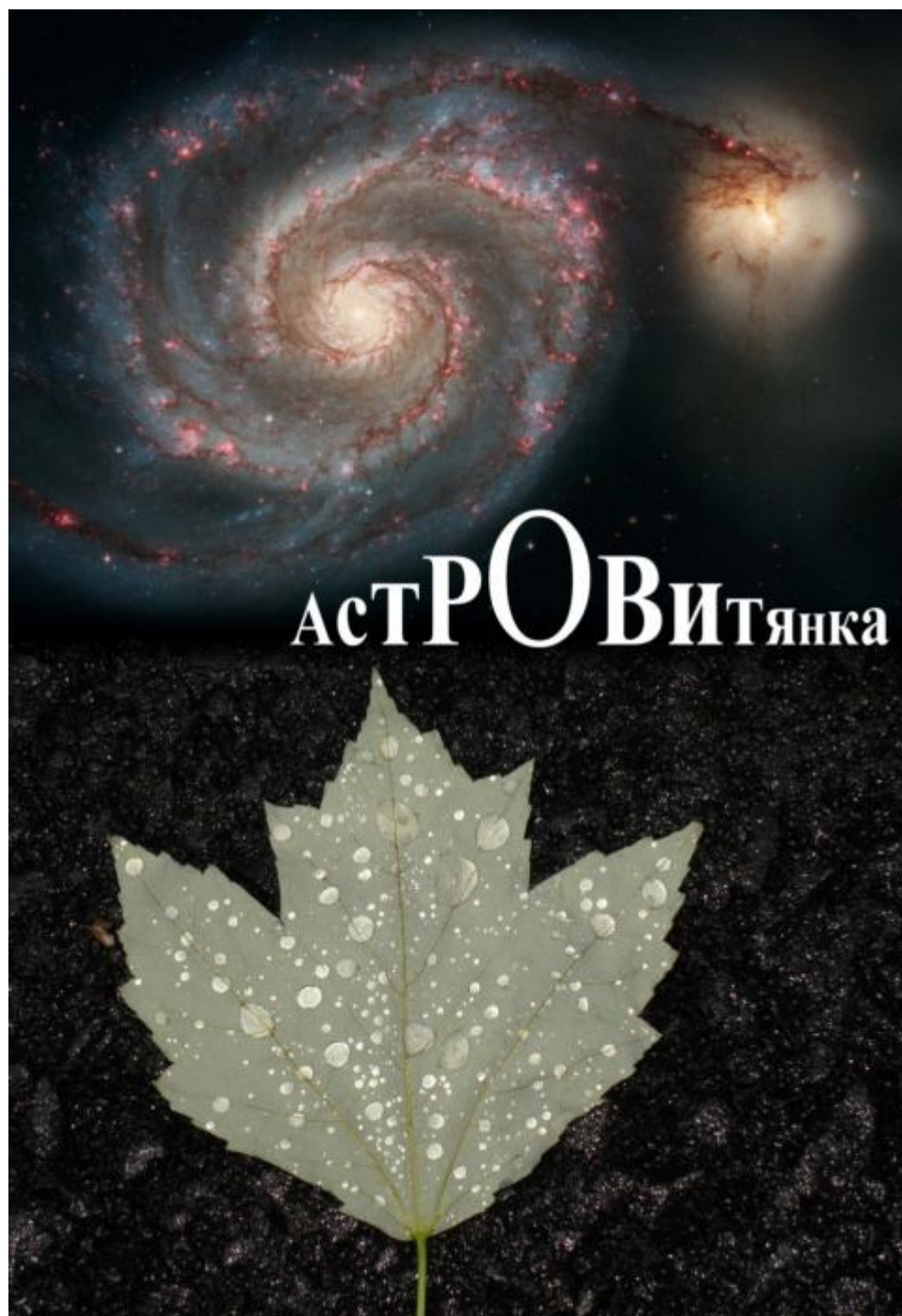
Серия «Фантастика настоящего и будущего»

Девушка с хрустальными волосами спасает мир!

Так можно было бы озаглавить эту книгу, продолжение романа «Астровитянка». Но всё намного сложнее. Никки — редчайший случай соединения острого ума, необъятной эрудиции (посредством «встроенного» компьютера), сверхскорости и сверхудачливости. Она учится в самой крутой школе Солнечной системы, у самых лучших учителей (хотя иногда трудно понять, кто кого учит), у неё множество верных друзей. Врагов, правда, тоже немало, и все норовят её убить.

Встречайте: новый роман Ника Горькавого: «Теория катастрофы».

Художник обложки Илья Руднев

Посвящается всем хранителям ноосферы.

Пролог

Это был просто кошмарный сон.
Вершины лунных гор стремительно приближались. До удара осталось пять секунд.
Девушку развернуло спиной к острым скалам. По позвоночнику прокатилась ледяная волна — человек предпочитает встречать смерть лицом.
Четыре секунды. Космический катер падал на двадцать метров впереди и ниже.
Три секунды. Девушка всё больше отставала от спешно покинутого корабля, но её скорость по-прежнему была огромной.
Поворот тела позволил увидеть будущее.

Время затормозилось ещё сильнее.

Будущее было совсем рядом — страшное, как смерть, и неотвратимое, как будущее.

Девушка летела стрелой, вбирая зрачками последние секунды и метры.

Кто сказал, что видимая смерть легче?

Две секунды.

Внизу скалились острые каменные резцы; впереди выросал хребет, зубастой челюстью окаймляющий большой кратер, и расширенные глаза уже нашли хмурую гору, прерывающую траекторию падения, перерезающую нить судьбы.

Вершина роковой серой скалы напоминала морду зверя. Оскаленно-неподвижного, собравшегося в боевую пружину перед прыжком.

Одна секунда.

Ракетный катер молнией вонзился в каменное подбрюшье скалы. Топливо мгновенно смешалось с жидким кислородом и взорвалось.

В месте падения выдулся немой оранжевый шар. Огонь полетел вверх — встречать человека.

Сжав до боли ладони, девушка смотрела, как взрывная волна вздымается всё выше, пожирая скалу и яркими руками жонглируя металлом бывшего корабля.

В таком пекле пластиковый скафандр не выдержит и мгновения: запузырится плавленным сыром и лопнет, впуслав пламя — к коже, а пустоту — в грудь.

Но зверь, ревниво опережая огонь, прыгнул навстречу, раскрывая серую пасть в смертельный капкан.

Сверхзвуковой удар о скалу расколет стеклянный защитный колпак в пыль и мелкие кусочки. Каменные зубы изотрут человеческое тело в бессмысленную красную кашу, беззвучно шипящую и пузырящуюся в вакууме.

Бритвенный край кратера был совсем рядом.

Девушка ясно видела клыки в пасти зверя, плывущего по горло в жгучей лаве.

Что убьёт раньше — огонь или камень?

Жить хотелось невыносимо.

Глава 1

Девушка с хрустальными волосами

Слоистый аромат поздних медуниц доверху наполнял Главную башню. Под арочными сводами из шершавого камня гулко металось изломанное, исцарапанное эхо.

Вдоль стен по-броуновски переминались школьники, едва сохраняя небрежный строй. Профессора Колледжа стояли степенно, раскланиваясь с родителями учеников.

Хрустящая праздничная атмосфера была подсолена сожалением о промелькнувшем лете. Среди студенческого Ордена Леопардов спокойно стояла Никки: тонкие черты лица, синие глаза, худощавая фигура. Кремовые брюки, рубашка цвета горького шоколада — на первый взгляд, девушка выглядела вполне обычной. Лишь прозрачные волосы, сверкающие на солнце длинными хрустальными прядями, выделяли её среди подростков.

Впрочем, что-то в лице Никки быстро заставляет забыть об удивительных стеклянных волосах. Обычная девушка? Вовсе нет. Её лицо почему-то не отпускает взгляд. Слишком уверенное выражение? Необычно умные глаза?

Странное, странное лицо.

Когда девушка отворачивается, то возникает острое чувство потери и пустоты. Художники в бешенстве ломают кисти и сходят с ума, пытаясь перенести на холст этот секрет таинственного притяжения.

Много, много страданий приносят такие лица другим людям.

Колчан стрельчатого окна встряхнул и заново перевязал пучок серебряного света; студенты зашевелились, спрятались за тёмными очками.

Никки поерошила волосы и небрежно стряхнула солнечный луч; рой искр разлетелся

по сторонам и ужалил не одно молодое сердце.

Девушка посмотрела в дальний угол холла и нашла среди Ордена Сов высокого Джерри. Юноша пристально глядел на неё, прищулив голубые глаза. Никки кивнула, и он мгновенно просиял в ответ.

Родители первокурсников грудились у балконных перил, бережно держа в руках чёрно-белые тома. Каждый год выходила книга с результатами экзаменов и биографиями счастливых, попавших в Школу Эйнштейна. Популярное и горестное чтение для не поступивших в знаменитый Колледж. Секреты чужого успеха — ходовой товар среди неудачников.

Девушку с хрустальными волосами зовут ещё и другим именем — Маугли. Это имя очень подходит девушке. Уважительно подходит, на настороженных ногах: Никки непредсказуема, её поступки вызывают смятение врагов и недоумение друзей.

Маугли обвела взглядом разноцветную шумную толпу студентов, вернувшихся с каникул и заполнивших Главную башню Лунного Колледжа. Столько людей сразу! — зрелище всё ещё удивительное для девушки. Десять лет она видела только одного человека — и то в треснувшем зеркале корабельного душа.

Давным-давно, маленькой девочкой, она жила с мамой и отцом на Марсе — ласково лиловом и восхитительно интересном.

Но однажды вечером папа заявил:

— Мы летим на Землю.

— Зачем? — насупилась Никки. — Мне и на Марсе хорошо.

— На Земле тебе будет ещё лучше, — сказала мама. — Там есть море.

«Море» прозвучало как «мороженое».

Никки вопросительно посмотрела на отца, голова которого парила где-то возле яркой люстры.

— Море тебе понравится! — кивнул отец из стратосферы. — Оно любит кувыркаться, шлёпать и бормотать. Море пахнет солью и полно сокровищ — и ты будешь за ними нырять.

Это звучало даже лучше, чем «мороженое», и Никки согласилась.

Девочка привычно села отцу на шею-которая-выше-жирафа, и они отправились к небольшому научному фрегату «Стрейнджер», на котором её родители летали вдвоём, пока работали в МарсоИнституте.

Фрегатик охотно согласился отвезти их на Землю.

Роботы-грузчики катили багаж.

— Мама, откуда у тебя такой чёрный блестящий чемоданчик?

— Никки, это наш попутчик — Робби.

— Здравствуй, мисс Гринвич!

— Ойздрате, говорящий чемодан Робби.

Попутчик оказался сущим кладом. Родители много времени проводили в рубке, работая свою непонятную работу, а Никки и Робби в кают-компании пели песни, рисовали и резались в задумчики. Новый приятель знал массу удивительного и совсем не робел целый день играть с маленькой девочкой.

Отсчитались две недели полёта, поскучневшие к концу.

После завтрака отец пристегнул Никки к креслу и строгим голосом велел нухотьнемногопосидетьспокойно.

И отправился на капитанский мостик.

Девочка долго хихикала — папа совсем не умел быть строгим.

Никки не успела дорисовать давно задуманный домик с башней и балконом, как внезапно погас свет и она очутилась в душной тяжёлой тьме. Никки крепилась и ждала родителей, но когда корабль на что-то налетел, заскрежетал и стал разваливаться, она не выдержала и завизжала изо всех сил.

Пронзительный древний призыв о помощи остался без ответа.

Мрак, душивший Никки, рассвирепел и хлестнул наотмашь свинцовой рукой. Тело

девочки было пристёгнуто к креслу, но голова жестоко дёрнулась, шея хрустнула — и сознание с облегчением покинуло маленький и перепуганный до смерти мозг.

Следующее воспоминание было таким: Никки лежит на металлическом столе, без одежды, и её глаза слепит яркая лампа. Сверху нависает страшная пучеглазая морда и машет клешней с мокро-красным скальпелем. Закричать почему-то не получается.

Первые недели после катастрофы прерывистым стробоскопом запечатлелись в памяти:

...ледяной окровавленный стол под обжигающей синей лампой...

...клешни куда-то несут Никки, её руки и ноги болтаются, будто тряпичные...

...она лежит на кровати, в нос тянутся противные пластиковые трубки...

...ночь, шея горит невыносимым огнём, но мамы рядом нет, а ведь раньше она всегда приходила, когда маленькой Николетте было больно.

Боль была не прерывистой, а постоянной.

Одна сцена помнится лучше всех — слишком часто она повторялась: твёрдые клешни корабельного робота цепляют Никки под мышки и пытаются поставить на пушистый коврик, постеленный на полу.

Но ноги не держат девочку и легко подгибаются.

Десятки, сотни попыток нечеловеческого упорства — тело пытается опереться на белые вялые палочки, но они безвольно складываются, нечувствительно сминаются под напором пола. Даже смешно было вначале.

Помог верный друг — Робби. Никки смогла двигаться лишь после того, как кибер подключился к её повреждённому позвоночнику и стал передавать сигналы мозга к рукам и ногам — иначе они отказывались слушаться, сволочи. С Робби и дышать стало легче.

Он бесконечно терпеливо отвечал на бесчисленный вопрос «Когда придут мама с папой?» и учил её ходить, как беспомощного младенца, и подбадривал, как взрослого человека. Ноги не слушались, шея горела, мамы не было — одиночество девочке совсем-совсем не нравилось. Но ни плач, ни истерики не помогали — жить приходилось не так, как хотелось, а так, как получалось.

Наконец, девочка научилась доносить еду до рта и ковылять на собственных ногах.

Первым делом она добралась до рубки.

Плакала и барабанила в дверь, пока не иссякли слабые силы и слёзы.

И потом она часто приходила к люку командирского отсека и стучала в него, но всё тише, всё безнадежней. Родители не выходили из-за тяжёлой металлической плиты, такой искореженной и выгнутой, что девочка бесповоротно поняла: мама и папа больше никогда не смогут покинуть капитанский мостик своего корабля.

Робби объяснял много раз:

— Из-за отказа электроники фрегат не закончил орбитальный манёвр и разбился.

Непрочная полустеклянная рубка была раздавлена острой скалой, но остальной корпус корабля почти не пострадал, зарывшись в пыльный грунт небольшого тёмно-серого астероида.

На штурманских картах он значился под номером 4654. Пятикилометровая планетка владела двумя лунами, и они быстро бегали по звёздному небу, развлекая Никки как могли — то качаясь лодочками, то играя в круглый мяч.

Этот космический пейзаж окружил Никкино детство. А Робби стал единственным собеседником и наставником девочки.

Множество трудных приключений прожила Никки на астероиде, постепенно превратившись в длинноногого подростка, поневоле знающего и умеющего гораздо больше сверстников. Робби составил ей диету выживания из скудных корабельных запасов. Девочке даже пришлось привыкнуть к марсианскому кьянти, найденному в грузовом трюме.

Астероидный робинзон, она называла себя астровитянкой. От долгой жизни в космосе её волосы стали прозрачными, как стекло.

— Никки, у нас кончается продовольствие, — сказал как-то Робби. — Тебе нужно

восстановить теплицу. Иначе ты умрёшь от голода, и мне одному будет ужасно скучно.

Теплица зияла разбитыми стёклами и мёртвыми ящиками с высохшей почвой.

Пришлось заделывать дыры, восстанавливать отопление и атмосферу.

Замороженная икра из аварийного набора зашевелилась, пробилась быстрыми стрелками мальков. Помидорные листки весело тащили друг друга за зелёные волосы — на волю из тесных семян.

Ночью Робби разбудил едва заснувшую и измученную Никки:

— Метеоритный дождь! Оранжерея гибнет!

Никки не повезло — астероид попал в центр метеорного потока, остатка разбитой каменной космической глыбы или испарившейся кометы. По астрономическим меркам, дождь был несильным, но плотным.

Возле люка, ведущего в оранжерею, Робби крикнул:

— Там половина атмосферного давления! Форель надо спасать в первую очередь, а семена у нас ещё есть.

Надевать скафандр было некогда — мальки могли погибнуть в любую минуту. Люк открылся, и девочка прыгнула в холодную красноватую тьму оранжереи. Уши сразу заложило. Никки с трудом, в свете аварийной лампы, нашла пятилитровую кювету с мальками. Свист воздуха, высасываемого стеклянными ртами пробоин, действовал на нервы.

Девочка схватила кювету и, оттолкнувшись от стола, метнулась назад — к люку.

Метеорит ударил прямо в соединение несущих балок оранжереи. По ушам хлестнул грохот ломающейся конструкции и треск лопающихся стёкол. Ветер попытался остановить Никки и хлопнуть перед ней люк, но она врезалась в тяжёлое железо плечом и, жестоко ссаживая локти и колени, вывалилась, выдралась в коридор из гибнущей оранжереи.

Люк отгородил её от космического вакуума, но пустая кювета лежала на боку, и мальки отчаянно прыгали в растекающейся мелкой луже, раскрывая рты и умирая.

Самое время зареветь от обиды.

Но астровитянка уже разучилась плакать.

Она ладонью сгребла в кювету часть воды, киселём колышащейся в слабой гравитации. Потом наклонила лицо к умирающему мальку, осторожно взяла его губами и перенесла в аквариум.

Она успела спасительно поцеловать многих, но большинство рыбок всё-таки погибли.

Выжила лишь треть.

Робби хладнокровно заявил:

— Нет смысла восстанавливать старую оранжерею — она слишком мала для такой прожорливой девочки. Будем строить новую.

Никки не поверила своим ушам.

Но они всё-таки построили её. Оранжерея обошлась дорого, но была великолепна. В ней уместился прудик с водой для подрастающей форели. И помидорные грядки, среди которых можно было гулять, дыша паслёновым густым запахом.

Но кислорода было мало. Рука, распоротая на постройке оранжереи, сильно болела.

Никки лежала в слишком просторном скафандре с последним баллоном и терпеливо ждала, когда быстрорастущий плющ и игольчатая зелёная травка станут выдыхать больше кислорода, чем Никки его вдыхает.

Кислород можно добыть электролизом, но космическая вода дороже земного золота.

Ждать было трудно. В глазах темнело. Клонило в тягучий неосвежающий сон. Мучили удушливые кошмары, и часто снился веер красных капель, толчками выбивающийся из тонкой руки.

Но Никки не хныкала.

Она оказалась прочным человеком. Внутренняя стальная струна удерживала лицо от плаксивой гримасы и позволила выжить, дожидаться сытного до пьяности воздуха и праздника первой жареной форели.

Отчаянно рискованное бытие Робинзона постепенно наладилось.

Космическая Маугли побеждала, потому что проигрывать было нельзя. Но когда наступала усталая ночь, натянутая струна внутри тощего ребристого тела часто рвалась, и девочка плакала во сне, горько и навзрыд. И тогда приходила мама — обнимала, ласково гладила по голове и говорила успокаивающе:

— Всё будет хорошо...

И пела ей колыбельную песню.

Проснувшись, девочка сердилась на себя. Дню не разрешались слабости.

Прошло десять трудных лет, прежде чем спасательный крейсер Спейс Сервис поймал слабые SOS-сигналы с разбитого фрегата-исследователя и сел на астероид 4654 в вихре песка-реголита.

Осаживая отчаянно бьющееся сердце, астровитянка ступила босой ногой на металлическую палубу чужого корабля и отправилась в далёкие, невероятные края, туда, где живёт множество людей. Миллионы, миллиарды. Уму непостижимо.

С тех пор прошло полтора года, битком набитых важными событиями и шишками.

Можно бы и поменьше набивать шишек.

Крушение «Стрейнджера» оказалось не случайным. При сближении с астероидом исследовательский фрегат был атакован неизвестным кораблём, уничтожившим ЭМ-полевым выстрелом электронные цепи «Стрейнджера». Кому понадобилось нападать на безоружное и безобидное исследовательское судно? Это оставалось загадкой.

Спасатели привезли Никки в Лунный госпиталь. Гравитация Луны гораздо сильнее астероидной силы тяжести, и Маугли пришлось несколько месяцев передвигаться в инвалидной коляске, укрепляя связки и кости после жизни в почти невесомости. Но девочка не жаловалась — и терпения ей было не занимать, да и жизнь среди людей казалась чудесной сказкой.

В Лунном госпитале Никки увидела Джерри Уолкера, мальчика с длинными каштановыми волосами и худым носатым лицом. Он тоскливо сидел среди шумной детской толпы и смотрел вокруг глазами одиночества — так смотрят брошенные собаки и дети, у которых больше нет родителей. И Никки поняла, что угрюмый мальчик будет... что он станет... Трудно понять, что она поняла, но Джерри сразу показался *нечужим*. И Никки захотелось убрать чёрную тень с его лица. А вкрадчивый голос из романтических книжек беззастенчиво шепнул: «Может, это и есть твой принц?»

Джерри научил космическую Маугли заказывать еду у робота-официанта и показал парк, где в озере плавали белые и красные рыбины, а на лужайке паслись симпатичные белохвостые олени Томми и Тамми. Звери были влюблены друг в друга и почти не дрались копытами.

Как счастлива была Никки, попав к людям!

Но потом она умерла.

Не стоит демонизировать смерть. Для чувств человека нет никакой разницы между мучительной потерей сознания и смертью — вопрос только в обратимости этого состояния.

Никки ожила лишь через два дня — и целый месяц пролежала в медотсеке.

Физически выздоровев, Никки внутренне сильно изменилась.

Не стоит недооценивать смерть. Трудно жить обычной жизнью, если уже один раз умирал. Трудно любить людей, если кто-то из них всё время хочет тебя убить.

Но астровитянка справилась с собой и приняла вызов неведомых и могучих врагов. Она сама решила напасть на них.

Главные победы вырастают не из звяканья мечей и разбитых носов, а из кропотливого анализа информации. Маугли и кибер разработали дерзкий план действий и на симпозиуме Космической Службы заварили та-акую кашу! А если кто-нибудь узнает о секретном совещании с могущественными коммодорами Спейс Сервис, которых Никки буквально заставила принять свои условия, потребовав от них... нет-нет, лучше об этом молчать... тс-с...

А как же Джерри? Да это же он улыбается из другого конца холла Главной башни. В

прошлом году он спас Никкину жизнь, висевшую на горелой ниточке. Джерри стал очень важным человеком в жизни Никки, теперь он гораздо больше, чем просто друг.

Гораздо больше.

Сегодня для них начинается второй год обучения в Колледже. Что он им несёт? Удастся ли Никки узнать, кто виновен в смерти родителей? Что за враг хочет убить и её?

В Главной башне уже началась Церемония Старой Шляпы.

— Ситти Пак, чемпион Колледжа этого года! — потряхивая пышной седой шевелюрой, провозгласил профессор Милич, директор Колледжа Эйнштейна.

Церемония распределения новичков по Орденам началась. Испуганный круглолицый мальчик, надевая кожаный потёртый колпак на голову, едва не сел мимо табуретки. Гулкий мистический голос откуда-то сверху провозгласил:

— Ситти Пак — Орден Совы!

Аплодисменты, свист и крики потрясли Главный холл. Чемпион положил шляпу на табуретку — и забыл, что делать дальше. Вдобавок его смутили видеокамеры, стайкой шмыгающие возле лица. Развитый интеллект чувствителен к мелочам — они легко выбивают его из колеи. Ситти, обозлившись, даже прихлопнул пару самых надоедливых электромух.

Чарли Тапурам, староста Сов, подошёл к первокурснику и отвёл его в нестройные ряды совиного Ордена, стоящего у южной стены Холла. С точки зрения Старой Шляпы, Совы отличались логическим складом мышления, но это не мешало им эмоционально приветствовать нового умника в своих рядах.

Чемпионы экзамена обычно становились Совами, хотя в прошлом году решением Шляпы — а, вернее, Вольдемара, главного компьютера школы, чьё мнение традиционно озвучивал старый кожаный колпак, — Никки была распределена в Леопарды — Орден, собранный из наиболее боевых и азартных мальчишек и девчонок.

Дальнейшее распределение сотни новичков, поступивших в Колледж Эйнштейна, шло без малейших задержек, и вскоре Ордена смешались в вавилонском столпотворении: Совы хлопали дружественных мирных Оленей по спинам, а Леопарды пикировались с надменными аристократами-Драконами. Пять сотен молодых людей в одном помещении производят удивительный шум и гвалт.

Наконец студенты выбрались из Холла на залитую солнцем площадь и, не переставая болтать, хвастаться и подкалывать друг друга, двинулись на традиционный праздничный обед. Кому не хватило места на светлой бетонной дорожке, шли по аккуратной зелёной лужайке, а газонные роботы-стригуны улепётывали из-под человеческих ног в кусты.

Джерри, шагающий рядом с Никки, тихо спросил:

— Помнишь — год назад? Перед торжественным ужином ты сделала себе причёску — в первый раз без рыжей краски. А я как увидел тебя с хрустальными волосами, так сразу и пропал!

Никки засмеялась, приобняла Джерри за шею и взъерошила его длинные каштановые пряди. Так ласков был её жест, и так засветился в ответ юноша, что окружающие понимающе переглянулись: эти двое живут в своей Вселенной. Красивая Марина Блэкуолл с пышной тёмно-русой причёской тоже заметила происходящее — и нахмурилась.

И не только она.

Студенты уселись за длинные столы своих Орден в зале приёмов Колледжа. Перед началом обеда директор представил студентам новых преподавателей гуманитарного факультета: социолога, профессора Тхимсота, а также профессора Эксмину, специальность которого директор почему-то не назвал.

Ребята набирали себе тарелки вкусных маленьких бутербродов, тянулись к бутылочкам с напитками. Первокурсники чувствовали себя стеснённо, но постепенно осваивались, прислушиваясь к разговорам соседей.

От стола преподавателей донёсся уверенный голос нового профессора-неизвестно-чего, беседующего с соседями:

— В Японии сакэ пьют из деревянных ящичков. Их удобно составлять в пирамиды. Культура еды на Востоке удивительна. Сидишь на циновке в традиционном ресторане старого Киото, отъезжает дверь — за ней девушка с подносом, тоже на коленках — и улыбается. Она перебирается в гостиную и подаёт блюда — и всё это — не вставая на ноги! Когда вокруг вас ползает на коленях симпатичная девушка, да ещё и кормит — это создаёт непередаваемые вкусовые ощущения! Хотел привить в семьях друзей — нет, не прижилось...

Последняя фраза не только ясно показала, что профессор холост, но и объяснила, почему.

За столом вокруг нового преподавателя по какой-то случайности сидели одни женщины: профессора Франклин, Майсофт, Гуслик и тренер Бенто Нджава. Литературовед Джоан Гуслик улыбалась рассеянее обычного, а поблёскивающие глаза профессора кибернетики Майсофт пристально следили за рассказчиком. Джоан Гуслик была одета в свою повседневную широкую хламиду, зато Элен Майсофт в чёрно-белом платье выглядела очень элегантно.

— Кто этот новый профессор Экмин? — спросил Джерри у соседей-Сов.

Сразу нашёлся знающий:

— Экмин — писатель-интеллектуалист, автор бестселлеров «Мускулы разума» и «Искусство полемики». Он всемирно известен.

— Не люблю тех, кого заставляют любить, — косясь на профессоров, независимым тоном пробурчал Жюльен-Сова, круглолицый паренёк с умными глазами, и простёр благословляющий жест над изобильным столом:

— Друзья мои, душа человека всё-таки находится в желудке!

И стал собирать на тарелку приглянувшиеся бутерброды.

— Нельзя сказать точно, есть ли у человека душа, — вдруг возразил новичок-первокурсник, сидящий напротив. — Но, в любом случае, в желудке ей не место.

— Ты говоришь важные вещи, — приветливо улыбнулся Жюльен. — Жаль, что ты их не понимаешь!

Все захихикали.

Новичок упрямо наклонил коротко стриженную, шишковатую голову.

— Душа — это простонародный термин для высшей нервной деятельности человека. Она сосредоточена в мозгу, и её исследуют психиатрия и психология.

— Да ты не человек, а птица счастья! — удивился Жюльен.

Джерри ещё в прошлом году подружился с этим французом, известным острословом и любимцем девочек всех Орденов; он, улыбаясь, слушал Жюльена и новичка и поглядывал на стол, за которым сидела Никки.

Леопарды веселились шумно.

— После церемонии Старой Шляпы, — хвастается Смит Джигич, — я успел подложить в карман Бофику-Дракону бурчалку!

— Это что?

— Устройство размером с монету, которое периодически испускает громкие звуки бурчания живота!

Леопарды одобрительно хихикают.

Четверокурсник-Леопард живо описывает группе первокурсников самое яркое событие прошлого года:

— Профессор Дермюррей отчитывает Джонни-Сову в коридоре. Кругом — масса студентов, но это его не смущает. Тут раздаётся голос, громкий и тоскливый, как лекция самого Дермюррея: «Милый профессор!» Глядим — у стены стоит дипломница профессора, вся в белом. Складывает молитвенно руки и вещает восхищённым голосом: «Какой вы красивый!» Профессор остолбенел, морда у него стала свирепая, багровая. Девушка продолжает: «Поговорите со мной, а то утоплюсь...» Дермюррей зарычал, подскочил к девушке и разорвал её пополам, как бумагу. Силища невероятная! Это он настенный

голоэкран разодрал, на который кто-то запустил свой ролик. Абсолютно реалистичный! Девушка молвила: «Вы разбили моё сердце, профессор!» — и растаяла. Всем очень понравилось — за исключением Билли-Дракона. Он от смеха растянул себе какую-то мышцу в паху...

К хохоту первокурсников присоединился и остальной стол, слышавший эту историю не менее восемнадцати раз.

«Почему люди, отмечая торжественное событие, так любят есть вместе?» — неслышно спросила Никки у кибердруга, беря с тарелки бутерброд с сёмгой и сыром.

Робби ответил, тоже неслышно:

«Первобытная традиция: коллективное поедание мамонта, ассоциированное с праздником. Совместная еда — это торжественный парад победы после удачной охоты».

Загорелая светловолосая Изабелла, заметно подросшая и похорошевшая за лето, сказала сидящей напротив Никки:

— Меня все каникулы донимали расспросами о твоей победе в Лунной Регате.

— Облёт вокруг Луны — это было сделано классно! Молодец! — с энтузиазмом воскликнул Смит Джигич, и остальные поддержали его мнение. Кудрявая черноволосая девочка, в первый раз попавшая за шумный стол Леопардов, смотрела на Никки во все глаза цвета тёмного ореха.

— Пришлось пошевелить мозгами, — пожала плечами Маугли, — ничем другим перед пилотами-профи я козырнуть не могла.

— У тебя здорово получилось! — воскликнула Изабелла. — И это не удивительно, ведь твои мозги...

— ...это самое могучее оружие на свете! — заревели Леопарды, и в зале на них стали оглядываться.

— Да бросьте вы, — засмушалась Никки, — мне просто повезло... какой из меня пилот — я после финиша отрубилась от перегрузки, и Робби сам шлюпку назад вёл. После приземления очнулась, смотрю в зеркало: ужас! глаза с синяками, рожа в крови... — чуть снова в обморок не упала. Я даже про премию ничего не знала. На призовой чек таращилась, как робот на новый шлюз. Просто повезло.

— Я давно замечаю, — задумчиво сказал огромный пятикурсник Влад, — как дьявольски везёт этой маленькой Никки. Да и Багстоун мне об этом всё толковал — повезло ей, просто повезло...

Услышав про Багстоуна, закончившего Колледж Эйнштейна в прошлом году, стол Леопардов снова покотился от смеха: все помнили, как Никки разгромила этого чемпиона школы в поединке на мечах.

— А у принца Дитбита после битвы с «Летающими Леопардами», — серьёзно сказал веснушчатый Бимбо, — появилась новая привычка: почёсывать себе поясницу.

Студенты зашлись в весёлом ржании.

— И он стал здороваться с Мином-Драконом так ласково, так по-дружески! — Бимбо подбавил масла в огонь. Но Никки лишь слегка улыбалась среди общего хохота. Она помнила, как жёстко расправилась с Дитбитом и Мином во время воздушного боя, но это были не очень приятные воспоминания.

— А я видел, как профессор Дермюррей, заметив Никки в коридоре, резко сменил курс! — ухмыльнулся Смит.

— Решил не испытывать на себе её везение, — язвительно отметил кто-то.

— Зато профессор Гутт раскланивается с ней самым почтительным образом! — крикнули с конца стола.

— Ребята, — взмолилась Никки, — вам что — больше не о чем поговорить?

— Ладно, отстаньте от неё, — сказал могучий пятикурсник Влад, — разве не видите — дети джунглей равнодушны к славе.

Никки благодарно посмотрела на него.

— Лучше расскажу вам одну несмешную историю, — продолжал Влад. — Я вылетел

вчера из космопорта Хитроу с опозданием и вляпался в кошмарные пересадки и состыковки. На Европлатформе встречаю Санди-Дракона. В Колледже мы практически не общаемся, а на геостационаре обрадовались друг другу как братья: ещё бы — три часа шаттл в Луна-Сити ждать. Сели кофейку в баре выпить, и тут Санди поцыкал зубом на мои мускулы... — Влад согнул руку и картинно напряг рельефный бицепс, — ...и начал травить о том, что скоро крупные компании на работу будут принимать только после генетического тестирования. Пора, мол, отделять генетически чистых от нечистых, и скоро наш мир будет разделён на рай для существ с ангельской ДНК и на ад для геногрешников.

— Чтоб он подавился молоком Тауруса! — возмутился смуглый третьекурсник Джеймс. — На работу после ДНК-тестирования? А ООНовская Конвенция о генетическом равноправии?

— Санди сам такое не выдумает, он повторяет чужие слова, — размышляюще сказал Смит. — Бизнес его семьи имеет прямое отношение к фармазаводам и генной инженерии.

Второкурсник Билджи, чей отец входил в десятку виднейших ООНовских политиков, заёрзал на месте и не выдержал:

— Ладно, выдам один секрет, недолго ему осталось быть секретом... ООН скоро примет закон, разрешающий свободу генетических модификаций, — выпалил он, зачем-то оглянувшись через плечо.

Стол недоверчиво зашумел.

— Закон о свободе геноулучшения десять лет назад уже пытались принять, — сказал Влад. — Он был провален подавляющим большинством голосов.

Билджи сказал тихо, косясь по сторонам:

— Сейчас не провалится...

— Ты уверен? — встревожился Влад.

Сын ООНовского политика кивнул и сказал ещё тише:

— Кто-то с помощью политических взяток и угроз провёл гигантскую работу по пробиванию закона. Большинство голосов уже куплено, и всё решено ещё до голосования.

Смит присвистнул:

— Копыто Венеры! Геносвобода взорвёт всю земную политику и экономику... Традиционные производства рухнут, и наступят тяжёлые времена!

— Да бросьте, власть над геномом — это здорово, мы будем повелевать человеческой природой как боги... — сказала Олам. — Экономика-то тут при чём?

— Трогательная наивность! — фыркнул Смит, занимающийся макроэкономическим планированием. — Улучшение человеческой породы станет супертоваром экстремального спроса, обрушит рынок модной одежды, дорогих машин и домов — люди предпочтут вкладывать деньги не в роскошь, а в своё долголетие и в будущее детей. Как следствие — кризис в экономике, банкротство обычных производств и сотни миллионов безработных.

— И ещё возникнет генодискриминация, — хмуро сказал Влад. — Компании предпочтут нанимать модифицированных людей — здоровых, с высоким интеллектом и приятной внешностью.

— Но Конвенция о генетическом равноправии уже принята — значит, её поддерживает большинство населения планет, — отметила Никки.

— Правильно, — вздохнул Влад, — но хорошо организованное меньшинство часто побеждает дремлющее большинство.

— Значит, его надо будить! — решительно заявила Никки. — Я не знаю состава своих генов и не хочу, чтобы кто-то решал мою судьбу на основании химанализов!

— С тобой это вряд ли получится в любом случае, — прищурил умные глаза Влад, — тебе... э-э... повезло с характером, но по большинству людей свобода геномодификаций и генная дискриминация ударят очень сильно. И многие возмутятся не на шутку!

— Начались мрачные пророчества! — скривила губы Олам.

Неожиданно в разговор вступил Робби:

— Десять лет назад, во время первого обсуждения в ООН закона о генной свободе, в

крупных городах восьмидесяти двух стран прошли две тысячи демонстраций с общим числом участников в тринадцать миллионов человек. В стычках с полицией было арестовано пятнадцать тысяч человек, ранено — шестьсот, убито — сорок два. Сожжены сотни зданий и множество автомобилей. Волнения прекратились после провала закона.

— Суп из тролля! — выругался Джеймс.

— Кто протестовал против закона? — спросила Никки.

— Левые, зелёные, антирасистские и религиозные организации. Принятие генозакона вызовет социальную напряжённость, не ограниченную во времени.

— Крупные города во время протестов превращаются в кошмар, — несмело сказал первокурсник со старомодной причёской цвета позеленевшей вишни. — Драки, полиция, колоссальные автомобильные пробки. Я живу в Париже — всякого насмотрелся...

— Мочёные уши эльфов... — протянул Влад. — А вы знаете, что последние месяцы собственность в даунтаунах столиц стала падать в цене? Здания в мировых центрах активно распродают, и все аналитики ломают над этим голову...

— Значит, кто-то всерьёз готовится к последствиям принятия закона... — кивнул Смит.

— Бросьте вы каркать! — гнула свою линию Олам. — Всё скоро утрясётся, а нервные люди успокоятся...

— Да? И не мечтай. Я тоже взбунтуюсь и выйду на улицу! — сердито сказала красивая оливковолицая Гита с длинной гривой иссиня-чёрных волос.

— На кой Цельсий тебе это надо? — удивилась Олам. — Ты же студентка суперэлитного Колледжа!

— Из-за меня родители залезли в пожизненную банковскую кабалу. Я выросла в небогатом районе, а на океанском побережье красовались шикарные виллы. Один Шива знает, как мы ненавидели их владельцев. Они отгораживались от неприкасаемых высоким забором. Я с друзьями понимала, что если мы будем умнее детей надменных брахманов, то у нас появится хороший шанс. А теперь? Аристократы дадут детям ум, красоту и долгую жизнь, а наши кварталы навсегда станут гетто для людей третьего сорта!

— Разрушение социальных лифтов... — пробормотал внимательно слушавший Смит.

Гита продолжала бушевать:

— Значит, если я не накоплю денег на дорогую геномодификацию, то мои дети будут обречены на риск рака и слабоумия, на отставание в школе, на несмываемое клеймо «генетически ущербных»? Да я в ключья разнесу всех, кто так унижит меня!

На поверхности стола Леопардов неожиданно загорелись алые слова. Они поползли, огибая чашки и тарелки:

«Если перед богатыми родителями вдруг откроется возможность усилить ум своих детей и их потомков, то мы получим основание не только для моральной дилеммы, но и для полномасштабной классовой войны. Фукуяма».

Смит проворчал:

— Вот, даже Волди понимает, что в мире свободного ДНК-изменения возникнет генетическая элита... вполне возможно, *нечеловеческая* элита, — и тогда в обществе заискрит такая враждебность, что расизм, сексизм или брейнизм покажутся цветочками!

Влад добавил:

— Помните скандал вокруг процента неандертальских генов, после чего приняли закон о генетической тайне? Я согласен со Смитом: старая история человечества заканчивается. Начинается новая, и никто не знает, куда она нас приведёт.

Гита с мрачной физиономией сказала:

— Если мир расколется на суперлюдей и просто людей, то настанет эпоха обид и мести. Она приведёт к социальному коллапсу!

Олам фыркнула, и все обернулись к ней. Она смутилась под взглядами Леопардов, но не сдалась:

— Какого Фаренгейта вы на меня таращитесь? Если модифицированные люди станут здоровее и умнее — не будут же они из-за этого отдельной кастой жить! Даже смешно...

— Что ты понимаешь в кастах, Вульпекула бритая... — свирепо прошипела смуглая индийка Гита, метнув огненный взгляд на белёсую Олам шведских кровей.

Бимбо сказал с мечтательной улыбкой на веснушчатой физиономии:

— Всё-таки представьте, какими умными и сильными станут люди, если мы сможем легко менять геном.

Никки вспомнила мутантов Запретных пещер. Управляемая эволюция может привести как к великолепным, так и к ужасающим результатам.

Часть Леопардов, занятая обменом впечатлениями о летнем отдыхе, не обратила на эту дискуссию внимания, но на лицах многих студентов проглянула серьёзная озабоченность.

В Колледже Эйнштейна собралась умная и честлюбивая молодёжь, которая не привыкла думать, что человечеством управляют небожители, знающие всё лучше всех. Среди политиков немало дураков, а мерзавцев ещё больше, и за ними нужен глаз да глаз. Выходцы из влиятельных кланов и семей образованной элиты, эйнштейнианцы сами собирались встать вскоре у руля цивилизации и уже сейчас внимательно следили за мировыми процессами.

Будущее скачет на Настоящем, безжалостно пришпоривая его. Кто не поймёт этого в молодости, тот не успеет понять вообще.

Быстрее беги, лошадка, не отставай! Ты устала, твои бока в кровавом мыле? Всадник терзает тебя шпорами лживой надежды?

Скачи изо всех силёнок, лошадка, иначе тебя обгонят другие!

Хочешь сбросить жестокого наездника, свернуть с дороги и отдохнуть?

Даже не надейся. Куда ты денешься от будущего?

Глава 2

Будущее как оружие

На следующий день, за завтраком, Никки и Джерри наконец смогли спокойно поговорить с друзьями-сотрапезниками, с которыми они лишь бегло поздоровались после Церемонии Старой Шляпы.

По традиции за каждым столом в кафе сидели четверо — по одному представителю каждого Ордена Колледжа. Невозмутимый китайский математик Хао Шон из Ордена Оленей за время каникул на Земле заметно подрос и отпустил длинные волосы, собрав их сзади в пучок-косичку. Представитель Драконов, русская принцесса и поэтесса Дзинтара Шихина провела каникулы в лунном замке своей династии и не выросла — она и так была высокой девушкой, — зато неожиданно сменила стиль.

Пышные чёрные волосы превратились в короткую стрижку «под мальчика», сногсшибательно дорогие и модные платья сменились на потёртые джинсы в обтяжку и расчётливо драную футболку — впрочем, тоже совсем не дешёвую. От этого принцесса потеряла часть своей величественности, зато... как бы это точнее сказать... очаровательно приблизилась к собеседнику или к любому восхищённо глазеющему субъекту.

— Как вам мой новый стиль «гаврош»? — спросила Дзинтара.

— Шикарно! — одобрил Джерри, а немногословный Хао лишь с энтузиазмом кивнул.

Никки пожала плечами:

— Раньше мне больше нравилось. Платья были такие красивые.

— Дикий робинзон! — отмахнулась Дзинтара. — Твоим мнением пренебрежём. Ты не понимаешь роли демократичного стиля в... э-э...

— ...в личной жизни, — догадался Джерри.

— Правильно. — Голос принцессы остался спокойным, но её загорелые щёки стали капельку румянее. — Мне тоже хочется положить руку на чью-нибудь шею, и чтобы она при этом не отвешивала почтительный поклон.

Тут уже Джерри покраснел, а Никки озадаченно подняла брови.

— Неужели всё так плохо? — старательно небрежно спросил Джерри.

— Эх, Джерри, — вздохнула Дзинтара, — жаль, что у тебя нет второй головы и шеи...

Первая откровенность такого рода со стороны Дзинтары показала, что благородная принцесса окончательно перевела Джерри в разряд друзей и не собирается смотреть на него другими глазами. Утренняя мимолётная сцена между Никки и Джерри вызвала неожиданный резонанс.

Юноша покраснел ещё больше, а Никки расхохоталась:

— Представляю себе: Джерри с двумя шеями, и на каждой висит по девице!

— После того огненного танго на Балу Выпускников лучше превратить Джерри в двенадцатиголового дракона, чтобы успеть пристроиться хотя бы к одной шее! — усмехнулась Дзинтара.

Джерри совсем смутился и заёрзал на стуле. А Никки вдруг прекратила смеяться.

— Кажется, у меня проблемы... — сказала она. — А я, как назло, чертовски вспыльчива...

Из ожерелья Никки, где обитало много хитрых штучек, вырвался красный лазерный луч и погас в чашке чая, стоящей перед девушкой. Чай взбурлил, но быстро успокоился, исходя паром. Никки осторожно отпила из чашки и удовлетворённо кивнула.

— Нет у тебя никаких проблем, — проворчал Джерри. — Не кипятись.

— Вы как-то странно изменились за лето... Что случилось? — не смогла сдержать любопытства Дзинтара.

— Мы с Джерри теперь больше, чем друзья! Гораздо больше! — смело сказала Никки. — Он теперь мой Лев, а я — его Леопард. Я влюблена в него больше, чем в шоколад.

Джерри заалел и сказал смущённо:

— Никки, это не принято — так откровенно хвастаться личными делами.

— Почему? — рассмеялась Никки. — Люди, вы странные! Хвастаться одеждой и машинами — можно, а своим Львом — нет? Ну-ка, немедленно похвастайся мной!

Джерри глубоко вздохнул и смущённо улыбнулся.

— Не могу. *Это* глубоко внутри и не выворачивается наружу.

Никки не была привередлива:

— Молодец! Всё равно хорошо сказал... — И она, улыбаясь, снова поерошила длинные каштановые волосы Джерри.

— Сил нет смотреть на вас, влюблённых идиотов... — проворчала размягчённо Дзинтара.

А Хао действительно опустил глаза и стал похож на задумчивого Будду.

Джерри с Никки не были бы так безмятежно поглощены друг другом, если бы знали, что в это же самое утреннее время проходили два совещания — на соседней планете и в ближайшем городе.

Одна встреча посвящалась Джерри, на другой обсуждалась судьба Никки.

В четырёхстах тысячах километрах от Колледжа, в просторной комнате с низким потолком и без окон, вокруг круглого стола сидели трое мужчин. Внешне все они были как на подбор: среднего возраста, с невыразительными лицами, в неброских костюмах. Лишь голоса обладали индивидуальностью: один человек был пискляв, второй говорил баритоном, а третий хрипел и покашливал.

Хриплый сказал:

— С сегодняшнего дня я возглавляю операцию «Наследник» и хочу, чтобы до «Беседы» мы задействовали «Сирену».

— Чёрт побери, ты уже третий раз это говоришь, — пробурчал баритон.

— Мы знаем, чего ты хочешь, — перебил писклявый. — Но пока «Профессор» не войдёт в активную фазу, мы не сможем спланировать следующие шаги.

— Ждать недолго, — сказал кашляющий. — «Профессор» активизируется уже сегодня.

— Не верю я в этого профессора, — пробормотал баритон, — в нём обаяния ни на грош. От него воняет...

Другая встреча проходила в светлой роскошной комнате всего в пятистах километрах от кафе, где сидели четверо наших друзей. В огромное окно заглядывали солнце и вершины городских небоскрёбов.

Делового стола в комнате не было. Просто стеклянная сверкающая пластина с парой бокалов на ней непонятным образом висела между мягкими креслами.

В одном из этих кресел сидел красивый высокий человек и повелительным тоном говорил собеседнику:

— Сейчас она практически безопасна. Прикормите её немного, приучите — и достаточно. И так слишком много шума вокруг этой Маугли.

Второй человек слушал молча. Откуда-то сквозило ледяной очевидностью, что он безоговорочно предан говорящему. Ему было всё равно, что делать — приучить указанную зверюшку или оторвать ей голову. Он выполнит всё, что прикажет прикормивший его всемогущий хозяин.

— Будет сделано, ваше величество, — почтительно сказал он в конце встречи, вставая с кресла и привычно поклонившись.

При этом его правая щека сильно дёрнулась, обнажив белый верхний клык.

Ничего страшного, просто нервный тик.

У второкурсников лекции проходили по разным факультетам, и Никки с Джерри впервые оказались порознь. Это внесло грустную ноту в сентябрьский день. Зато последняя лекция по социологии была общая — Никки и Джерри обрадовались встрече и сели, конечно, вместе. Лекцию читал новый преподаватель — профессор Тхимсот. Ещё до начала занятия Линней-Сова успел всем рассказать, что Тхимсот — известнейший социолог и мировой авторитет.

Это был пожилой приземистый человек. Обильная сероватая шевелюра кудрявилась вокруг бледного лица с веснушками и маленьким носиком. Тхимсот носил старомодные оптические очки — такие толстые, что они скрывали цвет его глаз.

Никки первый раз увидела очки, так сильно искривляющие свет.

«Зачем он носит искажающие очки?» — неслышно удивилась она.

«Кривое для одного — прямое для другого, — философски ответил Робби. — Профессор корректирует неправильное фокусное расстояние своей глазной системы».

«Почему же он не пройдёт обычную процедуру исправления зрения?» — недоумевала девушка.

«Кажется, ты навсегда останешься Маугли, не понимающей азов человеческой психологии, — язвительно отметил друг. — А я, вернувшись из космоса, уже прочитал пару сотен книжек по психологии. И всё теперь знаю про вас, обезьян-переростков. Очки для вас — это не только оптическое устройство, но и эффективный корректор лица, конструктор нужного имиджа и декларатор консервативных ценностей. А испуганным людям очки заменяют маскировочную сетку».

«Очки как декларатор ценностей?» — Никки потрясённо замолчала, подавленная непостижимостью человеческого общества.

Первый вопрос лектора к аудитории был неожиданным:

— Кто любит истории о путешественниках во времени?

Поднялось несколько рук. Лектор удовлетворённо сделал вывод:

— Полагаю, вы знакомы и с концепцией «машины времени». Данное устройство упоминается в тысячах книг, где хрононавты меняют настоящее и будущее, производя небольшие изменения в прошлом. Как привлекательна возможность исправления совершённых ошибок! Отправиться назад во времени и остроумно ответить какому-нибудь нахалу, или не опоздать на свидание с любимой девушкой...

Некоторые студенты в аудитории заулыбались.

— Кроме машины времени, для изменения истории нужен ещё способ расчёта её альтернативных вариантов. Увы, машина времени — вещь фантастическая, хотя математики

упорно пытаются скрестить квантовые червоточины с замкнутыми времениподобными кривыми в четырёхмерном пространстве. Зато предсказание истории теоретически реально. О, если бы мы имели чудесный способ математического расчёта будущего!

Глаза лектора мечтательно закрылись, и он сделал паузу.

— Ведь для изменения истории машина времени совсем не нужна! Повернуть историю просто: достаточно понять — какое изменение в *настоящем* мы должны сделать, чтобы получить нужное нам *будущее*.

Аудитория зашумела. Лектор мягко улыбнулся.

— Это может показаться невероятным: управлять своим будущим, решать его как математическое уравнение?! Но концепция математического предсказания будущего появилась ещё в двадцатом веке. Тогдашние модели мировой экономики и демографии были до смешного примитивны и рассчитывались на древних компьютерах, похожих на ящики с гирляндами новогодних лампочек. Но общая идея первых футурологических моделей была совершенно правильна: нужно взять основные компоненты настоящего, задать взаимосвязи между ними — и спрогнозировать их развитие.

— Как мы узнаем, что наша модель будущего правильна, если до будущего ещё далеко? — спросил Линней.

Лектор так одобрительно кивнул на вопрос любопытного студента, что очки чуть не соскользнули с его короткого носика.

— Проверкой моделей будущего служит их способность описывать прошлую историю — вплоть до настоящего момента.

— И что же самое сложное в таких прогнозах? — снова не утерпел Линней, ероша рыжие волосы.

Профессор Тхимсот ответил, придерживая очки:

— Главная трудность фьючермоделирования — проблема хаотичности, нестабильности социологических процессов. Аналогичная сложность существует в атмосферных течениях — их плохая предсказуемость хорошо известна метеорологам.

— Вы хотите сказать, что будущее, как погоду, можно предсказать лишь на несколько дней? — насмешливо спросил принц Дитбит.

Тхимсот осторожно улыбнулся.

— Трудно ругать метеоспециалистов за неверный прогноз — ведь *непреодолимым* препятствием для точного расчёта погоды является принципиальная случайность динамики воздушных масс. Эта стохастичность выражается в неизбежном расщеплении пучка эволюционных траекторий, разбегание которых характеризуется показателем Ляпунова.

Лектор обратился к аудитории.

— Все знают знаменитого русского математика, создавшего основы науки об устойчивости?

Профессор получил ответный кивок лишь от Хао, но продолжил:

— Чем быстрее расходятся пути грядущего, тем короче срок возможных предсказаний. Но даже в турбулентной атмосфере есть свои инварианты и законы. Поэтому социологи ищут стабильные математические характеристики человеческой цивилизации, которые сделают футурологию точной наукой. Будущее должно предсказываться на срок, в два-три раза превышающий типичные времена исторических изменений.

Социолог посмотрел на принца:

— Это может составлять столетия, ваше высочество...

В ответ принц величественно качнул головой.

Сердж-Леопард крикнул из зала:

— А можно предсказать, какой билет мне выпадет на экзамене? И — согласится ли Элиза потанцевать со мной на Рождественском Балу?

В качестве предсказания сердитая Элиза показала Серджу кулак.

Все засмеялись, лектор тоже улыбнулся.

— Для предсказания поведения отдельного человека обычно не хватает нужного

количества инвариантов. Социологическое моделирование прогнозирует лишь базисные культурно-экономические тенденции, и даже там оно вероятно, а надёжность его падает со временем. Известен «тройственный закон футурологии», принадлежащий перу древнего мыслителя, доказывавшего предсказуемость будущего.

Лектор махнул рукой, и на настенном экране появилась цитата:

«Чем масштабнее исторический перелом, тем медленнее он наступает, надёжнее предсказывается и сложнее избегается. Добин-Го».

— Добин-Го известен тем, что осмысливал научные проблемы эмоционально-литературными способами...

По знаку лектора на экране возник текст:

История

— История — медленная толстая Гусеница, мохнатая миллионами ног... — изрёк почтенный Рукимошвари и шагнул белой пешкой Иту-Ифор.

— История — норовистый Скакун, ждущий верной руки! — возразил дерзкий Ал-Бу и прыгнул горячим конём над пригнувшимся чёрным строем.

— Одинокие голоса тонут в гуле марширующих миллиардов! — невозмутимо настоял Рукимошвари и безукоризненно вежливо, но сухо, не вставая с ковра, поцеловал правое колено Сонь-И Эйтак, почти случайно залетевшей на осеннюю свечу беседы Идущих Вглубь.

— Только мечтая о короне Ферзя, получаешь шанс стать Пешкой. — Голос Сонь-И Эйтак прозвенел для Ал-Бу оазисным ручьём. — Если метить на место Пешки, то на Шахматную Доску вообще не забраться!

— Будешь стомиллиардным Стоптаным Башмаком Гусеницы-Истории! — обрадованно согласился Ал-Бу и зачем-то взволновался.

— Скакун на развилке дорог и Гусеница на разветке дерева застывают в Пароксизме Выбора, и наступает Миг Нестабильности. Это Время Проходной Пешки! — молвила пылкую речь Сонь-Я Эйтак. — Редкий Бифуркационный Шанс для нежданно-негаданного Героя-Одиночки повернуть и пришпорить старушку Историю...

Вспыхнуло фейерверком молодое Сердце Ал-Бу, и стал он никакой собеседник за Столом Мудрых. Крякнул с досадой прозорливый Рукимошвари и закрыл Шахматную Доску Размышлений.

А прохладное колено Сонь-И было как слоновая кость.

Добин-Го, «Социумные сказки», цикл «Каменные снежинки». III тысячелетие Новой Эры (прибл.)

Пояснения историка-переводчика Ортоскауса-Пятого:

1. Шахматы — древняя стратегическая игра по поиску оптимальных графов на двумерной матрице восьмого порядка.

2. Пришпоривать — варварский обычай втыкать острый металлический предмет в бок животному. При этом животное жалобно кричит и бежит быстрее.

Аудитория оживилась. Социолог снова поправил очки с прячущимися за ними неуловимыми глазами и продолжил:

— Расчётам будущего посвящена книга Уолкера «Битва за историю». Эта знаменитая монография математически описывает историю человечества как результат борьбы множества политических сил и показывает, что в таком мире предсказать будущее очень сложно. Но автор сделал важный вывод...

Тхимсот снова указал на экран, где вспыхнуло:

«Только в неразвитом обществе история дика и своевольна. На определённой стадии цивилизации она может быть эффективно управляемой. Михаэль Уолкер».

Никки посмотрела на Джерри. Он сидел, замерев и неотрывно глядя на экран.

— Доктор Уолкер разработал теорию математических социологических инвариантов — основу прогнозирования переменчивого будущего. Человеческая цивилизация превратилась из технологической в информационную, и специалисты считают футурологию принципиально важной компонентой инфоэкономики.

— Зачем знать будущее? — поёжилась Нинон-Олень. — Не лучше бы не заглядывать туда ?

Лектор развёл руками:

— Будущее — это и цель, и оружие. Знание вариантов грядущих событий может принести огромную пользу для игроков на мировой арене. Как практически управлять историей? Кто получит эту власть над будущим? К сожалению, мы ещё не открыли социологические уравнения, способные описать эволюцию человечества, хотя множество исследователей и научных групп работают над этой важнейшей проблемой. Кто сможет целенаправленно воздействовать на будущее, тот будет править миром. История сменяет генетику на посту важнейшей из наук.

Линней-Сова потряс поднятой рукой:

— Расскажите, пожалуйста, о списке ключевых технологий. Я читал об этом, но самого списка не нашёл.

— О, вы очень информированы! — удивился Тхимсот. — Да, в прессе появлялись гипотезы о существовании списка бифуркационных технологий. Но самого списка вы и не могли найти — он, если и существует, является одним из самых ценных научных секретов.

Аудитория загудела.

— Я не удивлюсь, если он окажется *самым* ценным секретом в мире, — кивнул профессор. — Это вам не секрет кока-колы. В тайне держится даже имя организации, составившей список.

— Расскажите хоть, почему он так ценен! — не утерпел Сердж-Леопард.

— Список якобы содержит описание нескольких десятков самых важных технологий, которые будут определять лицо современной цивилизации в ближайшем будущем. Список составлен не по субъективному мнению группы экспертов, а по математически корректной модели будущего. Легко представить, насколько важен этот список — ведь речь идёт не только об определении важнейших технологий среди миллионов опубликованных изобретений и открытий, но и об идеях, высказанных мельком в статьях, и даже о потенциальных, ещё совсем не затронутых технологиях. Для инвесторов и политиков такой список просто бесценен.

— А почему его сумели составить только в одном центре?

— Потому что в науке всегда кто-то один опережает всех, — улыбнулся Тхимсот. — Очевидно, что метод составления списка сложен и требует долгих расчётов на мощных компьютерах... Повторить такой результат очень трудно.

В конце лекции рыжий Линней-Сова снова поднял руку и спросил профессора Тхимсота:

— У меня есть «Битва за историю» Уолкера. Я прочитал в послесловии, что автор работает над следующей книгой — «Будущее как оружие». Но я не нашёл её в библиотеке!

На дне толстых стёкол профессорских очков мелькнул странный отблеск, словно красная лампочка включилась на пульте.

— Совершенно верно, — подтвердил Тхимсот после задумчивой паузы. — В современном мире сложилась двухполюсная система, и борьба идёт между группировками Северных и Южных династий и поддерживающих их государств. Профессор Уолкер работал над книгой «Будущее как оружие», посвящённой математической футурологии в современных условиях немногочисленности политических сил. К сожалению, книга Уолкера не была опубликована, и даже материалов к ней не сохранилось — автор и его труд трагически погибли. Я хорошо знал доктора Уолкера — мы были друзьями и соавторами...

Лекция закончилась, и студенты разошлись, предвкушая близкий ужин.

Джерри сидел неподвижно, смотря в какую-то бесконечно далёкую точку.

— Джерри, — спросила негромко Никки, — Михаэль Уолкер — это твой отец?
Медленный кивок головой.

— А ты не думал, — осторожно сказала девушка, — что смерть твоего отца не была случайной? Слишком острой темой он занимался — социоматематика находится сейчас в центре внимания многих сил... Подумай сам: после гибели твоей мамы отец увёз тебя на Луну и три года никуда не отпускал, а потом — перед самым разрушением обсерватории — отправил к друзьям. Вдруг он почувствовал опасность? Ведь падение метеорита на обсерваторию — очень маловероятное событие. Это могло быть подстроено...

— Неужели можно целенаправленно сбросить крупный метеорит? — выйдя из оцепенения, взволнованно спросил Джерри. Его глаза широко раскрылись, и он перевёл взгляд из пространства на Никки.

— Робби? — спросила девушка.

— Это возможно, — кратко ответил Робби.

Джерри побледнел.

— У нас нет доказательств! — хрипло сказал он после паузы, справившись с бешеным сердцебиением.

— Если отец предчувствовал неладное, то, отправляя тебя к другу, он мог дать тебе что-нибудь важное, для сохранности... — сказала Никки.

Юноша внезапно вскочил из-за стола:

— Он дал мне медальон с фотографией мамы...

В Совиную башню Джерри ворвался вихрем. Никки бежала следом. Комната юноши была плотно зашторена и погружена в темноту, лишь настольная лампа горела у рабочего экрана.

Джерри бросился к столу и выхватил из ящика золотой овал на искрящейся зелёной цепочке. Руки у юноши так дрожали, что он чуть не уронил маленькую изящную вещицу. Никки попросила:

— Дай мне...

Он нехотя отдал.

Никки всмотрелась в медальон, поднесла к шейному ожерелью, поводила возле его многочисленных сенсоров. Потом открыла овальную крышку.

Очень красивая женщина с пышными каштановыми волосами улыбалась и махала рукой:

— Майк, ты меня слышишь?

Джерри вздрогнул от этого весёлого голоса, как от удара. Никки поспешно закрыла переднюю часть медальона, затем аккуратно отделила его потайную заднюю крышку. К внутренней стороне золотого овала был приклеен прозрачный пакетик с маленьким чипом. Джерри, увидев его, шумно выдохнул и прошептал сдавленным голосом:

— Сюда... — и указал на вводный порт компьютера.

На экране появился очень худой человек с костлявым лицом и коротким седоватым ёжиком волос. Никки сразу догадалась, что это отец Джерри.

— Джерри, сынок... — начал он и запнулся. — Сейчас глубокая ночь, и ты уже давно спишь, а я сижу, разбираю свои дела, и что-то мне... тяжело на душе. Завтра ты улетаешь, и... у меня есть плохое предчувствие, что мы больше не увидимся. Смешно — учёный, а верю в предчувствия. Возможно, это интуиция...

Человек помолчал.

— На всякий случай я записываю в кристалл мои последние работы и оставляю эту короткую запись... Я должен, наконец, сказать тебе, что мама погибла не случайно... Корпорация «Зороастр» предложила мне контракт — выгодный, но очень неприятный...

Отец Джерри глубоко вздохнул.

— Речь шла о разработке фактически социологического оружия, и я не захотел участвовать в их программе. Увы — я слишком поздно понял, что корпорация «Зороастр» тесно связана с какой-то преступной группой...

Человек на экране говорил медленно, с тяжёлыми паузами.

— После неудачных переговоров ОНИ решили убить меня, чтобы я не отдал свою теорию их противникам. Я уверен — это ОНИ устроили аварию с грузовиком... Но полиция не смогла доказать злой умысел.

Человек с измученным лицом помолчал, собираясь с силами. Никки посмотрела на Джерри и испугалась.

— Я уехал с тобой на Луну... для твоей безопасности и чтобы показать ИМ: я отошёл от дел... Это сработало — на три года, но вот ОНИ снова зашевелились. Поэтому я отправляю тебя к Тиберию и даю мамин медальон со всеми материалами. Наверное, это тебя как-то вовлекает, но я не способен выбросить свою книгу в мусорное ведро. Из-за неё погибла Натали. Я не могу допустить, чтобы убийцы остались торжествующими и безнаказанными... и собираюсь опубликовать книгу... или использовать её как-то по-другому... через несколько лет — как только ты станешь взрослым и самостоятельным.

Человек вздохнул.

— Почему ОНИ снова всполошились? Я этого не понимаю и не знаю — что ОНИ ещё предпримут. Я постараюсь подготовиться, как смогу... Главное — подстраховать тебя и найти безопасное место. Но это так трудно — безопасное место... Я объясню всё детальнее в письме, которое ты найдёшь в спине своего робота, если со мной что-нибудь случится. Чип медальона — дубль на крайний случай. Если ты слушаешь эту запись, значит, меня... уже нет. Тогда — извини, сынок, я оказался плохим отцом для тебя и погубил маму и себя. Значит, ты остался один, и тебе сейчас очень трудно...

Джеррин отец сделал паузу и всмотрелся в экран усталыми голубыми глазами:

— Будь счастлив, пожалуйста.

На этом запись кончилась, а на экране высветились информационные блоки с общим названием «Будущее как оружие».

Никки перевела взгляд на друга и закричала:

— Джерри, Джерри! — и прикусила губу.

Ответа она не дождалась.

— Я сейчас приду, держись! — и Никки выбежала из комнаты. Она спешила в аптеку под биологическим корпусом.

Когда запыхавшаяся Никки вернулась, то ужаснулась, увидев, что произошло за несколько минут её отсутствия.

Вместо улыбчивого высокого Джерри в полумраке сидел снова тот госпитальный сутулый мальчишка — с потухшими тоскливыми глазами, с тенями на впалых щеках. Он мерно покачивался на краешке кровати и тихим монотонным голосом бормотал какие-то страшные цитаты из истории болезни:

— ...вдавленные переломы черепного свода... разрыв диафрагмы и буллезная эмфизема... оскольчатые переломы лопаток...

Никки потрясла его за плечи:

— Джерри, пожалуйста, очнись!

Прошло немало времени, прежде чем Джерри перевёл на неё невидящий взгляд, пропитанный болью, и тихо сказал:

— Она жила ещё два часа, измученная и разбитая... а отец выкарабкался, но стал хромым и всё время болел... Его душа осталась навсегда искалеченной... Он держался только из-за меня... Оказывается, это была не авария... Кто-то так решил... взял и вычеркнул моих родителей... Мы ИХ найдём, и ОНИ будут прокляты...

— Пожалуйста, выпей это. — Никки поднесла ему стаканчик с лекарством, за которым она бегала в медотсек. Джерри послушно проглотил. Через несколько секунд его глаза погасли и медленно закрылись.

Никки долго сидела в темноте и пыталась понять — почему существуют в мире люди, способные считать убийство частью бизнеса? Случайно ли они встретились с Джерри — два одиноких обломка когда-то весёлых и счастливых семей? Может, у них обоих один и тот же

враг? Слишком уж похож в обоих случаях почерк и уровень преступников — чтобы сбросить небольшой астероид на лунную обсерваторию в обход автоматических телескопов и лазерных распылителей, нужны немалые усилия. Это даже сложнее, чем сбить одинокий исследовательский корабль, на котором она летела с родителями. А перепрограммирование кибергрузовика очень похоже на перекодировку зрения робота-ремонтника, напавшего на неё в госпитале.

Девушка гладила волосы заснувшего Джерри и шептала бессмысленное, но всегда успокаивающее:

— Всё будет хорошо...

Только вот её собственную шею то и дело охватывало огненным кольцом фантомной боли.

Джерри проснулся внезапно — как от толчка. Он лежал в кровати, и яркий свет лунного дня заливал комнату. Джерри вспомнил медальон, худое лицо отца и его печальный голос... Юноша закрыл глаза и застонал от боли. И неожиданно услышал:

— С добрым утром, Джерри...

Он резко повернул голову, и брови его изумлённо поднялись: Никки была рядом и смотрела на него блестящими глазами.

— Никки! — ошеломлённо воскликнул Джерри. — Ты... здесь?

— Да, как-то так нечаянно получилось, — дрожащим робким голосом сказала Никки. — Извини... без твоего разрешения... я сейчас же уйду...

Хитрый голос Маугли был полон мнимой вины. Джерри невольно улыбнулся зеркальности прошлого и настоящего:

— Я тебе уйду... — и с огромным облегчением зарылся лицом в хрустальные волосы, прячась от вчерашних свинцовых воспоминаний. Никки, обняв его, стала перебирать каштановые пряди Джерри и напевать странную песенку:

Чей нос? — Саввин!

Куда ходил? — славить!

Что выславил? — копеечку!

Что купил? — пряничек!

Тяжёлый мрак, навалившийся на Джерри, отступил и растаял.

Двоих победить в сто раз сложнее.

Поэтому мрак решил подождать своего часа.

— Я бы сейчас от какого-нибудь пряничка не отказался, — отозвался Джерри, вдруг почувствовав сильный голод.

— Сейчас приготовлю завтрак, мой Лев, — весело сказала Никки и показала на стены вокруг: — Впечатляющая галерея!

Джерри смутился и покраснел. Вливаясь в окно с раздёрнутыми шторами, день раскрыл его тайну: стены комнаты Джерри были увешаны Никкиными портретами. Здесь были обе фотографии из знаменитого номера журнала «Юный Астроном» с космологической статьёй Никки и ещё множество других, которых девушка никогда не видела. В том числе: «Задумчивая Никки», «Смеющаяся Никки», «Летящая Никки», «Никки, спящая на пляже», «Никки со сложенными крыльями», «Никки, дремлющая на лекции», «Никки, почёсывающая затылок», «Улыбающаяся Никки», «Усталая Никки», «Никки с мечом», «Сердитая Никки», «Мечтательная Никки».

Фотографии были сделаны и выбраны мастерски. Каждая из них была — как бы это вернее сказать? — СердцеБиение. А может — СердцеЗамирание.

— Вот почему ты ни разу не приглашал меня в свою комнату! — протянула Никки.

— Никки, — хрипло сказал Джерри, — ты можешь подумать, что это... ну там... любовь или как... но на самом деле — это болезнь. Мне Робби объяснил по-дружески. Это

человекозависимость или одержимость. У меня была глубокая депрессия из-за смерти родителей, а ты появилась и спасла меня... заполнила собой пустоту. Теперь ты — краеугольный камень моей жизни и психики. Если ты исчезнешь, то я снова развалюсь на куски, может быть, окончательно... Чем дальше, тем больше зависимость от тебя нарастает. Это ни к чему тебя не обязывает. Просто знай, с кем имеешь дело — с сумасшедшим, который не может жить без тебя.

— Ты был таким сдержанным со мной... я даже решила, что у тебя появилась девушка. Чуть не рехнулась от ревности!

— Одержимость человеком не исключает самопожертвования, даже наоборот.

— Это всё глупости! — решительно мотнула головой Никки. — Не верь Робби, он тот ещё психолог. Мне кажется, ты просто боишься называть вещи своими именами и стеснительно прячешься под этим дурацким диагнозом. Забудь про него!

Никки медленно провела ладонью по щеке Джерри и сказала:

— Я горжусь тем, что вызываю у тебя такое сильное чувство... Это меня окрыляет. Запомни раз и навсегда: ты — мой Лев! Я тебя никогда и никому не отдам. Сейчас я умоюсь и приготовлю завтрак для своего рыцаря.

Девушка-Маугли, совершенно не смущаясь наготы, прыгнула с кровати и направилась в ванную.

И вдруг остановилась.

— Я — что, действительно, такая красивая? — И она провела рукой вокруг, показывая на свои многочисленные фотографии.

— Очень. Ослепительно. Умопомрачительно, — сказал Джерри, с восхищением глядя на обнажённую Никки, смело стоящую посреди ярко освещённой комнаты.

— Ты — страшный человек! — погрозила Никки ему пальцем. — Лгун и льстец!

Юноша только улыбался.

Никки вернулась из ванной в великоватом Джеррином халате с подвёрнутыми рукавами и занялась приготовлением кофе и бутербродов.

Джерри долго смотрел на неё, а потом спросил:

— Что со мной было вчера — после папиного письма? Я ничего не помню...

— Прошное дотянулось до тебя... — негромко сказала Никки. — Поэтому я дала тебе снотворное и решила далеко не уходить. Сейчас всё в порядке. Мы потом обсудим хорошенько — что сказал твой отец... А сейчас — марш в ванную и садись завтракать.

Они сидели за маленьким кофейным столиком — рядышком, соприкасаясь локтями и коленями, заботливо намазывая друг другу бутерброды и пододвигая дымящиеся чашки.

— Ты понимаешь, что это означает? — спросила загадочно Никки, всё ещё одетая в Джеррин халат. — Когда мы спим в одной постели, я писаю в твоём туалете, а потом мы завтракаем вместе?

— Нет! — фыркнул от смеха Джерри.

— Мы — семья! — торжественно сказала Никки.

Джерри улыбнулся.

— Обычные семьи практикуют секс!

— Развратник! — хмыкнула Никки. — На одном сексе семью не построить!

— А тогда — что же такое семья? — спросил Джерри.

Астровитянка задумалась.

— Семья — это близкий человек, который есть спасение и обуза жизни. История показывает, что обычно ты — моё спасение, а я — твоя обуза. Если бы ты только знал, как я чертовски рада, что у меня есть, наконец, настоящая семья! Всю жизнь мечтала быть обузой — и всё никак не получалось...

Никки с аппетитом ела, а Джерри молча смотрел на её беззаботное лицо, на тонкие пальцы, успевающие крепко держать бутерброд и вкусно облизываться об язык.

Сам юноша не мог есть и даже с трудом дышал.

Его поразил жестокий приступ нежности.

Глава 3

Гонки роботов

Понедельник всегда тяжёл и хмур на подъём, и даже вкусный завтрак из апельсинового сока и жареного бекона с яичницей не сразу рассеивает вялую утреннюю атмосферу первого рабочего дня.

Но это утро было особенным.

— Какая наглость! — примерно так высказывались студенты Колледжа, входя в кафе.

Даже преподаватели долго не садились за свой стол, а стояли, уставившись на экранную стену.

Там светилось нахальное:

Второй курс Школы Коперника вызывает второкурсников Колледжа Эйнштейна на состязания по конструированию шагающих роботов и сборке геномов.

Численность команды по каждому предмету — десять человек.

Время и условия — на усмотрение Колледжа.

— Они сошли с ума? — надменно удивились эйнштейнианцы. — Да мы их в бараний рог транспонируем!

Вокруг директора Милича толпились преподаватели.

За столами еще уделялось гораздо меньше внимания, чем обычно.

— Что думаешь про вызов коперниканцев, Джерри? — спросила Дзинтара. — Ты у нас эксперт по роботам и, наверное, войдёшь в сборную Колледжа.

— Трудно сказать, — пожал плечами Джерри. — В Колледже уровень роботологии довольно высок, но на Лунных соревнованиях школьных роботов я видел конструкции, превосходящие местные. Насчёт биологии — лучше у Никки спросить.

— Всегда и обо всём лучше спрашивать Робби, — уверенно сказала Никки.

— Вы проиграете по обеим позициям, — коротко сказал баритон из ожерелья. — С вероятностью две сигмы.

— Почему? — хором удивились четверо друзей.

— Потому что я знаю уровни коперниканцев и эйнштейнианцев, — безапелляционно заявил Робби. — С чего вы взяли, что затраченные миллионы гарантируют высокий уровень образования? Школа Коперника расположена не в замке, а в городе, она не столь комфортабельна и престижна, поэтому в двадцать раз дешевле вашей. Зато в Школу Коперника поступают очень умные подростки, у которых нет денег на Колледж Эйнштейна. И учатся они, не в пример вам, старательнее.

— Мы что — плохо работаем?! — так возмутилась Дзинтара, что даже её кибердог Шарик поднял голову и с укоризной посмотрел на Робби.

— Я говорю не о присутствующих, а о среднем показателе по Колледжу. Студент-коперниканец тратит на самостоятельные занятия более двадцати часов в неделю, а эйнштейнианец — едва пятнадцать. Пройграете как пить дать!

Сидящие за столом озабоченно переглянулись.

Но когда тут готовиться к состязанию? На носу — годовые экзамены, которые в Колледже проводились в сентябре, а не в обычном мае-июне, когда переутомление студентов превосходило все нормы.

У второкурсников осенних экзаменов было целых три: кибернетический, физико-математический и биологический. Не до соревнований.

Но на следующий день профессор Майсофт сообщила потрясающую новость:

— Я договорилась с физиками, и вместо двух экзаменов — по естественным наукам и кибернетике — у вас будет один — по робототехнике. По теории оба факультета выставят

вам оценки по итогам вашей работы за первый курс, а свои практические знания в кибернетике, электронике и механике вы продемонстрируете, собрав многоногого робота и испытав его на полосе препятствий.

— Мне это нравится! — с восторгом сказал Джерри, и его энтузиазм поддержали многие студенты, но по ряду унылых физиономий было понятно, что не всех прельстила перспектива стать киберконструкторами.

Профессор отметила:

— Испытания ваших роботов и станут состязанием, на которое нас вызвала Школа Коперника. Их сборная будет собирать роботов здесь и на тех же условиях, что и вы. Их результаты мы сравним с десятью лучшими результатами наших студентов.

Студенты оживлённо обсуждали предстоящее состязание.

— Не уверен, что сборная коперниканцев поставлена в те же условия! — возразил честный Хао. — Они привезут всего десять человек, а мы будем выбирать десять лучших из ста прямо на состязаниях.

— Ты — за нас или за них? — возмутился Борм-Сова.

— Я — за нас и за справедливость, — сказал Хао.

Состязание по шагающим роботам началось в девять утра в гулком высоком зале кибернетического корпуса, где стояли монтажные столы, стеллажи с киберблоками и станки для изготовления деталей. Вдоль стены шла испытательная трасса для роботов.

Официальных экзаменаторов было трое — профессор Майсофт от факультета кибернетики, профессор Дермюррей от физико-математического факультета и молчаливый профессор Цортимд из Школы Коперника.

Десять приезжих студентов, одетых в сиреневые футболки с окольцованным Сатурном — фирменным знаком Школы Коперника, — стояли в стороне и с любопытством озирались по сторонам.

Дермюррей всегда был строг и хмур со школьниками. И сегодня, как председатель экзаменационной комиссии, он одарил всех кислой миной:

— Высказывались мнения не вводить определённых правил для оценок ваших шагающих... гм... ковыляющих уродов, но я на такие... э-э... безответственные идеи не согласился. Я разработал строгие критерии оценки ваших творений... кхм... тварей. Очевидно: чем больше ног у робота, тем сложнее ими управлять... гм... Ноги имеют тенденцию заплетаться друг за друга. Поэтому за каждую конечность, которую ваш робот будет успешно использовать для движения, вы получите по пять очков. Просто и гениально, как и всё, что я... кхм... Комиссия согласилась с моим мнением, всё равно никто лучше не... гм... Правила начисления баллов за проход трассы объяснит Майсофт... кхе... профессор.

Полоса препятствий для киберов была широко известна в Колледже Эйнштейна как «Дорога плача». Простая и гладкая как стол первая часть трассы переходила во вторую, имитирующую холмистую пустыню из рыхлого песка. Твёрдая третья зона была усеяна гравием — от горошины до грецкого ореха. В четвёртой зоне размер камней быстро рос, пока перед испуганными органами зрения бедного робота с вконец расстроенным чувством равновесия не возникал каменный хаос из угловатых камней арбузного калибра.

О, сколько киберголов было сложено на этих коварных скалах!

Каменный хаос заканчивался полуметровым обрывом в мелкий бассейн.

До водной пятой зоны ещё ни один школьный робот не добирался, поэтому в ней спокойно обитали цветные рыбки и голосистые серые лягушки, веселящие студентов переливчатыми трелями. Другой берег бассейна переходил в зону шесть: чавкающую мягкую грязь вперемежку с засасывающей болотистой тиной. Из этого жабьего пляжа вырастали каменные ступеньки последней урбанизированной зоны — номер семь. Они вышагивали на ровную площадку из бетона с округлым цветным гравием, которая заканчивалась кирпичной стенкой двухфутовой высоты.

— Первый этап полигона оценивается в сто баллов, — обратилась профессор Майсофт

к экзаменуемым. — Любой из последующих этапов принесёт на сотню очков больше, чем предыдущий, если на каждый участок трассы затрачивается не более двух минут. Вы получаете удовлетворительную оценку, если наберёте сто баллов, хорошую — если двести. Триста очков — отличная оценка.

Профессор успокаивающе улыбнулась озабоченным студентам:

— Никаких требований к интеллекту вашего робота мы не предъявляем, вы можете сделать и многоногую платформу с дистанционным контролем, но предупреждаю — запутаться в ручном управлении робосуставами очень легко. Когда закончите сборку, накройте свою конструкцию чехлом. Испытания начнутся на следующий день. Всё ясно?

Кудрявый юноша-Дракон спросил:

— А одноногого робота можно сделать?

Комиссия посовещалась, и Дермюррей презрительно сказал:

— Можно!

— Что понимается под термином «нога»? — задала вопрос Никки.

— Нога — это часть робота, которая двигает его тело, квази-периодически отталкиваясь от земли! — отчеканил профессор Дермюррей, хотя робототехника не являлась его специальностью. Впрочем, универсальность его гения была общеизвестна.

— То есть — суставы в ноге не обязательны? — уточнила девушка.

— Ну, если вы сделаете ноги, не гнущиеся в суставах, то мы все с удовольствием посмотрим — как далеко ваш робот-инвалид на них уйдёт! — саркастически засмеялся Дермюррей — и распустил нетерпеливо мнущихся учеников.

Те ринулись к стеллажам — в надежде побыстрее найти нужные части для будущих кибероходов... гм... шагороботов... кхм... ноготварей... э-э... лапотопов... тьфу...

Никки же осталась у трассы и внимательно её рассмотрела.

На стеллажах гроздьями висели студенты, лихорадочно ищущие лучшие механические ноги и электронные головы. Из спешно набиваемых карманов торчали железные пятки и пластиковые копыта, из переполненных рук со стуком высыпались разнообразные киберпотроха. Круглые электронные глаза, обиженно таращась, катились по полу дальше всех.

Задумчивая Никки, посидев у бассейна с мелодично квакающими жабками, отправилась не к стеллажам, а к станкам.

Наконец она подошла к своему столу.

— Никки, где ты бродишь? — оживлённо окликнул её Джерри. — Решила, что будешь делать?

Перед Джерри громоздилась куча моторчиков, сенсоров, шарнирных суставов и процессорных кубиков. Никки утвердительно кивнула и положила на стол длинную упаковочную коробку из прочного пластика, найденную возле станков.

Девушка принялась что-то сосредоточенно чертить на бумаге и даже писать формулы. Она отрывалась от этого занятия только для того, чтобы гнуть проволоочки, извлечённые из кучи обрезков, и внимательно их разглядывать. Джерри смотрел, смотрел на Никки, вздохнул, уже открыл рот... — и в последний момент решил не лезть к ней с советами.

Кругом кипела работа. Причудливые киберустройства росли как грибы — от конструкции, похожей на одноногую лягушку, которая, по замыслу её создателя, должна была одним скачком перепрыгнуть первую зону трассы и доставить автору желанную удовлетворительную оценку, до сложных восьминогих робопавуков, настороженно поблёскивающих фасеточными глазами и жужжащих мини-моторчиками в многочисленных коленках. Роботов с большим количеством ног школьники предпочитали не делать — слишком много возни с согласованием работы моторов.

Самым популярным вариантом стали шестиногие роботы-насекомые. Такого робота собирал и Джерри. Нинон-Олень сказала шёпотом соседке Илайзе-Сове:

— А я хочу собрать робота на четырёх ногах, чтобы был похож на оленя.

Илайза солидно ответила:

— Опрометчиво! Равновесие оленя — более сложная задача, чем стабильность насекомого. Шестиног, поднимая и переноса три ноги, может устойчиво стоять на трёх оставшихся — лишь бы центр тяжести не вылезал за треугольник опорных ног. А оленю всё время приходится следить за динамическим балансом силы тяжести и реакций ног. Да ещё выбирать место, куда шагнуть, оленю приходится внимательнее. Недаром мозг четвероногих животных превосходит по мощности мозг насекомых, а для эффективной ходьбы на двух ногах желателен человеческий интеллект.

— А как же птицы? — удивилась Нинон. — Они ходят на двух ногах, а мозг у них маленький.

— Ну и пусть маленький, — обиделась Илайза-Сова. — Птицы, знаешь, какие умные?!

Часовой перерыв на еду студенты сократили до минимума — и снова бросились к недоделанным роботам. Только Никки засиделась за обеденным столом, хмурясь и чертя вилкой по соли, рассыпанной по столешнице. Девушка машинально напевала загадочное:

— Арбузелло, арбузелло... до чего ты оборзелло...

Немудрено, что её робот оказался последним, сданным профессору Майсофт лишь тогда, когда уже раздался сигнал окончания экзамена, а Джерри, с тревогой посматривавший на Никки, созрел для предложения нелегальной помощи.

Зал с длинным рядом зачехлённых роботов заперли до утра, а усталые студенты отправились отдыхать. Или нервничать — у кого что лучше будет получаться.

Поздно вечером в дверь Никки постучали.

— Заходите! — крикнула девушка.

— Это я, — тихо сказал появившийся Джерри. Он был бледен и держал в руках сложенный лист бумаги.

— Что случилось? — По лицу юноши Никки сразу поняла, что произошло нечто экстраординарное.

— Нашёл в файлах отца... — Джерри протянул лист.

Девушка взяла бумагу, всмотрелась. Список имён — мелким шрифтом в три колонки. Больше ничего — ни номеров, ни комментариев. Глаза Никки скользнули по фамилиям — лишь некоторые были смутно знакомы, и только имя Джерриного отца в самом начале первой колонки бросилось в глаза.

— Что за список? Что объединяет этих людей? — спросила Никки.

— Я не знаю... — Голос Джерри прервался от волнения.

— Робби?

— Я тоже не знаю, — ответил кибер. — Здесь восемьдесят восемь имён. Часть мне знакома — несколько политиков и королей... вижу актёра и журналиста... перечислено немало известных учёных, включая Джерриного отца, но примерно половина списка — совсем не знакомые мне люди.

— Но не зря же отец держал этот список среди самых важных файлов! — воскликнул Джерри.

Робби помолчал и вдруг добавил:

— Тораг — это учёный-геолог. Он был сотрудником МарсоИнститута.

Никки ахнула:

— МарсоИнститут! Там работали и мои родители!

— Почему — «был»? — спросил Джерри. — Тораг уволился?

Робби лаконично пояснил:

— Он погиб. Не вернулся из пояса астероидов двенадцать лет назад.

Никки и Джерри посмотрели друг на друга. Бумага со списком имён зловеще осветилась.

— Без скороспелых идей, пожалуйста, — предостерёг Робби. — Все политики и известные люди из списка живы и здоровы.

Джерри упрямо мотнул головой, не отрывая от Никки лихорадочно блестящих глаз:

— Этот список имён полон тайного смысла. В нём кроется разгадка смерти наших родителей.

На следующий день огромная толпа зрителей собралась вокруг трассы.

Пропустить такое зрелище, как пробег сотни свеженьких роботов по «Дороге плача»? Ха, да ни за что!

Возле полигона выстроились экзаменуемые студенты, бледные от волнения, напротив столпились остальные школьники Колледжа. Пришлось даже установить трибуны из-за наплыва зрителей. В первом ряду переживали за свои команды преподаватели из Школы Коперника и профессора Колледжа с директором Миличем. В центре зала стоял стол, где во главе судейской комиссии восседал профессор Дермюррей. Студенты-коперниканцы смотрели состязание по тиви-каналу из Луна-Сити.

Профессор Майсофт объявила начало гонок роботов.

Первой стартовала наскоро сляпанная робочерепаха Гейлорда-Дракона. Панцирная кибертварь скорее ползла, чем шла. На середине гладкой трассы у черепахи отказали задние ноги. Загребая передними конечностями и волоча задние, пресмыкающийся робот всё-таки дополз раненым бойцом до песка, где сразу же и завяз.

Черепаха, беспомощно скребущая лапами, вызвала хохот собравшихся. Капля масла вытекла из печального глаза тортилы.

— Мальчики, да пристрелите же её! — раздался сочувствующий девичий голос. — Мучается ведь!

Хотя электронная анапсида не уложились в две минуты, экзаменаторы снисходительно поставили Дракону удовлетворительно.

Под следующим чехлом оказался крупный шестиногий таракан, созданный девочкой из Школы Коперника. Робот радовал глаз весёленьким — голубым с жёлтыми ромашками — окрасом.

На первом участке трассы таракан, блестя инфракрасными лидарными сенсорами, показал превосходный результат. Песок тоже оказался легко преодолимой зоной для тараканьих лап, похожих на колючие вёсла. Но на каменистой тропе цветной шестиног заметался из стороны в сторону — под оглушительный свист школьников. Камешки не выглядели серьёзным препятствием для него, но управляющая программа переоценивала их опасность и посылала роботатаракану непрерывные команды искать обход.

Зрители дали беговому насекомому немало ценных советов, но ничего не помогло — помыкавшись отведённые минуты, многоногий робот был снят с дистанции, успев заработать своей создательнице триста тридцать очков.

Соревнования проходили очень оживлённо. Роботы шли, ползли, прыгали, путались в своих ногах, оседали на бок, падали лицом или рылом в камни, переворачивались на спину, зарывались головой в песок и даже убегали с трассы в толпу зрителей. В зале царило радостное веселье — что может быть приятнее зрелища робота соседа, севшего в калошу? — которое разделяли даже те неудачники, чьи роботы вообще отказались двигаться, отчего горе-конструкторам отчётливо светила переэкзаменовка.

Одноногая лягушка кудрявого Дракона, похожая на взбесившуюся мышеловку, прыгнула очень удачно — приземлилась прямо на стол экзаменаторов! — чем до крайности рассердила профессора Дермюррея и принесла автору если не хорошую оценку, то славу среди студентов и одобрительные шлепки по спине.

Немало ног было оторвано в ходе испытаний.

Редкие роботы дошли до четвёртой зоны — «костоломки», где их ноги неизбежно застревали между камнями под агоническое жуж-жание перегруж-женных мотор-рчиков.

Стати ногастых киберотварей оживлённо обсуждались в публике.

— Приволакивает задние! Использовал динамическую схему равновесия, а скорость недобирает!

— На передние тоже припадает! Надо было гироскоп для стабильности добавить.

После обеда испытания продолжились. На настенном экране светились только четыре результата сборной коперниканцев, поэтому сравнивать командные результаты было рано. Но лучший результат дня принадлежал коперниканцу Джеймсу Микулу, чья крупная кибергусеница сумела добраться до середины каменного хаоса.

Принц Дитбит собрал довольно высокую конструкцию на двух огромных ступнях — аналог бипедальных боевых рыцарей. Под бурные крики поклонников хомоподобный робот принца вышел на трассу. Двухногая конструкция неприятно напомнила Никки бронированного ремонтника из Лунного госпиталя. Судя по всему, бипед был совершенно безмозгл, и Дитбит собирался манипулировать им с помощью двух сенсорных перчаток.

Принц в совершенстве владел дистанционным контролем, и робот легко преодолел первую зону трассы. Песок оказался более сложной задачей, но двуног с широкими ступнями справился и с пустыней. Наступив же на округлые камешки следующего участка, высокий бипед поскользнулся и грохнулся на спину под сочувственные стоны Дитбитовских подпевал.

— Принц! Принц! — заскандировала группа вельмож. — Южные, вперёд!

Неужели принц сдастся? Нет — робот согнул спину, потом подтянул ноги и ухитрился встать. Дитбит работал сенсорными перчатками так, что пот выступил на лице. Робот не повторил прежней ошибки — наступать на катящиеся камушки — и пошёл дальше, волоча ноги по полу и распиная крупный гравий. Вот безмозглый двуног наступил на первый большой камень, потом перенёс ногу на следующий... опасно закачался под оханье окружающих, но всё-таки устоял.

Рубашка Дитбита стала мокрой на груди. Несколько судорожных шагов и балансировок — и его робот с грохотом падает свирепой мордой вперёд, заклинивая её среди острых обломков скалы. Энергичные движения перчаток Дитбита не помогли, и сразу двое приятелей принца помчались вызволять застрявшего робота. Один из подхалимов успел раньше другого и с гордостью оттащил двунога могущественному другу. Дитбит получил отличную оценку.

Повеселил публику пружиноног Хао. Его кибер был похож на ёжика, из которого вместо иголок торчало штук двадцать ног-пружин — каждая с тросиком внутри. Процессор робота оценивал, какие ноги нужно напрячь, чтобы двигаться в нужном направлении. Моторчик сматывал тросик, пружина сжималась, потом — прыг! — робот делал скачок на метр вперёд.

Остроумная конструкция отлично проскакала гладкую местность, потом медленнее, но преодолела пустыню. На слое гравия роботу стало труднее рассчитывать траекторию прыжка. Но всё-таки псевдоёжик достиг каменного хаоса, где сразу застрял между двух валунов. Хао получил «отлично».

Директор Милич всё чаще с тревогой оглядывался на экран — там светилось уже шесть результатов коперниканцев, и общее количество набранных ими баллов лишь на десяток очков отставало от шести лучших результатов эйнштейнианцев.

Робот Дзинтары поразил всех ещё больше, чем пружинный ёжик. Хитрая принцесса собрала многоногого робота из колёсного автомобильчика, который ехал внутри прозрачного шара. На внешней поверхности пластикового пузыря во все стороны торчали десятки приклеенных лучей-шипов. Чтобы не оставалось сомнений, что это ноги, ироничная Дзинтара обула каждый шип в маленький башмак с пряжками.

— Кукольная обувь из осенней коллекции Микаси! — вполголоса пояснила принцесса хихикающим подружкам.

Шар катился, вернее, переступал по трассе ногами-шипами под напором тяжёлой колёсной машинки внутри. Робот быстро миновал гладкий участок и углубился в пустыню. В конце песчаного этапа высилась высокая дюна, где застряли немало славных роботов. Жужжа автомобильчиком, который трудился в шаре, как белка в колесе, кибер Дзинтары забрался и на эту дюну, но спустился по её обратной стороне уже кубарем. Автомобильчик беспомощно болтался внутри, а когда пузырь остановился, машинка оказалась в фатальной

позе вверх колёсами. Шароход принёс Дзинтаре «отлично».

Дермюррей многое хотел сказать язвительного о ногах-шипях робота Дзинтары, но те никак не противоречили его собственному определению ног, и ему пришлось заткнуться и не ссориться с принцессами по пустякам. Особенно его злили кукольные башмачки — будто этот дешёвый трюк делает дурацкие отростки больше ногами, чем они есть на самом деле!

Дошла очередь до Джерриного робота. Профессор Майсофт сняла чехол и открыла робота, похожего на длинноногого паука «коси-коси-ножка», только не на восьми, а на шести чёрных ногах, с округлым маленьким тельцем и глазками россыпью. Джерри выбрал смешанный стиль управления: робот сам управлял походкой, а конструктор выбирал для него безопасную дорогу.

Кибернасекомое грациозно прошагало первый участок трассы, потом уверенно углубилось в пустыню, обходя опасные дюны. На мелких камнях робот оступался, но достиг каменного хаоса. Джерри направил шестинога в долину между двумя скалами. Робот аккуратно выбирал точки опоры на камнях, пробовал надёжность контакта, переносил тяжесть на передние ноги и продвигался вперёд с впечатляющей для трудного места скоростью.

Зрители, не дыша, следили за плавными движениями робота. Ещё чуть-чуть — и он пройдёт труднейший четвёртый этап, который стал зловещей легендой среди школьников Колледжа. Раздался звонок, означающий, что робот Джерри не уложился в две минуты, но никто не обратил на это внимания. И вот, наконец, последнее движение — и Джеррин насекомый робот плюхается со скалы в воду и тонет, переворачиваясь на спину. Исторический рекорд трассы!

Громкий вопль потряс зал факультета кибернетики. Студенты окружили Джерри и выражали своё восхищение, хлопая его по плечам и дёргая за волосы и длинный нос. Дермюррей призвал всех к порядку и с кислой миной объявил отличную оценку для Джерри.

Киберсобака последнего из десяти коперниканцев выбежала на трассу, быстро допрыгала до груды камней и, завизжав, споткнулась о первый же крупный булыжник. Под громкий гонг результаты приезжих студентов, наконец, отсуммировались и высветились против десяти лучших результатов студентов Колледжа.

В зале раздался громкий вой и возмущённый свист присутствующих эйнштейнианцев: Колледж проигрывал Школе Коперника! Джеррин результат был рекордом дня, но по сумме десяти лучших результатов Колледж отстал — как и предсказывал Робби.

Поразительный факт заставил преподавателей озабоченно зашептаться с директором Миличем, а журналисты, сидящие в первом ряду, стали диктовать срочные сообщения на центральные телеканалы:

— Сенсационный результат соревнования двух школ!

— Студенты знаменитого Колледжа вовсе не супермены на фоне студентов Школы Коперника!

— А не слишком ли раздут авторитет Школы Эйнштейна? Она по-прежнему — самая элитная, но превосходство её студентов в науках поставлено под сомнение школьниками-коперниканцами.

День клонился к вечеру, гонки роботов заканчивались. Сборная коперниканцев продолжала уверенно лидировать.

Вчера Никки дольше всех провозилась с постройкой робота, поэтому и на старт её вызвали в самом конце. Публика с интересом наблюдала, как девушка снимает чехол со своего творения. Но вид её робота вызвал гул недоумения. Простое и длинное — почти метровое — тело робота, состоящее из обычной пластиковой коробки, обрамляли с каждого бока два ряда проволочных ножек — тонких, длинных и причудливо изогнутых.

— Сколько ног у вашего робота, мисс Гринвич? — От стола экзаменаторов раздался голос профессора Дермюррея, ведущего тщательный поножный учёт школьных роботов.

— Семьдесят четыре, профессор! — бодро отрапортовала Никки под удивлённый шум публики.

— Опять какие-то шуточки... — прошипел профессор и подошёл к месту старта, где вокруг робота Никки толпились любопытные. Теперь уже и профессор вытаращил глаза на удивительную конструкцию многоножки, ошестинившуюся десятками ножек в каждую сторону.

— Сколько же моторов вы использовали в вашей... конструкции? — спросил ошарашенно профессор.

— Три! — снова отрапортовала Никки.

— Ничего не понимаю... Вы что-нибудь видите в этом бреде? — обратился Дермюррей к профессору Майсофт. Та заинтригованно пожала плечами, разглядывая тонкие ножки робота. По тридцать семь проволоочек торчало из боков робота — как оси многоколесной машины; они были расположены в одну линию, и каждая квази-ось заканчивалась не колесом, а делала зигзаг — изгибалась под углом градусов сорок, а потом снова поворачивалась в горизонтальном направлении. В целом получалась своеобразная нога. Но на ней не было суставов!

Джерри присел и с любопытством рассмотрел Никкиного робота сбоку. Зигзаг левой передней ноги был поднят и указывал бы на двенадцать часов, если его спроецировать на циферблат часов. Следующая в линии нога показывала на один час. Фаза каждой последующей изогнутой ножки опережала предыдущую на один час. Первая дюжина ног охватывала целый оборот часовой стрелки. В сумме тридцать семь ног делали три оборота, образуя по три волны с каждой стороны корпуса. Верхняя часть волн была плавная, а нижняя часть, которая упиралась в пол, представляла собой острый гребень.

«Если эти ножки будут вращаться независимо, то они заденут друг друга, им слишком тесно...» — удивился юноша.

— Давайте дадим автору возможность продемонстрировать его изобретение в деле, — нарушил молчание профессор Цортимд из Школы Коперника.

Никки нажала кнопку на ручном пульте, и все ахнули: щучье тело робота быстро двинулось вперёд, а волны, образованные горизонтальными частями ножек, продолжали стоять на месте... Нет, робот вовсе не стал безногим: волна тонких ножек росла рядом с движущейся головой и убывала рядом с его хвостом, оставаясь в неподвижности возле остальной части робота. Это было завораживающее зрелище — длинное тело, плавно скользящее на застывших, но, тем не менее, ухитряющихся не отстать от робота волнах из множества ножек. Ноги робота быстро и согласованно вращались вокруг осей, не сталкиваясь друг с другом благодаря одинаковой скорости и выбранной форме.

Стало понятно, почему на плоской спине робота красным фломастером было написано «Сёрфер». Робот действительно скользил по волнам! Сёрфер без малейших проблем промчался по гладкому участку трассы, с разбега влетел в «пустыню» и легко преодолел все холмы, взметая ножками фонтанчики песка и сбивая острой мордой верхушки дюн. Как волны его ног могли буксовать, если они не двигались относительно земли?

Леопарды ликовали и скандировали:

— Сёрфер! Давай!

Жюльен-Сова тихо спросил Джерри:

— Я не понимаю: почему робот бежит, а волна его ног — неподвижна? Я знаю, что даже быстро катящееся колесо имеет одну неподвижную точку — точку соприкосновения с землёй. Но как Никки сумела растянуть эту покоящуюся точку в неподвижную траекторию?

Джерри сказал, не отрывая глаз от Сёрфера:

— Любая точка катящегося колеса описывает циклоиду — линию, неподвижную в системе отсчёта земли. Никки сумела заставить ноги «Сёрфера» двигаться друг за другом по аналогичной стоячей волне.

— Всё равно не понял, — признался Жюльен.

— Представь, что Никки взяла шестиколёсный автомобиль, потом разрешила каждое колесо на дюжину сегментов. Потом растянула автомобиль, размножив оси и заставив каждый сегмент по-прежнему вращаться. Эти сегменты будут очень похожи на ноги, но

робот по-прежнему будет катиться на них, как на колёсах. Ещё она придала ногам такую форму, что они могут вращаться близко друг к другу, не сталкиваясь.

Жюльен восхищённо покачал головой:

— Как эта Маугли додумывается до таких невозможных вещей?

— Она просто не знает, что они невозможны.

С шорохом ссыпавшись с последней дюны на каменистый участок, Сёрфер, не снижая скорости, устремился вперёд, выращивая вокруг себя неподвижные волны движущихся ног. Лишь немногие проволочные ножки опирались на камни, а большинство висело в воздухе, но многоногий робот из-за этого не нервничал. В конце гравийного участка Сёрфер налетел корпусом на крупный голыш, и вся передняя часть его зависла в воздухе. Но задние лапки продолжали упираться в землю и толкать тело вперёд, и робот переехал препятствие.

И вот перед Сёрфером выросла гряда крупных обломков. Робот, проскочивший три этапа за считанные секунды, резко сбавил ход и вплотную подошёл к первому камню. Тут выяснилось, что передние лапки оказались снабжены мелкими коготками: они сразу зацепились за пористый булыжник; несколько секунд карабкался — и коробчатое тело втянулось поверх скал.

Оказалось, что для длинного робота путешествие даже по крупным камням не проблема — он провисал мостом между большими обломками и уверенно двигался вперёд, всегда находя опору хотя бы для нескольких из многочисленных ног.

А-ах! — на середине каменного хаоса тело Сёрфера соскользнуло вбок с наклонной гладкой скалы, и его срединная нога накрепко засела в узкой трещине. Робот резко остановился.

По публике пронёсся вздох разочарования. Никки что-то переключила на пульте, и из Сёрфера раздалось басовитое верещание перегруженного мотора.

— Ему всё равно не сдвинуть камень... — грустно сказал Хао, стоящий рядом с Джерри.

Раздался резкий хруст, и все увидели, что застрявшая нога, сделанная из твёрдой, но достаточно хрупкой пластопровода, обломалась у основания, а Сёрфер освободился и снова устремился вперёд. Вопль восторга потряс зал. Подумаешь — всего одна нога из семидесяти четырёх! До конца участка Сёрфер потерял ещё пару задних конечностей с другой стороны корпуса, но это его совершенно не смутило: он живо подкатился к обрыву и с плеском рухнул в бассейн, пугая лягушек.

Второй раз за день знаменитая «костоломка» была пройдена! Рёв болельщиков взвился до потолка и потряс стены. Цветные рыбки озабоченно собрались в углу бассейна и стали обсуждать возможность срочного переезда или переплыва.

В воде робот тоже не растерялся. Волны его ног могли опираться даже на воду, и Сёрфер бодро поплыл вперёд. Увы, Никки не успела сделать корпус робота герметичным — он быстро набирал воду и замедлял скорость. Не доплыв до топкого берега, Сёрфер испустил последние пузырьки и утонул вниз носом, вызвав сочувствие зрителей и злобный хохот Драконов — друзей Дитбита. Те радовались больше соперников из Школы Коперника.

Робот стукнулся носом о дно и опрокинулся на спину. Но Никки не стала вытаскивать робота из воды, а снова включила моторы, изменив направление вращения. И все увидели, что робот может передвигаться и «на спине». Но сейчас он опирался в дно плавными частями волн из проволочных ножек, а острые гребни, которые были раньше неподвижны, быстро бежали вперёд, обгоняя самого робота. Сёрфер двинулся к берегу, забирая заметно вправо. Никки отключила мотор левой стороны. Двигая только правыми ногами, Сёрфер выправил курс. Под свист и одобрительные крики школьников робот выбрался на тинистый берег и замер, дожидаясь, пока из него вытечет набравшаяся вода. После чего бодро двинулся вперёд по болотной грязи, в самых топких местах ложась на трясину плоским брюхом, которое было раньше спиной.

Оставив позади болото, чумазый Сёрфер подошёл к каменным ступенькам седьмого, городского этапа. Зацепившись за первую ступень передними лапками, он вытянулся вдоль

лестницы во всю длину тела и, опираясь только на края ступеней, выбрался на площадку. Спасаясь от грязного робота, с высокой стенки с визгом бросились зрители — девчонки из Ордена Оленей. Сёрфер подкатил на волнах проволочных ног к кирпичному барьеру, который во много раз превосходил его собственный низенький рост, и задумчиво остановился.

— Он хочет и сюда залезть? Обнаглел... У него нет шансов, — скептически заявил кто-то из Драконов.

Как бы в ответ на это замечание Сёрфер тонко зажужжал и сломался посередине. Его длинное тело оказалось двухсегментным — с шарниром в центре. Вот для чего Никки нужен был третий мотор! Под одобрительные крики зрителей передняя часть робота полезла на стенку, цепляясь за неё лапами с коготками. Вторая половина Сёрфера оставалась на земле и двигалась вперёд, подпирая наклонную переднюю часть и помогая ей карабкаться вверх. Наконец лапки робота прочно зацепились за верхний край стены. Робот принялся выпрямлять вогнутую, сломанную под прямым углом спину, потом выгибать её горбом, продвигая переднюю часть корпуса на стену.

Вот он стал похож на утомлённого пловца, который выбрался на желанный берег телом выше пояса, а ноги его ещё остаются в воде. Но уже было ясно, что у робота всё получится. В конце концов Сёрфер затянул на стенку и свой хвост.

Овации сотрясли зал.

Победа! — Робот Никки за пять минут преодолел все семь этапов легендарной и непроходимой кибертрассы!

И сборная Колледжа победила — благодаря Никки-Леопарду!

Леопарды и другие студенты подбежали к Никки и стали качать её на руках, подбрасывая высоко вверх. Девушка так взлетала на волнах восторга болельщиков, что, не вмешайся профессор Майсофт, она могла бы стукнуться о потолок. Дермюррей вместе с Драконами-аристократами не радовался победе своей команды, а мрачно подсчитывал Никкины очки с помощью древнего калькулятора:

— За проход трассы — 2800 очков... за 74 ноги — ещё 370 очков... Ноги называются — ни одного колена... Ага!.. три ноги отломалось — значит, минус 15 очков...

В толпе студенты хихикали над подсчётами мелочного профессора.

— Общий итог — 3155 очков... гм... Оценка... э-э... «отлично»... кхм-кхм!

Зато очень были рады другие преподаватели и сам директор Милич. Он горячо поздравил и команду Колледжа, и Никки.

Проигравшая сборная Школы Коперника обступила своих преподавателей, но те только сокрушённо пожимали плечами.

— Ты хоть понимаешь, что сделала? — спросил Джерри девушку на следующий день за завтраком. Они сидели за столом одни, Хао с Дзинтарой ещё не пришли.

— Нет, — беззаботно сказала Никки, с аппетитом поедая десерт из свежей красной папайи, недавно появившийся в меню Колледжа.

— Ты придумала новый принцип наземного передвижения. Природа знает ноги, человек придумал колесо и гусеницу, теперь ты открыла ещё один принцип... — и не колесо, и не ноги... Даже не знаю, как назвать твоего робота — волноход, что ли... Вот что ты сделала!

— С ума сойти от счастья, — невозмутимо сказала Никки. — Я лишь построила простенькую киберверсию обычной мухоловки *Scutigera Coleoptrata Linnaeus*.

— Вижу — не понимаешь, — разочарованно покачал головой Джерри. — Эту идею надо немедленно патентовать! И богатеть!

— Давай, попробуй, — пожала плечами Никки, — я всё равно ничего не понимаю в патентах. Получится — прибыль поделим по-братски.

— Робби, а ты говорил, что мы проиграем! — сказал Джерри и тоже принялся за завтрак.

— Вероятность в две сигмы предполагает пятипроцентную возможность ошибки, — ничуть не смутился Робби. — А Никкины творческие фантазии спрогнозировать трудно.

— Робби, как дела со списком-88? — спросила вдруг Никки.

— Пока никак, — из динамика Робби раздалась искусная имитация тяжёлого человеческого вздоха. — Никак не могу поймать общий принцип, который объединяет этих людей. Здесь есть популярный сетевой журналист, знаменитый актёр, педагог-новатор, а также два писателя: один — романист, другой — экофилософ и эссеист... Я насчитал пятнадцать политиков, королей и бизнесменов, но больше всего — учёных и инженеров: более шестидесяти человек. Среди них есть маститые, но в большинстве своём — это молодые люди до тридцати лет, мало известные за пределами своей научной области. Я не понимаю, что их объединяет. Вижу лишь два общих признака: каждый человек из этого списка или очень умён, или очень влиятелен.

— Они знают друг друга? — спросил Джерри. — Может, это какая-то организация?

— Уровень личных знакомств не выше значения для случайной выборки, — ответил Робби.

— Думай лучше, — сказала Никки, — копай по всем параметрам... Объединять этих людей может то, что они очень *важны*. Возможно, они знают какой-то секрет или что-нибудь подобное...

— Ко мне подходил профессор Тхимсот, — сказал Джерри, — чтобы познакомиться с сыном старого друга...

— Вот как, внезапные старые друзья? — настороженно отреагировала Никки. — И что он хотел?

— Судя по всему, подружиться и со мной...

— А потом порасспрашивать о материалах, оставшихся от твоего отца...

— Я тоже так думаю, — кивнул Джерри, и его лицо исказила судорога.

Подошли Дзинтара с Хао, и разговор закрутился вокруг предстоящего биологического экзамена, который снова превратился в состязание с коперниканцами.

На экзамене-соревновании по генобиологии перед школьниками поставили всего одну задачу — спроектировать организм, способный выжить в низкогравитационном мире с водородно-метановой атмосферой и обычным уровнем солнечного облучения. Студенты склонились над управляющими поверхностями компьютеров, многие надели виртуальные шлемы и сенсорные перчатки для лучшего манипулирования генетическими блоками будущих метановых монстров.

Некоторые мечтали слепить всего лишь бактерию, живущую на энерговыделяющем процессе с участием метана; кто-то замахнулся на растение-губку. Джерри, имеющий давний опыт в проектировании червяков, стал изобретать модификацию *Caenorhabditis elegans* с метаново-водородным метаболизмом. Никки затеяла сконструировать плавающую в атмосфере медузу с водородным пузырьком, пользуясь любимой программой-дизайнером для виртуальных генотипов.

Просидев восемь часов у компьютерных экранов, Никки и Джерри сдали экзамен на отлично, а результат девушки даже попал в десятку лучших эйнштейнцев — правда, лишь на седьмое место. Но общий результат состязания был плачевен — Школа Коперника победила Школу Эйнштейна в соревновании по биологии!

Рекордсмен состязания, коперниканка Даяна Смолуховски, сумела за время экзамена создать впечатляющего водорододышащего ящера — корявого и медлительного, с десятью ногами, зубастым раздвоенным языком и кустистыми жабрами возле грибообразных ушей. Мало того — рыжая смешливая Даяна даже успела спроектировать пищевую цепь для своего питомца, и ящер вызвал невольное восхищение зрителей, ловко вылавливая языком крылатых лягушек, порхающих в метановом ветерке.

Расстроившись из-за проигрыша команды Колледжа, директор Милич навывирал из пышной шевелюры столько волос, что их хватило на пару превосходных шерстяных носков.

Глава 4

Визит единорога

Жужжащий, как шмель, посыльный колибри принёс в клюве официальное письмо для Никки, нетерпеливо дождался подтверждения о получении и умчался цветной молнией.

Никки распечатала крохотный конверт.

Её приглашали на заседание комиссии Попечительского совета Колледжа.

«Зачем я им понадобилась?» — удивлённо подумала Никки. Она уже познакомилась с двумя попечителями — банкиром Хиггинсом и королём Дитбитом. Ничего хорошего в этих знакомствах Никки найти не удалось.

В назначенный час она поднялась на пятый этаж Главной башни.

Секретарь директора Милича ввела Никки в большую жаркую комнату, где за длинным столом сидели семеро. Они тихо переговаривались, перекладывали перед собой какие-то бумаги и искоса посматривали на вошедшую студентку.

Никки огляделась. Комната была увешана портретами очень солидных людей и излишне нагревалась вечерним солнцем — часть обширного арочного окна даже зашторили. На столе комиссии густо стояли графины, стаканы и вазы с кондитерской мелочью. Девушка рассмотрела присутствующих попечителей, но они оказались пожилыми и незнакомыми.

Пауза неприлично затянулась. Никто не пригласил Никки сесть, да и стульев вокруг неё не наблюдалось.

«Если бы сюда вошёл король Дитбит, его бы они тоже игнорировали? Почему взрослые не видят в школьнике человека, равного себе?»

Другой на её месте давно бы закипел. Струйки пара уже свистели бы, а крышка дребезжала. Но Никки лишь пожала плечами: «Неприязнь стариков к нам можно понять. Обычный подросток не равен королю, а гораздо богаче — у него есть роскошь будущего. *Любое завтра выше, чем вчера*».

Наконец, рослая седая дама, сидящая в центре, подняла глаза от бумаг и, не здороваясь, спросила:

— Вы — мисс Гринвич?

Обычный школьник трепетал бы перед строгой комиссией и психологическим давлением, витающим в сухом и душном воздухе попечительской комнаты, но Никки выросла очень независимой девушкой и в таком месте, где трепет был непозволительной роскошью. Поэтому абсолютно никакого пиетета перед взрослыми она не испытывала, за что Джерри восхищённо называл Никки «социальным динамитом».

— Да, — ответила Никки. — А вы кто? Представьтесь, пожалуйста.

Дама была определённо шокирована таким вопросом и многозначительно переглянулась с коллегами по столу.

— Вы находитесь перед благотворительной комиссией Попечительского совета. Я — председатель этой комиссии, — невыразимо величественно сказала дама. — Меня зовут миссис Ругфинкель.

От почтительной судороги почтовый колибри упал с жёрдочки и обкакался.

Остальные присутствующие своих имён не назвали.

— Здравствуйте, миссис Ругфинкель! — дружелюбно сказала Никки. — Приветствую и вас, безымянные дамы и господа, — обратилась она к другим членам комиссии.

Все опять стали переглядываться, безмолвно обмениваясь негативными впечатлениями о невоспитанной девице.

Никки надоело это кручение головами, и она сказала, чтобы ускорить процесс внутрикомиссионных обменов:

— Чем я могу вам помочь?

Миссис Ругфинкель надменно сказала:

— Мы вызвали вас, чтобы *вам* помочь.

— Отлично! — жизнерадостно сказала Никки. — Тогда помогите мне найти стул.

От стола донеслось возбуждённое шипение — будто в змеиное гнездо уронили полный горячий чайник. Тем не менее, рукастый директорский кентавр принёс Никки стул. Она поблагодарила железного джентльмена, уселась поудобнее и сказала, обращаясь к комиссии:

— Что-нибудь ещё? Высказывайтесь смелее.

Председатель закатил глаза к небу:

— Я читала ваше досье. Это ужасно! Вы делали необоснованные сенсационные заявления журналистам! вызывали нездоровый ажиотаж вокруг Колледжа! нанесли тяжёлую травму школьнику, сыну члена Попечительского совета! оскорбили самого Председателя совета!

Последнее больше всего не укладывалось в небольшой голове миссис Ругфинкель.

— Ещё неполный, но уже впечатляющий список достижений, — прогудел огромный человек в буддистских шафрановых одеждах, равнодушно не поднимающий глаз из-под обширной морщинистой лысины и рисующий что-то в блокноте. — И всего за один год обучения.

— А, так вы хотите помочь мне тюрьмой? — догадалась Никки.

— Нет, — с нескрываемым сожалением сказала Ругфинкель. — Мы хотим оказать вам финансовую помощь.

— Ой! — удивилась девушка.

— Наша комиссия поддерживает нуждающихся студентов и сирот, которым не хватает денег на оплату обучения, — приветливо пояснила очень худая женщина в синей шляпке с густой вуалью.

— Где вы были два месяца назад, когда меня и Джерри — который тоже сирота — хотели отчислить из Колледжа за неуплату? — воскликнула Никки. — Почему вы объявились только сейчас, когда мы всё-таки нашли деньги на второй год?

— Мы помогаем не всем, — строго ответила Ругфинкель. — Выбор адресатов нашей помощи — сложный процесс. Предварительно мы обсуждаем кандидатов лишь в Попечительском совете. Это взрослые дела, не для детей.

В разговор встрял маленький старикашка, правая рука миссис Ругфинкель — судя по размерам и расположению. Он проблеял, потряхивая крупными бритыми ушами:

— Состояние вашего банковского счёта таково, что вам нечем платить за следующие три года Колледжа. Для завершения обучения вы нуждаетесь в сумме в пять миллионов золотых долларов, которых у вас нет!

Никки не стала отрицать этого факта.

— Вы можете стать стипендиатом фонда для бедных студентов, — с отвращением сказала миссис Ругфинкель.

— Если?.. — подняла брови Никки, ускоряя неспешные мыслительные процессы комиссии.

— Если выполните условие стать достойным студентом Колледжа — приличной и воспитанной девушкой, не навлекающей на наше заведение никаких неприятностей, — проквакала толстенная грымза в мужском пиджаке и галстуке. Её передние резцы угрожающе скалились, а глазки злобно буравили Никки. Совершенно очевидно, что на данный момент Маугли с астероида никак не соответствовала образу «приличной и воспитанной девушки».

Картина прояснилась.

— Какие именно условия? — спросила Никки. — Нельзя ли конкретнее?

— Например, обращаясь к попечителям, быть вежливой и употреблять слова «сэр» и «мэм», — прошипела миссис Ругфинкель.

— Хорошо, мэм, — с сомнением сказала Никки.

— Вы не должны нарушать распорядок жизни в Колледже, оскорблять или расстраивать своих преподавателей и соучеников! — заявил бритоухий старикашка.

Чтобы не называть старикашку сэром, Никки смолчала, лишь загнула палец на руке — для счёта.

— Вы не имеете права делать никаких публичных заявлений без разрешения Попечительского совета, — сказала Грымза.

Девушка подняла бровь и загнула второй палец.

— Вы должны старательно учиться! — важно нарушил молчание долговязый и длиннолицый джентльмен в старомодном сюртуке.

Никки с симпатией посмотрела на джентльмена и загнула третий палец.

Наступила пауза.

— Могу я уточнить, мэм? — мирно спросила девушка.

Председатель комиссии кивнула маленькой головой на длинной шее. Седые локоны на макушке тоже согласились с тем, что даже невоспитанные подростки имеют право задавать вопросы.

— Если на меня нападут убийцы, я могу публично позвать на помощь без уведомления Попечительского совета? — спросила Никки.

— Не утрируйте, — поморщился долговязый. — Это не детские игры. Мы обсуждаем серьёзные вещи.

— Могу я нанять частного детектива, чтобы расследовать убийство моих родителей и покушения на меня?

— Нет! — крикнула гримза в мужском галстуке.

— Почему? — Никки сохраняла мирный вид.

Длинная пауза.

— Любые нездоровые сенсации вредят престижу нашего Колледжа, — нашлась гримза.

— Так-так, — задумчиво пробормотала Никки. — Летом был шанс меня выгнать и прикончить в сторонке. Сейчас пробуют просто купить. Они здорово озаботились, эти убийцы.

— Что вы там шепчете? — сердито спросила Ругфинкель. — Вы согласны с этими правилами? Они просты, и с ними должна справиться даже такая... э-э... провинциальная девушка, как вы. Комиссия учла объективные причины, по которым вы не получили должного воспитания. Хотя лично я считаю, что для невоспитанности не существует уважительных причин.

Миссис Ругфинкель пожевала бледные губы и сказала:

— Если не ошибаюсь, родители отказались от вас и сдали в какой-то захолустный космический приют?

Никки загнула сразу все пальцы на руке. Получился кулак.

Девушка прикрыла глаза, чтобы не видеть седую председательшу, и сказала:

— Мне не нужна такая стипендия — она нарушает мои права.

— Как? Вы отказываетесь от нашего подарка? От пяти миллионов долларов?! — поразился долговязый в сюртуке.

— Как? Такой пожилой человек не понимает такой простой вещи? — восхитилась Никки. — Подарок, обставленный условиями, — это подкуп или унижение, но не дар.

— Ваша наглость вредит не только вам, но и вашему другу Джерри Уолкеру, которому тоже нужна финансовая помощь, — проскрипела гримза. — Если вы не заботитесь о себе, подумайте о нём.

Никки фыркнула:

— Если меня выгонят из Колледжа за неуплату, то Джерри тоже уйдёт. Невзирая на вашу помощь.

— Добровольно уйти из такого престижного Колледжа? — нахмурилась Грымза.

— Это детские игры, — усмехнулась девушка. — Взрослым не понять.

— Мы всё понимаем... — сварливо протянул бритоухий старикашка, став похожим на таксу, страдающую запором. — У нас есть сведения, что две недели назад вы не ночевали в своей комнате. Можно узнать, где вы были, и поднять вопрос о вашей нравственности...

— Видимо, раньше вам встречались лишь очень покладистые сиротки... — Глаза

Никки опасно прищурились. — Решили сунуть нос в мою личную жизнь? Попробуйте. Мой адвокат сдерёт с вас такую компенсацию за моральный ущерб, что это решит проблему платы за обучение!

Такое наступили на хвост, и она злобно оскалилась.

Девушка обвела присутствующих презрительными синими глазами и веско сказала:

— Передайте тому, кто предложил мою кандидатуру для вашей комиссии. Он сообщит дальше — кому нужно. Сосредоточьтесь и запоминайте, он будет переспрашивать.

И Никки медленно произнесла:

— Меня подкупить ещё труднее, чем запугать. Я предупреждала тебя, но ты не внял. Я принимаю твой вызов — ты будешь разоблачён и проклят, мерзавец.

Комиссия, возмущённо или смущённо, снова переглянулась.

— Как вы смеете посылать оскорбительные сообщения незнакомому вам взрослому человеку, да ещё называя его на «ты»?! — воскликнула зубастая гримза.

— Мы с ним заочно хорошо знакомы. Буквально *кровная* близость.

— Я не понимаю... вы вовлекаете нас в какую-то шараду? — надменно сказала Ругфинкель, вздёрнув маленькую гордую голову.

Девушка встала во весь рост и сверху вниз посмотрела на председателя благотворительной комиссии.

— Конечно, не понимаете. Это взрослые игры — не для попечителей. Но уж с ролью почтового голубя вы должны справиться, мэм.

И Никки вышла из комнаты, аккуратно прикрыв дверь.

Лифт Главной башни устремился вниз вместе с хмурой Никки, и кабину затопило лёгкостью, граничащей с невесомостью.

Девушка спросила Робби:

— Ты узнал, что означают восемьдесят восемь фамилий?

— Нет.

— Поразительно! Я так верила в тебя.

— Ну, извини.

— Мне нужны не извинения, а результаты. Где ты застрял в своём анализе?

— Фу-ты, ну-ты, царь зверей! Я сейчас проверяю гипотезу, что эти восемьдесят восемь человек образовали виртуальное сообщество. Я нашёл в Сети двести пять тысяч сопоставимых сообществ и анализирую — нет ли там нашей компании. Но это трудно, так как большинство виртуальных сообществ — анонимные.

— Брось эту идею, она мне не нравится. Сконцентрируйся на профессиональной работе этих людей. Полагаю, там разгадка — слишком много учёных в списке. Может, это список самых перспективных или самых умных учёных?

— А зачем тогда в списке актёр?

— Откуда я знаю, старый сундук!

— Я уже не сундук, а так — браслетик.

— Ладно, не обижайся. Эти старики меня разозлили.

— Разозлили они, а попало мне.

— Ты так долго живёшь среди людей — и до сих пор удивляешься?

Утонули в дымке горизонта летние каникулы.

Джерри с головой погрузился в занятия на Кибернетическом факультете — одни уши торчали наружу, нервно подрагивая. Его научным руководителем стала профессор Майсофт.

На Гуманитарном факультете лекции нового профессора Экмина пользовались восторженной популярностью.

Профессору, моложавому и подтянутому, было за сорок. Если его охарактеризовать двумя словами, то получилось бы так: «ядовитый интеллектual». Говорили, что он хорошо зарабатывает на своих книгах и финансово обеспечен, — значит, профессор преподавал не

из-за денег, а ради непонятного и подозрительного культуртрегерского удовольствия.

Девушки мгновенно влюбились в высокого симпатичного профессора, а юноши старались не попадаться на его острый язык. Профессор был независим и одинаково язвителен как с принцами, так и с «обычными» студентами. А вот с девушками он вёл себя гораздо бережнее. Было заметно, что профессор ценит женскую красоту, но держит осторожную дистанцию между собой и студентками. Впрочем, в комнатах старшекурсниц ходили упорные разговоры, что профессору не всегда удавалось сохранять хладнокровие! Эти беспочвенные слухи отражали лишь ревнивую сублимацию тайных девичьих надежд.

Первая лекция Эксмина началась с медленной прогулки по рядам аудитории и бодрым выводом профессора:

— Люблю свежие лица, не испытывавшие долгого воздействия интеллекта!

Вернувшись к кафедре, профессор улыбнулся студентам одной из богатейшего набора своих сардонических улыбок:

— Я буду преподавать предмет «интеллектуальная культура». Не знаете такого? А про «физическую культуру» все слышаны? Тогда зададимся наивным вопросом: что важнее в человеке — физические или мыслительные способности? Хокинг, знаменитый учёный двадцатого века, полжизни провёл инвалидом, у которого работали только мозг, глаза и пальцы одной руки.

Профессор Эксмин развёл руками:

— Но он оставался человеком, да ещё каким! Писал научные книги-бестселлеры, возглавлял кафедру, которую занимал когда-то Ньютон, и много путешествовал. На его доклады собирались толпы учёных и журналистов. С другой стороны, небольшое повреждение мозга может сделать из человека вполне здоровое, но не мыслящее тело, которое, де-факто, ближе не к разумному человеку, а к овощу.

Эксмин ехидно добавил:

— И очень часто встречается «человек псевдоразумный» — с неповреждённым мозгом, но не функционирующим интеллектом. Такой субъект может двигаться и совершать ряд простых, житейских действий — но можно ли его считать по-настоящему разумным существом? Это интереснейший вопрос!

Профессор обвёл аудиторию взглядом, который был чуть добрее пулемётной очереди — и заметно пронизательнее её. Многие инстинктивно пригнулись к столам, стараясь уменьшить зону поражения.

— Уровень интеллекта важнее телесного здоровья, и тем поразительнее факт, что физической культуре — культуре тела — в обществе уделяется огромное внимание. А интеллектуальная культура или культура ума никого не волнует!

Голос профессора эмоционально зазвенел и разнёсся по залу:

— Горы литературы по накачиванию мускулов тела — и ничего для развития мозга!

— Штабеля пособий по диетам желудка, и ни одной — про питание ума!

— Море инструкций по уходу за кожей — и отсутствие заботы о мозговых извилинах!

Профессор возмущённо воздел руки:

— Целые индустрии вращаются вокруг *тела*. Индустрия моды и спорта, одежды и косметики. Вся медицина! А что сделано для *ума*? Многочисленные фильмы о спортивной доблести снимаются на фоне прогрессирующей интеллектуальной слабости.

Аудитория несогласно зашумела, что порадовало профессора-спорщика.

— Мозг и его деятельность — вещь незаметная, а внешность человека сразу бросается в глаза! — возразила Элен-Сова. — Индустрии делают вокруг видимых всем вещей...

— Невидимая начинка компьютеров является предметом информационной индустрии, — парировал профессор. — Но о загрузке процессоров мы заботимся заметно больше, чем о развитии мозга.

— Интеллектуалы составляют меньшинство, поэтому они не попадают в центр общественного внимания! — крикнул Плюгра-Дракон.

— Верно, но неправильно! — сказал профессор. — Ведь это меньшинство служит

катализатором прогресса нашей цивилизации. Увы — человечество всегда на косметику тратит больше денег, чем на космос, а на рекламу — больше, чем на науку.

— Но учебники и научные книги — это же всё для УМА! — ещё кто-то возразил профессору.

Эксмин отрицательно покачал головой:

— Не путайте книги, как *продукт* ума — таких довольно много — и книги *об* уме, как объекте интереса — таких почти нет. Да, когда вы читаете умную книгу, то попутно развиваете и свой интеллект. Грамматику можно усвоить неявно, но осознанное обучение эффективнее. До сих пор нет школьного предмета об алгоритмах умственного развития, учитывающих наследственность, темперамент и существующие условия воспитания индивидуума. Вслушайтесь: *Индивиду-Ума* !

Профессор прошёлся по аудитории и воскликнул:

— Конечно, простые способы развития ума известны. Например, эффективен метод увлечённого чтения с четырёх или пяти лет. Литература сама воспитывает своего творческого партнёра — читателя. Кино требует лишь пассивного потребителя, а компьютерные игры часто рассматривают игрока как лабораторную крысу с рефлексам.

— У-у... — несогласно загудел зал. Лектор по-злодейски ухмыльнулся:

— Одна из острых проблем современного общества — необходимость сокращения виртуальной жизни подростка. Медики установили, что от компьютерной псевдожизни начинают разжижаться и деградировать важные сегменты интеллекта.

Многие в аудитории скептически скривились, а некоторые задумчиво потянулись к затылкам — почесать жидковатые сегменты.

На одной из лекций Эксмина в аудиторию залетела киберворона. Она затормозила перед профессором и, неспешно махая крыльями, каркнула:

— Эксмин — дурак! Профессора — болваны! Всех на свалку!

Аудитория засмеялась, пряча лица за книжки и ноутбуки. Что предпримет профессор? Было очевидно, что робот запрограммирован не выдавать хозяина.

Профессор это понимал. Он быстро вытянул руку и схватил ворону за лапы. Ворона-камикадзе не сопротивлялась и лишь довольно гаркнула:

— Эксмин — дурак!

Неужели лектор свернёт голову бедной птице?

Профессор неожиданно наклонился и снял ботинок. Прихлопнет как муху?

Но нет — Эксмин лишь нацепил башмак на воронью лапу и отпустил ругающуюся птицу.

— Караул! — заорала она, часто махая крыльями и жужжа перегруженными моторами. — Перегруз!

В электронной голове включилась стандартная аварийная программа обращения к человеку за помощью. И ворона, отчаянно хлопая крыльями, потянула прямой наводкой к... хозяину — толстенькому Дракону, сидящему на последней парте.

Тот в ужасе махал руками на ворону:

— Кыш! Кыш!

— Хозяин, карр, помоги! — голосила птица.

Смеялся Эксмин, хохотал зал, а ворона не унималась:

— Перегруз! Сейчас упаду! Эксмин — дурак!

В колицах и судорогах студенты сползли под столы.

— Верните мне обувь! — велел профессор, и толстенький Дракон, красный как мак, снял башмак с вороньего когтя и отнёс его Эксмину.

— Ставлю вам «неудовлетворительно»! — объявил хозяину вороны довольный профессор, надевая ботинок. — За плоский юмор и непредусмотрительность при программировании летающего кибера.

Блестящий оратор и полемист, Эксмин быстро завоевал массу поклонников, даже среди

юношей. Невзирая на свой сарказм, он умел и любил нравиться.

Профессор говорил:

— Литература для взрослых нужна, но бесполезна, ибо опоздала. Дети и подростки — единственная аудитория, чьё интеллектуальное развитие ещё не безнадежно. У пятнадцатилетних людей мозги острее бритвы. Они ещё не умеют их применять и мало знают о мире, но дайте им достойную, твёрдую пищу для ума, не заставляйте их жевать манную кашу! Если детей не принимать всерьёз, они не вырастают до самой старости.

Какой-то Дракон вызывающе крикнул:

— Зачем учиться среднему человеку, которому на уровне генетики уготована участь рабочего или официанта? Сегодня закон о геномной свободе поступил в ООН на рассмотрение, и скоро биотехнологи создадут сверхлюдей-суперумников!

Аудитория загудела. Профессор вздохнул:

— Я не согласен с вашим выкриком о сверхлюдях. Генетически управлять интеллектом очень сложно, это вам не раковая опухоль... Нынешние системы воспитания и обучения не могут активировать даже малую часть интеллектуальных возможностей, данных нам природой, а мы уже тянем жадные руки — дай ещё...

Профессор прошёлся по аудитории:

— Генетика важна, но не отменяет воспитания. Для статуи важны и мрамор, и скульптор. Врождённая компонента интеллекта систематически переоценивается в ущерб воспитательной — для списывания на биологию педагогических ошибок. Возьмём типичный средневековый город — поголовная неграмотность, дремучее невежество и хроническая глупость. Цивилизация пьяных развлечений, поножовщины и ковыряния в носу. Поместим младенцев средневековья в современные условия хорошего воспитания — и мы получим массу талантов: программистов, биологов, писателей.

— Масса — это сколько? — спросила Дзинтара.

Профессор одобрительно посмотрел на принцессу:

— Из десяти процентов нынешних школьников вырастут завтрашние интеллектуалы: учёные, писатели, политики. Соль человеческой цивилизации. Эти будущие умники уже в молодом возрасте чрезвычайно одарены, но общественно заброшены. Например, книги есть для всех — для любителей детективов и аквариумов, для одиноких девушек и для одиноких женщин замужем. Для умных подростков книжек просто нет! Помню, когда в детстве встречал редкого зверя — книжного героя-вундеркинда, то сразу просыпался острый интерес — так, так, посмотрим, каков ты на деле... Интеллектуально-ориентированные подростки — изумительная и незамеченная аудитория! И по количеству хороша, а по качеству — бесценна.

— Большинство из вас относится к такому классу думающих подростков! — демонстративно неохотно признавался Эксмин, и эта неохотность тонко льстила школьникам и склоняла их сердца и уши к новому профессору.

Сентябрьские деревья пропитались жёлтым и забросали газонную траву растопыренными прожиллистыми листьями.

Джерри и Никки, выбравшим разные факультеты, часто приходилось после завтрака шагать в противоположных направлениях: Никки — в здание Гуманитарного факультета, а Джерри — в Кибернетический корпус.

Юноша, срезая путь от башни Сов, брёл в одиночестве по стриженной траве центрального парка, загребая ногами опавшие листья. Роботы не трогали их, давая возможность студентам полюбоваться и пошелестеть коричневыми дубовыми и красными кленовыми воспоминаниями лета. Сладкий аромат засыхающих листьев удивительно проникал в душу и волновал сердце.

До начала занятий оставалось минут десять, и Джерри не торопился, пользуясь редкой возможностью подышать свежим осенним воздухом. Обогнув рожицу низкорослых магнолий, юноша увидел рыжеволосую Элизу, сидящую на скамейке.

— Привет, Джерри! — сказала она, и её зелёные глаза засветились. Такой взгляд первой красавицы мог сделать счастливым многих, но юноша лишь смутился и кратко поздоровался.

— До лекции ещё есть время, — сказала Элиза, — садись и расскажи — как прошло лето, где побывал, что видел?

Он помялся, но вежливо сел в ответ на прямое приглашение.

Скамейка была укрыта розовыми магнолиями и зарослями шиповника. Джерри избегал смотреть на улыбающуюся Элизу, поэтому задрал голову и сделал вид, что глядит, как с наружной стороны стеклянного купола замка ползёт робот-чистильщик, убирая осевшую лунную пыль и оставляя за собой хрустально-прозрачную полосу.

— Я никуда не уезжал из Колледжа, — сказал юноша. — Мы с Никки один раз летали в Луна-Сити — погулять и посмотреть зоопарк. Слон хорош, но суслики ещё лучше. А ты как провела лето?

— Я вернулась в Европу и месяц не могла привыкнуть к земной гравитации. Старалась плавать побольше... Всё время есть хотелось, — сказала озабоченно Элиза, держа руки на тонкой талии, — стала толще осенней белки.

Джерри взглянул на девушку — и улыбнулся такому преувеличению.

— Я всё лето вспоминала, как мы с тобой танцевали... — вдруг прошептала Элиза, и этот пониженный голос тревожил. — Это было потрясающе, ты просто талант!

— А ты? — улыбнулся Джерри. — Танцевали-то вместе! А какую специальность ты выбрала на второй курс? — перевёл он разговор на более безопасную тему.

Оказалось, Элиза предпочла Биологический факультет.

— Летом я даже участвовала в научной экспедиции по спасению сухопутных животных в Южной Европе.

— От чего их нужно спасать? От охотников? — поинтересовался юноша.

— Это было бы очень просто! — воскликнула рыжеволосая девушка. — Главная проблема выживания диких зверей — накопление генетических дефектов. Естественный отбор среди оленей и фазанов ослабел, крупные хищники в Европе практически исчезли. Если зверям грозит голод, их подкармливают. Численность диких животных регулируется лишь охотой да случайными смертями под колёсами машин.

— И почему это обернулось вымиранием? — спросил Джерри.

— Голод, болезни и хищники уничтожали слабых животных с плохими генами. Автомобили же неразборчивы, а охотники-трофейщики специально ищут красивых и крупных животных, оставляя генетических неудачников жить и размножаться. И врождённых дефектов у зверей стало столько, что здоровые детёныши в стаях исчезли.

— Забота обернулась трагедией, — задумчиво сказал юноша.

— Да, — кивнула Элиза.

Чистый купол над ними замерцал мелкими яркими бликами, которые иногда складывались в странные фигуры, а то и в слова, трудноуловимые из-за быстрой переливчатости, но сидящие на скамейке не обращали внимания на знаки неба.

— Странно слышать про твою научную экспедицию, — сказал Джерри, — я думал, что ты — гуманитарий чистой воды, танцовщица или поэт...

— «Во время осеннего листопада сновидения оказываются ненадёжными и лживыми...» — с улыбкой процитировала Элиза.

— Что это? — спросил Джерри. — Стихи?

Элиза отрицательно покачала головой:

— Философский вопрос, обсуждавшийся во времена Аристотеля и Плутарха.

— Пора идти на лекцию, — после удивлённой паузы сказал Джерри и посмотрел на девушку. И залюбовался. Рыжеволосая красавица Элиза с умными зелёными глазами производила сильное впечатление. Очень.

Она поймала его взгляд.

— Я вспоминала тебя летом, — сказала Элиза и положила руку на плечо Джерри. —

Часто... очень часто.

Он почувствовал себя не в своей тарелке. Разговор повернул куда-то не туда. Он собрался подняться, но тут Элиза крепко обняла его и поцеловала в щёку.

Джерри страшно смутился. Это было приятно, но...

Он быстро встал со скамейки.

— Элиза, я...

Юноша не нашёл слов. Элиза кивнула и сказала:

— Да, я знаю — Никки... Но жизнь штука не простая, дорогой Джерри... Детские привязанности быстро проходят...

Девушка смотрела на юношу таким горячим взглядом, что слова были и не нужны.

Джерри не собирался обсуждать свои детские привязанности и просто сказал:

— До свидания!

Уходя от скамейки по шелестящим листьям, он чувствовал спиной взгляд Элизы и смятенно подумал — как бы обычные слова прощания не прозвучали слишком двусмысленно...

По Колледжу пронеслась сенсационная весть: с лекцией выступит капитан Томми Граффин — знаменитый исследователь космического пространства. На его счету числились самый глубокий полёт в корону Солнца и самый дальний полёт за пояс транснептунов — на пятьсот астрономических единиц. Ничего сенсационного на краю Солнечной системы астронавт не нашёл, но рекорд поставил. «Странное место, где Солнце — не солнце, а всего лишь звезда...» — по возвращении сказал журналистам усталый Граффин.

Знаменитый капитан недавно вышел в отставку, но не расстался с космосом — возглавил частный фонд «Межзвёздная инициатива».

В день лекции Граффина самая большая аудитория Колледжа Эйнштейна была набита битком. С Граффином прилетел и старый знакомый Никки — Юр Гринин, коммодор Спейс Сервис. С ним девушка по-дружески поздоровалась.

Томми Граффин, превосходный рассказчик, порадовал слушателей увлекательными космическими историями.

— Лечу я потихоньку на высоте двадцати километров над вулканической зоной Ио, с заданием сбора образцов пыли и газов. Р-раз! — неожиданное извержение! — и мне в брюхо врежется вулканическая бомба размером с автомобиль. Грузовой отсек — в клочья, управление — к чёрту, и я пикирую прямо в Патеру Локи, в озеро расплавленной серы!

— У-ух! — испугалась аудитория.

— Иду на бреющем над чёрной горячей жижей. До берега далеко. Сейчас утону и сварюсь заживо! А по озеру оранжевые льдины-острова из твёрдой серы плавают. И в последний момент я сажаю шаттл не в расплав, а на льдину. Шаттл пробивает непрочную корку и тонет в лаве. Я едва выпрыгнул из кабины. На горячей оранжевой льдине остаётся лишь крыло шаттла с вспомогательным двигателем. Радио скафандра слабое — на помощь надеяться нельзя. Кругом чёрно-жёлтый пейзаж, жара... льдина тает в жидкой сере, над головой ядовитый туман висит и мне шлем залепляет — адское местечко!

В аудитории парочка заслушавшихся девиц застонали и нацелились в восторженный обморок.

— Я знаю, что студенты Колледжа каждый год летают на плановую космическую экскурсию, поэтому рекомендую посетить юпитерианские спутники — там уйма интересного! — улыбаясь, сказал космонавт.

— Как же вы выбрались оттуда?! — раздался взволнованный голос из зала.

Космонавт ждал этого вопроса и гордо усмехнулся.

— Из разбитого крыла с двигателем я сделал реактивный скутер. Сел на него верхом, разогнался прямо по озеру и взлетел, используя гладкую льдину как трамплин!

— А-ах! — некоторые даже в обмороке ухитрились слушать внимательно.

— Полётом я управлял, отклоняясь от оси двигателя. Летел, как ведьма на огненном

помеле или легендарный барон на ядре! — рассказывал Граффин. — Когда меня увидели на орбитальной станции, то глазам не поверили.

Космонавт вежливо подождал, пока доктор Берринджер снабдила некоторых слушательниц понюшкой нашатыря, потом перешёл к деятельности межзвёздного фонда:

— Рывок к звёздам — жизненная необходимость для растущего человечества и логическое продолжение наших космических завоеваний. Мы пропагандируем идею межзвёздной экспансии. Собирая частные пожертвования и государственные субсидии, мы достигли важного рубежа: накопили сто миллионов долларов на проект первого пилотируемого межзвёздного корабля!

Зал с энтузиазмом зашумел, услышав впечатляющую новость.

— Цель первого полёта — соседняя звёздная система, возможно, Проксима Центавра. Проблем множество: топливо и безопасность корабля, питание и здоровье экипажа... Мы уже объявили конкурс на лучший проект межзвёздного крейсера, и несколько авиакосмических корпораций им заинтересовались. Участники конкурса должны разработать принципиальную модель межзвёздного корабля. Победитель первого этапа получит деньги на дальнейшее проектирование.

— А могут школьники участвовать в конкурсе? — спросила Изабелла-Леопард.

— Нет, — засмеялся Граффин, — он слишком сложен для школьников...

Никки наклонилась к Юру Гринину и что-то тихо сказала ему. Коммодор подумал, кивнул и взял слово.

— Спейс Сервис поддерживает деятельность фонда «Межзвёздная инициатива» и полагает, что вовлечение в проект астрокорабля молодых людей — наших будущих пилотов и космофизиков — было бы полезно и с технической, и с пропагандистской точки зрения.

— Отлично! — быстро согласился знаменитый космонавт. — Если Спейс Сервис одобряет эту идею, то... — он откашлялся, — фонд «Межзвёздная инициатива» объявляет дополнительный конкурс на...

Граффин взял торжественную паузу, в ходе которой не бездельничал, а напряжённо размышлял.

— ...на лучший дизайн межзвёздного космического корабля! В новом конкурсе будут участвовать студенты колледжей и школьники!

— Ура! Банзай! — крики радости сотрясли зал.

Космонавт отечески смотрел на ликующих подростков.

— Задача: сформулировать концепцию межзвёздного космического корабля и его полёта, включая основание колонии возле другой звезды. Не трогайте двигатели — это слишком узкопрофессиональная проблема, но остальные сложные задачи попробуйте решить. Ищем свежие идеи! Победителям приз...

Граффин снова сделал паузу — уже просто ораторскую.

— ...миллион долларов!

Зал взревел. Космонавт напряг голос:

— Это плата за право использования ваших идей в проекте межзвёздного лайнера.

Аудитория осталась в восторге от встречи с космонавтом.

Когда публика разошлась, Никки поблагодарила коммодора Юра:

— Спасибо, коммодор, за поддержку!

Тот посмотрел, прищурившись, на Никки и сказал:

— У меня тоже есть просьба к вам, мисс Гринвич. Я хочу, чтобы вы помогли молодёжной программе Спейс Сервис. Вы обращаетесь среди школьников, и вам легче понять их психологию.

— Каковы цели этой программы? — поинтересовалась девушка.

— Я пришлю наш анонс. Общая задача — пропаганда Космической Службы среди молодёжи, конкретная — увеличить приток поступающих в школы космических пилотов, геологов и монтажников. В последние годы падает и число кандидатов, и качество их подготовки.

— Подумаю, — кивнула Никки.

— Кое-какие деньги на эту программу есть, но нужна эффективная идея по их использованию, — уточнил коммодор Гринин.

— Я уже заметила, что неэффективные идеи никому не нужны, — задумчиво сказала Маугли. — А ведь в неэффективности есть своё очарование.

Вечером в холле башни Леопардов вокруг горящего камина разгорелась не менее жаркая дискуссия.

Изабелла предложила сформировать группу для разработки концепции межзвёздника.

Другие студенты считали это напрасной тратой сил. Учёба и так отнимает столько времени, а тут ещё звёздный корабль придумывать! Куча научных институтов столько лет работают над проектами космических судов, а вы хотите решить проблемы, на которых надорвались инженеры и учёные?

Но человек восемь, включая Смита, сказали, что они готовы потратить своё время на этот авантюрный проект. После краткой, но бурной дискуссии межзвёздная команда получила название «Веганские гоблины». Никки попробовали выбрать главным гоблином, но она ускользнула от такой чести.

— Изабелла предложила проект — ей и возглавлять нашу группу. Но я с удовольствием приму участие. И полагаю, что мы должны пригласить в нашу команду школьников из других Орденов.

— Вот ещё! — крикнул кто-то. — Какие-нибудь чванливые Драконы припрутся.

— Ну и что? — подняла брови Никки. — А вы знаете, что одна из главных проблем межзвёздного полёта — психологическая совместимость космонавтов? Вот и испытаем свою команду...

Не согласиться с этим доводом было трудно.

— Я решил загадку списка! — торжественно объявил Робби поздно вечером, когда Никки уже чистила зубы перед сном.

— Наконец-то! — нетерпеливо воскликнула девушка, сплюнув мятную пену в раковину. — И что же объединяет этих людей?

— С вероятностью четыре сигма они являются создателями или распространителями бифуркационных технологий и идей.

— Именно этот список обсуждался на лекции по социологии! — поразилась Никки.

— В общем-то — да, но наш список — это не сами ключевые технологии, а люди, отвечающие за их появление.

— Список ключевых людей, — задумчиво сказала девушка. — Самый охраняемый в мире секрет.

— Верно, — согласился Робби.

— Как же он попал в файлы Джерриного отца?

— Пока не знаю. И ещё одно обстоятельство...

Робби сделал непривычную паузу, и Никки ожидающе подняла брови.

— Семеро людей из списка мертвы, включая отца Джерри. Они погибли или умерли при достаточно подозрительных обстоятельствах... Смертность людей из списка явно выше среднестатистической.

Никки потрясённо помолчала, потом сказала:

— Значит, организация, составившая список, ответственна и за смерть наших с Джерри родителей. Кто же создал список? И как он его использует?

— Составители и пользователи списка могут быть разными людьми, но они, вероятно, знакомы друг с другом, — педантично уточнил Робби.

Вода с журчанием бежала из крана, пока тот не рассердился и не закрылся сам.

Наступила пятница. Видимо, она наступила на что-то чувствительное: за завтраком в

окружении принца Дитбита наблюдалось странное роение и брожение. Принц не столько завтракал, сколько вслушивался в шёпот киберсекретаря. Друзья Дитбита поминутно подбегали и что-то спрашивали, но он хмуро отправлял их восвояси небрежным жестом. Вдруг принц побагровел и закричал в т-фон:

— Какой идиот это решил?! — но тут же осёкся под взглядами обернувшихся студентов. В следующий момент Дитбит оттолкнул тарелку и, свирепо бормоча, широкими шагами двинулся к дверям зала. За ним суетливо устремились граф Рединбург и маркиз Гейлорд.

Проходя мимо столика Никки, где сидели только она и Джерри, принц кинул на девушку взгляд, полный ярости. Его друзья тоже посмотрели на Никки, но с совсем иным выражением: лошадиное лицо Рединбурга было растерянным, а обычно высокомерная физиономия маркиза выражала непритворный страх.

— Что случилось с нашими аристократами? — удивился Джерри.

— Какое-то серьёзное несварение от этой жизни, — пожалала плечами Никки.

— А почему они так на тебя смотрят? — прищурившись, Джерри сам пристально поглядел на девушку.

— Канис их знает... — пожалала плечами Никки. — Может, они решили со мной подружиться? И ссорятся в поисках лучшего дипломатического хода?

Джерри захохотал:

— Принц скорее съест на завтрак дохлую кошку, чем протянет тебе руку!

Он подумал и сказал:

— Когда твои враги волнуются — это к хорошей погоде. Верная примета.

За обедом Дзинтара тоже вела себя необычно: всё время поглядывала на Никки, а потом спросила:

— Ты в шахматы играешь?

Девушка отрицательно покачала головой.

— Если научишься, то будешь непобедима, — загадочно изрекла Дзинтара.

Во время ужина случилось поразительное событие: обе створки массивной наружной двери широко открылись в темноту парка, и в зал вошёл серебряный единорог.

Среди студентов прокатился гул. Единорог был столь впечатляющ, что не сразу замечалось: рядом со сверкающим зверем идёт незнакомый пожилой человек, даже, пожалуй, старик, — в старомодном белом парике и в столь же старинном чёрном камзоле с серебряными позументами. Голова единорога гордо плыла возле человеческого плеча.

Все вытаращились на удивительную парочку.

Человек двигался по проходу молча, глядя прямо перед собой и делая неспешные торжественные шаги. В правой руке он держал длинный посох или жезл, инкрустированный остро сверкающими красными камнями. В левой — крупный конверт из узорного голубоватого пергамента.

Великолепный единорог не был столь надменным: он с любопытством косился искристыми тёмными глазами на студентов и даже приветливо кивал им благородной серебряной головой с острым полуметровым рогом, приводя школьников в полный восторг.

Пройдя весь зал, старик и единорог остановились перед столом наших друзей.

Все студенты забыли про бифштексы и стынувший чай.

Человек в чёрном камзоле отточенным движением наколол конверт на рог серебряного зверя и низко поклонился, не произнося ни слова. А единорог сделал изящное движение длинной шеей, и витой рог с письмом оказался прямо возле Никки. Девушка протянула руку, но вместо того, чтобы снять письмо с острия, ласково погладила единорога по серебряной шее и гриве. Это был не робот! Единорог оказался тёплым и живым!

Никки восхищённо вздохнула и только тогда взяла пергаментный конверт. Оба почтальона повернулись и немедленно зашагали к выходу. Перед дверью единорог покосился на старика — и аккуратно прихватил мягкими губами печенье, протянутое Изабеллой. Студентки завизжали от умиления, а серебряный зверь поблагодарил девушку

вежливым наклоном головы.

Пока Никки разглядывала конверт, старик в позументах и единорог исчезли, оставив за спиной оживлённое бормотание публики. Кто-то из школьников вскрикнул и указал на экран своего лаптопа. Все ещё больше зашумели — схватились за компьютеры или открыли спины робоживотных, где прятались принтеры.

Через несколько секунд у половины зала, включая Джерри, в руках оказались первые полосы свежих газет. Другая половина вскочила с мест и заглянула через головы соседей. Шум в зале стремительно нарастал и достиг уровня водопадного гула. В одно и то же время Джерри расправил газету, а Никки — открыла пергаментный конверт с красными сургучными печатями. Девушка с хрустальными волосами и все студенты Колледжа Эйнштейна одновременно прочитали загадочное письмо, которое оказалось составленным всего из двух коротких фраз, написанных изящными витиеватыми буквами:

Дорогая мисс Николь Гринвич!
По моим данным, Ваш личный капитал составляет 270 миллиардов
золотых.
Имею честь пригласить Вас в Королевский Клуб.
Президент Королевского Клуба, Вильямс Третий.

Никки подняла голову.
Зал был по-кладбищенски тих.
Все смотрели только на неё.

Глава 5

Осенняя лихорадка

Никки Гринвич стала королевой!

Бедная школьница, которой нечем было заплатить за колледж, стала одной из самых богатых молодых леди мира!

Основательницей новой королевской династии!

Новость потрясла не только Колледж Эйнштейна. Газеты всех планет обсуждали внезапное появление династии Гринвич и её возможное влияние на политическую обстановку в мире.

Вчера эту девочку знали немногие, сегодня она заставила говорить о себе всех.

На следующий день Никки спустилась к завтраку и увидела необычное зрелище: её стол был составлен в кольцо с другими. Добрая сотня Леопардов выстроилась рядом и приветствовала новую королеву криками и аплодисментами. Остальной зал тоже хлопал изо всех сил, но места принца Дитбита и его друзей пустовали. Впрочем, часть студентов разлетелась на уик-энд.

На месте, предназначенном для Никки, высился огромный букет жёлтых роз. Девушка вдохнула их сладкий аромат и замерла от удовольствия. «Тулуз-Лотрек! Мои любимые! Наверняка, Джерри подсказал или сам достал».

Никки растроганно посмотрела на улыбающихся друзей.

— Спасибо за поздравления и цветы!

Когда все уселись завтракать, Смит Джигич сказал:

— Никки, ты одним «спасибо» не отделаешься — давай выкладывай, как тебе это удалось!

— Клянусь драными сандалиями Меркурия, заработать за лето двести... почти триста миллиардов! — воскликнула Изабелла. — Это не укладывается в голове. Грандиозно!

— Только, пожалуйста, — басом сказал пятикурсник Влад, — не говори больше, что тебе просто повезло!

Все засмеялись.

— Рассказывай подробнее, — серьёзно добавил рыжий весельчак Дмитрий, — чтобы мы тоже научились зарабатывать за каникулы суммы покрупнее, чем чаевые в пиццерии.

Никки обвела глазами друзей, затаивших дыхание, и стала рассказывать:

— Всё началось просто. Робби ежедневно составляет для меня подборку сетевых новостей. В мае геологи сообщили о результатах глубокого бурения на Обероне. Знаменитые Оберонские обсерватории построены на Королевском плато с уникально низким уровнем сейсмошумов. И геологи разгадали этот феномен: нашли под плато слой аморфного льда или ледяного стекла, отражающего подземные колебания.

— Такой пресс-релиз Геологической Службы я помню! — радостно встрял в рассказ белобрысый Том, но на него все зашикали.

— Потом я услышала о скором пуске мощного термоядерного реактора на Королевском плато. Я сопоставила обе новости и спросила у Робби — не будет ли лёд плато таять от нового источника энергии? Он меня высмеял — огромный ледник не может пострадать от одного реактора.

— Вот злопамятная девица! — сказал Робби. — Да, я был неправ. Редчайший случай.

— Лёд действительно не мог таять, зато он мог кристаллизироваться, — уточнила Никки.

— Как лёд может кристаллизироваться? — не понял Дмитрий.

— Ледяное стекло имеет аморфное расположение молекул воды и существует только при очень низких температурах. Если такой аморфный лёд немного нагреется от реактора, то хаотично расположенные молекулы начнут перестраиваться в гексагональную решётку, — и вместо водяного стекла возникнет обычный лёд. При любой кристаллизации выделяется тепло, поэтому процесс перестройки аморфного льда поддерживает сам себя и перестаёт зависеть от нагрева реактора. Мы с Робби провели расчёты и показали, что после пуска реактора в подземном слое водяного стекла быстро возникнет огромная дыра. Сеймики затопят Королевское плато, и большинство научных приборов Оберонских обсерваторий, рассчитанных на отсутствие вибраций, выйдет из строя или за пределы нужной точности.

Кто-то из Леопардов присвистнул и сказал:

— У меня родители работают на Обероне. Они там ходят в специальной обуви, чтобы не топать...

— И что же дальше? — поторопил Смит Джигич.

— Я стала думать — как предупредить об опасности, которая грозит Оберонским обсерваториям.

— Нужно было написать письмо в Космическую Службу! — влез парень, у которого родители работали на Обероне.

— Никто бы не прислушался к мнению школьника, — покачала головой Никки. — А время поджимало — реактор вот-вот должны были запустить. Поэтому я решила встретиться с руководством Спейс Сервис. Для этого пришлось даже выиграть Лунную Регату...

Стол зашумел и засмеялся.

— Да, — кивнула Никки, — я поехала туда в надежде побеседовать с коммодором Юром Грининым. Разговора не вышло, зато я получила возможность доложить свои расчёты на научном симпозиуме Спейс Сервис.

— Я видел твоё выступление по тиви, — прогудел Влад. — Мои родители не поверили, что ты первокурсница...

— Но как ты получила столько денег? — не вытерпел хозяйственный Дмитрий.

— Существует малоизвестный закон о выплате пятипроцентной премии тому, кто спас космическое имущество, застрахованное ООН... — сказала Никки. — Стоимость Оберонских обсерваторий, которые являются крупнейшим научным центром в космосе, составила пять с половиной триллионов долларов. Вот и всё.

— Вот и всё... — растерянно повторил Дмитрий и обернулся на друзей-Леопардов. Те сидели поражённые, с широко раскрытыми глазами.

— Страшные у тебя мозги, Никки, — сказала благоговейно Изабелла.

— Действительно, ей повезло, — задумчиво подытожил Влад, — просто повезло с

головой.

Журналисты, конечно, раскопали, что невероятное богатство Никки оказалось законной страховой премией за спасение Оберонских обсерваторий. ООН и Спейс Сервис обменивались возбуждёнными нотами, но закон есть закон, даже если его следствие оказалось таким неожиданным. Чиновники ООН стали немедленно готовить законопроект, ограничивающий размер премии разумной, с их точки зрения, суммой. Но такое уточнение, даже спешно принятое, всё равно не имело бы обратной силы, и вознаграждение за спасение целого научного города на далёком спутнике Урана законно превысило все мыслимые пределы и исторические прецеденты.

Реакция Никкиных однокурсников была бурной и радостной — тех, кто смог пережить её успех. Принц Дитбит и остальные недруги Никки только багровели лицами и скрежетали зубами. Кто пытался раньше уязвить золушку Никки, сейчас прятался от королевы Николь или старался загладить вину, извиваясь всем телом.

Оживление от суперновости улеглось, но осталась восхищённо-настороженная дистанция между Никки и окружающими. Все будто осознали, что Никки больше им не пара: королев по плечу приятельски не хлопают. Девушка старалась вернуться к обычному общению со сверстниками, но ничего не помогало. «Теперь я понимаю Дзинтару... — огорчённо думала Никки. — Люди крепко прибиты к социальной лестнице».

Никкины сотрапезники вели себя по-прежнему дружески, но даже Дзинтара преисполнилась к Никки явным уважением. Заработать за летние каникулы двести с лишним миллионов — это вам не тигр чихнул.

Джерри отнёсся к событиям спокойнее всех. Для него Никки — это Никки. Королева она или нет — ему не важно. Более сильных чувств к ней он всё равно испытывать не может. Хотя, конечно, он был очень рад за неё. Также мелькнула приятная мысль, что проблема платы за обучение наконец исчезла. Но ему не нравилось, что он так и не смог заработать денег сам. И Джерри решил, что в будущем Гринвич-Центре, об организации которого говорила Никки, он будет работать бесплатно и на совесть.

Во время ужина к столу наших друзей мягко подбежала, держа в зубах письмо, кошка с зелёными глазами и длинной дымчатой шерстью. Зверёк без церемоний прыгнул к Джерри на колени и положил двойную открытку прямо в тарелку с телячьими отбивными. Письмо немедленно открылось, зазвучала весёлая музыка, и три девушки пискляво прокричали со стереофото:

— Милый Джерри! Мы приглашаем тебя на день рождения Энн! Сегодня в девять в холле башни Оленей! Приходи, мы очень ждём!

Джерри покраснел, сунул назад в зубы кошке музыкально-говорящее послание, подмоченное кетчупом, и спихнул дымчатого почтальона с коленей.

— Милый Джерри! — ехидно пропела Дзинтара. — Что, поклонницы одолевают?

— Просто ужасно! — буркнул Джерри. — Каждый день у них кто-то рождается...

Никки смотрела на Джерри в оба удивлённых глаза:

— И давно это началось?

— С первого сентября, — недовольно сказал Джерри. — Я ещё ни разу никуда не ходил, но они не успокаиваются. А в последние дни все как с цепи сорвались — рождения, именины, какие-то зоовечеринки... Бред!

— Почему же — бред? — подняла брови принцесса. — Посмотри вокруг. Наши мальчишки с удовольствием обсудят дифференциальные уравнения и поговорят о молчащих мутациях, а вот насчёт потанцевать... Если оттащить робкого человека от стены во время танцев, то его хватит удар от ужаса или он безнадёжно оттопчет тебе все четыре ноги. Другая часть студентов — вельможи, для серьёзных отношений они малопригодны... — Дзинтара вздохнула. — Такие люди всегда будут смотреть на других сверху вниз, а в брак вступят по политическим соображениям и подсказке родителей. Нормальный симпатичный парень, с которым девушке захочется провести время, потанцевать и прогуляться к

озеру... — это достаточно большая редкость!

— Что за ерунда! — загорячился Джерри. — Да таких парней сколько угодно! Тот же Смит Джигич!

— А ты знаешь, какой популярностью пользуется Смит? — подняла левую бровь Дзинтара — у неё это очень хорошо получалось. — Хотя ему далеко до твоих танцевальных талантов! Не говоря уж о прочих достоинствах...

Принцесса демонстративно оглядела высокого широкоплечего Джерри. Умные голубые глаза так освещали его добродушную обаятельную носатую физиономию, что у девяти из десяти девушек немедленно возникало желание послать ему приглашение на день рождения, на дегустацию домашнего пирога или просто — почитать вместе вслух любую книгу. И не все могли такое желание перебороть.

— Я дружу с Никки! — покраснев от прямого взгляда Дзинтары, выпалил Джерри. — Неужели это не видно?

— Конечно, видно... — Дзинтара посмотрела на них обоих, и в её красивых карих глазах мелькнула странная жалость.

Как-то вечером Дзинтара и Никки остались одни за столом в кафе. Принцесса задумчиво спросила молодую королеву:

— Что дальше, Никки? Какие у тебя планы на будущее? Если это не секрет.

Никки высказалась вполне откровенно:

— Хочу быть счастливой! Выйти замуж за Джерри, и чтобы у нас были дети и огромный дом.

— Именно за Джерри? Ты сейчас можешь выбирать из множества самых блестящих молодых людей... — осторожно сказала Дзинтара.

— Так сердце говорит. А потом мозг смотрит — действительно Джерри изумительно выделяется из окружающих. Даже взвешивая на аналитических весах, лучше не выберешь. Сердце — не дура!

— Не дурак... — поправила Дзинтара.

— Сердце — не дурак, — с сомнением согласилась девушка-Маугли.

— И это все твои мечты? — продолжала допытываться Дзинтара.

Никки поджала под себя левую ногу. Девушка-Маугли, когда задумывалась, часто сидела не на стуле, а на своей левой ноге. А иногда и стоя поднимала левую ступню и ставила её на правое колено — как одноногая цапля или дикое дитя африканской природы.

— Ещё я хочу найти того, кто убил моих родителей и нападает на меня, и сделать так, чтобы он никогда больше не смог убивать. Хочу также сделать что-нибудь большое и полезное для других людей. Когда сам счастлив, то очень нужно, чтобы и все вокруг тоже радовались.

— У тебя очень наивные мечты, — сказала Дзинтара.

— Что есть — то есть, — с удовольствием то ли согласилась, то ли не уступила Никки.

В помещении без окон за длинным столом сидели шесть человек. Один из них — во главе стола.

— Ситуация в корне изменилась, и было решено усилить нашу группу. Действовать будем в рамках стратегии «Агрессивный аналитик».

— «Послов» будем отправлять? — спросил низенький и толстый, делающий пометки в блокноте перед собой.

— Может, сначала Снеговика зашлём на разведку, пусть портрет нарисует, — предложил рыжий, с белёсыми ресницами.

— Снеговик дорого берёт, да и занят сейчас, — возразил низенький. — Лучше «послов».

— Задействуем и «послов», и Снеговика, — властно распорядился человек во главе стола. — Если он занят, то пусть бросит своё дурацкое занятие.

— Как называется операция? — спросил самый молодой, быстро перебирающий

пальцами по клавиатуре лаптопа.

— Операция «Маугли», — сказал властный человек, и его щека дёрнулась в злобной усмешке, обнажив верхний волчий клык.

Пустяки, просто нервный тик от нервной жизни.

Статус королевы привнёс в жизнь Никки множество не известных ранее хлопот. Ей стали приходить подарки от людей и организаций: книги, журналы, сувениры. Никки попросила Робби сортировать присланное с помощью робота-кентавра — полезное отправлять в детские дома и библиотеки, остальное — в утиль.

Нахлынули светские обязанности: контакты с другими династиями, поздравления к датам и событиям — целый поток информации, в который Никки волей-неволей приходилось окунаться. Много приходилось решать на ходу, даже на бегу. Вот и сейчас — Никки спешила на лекцию профессора Эксмина, а Робби пристал:

— Что мне делать с электронными и бумажными письмами незнакомых людей? Одних сетевых посланий к тебе приходит несколько сотен в день, и, судя по темпам, скоро их будут тысячи. Там всё есть — вопросы, просьбы, ругань.

— Кошмар! — воскликнула Никки в разгаре поиска последней чистой рубашки. — Ты сумеешь с ними сам справиться? Давай мне читать только важное. На остальное отвечай как хочешь, хоть от моего имени — я тебе доверяю.

Никки договаривала уже в летящем вниз лифте, сидя на его полу и с трудом надевая тесные туфли. Нужна обувь *побыстрее* !

На занятиях по интелкультуре профессор Эксмин охотно беседовал со студентами.

Борм-Сова спросил:

— Что такое бритва Оккама?

— Если в вашем доме запахло серой и возможны два варианта объяснения этого явления: к вам прилетел дьявол или в вашем камине горитдохлый таракан, то бритва Оккама отсекает романтический сценарий с дьяволом и оставляет банальный — с тараканом.

— Я не понимаю слова «парадигма»! — привстала с места любопытная Нинон-Олень.

— Это плодотворное понятие ввёл Томас Кун, древний историк науки. Разные эпохи и науки конструируют свои правила осознания и исследования мира. Парадигма — метод понимания мира, способ видеть — или подозревать — невидимое. Древние замечали вокруг себя духов, современные люди предполагают везде атомы. Смена парадигм называется научной революцией.

Профессор знал миллион интересных фактов и щедро усыпал ими свои лекции, которые часто выглядели бессистемно, но отлично врезались в память.

— Бенджамен Уорф выдвинул глубокую и красивую гипотезу лингвистической относительности. Согласно ему, эскимосы и французы различно видят мир, структурируя его в отличающихся языковых парадигмах, перетекающих в несовпадающие парадигмы восприятия. У чукчи триста терминов для описания снега, и горожанин, для которого снег лишь «грязная каша», ни за что не поймёт, о чём поёт счастливым горлом зверолов, едущий по снежной тундре.

Многие студенты никогда не видели снега и действительно не понимали — о чём там можно петь?

— Бразильские индейцы камайура для синего и зелёного цветов имеют лишь одно название — «цвет попугая». Но могут ли они на практике отличить синий от зелёного? Язык — это социодоговор о систематизации мира, но подписали ли его наши биологические чувства?

— А теория лингвистического Эйнштейна подтвердилась? — спросили из аудитории.

— Нет. Всё оказалось наоборот: среда диктует метод лингвистической структуризации и рождает соответствующий язык. Субкультуры создают субязыки. У физиков и футбольных фанатов, кролиководов и литературных критиков словарные запасы в рамках одного языка настолько различны, что они практически не понимают чужих

профессиональных разговоров. Шипастым башмакам альпиниста и пуантам балерины лучше безмолвно улыбаться друг другу. Но! — Профессор поднял палец. — Я бы не стал полностью отбрасывать теорию Уорфа. В ней есть благородное безумие.

— По-моему, вся эта культурная чепуха — балеты, картины и заумные теории — безнадежно устарела, — сказал белёсый Дракон с маленьким носом и арийской челюстью. — Сейчас важны доходность производства и автоматизация менеджмента.

Эксмин расвирипел:

— Культура — это альфа-стержень цивилизации. Установление нравственных принципов и культурных императивов в обществе — самая главная и трудная проблема любого социума. К сожалению, правительства не умнее вас и занимаются вооружениями, экономикой и прочей чепухой, а на культуру смотрят как на развлечение по уик-эндам. Итог? В малокультурном и бесчестном обществе уйма экономических ресурсов уходит в нравственные дыры, которые не закрыть никакими заборами и решётками, а научное мировоззрение начинает уступать место шаманизму времён людоедства.

— Как понять, где — шаманизм, а где — нет? — спросил рыжий Дмитрий.

— Отличить науку от не-науки очень просто. Наука — это не только парадигма мировоззрения, но и совокупность миллиардов научных фактов, ВСЕ из которых можно проверить на опыте. Например, статистика утверждает, что при броске игральной кости шестёрка выпадает в 16,666... процентов от большого числа бросков. Возьмите кость — только не шулерскую — и проверьте это утверждение, получая всё более точные приближения к этому числу.

Интеллектолог нахмурился.

— В отличие от науки, вся пена эзотерики, парапсихологии или астрологии — это совокупность миллионов заманчивых утверждений, НИ ОДНО из которых подтвердить нельзя. Хронический неудачник, который является типичным потребителем эзотерических текстов и магических техник, отчаянно ищет чудесное средство для улучшения своей прокисшей жизни, пренебрегая доказательствами и здравым смыслом.

С потолка вдруг раздался завывающий голос привидения:

— Когда спариваются скепсис и томление духа, рождается мистика. Ницше.

— Спасибо, Вольдемар, — сказал Эксмин, повернулся к студентам и свирепо крикнул:

— Пожалуйста, не будьте дураками! Дураком в наше время быть стыдно — как ходить с грязной шеей. Ненаучная интерпретация реальности породила гору книг, мифов, адептов — и не родила ни одной мышки проверяемого факта. Эзотерика — это бизнес на глупости; постарайтесь, чтобы это была *не ваша* глупость.

— Но ведь астрология — это самый древний раздел астрономии... — возразил Брен, мальчик-Олень с сумрачным взглядом.

— Сейчас астрология дальше от астрономии, чем метеоризм от метеоритики, — фыркнул интеллектолог.

— Моя мама верит в астрологию и всегда интересуется гороскопами, — сказал упрямо мальчик. — Она говорит, что астрологическому учению тысячи лет, и что люди не могут обманываться так долго — значит, в гороскопах есть смысл. И вообще — она любит смотреть на звёзды.

— А кошек и собак она любит? — неожиданно спросил профессор.

— Да, — удивился сумрачный Брен.

Эксмин скривил лицо в злобещей улыбке:

— Тогда сообщи маме, что гадание по внутренностям животных — тоже очень древняя традиция!

Алла-Дракон, лидер феминисток Колледжа, потребовала от профессора высказаться о равенстве полов.

Эксмин вздохнул:

— Не путайте равноправие и равенство. Мужчины и женщины равноправны, но не равны. Мужчины в среднем тяжелее и сильнее женщин, зато женщины живут дольше и в

среднем умнее мужчин — благодаря лучшему образованию. Выпустите миллион законов о равноправии, но природное неравенство всё равно останется. Да и нужно ли быть одинаковыми? Человеческий род продолжается лишь благодаря некоторой разнице между полами.

Профессор прошёлся по оживлённо забормотавшей аудитории.

— Расскажу вам историю про пингвинов. Осенью птицы уходят от открытого моря и кромки льдов, которые легко ломаются в зимние бури. Пройдя семьдесят миль до спокойного каменного берега Антарктиды, они собираются в огромную стаю. Вокруг только лёд и камень — ни еды, ни воды. Зато друзья, любовь и страсть. Через пару месяцев возникает множество семейных пар. Мать держит на лапах огромное яйцо, кутая его в перья. Вокруг — зима, полярная ночь с редкими сияниями, пронизывающий ветер и мороз до минус восьмидесяти градусов Цельсия...

«Бр-р!» — студенты зябко передёрнули плечами.

— Уже два месяца пингвины ничего не ели! И вот изголодавшаяся мать отдаёт яйцо отцу — передача должна быть быстрой — без обогрева птенец под скорлупой замерзает за несколько секунд. Потом мать идёт к морю — поест. Семьдесят миль по льду и трещинам; пингвины плавают хорошо, а ходят плохо. Гибель матери означает неминуемую гибель птенца — для его выживания нужны двое родителей.

Воображение унесло слушателей в ледяную ночную пустыню, где шли и гибли усталые пингвины.

— Голодный отец остаётся на посту. Одному не выжить, поэтому отцы сбиваются в плотную стаю и стоят на штормовом ветру, всё время менясь: постоял на краю — иди в центр, погрейся. Этот подвиг мужества длится ещё два месяца! Слабые и старые замерзают вместе с нерождённым потомством. Удачливые птенцы проклёвываются и, как заведено, просят есть. Отцы сами не ели ЧЕТЫРЕ месяца! Только снег! Но они буквально отрывают от себя куски и кормят птенцов, с тоской глядя на горизонт. Они теряют половину веса, на костях остаются только кожа с перьями. И тут возвращаются сытые матери.

Эксмин был серьёзен и даже печален.

— Учёные засняли трогательную сцену, когда еле живые отцы знакомят матерей с птенцами... Пронзительное зрелище! Толпа двуногих без перьев, натурально, рыдает. Потом шатающегося от ветра отца-пингвина отпускают пообедать. До воды, где *водится* еда, снова семьдесят миль, и там можно встретить не только рыбу, но и зубастого морского леопарда, который тоже голоден и у которого тоже дети. Марш усталых отцов оказывается для многих смертельным, и самцы в стаях остаются в меньшинстве. Отцы-пингвины чаще матерей платят жизнью за спасение детей-птенцов. Самоотверженность сильнее равноправия...

Профессор вопросительно поглядел на Аллу, но та не нашлась, что ответить.

Джерри вышел из лифта на своём этаже башни Ордена Сов. На большом настенном экране холла всю кипели страсти — опять какие-то гнусные космоимперии хотели захватить Землю, а доблестные защитники человечества крошили наступающих бронированных тараканов в мелкий салат. Перед экраном, в зоне оптимальной голографической видимости, сидели несколько Сов.

— Джерри, присоединяйся! Наши как раз побеждают... — позвал кто-то.

— Наши? Я болею за тараканов! — цинично сказал другой голос.

Юноша ничего не успел ответить — на него налетела однокурсница Дебби.

— Ты очень вовремя, Джерри! — Дебби перекричала даже вопли умирающих пришельцев и потащила юношу за собой, в дверь с силуэтом девочки с зонтиком.

В коридоре девушек, освещённом качающимся пламенем факелов — вернее, их хорошей имитацией, — двигалась странная фигура в махровом халате и в высоком белом тюрбане. Фигура повернулась жутковатым сине-зелёным лицом, не спеша ойкнула и величественно скрылась за одной из дверей.

В комнате, куда Дебби привела Джерри, собрались только девушки. Разговаривали все одновременно, за исключением миниатюрной черноволосой Юлии, молча сидящей возле рабочего стола, заваленного сложными конструкциями трёхмерных моделей белков.

Усадив Джерри в кресло, девушки-Совы дружно закричали на него:

— Мы решили устроить пикник для Сов нашего курса!

— У Северного озера есть отличная поляна!

— В лунный теннис поиграем, мяса на углях пожарим...

— Лучше рыбы наловим!

Дебби включилась в общий хор:

— Совы ни разу не собирались вместе! Всё учимся, учимся — вот-вот насмерть заучимся.

Она сердито откинула назад длинные белокурые волосы. Судя по здоровому цвету её лица, опасения Дебби были явно преувеличены.

— В полдень субботы! Согласен, Джерри? — сказала тонколицая Теа.

Джерри, даже не пытаясь переспорить такой коллектив, молча кивнул. Но ему пришла в голову отличная идея:

— А можно друзей из других Орденов на пикник пригласить?

Дебби одним прыжком очутилась перед Джерри. Её светло-голубые глаза горели, как у голодной совы, а волосы развевались вокруг головы змеями Горгоны Медузы.

— Нет, нельзя! — горячо воскликнула Дебби-Горгона. — На нашем курсе шестнадцать девушек и всего девять парней. А ты хочешь пригласить ещё и свою подружку Никки!

— Верно, берём только Сов, — сурово сказала красивая горбоносая брюнетка Самар и щёлкнула острым клювом.

Дебби переместилась за спинку кресла и обхватила Джеррины плечи руками. Подбородок девушки очутился на плече юноши, губы — возле Джерринового уха. От волос Дебби вкусно пахло абрикосовым шампунем.

— Мы, Совы, на тебя в обиде, Джерри, — вкрадчиво сказала девушка. — Ты с нами не общаешься, вечно сидишь сычом в запертой комнате!

— Э-э... — убедительно возразил юноша.

— Мы знаем, что Никки — твоя подружка, — продолжала Дебби. — Но кто тебе мешает дружить и с другими девушками? А? — и она горячодохнула в ухо Джерри.

— Не знаю, насколько согласятся эти девушки просто дружить... — стараясь сохранять хладнокровие, ответил Джерри.

— Почему бы и нет? — Руки Дебби уже обвились кольцом вокруг шеи юноши, а остальные девушки захихикали. Только Юлия сидела серьёзная и, не мигая, смотрела сквозь чёлку чёрных волос.

— Мы с радостью взяли бы у тебя несколько уроков танцев, — сказала Теа, улыбаясь, — ты изумительно танцуешь!

Джерри старался делать вид, что мягкие душистые руки, обнимающие шею, являются обычным делом — что-то вроде дружеского рукопожатия, но сердце его билось заметно чаще нормы.

— Да, у Никки — масса достоинств... она богата... мечом машет, как римский гладиатор... — вела свою линию Дебби. — Но знаешь ли ты, милый Джерри, что даже у самых обычных девушек — вернее, у симпатичных и умных девушек! — есть потрясающие, но скрытые таланты?

— Дебора, ты сейчас испортишь нам пикник, — предупреждающе сказала Теа.

— Пойми, мы просто боимся: не так на тебя посмотрим, а нас Никки-Леопард на пёрышки и разорвёт. Нет, нет! хищный Леопард мирным Совам неподходящая компания... — мурлыкала Дебби в ухо Джерри, и он действительно здорово засомневался в этом пикнике.

Романы среди второкурсников завязывались со скоростью степного пожара. О старших

курсах из деликатности лучше умолчать.

Дзинтара с Хао не спеша шли по дорожке в сторону кафе, как вдруг кто-то схватил Дзинтару за локоть.

— Что за фамильярность! — возмутилась принцесса, не привыкшая к такой бесцеремонности, а её киберпёс Шарик насторожился и нацелился парализатором на обидчика — высокого симпатичного юношу с пышными чёрными кудрями.

— Простите его, принцесса Дзинтара! — засмеялась хрупкая и тоже черноволосая девушка рядом с юношей. — Он такой нахал!

— Так ты принцесса? — деланно разочаровался юноша, так и не отпустивший локоть Дзинтары. — А я-то обрадовался — какой симпатичный гаврош!

— Хм... — озадачилась принцесса и перестала высвобождать руку.

— Так ты — принцесса или гаврош? — требовательно спросил юноша. — Обычную девушку я пригласил бы прогуляться по лесу, потанцевать или съесть мороженое в Шрёдингере... но если ты — принцесса, то...

— Хм-м... Ну, предположим... — протянула Дзинтара, удивлённо глядя на напористого юношу, но вдруг нахмурилась и перевела глаза на девушку, стоящую слишком близко к нему: — А вы — кто?

— Я его сестра-близнец, — улыбнулась девушка. — Дизиготный, конечно. Меня зовут Артемида, а его...

— Моё имя — Феб! — гордо сказал юноша. — Ты пятую неделю привлекаешь мой небесный огненный взор. Я даже похудел от переживаний и стал сочинять поэму про янтарную рыбу. Две строчки уже есть:

И Феб решил её поймать —
сетями рук, цветов и песен...

Юноша перешёл на стихи!

— Хм-м-м... — задумчиво оценила простоту божественного слога принцесса.

Феб свободной рукой — другая всё ещё держала локоть Дзинтары — выхватил откуда-то крохотный букет алых ромашек и протянул принцессе:

— Это тебе, симпатичный гаврош!

Умный Шарик аккуратно спрятал парализатор.

Романтическим поветриям оказались подвержены не только студенты, но и преподаватели. Жертвой распространившейся эмоциональной лихорадки пала даже такой столп спокойствия и невозмутимости, как Джоан Гуслик. Студенты (особенно хихикающие студентки) стали замечать, что профессор литературы цепенеет в присутствии профессора Эксмина. Сначала просто деревенеет, а потом покрывается красными пятнами, блуждающими по взволнованному лицу.

Все знали, что профессор Джоан Гуслик — «синий чулок». Правда, никто толком не понимал, что это значит. Профессор всегда ходила в одном и том же фантастическом нецветном балахоне почти до колен. Ансамбль небогато дополнялся широкими брюками на манер паровозных труб, которые научились сгибаться. О бесцветной хламиде Гуслик ходили легенды и горели споры. Что это — монашеская ряса ордена литературных дев? чрезмерно вытянувшийся свитер? плащ мушкетёра?

Возможно, профессор литературы была симпатичной, но этого никто не понимал. Если об этом не знает сама владелица лица, то как смогут догадаться окружающие? Косметикой и прочими женскими искусствами и ухищрениями профессор не пользовалась. Её светлые волосы парикмахер Колледжа подстригал всегда в одном стиле: прямой отпил на уровне шеи.

Впрочем, добродушный стилист и модельер Луиза без колебания убила бы на месте всякого, кто назвал бы эту гадость стилем. Она уже тысячу лет боролась за возможность

сделать Джоан Гуслик любую внятную причёску, а не этот «кувшинный горлорез». Но — всякий раз проигрывала с разгромным счётом. В день визита профессора Гуслик в парикмахерскую туда заглядывать уже не стоило: нервная Луиза пила рюмками синтовалерьянку и не смогла бы ровно подстричь даже газонную лужайку, не перерезав ножницами горло сотне земляных червяков.

Зато профессор была литературной мировой знаменитостью.

— Она — гений! — серьёзно сказала принцесса Дзинтара, сидя рядом с Никки в ожидании первой лекции по литературе для гуманитариев. Принцесса ради лекции Гуслик сбежала с биологии, но Джерри с Хао, конечно, остались на своей математике.

Джоан Гуслик любила литературу, жила в ней и понимала её гораздо лучше, чем реальную жизнь.

Профессор была категорическим сторонником умных книг, но отмечала:

— Что мы привыкли считать «интеллектуальной прозой»? Когда текст написан автором с багажом литературно-историко-философских ассоциаций на порядок выше читательского запаса, то средний человек не понимает и половины написанного и делает почтительный вывод — «интеллектуальная проза». Вспоминаю могучий мыслепоток Джойса: «Вот символ ирландского искусства. Треснувшее зеркало служанки». Но богатство ассоциаций — не единственное измерение интеллекта. Увы — редко встретишь книгу с другой могучей интеллектуальной компонентой — логической, рациональной.

— Логические рассуждения требуют чётко определённых терминов, минимальных по смысловой расплывчатости, — сказала Дзинтара. — А литература традиционно строится на акварельности слов и понятий.

Профессор одобритительно кивнула Дзинтаре.

— А что такое ассоциация? — спросил кто-то.

Гуслик задумалась на секунду.

— Как-то на лекции профессор Экмин употребил выражение: толпа двуногих без перьев. Почему он так сказал?

Глаза профессора замерцали, а голос потеплел.

Буфф-Олень поднял руку.

— Он рассказывал о пингвинах, поэтому сравнил людей с двуногими птицами.

— Правильно, но это не всё...

Никки сказала:

— Он намекнул на определение Платона: человек — это двуногое существо без перьев.

— Отлично! — обрадованно похвалила Никки профессор. — И что вы почувствовали, вспомнив платоновское определение?

— Ну... мне было приятно, что я поняла эту ассоциацию, значит, и я, и он — оба читали Платона.

— Верно! — Джоан Гуслик просияла. — Возникла новая ниточка между автором и читателем. Хорошая книга полна неявных сообщений и сама ищет себе друзей. Культуру можно определить как мощный комплекс ассоциаций в многомерном пространстве смыслов. Мышление, создание текста и чтение глубоко ассоциативны; мы живём в паутине культурных нитей, выращиваем новые ассоциации и изнашиваем старые. Есть культурные провода, вызывающие при касании просто электрический разряд.

— Я испытываю нечто похожее, когда проезжаю Верону или Стратфорд-на-Эйвоне, — сказала Дзинтара.

Профессор кивнула:

— Культура гиперассоциативна. Обучение превращает информационные или художественные послы мыслителей в подсознательные рефлексy, встроенные в интуитивную и эмоциональную сферы человека. Развитие интеллекта — это выращивание клубящегося пространства связей, в котором ищутся новые объединяющие идеи.

Гуслик подумала и сказала:

— Платоновское определение человека меня не устраивает, и, рассматривая человека в

контексте цивилизации, я бы сказала так: культурный человек — это ассоциативный человек.

Профессор повернулась и спросила кудрявого румяного Жюльена, вальяжно развалившегося на сиденье:

— А у вас какие ассоциации вызывает слово «человек»? Может, вы предпочитаете дать ему другое определение, отличное от платоновского или моего?

Жюльен из Ордена Сов-умников состроил снисходительную гримасу на кругловатом подвижном лице и небрежно сказал:

— Человек — это животное, выдержанное в рассоле слов.

Две девушки, сидящие сзади Жюльена, восторженно захлопали. Обаятельный речистый француз, гордящийся своим родственником и тёзкой — Жюльеном Ламетри, знаменитым философом эпохи Просвещения, изящно поклонился в ответ.

Гуслик улыбнулась и снова вспомнила интеллектолога:

— Я во многом согласна с профессором Экмином. Интеллект влачит в человеческом обществе странное существование. Практически нет книг и фильмов про умных юных героев, которые при этом — не смешные рохли, а вполне адекватные молодые люди, способные танцевать, драться и влюбляться. Средний человек не любит интеллектуалов, и массовая культура всячески подпеваает простакам, стараясь утешить обидчивую серость.

Никки села в пустой лифт на пятом этаже Гуманитарного корпуса и поехала вниз. По стенке лифта ползли древние строки:

Как жалки те, кто ждать не научился!
Ранения не заживают вмиг.

На четвёртом этаже лифт остановился, и в него вошла рыжеволосая Элиза-Дракон. Она была рассеянна и заметила Никки лишь спустя несколько секунд. Лицо Элизы гневно исказилось, и девушка сделала инстинктивное движение к выходу, но двери лифта уже захлопнулись.

— Здравствуй, Элиза, — приветливо улыбнулась Никки.

Рыжеволосая красавица-Дракон не отвечала. Она в упор смотрела на Маугли, и её глаза метали яростные молнии.

— Ты зря так сердишься, — сказала откровенная Никки. — С Джерри у тебя всё равно ничего бы не получилось.

— Много о себе воображаешь, Никки Гринвич! — рассерженно зашипела Элиза. — Если бы ты его не *украла* у меня на Балу Выпускников, он был бы мой!

— Ты ошибаешься, — возразила Никки, — наоборот — я тебя спасла от разочарования. Если бы ты смогла *украсть* его в тот вечер.

Элиза с размаху ударила по кнопке аварийной остановки; лифт обиженно дёрнулся и остановился, пища и мигая огнями.

— Мне плевать, что ты королева! — пылко воскликнула рыжая красотка. — Я впервые нашла такого парня. Танцует как бог! Я его тебе не отдам — он всё равно будет мой!

— Джерри уже сделал выбор, — пожала плечами Никки. — Как же ты собираешься его мне не отдавать?

— Он будет для тебя лишь забавой! — закричала Элиза. — Нечего дурить ему голову. Дружи с принцами и королями, плети политические интриги и оставь нас, простых смертных, в покое. Я всё равно своего добьюсь!

— Я ему нужна, — гордо сказала Никки. — Он меня любит.

И Маугли тряхнула хрустальными волосами.

— Может, пока это и так, — с ненавистью процедила Элиза. — Только фокус в том, что *тебе* он не нужен и даже мешает. И рано или поздно он об этом узнает.

— Что ты несёшь? — удивилась девушка.

— А, так ты этого ещё не поняла? — насмешливо сказала Элиза. — Ничего, ждать осталось недолго. Скоро дойдёт и до самых тупых.

Никки стиснула зубы и внимательно оглядела Элизу, подпускающую непонятные, но такие болезненные шпильки: чертовски красивая девушка высокого роста; изысканный и эффектный наряд; стройная — эталонная, как утверждал невозмутимый Робби, — фигура; лицо и манеры человека, привыкшего вращаться в высшем свете. Она не выращивала морковь себе на завтрак, не ходила босиком круглый год, росла с родителями в тепле и роскоши. И эта красивая ведьма хочет отнять у Никки единственного близкого человека!

Элиза тоже смотрела на Никки ревниво горящими глазами: эта скромница дьявольски умна и настоящий баловень судьбы. Во всём ей удача: в таком возрасте — и уже королева. А эти хрустальные волосы! А непонятное лицо, которое заставило Джерри влюбиться до неменяемого состояния, хоть делай ему антиприворотную прививку! Эта новоиспечённая королева сломает ему жизнь, а он, бедный, поймёт всё слишком поздно...

Прозрачная жаркая ненависть полыхнула в Элизе.

— Вы, короли! — с презрением сказала она. — Вы не можете быть нормальными людьми, не можете без оглядки влюбиться. Вы — мёртвые марионетки аристократического театра. Не отравляй Джерри жизнь. Он живой человек, не отнимай у него простого человеческого счастья.

Воздух в лифте сгустился и зазвенел от напряжения. Вдруг Никки рассмеялась:

— Не много ли ты читаешь на ночь сказок о королях, Элиза?

И тут заметила, что незаметно оживший лифт уже стоит на первом этаже, а у открытой двери толпятся студенты с открытыми ртами.

Элиза первая выскочила из кабины, растолкав зевак.

Вышла и Никки. Она пробиралась сквозь толпу, а вслед ей горели строки:

Не всякий плод на свете скороспелка,
Но созревает всё, что зацвело.

Никки шагала по многолюдному коридору и напряжённо размышляла: «Почему Элиза считает, что Джерри мне мешает?»

Она зашла в обеденный зал. Джерри уже сидел за столиком кафе и читал лаптоп. Никки села и с рычащими интонациями леопарда сказала юноше, поднявшему голову:

— Джерри, если я увижу рядом с тобой эту красотку Элизу, то...

К столу подошла Дзинтара, и Никки замолчала.

Но её молчание было красноречивее слов.

Глава 6 Засада Южных

Наступила суббота, но отдыхать было некогда. После завтрака Джерри сразу принялся за реферат. Профессор математики Арно Рой велел описать конкретный пример использования интегральных уравнений. Юноша выбрал получение гидродинамики типа Навье-Стокса из интегро-дифференциального кинетического уравнения для молекул. Он уже разложил кинетическое уравнение в ряд по малому параметру и приступил к поиску решения для функции распределения в первом приближении, как в дверь постучали.

Джерри нахмурился. Он никого не пускал к себе, и об этом все знали.

Он вышел в прихожую и плотно закрыл за собой дверь комнаты, где было слишком много фотографий, не предназначенных для чужих глаз.

В коридоре стояла Юлия в зелёных джинсах и белой блузке.

Ах, да — пикник!

— Меня послали за тобой, все уже собрались внизу...

Джерри вздохнул, подумав о Чепмене и Энскоге, разработавших замечательный метод

получения гидродинамик и тщетно ожидающих его за рабочим столом.

— Ладно, пошли отдыхать.

Спускались в лифте молча, застенчиво глядя в разные углы кабины. Джерри с грустью подумал, что сверхзанятая Никки всё равно не смогла бы пойти с ними на прогулку — каждую субботу она летала в Луна-Сити утрясать свои королевские дела.

В холле уже никого не было.

— Мы их догоним, — сказала Юлия. — Я знаю место пикника.

Они зашагали по лесной дорожке.

Совместная цель всегда сближает.

— Ты почему всегда такая грустная? — спросил Джерри, косясь на сумрачную девушку.

— Как бы тебе попроще сказать, Джерри... — криво усмехнулась Юлия. — Я самая некрасивая среди нашего курса. У меня не сексапильная фигура... не знаю, в каких вольтах измеряется сексапильность, но все подруги искренне заверили минимальность моего... вечно забываю это замечательное вонючее слово... шарма. У меня сонное, невыразительное лицо, нос толще среднего на двадцать процентов, губы тонкие и бледные... самые оттопыренные уши этажа... мы специально сравнивали... — с беспощадной улыбкой перечисляла девушка.

— Ты просто на себя наговариваешь! — возмутился Джерри.

— Да брось, Джерри, я безнадежна, — уныло пробормотала Юлия. — Меня за тобой послали как самую безопасную. Сейчас мы придём на пикник, и самые красивые девушки-Совы будут тебя очаровывать.

— Я не хочу слышать об этой чепухе, — нахмурился Джерри. — Лучше расскажи, что ты будешь писать в реферате.

— А! Ты уже к нему приступил, — оживилась Юлия. — Хочу рассмотреть уравнения Лотки-Вольтерра для системы «хищник-жертва». Если их слегка обобщить, то можно выйти на решения для странных аттракторов — там такие кривые получаются на сечениях Пуанкаре, закачаешься! Я коллекционирую машинную живопись — иногда даже случайные ошибки в программах приводят к захватывающим пейзажам!

Девушка повеселела, и её лицо осветилось.

— Смотришь на эти удивительные, непридуманные рисунки — и кажется, что в них открывается какой-то новый мир — может, иное измерение или странный ракурс нашей Вселенной... У меня все стены комнаты завешены компьютерной графикой и киберпейзажами. Где-то глазам надо жить? А вот почему одни такие картины нравятся — до восторга, а другие — оставляют равнодушным? Какие-то пространства ассоциативности? Генетический линк?

— А что ты используешь для визуализации решений уравнений? — заинтересованно спросил Джерри.

— О! У меня есть замечательный математический интерпретатор — его разработал мой отец. Папа талантливый программист, но плохой бизнесмен — никому не смог продать свой интерпретатор. А я его с удовольствием использую: он превращает математические уравнения и их решения в виртуальный мир, где можно даже путешествовать.

— Ух ты! А ты не позволишь мне поработать с твоей программой? Есть у меня одна зубодробительная задачка, которая никак не укладывается в моих бедных извилинах...

— Бери, конечно. В этом софте можно даже связывать пространство решений с реальными изображениями описываемых объектов... В виртуальном мире диаграммы Герцшпрунга-Рассела я могу бродить часами, наблюдая разгорающиеся звёзды... А какие там взрывы Сверхновых!

Джерри неожиданно взял и положил ладонь девушки на сгиб своей руки.

Юлия замолчала. Её рука лежала на локте Джерри — испуганная, вздрагивающая. Они пошли совсем рядом — под ручку, как обычная парочка.

— Как мужчина я должен тебе кое-что сказать, Юлия, — сказал Джерри. — Каждый человек, в том числе и любая девушка, воспринимается не как коллекция ушей, носа и талии,

а как нечто целое и цельное. Лицо или имя является не сутью человека, а лишь опознавательным знаком, неотделимым от внутренней личности и интеллекта. Когда я слушаю тебя, то вижу перед собой умную очаровательную девушку, и этот облик сохранится за тобой, даже если я отвернусь или мы будем разговаривать по т-фону. Поверь — твоя личность во много раз важнее отдельных недостатков физиономии... Посмотри, кстати, на мой совершенно выдающийся нос...

Юлия нервно прыснула. Джерри убедительно продолжал:

— Счастье не прячется в форме носа и ушей, иначе пластические хирурги стали бы богами. Возможно, есть субъекты, которые судят людей исключительно по внешним данным, но я бы не советовал добиваться признания среди таких убогих типов — нахлебаясь с ними горя... С моей же точки зрения, ты совершенно замечательная девушка, — уверенно завершил юноша. — Хочешь, научу тебя танцевать?

Юлия радостно вздохнула, её рука расслабилась и даже слегка обняла локоть Джерри.

— Ты здорово говоришь, — сказала Юлия, — но факт остаётся фактом — если у совершенно замечательной и умной девушки на носу появится... э-э... например, крупный прыщ, то это резко снизит её... э-э... коммуникационные возможности.

Он возразил:

— В красоте оправданная самоуверенность важнее красоты. И прыщи, и гладкая кожа — вещи преходящие, а суммарное счастье жизни растёт из ума и душевных качеств.

— Почему же вы, мальчики, так заглядываетесь на красоток? — нервно усмехнулась Юлия.

— Это примитивная, инстинктивная биореакция приматов! — защищался Джерри. — Но чем умнее юноши, тем с большей опаской они относятся к красивым девушкам — у многих из них ранний общественный успех гасит желание развивать свой интеллект. Красота — спринтер, ум — стайер, а жизнь — очень неторопливый судья.

— А вот ты — умный и... красивый! — сказала Юлия и заалела щеками.

— Говорить о таких глупостях, как моя красота, я категорически отказываюсь, — заявил Джерри, а Юлия лишь улыбалась и заглядывала ему в лицо.

Они пришли к озеру, полному солнечных бликов. Место для пикника было выбрано возле устья спокойного ручья. Береговая бамбуковая роща разрослась и угрожающе склонялась над тихо скользящей водой частокол из зелёных суставчатых копий, и верховье потока терялось в сумрачной штриховке тонких стволов.

Совы-второкурсники уже разматывали удочки и разжигали костёр на каменных плитах, защищающих окружающую траву от жара. Когда девушки заметили сияющую Юлию, которая шла под ручку с Джерри, физиономии у многих здорово вытянулись.

Пикник удался.

Мясо с углей вкусно пахло дымом и, политое лимонным соком, поглощалось мгновенно. Пойманную с азартными криками озёрную рыбу — огромного зеркального карпа и десяток крупных форелей — никто не захотел убивать и чистить, и её, сердитую, отпустили назад.

Молодёжь досыта набегалась в лунный теннис, лупя по тяжёлому мячу небольшими пластиковыми ракетками.

Джерри игра не понравилась: всё время приходилось отбиваться. Нет, не от мяча.

Когда все устали, то собрались к костру, вокруг которого разгорелась беседа. Впрочем, беседовать — привилегия стариков; молодёжь неудержимо спорит.

Стайка жёлтых листьев кружилась в озёрном водовороте.

Крупные рыбы высовывали головы из воды, будто прислушиваясь к разговору, а на деле украдкой общипывая береговую траву.

Как всегда, разговор немного попрыгал — и устойчиво завращался вокруг занятий.

Борм спросил:

— Джерри, на семинаре ты здорово доказал теорему про четырёхмерные торы. Как ты

научился так ориентироваться в многомерном пространстве?

Все уставились на юношу. Он пожал плечами, взял три дочиста обглоданные палочки от шашлыка и сложил их на траве в равносторонний треугольник. Потом добавил ещё три палочки, соединив центр треугольника с его вершинами.

— Здесь четыре треугольника, лежащих в плоскости, но только один правильный. Можно ли сделать так, чтобы *все* четыре треугольника стали равносторонними?

Все промолчали, лишь Юлия открыла рот, но тоже ничего не сказала.

Джерри взял за концы три палочки, соприкасающиеся в середине треугольника, и осторожно потянул их вверх, делая двумерную конструкцию трёхмерной. Перед глазами ребят возник тетраэдр с правильными гранями.

— Все четыре треугольника стали равны! — Теа так восторженно взвизгнула, что Самар, помешивающая угольки дымящейся веточкой, от неожиданности чуть не свалилась в костёр.

— Теперь мысленно соединим четыре вершины тетраэдра с его центром, — продолжал Джерри, — получим пять пирамид, из которых только одна является правильным тетраэдром. Мысленно потянем центральную точку в новое измерение... в пространство, в котором все пять пирамид становятся правильными тетраэдрами... Это и будет четырёхмерное пространство, которое позволяет быть перпендикулярными друг к другу сразу четырём координатным осям. Просто!

— Уф! — сказала Дебби. — Кажется, легче выйти замуж за принца.

— «Просто» — это вовсе не «легко», — улыбнулся Джерри. — Но если почаще заглядывать в другое измерение, то постепенно освоишься... Там интересно: четвёртое измерение распрямляет сплюснутость нашего мира.

— Клянусь катарактой Саурана, ты молодец! — сказал Жюльен.

Кто-то проворчал:

— Учёба надоела до марсианских чёртиков. Профессор Рой завалил домашними заданиями по расчётам траекторий. В орбите планеты вокруг двойной звезды я так запутался, что еле выбрался наружу.

Его поддержали:

— На этих небесномеханических расчётах у меня компьютер сгорел!

— Мир его кремниевому нанопрашу, развей его в космосе.

— Генетика очень сложный предмет, а профессор Франклин всё время требует то хвост у кота отрезать, то трёхголовую змею вывести.

Дебби вздохнула:

— Когда же мы вырастем и освободимся от учёбы и вечного принуждения?

Жюльен фыркнул:

— Дурашка, взрослой-то и попадёшь в настоящий капкан — когда старых боссов над тобой станет во много раз больше, чем тебя. Преимущество тех, кто пришёл первым.

Теа мечтательно сказала:

— Вот бы найти необитаемый остров, где ещё нет власти стариков, и поселиться там только молодёжной компанией!

— Недурная мысль, но островов на неё не напасёшься.

— В Тихом океане до сих пор тысячи необитаемых островов.

— Первое, что мы сделаем на необитаемом острове, — выберем себе начальника.

— Зато он будет молод, и ему можно дать по шее!

И молодёжь у костра притихла, ослеплённая развернувшимися перспективами.

Наивные мечтатели.

Несмотря на утомлённость, вернее, именно из-за неё, Никки каждое воскресное утро шагала на стадион с крыльями, заброшенными за спину.

«Проветривание косной материи!» — говорила девушка.

Джерри сначала сопровождал её, но потом оставил одну в этих воскресных полётах —

и Никки была благодарна ему за чуткость.

Одиночество между небом и землёй нельзя ни с кем разделить.

Невозможно описать, что чувствуешь, отрываясь от земли и взлетая в прохладный утренний воздух. Когда восходящий поток подбрасывает тебя — сильно и легко, как сухой лист, душа вскрикивает от восторга, и даже на предельно усталом лице вспыхивает счастливая улыбка.

После парения на крыльях Никки чувствовала себя обновлённым человеком — под встречным ветром груз забот слетал с души.

Астровитянка шла по аллее к стадиону и заранее была счастлива.

Замечательное лунное утро настало недавно. Выпавшая крупная роса серебрила траву, пахло можжевельником, и птицы громко присвистывали, пролетая сквозь горячие лучи солнца.

Девушка вышла на стартовую площадку и уже собралась надеть крылья, когда её окликнули:

— Мисс Гринвич!

Она удивлённо обернулась. Рядом, в директорской ложе стадиона, стоял сам директор Милич и делал ей приглашающие жесты.

Никки мысленно чертыхнулась и подошла ближе, держа крылья в руках.

— Разрешите представить вам принца Вильгельма Ван Дональдса, — торжественно сказал директор.

Из-за стола поднялся плотный мужчина лет сорока пяти с рыжеватыми волосами и внимательными светло-коричневыми глазами.

— Рад встрече, ваше величество! — официально сказал он.

За спиной отца-принца смущённо маячил герцог Джон, студент Колледжа, хорошо знакомый Никки.

Девушка вздохнула.

Это была засада.

После того, как Никки стала королевой, герцог Джон раз пять приглашал её в свой лунный замок, но она неизменно отклоняла его приглашения. В последний раз он добавил, что с ней хочет встретиться его отец, старший принц и наследник династии Дональдсов, но и это не изменило решения девушки.

Видимо, у самого принца Вильгельма желание встречи было столь велико, что он лично приехал в Колледж и подкараулил Никки с помощью директора Милича, который, выполнив церемонию представления, исчез.

— Чашечку кофе? — предложил принц. Рядом с ним стоял робот-официант с кофейными приспособлениями и чашками.

Девушка отказалась.

— Заехал проведать Джона, — сказал с улыбкой принц Вильгельм, — и тут такая удача — встреча с вами, о чём я давно мечтал.

Герцог Джон еле заметно скривился.

Никки прохладно усмехнулась:

— Рада за вашу мечту.

— Хочу поздравить вас с невероятным успехом... — сказал с приятной миной Вильгельм. Мина была перевязана розовой ленточкой, но от этого не стала менее взрывоопасной. — За столь короткое время вы успели взлететь на самый верх мирового истеблишмента!

Никки нетерпеливо сказала:

— Теперь мне нужно успеть полетать над стадионом.

Принц отбросил реверансы:

— Присядем, пожалуйста, ваше величество, есть важный разговор.

Никки вздохнула, села за стол и велела кофевару:

— Двойной эспрессо. Кофе марсианский, сильно поджаренный. Три грамма сахара.

— Я выступаю сейчас и от имени Дональдсов, и как посол от всех Южных династий, — поспешил с главным сообщением принц. — Мы предлагаем вам стать нашим союзником.

Герцог Джон избегал смотреть на Никки.

— Перечислите, пожалуйста, преимущества этого союза для меня, — деловито сказала Никки, поднося к губам крохотную чашечку с густым кофе.

— Э-э... — От такой быстрой реакции принц слегка растерялся. — Династии помогают друг другу в бизнесе — насколько это не противоречит их личным интересам, вместе защищаются от врагов... э-э... реализуют общие программы...

— Не очень убедительно, — подытожила девушка.

Принц забеспокоился:

— Поймите, ваше величество, одиночная династия — лёгкая добыча для Северных...

— ...или для Южных, — сказала Никки.

Вильгельм Ван Дональдс напряжённо усмехнулся.

— Вам всё равно придётся выбирать, к кому присоединиться... Я прилетел сюда, зная, что вы очень нравитесь моему сыну...

Никки подняла брови, перевела глаза на юношу в чёрном костюме и впервые увидела, как невозмутимый, надменный герцог Джон краснеет.

— Он умный парень и превосходная партия, — сказал довольно принц, глядя на сына. — Когда меня коронуют, а это будет скоро — у моего отца, увы, незавидное здоровье... то Джон станет старшим принцем и наследником всей огромной империи Дональдсов. Он идеально подходит к вам и вашему королевскому статусу...

— У Джона масса достоинств, — согласилась Никки, ехидно наблюдая наливающиеся румянцем ланиты герцога. — И в устройстве мальчишников он отменно хорош. Но я ещё не собираюсь замуж.

— С браком можно не спешить, — осторожно улыбнулся принц. — Но официальная помолвка должна стать сигналом нашего союза. И я вас заверяю — никаких мальчишников больше не будет. Помолвка — вещь серьёзная. Я слышал о прискорбном недоразумении в ваш прошлый визит. Слуга, который посмел быть с вами невежливым, уже уволен.

— Как его здоровье? — спросила Никки, скорее у Джона, чем у принца.

— Ерунда, — ответил тот, подняв глаза на девушку, — вывих руки и сломанный нос.

— Я была неправа, — с раскаянием сказала Никки, — надо было его просто оглушить.

Принц Ван Дональдс поморщился:

— Это мелочи, не стоящие внимания. Что вы думаете по поводу моего предложения?

— Политического союза или помолвки? — уточнила Никки.

— Их нельзя разделять, — сказал принц. — Все политические союзы династий базируются на персональных и родственных контактах.

— В этом-то вся проблема, — вздохнула Никки. — Ваш круг друзей включает таких людей, как король Симмонс — с его страстью к экзотическому коллекционированию.

Принц Вильгельм недовольно заёрзал на стуле.

— Девушек никто не принуждает силой заключать контракты.

— Ещё омерзительнее, — сказала Никки, — довести до такого состояния человека без помощи раскалённых клещей! Такое психологическое насилие делает человека не только жертвой, но и соучастником преступления над собой. Душевное увечье на всю жизнь.

— Вы слишком категоричны и жёстки, — нахмурился принц.

— Я слишком мягка и жалею, что не сломала пару костей этому коллекционеру, а ведь такая была прекрасная возможность! — без всякой иронии сказала Никки.

— Король Симмонс — мой дальний родственник, — сказал старший Ван Дональдс.

— Совсем плохо, — вздохнула Никки.

— Ты ещё не знаешь, какие экземпляры встречаются среди Северных королей, — сказал хмуро юный герцог.

Никки пожала плечами и повернулась к Вильгельму:

— Передайте привет своему младшему брату Арнольду.
Тот поднял брови:
— Передам. Вы его знаете?
— Немного. А за него мне можно выйти замуж? — спросила Никки без тени улыбки.
Принц напряжённо переглянулся с сыном.
— Теоретически можно, — медленно сказал Вильгельм, — но у Арнольда нет шансов стать королём.
— Это-то и привлекает, — кивнула Никки.
Герцог Джон решил взять в свои руки переговоры, зашедшие в тупик.
— Отец, дай нам поговорить, пожалуйста, — попросил он.
Девушка вздохнула и перевела взгляд на стадион. Ложа нависала над трибунами ласточкиным гнездом и словно парила в дрожащем, теплеющем воздухе.
— Никки, — сказал горячо Джон, когда они остались одни, — забудь, пожалуйста, старые недоразумения... Это такие пустяки по сравнению с чувством, которое я испытываю к тебе. И разве ты можешь сказать, что я тебе безразличен?
— Не могу, — легко согласилась Никки.
— Ну вот! — обрадовался Джон. — Никки — ты удивительная девушка, я никогда таких не встречал. Ты должна знать, что я стал совсем другим человеком после... Ты не будешь разочарована — дай мне только шанс!
Карие глаза герцога умоляюще смотрели на Никки, а его длинные прямые иссиня-чёрные волосы эффектно раздувались ветром вокруг бледного красивого лица.
Никки внимательно разглядывала герцога Джона — и никак не могла найти слов, приличествующих ситуации.
— Ваше величество, что вы ответите на моё... наше с Джоном предложение? — сказал вернувшийся принц.
— Я подумаю, — спокойно сказала девушка.
— Тот, кто не стал другом, неизбежно становится врагом, — впервые за разговор оскалился принц. — Учтите это в своих раздумьях, ваше величество. У союза Южных династий есть специальная служба, которая занимается политическим и экономическим... э-э... переориентированием независимых династий. Рано или поздно все новички осознают силу поговорки: химера независимости прожорлива — в одиночку её не прокормить. Если вы в ближайшее время не примете решения, то вами займутся всерьёз!
В голосе принца Вильгельма уже отчётливо звякал металл.
А вот звякать было не нужно... Никки поднялась на ноги.
— Спасибо за кофе, джентльмены, я улетаю!
Принц с сыном, сидевшие вокруг стола, невольно загораживали выход.
Тогда Никки усмехнулась, запрыгнула на барьер ложи и бросилась вниз — в пустоту стадионного пространства. Герцог Джон вскочил на ноги и что-то крикнул вслед девушке.
Она не расслышала его слов. Крылья с хлопком наполнились и развернулись, но скорость без разбега была мала — Никки провалилась до самых скамеек, прежде чем сумела разогнаться и отойти от трибунного крутого склона.
Это был рискованный трюк — но не опаснее аристократических переговоров.
Никки взлетела под самый купол и твёрдо решила не спускаться, пока на земле болтаются хоть один принц или герцог, сожри их всех Сатурн!

Джерри зашёл к Никки в комнату. К его удивлению, она сидела перед тивизором — редкое для занятой девушки времяпрепровождение. Он всмотрелся в экран, где полицейские пытались рассеять толпу демонстрантов. Летели гранаты со слезоточивым газом, ответные камни ударяли в прозрачные щиты, резиновые дубинки сминали пластиковые лозунги, обрушивались на головы и плечи, искрили шокowymi разрядами. В стремительных движениях и в криках людей была очевидна ненависть; она клубилась над дерущимися, пропитывая воздух ядовитым чадом.

На крыше припаркованного автомобиля стоял человек в чёрном. В руке он держал усилитель и подстёгивал беснующуюся толпу:

— И сотворил Бог человека по образу Своему! По образу Божию сотворил его!.. Менять божественный облик человека есть дьявольский соблазн!.. Гордыня! Богохульство! Грядёт последний суд и спасутся! Лишь кроткие и смиренные сердцем!

Толпа вопила в ответ.

— Из-за чего бушуют смиренные сердцем? — спросил Джерри.

— Они протестуют против закона о свободе геномодификаций. А полицейские не пускают людей к зданию ООН.

— Ну и пусть подошли бы и высказали свою точку зрения! — нахмурился Джерри.

— Демонстранты не просто митингуют, — сказала Никки. — Они уже разгромили известную генетическую лабораторию на атлантическом острове Холодной Весны и линчевали двоих учёных. Один умер, другой в больнице.

— Ужасная история! — вздрогнул Джерри.

— Судя по прогнозам аналитиков, скоро это будет обыкновенной историей, не стоящей упоминания в новостях. Мир начинает трещать по швам... Я тоже против закона о свободе геномодификаций, но когда я смотрю на этих демонстрантов, мне становится не по себе...

Никки выключила тиви-трансляцию и спросила:

— Робби, как дела со списком? Выяснил, кто его составил?

— Пока нет. Анализ записей Джерриного отца наводит на мысль, что он получил список от какого-то знакомого учёного. Вероятнее всего, список был создан в Дарнеги-центре, где долго работал отец Джерри. И вполне возможно, что составители списка не имеют прямого отношения к убийствам — они лишь исследователи, труды которых кем-то используются.

— Кем?

— С вероятностью полтора сигма — кем-то из Южных династий. Несколько лет назад Дарнеги-центр был куплен компанией «ЗороастрИнк», явно принадлежащей кому-то из Южных. Но определить, какой конкретно династии принадлежит «ЗороастрИнк», трудно.

— Работай дальше, Робби. Мы тоже подумаем, с какого конца подобраться к этой задаче... Тебе помогут полицейские досье об убийствах людей из списка?

— Да, но учтите, что детективная работа — это лицензированная область моделирования...

Никки задумчиво сказала:

— В этом жутковатом списке мне жаль не только умерших, но и живых...

— Почему? — спросил Джерри. — Из-за опасности, которая им грозит?

— Из-за того, что на них лежит печать обречённости... Если ты попал в список, то стал ключевой фигурой будущего, рычагом изменения мира. На тебя ложится неизбежная тяжёлая ответственность... Эйнштейн был пацифистом, но из-за угрозы создания нацистами атомной бомбы ему пришлось бросить свой авторитет на политические весы и выступить за разработку атомного оружия. А потом были Хиросима и Нагасаки... Я думаю, что каждый человек из этого списка будет восхваляем и проклинаем одновременно. Ни одно масштабное действие или нововведение не остаётся положительным или нейтральным. Оно всегда имеет обратную, отрицательную сторону, всегда прокатывается колесом по чьим-то судьбам.

— А если ничего не делать? Попал в список ключевых людей, но умыл руки.

— Тогда будет ещё хуже. Этим список и ужасен — если ты в нём, то любое твоё действие или бездействие отзовется оглушительным эхом. Бедняга, ты стал Гулливером среди лилипутов. Как бы осторожно ты ни двигался, всё равно сломаешь кому-то спину.

— Мне это не нравится. Дьявольский список.

— Никому из нормальных людей это не может нравиться.

На занятии по интелкультуре профессор Эксмин рассказывал об искусстве полемики:

— Это обширная и увлекательная тема, но я ограничусь рассмотрением спора между

интеллектуальными соперниками, ценящими юмор.

Профессор походил по залу и со вздохом сказал:

— Полемика — это фехтовальный диалог по определённым правилам. Нельзя дискутировать с людьми, не разделяющими дуэльный кодекс. Бросить вызов: «Милостивые государи! Кто тут против концепции лингвистического релятивизма?!» — в гуще овощного деревенского рынка — чревато последствиями. Дискуссии не получится: вас просто забросают невнятными кочерыжками народного гнева.

— А что — в полемике есть какие-то правила? — удивился кто-то.

Профессор утвердительно кивнул.

— Главное правило словесной дуэли — максимум яда и максимум вежливости. В полемике много подводных нюансов: ролевые маски, умение блестяще проигрывать, «удар вилок». В моей книге «Искусство полемики» приведена полная классификация острых двусмысленностей...

— А можно какой-нибудь простенький пример? — спросила Самар.

Профессор перевёл взгляд на заднюю парту, где сидел толстенький Дракон, хозяин памятной кибервороны.

— Рассмотрим самый классический выпад: «Ты — дурак!»

Все рассмеялись, а Дракон побагровел.

— Классический же ответ: «Сам дурак!» показывает, что оба беседующих — одного дурацкого поля ягоды. Лучше, например, ответ: «Среди таких гениев, как вы, сударь, я предпочитаю оставаться дураком». Вы формально поддержали тезис грубияна, но перевернули ситуацию так ядовито-вежливо, что для других не останется сомнений в том, кто из вас настоящий дурак.

— Значит, прочитав вашу книгу, можно выиграть любой спор? — радостно воскликнул кто-то.

— Нет, конечно! — удивился Эксмин. — Есть категории споров, где победить нельзя в принципе. Полемику вокруг жизненно важных вещей — как, например, широко обсуждаемый сейчас закон о свободе геномодификаций — ни одна сторона выиграть не может, потому что поражение непереносимо для проигравшего. Значит, время цивилизованной полемики будет быстро исчерпано и чистые доводы логики и остроумия заменятся на грязные аргументы шантажа и войны.

— Что такое «блестяще проигрывать?» — заинтригованно спросили из зала.

— Все полемические раунды выиграть невозможно, — пояснил профессор. — Если проигрываете, то не упорствуйте, вызывая жалость и усмешки, а добродушно и вовремя признайтесь в проигрыше. После чего снисходительно или покровительственно, а ещё лучше — удивлённо — похвалите соперника за его успех. Этим вы отравите ему всю радость победы.

Профессор смеялся и язвил беспрерывно и над всеми: от него трудно было услышать фразу без сарказма.

— Почему вы всё время шутите? — не выдержал серьёзный Митр-Олень.

— Вылетевшее слово без жала — просто муха. Разве мне, старой змее, — трудно?

Профессор Эксмин любил приговаривать, ставя низкий балл: «Сами потом благодарить будете!» — чем вызывал дополнительный эмоциональный всплеск у студента, и без того раздражённого плохой оценкой. Чего, собственно, профессор и добивался, гадюка ядовитая.

Эксмин обожал всякие испытания и провокации — вот и сейчас он обратился к аудитории.

— Делаю вызов, — профессор сделал паузу, — и предлагаю достойно ответить! Юмор важен, но убедительность ценнее.

Все заёрзали и напряглись лицами — для большей умственной сосредоточенности.

— Если вы такой умный, то почему такой бедный? — надменно бросил в зал профессор.

Молчаливая пауза. Все лихорадочно ищут в пустых головах: чем срезать сэра Эксмина?

— Умный слишком мудр, чтобы попасться в капкан богатства, — неожиданно сказала Никки.

— О чём вы говорите? — весьма натурально удивился Экмин. — Зависть к богатым живёт в большинстве сердец.

— Глупым быть ещё хуже, чем богатым, — кивнула Никки. — Но сердце умного полно жалости к богачам.

— Как можно жалеть людей, у которых так много денег и возможностей их потратить? — возразил Экмин.

— Тратить деньги — труд, занимающий всё время, — улыбнулась девушка. — Богатство пожирает жизнь человека.

— Все мечтают разбогатеть и жить в вечном празднике, — заявил профессор.

— Праздные люди мертвы в течение всей своей долгой жизни, — парировала Никки.

В диалог вмешался Вольдемар:

— Это мысль Томаса Фуллера, историка и биографа.

Профессор удивлённо спросил, выходя из полемического образа:

— Зачем же вы сами так разбогатели? Не жалко себя?

Студенты заинтересованно обернулись на юную королеву.

— Жалко, — тихо и серьёзно сказала Никки. — Я жертвую собой.

Неожиданно её голос дрогнул.

Аудитория зашушукалась. Смешно никому не было.

Профессор Экмин внимательно посмотрел на девушку и сказал:

— Мисс Гринвич, вы меня убедили. Вы достойны «серебряной мудрой змеи»!

Все зашумели. До этого аудитории доставались лишь поощрительные титулы «медного ужа», «чугунной пиявки» и совсем уж никчёмного «резинового головастика».

Профессор сходил к кафедре и вернулся с редчайшим призом — витой змейкой.

— Присваиваю вам почётное звание «Серебряной змеи»... с сапфировыми глазами! — не сдержавшись, добавил Экмин. Всё-таки был, был профессор интеллектологии тонким ценителем женской красоты!

На следующий день директор Милич объявил студентам: в Колледже появился штатный психоаналитик и психолог.

— Чтобы познакомиться, доктор Фростман индивидуально побеседует с каждым, — сказал директор Милич и кивнул крупному седовласому мужчине в очках и мешковатом костюме с хорошо пережёванным ярким галстуком. Доктор имел глубокоморщинистое лицо и подбородок, неровно изрытый возрастом.

Никки лишь мельком глянула на нового сотрудника Колледжа — и снова углубилась в свои мысли и завтрак. Но ей пришлось познакомиться с доктором Фростманом поближе в тот же день.

За ней появился директорский кентавр и лично проводил девушку в кабинет штатного психоаналитика.

— Рад вас видеть, мисс Гринвич! — Эту приветливую фразу доктор Фростман сказал таким равнодушным голосом, что Никки сразу насторожилась.

Доктор закурил сигарету и окутался клубами волокнистого дыма. Вентиляторы работали исправно, но едкий запах горелых растений всё равно заставил Никки поморщиться.

Какая-то машинка на столе доктора мерно и раздражающе постукивала.

— Когда вы проходите мимо открытой двери чужой комнаты, — неожиданно спросил Фростман, — повернёте ли вы голову, чтобы посмотреть внутрь?

— Не знаю, — пожала плечами Никки. — Наверное, нет. Зачем вы спрашиваете?

— Я вскрываю ваш паттерн стимульных элементов, — хладнокровно сказал доктор, — из-за которого вы представляете собой проблему.

— Почему вы видите во мне проблему?

Но с доктором было трудно разговаривать. Он отвечал только на те вопросы, на какие считал нужным.

— Не важно, что я в вас вижу. Важно — чем вы являетесь.

— И чем же я являюсь?

— Предметом исследования.

— Значит, вы здесь из-за меня.

— Люблю умных людей, — сказал довольно доктор. — Глупых надо ещё поднять и расшевелить; с умными всё проще — они сами бегут, их нужно только направлять.

— Боюсь, что со мной у вас действительно будут проблемы, — просто и без нажима сказала Никки.

— Я и появляюсь только там, где возникает серьёзная проблема. Я её анализирую и решаю — или даю рекомендации по решению. За это мне и платят.

— Кто вам платит за пребывание здесь?

— Вы же не надеетесь, что я отвечу на этот вопрос? — усмехнулся доктор, не сводя внимательных глаз с Никки. — Но я отвечу. Меня нанял Попечительский совет для улучшения психологической атмосферы в Колледже.

— Почему она вдруг испортилась?

— Исследованием этого вопроса я как раз и занимаюсь.

Доктор закурил новую сигарету и с удовольствием выпустил клуб дыма, достигший Никки. Та демонстративно скорчила гримасу.

— Зачем вы так много курите?

— По ряду причин. Во-первых, *мне* нравится. Во-вторых, курение — слабость, и все это знают. Вы подсознательно приходите к выводу о моей слабовольности, и это плюс в мою пользу. В-третьих, дым *вам* не нравится. Вы раздражаетесь, уходите из точки баланса, становитесь уязвимее.

— Не очень надейтесь на мою уязвимость, — холодно улыбнулась Никки. — Многие испытывали меня на прочность, но без особого успеха.

— Вы говорите об этих овечках из Попечительского совета? — пренебрежительно отмахнулся доктор. — Их беспомощность перед лицом такого противника была столь очевидна, что потребовалась помощь профессионала. Лучшего в своей области. Поэтому я здесь.

— Почему вы так откровенны? — удивилась Никки.

— Потому что я ценю простой, но эффективный метод психологического давления, — невозмутимо сказал доктор Фростман. — С этого дня вы часто будете думать обо мне. Очень часто. Вы — дитя природы и никогда не сталкивались с по-настоящему умным человеком. Вы ловко орудуете кулаками, мечами и прочими глупыми материальными предметами. Но здесь они вам не помогут.

— Значит, доктор, вы — враг? — прямо спросила Никки.

— Вовсе нет! — Доктор вдруг расцвёл обаятельной улыбкой. — Я хочу вам помочь! Вы сами не знаете, насколько ваше положение опасно. Неужели вы подумали, что я могу нанести вам вред? Ведь врачи дают клятву Гиппократата! Да, я готов на многое, чтобы выбить вас из самодостаточного равновесия, в котором любые внешние сигналы несущественны. Вы горды и самоуверенны, властны и альтруистичны — такое состояние отрицает эффективный диалог. Доверьтесь мне, давайте не спеша поговорим о вас... Никто не узнает о содержании нашего разговора — это врачебная тайна. Вы увидите — вам станет легче. Вы так долго жили одна... под стрессом смертельной опасности... вам нужен человек, которому вы сможете доверить свои печальные... тяжёлые... тайные мысли...

Машинка на столе доктора стучала всё громче и громче.

Голос доктора гипнотически обволакивал девушку, и ему нельзя было не верить! Он был убедителен. *Слишком* убедителен, чтобы быть искренним.

Усилием воли Никки стряхнула с себя оцепенение, вскочила, дошла до двери и обернулась.

— Ну и работка у вас, доктор! А вы когда-нибудь терпели неудачу? Как часто ваши рекомендации оказывались неправильными?

— Никогда, — спокойно сказал доктор Фростман. — Вы — сложная проблема, но тоже будете решены. Как всегда.

— Любое «всегда» когда-нибудь заканчивается! — И Никки вышла.

Доктор произвёл впечатление на девушку. В его поведении и словах чувствовался могучий и безжалостный интеллект, цинично поставленный на службу врагам Маугли — всё ещё неизвестным, но всё время дающим о себе знать.

Итак, она получила в Колледже личного надзирателя. Хитрого, как сто чертей! Каких неприятностей ждать от него?

Девушка зашла в свою комнату. На экране дисплея мигало письмо, состоящее из одной строки:

«Поздравляю с титулом, королева! Я тебя люблю. Будь готова к проблемам».

«Кто тут так влюбился?» Никки всмотрелась в сетевой адрес отправителя и озадаченно подняла брови. Писал эйнштейнианец — если судить по стандартной части адреса, но вместо имени был пробел. Никогда Никки не видела такого необычного адреса. Пробел. Space. Пустота. Космос. Пространство.

— Кто это объясняется мне в любви? — спросила она Робби.

— Затрудняюсь идентифицировать, — ответил тот.

Никки написала: *«Ты кто?»* — и нажала клавишу ответа.

Сразу высветился ответ Сетевого Почтальона:

«Такого адреса не существует. Письмо не может быть доставлено».

— Как же ты мне доставил письмо с несуществующего адреса? — воскликнула Никки. И отвернулась к кофейнику — налить себе чашку. За спиной тренькнул сигнал. Девушка обернулась: загадочный адресат ответил на недоставленное письмо!

«Я — наблюдатель. Всё время слежу за тобой. И думаю о тебе».

«Мне не нравятся шутки анонимов! Представься!» — набрала Никки.

«Не могу. У меня нет имени», — ответил экран и на этом прекратил общение. Никки пожала плечами и выбросила из головы собеседника, напускающего на себя излишнюю таинственность.

Пространство снова подало голос через несколько дней. На экране засветилось:

«Победить зло нельзя, просто уничтожив его. Его нужно ещё заменить добром — чтобы не возникало нравственного вакуума».

«Зачем ты мне пишешь?» — спросила Никки.

«Ты — мой шанс. Мне хочется тебе помочь».

«Что ты можешь?»

«Я гораздо умнее и опытнее тебя. Это плохо, потому что ты меня не понимаешь».

Больше Голос ничего не захотел добавить.

— Кто так странно объясняется? — удивилась Никки.

Робби откликнулся:

— Я не могу построить устойчивый психопортрет нашего собеседника. Но полагаю, что он — не человек и не компьютер.

— Ты меня заинтриговал. В меня влюбился зелёный человечек? Может быть, Голос — это шутки доктора Фростмана? Тогда от общения с ним хорошего ждать не приходится.

Робби уверенно ответил:

— Анализ показывает, что пишущий эти письма достаточно доброжелателен. Но, конечно, себе на уме.

— Ну, тогда пусть вещает. Я где-то слышала, что доброжелатели обожают анонимность.

Глава 7

Тёмный космос

В ноябре Никки позвала Джерри в Шрёдингер. Когда проезжали по тоннелю, юноша косился на чёрные провалы боковых ходов, но Маугли их игнорировала.

Они прошли по главной улице городка, тщательно имитирующей средневековые, потом наугад свернули в проулок — и наткнулись на большой павильон-замок с полыхающей вывеской «Министерство магии».

— О! — оживился Джерри. — Это гаррипоттеровский магазин волшебных товаров.

— Мне так и не удалось прочитать эту книжку, — сказала Никки.

Друзья прошли сквозь каменную арку, завешенную ветхим занавесом. Их встретил молодой продавец с бритой головой и конопатой улыбкой.

— Входите-заходите! — частил он. — Умрёте от восторга! Наши волшебные товары используют новейшие достижения нанозлектроники, а меня зовут Стэн.

Продавец, приглашающе махая руками, повернулся к ним спиной. Из затылка продавца торчала пренебрежительная красноглазая маска то ли человека, то ли змеи.

— Чего уставились, мерзкие маглы? — проскрипел человек-змея, сверкнув щелевидными зрачками, и заворчал: — До чего я докатился! Держал в страхе весь мир, а теперь служу помощником лавочника. Требую немедленной прибавки к зарплате!

— А вас как зовут? — спросила Никки глазастый затылок продавца.

— Меня нельзя называть, — буркнула затылочная маска, — подавись они все змеиным молоком!

Стеллажи магазина были заполнены непонятными для Никки предметами. Здесь продавались пучки прутьев, надетые на полированные шесты, и мумифицированные руки со свечами; таинственные серебряные приборы, выпускающие клубы дыма, и шахматные доски, где фигурки переругивались и махали кинжальчиками.

На полу стояли бочонки с золотыми монетами и большой сундук с мрачно-красными кристаллами. Криво висел ценник: «Философские камни для бессмертия и богатства, 60 центов. Два камня — за доллар!»

На подносе мигала груда значков: «Я — Пожиратель Смерти», «Я люблю Гарри Поттера!», «Я обожаю профессора Снегга!» На крючке висел парик с крупными завитками и надписью «Скальп Риты Скитер», рядом сутулилась приземистая кукла в розовой кофточке «Профессор Амбридж».

Джерри с удовольствием ворошил кучу маскарадных масок: «Кошка Гермиона»... «Красавчик Грюм»... «Весёлый инфернал»... и вдруг вскрикнул — черномордая Гермиона неожиданно укусила его за палец, а потом кокетливо улыбнулась, зверюга. Рядом уже знакомый человек-змея злобно моргал на мудро улыбающуюся седобородую маску «Душка Дамблдор».

— Широкий ассортимент волшебных палочек! — восклицал продавец. — От простых «Авада Кедавра» с лампочкой до самых сложных — со встроенными процессорами и голографическими проекторами. «Пальцем вейлы» вы можете пускать фиолетовые пузыри, разноцветные лучи и даже вызывать Патронуса!

Никки ничего не понимала, но на всякий случай улыбалась. В воздухе плавали горящие свечи, носились крылатые мячики и красно-золотой феникс. Девушка поймала одну из свечей. Судя по лёгкости, она была наполнена гелием и содержала каплю изотопной краски.

— Вредноскоп светится, когда кто-то вам врёт! — разливался Стэн.

Небольшой шарик светился непрерывно, видимо, реагируя на речи продавца.

Никки увидела знакомый потёртый колпак:

— О! — обрадовалась она. — Старая кожаная шляпа!

— Привет! — открыл колпак чёрный кривой рот. — Трудности выбора? Поболтаем?

— Не слушайте эту старую рухлядь, — ласково сказала мутное шестифутовое зеркало. — Подойдите, и я покажу вам всё, о чём вы мечтаете!

Огромное яйцо на соседней полке сердито застучало и стало раскачиваться. Наконец, кусок пёстрой скорлупы отвалился, и из отверстия пыхнуло огнём. Вслед показался

дракончик с колючей мордой. Он осмотрелся по сторонам, грязно выругался — и вернулся в яйцо, плотно захлопнув скорлупу.

Джерри веселился вовсю, разглядывая волшебные товары, но у Никки «вязанные мочевые пузыри», «мозгошмыги» и «клыкастые фрисби» никаких ассоциаций не вызвали. Девушка заглянула в «набор начинающего негодяя», попыталась разгадать принцип действия «мантии-невидимки», но быстро сдалась.

— Здесь масса сложной электроники, — сказал Джерри. — Технология смогла превратить волшебные вещи из «Гарри Поттера» в реальные игрушки.

— Испытайте наши легендарные аттракционы! — заманивал продавец. Затылочная маска вздохнула и закатила глаза.

— Самый популярный — «Спуск по канализационным трубам». Но «Раздуй тётушку Мардж» тоже пользуется большим успехом. А многих посетителей за уши не оттащишь от игры «Врежь Малфою».

Стэн так замахал руками, что даже слегка взлетел.

— На аттракционе «Извергающийся унитаз» вы просто обхохочетесь! Последняя новинка — «Омолаживающая ванна Вольдеморта» — вошла в моду даже у взрослых.

Продавец указал на отдельный стенд:

— Рекомендую наши бытовые новинки: портативный кондиционер «Поцелуй дементора», оздоравливающий крем «Гной бурбонтюбера» и гиперклея «Сопли тролля».

Стэн помахал какими-то книжками:

— Жидкокристаллическая схема Луна-Сити «Карта мародёров» и говорящий еженедельник «Дневник Реддла»!

В воздухе возникло молочно-туманное привидение с головой, всё время клонящейся набок. Призрак придерживал её одной рукой за ухо.

— Посетите наш буфет! — приветливо сказала привидение в старинном костюме. — Хоть посмотрю, как едят живые.

— Как жизнь, Почти Безголовый Ник? — спросил Джерри.

— Вы бестактны, — с достоинством ответило привидение. — Разве это жизнь?

Никки и Джерри, сопровождаемые продавцом и привидением, отправились в буфет.

В центре павильона раскинулся двухметровый вокзал с железной дорогой. Красный паровоз свистнул и тронулся в путь к живописному замку у озера. Машинист выглядывал из паровозной будки и пронизательно щурил оловянные глаза.

На буфетных столиках лежали газеты «Ежедневный пророк» и «Ведьмин досуг».

Зеркальная стойка бара наполнилась бутылками со странными напитками: там было «Сливочное пиво», «Кровь единорога» и совсем уж подозрительная «Жёлчь броненосца». Закуски в витринах показались Никки не менее сомнительными: перечные чёртики и блевальные батончики.

В меню предлагались «Тушёная говядина с когтями» и жаркое «Крыса Ньюхалза».

Отдельная витрина называлась «Блюда с бала привидений». Никки увидела, как шевелятся лепёшки на подносах, и поспешно сказала:

— Я не голодна!

У входа в отдел «Киберволшебник» сидела горгулья и степенно беседовала с огромным пауком. Они оба попробовали улыбнуться посетителям; на второй попытке горгулья вывихнула себе челюсть.

Здесь бродили одетые в полотенца пучеглазые домовые эльфы и гномики с шишковатыми лысынями. Над ними парил летающий человечек с водяной бомбой в руках: человечек во всех целился, но бомбу не бросал, жмот.

Гоблин с острыми ушами, кентавр и трёхголовый пёс, ожидая новых хозяев, резались в булевые кости. Василиск с этикеткой «портативная модификация» внимательно наблюдал за игроками, рассерженно шипя при их неудачах. Его не брали в игру из-за безрукости и безлапости.

— Купите меня! — с мольбой обратилась к друзьям кареглазая эльфа. — Я буду

служить вам верой и правдой.

— Лучше меня, я на полгода её новее! — сунулся вперёд зеленоглазый домовой. Эльфа злобно взвизгнула и поставила ему подножку. Домовой хлопнулся ничком, согнув о пол длинный нос, но быстро вскочил и сказал: — Это не считается! У меня прекрасная система стабилизации. Просто мой главный гироскоп сейчас отключён.

Засмеялись и закашляли пустые рыцарские доспехи.

Рыжие саламандры и мелкие ярко-синие черти подметали пол, переругиваясь насчёт оптимальной стратегии уборки мусора.

— Пожалуйста, заходите ещё, мерзкие маглы! — проскрипела вслед друзьям маска змее-человека. Это была версия для самых юных покупателей — с законодательно ограниченным набором ругательств.

Друзья вышли из «Министерства» через дверь в большом камине. Пройдя пару кварталов, они попали на бетонную Мун-Плазу: гулкое пространство с шипящим фонтаном в центре и газонами по краям. На краю площади стояло главное деловое здание Шрёдингера в семь этажей.

Никки спросила Джерри:

— Тебе здесь нравится?

— Неплохо, — кивнул Джерри. — А почему ты спрашиваешь?

Никки загадочно улыбнулась — этакая темнила! — и они зашли в здание, где висело объявление о сдаче в аренду деловых офисов на свежотремонтированном пятом и четвёртом этажах.

Девушка попросила выскочившего навстречу молодого клерка показать им офисы.

На четвёртом этаже ей понравился угловой кабинет, декорированный золотым тисом, и она с удовольствием развалилась в белом кожаном кресле за широким лакированным столом из узорного дерева.

— Этот офис очень дорогой, — осторожно сказал клерк. — Он сдаётся вместе с двумя смежными комнатами.

— Сколько всего офисов на этом этаже?

— Пятьдесят два. — Клерк не скрывал досады на то, что теряет время на экскурсию для двух подростков.

— А на обоих этажах?

— Сто десять! — Молодой служащий тратил последние монетки своего терпения.

— Кто составляет договор об аренде? Вы? — спросила Никки, не обращая внимания на клеркову нервность.

— Менеджер здания, — ещё больше нахмурился тот.

— Позовите его сюда, пожалуйста, и скажите, пусть захватит побольше нужных бумаг — я снимаю оба этажа на три года, — и Никки развалилась в своём новом кресле.

Служащий остолбенел, потом осторожно двинулся к двери, не сводя глаз со странных посетителей.

— И захватите, если не трудно, минеральной воды, — попросила Никки, — похолоднее.

Клерк не то кивнул, не то споткнулся в проёме дверей и исчез.

Девушка посмотрела в окно, выходящее на единственный парк Шрёдингера. Неплохой вид. Не Колледж, но всё-таки.

Джерри удивлённо сказал:

— Ты выбрала место для Гринвич-Центра? Адвокат Дименс уже вытряс что-то из Страхового фонда?

Никки победно улыбнулась:

— Сто миллионов! И это лишь начало. Поздравляю тебя, Джерри, — больше нам не придётся переживать по поводу платы за Колледж.

— Это я тебя поздравляю, — сказал, улыбнувшись, Джерри. — Надо отпраздновать основание Гринвич-Центра.

Девушка кивнула:

— Непременно. Как только Центр будет официально зарегистрирован, мы устроим шикарный приём — на другом этаже есть хороший зал, он вместит человек двести-триста.

Джерри имел в виду гораздо более скромный вариант праздника, но лишь вздохнул и возражать не стал. Королевы лучше знают, как управлять своим королевством.

— Первым сотрудником нашего Центра будет детектив, — вдруг сказала Никки. — Наконец-то у нас есть деньги, чтобы провести тщательное расследование смерти наших родителей. Нам нужен профессионал — с лицензией и опытом, — который сможет вычислить убийц.

— Ему стоит поручить и расследование смерти других людей из списка-88... — нахмурившись, сказал Джерри.

— Конечно, ведь список доказывает, что здесь всё взаимосвязано... и, возможно, за всем этим стоит один противник, — и королева вздохнула. — И мы до сих пор не понимаем — почему он нас преследует...

Всё переплелось и сцепилось в клубок невероятной сложности.

Враг, который напал на «Стрейнджер» и всё время пытается убить её. Или — уничтожить Робби?

Некто, убивший родителей Джерри и охотящийся за теорией его отца.

Тайный список, в который включены и отец Джерри, и марсианский учёный, коллега родителей Никки.

Юная королева внимательно посмотрела на своего друга:

— Когда враг станет известен, для нас обоих начнётся самое трудное время...

До чего беззаботной и счастливой была жизнь Никки на астероиде!

Всего-то проблем — выжить самой.

— Справимся, — слишком уверенно сказал Джерри, давно находившийся под дурным влиянием астровитянки.

На стене астрономической аудитории висело изречение из старого учебника:

«Какой-то принцип, единственно верный и единственно простой, когда он нам станет известен, будет также столь очевидным, что не останется сомнений: Вселенная устроена таким-то и таким-то образом и должна быть так устроена, а иначе и быть не может. Но как открыть этот принцип? ...Несомненно, дверь однажды распахнётся, и перед нами откроется сверкающий механизм движения мира во всём великолепии и простоте».

Глаза скользили по привычной цитате, не останавливаясь. Люди редко задумываются над принципами устройства мира, в котором живут.

Занятие началось недавно, а Джерри уже вовсю боролся с дремотой. Голос лектора то усиливался, то снова уплывал за горизонт.

— Астрономы обнаружили поразительный факт...

Голова сонного Джерри упала с плеч, и он поймал её над самой партой.

— ...наблюдаемая скорость вращения нашей Галактики оказалась слишком большой, чтобы её можно было бы уравновесить гравитацией видимых звёзд.

«Чем уравновесить мою голову, чтобы она не падала?» — вяло подумал юноша.

— Что удерживает внутри Галактики миллиарды светил и наше Солнце? Почему они не разлетаются во все стороны, как камни из пращи? Равновесие Млечного Пути объяснили дополнительной силой, притягивающей звёзды к центру Галактики вдобавок к обычной гравитации. Но чем вызвана эта таинственная сила? Учёные-«кладоискатели» ищут, но не могут найти недостающую «тёмную материю» из гипотетических частиц.

«Мне бы ваши проблемы...» — Мозг Джерри еле шевелил языком.

— Физики-«модификаторы» считают, что нужно изменить теорию гравитации, увеличив силу притяжения на галактических расстояниях...

Джерри жутко не высыпался из-за работы в Гринвич-Центре, где он продирался сквозь уравнения отцовской теории и пытался построить модель для расчёта исторических линий.

Главным помощником юноши — вернее, помощницей — стала Тамми, сестра-близнец Робби. Перенос структуры его интеллекта на новый носитель класса А9 прошёл успешно, и появление новорождённой было отмечено торжественным ужином. Тамми сохранила все интеллектуальные качества Робби, но получила новое имя и девичий голос. Тамми сразу включилась в проект социомоделирования и начала свою, независимую от брата историю. Электронный интеллект приносил немало пользы, но работы всё равно было больше, чем нужно. И биологическому напарнику Тамми от сонливости на лекциях ничего не помогало — ни тонизирующая жвачка, ни частая перемена положения тела. Даже булавка, жестоко втыкаемая в колено, вызывала лишь краткий прилив бодрости.

— ...в Солнечной системе тоже есть дополнительное притяжение, открытое по аномальному замедлению древних космических аппаратов «Пионер». Этот избыток гелиоцентрического притяжения, названный эффектом «Пионера», мал, но не объясним в ньютоновской или эйнштейновской механике...

Джерри сдался и сладко задремал. Никки периодически толкала его локтем, но до усталого юноши доносились лишь обрывки:

— ...можно ли отнести удивительный эффект «Пионера» к проявлению феномена «тёмной материи»?

Когда лекция закончилась, Никки растолкала Джерри и потянула его не в кафе — обедать, а в лес.

— Куда мы идём? — удивлялся Джерри, но Никки не успокоилась, пока не затащила его на теннисный корт, где никого не было, и не усадила на скамейку для болельщиков.

— Джерри! Ты проспал важные вещи! — Глаза Никки блестели, лицо покраснелось.

— Что я проспал? — с неудовольствием спросил Джерри. Кому приятно узнать, что он пропустил что-то интересное?

— Ты понял суть эффекта «Пионера»?

— Э-э... нет, — честно признался юноша.

— Слушай меня внимательно и не спи! — воскликнула Никки.

— Не буду, — пообещал Джерри. — Слушая тебя, я ещё ни разу не засыпал. Но всё когда-нибудь случается впервые.

— В нашей планетной системе действует неизвестное притяжение, направленное к Солнцу. Самое поразительное, что обычная гравитационная сила зависит от радиуса по закону обратного квадрата, а эта таинственная сила — КОНСТАНТА!

— Странная штука! — согласился юноша. — Может, в лоб «Пионеру» дует какой-нибудь галактический ветер из водорода?

— Замедление одинаково для обоих «Пионеров», летящих в разные стороны от Солнца.

— Всё страньше и страньше! — снова удивился Джерри. — Да, не стоило мне сегодня дрыхнуть на лекции, но я никак не могу справиться с проклятой сонливостью...

— Эффект действует на небольшие твёрдые тела типа «Пионеров», но практически не влияет на Землю или Марс — иначе бы небесные механики давно забили бы тревогу...

— У тебя есть идея, как объяснить этот загадочный феномен? — заподозрил окончательно проснувшийся Джерри.

— Мы с Робби обдумывали модель Вселенной с переменной массой и не трогали тёмную материю в галактиках и околозвёздный феномен «Пионера». Но сегодня я подумала — а не может ли наша космологическая модель объяснить и эти локальные чудеса? И тут меня осенило! Клянусь Андромедой, если проследить за коллапсом Вселенной, то всё станет ясно.

Никки взъерошила прозрачные волосы, и они вздыбились серебряным туманом.

— В сжимающемся мире тесно, и звёздные скопления начинают сталкиваться. Над головой обитателей сливающихся галактик разгорается огненное облако из звёзд, а потом — небо перечёркивается крестом из млечных путей.

Девушка говорила сомнамбулически, глядя в пространство.

— Чем меньше Вселенная, тем ярче ночное небо для её жителей. Звёзды становятся

видны даже днём. Небо разгорается люстрами шаровых скоплений и кольцами туманностей от взорвавшихся звёзд. И три смерти спускаются из космоса: холодная, огненная и невидимая.

Неспешно проговаривая слова, Никки переводила внутренний взор с предмета на предмет и успевала увидеть его судьбу в сжимающейся Вселенной.

— Чужая звезда вторгается в Солнечную систему, срывает планету с орбиты и выбрасывает её в холод межзвёздного пространства. Мир, потерявший солнце, обречён на замерзание. Атмосфера планеты выпадает последним страшным снегом, и огромные метровые хлопья застывшего воздуха засыпают ещё недавно цветущие города...

Девушка направляла мысль, как фонарик в тёмной комнате. В глазах Маугли мерцал отблеск космических катастроф.

— Огненная смерть быстра: чужая звезда врзается в Солнце, и рождается раскалённый распухающий вихрь. Планета корчится от жара излучения, а потом налетает плазменный ураган от слияния солнц. Океаны с гулом испаряются и улетают вместе с атмосферой. Города и горы плавятся. Зелёная планета превращается в шар оранжевой магмы...

Джерри стало жутко.

— Невидимая смерть тиха. Бесшумная вспышка близкой Сверхновой заливает планету жёстким излучением. Животные распадаются в жидкие клочки, растения чернеют в головешки. В потоке космических лучей выживают только подземные лишайники и глубоководные креветки.

Девушка сделала паузу, ещё раз взвесила Вселенную на мозолистой ладошке и продолжила рассказ из будущего:

— В тесной Вселенной сливаются вместе газовые облака и чёрные дыры, красные гиганты и белые карлики, железные и нейтронные звёзды. Галактики становятся «городами-призраками» из самых прочных сколлапсировавших объектов — чёрных дыр. Но и коллапсары в тысячи и миллионы масс солнца не вечны: они сталкиваются друг с другом, порождая могучие вспышки гравитационных волн, — до тех пор, пока вся Вселенная не превратится в единственный вид неуничтожимой материи — в плотное облако гравизлучения или в сгусток колебаний самого пространства и времени. Вселенная из гравитационного излучения становится невесома и, минуя сингулярное состояние, снова расширяется, порождая вещество нового космологического цикла с помощью эффекта Хокинга, выбивающего частицы из вакуума.

— Это я помню из твоего реферата, — сказал Джерри.

— Масса обычной материи в момент максимального сжатия Вселенной близка к нулю, а энергия — вернее, псевдоэнергия! — гравитационных волн максимальна. Я раньше думала, что она равна энергии звёзд, погибших при коллапсе Вселенной, но ведь гравитационное излучение — вечная материя, переходящая из цикла в цикл. Энергия пространственно-временных волн, пришедших к нам из предыдущего цикла Вселенной, может быть — должна быть! — ОЧЕНЬ большой... — в миллионы или миллиарды раз больше энергии обычной материи.

Синие глаза девушки светились, как у сиамской кошки:

— Наша материальная Вселенная оказывается лишь свежей пеной из элементарных частиц на поверхности глубокого древнего океана гравитационных волн! Реликтовое гравитационное излучение — и есть ненайденная тёмная субстанция нашего мира, отвечающая за странное поведение галактик и «Пионеров».

Джерри подумал и вопросительно уточнил:

— Ты утверждаешь, что реликтовых гравитационных волн так много, что они способны сталкивать железный сундук «Пионера» с курса?

— Да. Гравитационное поле Солнца, погружённое в реликтовое излучение, действует на тела не так, как обычное поле без излучения. Гравитационные волны со всех сторон налетают на спутник, трясут и толкают его в сторону звезды. Ведь у Солнца траектория волн и частиц искривляется, и они падают на корпус спутника преимущественно с внешней

стороны. Это и даёт поправку к обычному притяжению Солнца.

— Но почему же эта поправочная сила — константа? — воскликнул Джерри.

— Сейчас я не могу сказать однозначно, но эффект «Пионера» должен зависеть от величины искривления траекторий налетающих на него волн. Эта кривизна определяется гравитационным потенциалом, который обратно пропорционален радиусу, — в отличие от гравитационной силы, равной производной от потенциала и падающей обратно квадрату радиуса. Но направление эффекта всё равно должно задаваться производной, то есть градиентом потенциала, потому что сам потенциал — скаляр и направления не имеет. Вероятно, эффект «Пионера» обусловлен удивительным фактом, что в нашей планетной системе доминирует гравитационная сила Солнца, зато галактический потенциал вокруг нас гораздо больше, чем солнечный!

— Клянусь Магеллановыми Облаками! — воскликнул Джерри, для математических извилин которого разобраться в паре градиентов было сущим пустяком. — Галактика выигрывает по потенциалу, но проигрывает по градиенту, значит, эффект «Пионера» направлен на Солнце, но если его величина зависит от почти постоянного галактического потенциала, то она и будет константой. Ты объяснила главную загадку аномалии «Пионеров»!

Юноша с искренним восхищением посмотрел на Никки.

— А почему крупные планеты не реагируют на гравитационное протоизлучение?

— Эта проблема проще коровьего мычания, затухающего в атмосфере, — отмахнулась Маугли. — И планета, и космический аппарат — это детекторы гравитационного протоизлучения, чувствительность которых зависит от размеров и состава. Небольшой аппарат — более оптимальный приёмник коротких волн, чем огромная планета, где эффект высокочастотных гравитационных волн быстро затухает. Возможно, тело меньшее, чем «Пионер», будет ещё лучшим приёмником... Надо подумать о практическом использовании аномалии «Пионеров»!

— Практическом? Сквозь сладкий сон я слышал, что величина этого ускорения — около одной десятиллионной доли сантиметра в секунду за секунду.

— Из-за давления гравизлучения межпланетная станция сносится от законной траектории на четыреста километров за год! Для такого сноса мощность гравизлучения, которое почти не взаимодействует с веществом, должна быть фантастической. На границе Солнечной системы аномалия достигает одной десятой процента от гравитации Солнца — жуткий скандал в небесной механике. Чем дальше, тем аномалия больше! Притяжение Солнца к центру Млечного Пути — наполовину эффект «Пионера». На галактических окраинах и в скоплениях галактик давление гравитационного излучения в ДЕСЯТКИ и СОТНИ раз превосходит ньютоновское притяжение. Мы нашли силу, которая держит звёзды!

Девушка взъерошенным леопардом металась по теннисному корту.

— Почему на уроках всё так скучно, а в твоём изложении — так интригующе? Я полагал, что космологическое — это *нечто*, происходившее давно и далеко, а ты утверждаешь, что это таинственное и древнее *нечто* — совсем рядом...

— Чтобы не вызывать разброд в юных мозгах, школьный учебник избегает передовой науки, где истина ещё только ищется.

— Чтобы дети не мучились сомнениями, их мозги надо засушить? — фыркнул Джерри.

— Вокруг нас, — Никки соединила ладони вместе, будто зачерпывала воду, — бездна реликтовой энергии, океан гравитационного протоизлучения! И почему его никто не искал?.. — Маугли внимательно глядела внутрь ковшика ладоней.

— Всё-таки ты очень умная девушка... А почему ты думаешь, что никто не пытался построить детектор для высокочастотного гравизлучения? — поинтересовался Джерри.

— Бородавки Юпитера! Это интересный вопрос... — задумчиво протянула умная девушка Никки. — Действительно, почему я так решила, идиотка?

Гуляя в выходные по Шрёдингеру, Никки с Джерри забрели в ресторан «Фаст-Фуд». Никки никогда здесь не была, и ей, любопытной, захотелось посмотреть.

Войдя в пустой — ресторан только что открылся — зал, они увидели, как возле кухни толстый лысый менеджер ругает подростков-официантов за то, что они составили несколько столов вместе и натащили туда журналов.

— Здесь люди едят, а не развлекаются! — кричал он на них.

— Что плохого, если они ещё и почитают? — пробовал возражать длинный рыжий подросток. — Они подольше просидят и снова что-нибудь закажут!

— Они будут торчать здесь весь день, занимая место! Вместо дурацких фантазий лучше бы прибрались в кладовках, там такой кавардак!

— Я стараюсь как могу!

— Вам не надо стараться, вам надо слушаться!

Никки села за столик и демонстративно кашлянула.

Менеджер сам поспешил к ним с приторной улыбкой из-под вспотевшей лысины.

— Добро пожаловать в наш ресторан!

Он ненужно поправил салфетки на столике и протянул тонкие книжицы.

— Пожалуйста, вот меню. Сразу что-нибудь хотите заказать?

— Принесите воды с лимоном и льдом. И я хочу, чтобы нас обслужил вон тот официант, — и Никки показала на рыжего подростка.

Менеджер не стал перечить: сделал рыжему знак и ушёл на кухню.

Никки подождала, пока официант разольёт воду по бокалам, и спросила:

— О чём ты спорил с толстяком?

Рыжий удивился, оглянулся на дверь, куда ушёл менеджер, и сказал:

— Я не должен обсуждать с клиентами внутренние дела ресторана.

— Но ты не должен и противоречить клиентам! Отвечай! — властно приказала Никки.

— Ну... мы просто хотим, чтобы молодёжи было повеселее здесь, а то в Шрёдингере совсем нет места, где ребята могут собраться, послушать музыку, почитать журналы, поговорить...

— А толстяк только за то, чтобы кормить посетителей? — спросила Никки.

— Да... это же ресторан, а не молодёжный клуб...

— А ты хотел бы здесь устроить такой клуб?

— Конечно! — Рыжий вспыхнул улыбкой, как лампочка. — Можно было бы поставить экраны, провести Сеть, устраивать по вечерам танцы...

— О банде «Лунные волки» ты слышал? — вдруг неожиданно спросила Никки.

Рыжий так удивился, аж рот раскрыл.

— Я-то, конечно, слышал, а вот вы, ваше величество, откуда про них знаете?

«Не то чтобы знаю, но они сами напрашивались на неприятности...» — подумала Никки.

— А! Тебе известно, кто я?

— Шутите? Любой подросток в Шрёдингере в курсе! Девчонка-королева, живёт рядом, в Колледже. Ха!

— Ваш менеджер меня не узнал, — сказала Никки.

— Он не смотрит тивизор, — махнул рукой рыжий, — слишком занят.

— Как выживет молодёжный клуб, если не будет торговать едой, как ресторан?

Подросток замялся.

— Продавать билеты, может быть... Правда, у подростков мало денег. Честно говоря, не знаю...

Никки спросила:

— Толстяк — владелец ресторана?

— Нет, он менеджер. Владеет рестораном какая-то компания в Луна-Сити. Э-э...

— «Фаст-Фуд Анлимитед» — сказал Робби.

— Именно! — обрадовался рыжий.

Никки пошевелила губами, потом снова спросила:

— Что там с «Лунными волками»? Ты с ними дружен?

Из кухни выглянул толстяк, увидел, как официант точит ляды с парой несерьёзных клиентов, которые ничего не заказали, кроме воды, и сделал ему суровый подманивающий жест.

Официант дёрнулся на зов босса, но Никки его остановила:

— Я не закончила разговор.

Рыжий остался стоять у столика.

Толстяк рассердился и примчался:

— Мне нужны официанты для работы!

Никки сказала вежливым тоном:

— Голубчик, почему вы мешаете мне беседовать? Может, лучше займётесь кладовками?

Толстяк побагровел, но сдержался и исчез на кухне.

— Итак? — посмотрела Никки на рыжего. Его крапчато-зелёные глаза восхищённо сияли.

— «Лунные волки» нам не друзья, они держатся особняком. У них есть свой подвал, где они тусуются.

— Как тебя зовут?

— Витти, — ответил рыжий.

— Сколько тебе лет?

— Шестнадцать.

— Сумеешь сам организовать такой клуб? — спросила Никки. — Я тебе помогу.

— Где организовать? — замер от неожиданности Витти.

— Прямо здесь, — кивнула вокруг Никки. — Вроде, большое помещение.

Витти проглотил слюну. Кадык на его худой шее растерянно прыгнул вверх. Череп рыжего стал прозрачным, и хорошо было видно, как мысли в нём завращались со сверхсветовой скоростью. Язык дёргался, ругался, но не поспевал за ними.

— Даже не знаю... а как быть с билетами? Дорогих никто не купит, а на дешёвых клуб не проживёт...

— Давай последовательно, — успокаивающе сказала Никки. — Ты готов взяться за такое дело?

— Да! — кивнул Витти так энергично, что бедная голова чуть не оторвалась от худой шеи.

— Это помещение тебе подходит?

— Конечно! — Тут Витти не сомневался.

Снова подошёл толстяк.

— Мисс, вы меня извините, но здесь люди работают, а не болтают с приятелями. Вы должны что-нибудь заказать, а официант должен выполнять свои прямые обязанности. Таковы наши правила.

Никки задумчиво посмотрела на сердитую толстую физиономию менеджера и спросила:

— Робби?..

— Да! — ответил тот.

— Вы ошибаетесь, — сказала Никки менеджеру. — С сегодняшнего дня ресторан «Фаст-Фуд» становится местом, где люди болтают с приятелями, даже ничего не заказывая из меню.

— Что вы несёте? — вспыхнул менеджер. — Я определяю, что люди должны делать в моём ресторане!

— Уже нет, — возразила Никки. — С этого момента вы уволены за грубость с персоналом и клиентами. Новым менеджером я назначаю Витти.

— Кто вы такая? — взревел толстяк.

— Владелец этого ресторана, — спокойно объяснила Никки. — Я только что купила его за...

— ...три миллиона семьсот тысяч долларов, — подсказал Робби.

Толстяк побледнел.

— Ресторан «Фаст-Фуд» переименовывается в... — Никки вопросительно посмотрела на Витти. Тот бросил шапку официанта в потолок и радостно заорал:

— В «Гринвич-Клуб»!

Он подскочил к толстяку и ликующе закричал ему в лицо:

— Это же сама королева Никки!

Из кухни выбежали остальные официанты и повара, и начался невероятный шум. Челюсть толстяка отвисла, а лицо посерело. Бывший менеджер медленно повернулся и побрёл на кухню, снимая с себя халат.

Витти объяснил друзьям, что происходит, и они восторженно загудели.

Никки посмотрела на часы и властно сказала, прекращая шум:

— Предоставьте смету на переоборудование помещения — я оплачу. ИнфоСеть обязательна, но мониторы брать только «Эйнштейн Электроникс». Билеты делайте достаточно дорогие, но первые три посещения клуба — бесплатно. Каждый посетитель получает доступ к программе самообразования, и за успехи в обучении вход в клуб будет свободный. Начальный уровень не существен — прогресс важнее, а подход программы будет к каждому индивидуальный. Обучающий киберпакет я предоставляю; он вам понравится — похож на игру в виртуальные приключения.

Все ошарашенно загалдели:

— Местные ребята — хитрые! Чтобы ходить сюда без денег, они все захотят учиться по такой игровой программе...

— Нам этого только и надо... — улыбнулась Никки. — Мы будем всё время поднимать планку и стимулировать рост каждого... Самые успевающие смогут набирать баллы на заказ еды и на покупку книг в вашем клубе. Может, и денежные призы предусмотрим...

— Вот это жизнь! Да они отсюда вылезать не будут!

Рыжий внимательно посмотрел на королеву:

— Вы на этом не заработаете денег. Эта компания быстро обучится, но будет вам в чистый убыток. Зачем вам такое количество умников?

— Пригодятся, — уверенно ответила Никки. — Умные люди никогда в убыток не бывают. Программы самообразования я предоставлю такие, чтобы они помогли желающим поступить в школы космонавтов. Хотите стать пилотами и космическими геологами?

Подростки-официанты издали невнятный восторженный вопль.

Никки с Джерри покинули бывший ресторан «Фаст-Фуд», а ныне молодёжный «Гринвич-Клуб».

Будущие космонавты, пока ещё в кухонных фартуках, провожали их, побрасывая шапки в потолок и распевая какой-то варварско-бравурный гимн.

«Если попытка будет успешной, то откроем сеть „Гринвич-Клубов“. А Спейс Сервис заставим раскошелиться на их содержание, — деловито подумала Никки. — Коммодор Юр будет доволен».

Через несколько дней юной королеве позвонил Витти.

— Ваше величество... — сказал он и запнулся.

— Что за церемонии? — засмеялась девушка. — Зови меня Никки и выкладывай — что случилось?

— Никки, вы уволили менеджера Джерома... — с затруднением продолжил Витти. — Он, конечно, сварливый, но... у него двое детей, мать их оставила лет пять назад... старшая, Тома, уже взрослая — она учится в нашем классе и немного подрабатывает, но младшему Биллу всего десять, и его ещё не берут на работу... Зарплаты Тома и пособия по безработице Джерома хватит на пару месяцев. Сейчас у них тяжело с деньгами... Джером

ищет работу и дешёвую квартиру в Луна-Сити, а Тома всё время плачет, она не хочет отсюда уезжать. Ей нравится в Шрёдингере... у неё тут друг...

Щёки Никки запылали.

«Ты уже научилась увольнять людей, но ещё не научилась думать — а что с ними будет дальше... А эти люди — не воры и не бандиты. Просто они несимпатичны тебе лично. Но быть несимпатичным — не преступление, за это нельзя наказывать человека, тем более — его детей...»

Витти что-то бубнил и бормотал, но Никки его перебила:

— Ты согласен взять на работу Джерома — как помощника или снабженца?

— Конечно, — обрадовался Витти. — Он не такой уж плохой человек, просто с него всё время требовали прибыль...

— Не снижай ему зарплату — оставь, какой была. А где работает Тома?

— Она перебирает и протирает старьё в антикварном магазине, но платят ей там мало.

— Найдёшь ей приличную работу у себя в клубе?

— Да! — так откровенно возликовал Витти, что Никки сразу догадалась — кто в Шрёдингере друг у Тома.

— Держи меня в курсе событий жизни молодёжи Шрёдингера. Конечно, каждый должен сам зарабатывать, но если кому-то нужны деньги на колледж или на срочное лечение — то я всегда буду рада помочь... Если в жизни бывают неприятности, то должны быть и хорошие сюрпризы...

— Ещё бы! — Витти сиял, как лампочка.

— А придут «Лунные волки» — не прогоняй... если они придут мирно.

Никки отключилась и подумала — нужно самой поговорить с этим Джеромом и извиниться за поспешность. И вообще — ни одно, даже самое позитивное дело, кажется, не свободно от негативных последствий. Как оптимизировать свои решения? Может, заставить Робби суммировать отдельно положительные и негативные следствия предпринимаемых ходов? Или самой научиться думать получше? И делать более осторожные и безопасные шаги вперёд?

Никки вздохнула. Королевские возможности неизмеримо больше возможностей обычного человека, но и накладывают гораздо больше ответственности...

В кабинете из золотого тиса появились большие мониторы, компьютерные кубы и сложные заросли другой аппаратуры. Временный секретарь — рыжеволосая Мэри, одна из служащих адвокатской конторы Дименса, ввела посетителя — высокого мужчину в сером элегантном костюме. Чарльз Спенсер слыл самым результативным крайм-аналитиком Луны и страдал ранним облысением, поэтому брился наголо. Его карие умные глаза смотрели внимательно, движения были несуетливы.

Никки пожала ему руку и сказала:

— Офицер Горбин считает вас лучшим лунным детективом.

— Не буду с ним спорить, — с достоинством сказал Чарльз Спенсер.

— Нужно ли говорить, зачем я вас пригласила?

— Полагаю, вы намерены расследовать гибель родителей и покушения на вас.

— Правильно, — кивнула Никки. — Если вы согласны, то можете сами набрать себе помощников и начинать хоть сегодня. Будете работать в сотрудничестве с полицией — через офицера Горбина — и со Спейс Сервис.

— Согласен. Но я не буду вашим служащим, мы заключим временный контракт.

— Хорошо, — тоже согласилась Никки. — Обратите внимание на возможную причастность преступников к гибели родителей Джеральда Уолкера и ещё шестерых людей... вот их список. Все они были убиты при достаточно загадочных обстоятельствах.

— Есть данные о связи этих убийств? — заинтересованно спросил Спенсер.

— Только гипотеза, что они — дело рук одной организации, — сказала Никки. — Извините, не могу сказать вам, на чём она основана. Прошу вас не распространять этот

список и стараться не привлекать к нему внимания... Как вы думаете — справитесь с задачей?

— Я практически гарантирую, что преступник будет найден. Но не могу обещать, что разыщу улики, способные посадить его на скамью подсудимых.

— Но я буду знать — кто стоит за всеми этими событиями? — спросила Никки после паузы.

— С вероятностью девяносто пять процентов. Несколько преступлений, совершённых одним лицом или группой лиц, дают хорошие краевые условия для причинно-следственной модели.

Никки перевела дыхание и сказала:

— Мэри покажет офисы для вас и вашей будущей группы.

Через десять дней Чарльз Спенсер снова сел в кресло возле деревянного стола, на котором золотой смолой были нарисованы линии жизни и любви старого тиса.

Детектив хмуро сказал:

— Мы опознали по записи компьютера акцент «зеркального убийцы», напавшего на вас в тоннеле. Редкий выговор, клянусь улыбкой Скорпиона! Этот тип — выходец из небольшой южной страны Билании.

— И что? — спросила Никки.

— Билания — родная страна короля Симмонса, — мрачно сказал Спенсер. — Вероятность неслучайности — шестьдесят процентов.

Его настроение показывало, что преступник такого уровня — проблема гораздо более сложная, чем рядовой уголовник или даже мафиозная организация.

Никки вспомнила неприятного толстяка в парчовой одежде, которого сопровождала бритоголовая девочка.

— Вот как... король Симмонс, видный представитель Южных династий...

Она помолчала, собираясь с мыслями. Спенсер ещё не знал, что доктор Фростман работал перед приездом в Колледж на короля Симмонса, лечил — или калечил? — королевских «воспитанниц». Эти факты раскопал Робби, и нужно будет переправить их детективу.

— Очень хорошо, Чарльз, но вероятность пока мала, работайте дальше... Вам ещё что-нибудь нужно?

— Мне требуется специалист по расчётам метеоритной опасности и траекторий астероидов, сближающихся с Землёй и Луной.

— Нанимайте, — немедленно согласилась Никки. — Сами его найдёте?

— Да.

— Есть ли хоть какая-то гипотеза — зачем Симмонс напал на «Стрейнджер» и пытается убить меня?

— Нет, — коротко ответил детектив.

— Держите меня в курсе любых новостей... — вздохнула Никки.

Спенсер давно ушёл, а девушка всё сидела, глядя перед собой невидящими глазами и привыкая к новому видению мира.

— Оказывается, короли не брезгают убийствами... Что ещё выкинет злобный Симмонс? Я нашла себе врага по королевскому плечу... если не считать того, что Симмонс гораздо богаче и влиятельнее меня... Но вероятность в одну сигма — это ещё не доказательство, ещё нет...

Когда Никки вернулась в Колледж, то нашла на экране новое письмо Голоса.

«Ты деловита, как муравей».

Никки пожала плечами и ответила:

«Отличная тварь — мне нравится».

«Деловита, как муравей из анекдота. Муравью нужно перетащить двух слонов. Маленький мудряга долго думает и решает — пожалуй, оставлю одного. Он старательно

отгоняет от себя главный вопрос, но я задам его тебе: „Как ты будешь тащить хотя бы одного слона?“»

«О чём ты говоришь?»

«В одиночку ты не победишь. Исключено. Ищи соратников и союзников».

И замолчал. У Голоса Пространства были свои представления о вежливости.

Глава 8

Лицо врага

Профессор-биолог Франклин шла к кафедре. Её каблуки энергично постукивали, а добродушная улыбка предлагала нытикам повеселеть.

— Поговорим о социогенетике. Наследственность — важная составляющая поведения человека. В восемнадцатом веке в Северной Америке возникло семейство Джюков — от брака пьяницы-рыбака и беспутной женщины. Из двух тысяч пятисот потомков Джюка большинство стали ворами, мошенниками, пьяницами, бродягами и проститутками, а около шестисот человек оказались слабоумными. Противоположный пример: в роду Иоганна Себастьяна Баха было пятьдесят шесть музыкально одарённых родственников, а семейство Ляпунова подарило миру целый ряд выдающихся учёных. Исследователи биографий сделали вывод, что шансы ребёнка знаменитого отца стать известным человеком в пятьсот раз выше среднего.

Профессор улыбнулась:

— Некоторые привыкли ругаться медицинскими терминами. Вернём им первичный, научный смысл. Широко известен IQ — intelligence quotient, показатель умственного развития, определяемый обычно из способности к быстрому решению несложных логических задач. Запомните: идиотом называется не одноклассник, который наступил вам на ногу, а человек с коэффициентом интеллекта от нуля до двадцати пяти; имбецилом — человек с IQ от двадцати пяти до пятидесяти; дебилом — от пятидесяти до семидесяти. Эти группы людей объединены термином олигофрены или слабоумные; они составляют примерно два процента генонатурального населения.

Все студенты, конечно, стали показывать друг на друга пальцами.

— Слабоумных среди вас нет, поэтому называть друг друга идиотами — научно некорректная процедура, — невозмутимо отметила профессор Франклин.

— Нормальные люди имеют коэффициент интеллекта от девяноста до ста десяти. Способные — от ста десяти до ста двадцати, люди с интеллектом выше ста двадцати — очень способные, а одарённые обладают коэффициентом интеллекта более ста сорока. Одна из главных задач генетики — анализ врождённых характеристик человека: физиологических, психических и социальных. Наследуется ли интеллект? Задаётся ли генами талант? Долголетие? Болезни? Алкоголизм? Криминальные склонности? Учёные нашли, что эти вопросы имеют не однозначные, а вероятностные ответы.

Профессор вызвала на экран таблицы статистических исследований.

— Исследования монозиготных близнецов — с идентичными генотипами — подтвердили заметную наследуемость уровня интеллекта, а также врождённую склонность к науке, искусству и типу поведения. Близнецы, даже воспитывающиеся в разных условиях, имели схожие IQ и привычки. Если один из близнецов оказывался преступником, то его брат, выросший в другой семье, тоже становился им с вероятностью более пятидесяти процентов.

В зале пронёсся лёгкий шум.

— Детей из неблагополучных семей брали в нормальные. Нередко попытки правильного воспитания кончались неудачей: дети либо убегали, либо становились на путь биологических родителей. Чем больше тюремных сроков было у биологических отцов, тем большим оказывался процент преступников среди их сыновей — даже выросших в приёмных семьях.

— Яблоко от яблони недалеко падает, — довольно процедил граф Рединбург. — Быдло всегда остаётся быдлом.

Профессор устремила на надменного вельможу острый взгляд.

— В девятнадцатом веке появилась евгеника — общественное течение, проповедующее активное и даже насильственное улучшение генофонда человечества. В первой половине двадцатого века в Англии, Скандинавии, Эстонии и в большинстве штатов Америки были введены евгенические законы, позволяющие насильственно стерилизовать людей за наличие у них преступных склонностей. В нацистской Германии евгеника теоретически обосновывала массовые убийства людей с неарийским генотипом.

Часть студентов полезла в лаптопы за разъяснениями незнакомых терминов.

— От негуманной практики насильственной стерилизации быстро отказались, — сказала профессор Франклин. — Этические проблемы, которые возникают при попытках вмешательства в генофонд людей, чрезвычайно сложны. Позже ООН приняла жёсткие законы о генетическом равноправии. Да, науке известен факт, что вероятность стать алкоголиком у ребёнка родителей-алкоголиков в три-четыре раза выше средних пяти процентов, даже если он воспитывался в приёмной семье.

Граф Рединбург заулыбался, будто ему сделали ценный подарок.

Профессор Франклин остановилась рядом и продолжала говорить, пристально глядя на студента-аристократа с породистым лошадиным лицом и брезгливо оттопыренной нижней крупной губой.

— Но этично ли подвергать таких детей какой-либо дискриминации? Ведь более восьмидесяти процентов детей алкоголиков вырастают здоровыми и умными — они успешно преодолевают повышенный риск заболеть алкоголизмом, и тем достойнее, значимее выглядит их жизненный успех. Во многих замкнутых человеческих субпопуляциях: этнических группах, религиозных общинах или аристократических кругах — уровень генетических заболеваний гораздо выше среднего, часты даже серьёзные дефекты внешности. Должны ли мы ущемлять права и этих групп населения?

Это профессор произнесла, не сводя глаз с Рединбурга. В аудитории раздалась смехи. Граф побурел свёклой, прикусил нижнюю выдающуюся губу, но потом снова её гордо выпятил. Профессор отвернулась и заключила:

— Законы ООН запрещают дискриминацию групп населения с врождёнными недостатками. Генетическая этика — молодая наука. Она заботится об интересах как взрослых, так и детей.

— Она просто тормозит генетический прогресс на основании глупых моральных рассуждений, — ленивым голосом сказал принц Дитбит.

— Каждое из этических правил выведено из страданий многих людей, — возразила профессор. — Любое наше неосторожное действие — или преступное бездействие — откликается детским горем. Процент генетической статистики написаны кровью и слезами.

Принц Дитбит криво усмехнулся, но не стал больше возражать.

— Что вы думаете о законе свободной геномодификации, профессор? — спросила Никки.

Профессор Франклин вздохнула и сказала:

— Геномодификация может стать огромным шагом вперёд для всего человечества, но она же может расколоть его навсегда... Молчание космоса считается главным парадоксом космобиологии. Ведь цивилизаций в космосе должно быть много. Почему же они не выходят на связь? Не губит ли развивающиеся цивилизации какой-то общий фактор? Есть гипотеза, что каждое общество испытывается соблазном генетического улучшения и гибнет, разорванное на куски, или замыкается на внутренних распрях, отворачиваясь от звёзд...

— Но ведь Дайсон утверждал... — Кто-то решил поспорить, но профессор властным жестом остановила постороннюю дискуссию.

— Влияние генетики на социальное поведение было доказано с помощью дрозофил — фруктовых мушек, любимых биологами подопытных животных с двухнедельным

жизненным циклом. Мушка *Drosophila melanogaster* — один из первых организмов с полностью расшифрованным геномом из примерно четырнадцати тысяч генов. Эта мушка примечательна тем, что страдает аналогами более шестидесяти процентов известных человеческих заболеваний, включая старческое слабоумие — болезнь Альцгеймера.

Кора-Дракон скривилась и тихо проворчала:

— Странные эти биологи. Так любить мух и тараканов...

Жюльен-Сова усмехнулся:

— Сами вы, девушки, странные. Визжите: «Фу, таракан!», но стоит ему обзавестись фотогенными клетками с люциферином, как вы начинаете сюсюкать: «Светлячок, светлячок!»

Профессор Франклин вызвала на экран карты геномных мутаций.

— Дрозофилы могут обучаться и приобретать условные рефлексы. Однако мутантные по гену *rutabaga* мухи обнаруживают трудности в обучении. Аналогичные гены найдены у мышей, коров и человека. Дрозофилы-мутанты по гену *dunce* являются тупицами в обучении, по гену *agnostic* — полностью утрачивают способность к обучению.

В аудитории возникло оживление: кое-кто стал уныло пожимать друг другу руки, другие — сочувственно хлопать соседей по плечам.

— Профессор, а могут генетики заставить тупых мух поумнеть? Хотя бы их потомство?

— Учёные учились исправлять генетические дефекты именно на дрозофилах, — сказала профессор. — Например, мутация *eyeless* приводит к полному отсутствию глаз у дрозофилы. Генетики пересадили слепой мухе ген, отвечающий за развитие глаз у мыши. У потомства таких слепых дрозофил выросли не только обычные глаза, но ещё и тридцать дополнительных небольших глаз — на локтях, на антеннах, под крыльями...

— Вот это да! — восхитились в зале. — А мозги можно в разных местах вырастить?

Профессор улыбнулась и продолжила лекцию:

— Брачные ритуалы дрозофил тоже обусловлены генетически. Сексуально привлекательная муха правильно танцует, жужжит и пахнет. Брачные танцы фруктовых мушек сопровождаются ритмической «песней любви» длительностью пятьдесят пять секунд...

Профессор указывала на мутации в ДНК и объясняла, к чему приводят данные генетические нарушения:

— Мутации *sasorphony* и *dissonans* влияют на музыкальные способности мух-самцов, а к фальшивому пению самки относятся отрицательно.

— Мутанты по гену *hni* (*he is not interested*) вообще не склонны к браку.

Шум в зале заставил профессора усилить голос.

— Дрозофилы-мутанты по гену *platonic* нормально ухаживают, но не идут дальше.

— Мутации по гену *fruitless* полностью изменяют половое поведение самцов: они игнорируют самок и интересуются только самцами, запахом стимулируя ухаживание за собой других самцов.

— Мутанты по гену *slaggish* равнодушны к самкам в условиях темноты, а на свету ухаживают одинаково интенсивно и за самцами, и за самками.

— Мутантные самки по гену *lesbian* демонстрируют по отношению к другим самкам поведение, характерное для самцов.

— Мутантные самцы по гену *voila* ухаживают и за виргинными самками, и за зрелыми самцами.

В нарастающем шуме раздался весёлый крик маркиза Гейлорда, который всегда радовался возможности сделать кому-нибудь гадость:

— Профессор, вы сейчас оскорбили все сексуальные меньшинства разом, нарушив тем самым ООНовский закон. Значит, гомосексуализм — не стиль жизни, а мутация, генетическая болезнь! Правильно, давно пора вывести этих разноцветных на чистую воду!

Гейлорд был отвратительно злораден.

Профессор нахмурилась:

— Люди гораздо сложнее мух. Генетику человека мы рассмотрим позже.
— Да ладно, — не успокаивался маркиз, — разве не видно, к чему вы клоните!
— Я — учёный, — сухо ответила профессор Франклин, — и не клонюсь ни под ветром, ни под давлением общественной среды. Сегодняшнее занятие посвящено хорошо известным научным фактам, относящимся к генетике поведения дрозофил. Эти научные данные можно скрыть, но их нельзя изменить или вольно интерпретировать вне контекста генетики фруктовых мушек.

Франклин прошлась по аудитории:

— Могу утверждать, что каждый человек — мутант по десяткам и сотням генов. Но даже мутант должен оставаться человеком. Главное в человеке — не его брачные ритуалы, а способность быть разумным и толерантным существом.

Профессор остановилась возле маркиза, сразу съжившегося. От выражения её лица хотелось спрятаться под стол.

— Даю вам индивидуальное задание на зимние каникулы: посетить госпиталь для слабоумных детей и написать об этом отчёт. Надеюсь, там вы поймёте, по поводу каких мутаций нужно переживать людям в первую очередь. Ваша реплика показывает — сколько проблем, ссор и, буквально, смертельных обид ждёт человечество, если оно захочет судить о каждом по его генам. Как генетик и человек, я утверждаю, что друг друга надо судить по поступкам и по взаимной доброте...

Потяжелевшая тишина закончилась радостным звонком. Аудитория зашевелилась, кто-то встал с места.

— Сидеть! — вдруг рявкнула профессор Франклин. — Я ещё не закончила занятие!

Это было так не похоже на добрейшую преподавательницу, что студенты поражённо застыли за партами.

— Классическая генетика не отражает всей сложности биологических процессов и не может рассматриваться в отрыве от эпигенетики, посвящённой взаимодействию ДНК с белковой средой. Вскоре мы изучим гистоновый код и нуклеосомы, активирование и пассивирование разных участков ДНК, а также эпигенетические процессы метилирования, убиквитинилирования и АДФ-рибозилирования.

Речь профессора была жестока!

— Клетки печени и мозга обладают одинаковым набором генов, но имеют разные приказы организма на их активирование, то есть на производство белков, из которых строится клетка. В результате мы получаем весьма различные клетки и органы. ДНК — не абсолютный закон, однозначно определяющий умственные качества, характер, физическое развитие и болезни человека. Ваша жизнь зависит во многом от вас — ведь сила мышц растёт не из генов, а из тренировок.

Франклин сделала паузу и обвела студентов пристальным взглядом.

— Не поддавайтесь генетическому фатализму! Генетика вручает нам книгу нашей судьбы, но, согласно эпигенетике, от нас зависит — какие страницы этой книги читать и с каким чувством. Более девяноста пяти процентов генома человека и шимпанзе идентичны. Но обезьяны и люди очень различно используют свои геномы. Наследуется не только ДНК, но и способ её прочтения, гораздо более пластичный и изменчивый. Всё, что мы сейчас делаем: учимся, едим, сердимся, курим, пьём лекарства, алкоголь или наркотики, — влияет не только на нас, но и на наших детей и внуков.

Лица подростков были смущёнными и напряжёнными.

— Учёные доказали в множестве опытов: материнская любовь и внимание улучшают не только здоровье и интеллект ребёнка, но и его наследственность, которую он передаст последующим поколениям. Обратное тоже верно: соберите мирных оседлых зелёных кузнечиков *Locusta migratoria* в тесную стаю — и следующее поколение обозлённых скрипачей станет божьей карой — агрессивной чёрно-жёлтой саранчой, летающей чудовищными тучами в миллионы тонн и убивающей так же верно, как убивает голод.

Профессор посмотрела в сторону Гейлорда.

— Опасайтесь, чтобы ваша злоба не испортила жизнь и здоровье вашему потомству. Ненависть порождает ненависть — эта старинная этическая теорема доказана биологией!

Профессор Франклин повернулась и вышла из аудитории. Каблуки профессора не стучали, а крахмально скрипели, будто втыкались в мёрзлый снег. Студенты сидели молча, зябко поводя плечами.

Бессолнечная осень царила в университетском городке, и промозглый туман сжимал тёплые шары света вокруг уличных фонарей. Грустное время умирающей листвы.

«В безмолвии органной рош звучит аккордом листопад...»

Профессор Лвин медленно шёл в университет, прихрамывая на правую ногу. Проклятая нога — весь последний год она ныла, не переставая, и это ощущение уже стало привычным, как застарелая зубная боль. Привычным стало и умение не тревожить ногу при быстрых поворотах тела. Да какие уж тут быстрые повороты! Профессор Лвин почувствовал себя старым совсем недавно, но легко привык к этому состоянию и стал передвигаться исключительно не спеша. «О, демоны чёрной дыры! Я хожу по этой дороге уже больше сорока лет — сначала студентом, потом — молодым постдоком, потом — профессором...»

Лвин вздохнул и запахнул на груди плащ. В молодости он не замечал, что под университетским куполом прохладно, а сейчас со сквозняками у него началась нешуточная война.

Пройдя квартал профессорских домов, Лвин свернул на Шайн-стрит. Он не любил эту улицу. Ему не нравились ни шеренга небогатых пластиковых домов, ни подростки, которые постоянно «тусовались» — профессора передёргивало от этого мерзкого словечка — на скамейках в крошечном скверике с десятком деревьев и газоном, обычно вытоптанном до голой убитой земли. Вот и сейчас в сквере сидело с полдюжины девиц и парней — гогочущих, с раскрашенными причудливыми волосами, с бутылками чего-то законного или незаконного в руках. У всех сигареты с разноцветными дымами, модные животы в тату-голограммах. «И не холодно же шалопаям!» — сердито подумал профессор. Он, не поворачивая головы, миновал молодёжную компанию. Оттуда не донеслось ничего, кроме хохота. Иногда свистят. Как-то крикнули вслед: «Старик, тебе надо выпить, тогда согреешься!»

Работаешь, работаешь, как вол, и вдруг одним прекрасным хмурым утром осознаёшь, что жизнь прошла, а Эйнштейн из тебя не получился. Жена тебя бросила, дети к тебе равнодушны... А самое главное — твоя работа никому не нужна. Только для тебя и ещё для нескольких старых придурков научная работа — это поиск истины. Для всех остальных — лишь поиск денег. Как только челюсти зацепили финансовый сосок, поиск заканчивается — истина никого всерьёз не интересует, требуется лишь оплаченное движение к ней, желательно — медленное и сытое. Вот если к живительному источнику приблизится конкурент, тогда необходимы резкие движения локтями — под рёбра его, под рёбра! не подпускать к кормушке!

Демон Максвелла! Когда-то и Лвина финансировали по полной программе, но сенсационные результаты задерживались, а главное — дружить профессор не очень умел, — вот денежный поток и обмелел... Лвин стал исхитряться: проектировал всё более простые приборы и планировал лишь быстрые эксперименты, но ручеек денег иссякал стремительнее, чем дешевето его оборудование. И вот — уже который год его установка ржавеет, а молодёжь вся разбежалась к более перспективным и молодым профессорам. Он остался один, без денег и помощников.

«Да всё равно — эти студенты поголовно глупы и ленивы! А все коллеги — сволочи! Хотел дать на вечер одному деятелю прочитать корректуру своей новой работы... — Профессор свирепо выпятил губу. — Изумительно красивая вещь! А этот болван и говорит: „Не могу, занят, мы с друзьями вечером пульку решили расписать...“ Что за пулька такая дурацкая?! Хотел бы я знать! Нет, не хочу я этого знать!»

Только и осталось, что копить жёлчь и выливать её на головы во всём повинных

студизусов, а между лекциями — на ещё более виноватых коллег по департаменту. Правда, признался себе профессор, это никак не приближает окончание работы над установкой, скорее — отдаляет...

Ну, хоть какая-то компенсация и психологическая разрядка у него должны быть?!

Профессор в преотвратном настроении зашёл в свою лабораторию и посмотрел на настенные часы — ровно девять. Когда ты научишься опаздывать, старый мешок с костями? Повесил плащ на крючок, ворча что-то себе под нос, — и тут обнаружил на стуле возле секретарского стола (самой секретарши в помине давно не было: и денег нет, да и что там секретарить-то?) какую-то девицу.

— Сегодня никаких зачётов! — рявкнул он.

Посетительница недоуменно распахнула глаза. Профессор присмотрелся — и понял, что это не студентка университета, а школьница. Совсем плохо стал видеть, заходя с уличного света в лабораторный полумрак. Лвин устыдился своей резкости.

— Что привело вас ко мне, милое дитя? — мягко спросил он, пытаясь исправить свою агрессивность. — Я не покупаю печенье у скаутов и в школах лекций не читаю — не умею упрощать сложные вещи...

Профессор внезапно снова рассвирепел и крикнул самому себе:

— Это вечная моя проблема! Не умею подать к столу! Не повар! Да-с!

В запале он успел забыть про девочку, но она сама напомнила о себе:

— Профессор Лвин, я хотела поговорить о вашей атомно-когерентной установке для регистрации высокочастотных гармоник гравитационного излучения, — сказала она тонким голосом.

Профессор вытарашил глаза на девчонку и удивился так, будто с ним заговорил чайник и попросил заваривать его пореже. Что за дьяволыщина!

— Кто вас прислал? — строго спросил он, заподозрив неумный розыгрыш какого-нибудь студента-шалопа. Да ещё на голове у этой девицы чёрт знает что!

— Я прочитала ваши статьи в «Физикл Ревю», — терпеливо сказала девочка, — и мне непонятно, почему вы не довели свой эксперимент до конца — ведь его идея выглядит просто блестящей! По-моему, там осталось лишь достичь глубокого охлаждения рабочих кристаллов. Правильно?

Это профессора доконало (чайник продолжает насвистывать странные речи и даже перешёл на комплименты!), и он ошарашенно сел на стул. Тут до него окончательно дошло — ЧТО с таким сочувствием спрашивает девочка. Профессор вытарашил глаза, не выдержал и просто сошёл с ума — его захлестнуло злостью и понесло. Стыд! Стыд! Старый, опытный человек стал жаловаться на жизнь какому-то ребёнку! Уж лучше с чайником разговаривать — позору меньше.

Но девочка слушала пылкую и обличительную речь профессора Лвина внимательно и перебила его всего два раза, сказав:

— Не нужно объяснять про поляризацию гравитационных волн... (Профессор едва успел удивиться — и понёсся дальше.)

— Я знаю, что такое эффект Мёссбауэра, продолжайте об установке... (Профессор уже почти не удивился и ласково посмотрел на девочку.)

Лвин закончил свою горькую историю и костлявым веснушчатый кулаком бессильно погрозил ободранной стеной:

— У-у, проклятая дыра, где даже мотка провода не выпросишь!

— А сколько вам нужно времени и денег, чтобы завершить эксперимент? — спросила девочка, но профессор уже очнулся и стал сам себе омерзителен за слабость словесного недержания. Так поутру ещё не совсем пропивший мозги пьяница горько сожалеет о вечерних алкогольных откровениях с совершенно незнакомым человеком.

Но странная девочка настаивала:

— Сто тысяч? Двести?

Профессор встал и сухо, заканчивая разговор, сказал:

— Триста тысяч долларов плюс год и пятеро помощников. И им зарплату.

Девочка явно расстроилась, как злорадно отметил профессор, и спросила:

— А если уровень энергии высокочастотного гравитационного излучения на много порядков выше обычных оценок, то нельзя ли упростить установку и поставить эксперимент быстрее?

Профессор снова удивился, задумался и сказал:

— Если пренебречь всей усилительной частью установки... и уменьшить приёмную антенну, то можно сделать за полгода, но тогда нужен другой силовой блок, а это ещё пятьдесят тысяч... Зачем вы об этом спрашиваете, милое дитя?

— Профессор Лвин, я предлагаю вам перевезти всё оборудование в Шрёдингер, в Гринвич-Центр, и провести эксперимент там... Финансирование получите любое, какое нужно, и на вас будет работать десять или двадцать человек — сколько запросите. Только сроки нужно максимально ускорить.

— Кто вы?! — Профессор не выдержал такого издевательства и взорвался. — Что за чепуха! Оборудование принадлежит университету, перевозка его обойдётся ещё в копейчку! Что за Гринвич-Центр? Ни разу не слышал!

Девочка кивнула.

— С администрацией университета разговор состоялся ещё вчера. Ректор с радостью согласился продать «весь гравитационный хлам», как он выразился, за семьдесят тысяч. Теперь всё в ваших руках, профессор...

Пока профессор слушал этот тонкий свист говорящего чайника, девочка что-то выписала в книжечке и подала профессору красивую бумажку. Конфетный фантик?

— На первые три месяца. Половина — как компенсация вашего переезда и ваша зарплата, вторая половина — на служебные расходы. Не экономьте на закупках, время важнее всего. Робогрузчики придут в лабораторию завтра в девять утра. Все ваши вещи перевезут и разместят в том же порядке. Если хотите, то даже пыль на бумагах будет сохранена...

— Пыли не надо... — растерянно сказал профессор.

— Подумайте не спеша, — сказала девочка, протянув ещё какую-то карточку, — если вы не согласны, то позвоните по этому т-фону и отмените перевозку, а чек порвите.

Профессор не мог вымолвить ни слова, но бумажный фантик инстинктивно сжал крепче.

— Я в вас верю, профессор Лвин, — негромко сказала девочка, вставая, и профессор, старый дурак, почему-то почувствовал гордость. — Если вы добьётесь успеха, я сразу учреждаю новую научную премию. Она будет гораздо больше Нобелевской, а вы будете её первым лауреатом.

Девочка ушла.

Профессор немного посидел, сердито пыхтя и поглядывая — то на закрывшуюся дверь, то на переливчатый чек, расплывающийся в далеко отставленной руке — и куда задевались очки? — а потом захохотал как сумасшедший:

— Конечно, это розыгрыш старого Биффа!

Он позвонил, и на экране появился сморщенная образина Бифф.

— Старый козёл, ты меня в гроб вгонишь своими шуточками! — заорал сердито профессор.

— Какими шуточками?

— Вот такими! — Лвин помахал радужной бумажкой.

— Не понимаю тебя... положи на сканер, — попросил Бифф.

— Да ладно, — сказал, остывая, профессор и автоматически швырнул чек на стеклянную панель, — я уже почти не сержусь... И где ты раскопал такую артистку? Отличный розыгрыш! Я слышал про этот ваш клуб шутников...

Бифф внимательно всмотрелся в чек и поднял — сначала брови на середину лба, а потом — глаза на Лвина.

— Ты получил грант на свои исследования? — с изумлением спросил он.

Профессор поперхнулся от злости и свирепо вытаращил глаза. Это уже слишком! Шутка зашла слишком далеко! Он отключил экран, не прощаясь. Но что-то его зацепило в морщинистой морде профессора Биффа.

Лвин быстро соединился со своим банком. Чек продолжал лежать на сканере.

Служащий в галстуке — солидный банк, без роботов! — быстро пощёлкал клавиатурой и вежливо спросил:

— На какой счёт вам положить эти деньги? На текущий или сберегательный?

— Сколько там? — слабым голосом спросил профессор.

— Два миллиона золотых долларов! — позволил себе чуть-чуть удивиться служащий.

Ошеломлённый профессор то ли пискнул, то ли присвистнул и невежливо прервал связь. Нашёл и лихорадочно напялил очки и, не веря своим глазам, стал рассматривать переливающуюся бумажку. Потом Лвин схватил изящную голографическую визитку, валяющуюся на столе. На ней были написаны только три слова:

КОРОЛЕВА НИКОЛЬ ГРИНВИЧ

и номер т-фона: 703–703–703.

Профессор свирепо хлопнул себя по лбу, вскочил как ошпаренный и подбежал к окну в тёмную осень. Посмотрел наружу невидящими глазами, потом резко повернулся на месте, тяжело дыша.

Вдруг он застыл и удивлённо схватился за колено. Нога совсем не болела.

Атмосфера в кабинете Никки была накалена, но не из-за жаркого светила, подползающего к правой раме окна.

На мониторе маячила хмурая физиономия под давно не бритой лысиной. Детектив Спенсер перевёл глаза с Никки на сидящего рядом с ней Джерри и сказал:

— Расследованию помогли коммодор Гринин и космическая диспетчерская служба Спейс Сервис. Нам удалось установить, что десятиметровый астероид, сброшенный на обсерваторию вашего отца, пришёл из участка космоса, где вёл геологическую разведку корабль космического флота компании «Спейс минералз».

— Кто владелец компании? — нетерпеливо спросила Никки. — Король Симмонс?

Спенсер мрачно посмотрел на молодую королеву.

— Хуже, гораздо хуже... — сказал он с горечью. — Это собственность самого короля Дитбита, фактически — императора Южных династий.

Сыщик, не сдержавшись, выругался.

Никки даже рот раскрыла от неожиданности.

— Дитбит?! — потрясённо спросила она. — Сам император Дитбит? Отец принца Дитбита?

Сыщик не отвечал, а только сочно богохульствовал, жалея, что ввязался в это дело.

Джерри сидел бледный и выпрямленный. Никки взяла себя в руки:

— Какова вероятность вины?

— С учётом других факторов, включающих тесное союзничество с королём Симмонсом и значимые корреляции с шестью убийствами из вашего списка... вероятность того, что искомый преступник имеет отношение к династии Дитбита, составляет девяносто два процента.

— Выяснились ли причины убийств? Зачем они понадобились дитбитовской династии?

— Нет. Корреляционный анализ устанавливает связь между событиями, но не говорит о природе этой взаимосвязи. Я пытаюсь создать модель «эха преступления», чтобы вычислить людей и группы, выигрывающих от этих убийств, но это очень непросто. Мотивы часто остаются неизвестными, даже в случае раскрытых убийств. Мы имеем дело с

запутанным преступлением, корни которого уходят очень глубоко...

Спенсер отключился, но от его сообщения в воздухе осталось напряжение.

И это напряжение требовало действий.

Джерри стоял у окна, отвернувшись от Никки, а девушка неслышно обсуждала что-то с Робби. Потом она спросила у компьютера вслух:

— Ты засёк номер, по которому директор Милич в прошлом году звонил старшему Дитбиту?

— Конечно, — ответил Робби.

— Набери, пожалуйста.

Через несколько секунд на экране появилось грозное лицо секретаря Дитбита.

— Откуда у вас этот номер?!

Никки проигнорировала её вопрос и сухо сказала:

— Николь Гринвич со «Стрейнджера» хочет поговорить с мистером Дитбитом.

— Я узнала вас, — секретарь Дитбита удивлённо расширила хищные глаза и продолжила более мягким тоном, — но Его величество Дитбит принимает только по предварительной записи и после беседы с его помощниками, запишитесь на приём и...

— Для меня данный разговор не очень важен, это вопрос жизни и смерти лишь для мистера Дитбита и его династии, — холодно сказала Никки и отключилась.

Через полчаса на экране зазвенел вызов.

— Мисс Гринвич, — сказала секретарша Дитбита, — мне поручено выслушать вас и решить вопрос о вашей беседе с Его величеством Дитбитом.

— Милочка, — высокомерно сказала Никки, — вы забылись. Может, вы напряжёте свои извилины и поймёте, с кем разговариваете? Вы ничего здесь решать не будете, этим звонком я делаю одолжение — первое и последнее — для мистера Дитбита. Больше не беспокойте меня по пустякам, — она снова отключила экран с ошарашенной секретаршей.

Через пять минут экран снова зазвенел, и на нём наконец-то появился сам Дитбит, коротко стриженный и горбоносый. Его лицо излучало власть, силу и опасность.

— У вас ко мне дело? — спросил он нетерпеливо и не здороваясь.

— Да, мистер Дитбит, — не спеша сказала Никки. — Я имею убедительную информацию о том, что ваша династия и вы лично причастны к гибели «Стрейнджера», к покушениям на меня, а также к смерти родителей моего друга Джерри Уолкера.

— Убедительная информация? — переспросил Дитбит с невозмутимым лицом. — Откуда?

— От умного верблюда, — грубо ответила Никки. — Теперь понятно, почему вы не стали преследовать меня за травму принца Дитбита, — с вашей точки зрения, я всё равно была обречена на смерть. Публичный конфликт между мной и младшим Дитбитом мог быть истолкован журналистами как причина покушения. Такая интерпретация бросила бы тень на династию и оказалась бы слишком близка к истине.

— Чего вы хотите от меня? — спросил по-прежнему спокойно Дитбит.

— Я откровенный и прямой человек, мистер Дитбит, — сказала Никки, — поэтому решила позвонить вам и спросить — правда ли это? Можете ли вы сказать, просто и честно: «Это всё — ерунда!»

Никки чуть подалась вперёд.

— Я не собираюсь подвергаться вашему допросу, — хладнокровно ответил Дитбит, отлично осведомлённый, что детектор лжи легко уловит враньё в прямых утверждениях.

— Вы понимаете, — откинулась в кресле Никки, — что ваш отказ красноречив?

— Меня не интересуют ваши догадки и соображения, — ледяным тоном сказал Дитбит.

— А зря, — сказала не менее холодно Никки, — ваша участь будет плачевна, если вы действительно виновны в гибели «Стрейнджера», в чём я уже не сомневаюсь.

— Вы мне угрожаете? — пренебрежительно поднял брови Дитбит.

— Самым непосредственным образом, — кивнула Никки. — Я брошу все свои ресурсы на борьбу с вами и вашей династией. Если вы не захотели сказать о своей непричастности к

этим тёмным делам из-за глупой гордости, то я даю вам последний шанс избежать крупных проблем — просто скажите, что вы тут ни при чём.

— Я не буду играть в ваши детские игры! — сказал Дитбит чуть более напряжённым голосом.

Никки встала во весь рост. Лицо её было строго и величественно, как у судьи, объявляющего приговор.

И она на самом деле его объявила.

— Дитбит, я приговариваю вас к уничтожению. Ваша династия и ваши союзники тоже будут ликвидированы.

— Говорите больше, глупая девчонка, — засмеялся Дитбит, — вы уже наговорили на много лет тюрьмы.

— Всё-таки вы болван, Дитбит, — засмеялась в ответ Никки, — несовершеннолетнего не посадят в тюрьму за угрозы, а у моих адвокатов зубы не короче, чем у ваших. Не забывайте, что разговариваете с основателем и главой новой династии.

— Состояние Дитбитов во много раз значительнее, чем у вашего новорождённого клана, — пренебрежительно огрызнулся король.

— Я одна заработала за лето денег больше, чем вся ваша династия за сто лет, — усмехнулась Никки. — И вы скоро убедитесь, что список моих сюрпризов не исчерпан.

— Мисс Гринвич, — сделав над собой огромное усилие, умиротворяюще заговорил Дитбит, — эти детские угрозы ни к чему хорошему не приведут. Вы стали богаты, так живите и радуйтесь жизни. Между династиями не приняты публичные скандалы. Вы ещё новичок в... нашем кругу, поэтому послушайтесь моего совета — не замахивайтесь на невозможное. Никакого заметного вреда ни мне, ни моей династии вы нанести не сможете и не пытаетесь.

Никки улыбалась, и её улыбка ужасала, как гримаса рычащего леопарда.

— Вы сейчас действительно королева, — признал Дитбит, — только поэтому я сейчас так терпеливо разговариваю. Ваши угрозы я расцениваю как блеф. Я думаю... даже уверен... что лично вам уже ничто не угрожает. Почему бы нам не заключить пакт о нейтралитете?

— Вот как вы запели, — продолжала зловеще улыбаться Никки. — Дитбит, вы изображаете из себя крутого небожителя, но это может впечатлить только ваших подхалимов. На самом деле вы выросли между перинами и няньками и даже не представляете — на какой острый риф напоролись своим мягким брюхом, решив поиграть в вершителя чужих судеб и сбить «Стрейнджер»... Ваше физическое уничтожение — это системная задача третьего порядка. Ваша смерть без каких-либо юридических последствий для меня — задача четвёртого порядка с граничным условием гладкости. Разрушение вашей династии — это формально социосистемная задача восьмого порядка. Среди экспертов она считается неразрешимой, но я знаю фокус, как понизить её до решаемой проблемы шестого порядка.

Король слушал внимательно, не перебивая.

— Жаль, что вы человек невежественный, — сказала, высоко подняв голову, Никки, — сейчас как раз пора испугаться всерьёз...

— Зачем вы это мне говорите? — хмурясь, сказал Дитбит.

— Я подбрасываю материал для ваших аналитиков, — усмехнулась Никки. — Они дадут оценку и моей убеждённости, и моей правдивости. Это должно подействовать даже на самых величественных болванов.

— Если вы решили меня уничтожить, зачем предупреждаете? — настаивал, игнорируя оскорбления, озабоченный Дитбит, которому аналитические экспресс-системы уже успели сообщить о серьёзности Никкиных угроз.

— Ваша предупреждённость не меняет порядок задачи по вашему уничтожению — вы и так защищены выше головы. Это не волнует меня. Но как убийца моих и Джерриных родителей вы заслуживаете чувства страха и беспокойности перед разорением и смертью. Это наш последний разговор, Дитбит, — сказала Никки, — но эхо от него будет греметь для

вас всё громче, пока не грянет погребальным звоном.

— Да? И как же вы собираетесь меня уничтожить? — криво усмехаясь, спросил король Дитбит.

— Самым неотразимым оружием — создав будущее, в котором вас нет, — жёстко сказала Никки.

Её лицо вдруг исказилось судорогой, и девушка схватилась за шею. Никкин голос стал тихим и грозным, перегруженным болью и гневом:

— Мерзавец, я предрекаю тебе ужасную смерть, какой погибли мои родители... ты умрёшь в тоске, не зная, смог ли ценой своей жизни спасти собственного ребёнка...

Дитбит открыл рот, собираясь что-то сказать, но Никки уже отвернулась.

— Джерри, — сказала девушка другу, следившему за разговором с экрана без передатчика, — посмотри на убийцу своих родителей.

Джерри встал плечом к плечу с Никки. Его глаза горели ненавистью.

— Будьте вы прокляты! — хрипло сказал он человеку на экране.

И Никки отключила связь.

Глава 9 Рождественская клятва

Никки оставалась оптимистом в самых тяжёлых ситуациях. Возможно, это было необходимым условием выживания на астероиде — пессимист умер бы от ужаса перед космической горой проблем.

Но иногда и оптимизм уставал и куда-то отлучался. Наваливалась тоска, улыбка сбегала с лица Никки, и девушка чувствовала себя утопающей в холодном море бесчисленных дел и забот.

В это утро всё не заладилось. Голова болела, и завтрак Никки проспала, велев Робби заткнуться с его нудным бормотанием насчёт вставания.

Заспешив, попробовала выпить кофе у себя в комнате — разбила красивую фарфоровую чашку и залила ковёр. И грязь развела, и осталась голодной.

— Да что с тобой сегодня? — спросил Робби. — Мне что, всё время вмешиваться в твои неуклюжие движения? Ты тогда совсем утратишь естественную координацию.

— Хватит читать мне нотации! — вспылила Никки.

Одеваясь, девушка заметила, что чрезмерно обросла и пора записаться в очередь к парикмахеру Луизе. Она попробовала скрепить длинные космы волос какими-то дурацкими проволочными вилками — ничего не получилось. Чертыхнулась и вышла как есть — лохматая. Хорошо было на астероиде — чикнешь пару раз плазменным резак по отросшим волосам, зажатым в кулаке, — и причёска готова. Только долго пахнет палёной шерстью...

В холле её подстерегала кареглазая первокурсница-Леопард. Она всегда раздражающе восторженно таращилась на Никки.

Первокурсница робко сказала:

— Ваше величество, могу я с вами поговорить?

— Какого чёрта ты меня так зовёшь? — рассердилась Никки-в-разгаре-кризиса-отсутствия-оптимизма. — Я сейчас спешу!

Девочка открыла рот и проводила королеву к лифту испуганным ореховым взглядом.

Спускаясь в кабине, которая была сегодня особенно клаустрофобичной, королева тоскливо бормотала:

— Всем от меня что-то нужно... Все чего-то хотят... Как мне это надоело!

Выскочив из ворот башни Леопардов, девушка не пошла на лекцию, которая вот-вот должна была начаться, а села на скамейку в густых парковых зарослях, уткнув лицо в ладони и не замечая красивых цветов вокруг.

Никки принялась себя жалеть.

Она чувствовала себя совершенно несчастной. Голодной, злой и никому по-настоящему не нужной. У неё всё валится из рук, и ничего толком не получается. Счастливый случай улыбался ей несколько раз, но сейчас отвернулся. Отныне она начинает карьеру неудачницы. Недолгую — король Дитбит с радостью позаботится об этом.

На поверхность чёрного уныния всплыл золотой пузырь. «Джерри! Ему нужна только я, а не мои деньги и королевские возможности».

Девушка убрала ладони с лица. Возникла вторая цветная мысль: «Он без колебаний встанет между мной и смертельной опасностью».

У Никки засветился в груди тёплый огонёк. Девушка поднялась со скамейки и оглянулась по сторонам. Вдохнула пряный запах цветущих кустов, услышала нежное птичье бормотание в зелёном сумраке.

«Он обещал, что всегда будет рядом со мной. А Джерри никогда не обманывает».

Откуда ни возьмись подбежал оптимизм, виляя пушистым хвостом и виновато повизгивая.

— Нашлялся, лохматая скотина? — добродушно сказала Никки. — А я без тебя уже на людей стала бросаться.

И девушка, повеселев, отправилась на лекцию в гуманитарный корпус.

В среду вечером «Веганские гоблины» обсуждали проект межзвёздного корабля.

Встречались в холле башни Леопардов. Пока собирались, Артемида смазывала лекарством синяки Феба и ругалась:

— Нужна была тебе эта дуэль с Дмитрием? Он чемпион своего курса по боксу.

— Он сомневался, что английский бокс изобрели древние греки! Этого я стерпеть не мог.

— И кто оказался прав в споре? Вернее, кто победил в дуэли?

— Сложно сказать, — признался Феб. — Дмитрий сказал, что он продал мне фунт какого-то лиха. Но я ему тоже показал, где зимуют... — юноша напрягся, вспоминая, — ...кузькины матери.

Дзинтара, зашедшая послушать народные межзвёздные мысли, чуть не села мимо кресла.

— С каких пор ты заинтересовался русскими поговорками? — смеясь, спросила она.

— Поговорки — душа народа, — небрежно сказал Феб. — У меня появился один... русский проект.

И юноша зашипел от боли: Артемида добралась до очередной ссадины. Сестра лечила брата и ворчала:

— Ты уже ухитрился со всеми поссориться...

Феб возразил:

— Вовсе нет. Как благородный человек, после дуэли я протянул Дмитрию руку дружбы. Он охотно пожал её и сказал, что со мной хочет подружиться ещё и Люпус из Тамбова.

Дзинтара видимо что-то уронила на пол, сползла под кресло и там несколько раз на кого-то хрюкнула.

К удивлению Никки, на собрание пришёл рослый плосколицый Мин-Дракон. Он заметил её взгляд и с вызовом спросил:

— Ты против?

— Нет, — спокойно сказала Никки. — Алоха, Мин.

— В нашем проекте он занимался проблемами радиационной безопасности, — поспешила сказать Изабелла.

Мин-Дракон отвернулся и сел в уголок холла.

Изабелла перечислила собранию почтенных гоблинов основные трудности, стоящие перед путешественниками, мечтающими покорить немыслимое расстояние до другой звезды, куда даже свет летит многие годы.

Изабелла, очень стеснительная раньше, сейчас вела себя гораздо увереннее. Только красные пятна цвели на её щеках.

— Проблема номер один: топливо. Для комфорта и максимальной скорости ракета должна лететь с ускорением в одно «же». Требуется гигантское количество реактивного топлива, даже если оно используется с предельной эффективностью — выбрасывается из дюз с относительной скоростью, близкой к световой. Топливо нужно брать с собой или добывать в полёте.

— Как это — в полёте? — спросил Борм-Сова.

— Например, собирая по пути межзвёздный водород... — сказал Смит Джигич мрачным голосом.

Дзинтара удивилась:

— А я думала, что главная проблема полётов к звёздам — их длительность: до другой звезды смогут долететь только потомки космонавтов, улетевших с Земли.

— При постоянном ускорении в одно «же» скорость корабля быстро приближается к световой, — уточнила Изабелла, — и если расстояние до звезды десять световых лет, то корабль будет лететь до неё немногим больше десяти лет.

— У ближайших звёзд нет удобных для человека планет, поэтому нужно рассчитывать полёт на расстояние в два-три десятка световых лет, — отозвался Смит.

Никки внимательно слушала выступающих, но сама молчала.

Изабелла добавила:

— Благодаря релятивистскому эффекту замедления времени для астронавтов на корабле время будет течь гораздо медленнее, чем на Земле.

Борм-Сова с энтузиазмом замахал руками:

— Если корабль будет поддерживать ускорение в одно «же» в течение десяти лет по субъективному времени астронавтов, то корабль улетит на расстояние десять тысяч световых лет! За время торможения он преодолеет ещё десять тысяч световых лет. Люди смогут покорить галактику в течение жизни одного поколения астронавтов. А до соседней звезды космонавты долетят совсем быстро — и припасов нужно не очень много.

— Возможность инерционного полёта не исключена, хотя бы в аварийном случае, — не согласилась Изабелла. — Поэтому нужно, чтобы корабль обеспечивал себя всем необходимым в долгом полёте: продовольствием, водой, кислородом... — Девушка запнулась и покраснела сильнее. — Нужны также условия для семейной жизни и рождения детей, ведь это не просто экипаж, а колонисты. Ещё необходимы школа и университет.

— Так что, целый город с собой тащить? — воскликнул Мин.

— Это оптимальный вариант, — живо подтвердила Изабелла. — В большом экипаже легче решать психологические трудности длительного полёта.

— Человек волку глаз не выклюет! — согласился Феб.

— А сейчас выступит Смит Джигич, который руководил группой по решению проблемы топлива и ресурсов, — сказала Изабелла.

Смит сразу взял быка за рога:

— Проблему топлива не решить простыми способами! Собрать водород по пути — нужны слишком большие ловушки, да и этот водород — горячая штучка! — сам по себе головная боль: он создаёт зубодробительно сложную проблему лобовой радиации!

— Подтверждаю, — важно сказал Мин. — На околосветовых скоростях межзвёздный газ превращается в опасное излучение: экипаж погибнет не от старости, а от радиации!

— Верно! — сказал Джигич. — Мы долго ломали голову — и не нашли ничего лучшего, как предложить лететь к другим звёздам на ледяной комете. В центре кометы делаем пещеру, толстый слой льда защищает экипаж от облучения. Талая вода с примесью минеральной пыли снабжает корабль топливом и ресурсами в течение всего полёта.

— Хорошая идея, — сказала Никки. — Прилетаем на комете к другой звезде, выводим её на астроцентрическую орбиту — и сразу получаем обжитую базу. Только город в пещере мне не очень нравится. И психологически тяжело, и геологически небезопасно, особенно при

ускорениях. А нельзя ли сделать купол города снаружи, по ходу полёта? Там будет самое приемлемое направление ускорения.

— Нельзя! — сердито возразил Мин-Дракон. — Такой город окажется как раз на пути радиационного потока из набегающего газа. Я проверял существующие материалы куполов — нет таких, какие бы полностью защитили от радиации и от многолетнего обстрела межзвёздной пылью.

Изабелла вздохнула:

— Идея населённой кометы обостряет проблему двигателей — где взять такие мощные, чтобы разогнать комету до субсветовых скоростей?

— Нам позволили не трогать двигатели — давайте забудем о них и попробуем разрешить остальные сложности... — сказала Никки.

— Ну, если не волноваться о мощности двигателей, — саркастически сказал Мин, — тогда нужно взять сразу две кометы: одна будет лететь впереди и защищать собой город на вершине второго ледяного тела. Можно найти и двойной транснептун — их множество на краю Солнечной системы.

— Отличная идея! — Никки с уважением посмотрела на Дракона. — Второй кометой-щитом можно загоразживаться от столкновения с блуждающим астероидом, от галактического шторма космических лучей и даже от вспышки Сверхновой. А в случае каких-то проблем на фазе торможения можно обойтись одним транснептуном — ведь город уже будет не на носу кометы, а сзади...

Мин удивлённо раскрыл рот, но ничего не сказал.

Наконец обсуждение иссякло — все устали спорить. Изабелла закрыла собрание, велев каждому прислать свои соображения по сети.

Никки сказала одобрительно:

— Вы разработали отличный проект — он решает основные проблемы межзвёздных сообщений.

— Интеллект — не шило, в мешке не утаишь! — довольно сказал Феб.

— Но как мы будем двигать огромные кометы — почти планеты? — сказал Смит скептически.

— Поживём — увидим, — беспечно сказала Никки. — Пока, согласно официальному условию конкурса, мы имеем право игнорировать проблему двигателей.

— Получим премию — куплю «мазератти», — размышлял Мин-Дракон. — Давно о ней думаю, да разве родители что-нибудь понимают в продвинутых машинах...

Космические гоблины расходились. Феб наклонился к Дзинтаре и тихо спросил:

— Правда, что у русских есть *зазнобушки* — девушки, от которых бросает в ознобную дрожь?

Дзинтара долго не могла ответить. Наконец, выбравшись из припадка радостных всхлипываний, она сказала шатающимся голосом:

— Эту тайну загадочной русской души я никогда не выдам!

— *Чёртовая упрямка!*

Кентавр поймал Никки возле лифта. Девушка выслушала сообщение и резко отказалась:

— Не пойду!

Посланник сделал длинную паузу и сказал:

— Я доложил о ситуации директору Колледжа. Он передаёт вам, что в случае неявки к школьному психоаналитику вы будете вызваны на дисциплинарную комиссию.

Никки поняла, что ей не отвертеться от визита к пренеприятному доктору Фростману, и со вздохом отправилась вслед за кентавром. Он привёл её к низкой торцевой двери в полутёмном коридоре.

«Переселился психоаналитик, что ли?» — удивилась девушка.

Но за дверью был не кабинет, а комната, которая освещалась лишь нервными

разноцветными бликами. Переливчатые странные пятна бегали по стенам и сопровождались не менее странными звуками — то тягучими и плаксивыми, то резко бьющими по нервам. В носу возникло какое-то щекотание.

«Бурдюк Козерога! Доктор изобрёл психоделический предбанник!» — усмехнулась Никки и поспешила за кентавром к противоположной двери, задерживая дыхание и стараясь не всматриваться в навязчивые узоры и не вслушиваться в раздражающие взвизги. Когда девушка открыла следующую дверь, сумбурные звуки за её спиной выстроились в отчётливый и неприятный хохоток.

Новая комната выглядела гораздо лучше. Она ярко освещалась настенным экраном, похожим на окно: залитый солнцем пляж, скрипуче кричат чайки, невысокие морские волны шипят на горячей гальке. Никки даже почувствовала терпкий йодистый запах сухих водорослей.

Доктора не было и здесь.

На экране появилась маленькая девочка, бегущая к морю. Она забежала по колено в воду, счастливо взвизгнула и обернулась...

Никки оцепенела.

Это была она. Ещё с белокурыми, не стеклянными волосами. Ещё беззаботная, как дети и птицы. Но она никогда не была на море!

Девочка на экране играла вперегонки с набегающими волнами, а камера медленно подплывала к ней, одновременно поднимаясь. И вот Никки смотрит на маленькую девочку сверху, с высоты человеческого роста — глазами неслышно подкравшегося взрослого.

Тень упала на ребёнка. Маленькая Никки обернулась и подняла глаза, щурясь от солнца. Улыбка на её лице быстро таяла.

Фильм был сделан мастерски: взрослой Никки так безумно захотелось закричать: «Беги!», что она закусила губу.

Девочка с испуганным лицом загородилась рукой — от солнца, или от невидимой опасности.

Камера резко спикировала.

Крупный план детской руки. На тонком запястье с хрустом возник рваный разрез. Обильно брызнула кровь, залив экран. Йодистый аромат моря сменился на пронзительный медицинский запах.

Раздался крик. Никки не поняла, кто кричал — она сама или девочка на экране. Но нашла она себя на полу.

Робби тоже вопил ей что-то прямо в уши, но она не могла разобрать его слов в невыносимом грохоте: на экране уже возник огромный механический молот, бьющий по раскалённой светло-малиновой металлической болванке. Она послушно сплющивалась — толчками, осыпая темнеющую окалину. Никки оглушило, обдало жаром и испарениями горячего металла. Огненная глыба так надвинулась на девушку, что вызвала нестерпимое желание отстраниться.

Девушка не успела перевести дух — и снова смена картинки: вечер, прохладный ветерок, горящие свечи на столе в кафе. Букет пахучих цветов. Две молодых руки ласково соединились... и вдруг на глазах постарели — покрылись морщинами, вздувшимися венами и старческими пятнами. Цветочный запах сменился душной вонью стариковского белья.

— Выбираемся отсюда! — наконец разобрала она голос Робби.

Никки с трудом встала на ноги.

А на экране уже красавец-олень поднял точёную морду от воды и посмотрел на девушку грустными глазами. С морды капала вода. Томми? И сразу — мёртвый олень с вздувшимся животом и растопыренными ногами. В нос ударил запах падали. Пространство заполнилось жужжаньем сотен мух. Картинка приблизилась, и гниющая плоть оленя превратилась в скользкие холмы, густо усеянные сине-зелёными бронированными гигантами. Насекомые обернулись волосатыми, шипастыми монстрами, а Никки смотрела на них фасеточными глазами такого же чудовища. Жужжанье перешло в низкий гул, а трупный

смад перетёк в густой карамельный запах.

«Неужели доктор решил, что я буду подопытной крысой в его лабиринте?»

Никки толкнулась назад — закрыто! Тогда она решительно бросилась к двери напротив. Кентавр куда-то исчез. Девушка надавила на дверь — та тоже была заперта. Никки обрадовалась: «Доктор думает, что меня может остановить какая-то дверь?» Она отошла на пару шагов — чтобы вышибить преграду к чёрту. И тут приятный женский голос сказал:

— Здравствуй, Никки! Как ты живёшь?

Никки замерла и обернулась. На экране появились...

...её родители!

Мать — красивая, молодая — ласково смотрела на девушку.

— Никки, девочка, как ты выросла!

Это говорил уже её отец.

Родители держались за руки и улыбались девушке. Никки понимала, что это всё проделки доктора Фростмана, но была не в силах оторвать взгляд от двух самых родных лиц в мире.

— Что же ты молчишь, дочка? — спросила мать, нахмурившись. — Почему не отвечаешь?

Никки не могла ничего сказать, но краешком сознания подумала, что мать никогда не называла её дочкой. Обычно — Никки. Серdito — Николь. Ласково — Николетта.

— Не кричи на неё, — грубо рявкнул отец.

Робби требовал, чтобы она уходила, но ошеломлённая девушка продолжала смотреть, как родители стремительно рассорились и начали кричать друг на друга.

А потом случилось непредставимое...

...отец ударил мать.

Та упала на пол и истерически зарыдала.

Взрослая девушка Никки понимала, что смотрит просто невозможный кино-кошмар; что всё это — гнусные опыты доктора Фростмана. Но маленькая девочка в ней истошно ревела, видя, как самые любимые люди ненавидят и ранят друг друга. Зрелище ссорящихся родителей разрывало непонимающее сердце ребёнка пополам.

Никки наконец послушалась Робби, повернулась и врезалась всем телом в дверь. Та сразу распахнулась, и девушка, потеряв равновесие, влетела в кромешную тьму.

С разбитой душой Никки лежала на полу и, невзирая на все свои суперчувства, не могла сориентироваться и найти выход. Вдруг в чернильной тьме раздались леденящий скрежет разрываемого металла и пронзительный детский визг.

Он резанул по сердцу, и шея Никки вспыхнула огнём.

Девушка не смогла встать на ноги и двинулась в темноте ползком и наугад. Робби явно помог — и Никки вскоре вывалилась в дверь, сопровождаемая непрерывным и сокрушительным собственным визгом из прошлого.

Это был уже знакомый кабинет Фростмана. Вот и сам доктор — за столом в дальнем углу.

ПАУК.

Возле него стоял кентавр и держал в клешне парализатор. Доктор был готов к неожиданностям.

Девушка встала на дрожащие ноги и крикнула:

— Зачем вы это делаете, мерзавец?!

Доктор молча улыбался. Между ним и Никки стояло до чёрта мебели — какие-то стеллажи и столики, с кучей стеклянных ваз и колб на каждом.

Никки одним ударом сокрушила круглый стол с цветочным горшком и сервизом.

Психоаналитик пришёл в полный восторг:

— Прекрасный эпизод для сенсационного фильма о дикой королеве!

Этот восторг остановил Никки сильнее наручников. Если твой враг радуется — значит, ты делаешь что-то не то.

Фростман же веселился вволю:

— Великолепно! Отличный сброс подсознательного напряжения! Мы продвинулись сегодня очень далеко в понимании нашей проблемы.

Никки отчётливо поняла, что у неё два выхода — пробиться к доктору и разорвать ему глотку, или уйти отсюда, проглотив издевательство над памятью родителей, и никогда больше не встречаться с Фростманом, не надеясь на свою выдержку.

А доктор был так счастлив, что даже вскочил из-за стола:

— Первая точка в кривой Торндайка! Вы оказались не самой умной крысой, которая прошла через мой лабиринт. Любите родителей, романтичны и горды? Прекрасное, хрупкое сочетание!

Никки прищурилась: «Если перед тобой только два выхода, и они тебе категорически не нравятся, то самое время искать третий».

Кентавр, стоящий возле доктора, вдруг затоптался на месте, потом повернул парализатор и выстрелил в бок Фростману. Тот, с застывшей улыбкой, грохнулся на пол, зацепив стеллаж с мемокристаллами. Синие кубики рассыпались по всему полу.

— Молодец, Робби, — неслышно сказала довольная Никки. — Связь есть?

— Да.

Никки зловеще улыбнулась и сделала лягающее движение ногой. В углу кабинета кентавр, стоящий над телом доктора, в точности повторил это движение, и пластиковое копыто врезалось в жирный бок доктора. Улыбающийся Фростман крикнул. Кентавр опустил ногу, и под широким копытом захрустели синие кубики.

— Прекрасный эпизод для фильма «Новый Франкенштейн». Спокойной ночи, доктор... — И девушка вышла из кабинета, сказав в дверях: — Робби, повтори десять раз!

В ответ донеслось размеренное криканье доктора.

Всплеск энергии, вызванный финальной стычкой с доктором, быстро угас, и Никки еле доплелась до своей комнаты. Через пять минут в башню Леопардов прибежал Джерри, которому самовольно позвонил Робби. Юноша ужаснулся, увидев разбитую вдребезги девушку. Он напоил её чаем и приложил немало усилий, чтобы Никки пришла в себя.

Маугли рассказала другу, что произошло в кабинете психоаналитика. Переживая события ещё раз, она воскликнула:

— Негодяй использовал моих родителей для мерзких экспериментов!

Глаза девушки вспыхнули, и она спросила Робби:

— Доктор ещё в отключке?

— Да.

— Связь с кентавром осталась?

— Конечно.

Девушка улыбнулась, подняла ногу и энергично топнула — один раз, другой.

Джерри ничего не понял, но обрадовался довольному виду Никки.

На следующий день девушка посоветовалась с адвокатом, но тот дал неутешительный ответ.

— Психоаналитики — могущественная медицинская банда. За показ виртуальных сцен их не привлечёшь к ответу — любые свои действия они мотивируют медицинскими показаниями.

— Но он без моего разрешения проводил надо мной опыты! Записывая все мои реакции, которые эту сволочь интересовали! — воскликнула Никки.

— Его статус штатного медика Колледжа разрешает такие вещи... — сокрушённо развёл руками адвокат Дименс.

Никки подумала: «Неужели мне придётся жить в Колледже, терпя такого злобного вампира и шпиона, как доктор Фростман? Лучше бы он просто напал на меня с топором...»

Увы — знаменитый специалист по промыванию мозгов пользовался гораздо более опасным и болезненным оружием. Сцены, увиденные Никки в лабиринте доктора,

ядовитыми занозами застряли в её сердце. Джерри чутко уловил состояние девушки и потратил всю свою ночь на добывание из Сети лекарства, которое должно было помочь.

Утром он разбудил Никки и посадил её перед экраном.

— Смотри!

И Никки с замирающим сердцем увидела реальные видеозаписи своих родителей, которые Джерри кропотливо собрал по всем закоулкам Инета.

Девушка на целый час погрузилась в яркий цветной мир, где двигались, улыбались и целовались два молодых, полных сил человека, а рядом с ними, держась за родительские руки, ковыляла и бегала, горько плакала и заливалась смехом их абсолютно счастливая маленькая дочь.

Смотреть эти кадры было непросто, но, когда запись закончилась, Никки вздохнула радостно и свободно. Профессионально ядовитые имитации бесследно исчезли в сокрушительном свете безыскусной правды.

Королеве Никки приходилось учиться больше других студентов — в её образовании всё ещё зияли огромные дыры. Например, юная Маугли почти не знала географию и стала лёгкой добычей для язвительной пожилой дамы, преподававшей в Колледже науки о Земле.

— Ну-ка, рекордсмен, вперёд! — Сегодня профессор Катарина Тур снова вызвала Никки к карте мира. — Покажите столицу Шотландии! С какой скоростью движутся ледники? Найдите крупнейший город мира! Из какого материала состоят океанские пляжи?

Никки не справилась ни с одним названием или заданием и попала под град насмешливых комментариев преподавателя географии.

— Вы даже не знаете принципиальной разницы между западным и восточным берегами Южной Америки? Фантастическое невежество!

И профессор нагрозила Никки чудовищным по объёму домашним заданием. Изабелла попробовала заступиться за Никки:

— Она никогда раньше не учила географию, за что её так наказывать?

Но только хуже сделала.

— И что теперь? Мисс Гринвич собирается и дальше оставаться дикарём? — спросила грозно профессор и тут же добавила Никки дополнительный реферат о прибрежных рельефах.

— Сдать до Рождества! И чтобы мне было интересно читать эту работу! — надменно сказала профессор Катарина Тур, обращаясь к Никки. — Списать из учебника может даже дурак-компьютер. Найдите незатасканный подход к теме, иначе реферат не зачту!

Никки была вовсе не против изучения географии, но в сутках всего-навсего двадцать четыре часа, причём шесть-семь из них приходилось спать, иначе организм бунтовал — засыпал бесконтрольно и когда хотел.

Более того, Земля очень нравилась девушке. Это была планета-мечта, грустная из-за недосыгаемости, но всё равно — светлая.

Маугли могла часами смотреть фильмы про болота Флориды, кишашие биоврагами и биодрузьями; про сумрачные влажные джунгли и просторные берёзовые рощи; про альпийские луга, жарко цветущие между скал под прохладным летним небом. Девушку восхищало всё: сползание стеклянно-зелёных антарктических ледников, затопивших до горла чёрные замороженные горы, и ещё более медленный рост Гималаев в зоне напряжённого противостояния тектонических плит. Андаманский архипелаг, Тирренское море, Кордильеры — эти чудесные имена звенели колокольчиками на ветру.

«Где здесь необитаемые острова, которые Джерри обещал мне показать?»

Рыбы, роящиеся в коралловых зарослях тёплых морей, поразили Никки. Девушка считала себя экспертом по рыбе. Она тщательно изучила её в количестве двух тонн! Никки исследовала рыбу в жареном, печёном, вяленом и — посмотрим правде в глаза — в сыром виде. Стремительная обтекаемая форма, мускулистое тело, элегантная и неброская окраска. Здравствуй, я — рыба Эрик.

Виртуально нырнув в тропическое море, Никки попала на рыбий бал-маскарад: подводные жители то вытягивались полуметровыми глазастыми спицами, то сплющивались в плоские блины с поцелуйно вытянутыми губами, то выпускали из спин острые серпы или длинные нити, словно хотели поймать на удочку какого-нибудь плавающего собрата. Раскрашивались рыбы нагло — словно и не было на свете никаких хищников. Одни коралловые жители предпочитали однотонные цвета: канареечно-жёлтый, чёрный или томно-перламутровый. Другие пускались во все тяжкие, расцвечивая морды красно-зелёными пятнами, а бока — сине-оранжевыми полосами. Яркие рыбы почему-то очень сместили Никки — словно профессор Дермюррей несуразно нарядился в балетную пачку.

Когда же она увидит земные красоты своими глазами? Она поймала себя на составлении маршрута кругосветного путешествия, о котором они с Джерри мечтали.

Но, кроме сладких снов о тёплых островах, был ещё и реферат по береговым рельефам. Наконец остался один день до его сдачи.

Весь вечер Никки лихорадочно искала свежий подход к берегам и рельефам. Даже пропустила ужин, ограничившись чаем и шоколадом у рабочего экрана. Наткнулась на информационный банк лидарных данных о высоте земной поверхности.

Робби влез с объяснениями:

— Самолёт стреляет вниз невидимым лучом из инфракрасного лазера и с точностью до сантиметров определяет координаты точки отражения луча...

— Я это знаю, — нетерпеливо перебила его Никки. — У меня есть лидарный сенсор в ожерелье, которое подарил Джерри. Я всё могу вокруг измерить.

— Правильно, — согласился Робби, — но вокруг тебя всё мельтешит — особенно когда ты сама носишься как угорелая, — а географический рельеф неизменяем и солиден.

Девушка решила собрать для требовательного профессора трёхмерную коллекцию береговых структур, используя лидарные данные. Нашла в Техасе загадочный уступ высотой в метр, тянущийся по суше в нескольких километрах от береговой линии Мексиканского залива. Граница древнего океана во время прошлого потепления? Можно отнести её к береговым рельефам? Пожалуй, да — в порядке дискуссии.

В Сибири Никки заметила лесную реку — очень извилистую. Робби пояснил, что речной поток размывает рыхлые берега, что приводит к нестабильности русла. Никки убрала лидарные отражения от деревьев и оставила лишь точки земной поверхности. Словно другая планета возникла перед её глазами!

На обнажённой земле стали видны русла ручьёв, углубления тропинок и придорожных канав. Старые рудники, развалины зданий, пещеры и какие-то геометрически правильные траншейные узоры — массу тайн скрывал густой лес. А вокруг нынешней реки обнаружили десятки петель сглаженных сухих русел. Они клубились на многие километры вокруг реки. Кто жил на древних берегах? Кто пил воду давно пересохших рек?

«Это узоры истории реки, как годовые кольца на срезе дерева!» — подумала Никки. Но Робби не смог датировать бывшие берега — двести, пятьсот лет назад?

— Не хватает информации, — признался он. — Нужно знать прочность пород, скорость и глубину реки. Да и повозиться с моделированием разрушения берегов придётся. А у меня и так хлопот полон рот! — блеснул пословицей Робби. Заразился у своего приятеля Вольдемара, любителя афоризмов.

Никки с удовольствием добавила переплетения речных русел в домашнюю работу, аккуратно обойдя вопрос их возраста.

В башне Леопардов давно посапывала ночь. Но реферат рос быстро. На экране мелькали лесистые горы и долины, в следующее мгновение теряющие зелёный покров и показывающие свои тайны. Жерла вулканов, метеоритные кратеры, застывшие лавовые реки — Никки с трудом отрывалась от заманчивых геологических зрелищ, стараясь оставаться в заданных берегах.

Вот взгляд девушки зацепился за край карибского острова Пуэрто-Рико. Обычно вдоль

его берега тянулась одинокая песчаная дюна, отмечая край прибойных волн. Но на южном полуострове, под содранными зарослями обнаружилось более десятка древних дюн, параллельных берегу: сильно сглаженные гребни отстояли друг от друга на сотню метров. Друзья долго ломали извилины мозга и электронные цепи над многорядным рельефом, пока Никки не осенило.

— Это ураганные дюны! Я видела профили берегов после урагана: он разрушает обычную дюну и создаёт новую, вдали от берега, где её не достаёт рядовой прибой. Этот ряд дюн связан с сильными ураганами!

— Почему же их так много? — скептически откомментировал Робби. — Каждый новый ураган должен разрушать прошлую штормовую дюну.

— Правильно, но из-за течений и роста коралловых рифов площадь этого пляжа увеличивается, и береговая линия отодвигается в океан. Поэтому новый ураган не размывает старую дюну, а лепит рядом свою. Этот набор дюн может быть геологической летописью крупнейших ураганов Карибского моря! За последние века или за тысячи лет?

Увы — Робби снова не смог датировать отдельные песчаные гребни.

Но это не помешало прибрежным дюнам занять достойное место в заключительной части реферата.

— Не уверен, что здесь замешаны ураганы, — пробурчал Робби. — Это лишь гипотеза. А может, за многорядную дюну отвечают колебания уровня океана или периоды ускоренного роста кораллов?

— Не будь занудой, — ответила девушка. — Конечно, гипотеза. Школьная работа — не диссертация, не будем много на себя брать.

Никки надиктовала последнюю строчку, утомлённо откинувшись в кресле:

— Я и не знала, что подавляющее большинство людей на Земле живут на берегах — океанов, озёр или рек.

— Ты поднаторела в географии!

— А ты знаешь, что все люди на Земле — родственники?

— Конечно, знаю — это следует из кроличьих чисел Фибоначчи и теории вероятности. Тебе интересен факт, что ты десятиюродная внучка одного из французских президентов? Или что японский рыбак из Кобе твой кузен в пятнадцатом колене?

— Да! Когда на лекции по демографии я услышала про это всемирное родство, то у меня закружилась голова. Оказывается, у меня такая огромная семья...

— Они не считают тебя родственником и равнодушны к факту твоего существования.

— Ну... у всех в семье свои недостатки. И, думаю, ты преувеличиваешь взаимное равнодушие людей. Если японский рыбак увидит, что я голодна и у меня нет денег, разве он не поделится со мной выловленной рыбой?

— Ну... может, и поделится.

— Вот я и говорю: мы — родственники. Я тоже, когда представится случай, позабочусь и о японском рыбаке, и о французском президенте.

— Нужна ты им очень!

— Нужна, даже если они не подозревают об этом.

Никки встала из-за рабочего стола, потягиваясь и смотря на карту мира. Возможно, под влиянием усвоенной лавины географических данных, девушка вдруг ужаснулась:

«Как они там выживают, бедняги? Они строят своё жильё и жизнь на крышке кипящего котла! Континенты расползаются, как скользкие льдины; землетрясения ломают земную кору; вулканы заливают города огненной лавой и засыпают горячим пеплом... А торнадо и наводнения? А сезонные кошмары — так называемые зима и лето? То жара с засухой навалится, то снегом и льдом засыплет. Жить на Земле могут только герои. Из дома страшно выходить без скафандра высокой защиты — на тебя могут броситься крокодил или автомобиль, грипп или град. Космический астероид — это тихая заводь по сравнению с Землёй».

— Ложись спать, — приказал Робби. — А то завтра будешь бродить как привидение.

— Я хочу попасть на Землю побыстрее... — невпопад своим мыслям сонно пробормотала Никки, проваливаясь в такой заслуженный, но такой короткий сон.

Утомлённой девушке приснился старый кошмар: родители уходят куда-то навсегда, даже не замечая её. Она хорошо знала, чем кончится сон — глухой дверью одиночества, но всё-таки, безязыкая и бессильная, отчаянно тянула руки вслед родителям — и вдруг увидела, как мама обернулась. Сердце девочки забилось быстрее птичьего — и она мигом сбросила ярмо слабости. Родители взяли её за руки, и они пошли вместе.

Она была так счастлива, что смотрела только на маму и папу и не обращала внимания — куда они идут.

А шли они долго. Говорили и смеялись. Наступил вечер — тёмный и даже морозящий, но девочка была готова идти под дождём всю жизнь.

Не одна! Не одна!

Дорога кончилась у стены из тёмно-красного кирпича. Каблуки маминых туфель, звонко простучав по мокрому асфальту, остановились возле открытой двери.

За ней клубился лишь слабо светящийся туман.

Никто не сказал ни слова — лишь отец торопливо сжал плечо Никки и подтолкнул её вперёд.

Она переступила порог и обернулась. Родители стояли с той стороны двери и улыбались сквозь слёзы и тревогу. В прошлом осталась и пустынная ночная улица с неяркими жёлтыми фонарями.

Девушка поняла, что родители не могут перейти порог, но желают ей столько счастья, сколько может вместить душа человека.

И ещё она поняла, что вернуться назад невозможно и не нужно, ведь её дорога — впереди. Она чувствовала, что сейчас поймёт что-то важное, от чего вся её жизнь приобретёт смысл и значение.

Вокруг светился жемчужный туман, завивающийся в столбы и воронки. Он странно и хорошо пах.

«Куда дальше?» — подумала Никки, глядя на клубящуюся под ногами дымку.

Что скрывает туман? Паркет, капкан, пропасть?

Пока не пойдёшь вперёд, не узнаешь.

Девушка смело сделала первый шаг — и почувствовала прочную и одновременно мягкую поверхность. Что-то вроде лужайки, поросшей короткой травой.

Никки откуда-то поняла, что секунду назад под ногами ничего не было. Это её шаг создал опору.

Она уверенно двинулась в жемчужную дымку, и, обгоняя её шаги, вперёд устремилась надёжная земная твердь.

Девушка взмахнула рукой — и в тумане возник прямой как стрела тоннель, нацеленный вверх. Секунда — и в туманном окне засияло голубое небо. «Да будет свет!» — подумала Никки и раздвинула небо пошире.

Очередной взмах вывел на небо горячее солнце. Девушка прищурилась, засмеялась и обернулась на родителей. Они были уже далеко, в маленьком прямоугольнике дверей, плавающем в тумане. Отец махал ей одной рукой, а другой держал маму за плечи. Мама плакала и улыбалась. За их спинами мягко мерцали светляки уличных фонарей.

Никки поняла, что всё делает правильно.

Горячее солнце разгоняло туман и открывало просторное поле, заросшее сочной лохматой травой. Движение ребром ладони — и на лугу возник ручей, искрящийся на солнце. Он прыгал и оскальзывался на мокрых валунах.

Туман рассеивался и отступал. «Эй, приятель, послужи ещё!» — решила девушка, поймала уползающие куски тумана и слепила из них деревья и лес.

Сорвала веточку клёна, смяла её в кулаке, а потом расправила в жёлтую птичку. Выпорхнувшая из ладони птица засвистела что-то радостное и знакомое.

И под утреннюю песню канарейки Никки проснулась. Переполненная чувством своего

могущества. «Смысл жизни человека — стать богом», — подумала она.

Поправилась: «Создателем!» — и быстро вскочила с кровати. Лежать было совершенно невозможно от распиравшего сердце восторга.

Родители взяли её с собой! Они были с Никки до конца, и они любят её.

Ей больше никогда не приснится кошмар брошенного ребёнка.

На доске объявлений появилось красное и суровое:

3–11 января для второкурсников состоится плановая учебная экскурсия на Марс.

Явка всех обязательна!

Школьники, не желающие лететь на Марс, должны принести объяснительные записки от родителей. Уклонившиеся от посещения Марса получают дополнительный тест по планетологии и горько пожалеют, что пренебрегли экскурсией!

Отправление 3 января, в 7 часов утра.

Время в полёте: 75 часов — туда и 72 — обратно.

Пребывание на Марсе включает однодневные экскурсии в Марсополис, на ферму Большого Каньона и в пещеры Северного ледника.

Ответственный преподаватель, тренер-профессор Бенто Нджави.

Никки показала Джерри на объявление:

— Летим?

— Конечно. Это интересно. Да и объяснительные записки для нас писать некому...

Никки только вздохнула. Такая же мысль рождалась у неё всегда, когда в Колледже появлялись сообщения о родительских собраниях или ещё о чём-нибудь, где требовалось участие матерей и отцов.

Невероятные счастливицы — те, у кого есть и мать, и отец.

Никки могла заработать миллиарды, Джерри мог сотворить умнейшего робота.

Они вдвоём могли свернуть горы, но ни он, ни она не могли вернуть родителей.

Родители — это необратимое счастье.

Профессор Тур приняла Никкину работу по береговым рельефам, похвалив студентку следующим образом:

— Не ожидала такой прыти от такой невежды!

Потом помолчала и спросила:

— А вы не хотите серьёзно заняться географическими исследованиями?

— Хочу, — с готовностью сказала Никки. — Но, к сожалению, не могу. Спать хочется всё больше и больше.

Профессор географии не удивилась.

— А вы не возражаете, если я поручу другим студентам изучить происхождение многорядной дюны? Очень любопытная структура.

— Не возражаю, если потом расскажете её историю.

— Если сумеем расшифровать эту тайнопись, то непременно!

В глазах профессора Тур зажёгся огонёк энтузиазма, и она посмотрела на зал, полный притихших школьников.

— Ну, кто из вас хочет провести зимние каникулы на Пуэрто-Рико?

Каникулы приближались верхом на черепахе со связанными ногами.

Студенты изнемогли, ожидая конца семестра.

Наконец, черепаха доползла, виновато улыбаясь беззубым ртом.

Уф-ф!

Рождественский Бал! Рождественский Бал!

Вся школьная мучёба была мгновенно забыта, и время помчалось ошалевшим зайцем. Бал завтра, а костюм ещё нужно ушить, а туфли ещё не прибыли, а платье оказалось тесным в талии и везде, а пояс — не в тон, а фасон каблучков — от мамонта, а на носу не только бал, но и прыщик! А-а-а!

Вечером в холле десятого этажа башни Леопардов собрались Джерри, Дмитрий и Бим. Джентльмены ожидали своих дам, поправляя в сотый раз бабочки и галстуки, то и дело, а то и без дела, поглядывая на часы и на дверь с изображением девочки с зонтиком.

Наконец дверь открылась, и выпорхнули сразу трое: Никки, Изабелла и Лора.

Возгласы возмущения застыли на губах, и юноши молча зашли за девушками в лифт.

Дмитрий перевёл дух и сказал жалобно:

— Как вам удаётся превратиться из обычных девушек в стайку богинь?

— Глупыш! — величественно сказала крупная Лора в апельсиновом платье и с пышной смоляной причёской. — Мы — всегда богини! Исключительно из жалости к вам, мы в рабочие дни превращаемся в обычных девушек. Чтобы вы могли сфокусироваться на учёбе.

Бим приняховался сразу к трём духам, и глаза его разбегались за ноздрами.

Никки надела голубое платье с серебряными полосками, струящимися в таком прихотливом узоре, что взгляд гипнотически следовал их изгибам.

Джерри смотрел на Никки и бестактно не обращал внимания на других девушек, хотя Изабелла в чёрном платье с обильным золотым шитьём была весьма эффектной. Её белокурые волосы были собраны модельером Луизой в конструкцию с такой причудливой топологией локонов, что, при смене ракурса, причёска Изабеллы выглядела минимум как пять совершенно новых причёсок.

Изабелла выглядела отлично, но не для Джерри — он ничего с собой сделать не мог, одержимый бедняга. И не хотел.

Он видел только свою драгоценную Никки, которая светилась в его глазах.

Он ощущал в воздухе только запах её любимых жёлтых роз.

Никки, улыбаясь и не отрываясь, тоже ласково смотрела на юношу.

Изумительная поездка в волшебном лифте — наедине в шумной компании друзей. Видеть только друг друга, выстраивать серебряные ажурные мосты, посылать своё горячее дыхание и обжигаться ответом, опутывать и запутываться в прозрачных крепких паутинках.

Лифт остановился и с облегчением выпустил из себя шестерых молодых людей, окружённых облаком ароматов и ещё каких-то сияний и искр.

Юноши провели своих дам в зал приёмов. На пороге все дружно охнули и остановились.

Нынешний Рождественский Бал превзошёл все предыдущие.

Зал был разбит на четыре зоны. В одном углу раскинулся рождественский парижский Монмартр — в сияющих деревьях, увитых гирляндами лампочек, и в уютных кафе, где и в самом деле можно было закусить. В другом углу высилась легендарная Русская Ёлка — вся в расписных национальных игрушках. Засмотревшийся на чудесное дерево имел шанс попасть ногой в полыню в антарктическом углу зала, где ледяные гроты и скалы образовывали полупрозрачный сверкающий дворец, по коридорам которого бродили пингины и носились на коньках студенты. Ещё один угол зала выглядел нью-йоркским Таймс-сквером со знаменитым стеклянным шаром, разбивающимся с двенадцатым ударом новогодних часов. В лунном Таймс-сквере и вокруг Русской Ёлки студенты уже всю танцевали, а в пещерах ледяного дворца с визгом развернулись подозрительные игры — то ли прятки, то ли догонялки.

Зал изнуряюще благоухал модным запахом «Цветок винограда» и блистал цветными платьями девушек и элегантными костюмами юношей — полной коллекцией фраков и смокингов. Немало высадилось, прискакало и присеменило карнавальных пиратов, ковбоев и придворных щёголей разных эпох.

В этом году среди девушек вошли в моду волосы цвета чёрного жемчуга — всех оттенков чёрности, зелёности и жемчужности. А самой писк-причёской считались

зеркальные волосы а'la «ртутный цветок». Слишком блестящие причёски ослепляли окружающих, и некоторые юноши позволяли себе ехидные шуточки.

Но быстро жалели об этом.

Студенты ели, танцевали и развлекались. В парижском кафе «Таверна» Олени поздравляли именинницу в бледно-лиловом платье. Девушка с покрасневшимся лицом дула на торт со свечами. В соседнем кафе компания Леопардов дискутировала о полётах и машущих крыльях. Кто-то кричал, что сил человека не хватит на долгий машущий полёт даже на Луне; другие возражали, что никто не против восходящих термиков, позволяющих парить, но взмахи крыльев дадут пилоту маневренность и свободу. Группка спорящих Драконов стояла возле красивого светящегося фонтана, но не обращала на него внимания, углубившись в сложный политический спор. Раскрасневшиеся Драконы давно вышли за рамки дипломатического протокола; из фонтанного булькания выныривали отдельные колкие реплики:

— Слава богам, я — не шотландец!

— Я, шотландец, тоже этому рад...

— Ты беспробудно туп!

— Вижу, что себя прощать легко и даже приятно...

— Взрослые — они взрослые и есть. Что с них взять, кроме генетического материала...

— Инфляция, амплификация... иллюзия понимания — это главный враг понимания...

— Я бы купил твой мозг для исследования. Он меня заинтересовал!

Все преподаватели тоже пришли на Рождественский Бал.

Профессор Дермюррей, одетый в унылый коричневый костюм, брюзгливо осмотрел сложную причёску и замысловатый наряд из жемчужной парчи профессора Майсофт и высказался:

— Теперь я понимаю, почему вы вовремя не предоставили полугодовой отчёт!

Эксмин, стоявший неподалёку, быстро обернулся и сказал:

— Как удачно, что ношение шпаг вышло из моды — мужчины теперь могут безбоязненно хамить дамам.

Майсофт поглядела на профессора Эксмина с таким чувством благодарности, что воздух между ними засветился.

— Не учите меня этике! — вспыхнул Дермюррей.

Профессор Эксмин презрительно скривил губы:

— Мне это не под силу — насколько я наслышан об известной бразильской истории. Речь идёт всего лишь об этикете. Это должно быть не очень сложно даже для вас.

Дермюррей побагровел, резко развернулся и ушёл.

Профессор Майсофт влюблённо смотрела на своего рыцаря.

На балу Никки обступила группа девушек — преимущественно, Дракониц, но там были и пара Сов, и даже первокурсница из Леопардов — та самая, всегда смотревшая на Никки с раздражающим обожанием.

— Нам нужно серьёзно поговорить, ваше величество! — первой начала Тина-Дракон.

— К чему такие церемонии? — удивилась Никки. — Давайте поговорим.

— Ты стала королевой, и тебе нужны настоящие подруги и помощницы! — решительно сказала Тина.

Группа девушек смотрела на Никки с ожиданием. Самая прямолинейная или просто тупая, Кора-Дракон сказала:

— У королев всегда есть фрейлины! Они тоже живут в королевских дворцах!

Кандидатки во фрейлины покосились на Кору и заговорили все сразу:

— Тебе нужна политическая поддержка...

— Мы будем сортировать почту и отвечать твоим поклонникам...

Кора-Дракон:

— Может, среди них найдутся симпатичные мальчики...

Девушки деловито оглядывали платье Никки:

— Мы будем работать над твоим имиджем!

— Ты должна быть самой красивой и элегантной...

— Ты такая умная и интересная...

Кора-Дракон:

— Особенно интересно — почему ты такая умная?

Фрейлины дружно шумели:

— Ты ещё столько не знаешь...

— Мы тебе поможем во всём разобраться!

Кора-Дракон опять была откровеннее всех:

— И ты нам когда-нибудь поможешь!

Никки с сомнением слушала обступивших её девушек и уже совсем было собралась расстроить планы будущих фрейлин, но потом спохватилась и подумала, что королеве надо уметь находить общий язык со всеми людьми и использовать их сильные стороны. А эйнштейнианцами тем более пренебрегать не стоит. Может, придумать этому клубу фрейлин какое-нибудь толковое занятие в Гринвич-Центре? Помощь детям-сиротам?

Надежды девушек на придворную карьеру были, если подумать, вполне логичными. Власть современного короля сопоставима с президентской, а то и превосходит её. Вокруг политиков такого класса всегда формируется команда помощников. С этой точки зрения, соученицам Никки было глупо упускать такую прекрасную возможность попасть в число приближённых лиц королевы. Маугли, понимая это, вздохнула и дипломатично сказала:

— Я подумаю.

Майсофт танцевала с Эксмином и жаловалась ему, что ничего не успевает, что преподавание и научная работа требуют столько времени... на личную жизнь его уже не хватает...

Грустные жалобы странно контрастировали с радостными интонациями в голосе молодой женщины. Профессор Эксмин умело вёл даму в танце и успевал её утешать хорошо поставленным голосом:

— Перечень того, что мы хронически не успеваем сделать в своей жизни, длинен и навевает тоску. Но взбодритесь, Элен! В конце концов, то, что мы *успели* сделать, — важнее.

В углу одного из парижских кафе сидела профессор Гуслик в обычной неопределённой одежде, посматривала на веселящуюся публику и потягивала изумрудного цвета коктейль — судя по всему, кислый.

Раздалась мелодия старинного вальса, и большинство танцующих отошли в сторонку. Лунный вальс не прост и требует немалой подготовки от танцоров. В центре зала остались кружиться лишь несколько пар, и среди них выделялась самая красивая и высокая — Дзинтара с Фебом. Ради бала русская принцесса сменила наряд гавроша на белое платье колоколом, а греческий бог оделся испанским идальго. Ловкость и грациозность этой пары вызвала всеобщее восхищение. После танца они были вознаграждены аплодисментами и градом конфетти из хлопушек.

Взаимоотношения между Дзинтарой и Фебом балансировали в точке ласкового сарказма и иронической нежности.

Они спорили всё время и обо всём.

Феб тоже был поэтом и тоже учился на биофакультете. Но, в отличие от Дзинтары, склонявшейся к ботанике, Феб занимался разделами нейронауки, посвящёнными человеческому восприятию и феномену интуиции.

Юноша часто выбирал принцессу подопытным кроликом.

подав разгорячённой танцем Дзинтаре бокал с шипучим соком, он строго спросил:

— Ты знаешь, что у человека два зрения? Одно — фовеальное, а другое —

периферийное?

Дзинтара молча пьёт сок и с подозрением смотрит на Феба.

— Внимательно взглядишь в моё божественное лицо. Глаз не отводить! Видишь, что только моё лицо имеет для твоих глаз наивысшее разрешение?

Феб умел фокусировать на себе внимание!

— Моё изображение находится в самой чувствительной, фовеальной области твоей сетчатки. Если я отвожу в сторону руку, то она выглядит для тебя размытой. Чтобы увидеть, что я держу в руке, тебе придётся передвинуть пятно своего фовеального, наивысшего качества, зрения.

Дзинтара невольно перевела взгляд на отставленную руку Феба. На чёрном рукаве — серебряное испанское шитьё, а в ладони ничего нет. Жулик!

— Твоё зрение настроено верно — по сравнению с моим лицом весь остальной мир скучен и малоинформативен. Для него достаточно периферийного восприятия «на всякий случай»: способности замечать крупные идвигающиеся объекты, не отвлекаясь на мелочи.

Принцесса величественно повернула голову и остановила своё фовеальное зрение на Русской Ёлке. Но Феб не отпустил добычу. Он снова поймал взгляд принцессы и спросил голосом экзаменатора:

— У меня умные глаза?

— Да, — нехотя призналась она.

— А как ты догадалась? — потребовал он анализа. — По каким признакам?

Дзинтара сердилась, но не могла обосновать свой интуитивный вывод.

— Интуиция — совершенно загадочное свойство человеческого мозга, — провозгласил Феб. — Понимания именно этого феномена нам не хватает для создания человекоподобных по интеллекту компьютеров. Интуиция лежит в основе самых гениальных прозрений человека, а мы так и не раскрыли её природу!

— Ну, раз за эту проблему взялся ты, то волноваться больше не о чем! — изо всех сил старалась быть ироничной Дзинтара.

Феб снисходительно улыбнулся на её попытку уколоть.

— Дзинтара, признайся, что твоя жизнь была безнадежно скучна до моего появления!

— Что ты будешь делать, если я откажусь это признавать?

— Я прощу тебе эту маленькую ложь!

— Феб, ты так долго любовался на своё отражение в небесных сферах, что приобрёл жуткий комплекс Нарцисса! Ты так самовлюблён и нахален!

— Дзинтара, ты так умна, неужели ты не видишь, что это лишь маска, под которой прячется робкий и застенчивый человек, неуверенный в себе? — звучным, располагающим голосом спросил Феб. — Не хочется ли тебе пожалеть и воодушевить его — хотя бы братским поцелуем?

Дзинтара с сомнением смотрела на Феба, сохраняющего невозмутимость на симпатичной физиономии. Шутит он или серьёзен? С ним нельзя быть ни в чём уверенным.

Рождественский Бал закончился, и все поаплодировали его изобретательным организаторам.

После бала Джерри отправился провожать Никки в башню Леопардов. Они шли медленно, и она держала его под руку.

Мир вокруг был цветным и душистым. Вспыхивающие светляки летали над вечерними лужайками, уворачиваясь от фыркающих струй поливальных фонтанчиков.

В ярко освещённом холле Леопардов Никки оглядела Джерри, одетого в серо-голубой пиджак и брюки цвета «кофе-и-много-молока». Светлая рубашка и бордовый галстук. Вроде обычный костюм, но он сидел на широких плечах юноши как-то очень привлекательно...

И Никки заявила:

— Мне все девчонки сегодня завидовали!

— А мне — все мальчишки! — в тон ей ответил Джерри, в свою очередь любясь

девушкой.

Джерри довёл Никки до лифта, но она неожиданно потянула юношу за собой.

— Ты такая оживлённая! — удивился Джерри, глядя на покрасневшую Никки. — Наверное, ты сегодня Роббин алкогольный нейтрализатор не выпила — и тривиально навеселе!

Никки засмеялась и долго не останавливалась.

— Хороша! — сказал Джерри, наслаждаясь её лицом с блестящими глазами. Он проводил Никки до её комнаты. Но и тут девушка не отпустила его. Она закинула руки на шею Джерри, и уже через минуту юноша был пьян без всякого вина.

— Мы сейчас устроим дебош... — сказала Никки, прижимаясь к Джерри.

И они его устроили.

Они сбивали дыхания и смешивали сердцебиения, путали ориентиры и зажигали маяки, искали слова и забывали руки, взлетали без крыльев и проваливались в неожиданные измерения.

И не заметили, как туманная явь растворилась в ярком сне.

Джерри очнулся. Было уже утро. Жёлтая канарейка Гав-Гав, как странно её называла Никки, уже свистела и заливалась своей знаменитой «Песней к завтраку». Свежая, с мокрыми волосами, Никки стояла над ним в белом махровом халате и улыбалась.

— Вставайте, сэр рыцарь, ваш кофе стынет!

— Никки... — радостно улыбнулся Джерри. Он оглянулся на растерзанную кровать и смутился: — Что мы тут натворили...

— Это ты натворил! — заявила Никки. — Соблазнил... почти!.. бедную девушку... Теперь ты должен, как честный человек, на ней жениться!

Джерри заулыбался и притянул Никки к себе.

Оторвавшись от самого длинного в их истории поцелуя, Никки кашлянула и сказала хриплым голосом:

— Кажется, ты согласен?

— Слово рыцаря, которое крепче жизни! Осталось узнать о твоём согласии, моя королева... — не менее хрипло ответил Джерри.

Никки просияла.

— Я подумаю! Мы, королевы, с бухты-барахты такие вещи решать не можем, — состроив величественную рожицу, сказала она. — Но помните о вашей клятве, сэр рыцарь, и не отказывайтесь от неё! — это королева Никки сказала без всякой шутки, сверкнув глазами.

— Не откажусь! — торжественно и не менее серьёзно ответил сэр рыцарь.

Глава 10

Главная тайна мира

В Рождество Никки надали столько всего, что это самое «всё» не уместилось на спине одного робота: в комнату втиснулась процессия сразу из трёх крупных кентавров-носильщиков. Никки не успела обрадоваться, как сразу озадачилась: куда складывать эти сокровища?

Самые сердечные подарки, конечно, пришли от друзей. Дзинтара подарила крупную другу превосходных фиолетовых аметистов. Никки украсила загадочно-прозрачными кристаллами рабочий стол. Хао прислал тонкий фарфоровый чайник с двумя чашечками, светящимися, как цветочные лепестки, и шкатулку с жасминовым чаем. Этот тёплый подарок занял место на столике у окна. В красивой коробке, пришедшей от Джерри, лежал восхитительный набор разноцветного шоколада. Ну, недолго он там лежал...

С улыбкой на сытой и слегка испачканной физиономии Никки принялась сортировать остальные подарки. Крупные вещи, не вошедшие на комнатные полки, она откладывала, чтобы отправить в подземную камеру хранения.

Кубический футляр оказался любителем поболтать и открылся, только задав удивлённой Никки несколько неожиданных вопросов, явно выясняющих — она ли это. Внутри футляра лежал радужный шар. Ёлочная игрушка?

В руках девушки шар засветился и сказал:

— Привет, Никки!

Внутри шара появилась голова принца Арнольда. Он по-прежнему носил небрежную пиратскую косу и улыбался во весь белозубый рот.

— Ты мне давно разрешила, и я буду по-прежнему звать тебя Никки, — сказал принц, — хоть ты сейчас и королева. Кстати, поздравляю и сочувствую. Я сразу понял, что ты умница из умниц. Спасибо за привет — Вильгельм мне его передал, хотя вы явно не очень поладили. Жаль... Впрочем, лишь с одной стороны.

Принц посерьёзней.

— У меня два дела: во-первых, поздравить тебя с Рождеством. Во-вторых... — лицо принца напряглось, а голос стал еле слышен, — хочу тебя предупредить: будь очень, *очень* осторожна. Я не знаю деталей, но против тебя затевается что-то гнусное. Избегай пустынных мест. Нигде не оставайся одна. Ты слышишь, милая Никки? *Нигде не оставайся одна*.

Принц помолчал, глядя погрустневшими карими глазами.

— Желаю тебе выжить.

И его лицо исчезло. Шар зашипел в Никкиной руке и растаял бесследным облаком холодного дыма.

Никки с забившимся сердцем встала и подошла к окну. В Школе Эйнштейна охрана была на высоте — в прошлом году зеркальный человек с оружием смог проникнуть лишь в подземный тоннель, но не в сам Колледж. После того случая охрану Колледжа и Шрёдингера ещё больше усилили. Вне Колледжа Никки старается быть только в безопасных местах. Обычно она летает в хорошо защищённое здание Космической Службы. Что она ещё может сделать? Спрятаться в пещере и не выходить?

Арнольд здорово рисковал, посылая ей такое сообщение из вражеского лагеря Южных династий. Он сделал, что мог, и Никки надо прислушаться к предупреждению и быть вдвойне осторожной. Вопрос — как?

Девушка спустилась в холл башни Леопардов. В одном из кресел валялся журнал со знакомой грозной физиономией короля Дитбита на обложке.

Лёгко на помине.

Никки взяла в руки глянцевого таблоид и полистала — династии Дитбитов посвящался весь спецвыпуск. В начале — интервью с королём.

Дитбит-старший был откровенен и напорист:

— Я поддерживаю закон о геносвободе! Я — сторонник ПОЛНОЙ свободы для ВСЕХ людей.

— Как свобода может быть сразу и полной, и для всех? — спросил комментатор-собеседник.

— История знает множество попыток ограничить свободу, — уклончиво ответил король. — Консерваторы запрещали людям верить в богов или в их отсутствие, не давали человеку читать еретические книги, путешествовать или воспитывать детей по его усмотрению... Сколько глупых запретов пережило человечество! Все они окончились неудачей — рано или поздно время сметало барьеры на пути развития человеческой свободы и цивилизации. Думать, одеваться, танцевать не так, как велят традиции, — это наше неоспоримое право! Если ваша свобода не затрагивает права других — вы можете делать всё что угодно.

— Как определить, затрагивают ли наши действия чужие свободы или нет? — подал реплику журналист.

Король гнул своё:

— Генетическая свобода — важнейшая в спектре наших свобод. Я должен иметь право выбрать для своих детей сильное и здоровое тело, мощный мозг, яркие чувства — и тем

самым подарить им наилучшую судьбу. Мне запрещают это делать под тем предлогом, что другие люди себе такого не смогут позволить, что мои дети будут слишком умными и красивыми, и это обидит остальных... а некоторые договорились до забавных страхов — что смешанные браки вдруг исчезнут, и возникнет изолированная группа сверхлюдей.

— У вас нет таких опасений?

— Выдающиеся и талантливые люди рождались во все времена, и всегда их окружали зависть и восхищение. Но именно такие люди становились двигателями истории. Почему же, если таких людей станет больше, то человечеству станет хуже? Генетическое разнообразие и изменчивость в человеческой популяции являются залогом выживания нашей расы. Время дорогое, мы должны приступить к делу генетического возрождения, пока не стало поздно.

Журналист сказал королю Дитбиту:

— Проблема не в ценности генетических улучшений, а в том, что они будут доступны лишь очень ограниченному числу людей.

— Естественно, что наиболее полно геносвобода будет реализована сначала для немногих, — согласился Дитбит.

— В ущерб интересам других людей? С дискриминацией детей тех родителей, кто не может оплатить геномодификацию?

— Мы — первопроходцы, пионеры направленной генетической революции или биоспиндинга... за нами подтянутся и другие! Развитие генетических технологий поставит их на поток, сделает доступными сначала для миллионов, потом для миллиардов.

— А прибыль от рынка генетических модификаций достанется владельцам биотехнологий? — поинтересовался журналист.

— Конечно! Не хотите ли вы отменить право на частную собственность, в том числе — на интеллектуальную? Уж не революционер ли вы?

— Нет, — ответил журналист. — Я озвучиваю мысли, которые циркулируют в обществе.

— Не разбив яиц, не сделать яичницы! — сказал Дитбит. — Генетическое усовершенствование спасёт человечество от пропасти вырождения, к которой мы вплотную подошли за века медицинского спасения болезненных людей с ущербной ДНК без необходимой генетической коррекции их потомства. Я не хочу, чтобы человечество вымерло под грузом уродств и болезней. Я хочу, чтобы наши дети были здоровы, умны и счастливы... А вы — не хотите этого?

Никки не могла не признать — король Дитбит ярко и убедительно изложил свою точку зрения. Робби, на ходу анализирующий текст интервью, заявил:

— С точностью три сигма он верит в то, что говорит.

— Если бы он ещё не убивал во имя того, во что так верит, вообще был бы молодец... — холодно сказала Никки.

За завтраком друзья стали наперебой благодарить Никки за рождественские подарки.

Маугли ухмыльнулась:

— Что, понравилось?

— Ещё бы, я чувствую себя планетовладельцем! — сказал Джерри.

— Но как тебе это удалось? — спросил Хао, разглядывая официальный сертификат Международного астрономического союза о присвоении имени Хао Шон астероиду номер... с такой-то большой полуосью орбиты, эксцентриситетом и звёздной величиной.

— Это не мне, а Робби. Он десять лет наблюдал небо в небольшой корабельный телескоп и нашёл несколько новых астероидов. Попав на Луну, Робби проверил свои находки — среди них оказалось несколько ещё не зарегистрированных астероидов. Мы и решили три самых крупных из них назвать в вашу честь: Джерри, Хао и Дзинтара. Они летают совсем рядом с моим астероидом — так что мы соседи...

— У тебя всегда гениальные подарки! — с завистью сказала Дзинтара. — Набралась на своём астероиде космических идей.

— Там других не было, — сказала Маугли и занялась серьёзным делом — едой.

После завтрака девушка вышла из кафе в парк и остановилась. Посередине дорожки из красного кирпича стоял, сжав кулаки и расставив ноги, принц Дитбит. Рядом на газоне расположился кибердог с большой сумкой — видимо, принц собрался улетать домой на каникулы.

«Сегодня просто день Дитбитов!» — подумала Никки.

Дитбит в упор смотрел на девушку. Она удивилась — принц предпочитал не замечать её с прошлогодних событий в кафе, когда он смело опрокинул инвалидное кресло Никки, а потом попал в медотсек из-за удачно брошенного яблока и такой интересной физической величины, как кинетическая энергия.

— Я узнал про твои смешные угрозы, Никки Гринвич! — прошипел принц. — Сегодня же я потребую от отца немедленно уничтожить твою династию.

— Если мои угрозы смешны, почему ты так разволновался, принц?

— Потому что не люблю нахальных простолудинок! — вспыхнул юный Дитбит.

— Не забывайся, принц, — спокойно сказала Никки. — Неужели тебя не научили в Королевском Клубе, что к королеве нужно относиться с вежливостью, даже если она тебе не нравится?

Сзади Никки послышались смешки — студенты, вышедшие из кафе, остановились, с любопытством наблюдая редчайшее событие — разговор знаменитого принца Дитбита и юной королевы Никки.

Принц заскрежетал зубами:

— Как ты осмелилась угрожать моему отцу!

— Твой отец отдал приказ об убийстве моих родителей и родителей Джерри, — холодно сказала Никки.

Принц застыл, поражённый громом этих негромких слов.

Среди студентов раздался ропот.

— Это враньё! — запоздало крикнул Дитбит.

— На меня работают профессиональные следователи, — твёрдо сказала Никки. — Вероятность вины твоего отца на сегодня составляет девяносто семь с половиной процентов. С точки зрения лунной судебной системы, преступление считается доказанным при вероятности девяносто девять с половиной процентов. Всего два процента отделяют твоего отца от тюрьмы, и скоро он туда попадёт.

— И не надейся! — Лицо принца было багровым. — Я не верю в твои проценты.

— Меня это не волнует, — пожала плечами Никки. — Важно, чтобы в них поверил Верховный суд Лунной республики.

— Твоя династия рухнет раньше, чем ты доберёшься до суда со своими заявлениями! — завопил Дитбит-младший.

— Ты уже взрослый мальчик, — снисходительно сказала Никки принцу, который был заметно крупнее её, — и должен знать, что в мире ничего не делается по громкому детскому требованию — хоть залейся слезами, хоть забейся в истерику. Если хочешь, чтобы твой отец уничтожил мою династию, то ты должен указать ему способ, как это сделать. Уверю тебя, что он сам последние месяцы ломает над этим голову, — удовлетворённо улыбнулась Никки.

— Что тут думать? — сверкал красивыми глазами принц. — Наша династия во много раз богаче твоей. Любого конкурента можно разорить, если потратить нужное количество денег.

— Неправильный ответ, двойка, — насмешливо хмыкнула Никки и тряхнула хрустальной головой. — Состояние твоей династии, составляющее около триллиона долларов, размещено в акциях разных компаний и в недвижимости. Годовой прибыли Дитбиты получают всего сорок миллиардов. Я имею ежегодных поступлений заметно меньше, — легко призналась Никки, — но зато они не зависят от рыночной конъюнктуры и обеспечены ООНовским законом. А вот ваша династия вполне уязвима... Робби, у какой компании Дитбита контрольный пакет близок к критическому пределу?

Робби сделал паузу в три секунды и сказал:

— «Рокет Индастриз Элэлси», марсианская компания по сборке малых космических яхт.

— Можешь заняться ею?

— Попробую, — с сомнением протянул Робби, — биржа в Гонолулу ещё работает.

— Что бы ты ни делала, тебе не победить нашу династию! — с ненавистью процедил принц.

— Что бы ты ни говорил, тебе не спасти свою династию... — покачала головой Никки. — Твой отец обречён: он преступил основной моральный принцип человеческой цивилизации. Жаль, что ему никто не сказал в детстве, что людей убивать нельзя.

Принц сжал кулаки и шагнул вперёд.

Рядом с Никки мгновенно вырос Джерри. Его глаза были прищурены, а мускулы напряжены.

— Подходи ближе, — рычащим голосом сказал он принцу, — я выправлю твои манеры. Давно мечтал об этом!

Принц действительно сделал ещё шаг.

— Ну-ну, — спокойно сказала Никки Дитбиту. — Мы же оба знаем, что кулаками неприятные проблемы не решаются.

— Как я тебя ненавижу! — оскалил белоснежные зубы принц, остановившись.

— Понимаю, — кивнула Никки. — Но тебе предстоит решить для самого себя важнейший вопрос. Когда ты станешь главой своего клана или компании — будешь ли ты убивать человека, если ненавидишь его и имеешь деньги для его уничтожения без видимых последствий для себя? Могущественный человек часто чувствует себя богом, вершителем судеб и легко разрешает себе сбить с ног инвалида или подослать к конкуренту убийцу за сравнительно небольшую плату. Многие думали, что отсутствие моральных барьеров помогает в бизнесе, — но они ошибались.

— Твои моральные барьеры я называю слабостью! — воскликнул принц.

— Это не ты называешь, а твой отец, так обучавший тебя. Но теперь, в преддверии крушения своего отца и династии, ты должен использовать собственный ум и понять, что в моральных правилах сосредоточена огромная сила, пусть мало заметная взгляду простака. Если я вызываю тебя на дуэль на шпагах, то ты не должен приходить с автоматом. Нечестно, да и трусливо с твоей стороны... Даже если ты победишь в этом поединке, и даже в следующем, — рано или поздно окружающие узнают, что ты человек без правил, и перестанут воспринимать тебя как достойного индивидуума. Ты потеряешь статус человека, равноправного другим членам общества. Понимаешь, принц? Если ты целишься в меня из незаконного пистолета, то на моей стороне мгновенно вырастает могучая сила — общество, которое сформулировало юридические законы и этические правила. С этой силой схватка безнадежна — рано или поздно ты проиграешь.

— Слова! Слова! — пренебрежительно сказал младший Дитбит.

— Ты никого ещё не убил, принц? — тихо спросила Никки.

Принц растерялся от неожиданного вопроса.

— А я уже убила человека, — сказала печально девушка.

За её спиной послышался дружный вздох слушателей.

— Это нанесло мне душевную травму такой тяжести, что, даже преодолев её, я стала совсем другим человеком. Не убивай никого, принц, пожалей свою душу.

В разговор вмешался Робби:

— Ты — владелец контрольного пакета акций «Рокет Индастриз». Поздравляю. Это обошлось тебе в миллиард и четыреста миллионов.

Сзади раздались выкрики и аплодисменты.

— Спасибо, Робби, — поблагодарила довольная Никки. — Дороговато, зато Дитбиты потеряли контроль над компанией стоимостью в пять миллиардов.

Она посмотрела на Дитбита:

— Разрушение твоей династии началось, и скоро ты увидишь её закат.

— Когда я стану королём, я уничтожу тебя без наёмников! Сделаю нищей попрошайкой возле своего офиса! — бушевал принц.

— Дитбит, да ты романтик! — ядовито усмехнулся Джерри.

Никки кивнула:

— Месть — разрушающее чувство, но ты имеешь на него право, если среди твоих сотрудников не будет убийц...

Дитбит резко повернулся и зашагал к шлюзу Главной башни. Кибердог немедленно поднялся с газона и потрусил за принцем на длинных грациозных ногах. По пути он оглянулся и красными недобрыми глазами ещё раз оглядел и запомнил человека, осмелившегося так разозлить его хозяина.

Никки задумчиво глядела вслед принцу, пока из толпы зрителей не раздался чей-то насмешливый голос:

— После этого разговора его, по крайней мере, не унесли — ушёл на своих двоих.

Юная королева резко обернулась и обожгла насмешника синим взглядом.

После ужина Никки предложила Джерри пройтись, подышать свежим воздухом. Вечереющий парк встретил их тишиной и безлюдьем.

— Мне нужно с тобой поговорить, — девушка была серьёзна как никогда.

Джерри удивлённо посмотрел на неё. К чему такая официальность? Разве они не говорят друг с другом по пять раз на дню?

Они зашли в укромный парковый закоулок. Джерри слегка смутился от вида цветущих магнолий — на скамейке, спрятанной в этих зарослях, он как-то сидел с Элизой...

— Мы подошли к критическому рубежу, — без обиняков сказала Никки. — Дитбит — очень опасный враг. Вполне возможно, что мы погибнем в этой борьбе... или сломаем себе жизнь тем или иным способом... Я много думаю о том, что может предпринять Дитбит, но изворотливость такого противника непредсказуема. Где-то читала про океанскую тварь по имени миксина. Подводный метровый червяк... паразит-хищник, питается падалью, а то и у живой рыбы выжрет внутренности. Миксина засовывает голову в тесную нору в коралловом рифе и съедает там добычу, — теперь ей нужно как-то вытащить себя назад. Ни лап, ни плавников нет. Тогда она завязывает свой хвост в узел, гонит узел к голове и, опираясь им о края норы, вытаскивает застрявшую в камнях голову. Если уже безмозглый червяк способен на такие неожиданные ходы, то что можно сказать про опасного и умного человека...

— И что? — нахмурился Джерри.

Никки внимательно посмотрела на него:

— Ещё не поздно отступить. Я могу послать сообщение Дитбиту, что готова поддерживать нейтралитет — и всё. Настанет спокойная и обеспеченная жизнь...

— Зачем ты мне это говоришь? — продолжал хмуриться Джерри.

— Преступник, убивший наших родителей, известен, но борьба с ним смертельно опасна и требует полной самоотверженности. Наши финансовые активы в разы меньше, чем у династии Дитбитов, и в десятки раз меньше, чем у Южного союза. У них — банды профессиональных убийц, космические флоты, могучие связи и долгий опыт интриг. У нас, кроме сравнительно небольших денег, лишь наши головы и воля. Нам не победить, если не хватит решимости крупно рисковать и готовности полностью пренебрегать собой и своими личными интересами... О решимости к риску и готовности к самоотверженности я тебя и спрашиваю. Причём проиграть мы можем, даже будучи смелыми как тигры — драка предстоит нешуточная... Но есть выбор — жить весело и ни о чём не думать. На наш век планеты хватит — можно счесть не таким уж важным, что потом с ней Дитбиты сделают...

— Нет! — твёрдо сказал Джерри. — Это значит — жить подлецом и трусом.

— Я знала, что ты так ответишь, — сказала, помолчав, Никки. — Но мне нужно было это услышать от тебя. Это должно быть нашим общим решением.

— А если бы я предпочёл спокойную жизнь? — вдруг спросил Джерри. — Что бы ты

сделала?

— Не знаю, — пожала плечами Никки. — И даже думать не хочу об этом: ты же не выбрал сытую жизнь с червяком подлости, пожирающим сердце.

Джерри отвернулся и стал смотреть на освещённые башни замка. Он никогда не оставит Никки, он всегда будет рядом с ней. Но там, за светящимися окнами, жили обычные люди, они пили чай, смотрели тивизор, разговаривали друг с другом, влюблялись и ссорились.

Счастливики.

Судьба не требовала от них жертвенной решимости бросить жизни на тяжёлые мировые весы — в призрачной надежде сдвинуть их равнодушное и ржавое равновесие.

Вокруг скамейки зашелестели деревья.

Плечи Джерри вздрогнули от налетевшего сквозняка.

— Отец, ты должен что-то сделать с этой королевой-выскочкой! Я ненавижу её!

— О, ты почувствовал вкус к политике! — широко улыбнулся Дитбит-старший и обнял сына за плечи.

Они стояли на балконе; внизу раскинулись живописно разгорающиеся кварталы вечернего города.

Высота семьдесят второго этажа сплющивала Луна-Сити в сверкающую дорожную схему — красные и белые потоки автомобильных фар неслись по тёмному узору улиц, спотыкались на светофорах, забирались на мосты, отороченные кружевом жёлтых фонарей, ныряли в синевато флуоресцирующие тоннели, — но с гордой высоты небоскрёба даже многоэтажные дорожные развязки выглядели лишь плоскими светящимися завитушками.

— Она публично оскорбляет нас, распространяет лживые слухи!

— Да, я знаю... она становится проблемой. Ну, мы её решим... Сегодня у нас более важное дело. Ты знаешь, зачем я собрал всю семью?

— Нет.

— Сегодня я объявлю тебя официальным наследником династии!

— Здорово! А... как же Тамил?

— Я уже разговаривал с твоим старшим братом. И не раз. Сначала он расстраивался, но потом понял, что я прав. Ты — лучше, совершеннее, умнее, чем он. Это жестоко, но факт. Я не закрываю глаза на факты. Он получит свою долю наследства или даже небольшую династию, но корона и главная часть нашей империи достанутся тебе!

— Спасибо, отец, я оправдаю твоё доверие!

— Верю в тебя, сын, и знаю, что скоро ты станешь мне настоящим помощником. У тебя есть хватка, ты талантлив и чуть не стал чемпионом Школы Эйнштейна!

— Вот именно — чуть. Всё из-за этой простолюдинки!

— Не волнуйся, я уже отдал приказание о ней соответствующему отделу.

— Э-э... а что ты им велел?

— То, что ты сейчас: «Сделайте с ней что-нибудь!»

— М-м... что это значит в реальности?

— Пойдём-ка к столу, нас ждут. Пока ты не стал императором, тебе можно и не вникать в детали большой политики... Когда-нибудь ты узнаешь все пружины, с помощью которых приходится управлять огромной империей.

— Хорошо, отец... Пойдём.

В это время Никки тоже смотрела в большое окно, но своей комнаты — на лес вокруг Колледжа.

Декабрь катился к концу. В лесу и парке деревья растеряли листву и стояли по сезону голые и задумчивые, набираясь сил и идей на показ весенних нарядов. Сосны тоже сбросили часть иголок, усыпав хвойной шерстью землю вокруг стволов — по весне даже трава не сможет пробиться сквозь жёлтый смолистый войлок. Лишь рябины и догвуды оживляли

зимний лес красными ягодами — и нахохлившиеся птицы были им благодарны.

Никки стояла у окна и жалела, что в Лунном Колледже не бывает снега. И дождя. Подземный полив эффективен, но разве не должен лес умываться к весне?

Девушка вздохнула и отошла к столу, заваленному срочными материалами. Хотя офис в Шрёдингере подходил для королевских занятий гораздо лучше, Никки часто приходилось работать в её колледжской комнатке, где помещались ещё и кровать, кофейный столик и два кресла. Комната занимала один из секторов верхнего этажа башни Леопардов, и огромное закругляющееся окно открывало превосходный вид на лес и Северное озеро. К противоположной стене комната сужалась и переходила в отделение с душевым отсеком, зеркалом и кофеваркой. Дальше — прихожая с платяным шкафом и дверью в кольцевой коридор, идущий вокруг центрального круглого холла с большим тивизором, диванами и лифтом. На этаже жили двадцать пять шумных второкурсников-Леопардов, но ни звука не доносилось в комнату Никки — изоляция комнат была превосходной.

Сейчас в кресле у низкого столика сидел седой благообразный господин — адвокат Дименс, который привёз столь важные вести, что решил не доверять их видеофону.

Он аккуратно отодвинул чашку с кофе и достал из портфеля плотный лист пластиковой бумаги. Торжественным голосом адвокат сказал:

— Спейс Сервис подвела итоги этого года, который был очень умеренным по выплатам из Страхового Фонда, и официально сообщает этим письмом, что общая сумма вашей премии за этот год составит... **ШЕСТНАДЦАТЬ МИЛЛИАРДОВ ДОЛЛАРОВ!** Первые пять миллиардов вы получили в течение октября-декабря, остальные одиннадцать будут доступны с третьего января — первого бизнес-дня нового года!

Никки глубоко вздохнула.

— Значит, вам всё удалось, — довольно сказала она. — ООН не сумела нам воспрепятствовать.

— Не сумела, — не менее довольным голосом подтвердил адвокат Дименс. — Хотя такие попытки и предпринимались, но мы их пресекли — при поддержке самой Спейс Сервис. Вы там пользуетесь авторитетом и симпатией.

— Мы с ними в одной лодке, — кивнула Никки и села на второе кресло. — Теперь давайте тратить наши капиталы.

Адвокат не ожидал такой быстроты и удивлённо поднял брови.

— Давно мечтаю сделать обучение в Колледже Эйнштейна бесплатным, — пояснила Никки. — Поэтому я хочу объявить, что любой, выдержавший экзамен следующим летом, получит от меня премию в полтора миллиона на первый год обучения, а также необходимые средства на остальные четыре года — по мере перехода на следующий курс.

Адвокат покачал головой:

— Семь с половиной миллионов каждому ученику, а всего их пятьсот... Это очень большие деньги!

Никки возразила:

— Часть студентов — принцев и вельмож, конечно, не будут нуждаться в моей помощи. Выплаченные деньги мы спишем с налогов как благотворительные расходы. Реально можно уложиться в сто миллионов в год.

— Конечно, это ваши деньги, и вы вправе тратить их как угодно. Но речь идёт об очень больших суммах... — не удержался бережливый адвокат.

— Это не просто траты, — уточнила девушка и налила в чашки свежего кофе. — Это, скорее, — инвестиции. Ведь такая акция станет широко известной и поднимет престиж династии. Студенты Колледжа — и их семьи! — получившие такую премию, станут нашими друзьями, что усилит политическое влияние династии. Кроме того, я прошу вас купить компании, выпускающие экзаменационные мониторы и пособия по поступлению в Колледж.

— Зачем? — удивился адвокат.

Никки вздохнула. Даже самым умным из людей иногда приходится объяснять очевидные вещи.

— Если обучение в Колледже станет бесплатным, то поступить в него захотят десятки миллионов подростков, и фирменных мониторов, используемых во время экзамена, потребуется множество. Прибыль от проката монитора — девяносто долларов. Сборники прошлых лет задач тоже будут популярны.

Адвокат широко раскрыл глаза.

— Вы можете окупить свою благотворительность во много раз! — сказал он удивлённым голосом.

— Почему бы и не заработать на хорошем деле? — пожала плечами Никки. — Если мы не получим эту прибыль, то её получают нынешние производители школьной электроники. Я вовсе не хочу им делать такие подарки... Как только вы купите обслуживающие Колледж компании, мы напишем директору Миличу письмо с предложением бесплатного обучения и обнародуем специальный пресс-релиз.

Адвокат задумчиво отхлебнул кофе и сказал:

— Несмотря на мой возраст, я многому учусь у вас, мисс Гринвич...

Дименс выполнил её просьбу очень быстро, и Никки стала владельцем «Эйнштейн Электроникс» и «Эйнштейн Пресс». Хотя первая компания была гораздо крупнее, обошлась она недорого — Дименс сказал, что её финансовые затруднения росли и владельцы были рады избавиться от акций проблемной компании. Как они будут жалеть о своём решении — и очень скоро!

Никки немедленно послала директору Миличу официальное письмо на бумаге со свеженьким королевским гербом: инициалы NG на фоне широкого астероидного серпа. В письме королева Николь предлагала объявить прессе и всем поступающим в Колледж Эйнштейна: при успешной сдаче экзамена студенты могут получить деньги на своё обучение в Гринвич-фонде, который будет специально создан для благотворительных и неприбыльных проектов династии. Девушка не сомневалась в успехе начинания: бесплатное обучение в Колледже привлечёт в него многих талантливых подростков. Ведь Школа Эйнштейна, оставаясь самой аристократичной, стала уступать по уровню обучения Школе Коперника!

Голос Пространства отреагировал быстрее директора:

«У тебя ничего не получится с планом бесплатного Колледжа».

«Почему?»

«Потому что ты — Маугли».

«А ты — пространство безапелляционности».

«Апелляции предполагают превосходящий интеллект. Ты им не обладаешь. Смирись».

Уже на следующий день директор Милич вызвал Никки к себе. Он был взволнован и суетлив.

— Мисс Гринвич, мы посоветовались... э-э... в Попечительском совете... и находим ваше предложение неприемлемым.

— Почему? — поразились неожиданному сообщению мисс Гринвич.

— Кхм... такая акция приведёт к размытию социальных основ нашего Колледжа... — туманно выразился директор, но Никки его поняла и мгновенно рассвирепела.

Попечители не хотят, чтобы в Колледже учились бедняки, пусть умные, но «нереспектабельные»! Высокая плата, с точки зрения Попечительского совета, полезна как барьер, пропускающий в школу лишь детей из достаточно обеспеченных семей.

— Против моего предложения выступил Дитбит?

Директор нервно дёрнул головой и сказал, понизив голос:

— Его величество Дитбит не просто был категорически против вашей идеи, но даже добился от Совета согласия на отчисление вас из Колледжа, если вы будете упорствовать и самостоятельно объявите о программе поддержки поступающих школьников.

Никки закусила губу. Король Дитбит предвидел её следующий шаг и сумел заранее нейтрализовать его. Два — ноль в его пользу. Её планы о бесплатном Колледже рухнули.

Спорить с профессором Миличем было бессмысленно — он ничего не решал и лишь озвучил мнение попечителей.

Она встала и, рассерженная, покинула кабинет директора.

Голос не преминул отметить:

«Я тебе говорил!»

«Да, да — ты умнее меня! Это сделало тебя счастливым?»

«Нет», — и Голос замолчал. Тот ещё собеседничек.

Никки тоже замолчала, раздумывая — как преодолеть очередное непреодолимое препятствие.

— Наконец-то ты сдалась, жидкая биосистема! — ехидно прокомментировал Робби.

— Что за кремниевые глупости! — воскликнула Маугли. — Разве ты не знаешь, что жидкости практически несжимаемы, зато легко огибают препятствия. Мы обязательно сделаем бесплатный Колледж.

— Как?

— Мы сами построим его — и назовём Гринвич-Колледж. Он будет лучше Школы Эйнштейна, и в нём будут учиться не пятьсот, а пять тысяч человек. Или пятьдесят тысяч! Вернее, мы будем принимать всех, кто захочет учиться. Большинство студентов будут присутствовать на лекциях виртуально. И так же сдавать экзамены. Зато, если они будут стараться, то получают вполне реальный диплом Колледжа. Учебников по программе Гринвич-Колледжа и компьютеров для дистанционного обучения выпустим сколько угодно. Если надо — расширим «Эйнштейн Электроникс» и «Эйнштейн Пресс».

Робби вздохнул:

— Вот почему вы, белковые слизняки, превосходите нас, киберов: хоть вы мокрые и скользкие, но у вас нет выключателей...

В уже знакомой комнате с длинным столом собралось не шесть, а пятнадцать человек.

— Наша группа расширяется и реформируется, — сказал человек с нервным тиком, по-прежнему сидящий во главе стола. Щека дёргалась чаще обычного — видимо, жизнь настаивала.

— Маклаген и Бхагавад! — властно окликнул человек.

Встрепенулись рыжий, с белёсыми ресницами, мужчина и молодой смуглый парень, склонившийся над ноутбуком.

— У вас нет допуска нужного уровня. Вы переводитесь на другую задачу. Назначение получите завтра.

Молодой сразу встал, закрыл ноутбук и направился к выходу. Рыжий человек хотел что-то сказать, но смешался под взглядом начальника и вышел, пробормотав остальным:

— Пока, ребята...

Когда дверь за ними закрылась, человек с тиком обвёл остальных воспалёнными невыспавшимися глазами:

— Операция «Маугли» повышается до первого уровня активности.

Новость произвела настолько сильное впечатление, что некоторые присутствующие беспокойно заёрзали. А лысоватый, с остреньким носом человечек заметно вздрогнул и подумал: «Чёрт бы побрал мой первый допуск!»

— Объект заметный, поэтому используем стратегии «Тухлая рыба», «Инсайдер» и... «Контакт» класса «Длинная рука».

— Как всегда, «Тухлая рыба» за мной? — спросил желтолицый хмурый человек.

— Да, — кивнул начальник. — Снеговик составит для тебя досье. Скандер, тебе поручаю направление «Инсайдер». Насчёт окружения объекта консультируйся у Снеговика...

Разговор перешёл в деловое русло.

Человечек с острым носом получил свою задачу и со вздохом развернул управляющую плоскость компьютера.

«Змеиная шерсть! Надо же было так вляпаться. Не журналист и не учёный, а королева! Все делают вид, что это обычное задание, но убийство такого уровня может обернуться как

угодно...»

В разговоре с собой человек не использовал эвфемизмы и кодовые слова и называл убийство убийством.

«Сделаем дело, а потом всех нас позовут на корпоративную вечеринку — и грохнут в одном автобусе... Ладно, это уже мнительность... Тут сидят классные специалисты — ими не разбрасываются даже ради такого объекта».

И человек погрузился в разработку отведённого ему участка операции. Дилетанты не догадываются, насколько сложна и кропотлива работа по подготовке убийства. И даже увлекательна.

Вскоре остроносый человек забыл свои сомнения и с азартом стал искать самые оптимальные решения для связи предполагаемого «инсайдера» с «контактёром».

Ладно, не «контактёр», а конкретный исполнитель, попросту — убийца. Не будем прятаться за словами — для людей с первым допуском назад дороги нет.

Наступил последний вечер старого года. За круглым столом в зале, сохранившем рождественские декоры, расселись вперемишку полсотни студентов, оставшихся на новогодние каникулы в Колледже, и несколько преподавателей.

К удивлению всех, на праздничный ужин пришёл и профессор Ван-Теллер, обычно встречающий Новый год с кем-нибудь из внуков или правнуков.

— Спина приболела, неохота ей далеко лететь, — по-домашнему объяснил он.

Ван-Теллер тяжело сел на свободное место, пристроив к спинке стула легендарную полированную клюку больше человеческого роста, вытянул поудобнее усталые ноги и пробурчал под внушительный нос-сливу:

— На Луне старикам жить легче, на Земле я бы уже давно...

Все увлечённо заказывали праздничные блюда. Никки выбрала печёную осетрину на деревянных шпажках, сыр с плесенью камбозолу, финики и бокал шампанского вместо обычного кьянти. Студенты проводили шампанское восхищёнными взглядами — астровитянке единственной разрешалось вино; девушка привыкла его пить, следуя микроэлементной диете космического робинзона. Впрочем, для нейтрализации ядовитого этилового спирта Робби прописывал Никки специальную таблетку.

Джерри попросил жаренную в сухариках телячью отбивную и печёную картофелину со сметаной и укропом. Он задумался — какой напиток предпочесть, но Никки, сидящая рядом с юношей, подмигнула ему и заказала второй бокал шампанского у бесхитростного робота-кентаврика.

Профессор Ван-Теллер вызвал киберофицианта и просверлил большую дыру в его пластиковой голове. Когда профессор решил, что меню изучено достаточно, то велел принести беф-строгановф с артишоками и стакан португальского вина с острова Мадейры. Робот, повизгивая от счастья, кинулся на кухню, стуча всеми копытами.

Ван-Теллер со вздохом потёр ноющие колени и строго посмотрел вокруг себя:

— Старость лучше измерять не по физическому угасанию, а по интеллектуальному. Учёный стареет, если он перестаёт изучать новые математические методы или области науки. Нет потребности в дальнейшем развитии мозга? Вот он и начинает отмирать. Многие встают на этот путь сразу после детства, а кое-кто не стареет до гробовой доски! — Профессор залихватски подмигнул внимающей публике.

Никки воспользовалась моментом и спросила:

— Профессор, недавно вы сказали, что выделение объекта анализа из фона — это часто искусство, помноженное на опыт. Мне это не очень нравится! Нельзя ли вычленять объект, исходя только из научных критериев? Например, анализируя энергетические связи или информационно-энтропийные взаимодействия между подсистемами?

Нинон-Олень скривилась:

— Сколько можно говорить об учёбе? Дайте отдохнуть мозгам!

— Науку и прочие умные вещи пристойно обсуждать всегда и везде. Мозги от этого не

устают, а только веселеют... — проворчал профессор и ласково посмотрел на Никки:

— Неплохая идея! Ну-ка, сами поищите критерии выделения предмета системного рассмотрения. Какие эффекты считать внутренними, а какие — внешними? От этого зависят уравнения, которые описывают объект. Но помните — природа чихала на наши деления наук. Ищите закономерности, общие для всех систем.

И профессор пробормотал:

— Бедные потомки: мы трусливо оставляем им проблемы, которые сами не можем решить.

Потом старый учёный повернулся к соседке — Нинон-Оленю, изумился и тихо спросил:

— Серёжки в носу — не мешают?

Та покраснела, но вызываясь ответила:

— Немного... зато в этом есть изюминка!

Консервативный Ван-Теллер пожал плечами и пробурчал стакану с мадерой:

— Изюминка должна быть в голове, а не в носу...

Профессор Майсофт объявила итоги опроса студентов по присвоению неофициальных титулов преподавателям:

— «Амбридж года» стал профессор Дермюррей!

Хохот собравшихся подтвердил, что титул самого непопулярного преподавателя Дермюррей заслужил по праву. Так как Дермюррея за столом не было, веселье поддерживали и профессора.

— «Хагрид года» — титул добрейшего преподавателя получила, как всегда, профессор Франклин!

Профессор весело помахала рукой окружающим.

— «МакГонагалл года» — самым строгим лектором оказался профессор Ван-Теллер!

Все засмеялись и зааплодировали.

— Ну-ну, — добродушно проворчал профессор, — не так уж я и страшен!

— «Дамблдором года» выбран... — голос профессора Майсофт потеплел, — ...самый популярный преподаватель Колледжа — профессор Эксмин!

В зале разразилась овация с одобрительными криками и даже девичьим визгом. Профессор в элегантном чёрном фраке встал во весь рост и вежливо поклонился.

— За него дружно проголосовали девицы, — проворчал Джерри. — Дешёвая популярность!

— Многие дорого заплатили бы за такую дешёвую популярность! — рассмеялась Никки.

Весёлое застолье продолжалось вплоть до наступления Нового года по гринвичскому времени. Студенты и преподаватели танцевали, да так зажигательно, что даже профессор Ван-Теллер оживился: в такт музыке затопал башмаком под креслом и бодро замахал указательным пальцем правой руки.

Наконец часы приблизились к заветной отметке. Загудели удары колокола Биг Бена, а Джерри, как полагалось по традиции, решил загадать наиважнейшие просьбы к судьбе. Юноша начал с пожеланий своей драгоценной Никки, а их столько накопилось, что он не успел во время боя часов сказать хоть что-нибудь о себе.

«Со мной как-нибудь обойдётся...» — легкомысленно подумал он — и глотнул колючего шампанского.

В зале воцарился пряный шум ночного веселья. Новому году рады все — пока он нов и иррационально обещающ.

Мрачноватым выглядел лишь профессор Ван-Теллер. Раскрасневшийся после крепкого виноградного напитка, старый преподаватель вдруг хлопнул ладонью по столу:

— Студенты! Я хочу открыть вам главную тайну этого мира!

Все подняли головы от тарелок и посмотрели на профессора.

— Глупые взрослые... да, да — таких чёртово большинство!.. не говорят вам правды,

потому что не знают её, а умные взрослые испуганы настолько, что не хотят признаться в своём страхе даже себе. Поэтому истину стыдливо прячут и от вас — подростков.

Зал зашумел, а профессор нахмурился.

— Я скажу вам правду! Жестокая тайна нашего мира состоит в том, что земной цивилизацией никто не управляет. Политики тупы и не заглядывают дальше срока своих выборов. Паровоз человеческого общества летит вперёд на всех парах, но у него нет машиниста. Мы мчимся в будущее, закрыв глаза, не зная дороги вперёд ни на век, ни на десять лет. Ждёт ли нас за поворотом пропасть без моста? — никто и не пытается узнать. Ясно одно: от грядущих катастроф нас не спасут молитвы и волшебники.

Студенты оставили вилки в покое и уставились на Ван-Теллера.

— Отбросим политические иллюзии! Мировые правительства похожи на детей в песочнице — они сидят в мокрых штанах и лупят друг друга лопатками по голове. Но привычные времена заканчиваются: скоро земных лилипутов накроет чугунный зад гулливера.

Слушатели не знали — то ли смеяться, то ли звать врача к краснолицему профессору. А тот выбросил вперёд шишковатый палец и обвёл им притихшую аудиторию. Голос Ван-Теллера стал ниже и грознее.

— Началась тяжелейшая битва человечества за существование. Я не знаю, что будет написано на нашей общей гробовой крышке: СПИД-ДВА, энергетический НОЛЬ, демографический МИНУС, климатический КОЛЛАПС или КЛИН генетического раскола. Но риск глобальной катастрофы растёт с каждым годом. А крушение хрупкой техносферы убьёт большинство землян, отбросив остальных в средневековье.

Профессор Катарина Тур кивнула и пробормотала:

— То, что мы делаем с Землёй, заслуживает суровой казни...

Голос профессора снова усилился, заставив многих неуютно заёрзать на креслах.

— Каждый из нас — *Homo sapiens*, Человек разумный. Разум отличает нас от обычных животных, и мы должны развивать его дальше, чтобы выжить — как индивидуумы, как общество и как вид. Разум должен быть приоритетом номер один, или мы вернёмся назад, в пещеры, ловить блох и каннибальствовать. Нас спасёт только новая эпоха Просвещения, только поворот к интеллекту и творчеству! Учёных и инженеров в мире должно быть во много раз больше, чем солдат, а правительства должны тратить деньги на образование, а не на бессмысленные вооружения.

Тут закивали все преподаватели Колледжа, сидящие за столом.

— Сможем ли мы разгадать сложные механизмы природы? Успеем ли преодолеть в себе обезьян — сварливых, алчных и ленивых — и повзрослеть до единого сообщества? Шанс нашего выживания зависит и от учёных, и от фермеров. Каждый человек несёт на плечах свою долю мира. И раньше человечество проходило через страшные испытания, но сейчас мы забрались высоко, стоим густо — рухнем сильнее, кости переломаем до единой... Настало время истины, и чёрствая правда смотрит нам в глаза: человечеству предстоит или поумнеть — или исчезнуть с лица Земли.

Аудитория забормотала, но шум легко перекрывался громовым голосом разбушевавшегося профессора:

— Вам! Вам! — Профессор тыкал в сидящих вокруг студентов. — Вам завтра придётся держать на плечах нашу цивилизацию. Знайте — будущее принадлежит умным, а историю делает каждый. Если вы не прочувствуете эту истину до глубин спинного мозга, то вымрете.

Кто-то испуганно пискнул: «Ой!»

— На эволюционной лестнице соблюдается чёткая субординация — по уровню интеллекта. Забывшего эту истину ждёт наказание — неумолимое и жестокое. Неандертальцы не уделяли должного внимания своей цивилизации — и все погибли. А ведь у них тоже были дети, они тоже радовались солнцу и мечтали о лучшей жизни. Сейчас их кости громко доказывают, что старик Дарвин беспощадней Страшного Суда!

Ван-Теллер разошёлся не на шутку.

— Я думаю, что поэтому и космос молчит — зеленорожие эгоисты-политики везде успели загубить свои планеты.

Профессор искал клюку, но не нашёл и снова хлопнул увесистой пятернёй по столу.

— У человечества единственная надежда — это вы, молодые. Вы должны стать умнее нас, должны рассмотреть дорогу впереди и встать у штурвала нашей цивилизации.

Голос профессора резко упал до бормотания.

— Я сижу в Колледже, потому что именно здесь решается судьба нашего мира. Когда я смотрю на умную молодёжь, я счастлив... Есть надежда!

Ван-Теллер поднял голову и медленно, веско сказал:

— Дети — самые важные люди на земле. Никакого сюсюканья — просто констатация факта, вытекающего из самого существования истории.

Он обвёл присутствующих подростков свирепым взглядом из-под седых лохматых бровей и громыхнул:

— Дети спасут мир, но для этого, чёрт побери, они должны соответствовать!

Глава 11

Экскурсия на Марс

Пролетели, посмеиваясь свысока, новогодние праздники.

Ранним утром третьего января последняя надежда человечества — толпа хмурых зевающих студентов — потянулась к Главной башне Колледжа, где уже стояли два автобуса, чтобы доставить экскурсантов на корабль «Марсианский орёл». Тот не входил ни в один из шлюзов Колледжа и нетерпеливо ждал на окололунной орбите.

Один автобус быстро наполнился и улетел к «Орлу», зато другой был ещё наполовину пуст, хотя объявленное время отправки уже наступило. Тренер Нджава, которая летела со студентами на Марс в качестве сопровождающего, немедленно разъярилась. Она метнулась в кафе и выгнала оттуда кучку ещё жующих студентов, торопливо натягивающих куртки и рюкзаки. Потом Нджава сверилась со списком студентов и разослала по комнатам опоздавших стаю киберов и грозных посланий.

Из башен повыскакивали последние заспанные школьники, некоторые — не вполне одетые: какой-то Дракон с красными помятостями на лице натянул кроссовки на босые ноги; мятые шорты длинноногого рыжего Оленя с большой натяжкой походили на публичную одежду — он явно в них спал; бегущий рысью тощий Леопард не сумел до конца расправить майку на спине, и заплечный мешок, из которого свисали какие-то шнурки, провода и скомканные тряпки, бил сонного хищника по голому острому хребту.

Сова, последняя в списке опоздавших, вылетев из тяжёлых ворот башни, заозиралась и сунулась было в кафе — промочить соком клюв, но рык профессора загнал её в шлюз, который сразу стал закрываться. Пока преподаватель наводила на борту элементарный порядок, зашвыривая в багажные отсеки валяющиеся кругом сумки и ноутбуки и самолично пристёгивая опоздавших шалопаев, автобус взлетел.

В круглые иллюминаторы заглянуло ослепительное солнце.

Никки и Джерри летели во втором шаттле-автобусе. Сели они одними из первых и, веселясь, наблюдали за сбором остальных экскурсантов. Крохотная кудрявая девчонка из Ордена Оленей плюхнулась перед ними на свободное место и заворочалась, пытаясь одновременно снять с себя рюкзак, найти привязные ремни и поправить перекрутившиеся, надетые впопыхах носки. Джерри перегнулся сзади, помог девчонке снять рюкзак и найти запропавшие ремни.

— Спасибо, Джерри, ты, как всегда, очень мил! — благодарно отозвалась девочка-Олень, наконец устроившись. Потом она оглянулась через плечо, увидела Никки и ойкнула от неожиданности.

Никки демонстративно оскалила клыки и прорычала:

— Да, он очень, очень мил! Даже слишком!

Джерри засмеялся и сказал кудрявой девчонке:

— Не бойся, Мона, это чистый блеф!

Никки не стерпела и укусила Джерри в плечо — он даже зашипел от боли. Девчонка услышала — и вжалась в кресло.

Автобус трянуло: он стал резко маневрировать на подлёте к «Марсианскому орлу», и пассажиры инстинктивно вцепились в подлокотники.

— Все ли понимают своими заспанными мозгами, что на экскурсионном корабле сейчас невесомость? — спросила школьников тренер Нджава голосом, ещё не остывшим от бурного старта. — Тщательно соберите свои вещи — иначе они разлетятся по салону. Все, кому нужно, приняли таблетки от тошноты?

— Я не принял, — озабоченно сказал Джерри. — Забыл их взять. У тебя нет пилюль невесомости? — спросил он у Никки.

— Мне они не нужны, — покачала та головой, — я в невесомости чувствую себя прекрасно. Я же не земляшка.

Над спинкой переднего кресла робко поднялась рука кудрявой Моны — с зажатым в ладонке пузырьком таблеток. Юноша посмотрел на эту безмолвную руку и захохотал. Потом обратился к Никки, потирая укушенное плечо:

— Ну зачем, зачем тебе эта репутация уж-жасного Леопарда?

— Ты забыл, — сказала хладнокровно Никки. — Я и есть Леопард — по вердикту Вольдемара.

Автобус пристыковался к шлюзу «Орла» под скрип амортизаторов. Лёгкое тормозное ускорение закончилось, и невесомость мягко потащила пассажиров из кресел, вызвав визг и восторженные вопли школьников.

— Всем сидеть на местах! — приказала Нджава и поплыла к выходному люку.

Он немедленно открылся...

Перед Нджавой и полусотней прилетевших ребят предстал сам командир «Марсианского орла».

О, капитан был прекрасен!

Синий китель межпланетника горел золотыми аксельбантами и созвездиями регалий за безаварийное пилотирование и бравую многолетнюю службу. Кокарда на капитанской фуражке светила не хуже берегового маяка. Кирпично-красная физиономия космонавта была контрастно украшена идеально аккуратными белоснежными усами и небольшой бородкой, холёной до невообразимости. Такому лицу подошёл бы гордый горбатый нос пирата, но нет — его заменял не менее грозный широкий носище с хищно раздувающимися ноздрями. Раскалённые глаза командира метали молнии с частотой полторы штуки в секунду.

О, капитан был в гневе!

— Вы опоздали на двадцать минут! — проскрежетал он вместо приветствия тренеру Нджаве.

— Простите, капитан, у нас возникли проблемы... — пыталась оправдаться профессор, но её не стали слушать. Капитан отрывистым голосом прогрохотал:

— Экскурсия по кораблю отменяется! Вот список кают для ваших людей! Отлёт через двенадцать минут! Если кто-нибудь не будет пристёгнут в срок и мне придётся задержать отлёт... — командир сделал паузу, заледенившую сердца, — ...то он пожалеет очень быстро! Он будет драить камбуз и жалеть себя всю неделю полёта!

Командир отличается от подчинённых не столько умом и опытом, сколько голосом. О, капитан «Марсианского орла» был настоящим командиром! Он обладал таким рыком, от какого армии вытягиваются по стойке «смирно» и, в ужасе, смело бегут на любого врага — лишь бы не расстроить своего предводителя.

Что началось в шаттле! В попытке немедленно выполнить капитанский приказ все студенты сразу отстегнулись, и центральное пространство автобуса мгновенно превратилось в вопящую кучу с торчащими руками, ногами и рюкзаками.

Голос Нджавы потерялся в общем гаме, а капитан только с омерзением сплюнул, глядя

на этот кавардак. Тогда Никки ловко проскользнула по стене к выходу из шаттла и попросила:

— Капитан, дайте нам пару матросов, которые знают расположение кают!

Потом обратилась к тренеру:

— Стойте у выхода и пересчитывайте студентов!

Девушка, ловко зацепившись ногой за кресло, протянула руку и выдернула из визжащего человеческого вороха в центре шаттла расхристанного рыжего Оленя в мятых шортах.

— Первый!

Нджава отметила номер каюты, а подоспевший матрос шустро подцепил беспомощного Оленя за рюкзак и поволок в отведённую каюту.

Капитан строго крикнул вслед матросу:

— Сразу пристёгивай этих... этих... пассажиров! — Ох, вовсе не это слово хотел сказать капитан, но наступил себе на ржавое кадыкастое горло и сам взялся оттащить очередного болтающегося студента в его каюту.

— Мне нужно на мостик! — сказал он через плечо, держа заспанного Дракона за шиворот — в вытянутой руке, как обмочившегося щенка. — Справляйтесь тут сами!

Никки нашла в куче и приспособила к делу пару студентов — выходцев с Цереры, которые со слабой гравитацией тоже были в ладах — и конвейер заработал вовсю. Школьники, растерявшиеся от невесомости, передавались из рук в руки, как мешки с грузом, и быстро пристраивались по каютам.

Матросы приспособились таскать сразу по паре пассажиров.

Несколько минут — и все студенты пристёгнуты.

— Спасибо, мисс Гринвич! — сказала облегчённо Нджава. Рядом с ней остались плавать только Никки и, конечно, Джерри. — Ваши каюты — в коридоре В.

Ребята спокойно добрались до нужной им части корабля, правда, Никки иногда придерживала юношу на поворотах — чтобы тот не стукался об углы.

Каюта Джерри была крохотной — не сравнить с комнатой в Колледже; кроме душевой кабины, в ней умещались кресло, раскладывающееся в узкую койку, и столик.

— Интересно, — спросил уже пристёгнутый к креслу юноша, — а здесь нет двухместных кают?

— Ты слишком мил для двухместной каюты! — строго сказала Никки и отправилась в свой отсек. Она была готова отнестись стоически к его тесноте, но он оказался гораздо просторнее, с удобной кроватью и круглым столом. Особенно Никки обрадовалась большому иллюминатору.

Только девушка защёлкнула ремни, как в динамиках раздался сердитый голос капитана, объявляющего минутную готовность к старту.

Никки смотрела в иллюминатор, слушала переговоры мостика со службами и объявления для пассажиров, и вдруг её пронзила мысль, простая и очевидная, но почему-то не пришедшая в голову раньше: а ведь Никки родилась на Марсе! Она сейчас летит на свою родину — на планету, где она жила с родителями первые годы своей жизни. Счастливые годы!

Она взволновалась и стиснула поручни кресла.

Раздалась сирена, а вслед за ней — нарастающий гул двигателей. Всех пассажиров прижало к сиденьям — невесомость кончилась. «Марсианский орёл» сошёл с окололунной орбиты и, под напутствия диспетчеров навигационного центра в кратере Коперника, лёг на заданный курс, целясь на красную звезду, которая была вовсе не звездой.

Корабль маневрировал примерно с час, а потом подобревший голос капитана объявил:

— Мы перешли в фазу стабильного ускорения. Оно будет сохраняться на уровне одного «же» в течение всего полёта. Пассажирам разрешаю покинуть кресла. Обед будет сервирован через два часа.

Никки отстегнула ремни, чувствуя непривычную тяжесть во всём теле. Земное «же» —

это в шесть раз больше, чем она привыкла на Луне! И во много, много раз тяжелее, чем у неё на астероиде. «Теперь Джерри будет меня таскать на себе, как я его таскала в невесомости...» — подумала Никки, с трудом пробираясь к выходу.

Джерри действительно чувствовал себя уверенно. Он встретил Никки в коридоре и улыбнулся, глядя на её ссутулившуюся фигуру и осторожную походку:

— Кто тут хихикал над земляшками?

Он положил Никкину руку на свой локоть:

— Опирайся сильнее, давай отдых ногам.

Девушка немедленно навалилась на друга, и идти стало легче.

Навстречу попался невысокий крепкий матрос.

— Королева Гринвич? — спросил он у девушки.

— Да, это я.

— Ваше величество, капитан приглашает вас за свой стол, — официальным голосом сказал вытянувшийся матрос.

— Я привыкла есть со своими друзьями... — удивилась Никки.

— Приглашение капитана — это большая честь! — встревоженно объяснил матрос. — За капитанским столом сидят сам командир и три старших офицера. Остальные четыре свободных места предлагаются пассажирам по выбору капитана.

— Кто ещё приглашён за капитанский стол? — спросила Никки.

Матрос покосился на Джерри и сказал:

— Принц Дитбит, принцесса Шихина и профессор Нджава.

— Принцип выбора понятен, но... честно говоря, не знаю, как я смогу усидеть за одним столом с Дитбитом...

— Капитан будет о-очень разочарован, если вы отклоните его приглашение, — испуганным голосом сказал матрос. Ему явно не хотелось докладывать командиру о провале дипломатической миссии.

— Никки, нехорошо обижать хозяина и оставлять Дзинтару одну, — кивнул девушке Джерри.

И Маугли смирилась:

— Передайте капитану благодарность за приглашение. Я его принимаю.

Обрадованный матрос умчался по коридору, топая массивными башмаками, а друзья пошли дальше — осматривать лайнер. Коридоры «Марсианского орла» быстро наполнялись высыпающими из кают школьниками, и вскоре в железных кишках корабля забурчали, закричали и засмеялись десятки голосов сразу.

Лайнер был невелик: сотня пассажиров и полтора десятка членов экипажа составляли всё его население. «Марсианский орёл» сошёл с лунных стапелей двадцать лет назад и с тех пор без устали бороздил пространство между Марсом, Луной, Церерой и другими астероидами. Для посадок на Землю он не был приспособлен; к внешним планетам летали более грузоподъемные корабли; для полётов к Венере и Меркурию у лайнера была недостаточная теплозащита — короче, «Марсианский орёл» был обычным пассажирским каботажником среднего класса. Несколько сотен таких судов бороздят лягушатник ближнего космоса между Землёй и Юпитером. Конечно, в истории «Орла» были славные страницы — когда он сутки летел на двойной перегрузке, эвакуируя с кометы Джакобини-Циннера исследовательскую группу, фрегат которой захлебнулся в пылевой коме, или когда ему доверили межпланетное турне команды олимпийских чемпионов. Но обычно лайнер возил пассажиров, купивших билеты по маршруту «Луна-Сити-Марсополис» или «Церера-Юнона». Изредка его фрахтовали туристические или экскурсионные группы — как в этом рейсе.

Капитан не любил туристов. Они были слишком живые. То ли дело обычный командировочный или семейный пассажир: приходит на борт вовремя, ведёт себя пристойно, если и ссорится, то тихонько, внутри семьи, а чаще — просто отсыпается от суматохи предполётных дней; только пассажир отдохнёт, только познакомится с соседями по

кораблю — уже и рейс кончился. Спасибо за выбор нашей компании, приходите ещё, вот вам значок покорителя Марса. Ой, мы прилетели не на Марс, а на Юнону? Извините, астероидные духи попутали... Юнона, где у меня Юнона... Возьмите значок покорителя Цереры, он почти такой же.

Турист — совсем другое дело. Он вваливается в сопровождении приятелей, и они электризуют друг друга как помешанные. Хохот, свист, крики. Турист сорвался с офисного поводка, он много пьёт, без удержу веселится и уверен, что команда лайнера должна развлекать его изо всех сил. Тьфу!

Ещё хуже дети на экскурсии! Это живые бомбы, причём вовсе не замедленного действия. Играя в свои пакостные игры, они ухитряются залезть на корабле в такие щели, о каких даже капитан имел смутное представление. Одного такого засра... застрявшего живчика пришлось выковыривать с помощью автогена, срезав полдюжины трубопроводов и потратив потом два дня на ремонт!

Нет, капитан не любил детей на борту. После окончания каждого «детского рейса» бравый межпланетник, будучи нерелигиозным, но суеверным, ставил в универсальном, приспособленном для всех конфессий храме космопорта свечку Николаю-угоднику, покровителю моряков и космонавтов. Когда же капитан узнал, что из сотни подростков, которых ему предстоит везти на Марс и обратно, половина — выходцы из семей аристократов, политиков и бизнесменов, и, в числе прочих — принцесса, принц и даже королева! — ему стало дурно.

Он клятвенно пообещал святому Николаю килограммовую свечу из пахучего пчелиного воска и велел матросам накрепко задраить все ненужные люки, двери и шкафы с инструментами — и вообще любые щели, куда может залезть хотя бы человеческий палец. Капитан подумал и жёстко уточнил: «Детский мизинец!» — и удручённые матросы разошлись работать. Они тоже знали, что такое детский рейс.

Столовая корабля — её называли кают-компанией — была небольшой, но уютной. Восьмиугольные столы и кресла с противоперегрузочными фиксаторами были закреплены в пазах пола. Обед подавался в крытых подносах — крышки страховали еду от разлёта по кают-компанию при переменном ускорении корабля. Но такое случалось редко — современные лайнеры давно превратились в надёжных лошадок и редко взбрыкивают на пути — разве что крупный метеоритный камушек попадётся навстречу и потребует от корабля манёвра, но и о нём пассажиров известят вовремя, и они успеют зафиксироваться в кресле и закрыть поднос с тарелками.

Когда Никки с Джерри вошли в кают-компанию, почти все столы были уже заняты проголодавшимися студентами. Джерри нашёл себе свободное место за столом, где сидели Хао, Мона и толстенький Дракон с унылым лицом. Широкая прозрачная стена открывала вид на звёздное небо со съёживающимся на глазах лунным серпом. Но на Луну мало кто смотрел: внимание обедающих целиком съедал настенный тивизэкран, где шли космические передачи канала «Дискавери» и новости.

Капитан, заметив Никки, встал и церемонно поклонился:

— Ваше величество, разрешите представиться: капитан первого ранга Сэм Чейз.

Капитан видел Никки при посадке, но сейчас он следовал ритуалу официального представления, словно они встретились впервые.

Девушка протянула ему руку:

— Рада знакомству, капитан Чейз, меня зовут Николь.

Капитан представил ей всех присутствующих — даже Дзинтару и мрачного Дитбита, который, в отличие от других мужчин, не встал из-за стола, но всё-таки еле заметно кивнул.

— Садитесь, пожалуйста, ваше величество, — и капитан указал на место справа от себя.

Поёживаясь от постоянного королевского титулования, Никки села за капитанский стол. Справа от неё вольно откинулся на спинку кресла корабельный врач — он был спокоен и стар, с морщинистыми брыластыми щеками и лысиной в седоватом венчике волос —

наверняка летал последние годы перед пенсией, а, может, уже был сверхсрочником. Справа от врача хмурился принц Дитбит. Напротив капитана было место инженера, крупного человека с ёжиком чёрных, с сединой, волос и озабоченным выражением лица. Инженер объяснял что-то корабельное сидящей рядом Бенто Нджаве. Далее на стуле ёрзал навигатор, глаза которого разбегались между Никки и Дзинтарой, с лукавым лицом восседающей по левую руку от капитана. Старпом был самым симпатичным и молодым: ему было лет двадцать пять. Он крутил головой и пытался понять — выдержит ли корабль такой наплыв юных принцесс и королев, не разорвёт ли его пополам? Кажется, уже начинает кренить вправо... нет, влево... или вправо?

— Мы не заказывали обед, ждали вас, — наклонился капитан к Никки и сделал знак рукой. К столу подошёл худой человек в белом халате и колпаке.

— Шеф камбуза расскажет, чем он будет нас кормить, — сказал Сэм Чейз. — Несмотря на удобу, командир нашего камбуза своими специями и поварёшками всегда попадает в цель! Другие капитаны всё время пытаются украсть нашего повара, поэтому на стоянках приходится приковывать его цепью к плите. Во избежание.

Повар ухмыльнулся:

— Эта бесстыжая лесть, капитан, не поможет вам получить дополнительный десерт.

Капитан вздохнул:

— Он ещё и корабельный диетолог. Очень конфликтное сочетание — никак не выпросишь добавки у этого изверга.

— Итак, у нас сегодня... — Повар углубился в достижения своего мастерства. А вот Никки всё больше интересовал принц Дитбит. Он выглядел каким-то поблёкшим, не бросал на неё обычные гневные или высокомерные взгляды, а смотрел большей частью вниз — на столовый прибор.

«Принц чем-то расстроен...» — подумала Никки и ответила на вопрос повара:

— Мне, пожалуйста, каменную рыбу с рисом и бокал марсианского кьянти... Рекомендуете сухую «Алушту»? Хорошо, давайте...

Обед подали на удивление быстро, и все углубились в еду. «Алушта» была на вкус терпковата, зато имела сочный букет.

Капитан учтиво поддерживал застольную беседу.

— Нравится вам в Колледже Эйнштейна? — спросил он своих гостей.

— Нравится, — сказала за всех Дзинтара, — но работать приходится как ломовым лошадям. У меня уже растут копыта.

Командир вежливо засмеялся.

— Наверное, вы все — друзья?

Никки отрицательно покачала головой и высказалась вполне откровенно:

— Мы с принцессой — подруги, а с принцем — враги.

И обратилась к Дитбиту-младшему:

— Вы уже придумали, как уничтожить мою династию?

— Это не моя компетенция, — сдержанно, не глядя на Никки, ответил принц.

— А что решено насчёт меня лично? Кинжал? Яд?

Дитбит явно нервничал, но старался сдерживаться и вести себя с достоинством.

— Я не понимаю, о чём идёт речь.

Взрослеет Дитбит, взрослеет.

— Видите, капитан, — подняла одну бровь Дзинтара, — тут старая вендетта. Было опрометчиво приглашать таких людей за один стол.

Капитана Чейза ошарашил напряжённый королевский диалог.

— Ваше величество, ваши высочества, — наклонил капитан Чейз голову в сторону Никки, потом повернулся к Дзинтаре и Дитбиту, — я простой каботажник, королевские распри не моего ума дело. Но я предпочитаю мирную атмосферу за своим столом — от зловещих разговоров у меня портится аппетит. И ещё — вы можете быть соперниками и даже врагами, но помните, пожалуйста, мы с вами в одной лодке. Если кто-то,

рассердившись на другого, проделает дырку в борту общего корабля, то погибнут все. Испытывая отрицательные эмоции друг к другу, давайте удержимся от бесконтрольных и необратимых поступков.

Подали следующее блюдо, и разговор угас. Забегая вперёд, отметим, что позиция капитана оказала благотворное влияние на атмосферу за столом, и в течение всего полёта обеда проходили в мирной обстановке — вряд ли дружелюбной, но достаточно нейтральной. Так что аппетит капитана чувствовал себя неплохо.

Когда перешли к десерту, разговор снова оживился и перекинулся на корабельные развлечения.

— Капитан, когда «Орёл» будет делать поворот, — спросила Дзинтара, — и ускорение сменится торможением?

— Завтра вечером, — ответил, насторожившись, капитан.

— А сколько продлится невесомость? — поинтересовалась принцесса.

— Какая невесомость? — не понял капитан.

— Честно говоря, я летала только на яхтах и в первый раз нахожусь на таком крупном корабле, как ваш, но я много раз читала в книгах, что когда пассажирский лайнер разворачивается в середине маршрута дюзами вперёд, то обязательно наступает невесомость.

Капитан проворчал в ответ:

— Ох уж эти фантастические романы, которые пишут люди, никогда не летавшие в космос! Никакой невесомости не будет, лишь небольшое дополнительное ускорение для разворота корабля. Возникающая кривизна траектории учтена при прокладке маршрута и как раз выводит на финальный курс.

— Как жалко! — расстроилась Дзинтара. — А я уже договорилась с ребятами устроить в невесомости маскарадный бал привидений! Если же ускорение останется, то мы будем не порхающими привидениями, а топающими буйволами...

Капитан нахмурился и перевёл взгляд с Дзинтары на Никки. Та, непривычно тяжело дыша, сказала:

— Я бы много отдала за пару часов невесомости. Не ради привидений, а чтобы отдохнуть. Ваше одно «же» меня совсем раздавило.

Капитан вопросительно посмотрел на врача. Тот оказался информированным человеком и негромко сказал:

— Мисс Гринвич выросла на астероиде в практической невесомости, её гравитационный опыт включает только двадцать два месяца лунного притяжения.

Капитан — на то и капитан, чтобы принимать решения единолично и быстро. Он повернулся к помощнику-навигатору и сказал:

— Рассчитай новый маршрут с трёхчасовой двигательной паузой. И учти, что посадку на полюсе делаем не в Северной Чазме, как обычно, а прямо на ледник, там площадку уже расширили.

Помощник вздохнул, но не стал возражать.

— Завтрашнюю вахту сдашь, только когда закончится этот бар... бал привидений. А я забаррикадируюсь у себя в каюте...

— За что, капитан?! — не выдержал помощник.

— За то, что младший по званию! — отрезал капитан и посмотрел на Дзинтару:

— Вы получите свои три часа для развлечения, только не разнесите корабль.

И капитан уткнулся в тарелку с десертом.

— Я, пожалуй, тоже удалюсь в моторный отсек, — сказал инженер-механик.

— Вот уж нет! — возразил врач. — Сегодня ты приведёшь в порядок всех роботов-уборщиков, а завтра будешь ими командовать. Три часа невесомости и сто резвящихся детей — как пить дать, несколько человек стошнит...

Капитан, не донеся ложку десерта до рта, печально посмотрел на врача.

Маскарад был, что называется, без дураков. На входе в кают-компанию стоял

робот-привратник, заранее проинструктированный Дзинтарой и изучивший фотографии всех пассажиров; если он опознавал школьника под маской, то заворачивал его в грузовой отсек, где десятки студентов рылись в горах карнавальных костюмов, оставшихся от предыдущих корабельных балов и наваленных в большие ящики.

Никки без особых размышлений нацепила венецианскую узорчатую маску с потрёпанными перьями и не очень подходящую, но первую попавшуюся хэллоуиновскую хламиду из драной седой паутины. Роботшвейцар пропустил её на бал, но остановил Джерри, который надел полумаску-очки, шляпу и камзол пирата.

— Мистер Уолкер, открытая нижняя часть лица опознаётся легче всего, — проскрипел привратник.

— Ах ты железный сундук! — рассердился юноша.

— Джерри, я подожду тебя у бара! — крикнула Никки из-за плеча строгого робота.

Пространство кают-компания, освобождённое от столов, уже наполнилось танцующими, кувыркающимися и летающими во все стороны зловещими привидениями и скелетами, кровожадными пиратами и разбойниками. Королей и придворных щёголей тоже было немало.

Никки пробралась к бару и заказала стакан апельсинового сока. Робот выдал ей круглый закрытый пузырь с торчащей соломинкой: очень удобно, ничего не разольёшь, даже в невесомости.

Заныла какая-то плавная мелодия, забегали по стенам лучи цветомузыки, и тут к Никки подлетел мушкетёр со шпагой, в бордовом плаще и маске Санта-Клауса. Он молча смело взял Никки за талию и увлёк танцевать.

— Ты оригинально оделся! — засмеялась Никки, уверенная, что это её старый друг.

— Я старался! — глухим из-за маски голосом ответил мушкетёр.

Танцую — а это было совсем не просто в невесомости! — они врезались в группу визжащих бородатых гномов, и их прижало друг к другу. Смеющаяся простецкая физиономия румянощёкого Санта-Клауса почти соприкоснулась с холодно улыбающимся венецианским лицом в изящных разводах. Наверное, со стороны такая парочка выглядела забавно. Никки засмеялась, а весёлый Санта-Клаус тихо сказал печальным голосом:

— Это несправедливо... Как жаль...

— Ты о чём? — не поняла Никки, но тут могучая визжащая Белоснежка, теряя туфли и чепцы, врезалась в них и отбросила друг от друга. Ещё секунда — и мушкетёр-Санта-Клаус затерялся в воланах и фижмах стайки придворных средневековых красавиц, обрушившихся с потолка.

— Я буду в баре! — крикнула в пространство Никки и стала выбираться из танцевальной круговерти.

С облегчением зацепившись ногами за высокий стул у стойки, Никки нашла свой стакан с соком и стала дожидаться потерявшегося друга.

Ковбой в кожаных штанах и с красным платком, закрывающим лицо до глаз, подплыл и сказал голосом Джерри:

— Ну, как ты меня находишь?

Никки остоленела.

— Это ты?

— Здорово замаскировался? — спросил довольный Джерри.

— Э-э... да, — согласилась Никки.

Кто же тогда был смелым мушкетёром?

Пока Джерри заказывал себе грейпфрутовый сок, девушка обратила внимание на ещё две венецианские маски. Таких маскарадных костюмов в зале было предостаточно. Но эти две казались особенными — они медленно плавали в воздухе, не прикасаясь друг к другу. Овальные маски на всё лицо дополнялись широкими плащами, прячущими фигуры, но по движениям было понятно, что серебряная маска скрывает девушку, а чёрная с золотом — юношу. Маски не танцевали, а, скорее, вели пантомимную беседу, обмениваясь плавными

жестами. Юноша протягивал к девушке руки в чёрных — под цвет плаща — перчатках. А яркие серебряные перчатки девушки, выглядывающие из широких складок фиолетового балахона, кокетливо держали дистанцию, уворачиваясь от протянутых чёрных пальцев.

Руки беседовали: на движение-вопрос следовало движение-ответ.

Чёрные вопросы были ласковы, серебряные ответы — капризны.

Наконец, чёрные, с золотым шитьём, перчатки отступили. Сжались в комок. А потом правая перчатка метнулась и выхватила откуда-то из рукава белую розу, почти бутон. И плавно бросила её серебряной маске.

Роза медленно летела между масками, а серебряные перчатки пританцовывали и делали вид, что цветок их совсем не интересует. Вот роза, отклонившись от порыва сквозняка, пролетела мимо фиолетового плеча, чуть не задев его, и нацелилась в угол кают-компания.

К розе уже хищно тянулись руки парочки гоблинов. Но внезапно серебряная перчатка метнулась и схватила улетающий цветок. Вернула его в пространство между беседующими масками. Поднесла плавным жестом к серебряному лицу, потом решительно прикрепила к плащу. Получилось очень красиво — белое на фиолетовом.

Чёрные перчатки терпеливо ждали, чем закончатся взаимоотношения между розой и перчатками серебряными. Потом спрятались в складках плаща и появились оттуда с бабочкой удивительной красоты. Узоры на крупных крыльях светились, и порхающая в полумраке бабочка оставляла за собой световой извилистый след. Бабочка покрасовалась перед серебряной маской, которая сжала ладони от избытка эмоций, а потом спикировала на розу и осталась сидеть на ней великолепной брошкой.

Сжатая серебряная перчатка расправилась в изящную кисть, преодолела пространство и ласково прикоснулась к чёрной перчатке. И снова отпрянула.

Чёрные перчатки, поблёскивая золотыми кручёными узорами, несколько секунд восторженно парили в воздухе. Потом снова нырнули в плащ.

И остались там.

Серебряные подождали... потом забеспокоились... затанцевали... послали вопрос. Чёрные не показывались. Серебряные робко попросили, потом жалобно заныли.

Тогда чёрные перчатки открыли карман плаща и... оттуда показалась голова дымчато-голубого котёнка!

Серебряные перчатки всплеснулись в восторге.

Котёнок зевнул, осмотрелся и стал выбираться из кармана, неуклюже цепляясь когтями за чёрный плащ. Наконец выбрался на чёрное плечо, встряхнулся, снова зевнул.

Никки поразились: дымчато-голубой котёнок был полупрозрачным, будто сотканным из дыма.

— Как это он делает? — неслышно спросила она у Робби.

— Не знаю, — проворчал Робби. — Не могу же я знать всё. Какая-то не известная мне технология.

— Кто эти маски, интересно?

— Чёрный венецианец — наш друг Хао, серебряная кокетка — Артемида.

— Откуда ты знаешь? — удивилась Никки. — Ведь швейцар их не распознал.

— Что я тебе — тупой робопривратник? — фыркнул Робби. — Я по движениям плаща могу определить размеры тела и его массу с точностью ста грамм.

— Хао?.. Он такой сдержанный, — сказала Никки.

— Это он с тобой сдержанный... — хихикнул Робби.

— Маски знают друг про друга — кто они?

— Полагаю — да, — сказал Робби. — Люди часто нечеловечески чувствительны.

Пока они беседовали, котёнок оттолкнулся и взлетел. Серебряные руки умильно тянулись к нему, звали, манили.

Котёнок вспрыгнул на правый рукав фиолетового плаща и внимательно обнюхал серебряные перчатки. Взмахнул по плечу. Лизнул маску в лицо. Один раз, другой. Серебряная маска млела и таяла — вот-вот потекут ручейки жидкого серебра. Руки девушки гладили

котёнка, а он довольно жмурился и искрил шёрсткой.

Вдруг котёнок прыгнул в сторону чёрного хозяина. Серебряные перчатки взметнулись в мольбе. Дымчатый зверёк застыл на полпути между масками, вопросительно и нетерпеливо обернулся к девушке. Она покорно протянула руку вслед котёнку, и он деловито отправился к чёрному хозяину, таща за собой серебряную перчатку на невидимом поводке. А потом забрался на чёрную ладонь, протянутую вперёд. Серебряная послушно последовала за ним, и вот уже серебряные и чёрные руки вместе гладят котёнка, прикасаясь и друг к другу.

Никки смутилась: наверное, дальше смотреть — это уже подсматривать.

Погас свет — и появились привидения. Они прыгали между стенами кают-компания, как резиновые мячики, а вспыхивающий синий свет делал их быстрый полёт пунктирно неподвижным.

От стробоскопических вспышек у Никки разболелась голова, и она вышла в коридор. Джерри последовал за ней.

— Пойду спать, голова хнычет, — сказала Никки. — А ты оставайся, веселись.

— Я тебя провожу, — вызвался Джерри.

Они добрались до каюты Никки. Девушка сбросила с себя маскарадный плащ и маску, а Джерри пообещал отнести костюм в трюм.

Юноша двигался по коридору, держась за поручни, а Никки смотрела ему в спину и думала: «Как я могла ошибиться и принять мушкетёра за Джерри? Тот выше, крупнее и вообще — другой. Он так странно говорил... Кто это был? Фигурой похож на принца Дитбита... Может, Робби знает?»

Но она почему-то ничего не стала спрашивать у Робби. А сам он не различил её мыслей — или сделал вид, что не различил.

«Если это был Дитбит, то с принцем творится что-то неладное...»

Во время ужина профессор Бенто Нджава, которая, несмотря на солидный титул, была молодой эмоциональной девушкой, рассказала: в североамериканской столице, на её родине, есть пригороды, где большинство составляют чернокожие люди.

— Эти районы бедные и грязные, а зарплата их жителей низка. Из-за цвета кожи афроамериканцы живут хуже всех, и это несправедливо! — горячилась Нджава, чьё красивое энергичное лицо тёмно-оливковым оттенком и рядом черт свидетельствовало об африканских предках. Чёрная кожа встречается и у южных индейцев, но абрис лица у них ближе к европейскому типу.

В нервный монолог Нджавы никто за капитанским столом не решался вмешаться. Но в конце его командир корабля спросил:

— Скажите, уважаемый профессор, а вы можете отличить по выговору афроамериканца? Например, когда вы говорите с собеседником по т-фону?

— Как правило, могу, — удивлённо сказала Нджава, — но зачем вы спрашиваете?

— А почему вы различаете выговор афроамериканцев, если они поселились в вашей стране несколько веков назад — гораздо раньше, чем многие белые американцы?

— Ну... потому что афроамериканцы живут часто вместе, и внутри таких сообществ поддерживается своеобразная манера речи...

Капитан продолжил:

— ...а также свой стиль поведения, одежды, музыки...

— Да, ну и что? — нахмурилась Нджава.

Капитан Чейз пожал плечами:

— Я много лет работаю с людьми разных рас и уверен, что в жизненном соревновании культурные различия гораздо важнее цвета кожи. Афроамериканцы живут беднее не из-за иного цвета кожи, а из-за иного культурного менталитета. Именно его надо менять, тогда и уровень жизни вырастет.

— Это расизм! — вспыхнула Нджава.

— Нет, — покачал головой капитан, — я ведь и сам на четверть — африканец...

— Вы?! — удивилась Нджава, всматриваясь в загорелую капитанскую физиономию с широким носом.

— Да, — кивнул капитан, — и без предубеждения отношусь к людям любого цвета кожи. Для меня важно, чтобы они вели себя как все. У меня работали чернокожие матросы и специалисты, а с одним афроевропейцем, техником-электронщиком, мы были друзьями. До сих пор жалею, что он перешёл на линию Каллисто—Оберон.

— Что значит — вести себя «как все»? — подозрительно спросила Нджава.

— Значит — быть хорошим специалистом и честным парнем, работать со мной и другими бок о бок, не доставлять неприятностей и неудобств в быту, а это важно на таком небольшом корабле. Если человек не следует общим правилам и создаёт проблемы, то я немедленно расстанусь с ним, даже если он будет розовее абрикосовых лепестков.

— Вы считаете, что чёрные живут бедно, потому что не любят работать? — Нджава всё ещё сердилась.

— Я считаю, что цвет рубашки важнее цвета кожи. — Капитан был терпелив, невзирая на остывший кофе и нетронутый десерт. — Афроамериканцы отличаются от остальных в первую очередь образом жизни... видите, у них есть даже свой диалект, который сохраняется многие поколения. Разные типы культурного поведения, внушаемые детям, встраивают их в окружающую среду — или отгораживают от неё — гораздо сильнее, чем внешние отличия.

— Афроамериканцы бедны, у них нет денег на университеты! — пылко воскликнула Нджава. — Они замкнуты в своей среде, потому что им не дают занять подходящее место в жизни!

— Но вы же заняли своё место, да и первому чёрному президенту Америки цвет кожи не помешал, — возразил капитан. — Какой процент людей в вашем пригороде имеет абонемент в бесплатную библиотеку? Хотя бы сотню прочитанных книг? А ведь образование и профессия — это главный путь к процветанию. Основа успеха — это желание его добиться. Деньги на университет не помогут, если подросток не стремится поступить в него.

— Вы уверены, что главное в жизни — это карьера?

— Я не утверждаю, что гонка за успехом — единственно верный способ существования. У меня есть знакомый из общины амишей, европейских протестантов. Они переселились в Америку, но веками сохраняют язык и образ жизни предков, обходясь без электричества, пуговиц, автомобилей и громкоговорителей, потому что молния — орудие божьего гнева. Среди банкиров и юристов нет амишей, которые предпочли самобытность и сошли с дистанции социального соревнования, став фермерами и кузнецами. И они вполне счастливы. Они пошли на эту изолированность сознательно и не обижаются на остальное общество за свой личный выбор.

Нджава нахмурилась, но промолчала.

После ужина Никки догнала капитана в пустынном коридоре.

— Капитан, вы соврали, сказав, что вы — на четверть африканец, — без церемоний и с любопытством сказала Никки. — Зачем?

— Откуда вы знаете мой генотип? — хмуро спросил капитан Чейз. — Это незаконно.

— Я его не знаю, но у моего компьютера хорошая программа распознавания фенотипов. По анализу вашего лица он утверждает, что вы — на одну четвертую или, скорее, на одну восьмую — австралийский абориген.

Капитан покашлял, оглянулся по сторонам и понизил голос:

— Если невинная ложь помогает взаимопониманию, то разве это плохо?

Никки неопределённо пожала плечами, с интересом разглядывая смущённую физиономию с белоснежными усами и бородой.

— Надеюсь, ваше величество, вы оставите в тайне свои этнографические... находки? — спросил Чейз.

— Конечно, капитан, — сказала Никки, — а то вы ещё отправите меня драить камбуз.

Командир корабля снова покашлял. Эта девица может смутить кого угодно.

Марс заполнил полгоризонта, и динамики объявили, что через полчаса все пассажиры «Орла» должны сидеть плотно пристёгнутыми в креслах. Но несколько школьников ещё толпились у большого обзорного окна и рассматривали поверхность приближающейся красноватой планеты.

— Где мы приземлимся? — спросила Артемида. — То есть, примарсианимся?

— В порту Марсополиса, — ответил Хао. — У кратера Гершеля.

— Кто такой Гершель? — любопытствовала Артемида.

— Это открыватель планеты Уран, — поторопился с ответом Феб.

— Он жил в Англии в восемнадцатом веке и был музыкантом, — добавил Хао. — Но звёздное небо похитило его сердце. Гершель днём давал уроки музыки, а ночью шлифовал линзы для телескопов и смотрел в небо. Через несколько лет музыкант Гершель нашёл среди ярких точек звёзд туманное пятнышко — новую планету Уран — и стал королевским астрономом. Открыв Уран, Гершель расширил размер Солнечной системы вдвое. На могиле астронома-музыканта написано: «Он разбил преграды неба».

— Люди не знали о существовании Урана? — удивилась Никки.

— Планеты дальше Сатурна не видны невооружённым глазом с Земли. Уран и Нептун были открыты с помощью телескопа, — сказал Хао.

— А кто нашёл Нептун? — заинтересовалась Артемида, глядя на Хао блестящими чёрными глазами.

— Адамс и Леверье, — опять её брат опередил всех.

— О, это непростая и драматическая история, — неторопливо усмехнулся Хао. — Наблюдатели-астрономы выяснили, что новая планета Уран то отстаёт от ожидаемого положения на небе, то опережает его. В середине девятнадцатого века Адамс в Англии и Леверье во Франции стали искать причину этого феномена и, независимо друг от друга, пришли к выводу, что движение Урана возмущает ещё одна неоткрытая и более далёкая планета. Оба учёных довольно точно вычислили положение гипотетической планеты. Двадцатилетний Адамс закончил свои вычисления раньше — к 1845 году. Не обладая авторитетом, молодой теоретик не смог убедить английских наблюдателей взяться за поиск. Более старший и энергичный Леверье определил координаты невидимой планеты в 1846 году. Французские астрономы тоже не поверили в его вычисления. Тогда он рассердился и написал письмо немецкому учёному Галле, и тот, вместе со студентом Аррестом, открыл Нептун в первую же ночь наблюдений. Французские и английские наблюдатели очень расстроились. Разразился даже политический скандал об упущенном национальном престиже.

— Сколько всего ты знаешь... — удивлённо протянула Артемида.

— Молодец, Хао, интересно рассказываешь, — подтвердила, улыбаясь, Никки.

Табло «Займите свои места и пристегните ремни» вспыхнуло беспрекословным красным и взревело сиреной.

Через час корабль примарсианился в столичном космопорту «Скиапарелли». Гравитация Марса всего в два с четвертью раза больше лунной, и Никки воспряла духом после трёх дней шестикратной перегрузки.

Глава 12 Инопланетные приключения

К «Марсианскому орлу», тяжело вцепившемуся посадочными лапами в заиндевевший бетон, подошёл длинный автобус на многочисленных колёсах, соединился с кораблём пухлым прозрачным щупальцем с присоской и втянул в себя всю сотню экскурсантов. Не успели последние школьники плюхнуться в надувные сиденья марсобуса, а он уже мелодично протрубил и, покачиваясь в сочленениях, тронулся в экскурсию по городу.

Гидом был Нат Микиш, сотрудник МарсоИнститута. Потряхивая седеющей

нестриженной головой, Нат показывал ребятам достопримечательности родного города, в котором он сам родился и вырос.

— Космопорт — первое крупное здание города, в его отелях жили многие поселенцы-марсиане...

Марсобус заехал в узкий коридор шлюза. Воздушная волна ударила в лоб машины. Марсобус слегка качнулся; его стеклянный лоб покрылся испуганной росой. Давление уравнилось, и городские ворота откатились вбок, открыв вид на парк слева и огромный котлован новостройки справа.

— А здесь давным-давно был пустырь, где мы с друзьями запускали реактивные дирижабли. Самая удачная модель попала в стекло кабинета мэра...

Бледно-голубые глаза Ната шурились, и сквозь облик пожилого мужчины просвечивал юный авантюрист, затевающий с друзьями-шалопаями очередную увлекательную пакость.

Город рос быстро, уже насчитывал двести тысяч жителей и почковался новыми производственными и жилыми куполами. В отличие от Луна-Сити — богатого и ухоженного, Марсополис выглядел более молодым и функциональным — в нём было меньше кафе и скверов, на улицах чаще встречались люди в форме космонавтов, а на светофоре рядом с марсобусом остановился тяжёлый робот-землекоп в пыльной поцарапанной броне, неодобрительно косящий крупным лиловым глазом на стеклянный чистенький лайнер.

В конце центрального проспекта, по которому с шорохом неслись стайки марсокаров, раскинулось самое высокое в городе здание, удивительно сочетающее в себе смелость современной топологии с элементами старинной готики.

Нат с гордостью провозгласил:

— МарсоИнституту столько же лет, сколько и городу. Марс долго был планетой космонавтов и учёных, и лишь недавно профессии строителя и оранжерейщика стали самыми распространёнными среди марсиан.

Двери автобуса открылись, и школьники высыпали наружу, разминая ноги и вскидывая головы на впечатляющее здание МарсоИнститута, куда вело сразу несколько массивных дверей из полупрозрачного янтарного материала с серебряными прожилками. Никки смотрела на Институт во все глаза: её родители работали здесь пять лет, ходили по проспекту, затенённому цветущими каштанами... Возвращались с прогулки, оживлённо разговаривая... Мама весело смеялась, а отец придерживал для неё янтарную дверь...

— Хоть Марс и значительно уступает Земле: по размеру почти в два раза, а по массе — в девять, тем не менее, изучение целой планеты — сложнейшая задача. Наш институт организован именно для исследования Марса и астероидов.

Нат завёл гостей в холл.

— Марс — очень интересная планета! — воскликнул Микиш, энергично потирая руки. — Длительность марсианского дня, или сола, — двадцать четыре часа тридцать семь минут, а год тянется шестьсот восемьдесят семь дней. Раньше Марс был геологически активен: в северном полушарии много молодых равнин и колоссальных потухших вулканов, высотой до двадцати семи километров. Поверхность планеты прорезана тысячекилометровыми гигантскими каньонами и сотнями высохших речных русел. Завтра вы полетите в один из каньонов и увидите всё своими глазами. А полярный ледник просто великолепен! — вы посетите его послезавтра... Я с удовольствием слетал бы с вами, но у нас начинается двухдневный семинар, собравший космохимиков — исследователей астероидов.

Кудрявая Мона-Олень спросила:

— А зачем исследовать астероиды? По-моему, это такие скучные камни...

Нат так сверкнул глазами, что стало понятно — он не разделяет высказанную точку зрения. Но ответил учёный сдержанно:

— Поговорим об астероидах. Ещё Кеплер заметил значительную пустоту между Марсом и Юпитером и предположил, что там прячется неоткрытая планета. В 1801 году астроном Пиацци открыл здесь маленькую планету Цереру, названную в честь римской

богини земледелия и плодородия. Вскоре рядом обнаружили ещё три планеты: Палладу, Юнону и Весту. За последующие двести лет между Марсом и Юпитером было открыто двадцать тысяч астероидов, образующих главный пояс. Всего он содержит около миллиона планеток с размерами более километра и неисчислимое количество более мелких тел.

Нат поднял вверх укоризненный указательный палец.

— Да! Они лишь каменные глыбы, покрытые пылью и обломками. Но! Для геолога каждый астероид — это увлекательная книга об истории Солнечной системы и всей Вселенной. Именно из главного пояса на Землю падают метеориты. Они рождены вместе с Солнечной системой, но содержат и межзвёздные крупинки, долго бродившие в космосе. Сквозь атмосферу чаще пробиваются каменные и железокаменные тела. Они представляют собой железную губку, в порах которой находится каменистое вещество, или, наоборот, каменистую губку с железным наполнителем. Каменные метеориты часто включают в себя миллиметровые округлые силикатные включения — хондры. Для железных метеоритов характерна красивая кристаллическая видманштеттенова структура, возникающая из-за взаимного прорастания в невесомости двух типов железо-никелевых сплавов. Метеорит рассказывает кристаллическим и изотопным языком о множестве космических тайн, в том числе и о происхождении человечества. И мы усердно учим язык небесных камней.

— А кроме геологов, эти булыжники кому-нибудь интересны? — не унималась Мона.

Зловещая улыбка Ната обнажила дюймовые окровавленные клыки.

— «Булыжник» размером в шестьдесят-восемьдесят метров взорвался в тысяча девятьсот восьмом году на высоте двадцати километров и вошёл в историю как «Тунгусский метеорит». О, это событие вызвало острый интерес у многих! Астероид диаметром в несколько километров упал шестьдесят пять миллионов лет назад в океан возле мексиканского полуострова Юкатан и оставил след в виде ставосьмидесятикилометрового кратера. Выброшенная взрывом пыль так затемнила земную атмосферу, что наступило похолодание, и крупные животные Земли, включая господствующих динозавров, вымерли, освободив дорогу млекопитающим и человеку. Если мы не хотим, чтобы катастрофа уничтожения биосферы повторилась, то нужно внимательно следить за нестабильными орбитами наших беспокойных соседей — комет и астероидов, которые часто пролетают недалеко от Земли... Этим и занимается МарсоИнститут. Вам стало интереснее? — спросил экскурсовод кудрявую школьницу.

Девочка поёжилась, но храбро сказала:

— Немного...

В конце экскурсии учёный подвёл школьников к мраморной доске с двумя десятками фотографий в стандартных рамках. Многие лица на фото улыбались.

— Наука требует самоотверженности. Это учёные и сотрудники МарсоИнститута, которые погибли, выполняя свой научный долг. Наш бюджет скуден, исследовательские корабли изношены... Аварии из-за отказов техники — самая частая причина, по которой гибнут научные экспедиции. Но были и метеоритные удары, и лучевая болезнь... песчаные лавины, падения в трещины...

Никки смотрела на весёлых людей, которых уже не было в живых, и вдруг увидела родителей.

Отец сдержанно улыбался, а мать заразительно смеялась в камеру.

Девушка перестала слышать объяснения Ната. Она медленно подошла вплотную к доске и вгляделась в родные лица. Никки раньше не видела этих фотографий. Они были такие красивые — её мама и папа...

— ...так смотрите? Вы их знаете?

Никки не сразу услышала взволнованный голос экскурсовода.

— Это мои родители... — очень тихо сказала девушка, не отводя глаз от фотографий.

Нат Микиш всмотрелся в девушку, побледнел до обморочной синевы и неожиданно крикнул:

— Тобеа!

Взволнованные школьники стали переглядываться и шептаться. А Нат не успокаивался и вопил непонятное:

— Тобеа! ТОБЕА!!!

— Что тебе, Нат? — откуда-то раздался недовольный женский голос. — У меня началась фотометрия двойных троянцев!

— Никки! Никки! Она жива! Дочь Сюзан и Айвана! Она жива! Она здесь... — Крик Ната угас до шёпота. Седоволосый мужчина покачнулся и навалился на стену. Браслет на его руке мигнул красным.

Из динамиков раздался звук бьющегося стекла, треск, ещё какой-то грохот — и всё стихло.

Нат взял себя в руки и медленно подошёл к Никки, не отрывая от неё глаз. Его рот кривился в напряжённой гримасе, а глаза влажно блестели.

Дверь в стене распахнулась, и из лифта выбежала немолодая стройная женщина, одетая в синий комбинезон.

— Что ты несёшь, Нат?!

Но слова застыли у женщины на губах. Она оттолкнула мужа и бесцеремонно схватила Никки за плечи, разглядывая. Внезапно энергичные, резкие черты лица Тобеа задрожали и обмякли.

— Николетта... — сказала она и крепко обняла девушку.

Никки не понимала происходящего, но, неожиданно для себя, тоже сердечно обняла женщину, которая уже всю всхлипывала.

Школьники загалдели, и в первые ряды протолкалась профессор Нджава.

— Что случилось? — спросила она.

Говорить мог только Нат.

— Мы были друзьями её родителей. Она росла на наших глазах... часто оставалась у нас дома, когда Иван и Сюзанна улетали в экспедиции... Она была нам как дочь...

Тут и у Ната окончательно перехватило горло.

— Её спасли два года назад, — удивлённо сказала Нджава. — Это показывали по всем каналам.

— Мы очень давно не смотрим тивизор и не читаем газет, — прокашлявшись, сказал Нат. — Старые башмаки, увлечённые звёздными микробами...

Чуткая Нджава, быстро оценив ситуацию, увела остальных школьников обедать в институтское кафе. Лишь Джерри остался с Никки и Микишами, которые расспрашивали девушку сразу обо всём: как она выжила одна? где сейчас живёт и учится?

— Из-за нашей невнимательности Никки чуть не попала в приют! Какой ужас! — всхлипывала Тобеа.

— Оказывается, тивизоры могут сообщать важные новости... Кто бы мог подумать?! — разводил руками Нат.

После обеда студентам разрешили погулять по улицам Марсополиса и музею института. Нат и Тобеа договорились с профессором Нджава, что доставят Никки и Джерри в космопорт утром — к отлёту «Марсианского орла», и повезли их к себе.

— Квартиры, в которой ты жила с родителями, уже нет, — сказал Нат. — На месте вашего дома построили многоэтажную оранжерею.

Старенький электромобиль, поскрипывая на поворотах, прекрасно сам знал дорогу и доставил всю компанию к небольшому двухэтажному дому, густо заросшему вьюнком с крупными фиолетовыми цветами.

— Ты помнишь наш дом и этот плюс? — с надеждой спросила Тобеа.

Но Никки отрицательно покачала головой.

Пространство дома делилось сложно: большая гостиная не имела обычного потолка и была двухэтажной по высоте, а спальни на втором этаже дома выходили балконами внутрь гостиной.

Никки зашла в дом, осмотрелась и зачем-то заглянула в небольшой коридорчик за

кухней.

— Ага! — сказал Нат. — Ты направляешься прямо в свою комнату.

Никки поразилась — у неё здесь была комната?

Девушка, волнуясь всё сильнее, открыла дверь — и попала в помещение с небольшой кроватью и низким просторным столом. Здесь жил ребёнок — кругом лежали игрушки, детские книжки с картинками, листы с неумелыми рисунками или просто исчерканные фломастером.

— Мы ничего не трогали в этой комнате... — сказала зашедшая вслед Тобеа. — Когда мы с Натом узнали, что корабль пропал без вести... что всегда означало — погиб, то мы... — Тобеа внезапно замолчала.

Одна стена комнаты была прозрачной, и сквозь неё виднелся тот же цветущий выюнок. Никки посмотрела вверх — по потолку бегали яркие блики.

— Откуда свет? — спросила она.

— Именно из-за солнечных зайчиков эта комната нравилась маленькой Николетте больше остальных спален, — сказала Тобеа и отодвинула стеклянную стену.

За небольшой зелёной зарослью начинался овальный бассейн — большой, метров двадцать в длину. Это его беспокойная поверхность разбрасывала вокруг яркие блики.

— Ты купалась здесь часами... — сказал Нат. Он и Джерри тоже вышли к бассейну, но из другой двери, ведущей в гостиную.

С Никки происходило что-то странное. Глаза её лихорадочно блеснули, дыхание участилось. Она опустилась на корточки возле бассейна, а потом неожиданно легла вдоль его края, положив голову прямо на мраморную плиту пола и опустив одну руку в воду. Солнце ласково освещало щеку девушки и её крепко зажмуренные глаза.

— Твой любимый способ загорать... — сказала сдавленным шёпотом Тобеа.

— Этот бассейн стоит дороже всего остального дома, но мы никогда не жалели о затратах, — сказал Нат. — Твои родители половину времени проводили в полётах, и, пока их не было, ты всегда жила у нас. Мы с Тобеа по очереди брали работу на дом и отлично отдыхали с тобой. Ты называла этот бассейн...

— Маслейк! — сказала Никки, по-прежнему не открывая глаз.

— Верно, буква «эр» в этом слове тебе долго не давалась, и название прижилось... — с трудом улыбаясь, сказала Тобеа.

Наступила тишина, окрашенная тихим плеском. Никки медленно водила рукой по воде, а солнечные блики на потолке её детской спальни танцевали и взволнованно шептались.

Вечер Микиши и их неожиданные гости встретили в гостиной при свечах. Нат и Тобеа поняли, что расспросы о прошлом Никки тяжелы для неё, и переключились на нейтральные темы. Они познакомили ребят с домашней синехвостой ящерицей Мими, нелюдимой и стеснительной, норовящей спрятаться под диван; показали множество фотографий и диковинных пустяковин, накопившихся в старом доме двух учёных.

За ужином из роскошного ассорти копчёностей, сыров и фруктов Микиши рассказали о своей научной работе. Нат был астробиологом-теоретиком и анализировал условия для возникновения жизни, а также возможное строение инопланетных геномов и существ. Тобеа работала астробиологом-наблюдателем и изучала спектры планет и газовых туманностей в поисках аминокислот, биомолекул и любых признаков жизни.

— Мы с твоим отцом написали серию статей об органических молекулах на астероидах и в кометах, — сказал Нат. — Он был очень хорошим учёным, методичным в расчётах и смелым в идеях.

— А вы знакомы с доктором Торагом? — вдруг спросил Робби.

Нат Микиш, уже познакомившийся с Никкиным другом, без удивления ответил:

— Конечно, мы хорошо знали его. Юрия Торага нет на мемориальном стенде только потому, что он ушёл из Института за полгода до своей гибели.

Нат посмотрел на Никки:

— А твой отец даже дружил с Юрием, они много работали вместе...

Учёный замолчал, но Робби попросил:

— Расскажите подробнее, нам важна любая информация о Юрии Тораге и его дружбе с Айваном Гринвичем.

Микиш, вспоминая, сказал:

— Юрий был очень практичным человеком. Он работал не только на МарсоИнститут, но и консультировал корпорации, занимающиеся космической геологией. Тораг придумал какой-то необычный способ дистанционной геологоразведки и решил основать собственную компанию для эксплуатации этой идеи. Он ушёл из МарсоИнститута и стал улучшать методику обнаружения рудных месторождений, используя свою небольшую яхту. Тораг не вернулся из одиночного полёта в пояс астероидов — пропал без вести. Твой отец очень переживал — никак не мог примириться со смертью Юрия. Я знаю, что он пытался самостоятельно расследовать его гибель и даже просил о помощи компьютер МарсоИнститута... Но я не знаю, нашёл ли он что-нибудь, заслуживающее внимания...

— А на чём базировался тораговский метод геологоразведки?

Нат пожал плечами:

— Понятия не имею. И при жизни Юрий был аккуратен со своими секретами, и после смерти не выпустил их на волю... Но его основная работа была связана с комбинированием гамма-спектроскопии и радарных методов.

Никки внимательно выслушала Ната и беззвучно сказала Робби: «Тебе стоит возобновить знакомство с компьютером МарсоИнститута...»

«Прояви немного уважения к старому другу и воздержись от очевидных замечаний...» — проворчал Робби в ответ.

Домашний кибер принёс чай, и за столом разгорелся спор, видимо, давний.

Нат был сторонником того, что жизнь возникла на многих планетах независимо; поэтому он полагал, что жизнь на Марсе и на Земле имеет разное происхождение.

Тобеа считала наоборот — что жизнь зародилась в Галактике в одном или нескольких местах, а потом, согласно концепции панспермии, распространилась в виде космических спор по многим планетным системам.

— Жизнь на Марсе и на Земле имеет единые корни, — уверенно заявила, отставив чашку, Тобеа. — Космические споры попали сначала на одну планету и с помощью метеоритов перекечевали на другую. Вопрос только в том, на какой планете жизнь появилась раньше. Живут ли на Земле марсиане, или земляне когда-то давным-давно высадились на Марс?

— Живых миров множество! — воскликнул Нат. — Образование жизни — универсальный повсеместный процесс. В южном заливе первобытной Земли, где грелся на солнце густой аминокислотный бульон, когда-то возникло незамысловатое Нечто, которое могло только поглощать еду и порождать себе подобное. И Нечто ело и размножалось сотни миллионов лет, пока не заняло весь океан. И не стало хватать еды на всех его потомков. И стал выживать из них умнейший, сильнейший и быстрееший — так началась эволюция, вытолкнувшая четыреста миллионов лет назад на океанский берег позвоночное сухопутное животное. И оно недавно стало человеком!

Голос Ната достиг библейского величия и замер на высокой ноте. Потом учёный деловито заключил:

— Следовательно, везде, где была вода, тепло и аминокислоты, рождалась жизнь!

— Что же вы никак не выведете в пробирке это живое Нечто? — захихикала Тобеа. — Тысячи твоих единомышленников скрипят ржавыми мозгами и никак не могут создать условия для самосинтеза живого организма из неорганики. Но хотят, чтобы природа, не раздумывая, достигла такой цели. Поймите: жизнь — величайшая редкость и ценность в космосе, и мы должны быть благодарны природе за щедрый подарок.

— Как может мыслящий современный человек держаться за древнюю идею панспермии? — воскликнул Нат. — Дикость, варварство!

— На себя посмотрите, животворщики, — хохотнула Тобеа. — Как заклинание твердят — жизнь зарождается везде! всегда! Шаманят над своими автоклавами — и что? Даже самозарождение вируса гриппа получить не могут! Вам надо чихнуть на ваши пробирки. Возникновение жизни под каждой кочкой просто невозможно с точки зрения вероятности.

— Но нельзя не признать, что жизнь на Земле есть! — в свою очередь съехидничал Нат.

— Но мы ещё не знаем, насколько нам повезло, — парировала Тобеа.

— Эх, нам хотя бы один пример марсианской уцелевшей ДНК, — посетовал Нат. — Мы бы её расшифровали и определили — одного мы корня с древними марсианами или нет.

— Но ведь жизнь на Марсе была? — спросила Никки, с интересом прислушиваясь к спору.

— Была, но очень давно, и сейчас мы находим только её жалкие окаменелые остатки. О, если бы найти пару живых внеземных микробов!

— Надо искать в тёплых подлёдных океанах спутников Юпитера и Сатурна! — сказала Тобеа.

— На столь глубокое бурение нет денег, — вздохнул Нат. — Я полагаю, что микроорганизмы могут быть и на Марсе — в старых вулканах и в местах, где есть подземное тепло. Это неплохой шанс, но и здесь нужны серьёзные затраты на поиск. Пока у астробиологов МарсоИнститута таких средств нет. Учёным платят за открытия рудных месторождений и прогнозы метеоритной опасности на космических трассах, а не за фундаментальные споры о возникновении жизни.

Тобеа махнула рукой:

— Хватит об ископаемых червяках, поговорим лучше о будущем, которое сидит рядом.

И она обратилась к Никки:

— Колледж Эйнштейна — это замечательное место, но страшно дорогое. Ты, верно, по уши в долгах. Давай, признавайся, чем мы тебе можем помочь?! Накоплений у нас почти нет, но, если надо, то мы продадим этот дом... — тут голос Тобеа немного дрогнул, но потом окреп, — ...и купим себе поменьше. Зато тебе поможем.

— Спасибо, — сказала с искренним чувством Никки. — Но я справлюсь.

Она достала из кармана книжечку и быстро черкнула пару строк. Протянула Микишам вырванную страничку:

— На нужды МарсоИнститута и ваших исследований. Если вы пришлёте мне отчёт об их использовании, тогда я смогу вычесть эти деньги из налогооблагаемых доходов. Но можете и не присылать. Расходуйте куда угодно — это ваши деньги.

Нат с недоумением взял чек и рассмотрел его. Потом, внешне спокойный, отдал чек жене:

— Ничего не понимаю. Кто эта девочка?

— Здесь написано «триста миллионов долларов»... — сказала со страхом Тобеа.

— Последние несколько месяцев меня зовут королевой Гринвич, — спокойно сказала Никки. — Я получила неплохую страховую премию за Оберонские обсерватории.

— Я слышал эту историю! — воскликнул Нат. — Значит, это была не однофамилица!

Тобеа сказала дрожащим голосом:

— Смотри — Никки выросла без нас и нашей запоздалой помощи, и уже сама помогает таким древним шлёмпанцам, как мы с тобой. Как бы гордились тобой твои родители...

Она вытащила платок, вытерла глаза и сердито сказала:

— Я совсем раскисла... выплакала, наверное, десятилетнюю норму слёз...

Ранним утром Микиши провожали их в космопорту. Уже возле двери шлюза Никки обернулась и спросила:

— А откуда я знаю песенку-говорушку?

Чей нос? — Саввин!
Куда ходил? — славить!
Что выславил? — копеечку!

Тобеа подхватила:

Что купил? — пряничек!
С кем съел? — один!
Нехороший, нехороший!

и сказала:

— Это моя русская бабушка наговаривала мне в детстве, а я — тебе... Айван, твой отец, вырос на берегу Чёрного моря. У него было много русских друзей, и он хотел, чтобы ты знала побольше о славянской культуре. Я читала тебе русские стихи и народные сказки. Правда, ты была так мала — удивительно, что ты запомнила эту говорушку...

И её расстроенно-счастливое лицо снова стало таять слезами.

Никки зашла в свою каюту, села в кресло и посмотрела в иллюминатор на рыжую стенку кратера и блестящие окна космопорта. Вдруг она явственно почувствовала, что за стёклами стоят и машут руками её старые друзья. И девушка поняла — у неё появился ещё один родной дом. Место, которое пропитано терпким до слёз прошлым.

«Верно, верно!» — взволнованно танцевали блики в комнате у бассейна.

В комнате её счастливого детства.

«Марсианский орёл» засвистел, заклекотал двигателями — и за двадцать три минуты полёта перенёсся в другое полушарие Марса. Посадочная полоса в порту «Саусгарден» была не так ухожена, как бетон столичного космопорта, и под садящимся кораблём взвихрились клубы ржавой пыли, покатались тёмно-синие камни, сдутые газо-плазменным напором.

Вокруг расстилалась марсианская пустыня, лишь на горизонте виднелись пологие стеклянные купола.

— Нам не разрешают садиться ближе к оранжереям, садоводы не любят пыль и летящие камни, — объяснил капитан и скомандовал: — Все на выход! Теперь вами займётся мистер Дикори.

Школьники высадились из шлюза, но, к своему удивлению, не нашли возле корабля ни автобуса, ни другой машины, которая могла бы доставить их к оранжерейному комплексу, виднеющемуся вдалеке.

Посреди буро-красного песка, усеянного почти чёрными камнями, стояла лишь одинокая фигурка — плотная и короткая, с сердито упёртыми в бока руками. Чистый гном.

— Экскурсанты, слушать меня внимательно! — раздался скрипучий голос в динамиках скафандров. — Я — старший оранжерейщик Дикори, и я решаю, что показать вам сегодня. Начнём нашу экскурсию с прогулки по поверхности Марса. Пройдём километр пешком.

— Пешком?! — возмутился голос Дитбита.

— Кому из слабаков не нравится, — проскрипел оранжерейщик, — тот остаётся на корабле.

Он резко повернулся и зашагал, причём не к куполам «Саусгардена», а заметно забирая влево — к ближайшему крутому склону кратера.

Делать нечего. Студенты, по-утиному переваливаясь в жёстких скафандрах, пошли за Дикори: сначала — гурьбой, потом — длинной цепью.

— Посмотрите вокруг! — пронзительный голос оранжерейщика вкручивался в уши не хуже шурупа. — Бесплодные камни и песок! Атмосфера в сто раз разреженнее земной, состоит на девяносто пять процентов из углекислого газа, остальное — азот и аргон. Кислорода всего десятые доли процента, водяного пара — только следы. Средняя температура марсианской почвы минус шестьдесят градусов Цельсия. Лишь летом в полдень

температура воздуха может достичь плюс двадцати пяти. Перепады температуры — больше сотни градусов. Песчаная буря со скоростью ветра в сто метров в секунду как наждаком царапает даже прочное стекло!

Низенький человек вдруг остановился и обернулся. Идущие сзади студенты чуть не налетели на него. Возник затор, и вокруг гнома-оранжерейщика подковой сгрудились экскурсанты.

— Разве это не чистое безумие?! — крикнул гном, оглядывая студентов. — В таких условиях мечтать о садах!

Шлемы экскурсантов, подчиняясь напору гнома, робко закивали: да, да, чистое безумие.

Гном повернулся ко всем сердитой спиной и снова зашагал вперёд.

Джерри и Никки шли и с любопытством озирались. Небо Марса имело красноватый оттенок, и по нему быстро неслись редкие розовые облака. Расщелина, мимо которой ковыляли студенты, была до краёв заполнена белым холодным туманом. Иногда из оврага вылезало мутное щупальце и накрывало идущих, оседая изморосью на прозрачном пластике шлемов.

Никки отключилась от общей трансляции, оставив только связь с Джерри, и спросила:

— Робби, ты успел поговорить с компьютером МарсоИнститута?

— Да. Пока вы, многоклеточные амёбы, спали, как дохлые медузы, я с ним подружился. Он помнит мой высокий приоритет двенадцатилетней давности, и мы полезно поговорили.

— Он сказал тебе что-нибудь про список? — не удержался от вопроса Джерри, идущий совсем рядом.

— Нет. Но он сообщил, что двенадцать лет назад Айван Гринвич попросил его построить модель последнего полёта Юрия Торага и проанализировать возможные причины его гибели. В это время я находился на стажировке в МарсоИнституте, и кибермозг привлёк меня к моделированию. Он утверждает, что я получил интересные результаты. Но он не знает, какие.

— Как так не знает, если он сам тебе поручил расследование?

— По условиям стажировки, я должен был отправлять свои рапорты только на Землю. Компьютер МарсоИнститута мог получать их лишь после разрешения руководства проекта по искусственному интеллекту. Но вместо такого разрешения последовало приказание отправить меня на Землю. Поэтому моего рапорта нет в памяти компьютера Института.

— Значит, ты попал на «Стрейнджер» из-за того, что раскопал причины гибели Торага? — взволнованным голосом спросила Никки.

— Да, — голос Робби был твёрд. — С вероятностью четыре сигма, нападение на «Стрейнджер» было вызвано просьбой твоего отца о дополнительном анализе причин аварии корабля доктора Торага и моим участием в этом расследовании.

— В кого же целились напавшие на «Стрейнджер» — в тебя или в отца? — спросила Никки сдавленным, севшим голосом.

— Вероятнее всего, сразу в обоих, — сказал Робби. — Кто-то выработал весьма эффективный план — как одним ударом уничтожить сразу двух противников. Чувствуется высокий профессионализм.

Никки обожгло:

«А мама? Её смерть — это для убийц просто пустяк, небольшая издержка плана?»

Девушка споткнулась, но Джерри успел поймать её за руку и удержал от падения.

За прозрачным щитком скафандра светилось бледное лицо с полузакрытыми глазами и кривящимся ртом. Казалось, астровитянку пронзила физическая боль.

— Значит, этот дьявольский список виноват в смерти и твоих родителей, — голос Джерри тоже был полон муки. — Тораг тоже погиб из-за того, что был включён в список и, видимо, своей строптивостью не понравился его владельцам...

— Проклятый Дитбит... — сказала Никки, еле отдышавшись от новости, сбившей её с

ног. — Он начал войну — и сам сгорит в ней...

Девушка шла дальше молча, перестав оглядываться по сторонам.

Школьники добрались до крутой кратерной стенки. Она зазубренным краем врезалась в красноватое небо, но марсианский небосклон оказался прочным, и по склонам горы тянулись потоки размолотой породы и песка.

— Возле таких стен начинается большинство оранжерей, — каркнул гном, проткнув строгим пальцем кратерный склон. — Мы выбираем солнечную сторону и анализируем состав песка. Потом натягиваем от вершины до подножия прочные тросы и настилаем пластиковую крышу. И что мы получим? — спросил столпившихся вокруг школьников гном-садовод.

— Оранжерею? — несмело ответил кто-то.

— Шелуху от ореха мы получим, а не оранжерею, — веско сказал гном. — Дальше начинается самое главное: оптимизация грунта, установка воздушной, нагревательной и водной систем, и ещё такая куча разных дел, что она кажется неподъёмной...

Например, — оранжерейщик махнул рукой на осыпавшийся склон, — видите эти песчаные реки? Морока и напасть. Смёрзшийся песок кажется прочным, но если внутри такого склона произойдёт небольшой сдвиг, то механическое трение на плоскости сдвига сразу разогреет замороженную воду, и песок заскользит вниз лавиной, текучий, как грязевой сель. И всё же крутые склоны привлекательны для нас, оранжерейщиков, тем же, что делает их и опасными: здесь много льда. Кратерная стенка пререкает мощные слои вечной мерзлоты, и это очень важно для водоснабжения и атмосферы оранжереи. Ну, посмотрим, что у нас получилось после всех хлопот.

И маленький оранжерейщик зашагал к куполам, стеклянно поблёскивающим в лучах маленького солнца.

Пройдя шлюз и сняв скафандры, студенты попали в Эдем. Никто, конечно, не знает ботанику райского сада — разные источники дают противоречивые сведения, — но вполне вероятно, что райские кущи похожи на такую оранжерею тысячи цветов: роз и орхидей, лилий и ибиса и ещё многого другого, немыслимо привлекательного для глаз и безотказно ароматного для носов.

Чувства экскурсантов разбежались на дрожащих ножках по всей оранжерее.

— Это ерунда! — пренебрежительно махнул рукой Дикори. — Для слаонервных туристов. Самое интересное впереди! — и гном устремился в следующее отделение.

Школьники — особенно школьницы — готовы были признать себя слаонервными туристами, лишь бы погулять среди оглушительно цветущих зарослей. Погулять, понюхать, потрогать... Но Дикори, хотя бежал первым, всё видел и позади.

— Не лапать ничего руками! — пронзительно заверещал он на пухленькую девочку-Оленя, которая погладила яркий цветок. Олешка от испуга чуть не села в корыто с подозрительной коричневой жижей.

— Вот где настоящая красота! — хищно воскликнул гном, раскинув руки и стоя на краю ровно-золотистого поля.

Студенты столпились за гномей спиной и восхищённо загудели.

Здесь росла обыкновенная пшеница. Но зато какая необыкновенная! — в рост человека и плотная как стена. Крепкие, солнечного цвета стебли ветвились в многогранные колосья — каждый с фут длиной и толщиной в дюйм.

— Эти поля позволили нам избавиться от подвоза зерна с Земли, — с нежностью сказал мистер Дикори. — Они — источник нашей продовольственной независимости.

Но ещё больше впечатлили студентов-лакомов оранжереи фруктов и овощей: на виноградных лозах висело столько кистей, что изогнутые в рабочей судороге стволы были едва видны. Дынные и арбузные плети не лежали на земле, а тянулись вверх, цепляясь за прочные лотки для плодов. Листья тёмно-зелёными зонтиками ловили свет солнца высоко над головой, а всё пространство между листьями и грунтом толстело и бугрилось крупными разрисованными арбузами и сливочными, безукоризненного литья дынями. Часть листьев

была повернута не к солнцу, а к земле: снизу грядки освещали яркие синие лампы.

Марсианские груши размерами походили на папайю, а черешня — на помидоры. Сами помидоры — а Никки понимала в них толк! — были невелики размерами, зато пузырились обильными сочными гроздьями, похожими на виноградные.

— Контролируемость среды на Марсе выше, чем на Земле, поэтому с каждого участка мы собираем урожаи несколько раз в году, — сказал довольный гном Дикори, растерявший жёлчность среди любимых полей.

Студенты не только насмотрелись, но и вдосталь наелись местной продукции — в кафе, куда уставших подростков отвёл приветливый кибер. Меню включало курятину и свинину — студенты видели явно не весь продовольственный комплекс «Южный Сад».

И после обеда Дикори водил и водил студентов по своим плантациям и фермам — пока они не взмолились об отдыхе. Тогда гном усадил утомлённых школьников на лужайку побольше, подождал, пока все выберут в баре холодный овощной или фруктовый сок, а потом устроил форменный экзамен.

— Кто понял после сегодняшней экскурсии, какова главная задача человека в космосе? Та, которую никто не может за него решить.

Студенты недоуменно посмотрели друг другу в честные глаза.

— Киберы могут в космосе за человека сделать ВСЁ и гораздо эффективнее людей, — веско сказал принц Дитбит.

— Неправильно! — насмешливо проверещал гном-оранжерейщик. — Главная и уникальная задача, которая стоит перед человеком в космосе, — и её никто, кроме него, не сможет решить! — это задача ВЫЖИТЬ. Человечество возникло на дне тёплого воздушного океана и может существовать в очень узком интервале температуры, давления и гравитации. Для выживания в вакууме и на чужих планетах человек должен окружить себя металлическим или пластиковым пузырьком с подогретой привычной атмосферой. Ему нужен постоянный приток кислорода, воды и продуктов. Поэтому в начале космической эры человек держался вблизи родной планеты, откуда получал всё необходимое.

Дитбит слушал со скептической усмешкой на лице.

— Настоящее завоевание космоса началось не в конструкторских бюро и не на космодромах, а вот здесь... — Оранжерейщик обвёл рукой свои владения. Среди стеллажей с клубникой сновали киберы, аккуратно выбирающие спелые ягоды. — Именно оранжерейщики решают вопрос, сможем ли мы оторваться от родной планеты и создать в иных мирах благоприятные для нас условия. Сможет ли человек устроить земной комфорт в космосе? Завоевание Вселенной прямо зависит от моих грядок! — торжественно заключил садовод.

«Хм! Помидорный гном мудр...» — удивилась Никки.

— Многие считают оранжерейщиков приземлёнными и бескрылыми людьми, — заявил мистер Дикори. — Сегодня вы должны были понять, что никакие высокие планы и смелые мечты не реализуемы без нас, скромных производителей овощей и мяса. Сочиняя стихи и проектируя звездолёты, не относитесь высокомерно к фермерам.

Студенты, чувствуя в животах располагающий ассортимент свежайших соков, дружно согласились и поаплодировали космическому садоводу-энтузиасту.

Все так умаялись от долгого путешествия по бесконечным оранжереям и сыпучим марсианским пескам, что еле одолели ужин и рухнули спать без задних ног. Когда же Джерри проснулся и продрал глаза, то не поверил им: в иллюминаторах корабля виднелась не вчерашняя рыжеватая каменистая равнина, а розовый сверкающий ледник. Они уже прилетели на Северный полюс Марса! Вокруг «Орла» и небольшой площадки, на которую он сел, расстилались плавные ледяные валы; в долинах между ними виднелись песчаные дюны, похожие на земные, но только из красноватого песка.

А над инопланетным ледником полыхал марсианский рассвет: маленький жёлтый диск солнца выплывал на сиреневый небосклон, с цветовой гаммой от фиолетового на горизонте

до палево-розового в зените.

Неземная красота!

После завтрака капитан объявил пассажирам:

— Несколько студентов остаются на Марсе на каникулы, и на освободившиеся места мы берём в обратный рейс группу матерей с маленькими детьми. Им всем нужна срочная помощь в лунных госпиталях. Они сейчас находятся на Фобосе, и для плавной состыковки с шаттлом скорой помощи мы должны стартовать в три пятнадцать. Опоздание старта вызовет нарастающую задержку перелёта к Луне. Поэтому сбор на корабль после экскурсии в Полярные пещеры назначаю с запасом — на два часа дня. Быстрый обед — и взлёт!

Опаздывать категорически запрещаю! — прорычал капитан. — Рисковать здоровьем пассажиров с детьми я никому не позволю! В помощь профессору Нджаве я выделяю своего помощника, который присмотрит за вашим своевременным возвращением на корабль. Кто задержится — будет всю дорогу чистить корабельные галюны!

Эта риторическая угроза показывала озабоченность капитана.

Школьники надели скафандры и дружно высыпали на ледник, толкаясь и голоса. Дракон дал соседней Сове подножку, а ноги какого-то Оленя разъехались сами, скользнув по льду, присыпанному тонким слоем песка.

Лектором на марсианском Северном полюсе — ввиду его безлюдности — пришлось быть самой Нджаве. Профессор потратила немало времени, чтобы привлечь внимание подростков к учебной экскурсии. Хихикающие школьники с трудом узнали, что из-за низкой температуры воздуха вся марсианская вода и даже атмосферный водяной пар превратились в лёд, образовав слой вечной мерзлоты в грунте и нетающие полярные ледники.

— Зимняя температура у полюсов достигает минус ста двадцати пяти градусов Цельсия. От холода даже марсианский углекислый газ переходит в твёрдое состояние. Полярные шапки сложены из смеси водного льда и замёрзшей углекислоты, которые испаряются летом и выпадают снегом зимой. В северных марсианских широтах случаются углекислотные метели...

Студенты дружно поёжились, представив буран из углекислоты, мороженной при минус ста — и сколько там ещё? — градусах.

— По расчётам учёных, раньше Марс был гораздо теплее — с реками, озёрами, а в северном полушарии даже существовал океан.

Профессор рассказывала довольно монотонно, но в конце лекции она оживилась:

— Интересную гипотезу высказали американские учёные Саган и Уоллес: по их расчётам, под многометровым слоем вечной мерзлоты на Марсе и сейчас могут существовать подземные озёра!

Школьники в энтузиазме закачали прозрачными шлемами, а кто-то стал ковырять башмаком ледник — в надежде выкопать колодец.

Профессор приглашающе махнула рукой и повела студентов в Полярные пещеры, открытые геологами совсем недавно и оборудованные для посещения туристов лишь в прошлом году.

Полярные пещеры произвели на студентов сильное впечатление — сверкающие ледяные сосульки густо росли с потолка, а заиндевевшие глыбы стояли на полу толпой снежных леших. Цветовая гамма пещеры начиналась от фиолетового и заканчивалась тёмно-красным.

Проведя студентов по подземным пустотам и рассказав всё, что она о них знала, профессор объявила:

— Лекция закончена, можете часок погулять по залам. Сбор у выхода и, пожалуйста, без опозданий! — Нджаве явно заразилась озабоченностью капитана.

В каждое ответвление пещеры вела светящаяся мягким светом ровная дорожка. Никки и Джерри обошли все подземные петли и загогулины, залы и коридоры, которых было не так уж и много. В самом дальнем зале любопытная Никки заметила в стене тёмную узкую расщелину, не отмеченную на туристском плане пещеры.

— Давай заглянем? — предложила Никки.

Они сошли с дорожки и посветили фонарями в трещину — узкая, взрослый не пролезет.

Но они, конечно, протиснулись — и попали в круглую камеру с полом, засыпанным слоем розовой ледяной дребезги. С потолка свисали неустойчивые гроздья разлапистого белого инея и остроконечные прозрачно-красные сталактиты. Всё это волшебным мерцало в лучах света.

— Ух ты! — восхитилась Никки, и Джерри с ней согласился. В центре круглого зала виднелась воронка с осыпающимися краями из льдистой крошки, сужающаяся в узкий вертикальный ход. Никки посветила в него фонариком и решила, что они спокойно могут спуститься по ледяным выступам. Джерри это не понравилось:

— Мы слишком далеко уходим от основной пещеры!

Никки беззаботно отмахнулась:

— Не будь занудой. Сейчас час дня, мы можем бродить добрых тридцать минут и успеть сто раз вернуться. Лёд радиоконтакту не мешает, и заблудиться невозможно.

И девушка забралась в дыру. Юноше пришлось последовать за ней. Они быстро спустились метров на двадцать ниже основного уровня пещеры и попали в обширный подземный зал. Тут уже и Джерри сказал:

— Ух ты!

Весь зал был заполнен причудливыми ледяными глыбами — они стояли на полу, торчали из стен, свисали с потолка; гладкие тёмно-бордовые фигуры, напоминающие абстрактные скульптуры, сменялись сталагмитами в ажурном розовом инее, образующими рощицы поистине инопланетных деревьев.

Никки следила, чтобы в поле зрения видеокамеры скафандра попало всё подземное природотворчество.

В стенах зала чернело штук шесть разных ходов.

— Дальше не пойдём, — предупредил Джерри, — времени мало.

Никки согласно кивнула.

Вдруг за их спинами раздался странный шелест. Почва задрожала. Ребята оглянулись и увидели, как из расщелины, через которую они попали в зал скульптур, выплеснулась волна ледяной крошки. Несколько секунд — и узкий проход превратился в снежную осыпь.

— Проклятье! — воскликнул Джерри, подбежал к осыпи и попробовал разгрести снег. Он охотно разгребался, но на освободившееся место высыпались новые массы рыхлого льда.

— Бесполезно, — грустно сказала Никки, не трогаясь с места. — Я сенсорами вижу, что ход доверху забит снегом, который лежал на полу круглой пещеры. Видимо, ему кто-то помог ультразвуковым ножом...

— Что же нам делать? — растерянно спросил Джерри.

— Робби, связь с кораблём есть? — спросила Никки.

— Да. Звать на помощь?

— Подожди, — Никки посмотрела на часы. — Час тридцать. Через полчаса сбор на корабле. Что команда может сделать с осыпью?

— Не много, — ответил Робби. — Нужно закрепить рыхлую снежную массу в верхней пещере, потом очистить штрек. Даже с хорошей техникой здесь работы на часа три.

— Тамми, есть здесь другой выход? — Джерри указал на проёмы, темнеющие в стенах.

— Данный уровень не исследован, его карты у меня нет, — отозвался звонкий голос Тамми. — По оценкам, Полярные пещеры занимают значительные пространства, в них можно блуждать очень долго.

— Сожри меня Большая Медведица! Мы срываем старт! — затосковала Никки. — Какой позор! Больные дети будут зря ждать наш корабль...

Джерри посмотрел на опечаленное лицо девушки, видневшееся сквозь стекло шлема, и сказал:

— Сейчас что-нибудь придумаем.

Он расстегнул карман скафандра и достал оттуда три палочки причудливой волнистой формы. Конец каждой флуоресцировал своим цветом — красным, синим, жёлтым.

— Что это? — поинтересовалась Никки.

— Мини-сёрферы, — ответил Джерри. — Развитие идеи твоего Сёрфера. Я зову их крысками. Взял с собой, чтобы попробовать на льду.

Он бесцеремонно бросил палочки на пол и скомандовал:

— Поиск выхода из пещеры! Самый быстрый режим!

Ни колёс, ни ног, ни гусениц у миникиберов не было. Вдруг их волнистая поверхность дрогнула, заструилась, и сёрферы быстро бросились врассыпную, выбрав по каким-то признакам три из шести подземных ходов. Секунда — и они скрылись в темноте.

— Шустрые! — уважительно сказала Никки. — А успеют?

— Не знаю, — сказал Джерри. — Остаётся только ждать.

Но Никки не могла просто так сидеть и ждать. Она попробовала заглянуть в оставшийся без внимания крысок ход, но он быстро оборвался узкой расщелиной вниз — и ей пришлось отступить.

Первой вернулась крыска с жёлтым носом, выскочила из самого узкого хода и — ни здравствуй, ни прощай! — устремилась в следующую нору. Тамми, руководящая киберами, доложила результат разведки желтоносой:

— Там вам не пройти — завалено крупными глыбами.

Время мчалось быстро. Никки, чувствуя свою вину за то, что они застряли под землёй, вернее, подо льдом, нервничала всё больше. За пятнадцать минут до срока сбора на корабле в динамиках скафандров раздалось строгое приказание старпома «Марсианского орла»:

— Экскурсанты, собираемся к выходу из пещеры!

— Клянусь клыками Венеры, я сама не знаю, что сделаю с тем шутником, который нас здесь завалил! — Никки свирепела с каждой минутой.

Из темноты снова выскочил жёлтый кибер и устремился в самый последний из неисследованных лазов.

— Жёлтый нашёл лишь узкую трещину вниз, — пояснил бодрый голос Тамми.

А синяя и красная крыски всё не возвращались. Вдруг Тамми сказала:

— Связь с синим сёрфером потеряна. Или сломался, или ушёл куда-то далеко.

— Чёрт! Чёрт! — Никки ругалась и пинала смёрзшие комки снега.

— Третий час! — раздался сердитый голос старпома. — Ждём ещё двоих! Профессор Нджава, проверьте, кого нет!

У друзей упало сердце. Даже если оставшиеся крыски найдут выход, на корабль вовремя не успеть. Скандал будет наверняка, но главное — старт «Марсианского орла» срывался всё вернее и вернее.

В зал снова выскочил жёлтый минисёрфер.

— Выхода нигде нет! — отрапортовала Тамми. — Остался проход, куда ушёл красный кибер, он тянется куда-то далеко и вниз. Пещера синего кибера сомнительна — кажется, там глубокий провал.

— Пошли за красным! — решил Джерри.

Никки уныло пробормотала:

— Этот ход идёт вниз, а нам надо вверх...

Но выбора у них не было — оставался последний шанс.

Они бегом устремились в широкий проход, куда умчался полчаса назад красный кибер. Впереди них охотничьей собакой — вернее, охотничьей крысой — струился желтоголовый мини-сёрфер.

— Что сообщает красный?

— Он уже в километре отсюда, проход всё ещё широкий, — сказала Тамми. — Но связь вот-вот может потеряться — слишком далеко.

— В километре?! — воскликнула Никки. — Как мы оттуда вернёмся к кораблю?!

Джерри молчал.

Ход сузился и резко устремился вниз, став таким крутым, что юноша, бежавший впереди, не удержался и упал на спину. Пластиковая поверхность скафандра легко заскользила по льду, и Джерри со свистом понёсся вниз, в темноту.

— Дже-ерри! — закричала Никки и рванулась за ним. И тут же упала.

Через секунду по узкому крутому ледяному штреку неслись уже двое живых испуганных саней. Фонари едва успевали выхватывать мелькающие снежные глыбы и сталактиты.

— Что впереди, Тамми? — крикнул Джерри, пытаясь притормозить ногами подземный полёт. Но ботинки скользили, срубая подошвой ледяную стружку.

— Пока чисто! — сообщила Тамми.

На каком-то бугре Джерри высоко подбросило и с силой ударило спиной об лёд. Превозмогая боль, юноша крикнул Никки:

— Трамплин! Подбрасывает, группируйся!

Через несколько секунд донеслось:

— Спасибо, Джерри!

Скорость скольжения всё росла. Ребят от увечий спасало только то, что ход был гладкий, видимо, вылизанный подземным ручьём.

Тамми бодро заявила:

— Согласно сообщениям красного, через двести метров будет зал, в нём нужно поворачивать наверх. Надо удержаться от дальнейшего спуска!

— Легко сказать — поворачивать наверх! — прошипел Джерри, летящий как снаряд в ледяном стволе.

— Притормози, чтобы я тебя догнала! — сквозь шорох и свист подземного безумного слалома раздалось в наушниках. Джерри постарался выполнить Никкину просьбу и через несколько секунд прочувствовал на плечах несильный удар массивных башмаков. Он схватился за них перчатками и посадил Никки себе на шею, обхватив руками её ноги. Когда-то он катал её так по пляжу... Вот бы очутиться сейчас не в ледяном марсианском подземелье, а на солнечном берегу лунного озера...

В ту же секунду их выбросило в просторный зал. Ледяной штрек превратился в широкий жёлоб, по которому они помчались с той же огромной скоростью. Зацепиться было совершенно не за что, ноги тщетно искали шероховатости на гладком льду, а фонари осветили впереди картину, от которой сердца обоих подростков замерли: середина ледяной дорожки, по которой они неслись, превращалась в бездонный чёрный провал. Шириной он был в метр-полтора, зато длиной в метров двадцать, и их несло по ледяному жёлобу прямо в него.

— Там глубоко! Острые камни! — крикнула Никки. — Убьёмся!

Она изогнула тело в левую сторону и крикнула Джерри:

— Ноги вправо! Тормози!

Джерри отчаянно пытался тормозить, но без всякой надежды — до провала осталось совсем немного, а скорость была головокружительная. Сама Никки даже не пробовала замедлиться, наоборот, она приняла позу наилучшего скольжения.

Попавшийся под ботинок камень чуть не вывихнул ногу Джерри, зато чуть задержал его. И длинная, девятифутовая сцепка из двух скафандров стала разворачиваться. Джерри понял, что хочет сделать Никки, и стал тормозить ещё самоотверженнее. Следующий камень так ударил в лодыжку, что юноша взвыл от боли. Зато ребят развернуло, и они понеслись по гладкому льду боком вперёд.

И вот провал перед ними.

— Держи-ись! — крикнула Никки.

Узкая расщелина пришлась на середину их сцепленных скафандров. Голова и спина Джерри повисли над пропастью, ноги заскользили по краю трещины. Никкины плечи цеплялись за другой край, а ноги висели над пустотой, опираясь только на Джерри — и одновременно спасая его от падения.

Поодиночке они бы провалились. Но, обнявшись, они удержались за края пропасти, которая проносилась под ними — ледяная и леденящая.

И вот провал сузился и совсем закрылся. Радоваться было некогда — в следующее мгновение ребята налетели на пологий ледяной вал, и их, как щенят, разметало в разные стороны.

И бросило на твёрдую стену из льда и замороженных в него слоёв красного песка.

На такой скорости Никки и Джерри неминуемо разбились бы о прочный лёд, но им повезло — низ стены был засыпан могучим сугробом снега.

Они двумя снарядами врезались в снежную перину и пробили её метров на пять, чуть-чуть не достав до стены и едва не сломав себе шеи.

— Никки, ты жива? — с тревогой спросил Джерри, очухавшись от падения и видя за стеклом гермошлема лишь грязно-розовый иней и мелкий лёд.

— Жива! — с нервным смехом отозвалась девушка. — Вот это прокатились!

Джерри забарахтался, пытаясь разгрести руками рыхлый снег и выбраться на поверхность.

Никки сказала:

— Ты двигаешься не в ту сторону.

Джерри сменил направление, и вскоре они оба стояли в середине зала, осматривая друг друга и истерично хохоча, хотя положение было аховым.

— Мисс Гринвич! Мистер Уолкер! — кричала профессор Нджава далёким плачущим голосом, бродя по пещере. — Где вы? Никки! Джерри! Пожалуйста, откликнитесь!

Времени — больше половины третьего. Что же делать?

Вдруг Тамми сообщила радостную новость:

— Красный нашёл выход на поверхность! Ещё пятьсот метров отсюда.

Ребята ринулись в указанный Тамми проход. Никки включила микрофон на передачу и закричала на бегу:

— Мы с Джерри возвращаемся, профессор Нджава, не волнуйтесь!

— Где вы?! Что вы делаете?! — вмешался старпом.

— Стараемся успеть к взлёту! Нам некогда говорить! — сказала Никки и отключила микрофон.

— Мы станем самыми непопулярными людьми на корабле! — сказал Джерри, задыхаясь от бега и слушая безответную ругань старпома и призывы профессора.

Они спешили изо всех сил по крутому подъёму, не обращая внимания на падения и ушибы. Жёлтая крыска уверенно бежала впереди, указывая лучший маршрут, а красный кибер сообщил, что расстояние от точки выхода на поверхность до ожидающего корабля — два километра!

— О, боги Марса! — растерянно сказала Никки, уже умирающая от того, как колото в бок. От железно-кровавого привкуса во рту тошнило. Джерри тоже был не орёл — он сильно разбил ноги и хромал всё сильнее.

Ход суживался и съёживался, и, наконец, окончился тупиком.

Сто марсианских чертей!

Тамми сказала:

— Красный выбрался в маленькую трещину. Вам придётся пробить себе дорогу.

Джерри немедленно забрался в узкий тупик, напряг мышцы — и отвалил толстый слой наста. В отверстие хлынул свет. Они выбрались на поверхность!

Но времени — три часа пять минут.

Пробежать два километра за десять минут в скафандре не может никто, даже чемпион мира, не говоря уж о смертельно усталых подростках.

Темнело. Закатное солнце уже спряталось за дымкой у горизонта, и вокруг закружились редкие крупные хлопья углекислотного снега. Приближался буран.

В хор ругающихся голосов включился сам капитан:

— Куда вы запропастились, чёрт бы вас побрал?! Я сейчас сам спущусь в пещеру и

вытащу вас за шиворот!

— Капитан, мы не в пещере! — крикнула, хватая воспалённым ртом воздух, Никки.

— Не врите мне, леди! Вы оттуда не выходили — у дверей пещеры стоят мой помощник и ваш профессор!

— Я не вру! Отзывайте их на корабль и готовьтесь к взлёту. Мы спешим изо всех сил!

И её загнанный, задыхающийся голос был тому лучшим свидетельством.

— Ничего не понимаю! — ругался помощник. — Я лично обшарил всю пещеру!

— Капитан, вы можете послать за нами катер?

— Катера закреплены в шлюзах, выгрузка требует времени. Мы опаздываем! Где вы?!

Что за шутки!

Джерри не вмешивался в разговор, а, выхватив из кармана моток проволоки, что-то с ней быстро делал: где-то выпрямлял, где-то сгибал. Минута — и он слепил смешные проволочные санки. Никки, приводя дыхание в порядок, пыталась успокоить разъярённого капитана.

Джерри присоединил к клеммам скафандра мягкую проволоку саней — и та мгновенно затвердела. Юноша схватил с земли жёлтую крыску и насадил её на задний конец проволочного полоза санок. Красного киберка он воткнул в другой полоз.

Потом юноша взял Никки за талию и осторожно поставил девушку на редкую сетку из проволоки.

— Крыски, вперёд! — крикнул он и побежал рядом, толкая сани-самоделки и помогая киберкам набрать скорость. Потом вскочил рядом с Никки. Сани опасно закачались, но Никки ловко восстановила равновесие.

Они утвердились на проволочной платформе и помчались к кораблю!

Время — три часа десять минут!

Углекислотные хлопья медленно кружились, крупнели и лепились на стёкла шлемов.

Крыски работали вовсю, их волнистая поверхность превратилась в туманное облачко. Лёд визжал и крошился под узкими полозьями. Сани быстро набрали максимальную скорость, и Никки закричала в микрофон:

— Капитан, мы прибываем к шлюзу через три с половиной минуты! Готовьтесь к взлёту!

Сказано было так веско и уверенно, что стало даже непонятно — кто тут капитан?!

Возле корабля стояла группа из самого командира, врача, профессора Нджавы и двух вахтенных матросов. Они смотрели в сторону пещер. В каждом иллюминаторе виднелись головы школьников — все принимали самое горячее участие в розыске пропавших.

Никки сказала:

— Капитан, мы возвращаемся с противоположной стороны!

Все обернулись и ошарашенно увидели, как в полуфуте над поверхностью ледника летят к кораблю две обнявшиеся фигуры!

Платформа из тонкой проволоки была почти не видна на фоне светлого льда, и казалось, что Никки и Джерри держатся в воздухе каким-то волшебством.

В иллюминаторах студенты восторженно махали руками, широко разевали безмолвные рты. Феерическое возвращение!

Три часа четырнадцать минут!

Капитан посмотрел на приближающихся ребят и молча устремился внутрь корабля — ругаться некогда, надо готовиться к взлёту. Группа встречающих быстро растаяла, остались только всхлипывающая профессор Нджавка и вахтенный матрос, который должен был закрыть шлюз за последними пассажирами.

Никки соскочила с саней и стала успокаивать расстроенную Нджавку.

Все быстро забрались в шлюз, причём Джерри успел на ходу размягнуть проволоку саней и, пока плита шлюза плавно опускалась, смотал провод в рулончик и хозяйственно спрятал в кармашек скафандра — вместе с двумя оставшимися крысками, которые громко пищали и нагло требовали подзарядки.

Шлюзовая броня упёрлась в пол, отгородив темнеющее хмурое пространство, наполненное летящим снегом, и тут Тамми сказала:

— Синий кибер снаружи, в ста метрах. Через несколько секунд будет здесь.

Джерри устало махнул рукой: «Пусть пропадает!» — но Никки преисполнилась к крыскам такой симпатии, что завопила:

— Капитан, за бортом остался ценный экспериментальный робот! Пожалуйста, откройте на секунду шлюз!

В ответ из динамика раздалась ругань, которую не пристало слушать школьникам.

Матрос спросил неуверенно:

— Капитан, что мне делать?

— Не открывать! — раздался скрежещущий голос капитана. — Пассажиров — по каютам!

Но для Никки почему-то было очень важно не оставить трудолюбивое электронное создание умирать за бортом, в свирепом морозе наступающей марсианской ночи.

— Капитан, время тринадцать! Я не поверю, что такой опытный командир не предусмотрел запас в несколько минут! Я вас очень прошу, капитан! Клянусь печенью Прометея, робот очень ценный — может, ценнее всего вашего чёртового корабля, дьявол вас раздери!

Никки стала ругаться убедительнее капитана! Тот так удивился, что сбавил тон и сказал:

— Йохан, открой шлюз! А то ещё иск предъявят за своего драгоценного робота!

Шлюз приоткрылся, и в щель шмыгнул карандаш с синим, будто замороженным носом.

Когда матрос увидел, что это всего лишь миниробот, то тоже стал страшно ругаться:

— Будь я проклят! Как дети! В игрушки играют, не дают работать!

Но Никки, схватив робота, уже бежала в свою каюту. Джерри хромал следом. Когда молодые люди, сбросив скафандры прямо на пол, пристёгивались к креслам, стартовый минутный отсчёт уже пошёл.

Ровно в три двадцать корабль взлетел, и Никки была совершенно уверена, что это и было запланированное время старта!

Но капитан ещё долго рычал всеми динамиками разом:

— В жизни больше не соглашусь на детский рейс! Лучше возить руду и апельсины!

Потерявшуюся крыску Никки погладила как котёнка и спросила Робби:

— Как она нас нашла?

— Видимо, провалилась в расщелину, но сумела выбраться в зону радиоконтакта, получила от другого кибера координаты найденного выхода и побежала вслед.

Девушка, придавленная ускорением взлёта, положила синюю крыску на каютный столик:

— Отдыхай, потом поболтаем.

Корабль благополучно состыковался с шаттлом скорой помощи с Фобоса, принял на борт группу попутчиков — и устремился к Луне.

На ужин Никки пришла спокойная и даже слегка улыбающаяся.

— Я жду от вас объяснений! — Голос капитана был холоднее полярного ледника и грознее марсианской бури.

Вся кают-компания застыла и попряталась головами в песок. Он был мёрзлым и царапал макушки.

— Капитан Чейз, — сказала Никки, — я проголодалась как тысяча чертей. Давайте поужинаем, а за десертом я вам всё объясню. Если вы будете сердиться после моих объяснений, я буду весь обратный рейс дежурить на вашем камбузе или чистить галюны. Я их отлично чищу, уверяю вас!

И Никки с отменным аппетитом навалилась на еду, оставив капитана в полном недоумении. Всё-таки космическая Маугли была ужасно непредсказуемой девицей!

Во время ужина в кают-компании тихонько плескалась испуганная тишина. Только из-за углового стола, где сидел с приятелями старый недруг Никки — маркиз Гейлорд, доносились какие-то невнятные вскрики и взвизги. Там царила лёгкая паника: еда на блюде у маркиза своевольничала всюю! Картошка с хлопком взрывалась, разбрасывая вокруг горячие ошмётки, мясо стреляло горячим паром и оказывалось смердяще горелым внутри, горошины, как шрапнель, решетили всех вокруг. Но странно — маркиз терпел происходящее, не возмущаясь.

Даже когда лёгкий металлический стул под ним внезапно раскалился!

Маркиз взвизгнул от боли и схватился за обожжённое место — но даже тогда — вопреки обыкновению — не ругался, никому не грозил и ничего приятелям не объяснял.

— Что это с ним? — спросил потихоньку Джерри у Тамми, наблюдая приплясывание маркиза за соседним столом. Тамми объяснила:

— Наказание за гнусную шутку. В скафандре маркиза батареи ультразвукового ножа оказались разряжены. Для Робби и Никки обнаружить это — пара пустяков.

Сыто откинувшись на спинку кресла и налив себе третью чашку кофе, Никки сделала приглашающий знак Джерри. Тот, недоуменный, подошёл, а через секунду робот притащил ему стул.

— Садись, Джерри, я приглашаю тебя от имени капитана за его стол, — сказала Никки. — Ты сегодня это заслужил!

Капитан, слегка оттаявший за сытным ужином, снова посуровел. Вопиющее превышение полномочий пассажиром!

А Никки сразу взяла марсианского быка за острые рога:

— В пещере мы с Джерри забрались в один зал вне маршрута — посмотреть красивые сталактиты, а кое-кто решил пошутить и обрушил за нами снежную лавину.

— Что?! — рассвирепел капитан и бросил огненный взгляд на профессора Нджаву. — Хороши ваши студенты, профессор!

— Мы могли позвать на помощь, но вы не успели бы откопать нас вовремя. Поэтому мы стали искать выход наверх с помощью экспериментальных киберов... — и Никки выложила на стол крыску с синим носом. — Благодаря этим симпатиям и их конструктору Джерри мы успели к старту, хотя и с большим трудом!

— Принцип движения придумала Никки, — пробормотал Джерри.

— Профессор, — капитан стремительно повернулся всем корпусом к Нджаве. — Я требую немедленного расследования и наказания виновных: одни отклоняются от маршрута экскурсии, другие засыпают их лавиной. Только Плутон знает, что творится среди ваших школьников!

Кают-компания сидела безмолвная и была совершенно ни при чём.

— Тихо! — бесцеремонно сказала Никки. — Это всё ерунда. Самое интересное впереди. Вот эта крыска... — она указала на синий минисёрфер, которому надоело сидеть на одном месте, и он принялся шнырять между тарелками и чашками, исследуя самые интересные предметы, — ...провалилась в трещину на полкилометра в глубь ледника, и смотрите, что она там нашла!

И Никки нарочито медленно полезла в карман комбинезона. Все шеи в кают-компании вытянулись сначала на полметра, потом на метр, а через несколько секунд плотная толпа окружила стол капитана.

— Выключите свет! — приказала Никки. Нет, в конце концов, кто тут капитан?! Но свет погас.

Девушка достала из кармана и положила на стол стеклянный цилиндрок поменьше напёрстка.

И все хором сказали что-то вроде:

— Ухтычёртпоберикакаяштука!!!

Прозрачная капсула светилась ярким зелёным огнём. Он не был постоянным, а мерцал, закручивался в крохотные спирали, вспыхивал бело-зелёными звёздами.

— Что это? — спросил поражённый капитан.

— Капсула снаружи простерилизована роботом, и я не открывала её. Это небезопасно и для содержимого, и для нас, — сказала Никки. — Поэтому ничего не могу утверждать с полной достоверностью, но, по данным моих сенсоров, — это светящиеся микроорганизмы. Кибер провалился в подлёдное озеро, обогреваемое подземными источниками тепла. Такие водоёмы есть и под Антарктидой...

Нет, не зря профессор Тур обучала географии эту Маугли!

— ...а в подлёдной тёплой воде древняя жизнь вполне могла сохраниться. Кибер упал в такое озеро, взял пробу воды и сумел вернуться.

Все загудели и загалдели.

— Жизнь на Марсе? Живые микроорганизмы? — воскликнул корабельный врач. — Это же сенсация! Да учёные за такое открытие будут носить нас на руках вместе с кораблём, клянусь орбитой Харона!

— Хм-м... — удивлённо протянул капитан, глядя, как на его столе пульсирует и резвится живой зелёный огонёк. — Значит, я вожу не просто каботажник, а научный экспедиционный корабль? Детский научный корабль? Хм-м...

Когда свет зажёгся, капитан Чейз нашёл вокруг стола не только всех пассажиров — за исключением пары младенцев, спящих в каютах, — но и всю свою команду. С раскрытыми ртами.

Капитан нацелил строгий взгляд в вахтенного матроса Йохана и сказал ему укоризненно:

— А ты хотел такого ценного робота оставить за бортом!

Йохан только глазами захлопал, но начальству перечить не стал. Капитан же довольно погладил аккуратные усы — и не пожалел почтовой ракеты.

А про галюн и камбуз больше не вспоминал.

Крохотный кораблик полыхнул кормовой дюзой и отправился с драгоценной посылкой назад — по адресу: «МарсоИнститут, Тобеа и Нату Микишам».

— Мозолистая пятка Меркурия! — озабоченно сказала Никки. — Совсем забыла: надо было положить туда и валерьянки, а то как бы Микиши не слишком разволновались от такого подарка. Они так мечтали найти жизнь на Марсе... но только не людей.

— Переживут! — уверенно сказал Джерри. — От счастья умирают на удивление редко.

Глава 13

Цена подлости

К середине января Колледж опустел — студенты разлетелись на зимние каникулы. Школьники наслаждались отдыхом в семейном кругу, а Джерри и Никки добровольными каторжниками работали в Гринвич-Центре. У юной королевы дел было выше головы, да и Джерри, не покладая рук и головы, изучал теорию своего отца.

Утром, когда юноша уже собрался уходить на завтрак, тренькнул внешний вызов.

На экране появилась женщина — симпатичная, черноволосая, с приветливой улыбкой.

— Джеральд, я советник издательства «Мировая социология», выпустившего книгу вашего отца «Битва за историю», — сообщила брюнетка. — Рада вам сообщить, что на счету Михаэля Уолкера накопилась изрядная сумма гонораров за дополнительные тиражи книги, и мы высылаем чек вам как единственному наследнику.

— Спасибо! — обрадовался Джерри. Деньги ему никак не помешают, но главное — это *деньги отца*. Словно письмо или рукопожатие.

— Главный редактор просил меня узнать, не нужно ли вам помочь разобрать отцовский архив и его неопубликованные работы?

Джерри насторожился.

— У меня нет неопубликованных работ отца... От его научного архива ничего не осталось, когда обсерватория погибла.

Он сказал и с ужасом понял, что если его речь сейчас анализируется детектором лжи, то красного цвета не избежать!

Издательская дама не отступала:

— Джеральд, ваш отец был выдающимся учёным, и любые его заметки вызовут большой интерес у общественности. Мы были бы рады опубликовать его оставшиеся работы. Это ваш долг — максимально сохранить научное наследие отца. Любой учёный хочет, чтобы его труд не пропал зря. Вы можете посоветоваться по этому вопросу с профессором Тхимсотом — он видный социолог и может подтвердить важность работ Михаэля Уолкера.

— Обсерватория погибла, когда я был в отъезде...

— Джерри, — голос женщины становился всё мягче и всё настойчивее. — Я уполномочена обсудить крупный аванс за эксклюзивное право публикации архива вашего отца. Это большие деньги, которые помогут вам в жизни. Как наследник, вы имеете полное право на них.

Женщина ещё долго уговаривала Джерри, но тот старался отделяться неопределённым хмыканьем и междометиями.

— Извините, мне нечего больше вам сказать, — и юноша закончил опасный разговор.

После подозрительного звонка Джерри с ещё большим рвением взялся за книгу отца. Он погружался в глубины социоматематики и компьютерных миромodelей, но их сложность приводила его в отчаяние. Математический уровень книги был рассчитан на опытных профессионалов, а Джерри никак не мог найти популярного введения в социомоделирование. Возможно, через Сеть он мог бы разыскать простую компиляцию на нужную тему, но сетевую активность легко отследить. Если бы сын Михаэля Уолкера стал интересоваться социоматематикой во вполне определённой области, это могло бы кое-кого встревожить, чего допустить было нельзя.

Поэтому он решил воспользоваться библиотекой Колледжа, хранящей огромное количество старинных бумажных фолиантов и современных пластиковых книг.

В воздухе главного библиотечного зала светилося:

«Люди перестают мыслить, когда перестают читать. Дени Дидро».

Подойдя к стеллажу социоматематики, юноша растерянно обвёл глазами тысячи книг, образующих плотную и высокую стену.

— Что ищете, молодой человек?

Джерри обернулся. Перед ним стояла пожилая женщина с нимбом лёгких седых волос и приветливо улыбалась. Колледжский библиотекарь Валентина была достопримечательностью Колледжа — она официально являлась его самым долгорботающим сотрудником и даже помнила времена, когда нынешний директор Милич допоздна сидел в библиотеке, пытаясь сдать в срок очередной трудный реферат по теории групп и аффинным пространствам.

— Мне нужно что-нибудь полегче по социоматематике... — сказал с затруднением Джерри.

— Подумаем вместе, — кивнула Валентина. — Реферат по программе?

— Нет, — отрицательно кивнул Джерри. — Это вне школьного курса.

— Хм, интересно... — Валентина прищурила серые глаза. — Абстрактная общественная топология? Региональные экономические модели? Решение дифференциальных социоуравнений?

Джерри замялся. Если он сейчас скажет ей правду, а завтра кто-нибудь начнёт расспрашивать библиотекаря, какими книгами интересовался младший Уолкер?

Он посмотрел в глаза Валентине и решился.

— Обещаете никому не говорить, что я искал?

— Какая-то игра с друзьями? — подняла брови библиотекарь.

— Нет, — помотал головой Джерри. — Можете считать меня болезненно скрытным человеком, но никому говорить нельзя — даже преподавателям.

Валентина внимательно посмотрела на взволнованного юношу, пожала плечами и кивнула:

— Хорошо, обещаю.

Джерри сказал:

— Мне нужны книги по мировому социальному моделированию. Не популярные, но достаточно простые, чтобы я смог одолеть. После их чтения я должен понимать профессиональный уровень трудов по метамоделированию.

— Какой необычный заказ... простые введения в социальное метамоделирование... — Валентина медленно двинулась вдоль полок, скользя по ним цепким взглядом. Вскоре она вернулась, держа в руках тонкую белую книгу, толстую в зелёной крепкой корке и чёрно-красный том, тоже толстяк, но в мягкой обложке.

— Начнёте отсюда, — подняла она белую книжку. — В детали вникать не надо — они устарели. Разберитесь с общими принципами. Потом этот учебник, — указала она на зелёную книгу. — Самые важные для вас — первые три главы и последняя, где излагается метамоделирование на основе матриц Василия Леонтьева. В конце вам придётся одолеть сборник статей, — кивнула Валентина на том в мягкой обложке. — Сами разберётесь, что там относится к вашей задаче.

Джерри взял в руки белую нетолстую книгу в уже пожелтевшей обложке.

— Это старая, но важная монография Форрестера по математическому социомоделированию, — сказала библиотекарь.

У юноши ёкнуло сердце: он вспомнил, что такая же бумажная книга стояла в библиотеке отца в их вирджинском доме. Джерри с трепетом посмотрел на титульный лист книги и сразу закрыл её — эта точно подходит. Отцовская рекомендация.

Зелёный учебник для университетов был приемлем по стилю изложения — авторы не злоупотребляли абстрактным языком, детально комментировали все выкладки и основные идеи, и Джерри решил, что сможет разобраться.

Сборник оказался близок к уровню, на котором была написана книга отца. В статьях сложные вопросы рассматривались спорящими авторами с разных точек зрения. «Хорошо, — подумал юноша, — это всегда помогает разобраться в сути проблемы».

— Всё подходит, огромное спасибо! — с радостью сказал Джерри, поняв, что именно таких книг ему не хватало.

Валентина довольно улыбнулась.

— Не отмечайте эти книги в моём файле! — попросил юноша.

Библиотекарь, привыкшая к педантичности в обращении с книгами, в затруднении покачала головой, а потом приглашающе махнула рукой и отправилась в глубь полок.

Джерри шёл за Валентиной вдоль стеллажей с десятками тысяч томов, и вокруг него витал аромат старых книг, отзвук миллионов слов, мыслей и судеб. Ему даже послышался какой-то многоголосый ободряющий шёпот, наполняющий гулкое пространство библиотеки.

Юноша прихрамывал и еле успевал за подвижной старушкой — его правая лодыжка ещё помнила приключение в ледяной марсианской пещере и мстительно ворчала на любую повышенную скорость.

Они подошли к хромированному агрегату, и Валентина загрузила в него книги, найденные для Джерри. Аппарат загудел и замигал.

Через несколько минут юноша получил свои книги и увидел точно такие же в руках библиотекаря. Он всмотрелся внимательнее и понял, что держит в руках копии — даже с пожелтевшими пятнами на обложке одной из них, только обложки всех трёх томов стали одинаково твёрдыми.

— Теперь это ваши личные книги, — сказала библиотекарь. — И должна отметить, что вы очень таинственный молодой человек.

— Но вы выполните мою просьбу — никому не говорить? — не удержался Джерри.

Валентина обвела тонкой рукой вокруг и грустно улыбнулась:

— В окружении такого количества умных и честных книг я давно разучилась

обманывать и поступать мелко... И это очень усложняет мою жизнь, молодой человек!

У Джерри отлегло от сердца.

С книгами-помощниками работа пошла быстрее: юноша прорвался сквозь главный барьер сложности и понял основной принцип расчёта. Уолкер-старший составил систему социоуравнений, потом провёл их линеаризацию. Эта процедура превратила дифференциальные уравнения в алгебраические. Анализ чудовищной по размерам матрицы коэффициентов этих уравнений давал полную картину точек неустойчивости социосистемы и ожидаемые траектории истории.

Джерри с удивлением узнал в работе отца знакомый математический приём:

— Я применял аналогичный подход для изучения неустойчивостей колец Сатурна в курсовой на первом году Колледжа!

Но Тамми не удивилась:

— Ничего необычного — математике всё равно, что описывать: поведение снежных частиц в кольцах, поток товаров в экономике или взаимодействия людских подмножеств в социуме. Главное — суметь правильно применить эту всеильную парадигму строгости и найти уравнения, которым подчиняется система.

— Это для твоих кристаллических мозгов здесь ничего удивительного. А меня часто поражает — как математика, придуманная людьми, способна правильно описать столько разнообразных природных процессов.

— Кристаллизуй свои мозги, человек! Ты уже не обезьяна и должен учиться мыслить логически.

— Выключу! — пригрозил Джерри нахалке.

Неразгаданного в книге оставалось всё меньше и меньше.

Джерри изучил полученную отцом полную систему уравнений социодинамики человечества, её частные решения и вытекающие из них прогнозы будущего.

Очень помогла программа визуализации математических решений, которую подарила Юлия. С её помощью Джерри попадал в виртуальное пространство будущего, в котором запретные области высились заоблачными пиками, а оптимальные социорешения выглядели долинами или пологими перевалами.

Джерри часами бродил по горным хребтам и ущельям ожидаемого будущего; когда он останавливался возле особенно крутой стенки или развилки долин, то программа послушно объясняла, с какими особенностями исходных уравнений они связаны.

Самая длинная и крутая стена отражала лимитированность природных ресурсов, и вокруг неё нужно было искать обход. Одна из магистральных развилок будущего соответствовала выбору стратегии освоения космоса — левый каньон вёл в мир, где космические посёлки росли и становились независимыми анклавами цивилизации. Более мелкий правый рукав долины приводил к будущему, где космические базы полностью подчинялись задаче снабжения Земли ресурсами. Рано или поздно правая долина понижалась и упиралась в тупиковую яму, зажатую со всех сторон барьером перенаселённости планеты. Впрочем, выход из него был — в виде узкой мрачной расщелины глобального экологического кризиса, от которого вымирало большинство землян.

— Тамми, я думаю, что для точности предсказаний будущего должны меняться не только коэффициенты, но и сам вид социоуравнений. Те уравнения, которые отец обсуждал в книге, были оптимальны несколько лет назад. Сейчас их нужно подкорректировать, например, с учётом появления новой династии Гринвич со своими политическими интересами. Старые формулы дадут лишь приближённое решение.

— Согласна, Джерри. Эти уравнения нужно находить заново для каждой точки истории со своим раскладом социальных сил.

— Но как получить улучшенные формулы? В книге про это ничего не написано. Неужели отец нигде не изложил методику вывода социоуравнений?

Тамми прокопала весь кристалл, нашла и с торжеством преподнесла Джерри

засекреченный файл.

— Что за файл? — не понял Джерри.

— Не знаю, — бодро ответила Тамми, — он же зашифрованный, и я никак не могу подобрать к нему ключ. Судя по уровню защиты, там должно быть что-то очень важное — похоже, именно отсутствующая в книге часть. Подумай, что мог твой отец выбрать в качестве ключа? Это может быть текст, звуковая дорожка или изображение.

Джерри сразу вспомнил медальон.

И вот на экране замахала рукой красивая стройная женщина:

— Майк, ты меня слышишь?

Она засмеялась и сказала:

— Веди себя хорошо и поскорее возвращайся назад, мне очень одиноко без тебя!

Джерри чуть не закричал от тоски, глядя на лицо матери. Тамми хладнокровно стала анализировать отдельные кадры записи, используя их как ключ.

Через час Тамми объявила и без того грустному юноше:

— Не получается: ни один кадр не подходит.

Джерри расстроился ещё больше — он был уверен, что изображение на медальоне сработает. И вспомнил: у отца, который был неплохим фотохудожником, над столом висел ряд фотографий матери. Каждое изображение немного отличалось от предыдущего, и в сумме они давали ощущение живого движения.

— Попробуй в качестве ключа не отдельные кадры, а весь видеоряд, — сказал юноша. — И звуковую дорожку тоже.

Проверка заняла заметно больше времени, но его течения Джерри не заметил, погружённый в радостно-печальные воспоминания о детстве, когда он жил с родителями в небольшом лесном доме и весь мир состоял из удивительных открытий: стоило выйти за порог, как навстречу выпархивала сойка с крыльями, отороченными свежей голубизной; приветственно взмахивала красная ветка клёна; величественный ястреб ронял с высоты пёстро-коричневое футовое перо; паук хвастался геометрическим совершенством паутины; олень щедро дарил ветвистый рог, а крупный, длиной в ладонь, зелёный богомол позволял рассмотреть свои зубастые лапы-ножницы.

Тамми прервала поток воспоминаний. Идея Джерри сработала.

Тайник открылся, и даже из беглого просмотра стало понятно — в файле содержится аккуратно изложенная методика получения оптимальных уравнений социопрогноза для любого момента истории человечества.

Взволнованный Джерри хотел позвонить Никки, но решил, что это не т-фонный разговор, и отправился к ней сам.

Он нашёл Никки в её комнате, за рабочим столом. Лицо девушки было бледным и усталым.

— У нас есть все нужные уравнения для расчёта будущего, — сообщил юноша. — Дел осталось ещё много, но главное мы с Тамми уже раскопали.

Обрадованная Никки крепко обняла Джерри. Так обнимаются не влюблённые молодые люди, а счастливые альпинисты, добравшиеся до трудной вершины.

Девушка посмотрела на друга сияющими глазами.

— Сейчас мы взнуздаем историю и пришпорим её! — сказала она. — Хватит ей шарахаться в подлых и неумелых руках. Она полетит у нас как птица!

Джерри улыбнулся в ответ, но через мгновение снова посерьёзnel.

— Ты должна прочитать кое-что. Это было в том же зашифрованном блоке.

Он положил кубик памяти на ввод монитора, и на нём появилось:

Эта история не должна умереть вместе со мной.

Она началась более двадцати лет назад. Я ещё не закончил университет, но мне уже предложили отличную работу в Дарнеги-центре, который занимался математической демографией и социологией и финансировался фондом какого-то мецената. Не работа, а мечта — интересные фундаментальные темы, никакого

преподавания или прикладных исследований.

— Что это? — спросила Никки.

— Незаконченное письмо отца ко мне, — тихо сказал Джерри.

Группа Дарнеги-центра разработала уникальную модель социопрогнозирования, которая заглядывала в будущее примерно на тридцать лет, после чего теряла надёжность.

Я взялся за проблему — как на основании этой модели вычислить технологии, важные для будущего. Речь шла не только о реализованных технологиях, но и о потенциальных, идеи которых были лишь опубликованы в статье или патенте.

Увлекательная задача — указать на малоизвестные, но ценные идеи, которые нуждаются в поддержке. Учёные получили бы надёжный способ определения перспективности своих работ.

Я разрабатывал программу оценки перспективных технологий шесть лет. Ещё два года самый мощный компьютер Дарнеги-центра анализировал всемирный банк данных научных и технических публикаций. К сожалению, удалось сделать немного — краткосрочная и неточная модель социопрогноза накладывала слишком сильные ограничения. Предсказание могло охватить не более 70 % технологий 3-го уровня. Но всё-таки удалось составить список восьмидесяти восьми технологий, которые я назвал бифуркационными. Программа определила не только технологии, но и — в случае уже опубликованных работ — людей, которые являлись ключевыми фигурами для данных открытий.

Никки ахнула и посмотрела на Джерри. Тот стоял и, хмурясь, читал письмо отца.

В это время Дарнеги-центр перешёл под управление корпорации «ЗороастрИнк» — попросту был ею куплен. Мне это не казалось существенным — я был учёным, и организационные дела института меня не интересовали.

Но «ЗороастрИнк» стала активно вмешиваться в дела центра: часть проектов была закрыта, а ряд программ, наоборот, получил дополнительное финансирование.

Моя тема была одобрена. Более того, список-88 вызвал бурную реакцию среди руководства «ЗороастрИнк» и был засекречен — вопреки моему мнению. Оказалось, что, согласно закону и условиям продажи Дарнеги-центра, все результаты, полученные в центре, являются собственностью «ЗороастрИнк».

Мне предложили заняться улучшением списка-88. Но я уклонился, объяснив, что серьёзное усовершенствование списка бифуркационных технологий невозможно без кардинального улучшения модели социопрогноза. Мне разрешили работать над этой сложной и малообещающей — именно из-за своей сложности — задачей. Я был доволен, что ушёл от закрытой и ставшей прикладной темы в фундаментальную и незасекреченную — потому что до практических результатов было ещё очень далеко.

Я разрабатывал матаппарат социомоделирования десять лет — и доказал, что существующий прогноз можно сделать математически более совершенным. Эти изящные результаты составили книгу «Битва за историю», которая получила некоторую известность в кругах специалистов. Конечно, эту работу я собирался продолжить и в будущем.

Но произошли важные события, которые мне помешали.

Приятель, который продолжал заниматься улучшением списка-88, по секрету сообщил мне поразительную новость. Его группа всё время отслеживала новые идеи и технологии, и хотя общее число бифуркационных технологий не изменялось, но различные позиции в нём перемещались и даже заменялись на новые. В последней версии списка-88 фигурировало и моё имя — явно из-за моих результатов в области математического социомоделирования. Друг предупредил,

что из-за попадания в новый список я стану объектом повышенного интереса со стороны руководства «ЗороастрИнк».

Так и произошло: мне предложили возглавить секретный проект по созданию социомодели нового поколения. Величина обещанной зарплаты настораживала.

Я тянул с ответом — мне не нравились порядки в «ЗороастрИнк». Хотя я привык к Дарнеги-центру, но у меня возникла мысль о переходе в другой институт. Я взял длительный отпуск и стал работать над базисными уравнениями социоэволюции дома, тем самым делая их своей интеллектуальной собственностью.

Одновременно мне захотелось поближе узнать людей, которые попали в список-88. Лишь два человека добавились в него за последние годы — я и геолог из МарсоИнститута. Я задался вопросом: почему из списка-88 выбыли люди, чьё место заняли двое новичков? И я с ужасом обнаружил, что оба выбывших из списка были убиты. Их смерти порознь можно было бы счесть случайными, если бы не список-88, объединивший их. Я порылся в информационных сетях — и обнаружил, что гибель этих людей была неслучайной с довольно высокой вероятностью. Для полиции это не было уликой, но для меня стало серьёзным подозрением, что список-88 несёт повышенную опасность для тех, кто в него попал.

— О каких людях он говорит? — спросила Никки.

— О Бенджамене Ферри, создателе универсальной вакцины — она так и не была разработана, — и Джеймсе Сороше, компьютерном гении, который развивал новые принципы работы киберинтеллекта. Я не могу уверенно сказать, из-за какой конкретно работы он попал в список. Но понятно, почему он был убит — он был слишком независим, чтобы работать на любого босса. За последующие три года были убиты ещё пятеро из списка-88... включая моего отца и Юра Торага...

Я решил уйти из «ЗороастрИнк». Меня уговаривали остаться — причём делали это с таким напором, что моё желание покинуть центр лишь окрепло. Ряд университетов и компаний уже пригласили меня на работу, и я покинул Дарнеги-центр, где проработал восемнадцать лет. Через неделю на мой автомобиль налетел кибергрузовик, потерявший управление. Натали погибла, я получил множественные переломы, но выжил.

Никки перевела расширенные глаза на друга. Он не отрывал взгляда от экрана, и в его глазах горел мрачный огонь.

Выбравшись из больницы и убедившись в неспособности полиции раскрыть убийство Натали, я немедленно улетел на Луну — на самую глухую обсерваторию, объявив о прекращении занятий социологией. Вопрос о продолжении научной работы не стоял, мне нужно было спасти сына.

На Луне я продолжал работу — в полной тайне и в отрыве от коллег. Мне удалось создать совершенно новую математическую модель социопрогнозирования. По моим оценкам, такая модель позволит заглянуть в будущее на сто пятьдесят лет и составить список около трёхсот наиболее важных технологий, включая практически все идеи 4-го уровня.

Но на обсерватории, без мощного компьютера, я не могу создать работающую социомодель. И самое главное: мир разделён на два конкурирующих аттрактора цивилизационного влияния. Если любой из этих центров заполучит методику управления будущим, то он захочет изменить его в свою пользу, что приведёт к монополии на власть и мировой диктатуре.

Поэтому моя новая книга остаётся в секрете. Мне дорого обошлось нежелание делиться полученными результатами. Как быстро другие исследователи получают мировые социоуравнения независимо от меня? Не знаю. Уничтожить свою

работу я тоже не вправе — тогда может исчезнуть тот малый шанс на спасение человечества, который заключается в том, что третья, более объективная сила возьмёт мою методику в руки и сумеет реализовать будущее, благоприятное для всех людей.

Откуда возьмётся эта третья сила? Как она сумеет ужиться с двумя уже имеющимися полюсами политической силы?

Я не знаю.

Сумеет ли она найти «решение положительного будущего»? Сумеет ли создать условия, необходимые для спасения нашего мира?

Я не знаю.

Эти мысли гнетут меня постоянно. В доме мудрого много печали.

Мы подошли вплотную к критической точке, за которой простирается море глобальных кризисов и чёрной ненависти. Мои уравнения — лишь проект тонкого моста над бездной. Кто-то должен построить его. Кто? Как?

Не знаю. Не знаю.

Среди возможных будущих дорог все идут вниз — в пропасть — и лишь одна карабкается вверх.

Эта узкая дорога — единственная наша надежда.

На этом файл заканчивался.

— Сто пятьдесят лет и триста технологий! — воскликнула Никки. — Твой отец просто гений. Не зря он попал в список-88.

— Ты понимаешь, что означает это письмо? — спросил угрюмый Джерри. — Именно отец составил список-88, который погубил его самого и маму, а также других людей, включая Юра Торага, марсианского геолога. И твоих родителей тоже...

Никки нахмурилась и сказала:

— Я не считаю, что твой отец несёт ответственность за эти смерти. Список можно было использовать во благо, а можно было — во зло. Только на «ЗороастрИнк», а вернее, на её тайном владельце, лежит ответственность за гибель и наших родителей, и остальных учёных...

— Но если бы не этот проклятый список, мои и твои родители были бы живы...

— Ты не должен так думать, Джерри...

Юноша вздохнул:

— Знаешь, кто является третьей силой, о которой думал отец?

— Нет.

— Ты.

— Глупости.

— Не трус, тебе всё равно деваться некуда. — Джерри продолжал хмуриться.

— Не верю. В любом случае — не «я», а «мы»... — И Никки тоже нахмурилась.

Между нами говоря, ничего хорошего в том, чтобы быть мировой силой, нет.

Среди содержимого кристалла, найденного в медальоне, оказались семейные фотографии, деловые письма, а также наброски работ, которые когда-то отец Джерри планировал завершить и опубликовать, но, когда со смертью жены размеренная жизнь учёного рухнула, эти мысли так и остались в виде кусочков. Юноша внимательно и взволнованно перебирал всё, что когда-то принадлежало отцу, а теперь оказалось, как это ни больно осознавать, исключительно в Джерриной собственности и ответственности.

Один из отцовских файлов особенно заинтересовал юношу. Там отец вёл хронику текущей работы. Он внимательно следил за мировыми событиями, надиктовывал компьютеру соображения, приходящие в голову, упоминал свои наблюдения в полярной обсерватории.

Джерри долго брёл по скупому дневнику отцовской жизни, редко оживлявшейся звонками друзей и прилётами почтовой ракеты.

В конце файла обнаружилась запись видеозвонка... от профессора Тхимсота! Всего за

три месяца до гибели обсерватории.

Оказывается, отец и Тхимсот действительно хорошо знали друг друга и даже работали вместе в Дарнеги-центре.

Позвонив, Тхимсот разлился соловьём о том, как он рад видеть старого друга, который стал отшельником и не звонит коллегам-социоматематикам.

— Я уже не занимаюсь социоматематикой, — сказал прохладно отец.

— Зато она продолжает заниматься мной! Я не могу с ней так легко расстаться, она всё ещё меня кормит, — сказал со смешком Тхимсот. — Мне позарез нужна твоя консультация. Вопрос жизни и смерти! Помоги, пожалуйста.

Отец пожал плечами:

— Какой от меня прок? Я давно не слежу за научными новостями...

— Ну-ну, не скромничай, — засмеялся Тхимсот и блеснул очками со спрятанными за ними глазами неуловимого цвета. Он заговорил с отцом о своём последнем проекте, о тех трудностях, которые они испытывают при составлении и решении социоуравнений для хаотических общественных систем.

Отец слушал заинтересованно, хотя комментировал кратко. Но постепенно он увлёкся, и разговор принял более оживлённый характер. Отец был учёным, которому не давали заниматься делом его жизни, любимой научной темой, — как тут удержаться и не разговориться с давним соавтором и коллегой, вывалившим ворох последних новостей?

Они дружески болтали больше часа. Джерри заметил, что, начав с одного проекта, Тхимсот затронул ещё несколько научных проблем, интересуясь, что отец думает про этот странный аттрактор в пространстве социального статуса... а вот здесь обнаружился совершенно загадочный субгармонический каскад в последствиях экономического роста...

Внимательно следящему за разговором Джерри показалось, что Тхимсота волнуют не столько обсуждаемые темы, сколько отцовские комментарии к ним.

Разговор закончился тем, что отец сказал:

— Извини, мне нужно накормить сына обедом.

— Да-да, конечно, — спохватился Тхимсот. — Прости, что отнял у тебя так много времени... Слушай, ты мне здорово помог! Я у тебя в долгу и готов заплатить тебе за консультацию — у меня есть грант по этой теме.

— Нет, — категорично сказал отец. — Я не занимаюсь социоматематикой, и никаких денег за неё мне не нужно.

И разговор закончился. У Джерри мелькнула грустная мысль: «Я многое бы отдал, чтобы ещё раз попасть на *тот* обед с отцом...»

Юноша перевёл дух и спросил Тамми:

— Что ты думаешь?

Звонкий девчоночий голос сказал:

— Тхимсот — тёмный тип, явно себе на уме. Профессор не врал напрямую, но его занимало в разговоре что-то ещё, кроме научной консультации. Возможно, он интересовался вовлечением Михаэля Уолкера в свой проект и зондировал — готов ли твой отец вернуться в науку.

— Тогда нам нужно откровенно поговорить с профессором Тхимсотом! — решительно сказал Джерри. — А пока копнём его поглубже...

Юноша зашёл в Сеть, вызвал на экран биографию Тхимсота — и сразу наткнулся на строчку в резюме преподавателя: ещё совсем недавно профессор работал в корпорации... «ЗороастрИнк»! И до сих пор остаётся её консультантом.

А именно «ЗороастрИнк» имеет прямое отношение к смерти родителей!

Джерри вскочил на ноги и нервно зашагал по комнате.

Тамми порылась по тайным углам Инета и заявила, что корпорация «ЗороастрИнк» — замаскированная собственность династии Дитбитов.

Кусочки головоломки стали складываться в одну картину.

— Как ты узнала про принадлежность «ЗороастрИнк»? Робби не мог найти её хозяев.

— Он слишком старомоден в способах добычи информации, — сказал девчоночий голос. — А я постоянно вращаюсь в Сетевом обществе секретарш и референтов. Жуткие болтуны. Кладёшь полезной информации.

— Твои сетевые собеседники знают, что ты — кибер?

— Нет, конечно. Я выдаю себя за секретаршу некоего могущественного принца. Я не уточняю деталей, чтобы не ограничивать фантазию собеседника. Вы, люди, как дети — так радостно заблуждаетесь.

— Хм... Секретарша принца? Интересная у тебя, должно быть, работа.

Разговор с профессором Тхимсотом произошёл не в аудитории или коридоре Колледжа. Джерри позвонил профессору из кабинета Никки в Гринвич-Центре, и все аналитические киберсистемы были настроены заранее.

— Профессор, я хочу поговорить с вами, — сказал Джерри.

— Слушаю вас, Джеральд, — вежливо ответил профессор Тхимсот, сидящий в своём колледжском кабинете. По стенам были развешены цветные плакаты с многомерными поверхностями, в которых Джерри узнал решения базисных социоуравнений.

— Вы говорили, что хорошо знали моего отца — Михаэля Уолкера?

— Да, — наклонил голову Тхимсот, — мы были даже соавторами в двух статьях. Это был великий учёный, и я скорблю вместе с вами о его безвременной кончине...

Сигналы правдивости на пульте экспресс-анализатора горели зелёным, но в конце странно мигнули.

— Когда в последний раз вы видели отца или разговаривали с ним? — спросил Джерри, и суровые интонации его вопроса явно вышли за рамки беседы студента с профессором.

Тхимсот это почувствовал, напрягся, но ответил:

— Я звонил ему за несколько месяцев до того ужасного случая, и он мне помог разобраться в паре сложных вопросов...

Зелёные огоньки затрепетали заметно сильнее и отдали желтизной.

— У вас не сохранилась запись той беседы?

Тхимсот с облегчением перевёл дух и сказал:

— Нет, не сохранилась.

Анализаторы вспыхнули красным. Враньё!

Глаза Джерри ответно загорелись гневом, и юноша прямо спросил:

— Вы докладывали руководству «ЗороастрИнк» о разговоре с моим отцом? И что он не прекратил занятий социомоделированием?

Профессор окаменел. Он собирался с мыслями заметно дольше, чем того требовали обычные обстоятельства, но не нашёл ничего лучшего, как дрожащим голосом произнести:

— Что вы такое говорите, мой мальчик? Я никому ничего не докладывал!

Красные огни.

Джерри побледнел. Его кулаки были сжаты до синевы, и он сдерживался из последних сил.

— Вы понимаете, что ваш шпионский доклад привёл к смерти отца?

Социолог хватал ртом воздух и не мог вымолвить ни слова.

— На ваших руках кровь моего отца... Мама, наверное, тоже жертва вашей подлости...

Тхимсот так испугался выражения лица юноши, что обрёл голос и заверещал:

— Я ничего не знал, я никого не убивал, я просто учёный!

— Не смейте поганить это слово! — рявкнул Джерри. — Учёный — человек чести. После первой сделки с совестью вы должны перестать называть себя учёным.

— Вы ошибаетесь! Неправильно интерпретируете!

— И вы осмелились выражать скорбь... — брезгливо сказал юноша. — Подлец! Как соучастник убийства, вы заслуживаете наивысшего наказания. Я вывешиваю в Сети анонимный миллионный контракт на вашу жизнь. Тамми, как долго живёт субъект такого

контракта?

— Специфическая область знаний. Дайте проверить... Не больше трёх недель.

— Никки, одолжишь мне миллион? — обратился Джерри к Никки, невидимой для Тхимсота.

— Конечно, одолжу — для справедливого дела не жалко...

— Нет! Не делайте этого! — завопил профессор. — Я скажу всю правду! Да, мне велели поговорить с вашим отцом, но я думал, что его хотят пригласить на работу! Я не знал, что его убьют! После этого случая я ушёл из корпорации!

— И остались её консультантом, — сказал Джерри.

— Я вас уверяю, что в момент разговора с вашим отцом я не знал, что это приведёт к таким ужасным последствиям!

Слабые мерцающие зелёные огни.

— Но потом вы обо всём догадались — почему не заявили в полицию? Почему не рассказали мне за полгода пребывания в Колледже? Может, вы и сейчас шпионите по указке своих хозяев — только уже за мной? Разнюхиваете — не осталось ли чего у меня? Теперь вы заплатите за всё сразу.

Профессор совсем потерял лицо:

— Не нужно меня убивать! Я боялся, очень боялся!

Чистая зелёная правда.

Джерри презрительно прищурился:

— Вы должны немедленно покинуть Колледж, вы недостойны учить нас чему-либо... Я изменю решение о контракте, если до девяти утра получу исчерпывающий меморандум о вашей работе в «ЗороастрИнк» и известие о вашем отъезде. Хитрить в меморандуме не стоит — сейчас вы рискуете гораздо большим, чем потерей работы. Понятно?!

И Джерри отключил экран, не дожидаясь ответа.

Никки смотрела на него во все глаза.

— Я тебя таким ещё не видела. Ты бы это сделал?

Юноша, унимая свирепое сердцебиение, глухо проворчал:

— Нет. Я же не убийца... но Тхимсот этого не знает. Он вполне созрел быть убийцей и подсознательно ждёт этого от остальных. Убивать его бессмысленно — он уже проклят.

Никки согласно кивнула.

Человеческое проклятье — страшная штука. Над проклятым собирается чёрное облако презрения и ненависти. Оно разъедает сердце и мозг, превращая человека в отвратительного бездушного карлика.

Джерри с Никки спустились в парк Шрёдингера, к фонтану — отдышаться свежим воздухом после общения с проклятым Тхимсотом, который когда-то был учёным, а теперь стал зловонной тенью бывшего себя.

Фонтан был скуп и сеял медленную радужную пыль. Но воздух возле него был свеж и охлаждал разгорячённое дыхание.

Никки задумчиво смотрела на лужи на мокрых плитах фонтана. По поверхности воды бегали упавшие капли, не желающие сливаться с общей массой и пытающиеся продлить своё существование ещё на мгновение.

Цепь драматических загадочных событий последних двадцати лет полностью осветилась перед мысленным взором астровитянки.

Тайна нападения на «Стрейнджер» была окончательно раскрыта.

Отец Джерри создал список из 88 технологий будущего. Владелец Дарнеги-центра, король Дитбит, засекретил список-88 и использовал его для укрепления своего положения среди Южных.

Геолог Тораг не согласился на союз с Южными — и пропал в поясе астероидов. Айван Гринвич стал расследовать исчезновение друга с помощью Робби, который нашёл свидетельства убийства Торага. Южные перехватили сообщение и организовали отправку Робби на «Стрейнджере».

Крейсер Южных напал на фрегат. Никки осталась одна на разбитом корабле.

Через несколько лет сам отец Джерри, разработавший прогностическую социологию, попал в новый вариант списка-88, но отказался от сотрудничества с «ЗороастрИнк». Автоматический грузовик налетел на машину Уолкерсов. Выживший Михаэль забрал сына и перебрался в удалённую обсерваторию, публично заявив о выходе из социологических исследований.

Но через три года обсерватория была уничтожена. Джерри поместили в Лунный госпиталь.

Два месяца спустя выросшую космическую Маугли тоже привезли в госпиталь.

Теперь причины гибели их родителей стали известны. Как и имя преступника.

Но как победить императора, который опирается на мощь половины династий?

Это вопрос не мести, а справедливости. У людей, полагающих, что они имеют право повелевать чужой жизнью и смертью, нужно вырывать ядовитое жало.

— Отец, я хотел бы поговорить с тобой об этой... королеве Гринвич...

— Всё в порядке, сынок, мои эксперты уже построили ситуационную модель и разработали неплохой план нейтрализации этой девицы. Скоро он вступит в действие.

— Я очень рад, что мы собьём спесь с этой простолюдинки, но я хотел бы тебя попросить о...

Младший Дитбит замялся.

Старший удивлённо поднял брови, наблюдая необычное поведение сына.

— О чём же?

— Отец, я не хочу, чтобы кто-нибудь пытался её убить, как это было раньше... Разорить... или ещё что, но не убивать...

— Да что с тобой сегодня, сынок? — не ответив на слова сына, прищурился король Дитбит. — Ты на себя не похож!

Дитбит-младший набрал в грудь воздуха и выпалил:

— Отец, я долго думал над этим и полагаю, что уничтожить противника нужно как противника, а не как человека...

— Нет человека — нет и противника!

— Её надо обыграть экономически... или политически, только тогда эта победа будет полной... Смерть не решит проблемы...

— Хо-хо, — засмеялся недобро король. — Ты даже не представляешь, сынок, как легко смерть решает многие проблемы. Это могущественный союзник, и отказываться от его помощи было бы глупо!

— Отец, я прошу тебя! — взмолился младший Дитбит. — Разве моя просьба ничего не значит для тебя?

— И твои просьбы мне важны, и ты сам значишь для меня очень много. — Король Дитбит обнял сына за плечи. — Но этот вопрос слишком сложен и важен, чтобы принимать во внимание твой легкомысленный настрой. Поверь мне: королеве Гринвич уделяется именно то внимание, которого она заслуживает, и оставим эту тему в покое!

— Отец... — что-то ещё пытался сказать расстроенный юноша.

— Я же сказал — оставим эту тему в покое! — В голосе короля прорезались рычание нотки.

Наступил февраль, и наступили занятия. Первоцветы проклюнулись на теплеющих прогалинах парка, а студенты, охваченные послеканикулярной тоской, уткнулись в книги и экраны.

Войдя утром в кафе, Никки заметила, что на столах лежат какие-то жёлтые листки. Все студенты их читали, а многие, оторвавшись от чтения, внимательно и без улыбки таращились на проходящую мимо девушку.

На Никкином столе это жёлтое тоже лежало. Она взяла в руки плотный лист. Сидящие

за столом друзья со смущёнными лицами следили за девушкой.

«Голые короли». Журналистское расследование «Правдивого корреспондента».

Короли защищены золотым забором и армией адвокатов и высокомерно думают, что они выше закона и критики. Но голос свободной прессы не заткнуть! Мы решили опубликовать правду о свежееиспечённой королеве Николь Гринвич и о теневых сторонах её жизни, тщательно скрывааемых от общественности. Читатели должны узнать, что эта новая королева — та ещё штучка!

Никки Гринвич сеет вокруг себя смерть и разрушения. Она нанесла Лунному госпиталю ущерб на миллионы золотых долларов, уничтожив целый склад ценного медицинского оборудования для лечения детей, но сумела ловко свалить ответственность на начальника охраны госпиталя, который находился в тот момент на другом этаже здания в присутствии пяти свидетелей. Будучи чувствительным и душевно ранимым человеком, начальник охраны не выдержал столь наглых обвинений и покончил с собой.

Из-за королевы Гринвич погиб работник службы коммуникаций из Шрёдингера. Редакция выяснила, что ремонтник пешком обследовал состояние подземных кабелей в тоннеле, где в это время мисс Гринвич мчалась на автомобиле. Мы все знаем, на каких скоростях гоняет распущенная золотая молодёжь! Но королева Гринвич даже штрафа не заплатила за этот трагический инцидент.

В Колледже мисс Гринвич варварски искорёжила двух дорогостоящих спортивных роботов. Томас Финн, ухаживающий за киберживотными, не мог сдержать слёз, когда рассказывал нашему корреспонденту о зверстве, с каким Никки Гринвич изуродовала его подопечных: «У Заврика были выколоты глаза и отрублена лапка!.. У моего любимца, красавца Дракоши, ходовая часть разбита... лонжероны согнуты, а нервы разорваны... все электроцепи сожжены и расплавлены!» Томас, горько всхлипывая, сообщил журналисту, что оба его питомца получили невосстановимые повреждения и были похоронены на Лунной свалке робосуществ. Какой вандализм, какая нечеловеческая жестокость к нашим меньшим кибербратьям!

Королева не жалеет даже своих друзей — все видели, как в ходе Лунной регаты мисс Гринвич подвергла студентов Колледжа и других болельщиков серьёзнейшей опасности, направив корабль в пике на трибуны, полные зрителей. Ради болезненной страсти к славе королева Никки смело рискует чужими жизнями! Эксперты полагают, что за бесчеловечные поступки Никки Гринвич отвечает её компьютер. Это уже не девушка, а опасный зомби, управляемый электронным мозгом.

Сколько ещё Попечительский совет Колледжа будет терпеть этого дикого монстра среди наших детей? Почему безмолвствует закон?

Листок украшала фотография: Никки со свирепым лицом. Вылитый монстр.

Джерри, глядя на фото, воскликнул:

— Какие мерзавцы!

И тут Никки громко захохотала.

Все студенты в кафе с недоумением обернулись. А девушка от смеха упала в кресло и выронила жёлтый листок.

Даже хмурая Дзинтара заулыбалась.

— Ты чего смеёшься, когда другие обычно плачут?! — удивился Джерри.

— Вспомнила чувствительного охранника госпиталя... — еле выговорила Никки.

— Ну... в определённой душевной ранимости ему не откажешь... — и Джерри почесал бровь со шрамом.

Никки ткнула в фотографию на листке:

— Робби, увеличь, пожалуйста. Повешу на дверь, чтобы все знали, где живёт девочка-монстр.

Дзинтара сказала:

— Такие агрессивные нападки означают, что ты здорово кого-то напугала! Тебя пытаются дискредитировать, потому что боятся.

«Судя по листку, на меня собрано превосходное досье, — подумала девушка, — и из него торчат волосатые уши доктора Фростмана...» Когда это имя всплывало, Никки всегда становилось не по себе. Доктор больше не пробовал вызывать Никки, но часто беседовал со студентами, которые могли что-нибудь рассказать о королеве.

На «Правдивого корреспондента» даже Голос Пространства откликнулся — но лишь двумя противоречивыми строками:

«Так вот вы какие злобные, короли!

Я не верю, что ты такой бессердечный монстр!»

И больше не захотел ничего добавлять.

Никки снова в который раз подумала: кто пишет эти странные — то добрые, то суровые — письма-советы? Разумное существо, но не человек и не компьютер? Загадка. Может, собственная совесть нашла выход в киберпространство? В своё время девушка подозревала последовательно всех своих друзей, но сейчас уже и не знала, на кого подумать.

— Робби, тебе не кажется, что наш Голос Пространства слегка шизофреник и страдает расщеплением сознания? Он то любит меня, то ненавидит... то подозрителен, то добродушен.

— Согласен, — сказал Робби. — Метко подмечено.

— И как же мы можем доверять советам таинственного шизофреника?

Робби ответил не менее таинственно:

— В данном случае интегральная виртуальная шизофрения сочетается с дифференциальной адекватностью де-факто.

Никки попыталась осознать сказанное, но тут в дверь постучали...

Сразу после зимних каникул Никки пригласила друзей в Шрёдингер, в новую штаб-квартиру Гринвич-Центра. За столом в тисовом кабинете собрались, кроме самой Никки, ещё трое: Хао, Дзинтара и Джерри — все обладатели платино-иридиевых кристаллов-ключей, подаренных им Никки на прошлое Рождество.

Оказывается, Никки решила превратить тайное «Общество Рождественского Ключа» в явный Совет директоров Гринвич-Центра. О чём она немедленно и объявила, предложив Дзинтаре курировать биологические проекты, Хао — возглавить математический отдел, а Джерри — кибернетический.

Дзинтара смущённо сказала:

— Я не могу входить в деловые сообщества или политические организации без согласия моего отца.

Никки понимающе посмотрела на принцессу:

— Попробуем это уладить. Наша работа важна для всех земель, включая Северные династии, так что король Шихин не должен возражать против твоего участия в Совете.

Хао с иронией сказал:

— Неужели мы тут будем решать судьбы нашего мира?

— Да! — невозмутимо кивнула Никки. — А ты хочешь, чтобы их за нас решал кто-то другой?

Джерри задумчиво спросил:

— Как же мы будем влиять на мировые события?

Никки улыбнулась:

— Именно этот вопрос я предлагаю сегодня обсудить.

Юноша напомнил:

— Ты как-то сказала, что будущее никому не нужно. Но посмотри — сколько могучих сил воюют за него, пытаясь его изменить.

Никки ответила:

— Их интересуют будущие деньги, а не само будущее. Они пытаются склонить историю в свою пользу, нарезать общую судьбу золотыми кружочками в личный кошелек. Мы же собираемся изменить историю в пользу всех — поэтому, несмотря на мощь наших врагов, у нас есть шанс на победу.

Она оценивающе посмотрела на Хао и Дзинтару.

— Джерри разрешил мне сказать вам об этом, но учтите — то, что вы услышите сейчас, должно остаться строго между нами. За эту информацию уже заплачено жизнью Джерриных родителей. Любая утечка — и жизнь самого Джерри в опасности. Запись этого совещания и всё, относящееся к теме «Будущее как оружие», будет открываться только вашими кристаллами-ключами.

Никки положила свой блестящий кристалл на матовый чёрный круг в середине стола. Красные лучи просканировали его, и голос Робби сказал:

— Подтверждаю высший уровень секретности для темы «Будущее как оружие».

Хао нахмурился, а Дзинтара удивлённо подняла брови. Никки сделала глубокий вдох и сказала:

— Джерри нашёл неопубликованный труд своего отца, где описаны уравнения и алгоритмы расчёта будущего. Это даёт нам важное преимущество перед другими политическими силами.

— Джерри, твой отец всё-таки написал эту легендарную книгу... — поразился Хао.

— О какой книге речь? — заинтересованно спросила Дзинтара.

— О книге Михаэля Уолкера «Будущее как оружие», — пояснил Хао. — Она должна была стать сенсацией, но, как полагали, погибла.

— Хао, помоги Джерри разобраться в уравнениях, — попросила Никки. — Книга не закончена, и многое там изложено слишком кратко.

— Конечно, — кивнул Хао. — Полагаю, что математический аппарат нужно сразу превращать в компьютерную прогностическую модель. Робби и Тамми с этим должны справиться.

Никки продолжила:

— Итак, у нас есть способ расчёта будущего, деньги от Спейс Сервис и тесные связи с Северными династиями...

— Какие? — удивилась Дзинтара.

— Ты, — кратко сказала Никки. — Если мыслить в категориях механики — то у нас есть рычаг и знание, куда его нужно повернуть, но нам нужно найти, чем надавить на этот рычаг. Я над этим работаю. Помните секретный список перспективных технологий, о котором говорили на лекции по социологии? Джерри нашёл и этот список — он был составлен именно Михаэлем Уолкером!

Дзинтара и Хао не сдержали удивлённых восклицаний. Джерри уточнил:

— Список содержит 88 технологий и перечисляет людей, которые за них отвечают. Он был составлен на основе упрощённой модели будущего, делающей предсказания лишь на тридцать лет вперёд. Тем не менее, список-88 служит Южным династиям мощным рычагом захвата власти. Наша математическая модель будущего обещает предсказания на сто пятьдесят лет вперёд. Эта модель позволит получить список не из 88, а из трёхсот перспективных технологий.

Никки добавила:

— Если мы перетянем на свою сторону их авторов — хотя бы большинство из них, — то Южные потеряют первенство во многих областях...

— Теперь мы будем обладать самым ценным секретом мира! — воскликнул возбуждённый Хао. — Мои руки просто чешутся взяться за эти уравнения!

Девушка улыбнулась, глядя на друзей.

— Ребята, я столько лет была волком-одиночкой, надеялась только на себя и даже не представляла — как может быть иначе... Оказывается, это так здорово — работать вместе. Каждый из нас может что-то, чего не может другой. Складывая наши усилия, мы умножаем

их. И я буду удивлена, если найдётся дело, которое нам не по плечу!

— Я тоже! — хмыкнул Джерри. — Тебя ничем не остановить. Невозможное тебя только раззадоривает.

— Невозможное? — надменно подняла бровь Дзинтара. — Не говорите чепухи! Соберёмся — и посмотрим, что можно сделать с этим невозможным...

Все дружно рассмеялись. Скептиков за столом уже не осталось.

Это стало главным, но нигде не зафиксированным результатом первой встречи «Общества Рождественского Ключа».

Самое важное всегда ускользает от протоколов.

В мире нарастала напряжённость вокруг закона о геносвободе.

Римский папа каждый день появлялся в окне над ватиканской площадью Святого Петра и энергично призывал к невмешательству в человеческий геном и к единству всего человечества. Папа был избран недавно, был сравнительно молод и полон сил.

В десятках парламентов и конгрессов сторонники и противники закона — партии «мутантов» и «натуралов» — вели яростные споры, переходящие в оскорбления и даже драки. Время тонких контраргументов и изящного остроумия кончилось — в ход пошли тупые угрозы и бессвязная ненависть.

На улицах страсти митингующих сдерживались лишь полицейскими водомётами, слезоточивым газом и электродубинками. Толпы противников закона осаждали государственные здания и громили научные генетические лаборатории — до каких могли дотянуться, поэтому горели даже невинные центры селекции зерновых. «Натуралы» угрожали: если «закон о геноэлите» будет принят, то нынешние демонстрации покажутся нежными цветочками.

Никки смотрела новости и надеялась, что партия «натуралов», которая протестовала против генетического клина в единство человечества, победит. Она не понимала, почему многие не осознают простую вещь: нельзя возводить непреодолимый барьер между людьми.

Генеральная ассамблея ООН ещё никогда не собиралась в столь напряжённой обстановке. Каждую национальную делегацию провожали в аэропортах напутственные крики двух возбуждённых толп демонстрантов, разделённых полицейскими кордонами.

«Натуралы» были многочисленны и энергичны. Они вручали петиции и давали интервью, держали в осаде бастиионы власти и пользовались поддержкой большинства бедных кварталов. Многочисленные церкви, яростно не любящие друг друга и соперничающие за паству, выступили единым фронтом против вмешательства человека в божий промысел.

Пикеты партии «мутантов» выглядели не так внушительно, зато они раздавали больше красивых листовок и брошюр, а их рекламные ролики крутились по всем тиви-каналам. За принятие закона выступали не только аристократы, но и средний класс, а также большинство интеллектуалов. Пресса и аналитики уверенно прогнозировали победу закону; политика ведь делается не на уличных демонстрациях — это лишь паровой свисток на крышке, а сам котёл, в котором варится горячая политическая каша, скрыт от посторонних взглядов — как и кочегары у котла.

Наступил день голосования за новый закон.

Никки и Джерри следили за происходящим из кинозала башни Леопардов. Там был самый большой экран, и возле него собрались студенты — сторонники «натуралов».

Вместе было легче терпеть жгучее и тягучее время.

Сторонники «мутантов» заполнили башню Драконов, и там тоже царило наэлектризованное ожидание.

По всему миру сторонники и противники закона собирались на площадях и в скверах — возле огромных экранов.

Уличные музыканты играли бесплатно, пели отчаянно-весёлые песни.

Драк и стычек больше не было — всем было ясно, что уже ничто не может повлиять на представителей государств, сидящих в огромном зале ООН и готовящихся нажать кнопки в согласии с волей своих правительств и народов.

Мир притих в ожидании. В тех странах, где уже наступила ночь, никто не спал, на площадях жгли факелы и костры. Самым шумным подлеском в любой толпе были дети — они веселились, запуская воздушных змеев и не понимая происходящего.

Хотя именно их судьба решалась сегодня.

Наконец седобородый индус в длинных белых одеждах объявил с трибуны ООН начало голосования, на которое отводилось пять минут. Результаты должны были отражаться на двух экранах — зелёные цифры слева отмечали число стран, проголосовавших за закон; красные цифры справа были против.

Миллиарды людей по всему миру замерли у экранов.

Наступили пять самых важных минут в истории Земли.

Как только первые цифры появились на табло, людское затишье мгновенно кончилось.

Земная атмосфера никогда не слышала такого вопля.

Одновременно закричали города и посёлки, людные площади и скверы, фермы в прериях и ранчо в саваннах.

Летучие мыши попадали в траву, оглушённые звуковой волной.

Зелёные цифры сначала отстали от красных, но потом догнали их.

Красный тяжеловес и зелёный скакун мчались рядом, храпя и сверкая друг на друга бешеными глазами-нулями.

Мир кричал, голосил, улюлюкал, плакал от счастливого волнения, выл, схватившись за сердце, радостно визжал от ненависти, строчил автоматами воздух, взрывал тысячу тонн петард и фейерверков, царапал от горя перекошенное лицо.

Зелёное число быстрее листало цифры и добавляло разряды в наэлектризованную атмосферу. Но и красное делало стремительные рывки.

И вот голосование закончилось.

Мир перестал кричать и застонал.

«Мутанты» победили. Седобородый индус объявил об этом и заплакал.

Закон о генной свободе был принят. Человечество долго шло одной дорогой. Теперь оно будет расколото на две неравные и смертельно враждебные половинки.

В момент голосования люди в башне Леопардов встали от невыносимого напряжения. Победа «мутантов» была встречена яростными криками.

Никки воскликнула:

— Джерри, мы не должны допустить такую несправедливость! Нужно что-то сделать!

Юноша вздохнул. Ну что тут можно сделать, если земляне общим голосованием решили ступить на путь активного изменения своей природы?

— Никки, почему ты берёшь на себя заботу о всём человечестве? О нём есть кому побеспокоиться — пусть ООН о нём думает, оно уполномочено на такую работу.

— Джерри, ты вырос среди людей. В тебе с детства живёт подспудная уверенность, что кто-то, умный и всесильный, придёт и вовремя обо всём побеспокоится. Но я выросла одна, и у меня нет иллюзий по этому поводу. У человечества НЕТ могущественных тайных защитников. У него есть ты и я, Дзинтара и Хао, и ещё другие — умные и не очень, но старающиеся помочь. И это всё. Если мы не спасём мир — его никто не спасёт.

Глава 14

Элиза

Группа стран, противников закона о геносвободе, подала апелляцию в Совет Безопасности ООН, требуя наложить вето на принятый закон, угрожающий самому существованию человечества. Согласно мировой конституции, вступление закона в силу приостанавливалось на время рассмотрения апелляции.

Мир получил тревожную передышку.

А жизнь в Колледже шла своим чередом.

Наступила весна — и очередной день рождения Никки.

Люди скорбно ценят дни рождения, имеющие нулевой оскал, — тревожные тридцать, бодрящиеся сорок, унылые пятьдесят или прескучные сто.

Совершенно зря.

Даже смешно — ну какая разница между сорокадевятилетним субъектом, полнеющим и лысеющим, и им же пятидесятилетним? Если сдать его целиком на анализы, то выяснится, что за год тела стало на два процента больше, а волос — на три процента меньше. А душевную разницу вообще невооружённым глазом не увидишь, а различишь — так лучше смолчишь. Где рубеж, чего отмечать-то? Вот если бы человек к пятидесяти годам вырастил себе крылья хотя бы нетопыря...

Не-ет, главными днями рождения в жизни каждого человека являются вовсе не круглые даты, а любой год между десятью и двадцатью.

Уникальные жизненные рубежи! Десятилетний человек — ребёнок; двадцатилетний Хомо Сапиенс вполне выросл. За это ключевое десятилетие с человеком происходят поразительные превращения — он вырастает на футы и пуды, становясь из хрупкого детёныша матёрым существом. Интеллектуальный уровень тоже совершает качественный скачок. Ну... почти всегда.

В десять ты собирал цветные картинки. В одиннадцать ты, открывая взрослую книгу, с улыбкой вспоминаешь вчерашнего ребёнка.

Когда тебе двенадцать, то сердце готово к подвигам и дуэлям.

Тринадцать ранят сердечной тоской.

Четырнадцать учат выбирать жизненный путь.

Пятнадцать лет — середина, рубеж, отделяющий детство и отрочество от юности и от взрослой жизни. Вчера тебе было четырнадцать, и ты пускал деревянные кораблики в лужах или бумажных змеев в небе. В пятнадцать тебе к лицу штурвал, если не космического корабля, то хотя бы бригантины.

Шестнадцать — у многих совершеннолетие. Радуга возможностей и проблем. Удостоверение взрослой личности, права на вождение автомобиля, неограниченность путешествий, раны от взрослых поступков.

У других совершеннолетие наступает в семнадцать — время шагов, навсегда определяющих будущее.

Восемнадцатилетние имеют полное право умереть с оружием в руках, решая мучительно сложные уравнения своих и чужих жизней.

Девятнадцатилетние печалются, глядя на последние песчинки юности, убегающие из рук.

На двадцатилетнего взваливают взрослую ношу, не спрашивая — готов ли он.

Для любого человека совершеннолетие — ключевой рубеж и важнейший повод для праздника.

Что же говорить про совершеннолетие юной королевы?!

Прошлый день рождения Никки не захотела праздновать — и не стала. Но времена изменились: что разрешено безвестной девушке, то не позволено знаменитой королеве. *Quod licet Jovi, non licet Bovi.*

Наивная Никки не собиралась устраивать пышного дня рождения, но обстоятельства столпились вокруг и стали диктовать условия.

Началось необычно: от директора пришло приглашение — не по Сети, а в сжатых челюстях личного директорского кентавра. Последняя встреча с профессором Миличем закончилась провалом Никкиного плана по бесплатному обучению и очередной угрозой её исключения. Вообще, Никки не помнила приятных бесед в кабинете директора, поэтому от нового вызова она ничего хорошего не ждала.

Но директор был настроен миролюбиво, разговаривал любезно и даже с

заискивающими интонациями — видимо, ссориться с королевой-студенткой ему совсем не хотелось. Директор предложил Никки использовать самый большой зал Колледжа для проведения официального приёма по поводу её дня рождения.

Никки удивилась — она не планировала никаких приёмов.

Директор удивился на Никкино удивление и оставил в силе своё предложение.

На следующий день Никки позвонил адвокат Дименс и тоже стал спрашивать о планах на день рождения.

— Зачем мне этот официальный приём? — спросила Никки.

— Вам нужны сторонники и союзники, — сказал адвокат. — Я приглашу от вашего имени ряд королевских фамилий, и они пришлют на приём своих представителей. Видимо, это будут молодые принцы и принцессы — вполне логично для знакомства с королевой вашего возраста.

Никки обещала подумать. Но через два дня на экране появилась физиономия коммодора Юра Гринина с тем же вопросом — куда и когда он, как официальный представитель Спейс Сервис, должен приехать на приём по поводу дня рождения королевы Николь?

Традиция победила наивность, и Никки воспользовалась любезностью директора Милича.

Утро дня рождения началось рано: Никки позвонил ведущий Первого Лунного телеканала.

— Ваш пресс-секретарь очень несговорчив и разрешил задать только один вопрос.

— Мой секретарь? Ах да, Робби — твёрдый парень. Задавайте свой вопрос.

— Появившись среди людей, вы натворили много дел: выдвинули новую теорию Большого Взрыва; обнаружили опасность, грозящую Оберонским обсерваториям; нашли жизнь на Марсе. Как вам удалось опередить в интеллектуальной гонке взрослых, опытных учёных?

— Один такой вопрос стоит двух интервью! Но вы ошибаетесь — никакой интеллектуальной гонки не было. Я медленно шла по пустой дороге. Разве кто-то искал жизнь на Марсе? Фонды на эту тему давно не выделяют. Случайный робот, упавший в трещину, имеет больше шансов найти марсианскую жизнь, чем весь МарсоИститут, который — пусть по уважительным причинам — эту жизнь не ищет. Никто из учёных не считал стабильность Королевского плато на Обероне — такая задача не ставилась, деньги на её решение не выделялись. А специалисты по Большому Взрыву так давно переливают вакуум из пустого в порожнее, что остановить круговое движение их сплочённого коллектива уже невозможно, зато их может обогнать даже школьник, обнаруживший, что король гол и заблудился.

— Поясните. Значит, науке нужно больше денег? Но у вас их тоже не было.

— Мои аналитики занимались исследованием эффективности научных исследований в рамках... э-э... одного благотворительного проекта. Они доказали, что науке — особенно теоретическим исследованиям, — кроме денег, нужна свобода. Свобода индивидуального поиска и личного любопытства. Теоретик, чьё существование зависит от демократического голосования коллег или от мнения авторитетов, — это мёртвый теоретик. Зависимый учёный бесполезен: из флюгера не сделать парус.

— Анархичная точка зрения!

— Государство, требующее с учёных планы работы на несколько лет вперёд, обрезает ветки с живого дерева науки и делает из него бревно... Вы навели меня на мысль — надо создать ассоциацию независимых учёных. Каждый из них сможет работать совершенно свободно. А деньги они будут получать, публикуя статьи в журнале, который назовём... э-э... «Свободная наука». Скажем, пятьдесят тысяч за статью. Для начала запустим журнал в двести статей... это десять миллионов в год... сущие мелочи, клянусь кривой улыбкой Немезиды. Мы сумеем разработать независимую оценку значимости поступающих работ. А собственником практически важных идей, опубликованных в этом журнале, станет моя

династия — конечно, с отчислением процентов авторам...

У ведущего глаза загорелись и рот снова раскрылся, но Никки успела раньше:

— Спасибо за вопрос, мы прекрасно поговорили!

Она выключила экран и зевнула. Рановато всё-таки позвонили.

Официальная часть дня рождения началась после обеда, в четыре часа. В шесть часов планировалось неофициальное продолжение с танцами.

Фрейлины оказались вполне полезными: подготовили зал, встретили гостей и тщательно пересчитали всю дюжину принцев, прибывших на приём к королеве Никки.

Джерри мрачно наблюдал, как вокруг Никки кружится стая блестящих аристократов — острят, хвастаются, крадут внимание молодой королевы. Юноша чувствовал себя чужим на ярмарке юного тщеславия.

Подарки вручались поразительные: изумрудное кольцо в миллион долларов, античная китайская ваза, цену которой Робби затруднился определить, картина классика модернизма, которая не понравилась Никки, но была самой дорогой из десятков подношений. Девушка вежливо благодарила, с тёплым чувством вспоминая первые скромные подарки, присланные друзьями на прошлое Рождество.

Дзинтара официально представляла династию Шихиных и подарила Никки роскошное кресло красного бархата, принадлежавшее ранее бельгийской королеве Беатрикс.

— Оно будет теперь твоим тронem! — торжественно сказала Дзинтара.

Никки раскланивалась и разговаривала с гостями, но её голова была занята сообщением группы аналитиков Гринвич-Центра. Информационный меморандум Тхимсота, срочно покинувшего Колледж месяц назад в связи с ухудшением здоровья, оказался весьма ценным. Его данные были обработаны и включены в компьютерную футурологическую модель Михаэля Уолкера, которую за невероятно короткий срок подготовили Джерри с Хао.

Мощные компьютеры — все, которые Гринвич-Центр смог арендовать на Луне за немалую сумму, — рассчитывали модель трое суток, не понимая, впрочем, над чем они работают. Вихри математических символов, нанизанных на лазерные лучи, стремительно летали между пятнадцатью тысячами процессорных блоков, разбросанных по всей Луне, стелились терабайтной электронной позёмкой по зеркальным скрижалям записывающих кристаллов и оседали сверкающим цифровым инеем в кремниевых мозгах Робби и Тамми, командующих этой киберармией.

Выводы были получены ещё вчера, но они до сих пор не умещались у Никки в голове, и их приходилось всё время перетряхивать. Это делало лицо девушки более отстранённым, чем обычно, что несколько обижало приглашённых гостей.

На приём вместе с коммодором Грининым пришёл космонавт Граффин. Отведя Никки к столу с закусками, он попробовал уговорить её на крупный вклад в Межзвёздный фонд. Королева обещала обсудить это предложение на совете директоров и сказала, что считает межзвёздные полёты весьма важной сферой для инвестиций.

Студенты заметили знаменитого Граффина и аплодисментами приветствовали космопроходца.

— Какие новости о нашем проекте «Двойная комета»? — улучив момент, спросила Изабелла. Все окружающие навестили уши.

— Жюри фактически уже подвело итоги конкурса, и я могу кое-что вам сообщить... — откашлялся космонавт. — К сожалению, ваш проект не стал победителем...

— У-у-у... — разочарованно загудел зал.

— Уж очень он... фантастический. Мы, конечно, не просили вас разработать двигатели, но, тем не менее, ожидали, что вы останетесь в рамках реалистичного дизайна, который можно будет превратить в настоящий проект в течение ближайших лет...

— А чей проект выиграл? — расстроено спросил Тмин-Дракон.

— Извините, это наш маленький секрет... — загадочно улыбнулся космонавт. — Клянусь всеми спиралями М31, я не могу раскрыть его до объявления официальных итогов конкурса! Скажу только, что моим личным фаворитом стал очень милый дизайн

вращающейся многоярусной оранжереи-сада...

— А как они обошли проблему встречной радиации? — спросила Изабелла.

— И ресурсов? — добавил какой-то гoblin.

— Их проект, конечно, не разрешил всех трудностей межзвёздного полёта, — ещё шире улыбнулся Граффин, — но, честно говоря, никто и не ждал от школьников реального прорыва в столь сложных задачах... Конкурс носил скорее пропагандистский характер и в этом смысле превзошёл наши ожидания — мы получили более восьмидесяти проектов и отличное освещение в прессе.

— Обычное взрослое враньё... — крикнул кто-то. — Нам говорили одно, а в голове держали другое...

Директор Милич строго посмотрел в сторону выкрикнувшего.

— Кто-нибудь из жюри поддержал «Двойную комету»? — спросил Мин-Дракон.

— Извините, это снова наш маленький секрет! — продолжал сиять президент фонда «Межзвёздная инициатива».

Зал продолжал разочарованно гудеть, а лица «Веганских гоблинов» были мрачнее тучи. Какие-нибудь никчёмные сады получают премию!

Неожиданно вперёд выступила Никки, взмахом руки остановила шум и звонко сказала:

— Гринвич-Центр готов купить дизайн межзвёздного корабля, разработанного студентами Колледжа, за миллион долларов!

В зале на секунду воцарилась тишина, а она потом взорвалась ликующими криками и аплодисментами. В крики «гип-гип-ура!» и «банзай!» вплеталось непонятное «мазератти! мазератти!».

— «Веганские гоблины» — все согласны?

Никки и Робби осмотрели зал и, соблюдая юридические формальности, аккуратно зафиксировали энергичные кивки всех участников команды. После чего королева-именинница продолжила:

— Более того, Гринвич-Центр считает предложенную идею корабля столь ценной, что выплачивает премию в семь с половиной миллионов долларов...

Никки сделала расчётливую паузу, и зал замер, не дыша. «Семь с половиной миллионов золотых долларов» — это была самая часто упоминаемая денежная сумма в разговорах эйнштейнцев. О-хо-хо... полная стоимость обучения в Колледже — деньги, которые многие родители студентов получали, закладывая всю семейную недвижимость и залезая в пожизненные долги к хищным банкам.

— ...каждому из пятнадцати студентов, участников проекта «Веганские гоблины»!

Что тут началось в зале! Перо бессильно описать.

Директор взволнованно привстал, глядя на Никки, хотел что-то сказать, но, посмотрев на бушующее вокруг море эмоций, махнул рукой и опустился в кресло.

Минут через пять уровень шума упал до каких-то пары сотен децибел, и мощные динамики уже могли его перекрыть. Тогда президент фонда «Межзвёздная инициатива» с кривой усмешкой сказал в микрофон:

— Мисс Гринвич, вы — богатый человек и можете заниматься благотворительностью. Но не стоит маскировать её под реальную заинтересованность — этим вы внушаете участникам проекта ложное впечатление об их фантастической идее...

— Бу-у... — рассерженноотреагировал зал.

Никки пожала плечами и спросила в пространство:

— Робби, что ты думаешь о покупке прав на дизайн двойного корабля?

— Лучшая твоя сделка, Никки, — сразуотреагировал кибердруг. — В следующие тридцать лет ты ничего не получишь за свою инвестицию в сто тринадцать с половиной миллионов. Зато с вероятностью двух сигма в следующие пятьдесят лет доходы от купленного патента составят пятьдесят миллиардов. За сто лет эта сделка принесёт твоей династии два триллиона. С вероятностью одной сигма, точнее сказать не могу.

Зал просто онемел.

— Чем хороши династии... — задумчиво сказала Никки в потрясённой тишине, — они могут оперировать долгими периодами, а не сроками до выборов или до пенсии.

Бывший космонавт Граффин, которому осталось до пенсионного возраста совсем немного, покраснел и выкрикнул:

— Где же вы возьмёте двигатели для таких гигантских кораблей?!

— Извините, а это — *наш* маленький секрет! — без улыбки сказала юная королева.

Формальная часть королевского приёма закончилась; приглашённые почтенные гости разъехались, а молодёжь осталась — наконец-то! — без помех повеселиться и потанцевать.

Вольдемар развлёк всех фейерверком, составив из огней яркую мысль Артура Кларка:

«Только тупицы останутся на Земле — истинный гений расцветёт лишь в космическом пространстве».

Студенты танцевали, закусывали и болтали с приезжими гостями и друзьями из других Орденов.

Группа Сов остановилась отдышаться от танцев.

— Жюльен, как ты меня находишь? Правда, оригинальная расцветка? — приятельски хвасталась Роми спектрально-переливчатым коротким платьем.

— Клянусь копчиком Венеры, ты похожа на слово «красное», написанное зелёным цветом!

Разговор вращался вокруг выбора профессий.

— Слышали про Советника пятого уровня? — спросила Самар. — Это программа для выбора профессий, которая стала учитывать информацию о твоём генотипе. Охотники за головами и фирмы-наниматели активно её используют.

— Это нарушает закон о генетическом равноправии.

— Как говорит Эксмин — равноправие не обеспечивает равенства. А работодателей волнуют не твои права, а твои возможности.

— Эксмин — просто душка!

— А я и половины не понимаю из того, что он вещает...

— Ну так он и не скрывает, что говорит для умных.

— Если интеллект будет выводиться из генотипа, то он станет печатью на лбу. Жюльен, что ты думаешь об этом?

— Я против геноклея, я — за ассортативные союзы когнитивных элит.

Жюльена тоже понимали далеко не всегда, но его это мало волновало. Обаятельному юноше легко прощали интеллект, примечательный даже среди Сов.

Красивая, с тонкой фигурой и в розовом платье, Кристина Снайдер из Ордена Оленей отшучивалась от друзей, подтрунивающих по поводу её успехов в драконоборчестве — воинственном спорте, популярном чаще всего среди Леопардов:

— Даже Олень в невыносимых условиях становится Леопардом. Когда стоишь перед огромной зверюгой, то деваться некуда — приходится отбиваться изо всех сил...

В другой компании Степан-Дракон — клетчатый ковбой от «Бёрберри» — рассказывал:

— Беру программу «Супер-Чудик» для генетического дизайна и запускаю её на самостоятельную работу. Даю задачу: создать организмы, которые могут жить в атмосфере из смеси кислорода и углекислого газа. Я раньше давал «Чудику» похожее задание и получал на просмотр вполне симпатичных зверюшек, но сейчас немного увеличил процент двуокиси углерода. Вы бы видели, какие неопишуемые монстры полезли из моего экрана! Клянусь шкурой Овна, они снились мне целую неделю!

— Почему такая разница из-за изменения процента углекислого газа? — удивился кто-то.

— Я тоже поразился, полез разбираться... Оказывается — когда я выбирал из таблицы Менделеева химические элементы, то перепутал строчку и нажал на другой период — нечаянно задал атмосферу не из це-о-два, а из силициум-о-два.

— Атмосфера не из углекислого газа, а из газообразного кварца?!

— Точно!

— Славные зверушки смогли вырасти в раскалённой атмосфере из горного хрусталя...

Мишвер-Сова рассказывал:

— У родителей есть приятель-охотник, который страшно любит приврать и поспорить. Пришёл в гости и стал рассказывать, что как-то на Аляске он развёл большой костёр, а из горящих поленьев полезли красные шестиногие ящерицы... Рассказал и ждёт, что мы будем нервничать и опровергать. Я вспоминаю книгу Эксмина, советы из главы «Как спорить с врунами», и пожимаю плечами: мол, ничего особенного, в нашем колледжском лесу водятся олени с кремниевыми рогами, и когда им становится холодно, то они высекают огонь с помощью взаимного сшибания лбов и потом греются у костра всю ночь.

— Вот что генетика животворящая делает!

— Переплюнул его историю и испортил творческое настроение!

Дмитрий таинственным полуголосом говорил Жюльену и Смит:

— Поехал летом в гости к приятелю-французу. Шагаю по Круазетт в Ницце. Впереди идёт молодая женщина с сумкой на длинном ремне. Сумка зацепила юбку и высоко обнажила красивую, стройную ногу. Зрелище! Иду и наслаждаюсь. Потом присмотрелся — это не случайность, а такой специальный покрой юбки — расчётливый и коварный! Я сразу расстроился...

— Почему? Нога ведь не стала кривее... — удивился Смит.

— Ну, я счёл себя удачливым человеком, а оказалось...

Жюльен авторитетно кивнул:

— Психология! Ценится лишь личный выигрыш. Коллективная раздача не греет.

Дзинтара села за пианино и стала наигрывать задумчивую мелодию. Никки подошла, потрогала лежащую рядом гитару принцессы — та нежно зазвенела, — в открытой папке присмотрелась к желтоватому листку с нотами.

— Интересная музыка, но слова сложноваты, — прокомментировал Робби.

— Робби, ты читаешь ноты? — спросила Никки.

— Ха! Глупый вопрос.

— Никки, сыграй нам на гитаре! — вдруг крикнул кто-то из Оленей.

— Я не умею! — рассмеялась Никки.

— Неправильный ответ, мы с тобой владеем почти всеми музыкальными инструментами, — неожиданно вмешался Робби.

— Ты играешь на гитаре? — удивилась девушка.

— Если ты споёшь, то — да, только аранжировку этой древней музыки стоит освежить.

— Я? Спеть? У тебя завихрения электронов?

— Ты же поёшь, принимая душ! — заявил нахальный Робби.

В зале захихикали.

— Ну... да, но там же меня никто не слышит... — пожала плечами Никки, — понравится ли другим, как я пою в ванной комнате?

— Давай рискнём, у тебя неплохой голос, а я помогу с музыкой, — вкрадчиво сказал Робби. — Что, чувство авантюризма совсем исчезло?

— Давай, Никки, попробуй! — так дружно закричали кругом, что Никки лишь беспомощно поморщилась:

— Вы сами не понимаете, о чём просите.

Но на неё так дружно навалились, что уломали. Вернее, Никки поняла, что легче спеть, чем отвязаться. Она села в уголок и стала под руководством Робби готовиться к сольному выступлению.

Остальные участники с энтузиазмом принялись готовить место для королевского выступления: стаскивать столы вместе, сгребать недопитое и несъеденное, наводить свет всех имеющихся светильников. Считанные минуты — и воздвигнута отличная сцена!

Наконец, Никки собралась с духом и уселась в подаренное Дзинтарой тёмно-красное с золотом бархатное кресло. Четверо мускулистых Леопардов во главе с Джигичем

немедленно подняли кресло вместе с королевой и поставили его на импровизированную сцену.

Тонкая фигурка в чёрном платье устроилась поудобнее на королевском троне европейских кровей. Голова с хрустальными волосами склонилась над полированной звонкой поверхностью. Драгоценная деревянная гитара Дзинтары недовольно поёжилась в неумелых руках, но потом пригелась и присмирела. Никки вплела тонкие пальцы в ещё более тонкие струны и запела тихим голосом:

Уронит ли ветер в ладони серёжку ольховую...

В шумном зале разлилась и воцарилась тишина. Странные слова старинной песни, пронизанные грустью прошлых веков, были неуместны в огромном зале, полном веселящихся людей, прилетевших сюда на космолётах.

Серёжка ольховая выше любого пророчества.
Тот станет другим, кто тихонько её разломил.
Пусть нам не дано изменить всё немедля, как хочется.
Когда изменяемся мы — изменяется мир.

Песня не знала своей неуместности и несовременности, она добиралась до каждого и заставляла его замирать, будто вслушиваясь в голос судьбы.

Прости и пойми, если даже разлюбит любимая,
Серёжкой ольховой с ладони её отпусти.

Музыка — тихая и прозрачная, как холодная весенняя капель, заставляла стискивать зубы и затрудняла дыхание.

Серёжка ольховая лёгкая, будто пуховая,
Но сдунешь её — всё окажется в мире не так.
И, видимо, жизнь не такая уж вещь пустяковая,
Когда в ней ничто не похоже на просто пустяк.

Никки закончила петь, но зал безмолвствовал. Она подняла сосредоточенные глаза от гитары, осмотрелась и растерянно сказала:

— Ой!

На глазах у многих слушателей были слёзы.

Две девушки в углу откровенно плакали, и даже Дзинтара вытирала глаза красивым старомодным платком. Джерри тоже стоял в оцепенении, и в его голове навязчивым рефреном звучало: *«Прости и пойми, если даже разлюбит любимая...»*

Никки оценила ситуацию и неслышно скомандовала Робби. В зале загремела современная бодрая мелодия. Все стали приходить в себя и украдкой отряхивать мокрые ресницы, со смущёнными смешками посматривая друга на друга. Вспыхнули запоздалые аплодисменты, заглушённые ритмическими повизгиванием динамиков.

— Что за аранжировку ты подобрал?! — исподтишка рявкнула Никки на Робби.

— Не кричи на меня, — растерянно буркнул тот, — я сам перепугался... Какие вы, биосистемы, нежные...

Подошла Изабелла с влажными глазами:

— Ты должна быть не королевой, а певицей! И будить в сердцах светлую грусть.

Дзинтара ничего не сказала, просто расцеловала Никки в обе щеки.

Никки, поражённая реакцией слушателей, категорически покачала головой:

— Я никогда больше не буду петь... не хочу дёргать души за ниточки

бессознательного... Люди не должны плакать!

— Ты чертовски не права! — сказала Дзинтара.

— Может быть, — пожала плечами Никки, — но я чертовски твёрдо решила.

Динамики выплеснули вальс, и Феб умчал Дзинтару.

Зал, увидев стремительную красивую пару, расступился и оставил танцоров в летящем одиночестве. Они кружились, не отрывая друг от друга внимательных глаз.

Дзинтару и Феба связывали странные взаимоотношения. Юноша всё время подшучивал над принцессой, одновременно открыто демонстрируя свою влюблённость. Но эта демонстративность как раз и внушала сомнения.

Вот и сейчас, после окончания своего знаменитого вальса, Дзинтара и Феб отпустили друг друга и опустили соединяющие руки, но остались на максимально близком расстоянии партнёров по танцу.

Феб в упор рассматривал гордую Дзинтару и говорил негромко, но вполне различимо для заинтересованных окружающих.

— Что такое любовь? Как определить это самое сильное человеческое и божественное чувство? Вот я смотрю в карие глаза — ничего особенного в них нет...

Глаза Дзинтары вспыхнули огнём.

— Густые брови, крупноватый нос, слишком яркие щёки — всё, взятое по отдельности, никак не может привлечь внимание бога, художника и поэта...

Щёки Дзинтары ещё больше заалели, но она не произносила ни слова и тоже в упор рассматривала Феба, превосходящего её по росту всего на дюйм.

— ...Как смогли эти обычные детали, собранные вместе, произвести такое неизгладимое впечатление на столь могучую личность, как я? Когда это земное лицо приближается к моему на расстояние... примерно пяти дюймов... почему моё божественное дыхание перехватывает, и возникает сильное притяжение неизвестной природы?

Дыхание Дзинтары тоже сбивалось, но она по-прежнему молчала и не сводила блестящих глаз с задумчиво рассуждающего Феба.

— Масса недостатков... Статус принцессы просто ужасен... Насколько фатальна эта смешная королевская гордость, впрочем, такая понятная и человеческая?

Опустив руки, они стояли, почти касаясь друг друга. Вокруг толпились смеющиеся друзья, но юноша и девушка были аутически отрешены от окружающего.

— Я краем глаза вижу её в коридоре, и этот ничтожный по мощности периферийный световой сигнал вызывает во мне эйфорический прилив предельной высоты. Почему? Что за глупая химическая реакция? Эта девушка улетает на уик-энд в свой замок, и мне — МНЕ! — занятому в миллионе космических дел и развлечений! — становится пусто и одиноко. Можно ли вывести формулу этого чувства и составить спасительное противоядие? Или ликующее замирание в груди, которое возникает при взгляде на это простое, но симпатичное лицо с умными глазами, и есть смысл забавной земной жизни?

Юноша замолчал, продолжая разглядывать Дзинтару.

— Лучшее объяснение в любви, какое я слышал! — крикнул кто-то, и все зааплодировали.

— Объяснение в любви? — сказал Феб, по-прежнему не сводя глаз с Дзинтары. — Чепуха! Это тезисы моего реферата по нейросайенс...

Принцесса Дзинтара с пылающим лицом, молча и не спеша, отступила на шаг от Феба, повернулась и ушла с дня рождения королевы Никки.

Профессор Лвин спал беспокойно и встал рано — купол неба ещё не светился. Ходил по комнате, долго умывался, фыркая и бормоча. Брился ещё дольше. Наконец дотянул до завтрака и спустился на первый этаж гостиницы, в которой он поселился после переезда в Шрёдингер. Отель был невелик и скромн — и это профессору нравилось. Как и уютный гостиничный ресторан.

В неярко освещённом зале никого не было по раннему времени. Профессор сел за

любимый столик у окна, и тут же подошла Мэриэн — пухленькая улыбчивая девушка лет двадцати.

— Вы рано сегодня! — улыбнулась она профессору. — Уезжаете куда-то?

Она ловко разгрузила поднос на стол: кувшинчик с чёрным кофе и стакан апельсинового сока, тёплые плюшки, масло и клубничный джем, ломтик молодого козьего сыра и пластинку твёрдой испанской ветчины — всё как любит «герр профессор», как Мэриэн называла постояльца.

— Нет... — Лвин вздохнул. — У меня важный эксперимент в лаборатории, вот и не спится.

— Какой вы умный, герр профессор! — с завистью сказала Мэриэн, забирая пустой поднос. — Всё изобретаете что-то...

— Не завидуйте, — буркнул профессор. — Каждый учёный умён только несколько раз в жизни — остальное время он чувствует себя полным дураком. Сегодняшний опыт будет всего лишь пробный, проверка систем... ждать от него нечего, но опробовать новую установку надо.

Кому-то это покажется смешным: разговаривать о науке с официанткой, но жёлчный профессор был, как ни странно, демократом и априори полагал интеллект любого собеседника — даже ребёнка — равным его собственному.

Мэриэн, как и другие люди, сразу это почувствовала и прониклась к Лвину симпатией.

Правда, профессор никогда не допускал превосходства интеллекта собеседника, но здесь у него было оправдание — таких людей в реальности он ещё не встречал. Справедливости ради нужно отметить, что профессор многих коллег считал идиотами — но лишь имея тому веские доказательства. И вообще, с учёных спрос совсем иной, чем с обычных людей.

Лвин не спеша позавтракал и вышел на улицу, не забыв поблагодарить Мэриэн, которая уже кормила другую раннюю птичку — молодого остроносого сотрудника местной газеты, который спешил в Луна-Сити на фестиваль самодельных артистов и бодро клевал свой утренний омлет с жареными охотничьими колбасками.

Купол уже наливался дневным светом, и профессор быстро зашагал к Гринвич-Центру на главной площади Шрёдингера. Учёный не глазел по сторонам, он шёл не по улице, а по схеме установки, проверяя — всё ли в порядке, всё ли соединено правильно. Был в его практике один вопиющий случай — столько лет прошло, а досада до сих пор грызёт...

Сегодня планировался первый пуск гравидетектора. Рабочий кристалл — сердце прибора — доставили вчера вечером, и установку можно уже опробовать целиком.

Понятно, что никакой эффект этому варианту установки не поймать — усилительная часть не дотягивала до нужных значений пять порядков, попросту говоря, была в сто тысяч раз грубее, чем нужно для обнаружения реликтового высокочастотного гравизлучения.

Профессор пошёл навстречу королеве Николь и собрал установку сначала без усилительной части. Но королева обещала профинансировать и усилитель. Тогда через пару месяцев установка будет окончательно готова, и Лвин заглянет в древнюю сердцевину мира, получит сигнал прямо из центра Большого Взрыва...

Учёный одёрнул себя — до этого ещё далеко, сегодня нужно согласовать работу жидкогелиевого контура, магнитной катушки и всех электрических схем. И ещё он переживал: не будут ли сбоить переключатели при низких температурах... Обладает ли полученный кристалл нужным качеством? Не напортачила ли фирма-изготовитель с нужным узором дислокаций на решётке?

Профессор сам не заметил, как дошёл до здания и поднялся на лабораторный этаж. Никого из помощников ещё не было. И хорошо — Лвин включил свет и застенчиво-любовно осмотрел грудку приборов в середине обширной комнаты. Они были переплетены трубками и шлангами и казались постороннему человеку бессмысленной грудой железа.

Но глаз профессора не застревал в нагромождении алюминиевых ящичков, набитых кусочками кремния и пластика, а видел цельную картину сложного организма, в котором

глубокий вакуум, гелиевый холод, магнитное поле и тёмное рубиновое сердце должны были соединиться и поймать самый неуловимый сигнал в мире — древнюю гравитационную волну, крик новорождённой Вселенной.

Двадцать лет ушло на поиск идеи детектора — профессор уверенно считал её гениальной! — и создание установки.

Лвин был мужественным человеком — он понимал, что даже после всех усилий и усиления сигнал может быть не пойман. Но это тоже будет важным результатом — в учебниках и статьях появится строчка: «Согласно измерениям группы Лвина, уровень энергии реликтового гравитационного излучения меньше, чем...» Целая жизнь — и всего одна строчка. Зато все теории Вселенной будут оглядываться на эту строчку, и выживут только те модели, которые не будут ей противоречить.

Но гораздо лучше, чтобы строчка была такой: «По данным группы Лвина, уровень энергии реликтового гравитационного излучения равен...»

Одна строчка может стоить жизни. Часто жизнь пролетает, не оставляя даже слова.

Лвин отогнал печальные мысли — самое интересное только начинается; в ближайшее время пессимизм неуместен.

В коридоре раздались весёлые голоса, и в комнату ввалились сразу трое молодых сотрудников.

— Профессор, вы ночевали здесь, в обнимку с приборами? — удивлённо воскликнул кто-то вместо приветствия.

Нахалы!

— Прекратить болтовню! — шутливо прикрикнул Лвин и махнул рукой на распечатанную коробку на своём столе. — Кристалл вчера прибыл!

— Йохохо! Банзай! — загалдели сотрудники, которых стало уже с полдюжины. — Сегодня состоится исторический пуск гравидетектора!

И все занялись делом.

«Исторический! — усмехнулся про себя Лвин. — Прежде чем достигнуть исторического результата — или хотя бы достоверного его отсутствия — нужно провести сотни пусков...»

Криоспециалист вытащил из упаковочной коробки герметичный бокс с кристаллом и вставил его в центральный блок установки. Все, затаив дыхание, смотрели, как рука с десятком тонких пальцев из металлокерамики открывает контейнер, достаёт тёмно-красный трёхсантиметровый кристалл рубина и осторожно устанавливает в платиновую рамку, висящую на еле заметных кварцевых нитях.

Деликатная операция прошла успешно, и все сотрудники перевели дух.

— Час на охлаждение, а потом будем откачивать гелий, — сказал криоспециалист, и все вокруг забежали: один час — это очень мало! Столько нужно проверить и настроить...

— Какой красивый камень... — с досадой сказала секретарь группы, любуясь кристаллом.

— Конечно, на шее он смотрелся бы лучше, чем в металлическом ящике! — съехидничал юный помощник Лвина. — Особенно если учесть, что этот рубин дороже ювелирного...

Перед самым пуском, когда воздух в комнате уже дрожал от напряжения, неожиданно пришла королева Николь.

Лвин нахмурился — он терпеть не мог посторонних глаз во время пробных пусков. Всё равно что-нибудь закапризничает — потом доказывай лишним наблюдателям, что ты не верблюд, оправдываясь в том, что не нуждается в оправданиях. Просто наука не делается по первому щелчку тумблера. Уж он-то проверил это на своём опыте многократно...

Оставшиеся до пуска минуты Лвин ходил кругами вокруг установки, проверяя ещё и ещё раз состыковки и узлы.

— Бросьте метаться, профессор, всё в порядке! — сказал помощник с фамильярностью, которая позволительна лишь после месяцев напряжённой работы бок о бок.

Наконец, индикатор давления в камере показал нужный вакуум. Температура кристалла стабильно держалась на глубоком гелиевом минусе.

— Включайте магнитное поле! — сказал свистящим шёпотом профессор.

Магнитное поле должно создать нужную анизотропию, которая позволит поймать сигнал, пришедший с конкретного направления.

Силовой блок загудел, наращивая мощность.

Профессор, сам себя ругая, впился глазами в бронированное стекло, за которым находился рубиновый кристалл. Лвин понимал, что глаз тут бесполезен, и это смотрение в стёклышко было лишь психологической слабостью. Лазерный луч отражался от граней кристалла и должен был зафиксировать малейшие его колебания. Если всё будет хорошо, то кристалл повернётся на ничтожный угол, но лазерный луч поймает любое микродвижение...

Профессор чертыхнулся и напомнил себе, что в установке ещё не смонтирован усилительный блок, и поэтому даже наносмещения кристалла не будет. Но всё равно таращился в окошко, как нетерпеливый студент, наивно надеясь лишь на собственные глаза.

У бокового окна бокса стояла королева Николь и широко раскрытыми глазами тоже смотрела на кристалл.

Остальные сотрудники дежурили у приборов и экранов, отслеживая работу охлаждающих систем и мощности магнитного поля.

— Магнитное поле: девяносто процентов... — сказал молодой взволнованный голос.

Напряжение сгущалось: выйдет ли кристалл на рабочий режим? Если да — это будет означать, что главная часть установки работоспособна и можно двигаться дальше — наращивая точность измерения наклонов лазерного луча, пытаясь получить максимум точности, а потом долго копить измерения, суммируя результаты за долгие месяцы и вылавливая реакцию кристалла, отличную от нуля.

— Поле девяносто пять процентов...

Шутники вывели сигнал от лазерного датчика на динамик, и теперь отклонение кристалла вызывало нежное пение, которое всем изрядно надоело за время тестов установки.

— Девяносто девять!

Вспыхнула лампочка — критическое поле достигнуто.

Вдруг динамик по-медвежьи рявкнул, и одновременно раздался звук выстрела.

Профессор отпрянул от бронированного стекла, покрывшегося густой паутиной трещин, и взревел:

— Что за дьявольщина!

Лвин попытался рассмотреть внутренность бокса, но через повреждённое стекло ему это не удалось. Тогда он перебежал к свободному окошку и увидел ужасную картину: кристалл сорвало с платиновой рамки и вбило в бронированное стекло. Оно потрескалось, а кристалл, росший в раскалённом автоклаве три месяца и стоявший целое состояние, разбился на мелкие кусочки, разбросанные по всей вакуумной камере.

— Что случилось?! Кто мне объяснит?! — крикнул взбешённый профессор. — Что за взрыв?!

— Не понимаю, — ошарашенно сказал старший помощник. — Все параметры в норме, даже вакуумная система сохраняет герметичность... Просто кристалл сорвало с крепления. Он полетел в том же направлении, в каком должен был лишь отклониться...

— В том же? — вдруг воскликнула королева Николь, о присутствии которой Лвин уже позабыл. — Тогда я знаю, что произошло!

— Вы? — сердито сказал профессор, который всё ещё не мог оторваться от кошмарного зрелища разбитого кристалла. — И что же, по-вашему, произошло?!

А королева рассмеялась:

— Профессор, вы нашли свои волны! Просто они на много порядков сильнее, чем вы рассчитывали. Зато они как раз такие, как я думала. Поздравляю, профессор Лвин: вы стали первым лауреатом премии Эйнштейна, которую только что учредил Гринвич-Центр. Она равна десяти Нобелевским премиям.

Поднялся невообразимый шум.

— А вы все... — Никки обратилась к группе Лвина, — получаете в качестве премии по годовому окладу.

От гвалта и криков задребезжали стены, а приборы нервно замигали индикаторами и заводили стрелками.

— Профессор, вы поставили рекорд! — влез фамильярный помощник. — Вы оторвали премию в десять нобелевок всего через минуту после открытия! Обычно такого события ждут десятилетиями!

Профессор всё ещё не мог поверить в то, что лежащие в боксе осколки кристалла означают нечто большее, чем неудачная проба установки.

Неужели волновой фон так силён! Боги космоса, это же совершенно фантастический результат... Да, королева что-то такое говорила о своих надеждах, но профессор не мог смотреть на неё иначе как на умную, но очень юную девушку, малопонятные фантазии которой не имеют отношения к реальности.

Но кристалл, выломавший рамку крепления, взломал и старые предубеждения.

— Значит, усилитель больше не нужен? — профессор задал сам себе глупый вопрос.

— Нет, не нужен! — смеясь, подтвердила Никки. — А нужна миниатюризация установки и поиск для неё рабочего кристалла подешевле и попрочнее...

— Это уже не научная, а инженерная часть работы... — пробормотал профессор, всё ещё таращась в окошко бокса.

— Профессор, вы уже вышли за рамки чистой науки! — сказала Никки. — Вы совершили прорыв в будущее. Древняя энергия Вселенной станет новой кровью подуставшей человеческой цивилизации и изменит мир уже в ближайшие годы. И вы стоите у истока этих изменений!

Профессор отвернулся от разбитого прибора и улыбающейся королевы, устало добрёл до своего стола и сёл в кресло, совершенно обессиленный.

А кругом шумела радостная молодёжь. У ассистента Стефанопулоса нашлась бутылка с домашним столовым вином — и в ход пошли пробирки и пластиковые крышки от ёмкостей с жидким азотом.

Кто-то сунул в руку профессора мензурку с вином, кто-то бесцеремонно тряс его за плечо, но он не реагировал, а смятенно и горько думал:

«Вот я и вписал свою строчку... Вот и вписал... Что бы ни говорила королева, но дальше пойдут другие — молодые, практичные... А моя дистанция кончилась... Я долго бежал, и меня чествуют как победителя, но только я понимаю, что победа — это конец, разорванная финишная ленточка... Точка, где жизнь превращается в строчку... в последнюю строчку...»

Королевские обязанности Никки росли как ком, катящийся в тёплом, липком снегу, и ей всё реже удавалось погулять с Джерри в лесу или парке. Юноша расстраивался, но ничего не мог поделать. И в этот раз он в одиночестве отправился в лес подышать свежим воздухом. Парка он стал избегать после памятного разговора с Элизой. В лесу спокойнее, там можно было найти совершенно укромные места. Джерри взял с собой лаптоп, чтобы поработать с книгой отца, и зашагал в дальний уголок леса, незаметно оглядываясь — он хотел быть уверенным, что его никто не видит.

На дорожке лежали косые утренние тени. Рассвет совсем недавно сменил двухнедельную лунную ночь, и птицы без усталости пересвистывались в кронах деревьев радостной новостью о долгожданном восходе солнца.

Джерри с наслаждением вдыхал густой аромат прелой старой хвои, перебиваемый струями острого запаха молодой зелени. Иногда дорожка выбегала на небольшие солнечные полянки — и в лицо веял горячий ягодный дух.

У мшистого соснового пня юноша обернулся. Вокруг никого не было, лишь в луче света танцевала оранжевая бабочка. Юноша сошёл с тропы и двинулся прямо в гущу кустов.

Через пару минут он вышел на знакомую полянку, окружённую зелёно-голубыми колорадскими елями. Полянка отличалась от десятка других подобных лишь хаосом крупных камней посередине. Две плиты образовывали что-то вроде кресла; Джерри с удовольствием устроился на камнях, положил голову на тёплый шероховатый монолит и вытянул ноги.

Солнце светило прямо в лицо. Юноша закрыл глаза и постепенно погрузился в приятно-расслабленное состояние ничегонеделания, доступное только очень усталым людям. А Джерри доставалось в последнее время не меньше Никки, разве что дела его не носили великосветского характера и он мог заниматься ими где угодно. «Бедная Никки, — подумал он, — ей даже некогда выйти погреться на солнышке...» Он здорово не выспался при двойной нагрузке — занятия в Колледже и работа в Центре, — и на него незаметно навалилась дремота. Даже какой-то странный сон стал сниться.

Но недолго — на лицо юноши упала тень, и он открыл глаза.

Кто-то стоял перед ним, загораживая солнце. Лицо человека совершенно не различалось из-за солнечного сияния, но по фигуре было понятно, что это девушка.

— Никки? — ослеплённо моргая, озадаченно спросил Джерри.

— Вот и не угадал, — весело засмеялась девушка и села рядом на валун.

«Рогатый эльф!» — ругнулся про себя Джерри, наконец рассмотрев Элизу.

— Как ты меня нашла? — удивлённо спросил он.

Она неопределённо пожала плечом, на котором сидела оранжевая бабочка.

— А ты прятался? Я тоже знаю эту полянку. А что ты хочешь тут делать?

Джерри больше всего хотелось встать и уйти, но это было бы предельно невежливо. Он прохладно ответил, прозрачно намекая в прошедшем времени:

— Собирался немного поработать на свежем воздухе.

— Да брось ты, сколько можно работать! — засмеялась Элиза. — Ты и так лучший ученик среди Сов.

Элиза совершенно не расстроилась из-за того, что Джерри обозначился и назвал её чужим именем — да ещё каким! — и в её голосе слышалась нескрываемая радость.

— Вовсе нет, — отрицательно качнул головой Джерри. — И у меня есть другие дела.

— Я знаю, — сказала Элиза. — Ты работаешь в Центре королевы Гринвич.

— Да, — сухо согласился Джерри, — у Никки.

— О нет! — с непонятным торжеством воскликнула Элиза. — Джерри, ты должен понять: твоя подружка уже не просто сотрапезница Никки. Она — королева! Младшая принцесса Дзинтара уже несопоставима с ней титулом.

— Ну и что? — нахмурился Джерри.

— Чудак! — рассмеялась девушка.

Джерри присмотрелся к ней внимательнее. Улыбающаяся Элиза была одета легко — на ней красовались лишь шорты-хаки и белая футболка. Загорелые ноги босы, лишь защищены от колючих шишек гибкими прозрачными подошвами. Рыжие пышные волосы до плеч золотились на солнце, зелёные глаза Элизы ласково смотрели на Джерри. Оранжевая, в тон волосам, бабочка сидела на плече девушки изящной брошкой.

«Шпионка!» — сердито подумал на бабочку юноша. Была бы его досада меньше, если бы рыжеволосая девушка не была так эффектна?

«Уран на боку! Какая неловкость!»

Джерри прекрасно знал, что Элиза в него влюблена, а умница Элиза отлично понимала, что он знает про это. А когда рядом с юношей сидит красивая и влюблённая в него девушка, то воздух становится наэлектризованным, как перед грозой. И эта напряжённость только усиливается от того факта, что сердце юноши давно занято и он никак не может ответить на чувство девушки.

Даже если она первая красавица Колледжа!

— Джерри, ты совершенно не представляешь, что такое — быть королевой, — пустилась в объяснения Элиза. — Это принципиально другой уровень проблем и

обязанностей, чем у нас — простых смертных. Когда я узнала, что Никки стала королевой, я очень обрадовалась! — откровенно воскликнула девушка.

— Да? — удивился Джерри.

— Конечно! — засмеялась Элиза. — Я сразу поняла, что ваша... дружба обречена. Никки перешла на уровень, когда привязанности к обычным людям уже не существенны.

— Я так не думаю, — сухо сказал юноша.

— Джерри, я лично хорошо знакома с несколькими королевскими фамилиями, — вздохнула Элиза, — включая *настоящих* королей. Их брак рассчитывается по стольким параметрам... Королям не разрешены нормальные чувства и эмоции — они заложники своего положения.

— Кажется, ты не очень любишь королей, — с трудом улыбаясь, сказал Джерри.

Элиза заглянула в глаза юноше.

— Джерри, я не эгоистка, которая думает только о себе. Я знаю, что ты остался один после смерти родителей, и понимаю, что дружба с Никки для тебя важна...

Девушка замялась.

— Я хочу, чтобы ты знал — у тебя есть ещё... один друг, которому ты... очень дорог. И мне страшно подумать, что будет, когда... Если бы Никки просто осталась богатой рантье и не лезла в политику... Но у неё амбициозные планы. Она должна войти в союз с другими королевствами, а главный путь для этого — брак с принцем другой династии... Милый Джерри, у тебя нет шансов стать мужем королевы, — серьёзно и с сочувствием сказала Элиза.

Джерри сдавило грудь. Он понимал, что Элиза говорит искренне, но его мозг отказывался верить услышанному.

— Я ещё не могу предсказывать будущее — вот доживу до него и там посмотрю... — сказал он мрачно.

— Конечно... — вздохнула Элиза. — Но я должна была тебя предупредить. Я знаю, что Никки платит за твоё обучение и ты признателен ей за это. В таких условиях ты просто вынужден работать на неё.

— Мы работаем вместе не из-за этого, — возразил Джерри.

— Может, вопрос финансового долга сейчас не важен для тебя, но он — тот камень, который будет держать тебя в центре Гринвич, даже если ты захочешь уйти оттуда.

— Почему я должен захотеть уйти оттуда? — сердито удивился Джерри.

— Когда владельцем центра окажется не просто Никки, а королева Николь с мужем, каким-нибудь принцем, — медленно сказала Элиза, — тебе там будет трудно работать.

— Опять ты за своё! — рассердился не на шутку Джерри.

— Джерри, это может случиться скорее, чем ты думаешь, — сказала Элиза. — С юными королевами и принцессами часто так...

Мрачное молчание.

— У меня к тебе есть предложение... скорее — просьба... — продолжала Элиза.

— Какое предложение? — буркнул юноша.

— Пожалуйста, не сердись, милый Джерри! — воскликнула Элиза. — Не сердись и не хмурься! Я просто хочу, чтобы ты знал: у меня много денег. На сегодняшний день моё личное состояние, за которое я никому не даю отчёт, около двух миллиардов. Любимая прабабушка надарила... Ты можешь взять у меня сколько нужно денег и расплатиться с Никки.

Джерри хотел возразить, но Элиза предостерегающе подняла руку и добавила:

— У меня одних процентов набежит в год столько, что твой долг — ничтожная сумма для меня. Ничего не прошу, никаких условий не ставлю, ты ничем не будешь мне обязан — это я буду рада, что смогла помочь тебе хоть чем-то...

Девушка говорила с таким искренним чувством, что злость Джерри куда-то испарилась, и он тихо сказал:

— Спасибо за предложение, Элиза, — он, конечно, не собирался у неё одалживаться,

но оценил её слова.

— Чудная полянка! — сказала девушка, оглянувшись вокруг. — И солнышко приятное, нежаркое.

Элиза легко поднялась на ноги. Сделала несколько длинных загорелых шагов по лужайке, а потом вдруг сняла футболку и бросила её на траву, оставшись в купальнике.

— Можно, я позагораю рядом?

Что можно ответить на такой вопрос?

Элиза закинула руки за голову и с очаровательной непосредственностью потянулась на солнышке.

— Я тебе нравлюсь? Я — красивая? — вдруг спросила девушка.

Джерри не умел врать:

— Ты не можешь не нравиться, ты — первая красавица Колледжа. Но какое это сейчас имеет значение?

Элиза радостно улыбнулась.

— Мне это важно знать! А *будет* ли это иметь значение?.. Доживём до будущего, а там посмотрим... — повторила она слова Джерри.

— Я хотел бы поработать, — наконец решился сказать юноша. — У меня много дел, которые надо сделать до завтра...

Элиза резко помрачнела — словно внутри неё выключили свет. Плечи девушки ссутулились, а голова наклонилась. Рыжие волосы потускнели и загородили лицо.

Элиза стояла неподвижно, опустив руки.

Вдруг на землю стали падать крупные прозрачные капли, поблёскивая на солнце. Они летели вниз медленно и часто, разбиваясь и оседая росой на траве.

— Что случилось, Элиза? — вскочил Джерри.

Девушка не отвечала.

Джерри заглянул ей в лицо. Оно было искажено такой мукой, что юноша вздрогнул.

— Элиза?

Слёзы лились беззвучно и непрерывно.

Джерри взял девушку за плечи и тихонько встряхнул, пытаясь привести в чувство. В ответ Элиза неожиданно прижалась к Джерри и спрятала лицо на его груди. Юноша замер. Девушка всхлипывала и бормотала:

— Джерри... Джерри... я потерялась и не могу себя найти... у меня всё валится из рук...

Рубашка юноши быстро промокала. Отсыревшие слова еле долетали до слуха юноши, но слёзы были красноречивей слов.

— Джерри... ты мне снишься каждую ночь... я просто схожу с ума... я никогда не думала, что это может быть ТАК сильно...

Элиза подняла заплаканное лицо и посмотрела на него с таким отчаянием и такой надеждой, что он почувствовал себя последним негодяем.

Их губы были очень близки. Элиза закрыла глаза и замерла.

Не ответить на такое чувство — это как ударить ребёнка.

Но Джерри сказал:

— Элиза, я люблю Никки!

В его голосе были и боль, и непреклонная решимость.

Девушка вскрикнула, как птица, жестоко раненная на лету, сверкнула заплаканными глазами и, не разбирая дороги, вихрем умчалась в чащу леса — оскорблённая и прекрасная, в облаке огненных волос.

Джерри остался на солнечной тихой полянке один, тяжело переводя дыхание и пытаясь поднять упавшее сердце.

Оранжевая бабочка спикировала на ослепительно-белую футболку, брошенную хозяйкой, вцепилась в неё всеми лапками и, натужно жужжа, как огромный шмель, поднялась в воздух и медленно полетела вслед за Элизой.

— Чёрт! Дьявол! Чёрт! — Джерри был совершенно выбит из колеи.
Забытый лаптоп валялся у камней.

Глава 15

Император Северных

В пятницу во время ужина Никки обратилась к Дзинтаре непривычно официально:

— Принцесса Дзинтара, могу я попросить вас представить меня королю Шихину?

Дзинтара вскинула красивые чёрные глаза:

— Когда?

— Как можно быстрее... — сказала Никки, вернувшись к обычному тону, — у меня к нему важный разговор. Ты же понимаешь, что я не буду по пустякам тревожить такого человека. Дело прямо касается вашей династии, но в детали я не хотела бы сейчас вдаваться.

Дзинтара задумалась и кивнула.

— Поговорим из моей комнаты — там спокойнее.

Комната принцессы, в которую Никки попала впервые, поразила её шкафом, полным старых бумажных книг, и огромной белой шкурой на кровати.

— Чей это мех?

— Полярного медведя, — сказала Дзинтара, — память о единственном моём убийстве... Напоминание, чтобы оно осталось единственным.

— Зачем же ты на него охотилась?

— По детской наивности мне думалось, что... будет интересно, но оказалось, что это не так... — ответила русская принцесса. — Не думай, что этот зверь был тихим плюшевым мишкой: он задрал человека, поэтому и выдали лицензию на его отстрел. Но убийство даже такого людоеда мне категорически не понравилось. Больше не буду никого лишать жизни. Даже в биологии выбрала мирную ботанику.

— Я тебя понимаю... — Никки глубоко вздохнула, — осознавать себя причиной смерти даже убийц — очень болезненное ощущение.

Другой примечательной деталью в комнате Дзинтары оказались старые картины маслом. Самая большая изображала крепкого старика-шахтёра с седеющей бородой, присевшего в подземном штреке на тачку, нагруженную породой. Старик опирался на истончившуюся от работы рукоять кирки и был одет в грубую зелёную куртку со швами наружу, тёмную шапку и шарф из красной клетчатой шотландки. Брюки перехвачены ниже колен верёвочками — чтобы горная пыль не набивалась. Живые глаза старика устало и настороженно смотрели прямо на Никки — куда бы она ни перемещалась в комнатном тесном пространстве.

— Деятнадцатый век, малоизвестный английский художник Шау, но мне нравится, — сказала Дзинтара. — Этот старик смотрит сквозь время и напоминает мне о моих предках, которые работали в уральских горах. Я сама купила эту картину у Кристи.

Остальные картины были пейзажами. Выполненные крупными мазками, вблизи они выглядели почти хаотично, а при взгляде с расстояния превращались в яркую картину сада, берега с лодками или старинного города.

— Французские импрессионисты, — пояснила принцесса, — большей частью — Ван-Гог.

— Оригиналы?

— Далеко не все, — с сожалением вздохнула хозяйка комнаты. — Ван-Гога просто невозможно достать. Это молекулярно-прецизионные копии.

— Ван-Гог — тоже девятнадцатый век? — сказала Никки, указав на картину с огромными звёздами, вокруг которых удивительно завихрялось, искривлялось небо. — Хм... этот гений предвосхитил Эйнштейна: художник раньше учёного понял, что ослепительная и могучая звезда просто НЕ МОЖЕТ оставить пространство вокруг себя мёртвым и равнодушным.

Дзинтара кивнула:

— Знаменитая «Звёздная ночь».

— Что это за книги? — спросила Никки, с любопытством глядя на позолоченные старинные обложки за стеклом шкафа.

— Сочинения моих любимых поэтов и писателей.

— Сколько же языков ты знаешь? — спросила Никки, разглядывая названия, где ей часто были не только непонятны слова — даже буквы принадлежали не известным ей алфавитам.

— Свободно — только два, — невозмутимо сказала Дзинтара, — английский и русский. Хорошо знаю испанский и японский. Неплохо читаю на китайском и французском. Ну и итальянский, португальский и немецкий — на уровне бытовой беседы, шоппинга и заказа в ресторане.

— Потрясающе, — позавидовала Никки, — а я, кроме английского, только начала учить французский. Это родной язык мамы. С детства помню лишь: «Са ва? Тре бьен...» и мамину колыбельную.

— Зато у тебя масса других талантов, — улыбнулась Дзинтара.

— Почему книги так старо выглядят?

— Здесь только прижизненные издания с автографом автора... — спокойно сказала Дзинтара. — Мне нравится брать в руки книгу, которую держал сам поэт. Это похоже на братское рукопожатие...

— Здорово! — восхитилась Никки. — Наверное, каждая такая книга стоит целое состояние.

— Наверное, — равнодушно пожала плечами принцесса и нажала кнопку на своём т-фоне.

Большой настенный экран не зажёгся, но буквально через секунду раздался сильный мужской голос:

— Здравствуй, моя девочка, почему я тебя не вижу?

— Здравствуй, папа, — улыбаясь, сказала Дзинтара, — позволь представить тебе мою подругу Никки Гринвич, она хочет поговорить с тобой.

— Отлично, я сам давно хотел познакомиться с этой юной королевой! — энергично сказал мужчина, и Дзинтара ещё раз нажала кнопку.

На экране во весь рост появился мускулистый человек средних лет с тёмно-каштановыми волосами и широкоскулым насмешливым лицом, одетый в белые брюки и облегающую мягкую рубашку цвета тёмной сирени.

— Здравствуйте, королева Николь, — церемонно поклонился он Никки, слегка смутившейся от всё ещё непривычного для неё обращения. Она тоже наклонила голову и вежливо сказала:

— Для меня большая честь познакомиться с вами, король Алекс!

— Если вы разрешите звать себя Никки, то я буду рад откликаться на имя Алекс, — улыбнулся король Шихин.

— С удовольствием, Алекс.

После чего Шихин повернулся к дочери.

— Ты выглядишь отлично и весело, Дзи! Кажется, Школа Эйнштейна тебе по-прежнему нравится?

— Да, — сказала Дзинтара, — здесь атмосфера... даже лучше, чем я ожидала. И хочу тебе сказать, что Никки составляет важный элемент этой атмосферы — она умная, смелая и непосредственная. Мы с ней сидим за одним столом, и я её хорошо знаю. Она никогда не врёт и не кланяется никому, даже королям. Мои знакомые принцессы просто скучные дуры по сравнению с ней.

Никки удивлённо посмотрела на Дзинтару — та никогда раньше не говорила так о ней.

— Я знаю, она уникальна, — кивнул Шихин, — и рад, что вы — подруги. О чём вы хотите поговорить, дорогая Никки?

— Буду краткой, — сказала Никки, — но готова обсудить всё подробнее. Алекс, вы имеете представление о математической теории катастроф и социосистемной математике?

— Да, — лаконично ответил Шихин.

— Тогда вы знаете, что стабильность Северной группировки династий описывается системным уравнением девятого порядка, а стабильность всей человеческой цивилизации — это уравнение десятого порядка.

— Знаю, поэтому попытки Южных династий изменить что-то в расстановке сил на мировой арене всегда оканчивались неудачей. Все эти попытки попадали в категорию воздействия на уровне низших порядков и не нарушали стабильности системы.

— По моим данным, — спокойно сказала Никки, — сейчас Южные готовят бифуркационную технологию четвёртого уровня, что понизит цивилизационную стабильность до шестого порядка и позволит не только свалить Северную группировку, но и изменить мировую линию всей цивилизации.

Широкоскулое лицо Алекса Шихина отвердело. Наступила краткая пауза.

— У вас есть более детальная информация? — спросил император Северных.

— Да, есть. И контрпредложение тоже четвёртого уровня.

Глаза Шихина расширились.

— Не продолжайте, пожалуйста. Сегодня пятница, все занятия в школе уже кончились. Никки, могу я пригласить вас вместе с Дзи провести уик-энд в нашем замке? Здесь мы сможем поговорить спокойно.

Никки согласно наклонила голову. Лицо Дзинтары выражало некоторую растерянность.

— Через сорок минут мой катер заберёт вас у Главной башни.

— Нам нужна охрана, — серьёзно сказала Никки, — парочка истребителей для эскорта не помешают.

Шихин кивнул:

— До встречи.

То, что король Шихин назвал катером, оказалось на деле крейсером — небольшим, но с мощным вооружением, который еле уместился в немалом шлюзе Колледжа. Когда Дзинтара с сумкой, а Никки с огромным чемоданом подошли к Главной башне, их встретили человек десять из службы безопасности династии Шихиных, а над куполом мерцали габаритные огни шести боевых истребителей, ожидающих взлёта катера.

— Кажется, твой отец переборщил в ответ на мою просьбу, Дзинтара, — подняла брови Никки.

— Ничего, — успокаивающе сказала принцесса, — хотя я никогда не улетала из Колледжа с такой помпой, но русские считают, что кашу маслом не испортишь...

— Интересная поговорка, щедрая...

Охранники профессионально сканировали взглядом окрестности и подчёркнуто не обращали на девушек внимания. Зато капитан катера в парадной форме космофлота клана Шихиных вежливо поклонился Никки и Дзинтаре.

— Ваше величество, ваше высочество, — приветствовал он их в порядке, предписанном этикетом, — добро пожаловать на борт.

Катер поразил Никки роскошью кают-компания. В центре стоял изумительный стол из цельного куска зелёного узорчатого камня.

— Малахит, — ответила Дзинтара на вопросительный взгляд Маугли.

Мягкие кожаные диваны полуколем окружали это настоящее произведение искусства. Династия Шихиных высоко ценила натуральность. Камень, кожа и дерево. Никаких пластиков, ничего искусственного, даже металла в кают-компания почти не было, за исключением чугунных каминных щипцов узорного литья, бронзовых подсвечников и дверных ручек. Особенно восхитил Никки камин из чёрного, с золотыми прожилками камня — в космическом-то корабле! — уже разожжённый к их приходу. Пока девушки

устраивались в кают-компании, где Никки поставила чемодан рядом с собой, катер неслышно взлетел и, в сопровождении эскадрильи истребителей, направился в сторону Луна-Сити, в фамильную резиденцию клана Шихиных.

За бортом раскинулась двухнедельная ночь, и на поверхности Луны, кроме редких пятен светящихся куполов, смотреть было не на что. Дзинтара устроилась у камина и потребовала себе фруктового пива. Никки заказала кьянти, и стюард в старинном фраке принёс его — настоящее итальянское! — и налил в пузатый бокал тонкого стекла, показав сначала Никки бутылку с этикеткой на незнакомом языке.

Обе девушки уютно забрались с ногами на мягкий диван.

— Ты столько комплиментов мне отвесила, — посмотрела Никки на Дзинтару, — на тебя совсем не похоже.

— Для отца важно знать, как я к тебе отношусь, — сделала величественный вид Дзинтара, — так что это была чисто деловая характеристика.

— Какая деловая принцесса! — хихикнула Никки.

— Ты на себя посмотри, — смешливо фыркнула Дзинтара, — социосистемная математика... контрмеры четвёртого уровня...

— Тс-с, — мгновенно посерьёзнела Никки. — Не повторяй больше никому. Учти, это очень опасная информация — отчасти поэтому они и летят вокруг нас, — она указала на обзорные экраны, где виднелись огни истребителей.

— Хорошо, хорошо, — торопливо и виновато отозвалась Дзинтара, — я всё поняла...

Помолчав, принцесса вполголоса спросила:

— Ты хоть растолкуй в общих чертах, что означает — технологии разных уровней?

Никки охотно разъяснила:

— Технология первого уровня — это важнейшие из открытий или изобретений, сделанных в течение года. Например, какая-нибудь сверхэкономичная лампочка. Технологии второго уровня — это самые важные достижения за десять лет, что-нибудь вроде информационного кристалла. Третий уровень присваивается технологиям, важным в масштабах века, — паровая машина, самолёт, телефон. Самые значимые технологии важны в масштабах тысячелетия — книгопечатание, математическое описание природы, ядерная энергия, космические корабли, компьютеры. Это — технологии четвёртого уровня, и они своим появлением определяют основные повороты истории.

— Ясно! Значит, технологии четвёртого уровня — горячая штука! — пошутила принцесса.

Юная королева кивнула, не улыбнувшись.

Не долетев до Луна-Сити, светящегося ярким заревом впереди, катер пошёл на снижение, нацелившись на отдельный купол, который был, пожалуй, даже больше купола Колледжа. Стройная громада замка пробивала центр стеклянной выпуклости и вздымалась на головокружительную высоту, полыхая огнями сверху донизу. Великолепное зрелище в темноте лунной ночи.

— О Андромеда! — воскликнула Никки.

— Самое высокое строение Солнечной системы, — сказала Дзинтара, — папа делает лунный бетон, так что всё строилось из своего материала...

В голову Никки вдруг пришла, скорее ввалилась, паническая мысль:

«Ты — вчерашняя Маугли. В своём ли ты уме, что напросилась на приём к императору, живущему в высочайшем дворце и управляющему половиной мира?»

Дикая Маугли встрепенулась, внимательно рассмотрела эту мысль — и выбросила её из головы, как слишком цивилизованную.

Крейсер влетел в верхние замковые ворота, расположенные над самым куполом, и виртуозно приземлился в середине огромного шлюза.

Королеву и принцессу встретил у входа в замок невообразимо величественный дворецкий в тёмно-зелёном фраке. Он церемонно проводил их в помещение, от которого Никки раскрыла рот — зал, отделанный уже знакомым зелёным узорчатым камнем и

золотыми орнаментами, был сказочно красив.

За большим столом, окружённым высокими креслами травяного бархата, сидел Алекс Шихин и разговаривал с кем-то на настольном экране. Увидев входящих гостей, он торопливо попрощался с собеседником и быстро пошёл навстречу.

— Рад встрече, дорогая Никки, — и он поцеловал ей руку, опять повергнув девушку в смущение.

Дочь он ласково обнял и поцеловал в лоб, потом пригласил обеих за стол. Заметив чемодан у Никки, он удивлённо спросил дворецкого:

— Слав, почему вы не унесли багаж Никки в её комнату?

— Мне он нужен, — торопливо сказала девушка.

Шихин кивнул и перестал обращать внимание на чемодан.

— Хотите поесть? — спросил он Никки и Дзинтару.

— Мы только что из кафе Колледжа, — ответила Дзинтара.

— Что ж, тогда мы можем поговорить? — вопросительно обратился старший Шихин к Никки.

Та кивнула. Король повернулся к Дзинтаре и замялся.

— Прости, Дзи, но я не хочу, чтобы ты присутствовала при разговоре. Это слишком опасно и может осложнить твою жизнь.

Дзинтара нахмурила брови — ей не понравился такой поворот событий.

— Носитель подобной информации окажется в таком фокусе... внешней заинтересованности, что его придётся охранять, — вздохнул Шихин.

— Я тебе говорила об этом, — посмотрела на Дзинтару Никки, — ты же не хочешь, чтобы тебя всюду сопровождала эскадрилья истребителей?

— Но, значит, и Никки в опасности? — продолжала хмуриться Дзинтара.

— Конечно, но она королева своей династии, — серьёзно сказал Алекс, — и у неё нет выбора. Извини, Дзинтара, я не могу подвергать тебя такому риску. На этом совещании будем присутствовать только мы со Стефаном. Потом посмотрю, что можно будет рассказать тебе, маме и остальным.

— Ладно, оставайтесь с вашими секретами, — поднялась недовольная Дзинтара. — Мама у себя?

— Да, она уже знает, что ты прилетела, и ждёт тебя, — виновато улыбнулся Алекс дочери.

Дзинтара махнула Никки рукой и ушла. Алекс нажал кнопку т-фона:

— Стефан, мы в Малахитовом зале! — и повернулся к Никки:

— Может, всё-таки хотите что-нибудь выпить?

И она не удержалась от заказа — когда ещё попробуешь настоящего итальянского кьянти?

Через несколько минут в зал вошёл высокий молодой человек лет двадцати, с красивым высокомерным лицом и чёрными вьющимися волосами.

— Королева Никки, — тон Шихина стал официальным, — разрешите представить вам старшего принца Стефана.

Принц внимательным взглядом измерил девушку — один раз вдоль и два раза поперёк, — потом вежливо поцеловал ей руку.

— Рада знакомству, принц Стефан, — сказала Никки, пытаясь привыкнуть к королевским обычаям.

— Зовите меня Стефан или Стив, как вам удобнее, — сказал тот, не отводя глаз от девушки с хрустальными волосами, которая выглядела очень привлекательно в узком брючном костюме.

— Тогда вы меня — просто Никки, — согласилась она.

Они сели вокруг стола, и Алекс спросил:

— Что вы хотели нам рассказать, Никки?

Как обычно, Никки не стала ходить вокруг да около.

— Мой научный центр получил и проанализировал важную информацию об одной из главных исследовательских корпораций Южных династий и пришёл к следующему выводу: Южная группировка реализует в последние пятьдесят лет долгосрочный план по коррекции канала мирового развития. Принятие закона о геносвободе — важнейший элемент этого плана.

Её слушали внимательно.

— Как показывает анализ деталей этого плана, он — не самостоятельная операция, а часть более обширного замысла. Есть серьёзные основания полагать, что план Южных рассчитан на появление бифуркационной технологии четвёртого уровня, которая способна понизить уравнение стабильности цивилизации с десятого до шестого порядка и привести к кардинальному изменению расстановки сил на мировой арене. В точке бифуркации, связанной с новой технологией, канал исторического развития человечества будет повернут в нужную Южным сторону.

В Малахитовом зале было совершенно тихо. Король и принц не отрывали глаз от лица Никки.

— Суть ожидаемой бифуркационной точки засекречена так, что прямую информацию о ней добыть невозможно, но, после обработки косвенной информации и моделирования различных вариантов, мы полагаем, что речь идёт об открытии способа значительного продолжения жизни человека — до тысячи лет, а, может быть, и до потенциального бессмертия.

Никкины слушатели на этом месте переглянулись.

— Отличная работа, Никки, — похвалил Алекс, — мои аналитики потратили на получение аналогичных выводов гораздо больше времени.

— Очень хорошо, что вы уже знаете об этом, — кивнула ничуть не удивлённая Никки. — Могу я спросить, какие контрмеры вы планируете?

Королева отпила из бокала, смягчая уставшее горло.

— Сложный вопрос, — вздохнул Алекс. — Южные опережают нас в медико-генетических исследованиях. Мы тоже активно работаем над технологией бессмертия, но, даже если мы обгоним Южных, это не снимет сути бифуркационной точки — человечество входит в стадию резкого изменения цивилизационного статуса. Вопрос заключается лишь в том, кто — Северные или Южные — будет извлекать из этого переломного момента пользу для себя. Вы ведь и сами понимаете, что многократное увеличение продолжительности жизни, разрешённое законом о геносвободе, приведёт к стремительному росту населения — и мы окажемся перед лицом демографического краха.

— Вероятнее всего, — согласилась Никки, — полноценное увеличение жизни будет доступно только избранным; остальные попадут в полную зависимость к владельцам секрета бессмертия, пресмыкаясь за лишние десять-двадцать лет жизни для себя и своей семьи. Торговля долголетием даст Южным королям колоссальную власть над миром. Северные группировки будут уничтожены, вернее, поглощены Южными династиями, и на Земле воцарится фактическая диктатура. Элита Южных превратится в касту сверхлюдей-долгожителей. Они пойдут по пути генетического улучшения до предела. Возникнет иной вид разумных существ, и человечество будет расколото навсегда.

— Да, что-то подобное мы тоже предвидим, — Алекс с нескрываемым удивлением глядел на юную девушку, подружку своей дочери.

— Вы правы в том, — сказала Никки, — что если Северные первыми найдут методику бессмертия, то сценарий будет смягчён, но аналогичен: массовое распространение долголетия породит демографические проблемы — значит, бессмертными станут лишь богатые люди и самые ценные специалисты. Неизбежно возникнут группа долгожителей и острый социальный конфликт, который придётся гасить диктаторской — или почти диктаторской — властью. Вы это тоже знаете?

— Увы, да, — мрачно кивнул Алекс.

— Итак, я вижу две главные задачи... — продолжила Никки. — Первая задача:

опередить Южных в открытии секрета бессмертия. Нужно помешать Южным извлечь сверхприбыль из этого открытия, не дать им установить мировую диктатуру касты сверхлюдей — долгожителей и мутантов.

Король и принц слушали внимательно.

— Вторая задача: справедливо использовать открытие долголетия — сделать бессмертие доступным для всех. Значит, нам нужно преодолеть неизбежный демографический кризис и создать для растущего населения Земли новые жизненные пространства, обеспеченные энергией, продовольствием и культурной инфраструктурой.

— Неразрешимый комплекс задач, — бодро сказал юный Стефан.

— Вы себя относите к Северным, Никки? — поинтересовался Алекс.

— Для разрушения плана Южных я буду рада сотрудничать с Северными. Хотя бы из-за того, что именно Южные сознательно и целенаправленно толкают мир к диктатуре. Мои родители... и другие люди стали жертвой их плана. Но если Северные будут действовать так же, как и Южные, то наш союз станет невозможным.

— Понимаю вас, — наклонил голову Алекс. — Вы говорили о каких-то контрмерах?

Никки молча встала и открыла свой огромный чемодан. Алекс со Стефаном невольно вытянули шеи. Девушка достала что-то вроде куба и развернула на нём складные подлокотники и спинку. Получилось небольшое массивное кресло, в которое Никки и села.

Раздался нарастающий лёгкий свист, после чего кресло с девушкой медленно поднялось в воздух и повисло на высоте двух метров.

— Сделай кружок, Робби, — сказала Никки.

Куб плавно облетел зал и, скользя над головами Алекса и Стефана, пёрышком приземлился на паркет и плавно подъехал к столу.

Никки пересела в обычное кресло.

— Фантастика! — воскликнул Стефан с горящими глазами. — Нет никакой реактивной струи!

— Неужели антигравитация? — выдохнул не менее впечатлённый Алекс Шихин.

— Нет, — сказала Никки, — но можно называть и так. Это уведёт любопытных на достаточное расстояние от истины.

— На сколько времени полёта хватает батарей? — спросил возбуждённый Стефан.

— В этом главный фокус, — улыбнулась Никки. — Здесь нет никаких батарей. Кресло может летать, пока не проржавеют какие-нибудь важные части. Это устройство по извлечению энергии, скажем так — для маскировки, — из вакуума. Получаемая энергия может интерпретироваться как давление, и в данном случае мы используем вакуумное давление для полёта.

— Летательный аппарат и одновременно бесконечный источник энергии? Надеюсь, это не вечный двигатель?! — воскликнул поражённый старший Шихин.

— Нет-нет, никакого вечного двигателя, но источник, откуда устройство черпает энергию, — это реликтовый энергетический фон самой Вселенной... проще говоря, мы имеем дело с практически неисчерпаемым резервуаром энергии.

Алекс Шихин взволнованно встал и подошёл к креслу, рассматривая его. К нему присоединился и Стефан.

— Никки, вы действительно уникальны! — воскликнул Алекс Шихин. — Как вам удалось сделать такую *штуку*?

— Детали слишком длинны и скучны, — уклончиво сказала Никки. — Главное для нас, что с помощью этой штуки мы можем получить неограниченное количество почти бесплатной и экологически чистой энергии. Ни гелий-3, ни другие энергоносители будут уже не нужны. Автомобили, самолёты и космические корабли смогут двигаться на новом принципе, станут дешёвыми и более удобными.

— Наши корабли и так вполне комфортабельны, — удивился Стефан.

Девушка посмотрела на него тоже удивлённо. Понимает ли принц, что не все люди летают на личных крейсерах? Не переживая при этом о стоимости топлива для них?

— Никки, вы знаете, что пятнадцать процентов доходов наша династия получает от добычи гелия-3? — нахмурился Алекс Шихин.

— Знаю, — кивнула Никки, — но Южные имеют от продажи энергоносителей сорок процентов, а у Дитбитов, с учётом производства космических кораблей, реакторов и установок жизнеобеспечения на гелии-3, — две трети доходов связано с гелием. Если всё грамотно спланировать, то ваши потери будут быстро и с лихвой скомпенсированы, а Южная группировка — уничтожена наполовину.

Юная королева отпила из бокала, стоящего перед ней на узорной зелёной поверхности стола, и посмотрела на собеседников.

— Сейчас научные центры Северных династий поодиночке работают над проблемами продления жизни, конкурируя друг с другом и распыляя силы и средства. Я предлагаю вам организовать совместный проект Северных по бессмертию. Моя династия готова вложить в него до половины капитала, что заметно ускорит биологические исследования. По оценкам моих аналитиков, за десять-двадцать лет проблема продолжительности жизни — или даже бессмертия — будет решена. Опередив Южных, мы нейтрализуем их.

Шихины невольно переглянулись.

— Моё условие — долголетие должно быть доступно абсолютно *всем*, а не концентрироваться в элите.

— Как же быть с демографическим кризисом? — поинтересовался Стефан.

— Проблему роста населения мы решим с помощью космической экспансии человечества. Дешёвые корабли с вакуумными двигателями позволят расселить людей практически везде в Солнечной системе, где есть приемлемые гравитационные условия. Для стимуляции космических колоний именно переселенцам в первую очередь будет предоставлено долголетие. Это отсрочит демографический кризис на сто лет. За это время мы сможем построить межзвёздные корабли — на основе той же реликтовой энергии. У меня уже есть подходящий проект такого корабля.

— О боги! — воскликнул поражённый Шихин. — Какие грандиозные планы! Но кто будет оплачивать постройку межзвёздных транспортов? Правительства не захотят тратить деньги на то, чтобы их граждане и налогоплательщики улетали к звёздам. ООН, выражая волю государств, тоже не поддержит этот план, хотя он очень привлекателен с точки зрения прогресса.

Никки фыркнула.

— Неужели я похожа на человека, который в своих планах рассчитывает на поддержку правительств? Межзвёздная экспансия будет исключительно частным делом. Деньги на неё дадут покупатели долголетия. Цена бессмертия будет включать оплату постройки новых кораблей и решение демографического кризиса.

Стефан присвистнул.

— Да, — задумчиво сказал король Шихин. — Это сильный ход. За бессмертие можно и переплатить.

— Поэтому нам нужна монополия на бессмертие. Не грабительская, а разумная. Моделирование показывает, что если процедура продления жизни станет продаваться бесконтрольно, без учёта дальних последствий, то рост населения всё равно приведёт к необходимости межзвёздной экспансии, но это произойдёт на сто-двести лет позже, через экологический кризис и волнения, сопоставимые с гражданскими войнами. А звёздные экспедиции будут похожи на насильственную высылку части населения в тюремных кораблях.

— Как вам удалось заглянуть так далеко в будущее? — удивлённо поднял брови Шихин-старший.

Никки предпочла расценить эту реплику не как вопрос, а как комплимент, и просто улыбнулась в ответ.

— Полёт к другой звезде может занять десятилетия, — серьёзно заметил Стефан. — Трудно будет найти добровольцев для долгой жизни в тесном корабле.

— Правильно, — кивнула Никки, — но под межзвёздным кораблём я подразумеваю не обычную металлическую коробку. Мы возьмём крупное транснептуное тело, с радиусом в сто или двести километров, и оборудуем его нашим... э-э... антигравитационным двигателем — вернее, целым набором таких двигателей. Энергии — неограниченное количество, вода, кислород и минералы — в изобилии. На вершине транснептуна строится купол — или сеть куполов — общей площадью в десятки тысяч квадратных километров для популяции в несколько миллионов человек.

— Постройка таких куполов потребует огромных средств! — попытался возразить Алекс.

— Всё будет предельно автоматизировано, — спокойно сказала Никки. — Мои эксперты по кибернетике уже запатентовали несколько вариантов нового типа робота, который сможет работать в условиях льда и камней, талой воды и подземных пещер. Интеллект у этих киберов мы сделаем очень совершенным. Пока роботы не построят купол и город, человек даже не ступит на поверхность будущего корабля-транснептуна. При массовом создании куполов и самовоспроизводстве роботов из местных материалов будущий город на транснептуне может обойтись дешевле современного здания на Луне.

Стефан с невольным восхищением посмотрел на юную девушку, так смело рассуждающую о судьбах человечества.

— Полёт будет проходить в условиях полного комфорта, как на Луне, или даже лучших — ведь ускорение можно будет сделать равным земному. На межзвёздном корабле полетят долгожители со сроком жизни в многие тысячи или десятки тысяч лет... полагаю, что желающих совершить космическое путешествие найдётся много! Люди, отправляющиеся в межзвёздное путешествие, получают бессмертие даром — за счёт остающихся жителей Солнечной системы. У каждого человека будет непростой, но свободный выбор: или заработать себе бессмертие на Земле или Луне — или получить его бесплатно, отправившись к звёздам. Сто межзвёздных кораблей в год — а транснептунов хватит надолго, — и мы решаем проблему перенаселённости Земли и начинаем межзвёздную и вполне комфортабельную экспансию человечества. Причём достойную людей, а не зверей.

— Изумительно! — воскликнул Алекс. — Никки, вы — гений! Замахнуться на решение стольких задач одним ударом... у меня просто нет слов!

— Да, — галантно сказал Стефан, — для столь юной и красивой королевы, Никки, вы необычайно умны...

Летающее кресло вдруг взмыло вверх. Собеседники невольно проводили его взглядами. Ещё одна демонстрация? Но куб резко спикировал и приземлился прямо в холодный рот огромного камина.

— Что вы делаете? — нахмурился Шихин-старший.

— Избавляюсь от обременительного груза, — спокойно ответила Никки.

Куб кресла низко загудел и раскалился изнутри докрасна. По резкому треску и шипению, доносящемуся из куба, было件нятно, что вся начинка кресла безвозвратно расплавилась.

Стефан расстроено вздохнул, а Шихин-старший открыл рот, собираясь что-то сказать, но промолчал, хотя этот поступок его тоже явно огорчил.

Никки невозмутимо продолжала:

— Делаю предложение династии Шихиных, а через вас — всем Северным династиям. Я отдаю вам секрет этого устройства и права на его использование с отчислением в мою пользу двадцати процентов от продаж.

Оба Шихина с напряжёнными лицами невольно посмотрели друг на друга.

— Но вы, наверное, понимаете, что я — не Санта Клаус с подарками. Взамен я прошу передать мне под полный контроль все медико-биологические центры Шихиных и других Северных династий.

Стефан присвистнул:

— Вы шутите?

Алекс, нахмурившись, переспросил:

— Вы хотите контролировать наши геронтологические и генетические проекты?

— Правильно, но в этом случае они будут уже скорее мои, чем ваши, — сказала Никки. — Поймите: нам нужен жёсткий контроль за бессмертием, хотя бы первые десятилетия, пока демографические проблемы не будут решены.

— Но доход от медико-генетических разработок может быть во много раз больше, чем даже от такого фантастического устройства, как ваш летающий двигатель, — медленно протянул Алекс Шихин.

— Нет, — сказала Никки, — я не претендую на доходы от ваших достижений и снова ограничусь двадцатью процентами. Остальные восемьдесят пойдут вам — то есть разработчикам. Никто не будет забирать или переносить ваши центры, они будут даже управляться по-прежнему вашими менеджерами, но стратегические решения о коммерческом выпуске препаратов, лечебных методов или процедур генетического инжиниринга будут в ведении моего Совета директоров. Я просто не хочу допустить нежелательного развития событий... о котором мы уже говорили.

— Уф... — ошарашенно сказал император Северных. — Моя голова раскалилась, ей надо дать время всё хорошенько обдумать. Давайте продолжим наш разговор завтра.

— Хорошо, — легко сказала Никки, бережливо допила кьянти и поставила пустой бокал на малахитовый стол.

Семья Шихиных завтракала на открытой террасе, выходящей в замковый парк. Утро было настоящее — солнце взошло после двухнедельной ночи, и его почти горизонтальные лучи освещали заросли роз вокруг старой каменной веранды. Среди колючих стеблей и цветов свистела и щёлкала радостная стая пичуг.

— Лунный рассвет сначала освещает Утреннюю веранду, — пояснила Дзинтара. — Через неделю, когда солнце склонится к закату, мы перейдём в другое крыло замка, на Вечернюю веранду.

— Ваш дворец отлично спланирован, — улыбнулась Никки. — С крыльями на рассвет и закат.

За шестиугольным столом, покрытым искусной деревянной мозаикой, из чужих была только Никки. Мать Дзинтары — Анна, красивая молодая женщина с рыжевато-каштановыми волосами, с нескрываемой любовью поглядывала на сидящую слева дочь. По правую руку Алекса Шихина сидели черноволосый принц Стефан и младший сын Айван, рослый белокурый парень лет восемнадцати с голубыми, как у матери, глазами и мягким лицом. Никки посадили между Дзинтарой и Айваном; девушка-Маугли мало говорила, зато с аппетитом поглощала поданную вкуснейшую рыбу. Наверное, это и есть настоящий дикий лосось?

За столом прислуживали не роботы, а двое молодых слуг, которые молча приносили и убирали тарелки. Если не считать церемонного представления Никки королеве Анне Шихиной и младшему принцу Айвану, завтрак протекал в самой непринуждённой атмосфере — с шутками, смехом и громкими разговорами.

Анна Шихина обратила к Никки приветливое лицо:

— Как вы отдохнули у нас?

— Спасибо, прекрасно, — искренне ответила девушка, — так славно спится под шум водопада и песню ночной птички — э-э... соловья?

— Очень рада, — улыбнулась Анна, — пожалуйста, приезжайте с Дзинтарой почаще. Мне так не хватает её после того, как она поступила в Колледж. Эти мальчишки, — королева кивнула на половину стола, где сидели сразу три Шихина, — думают только о бизнесе, ракетах и гелии.

Стефан скорчил недовольную гримасу.

— А она моя любимица, — мать погладила дочь по волосам, — мы с ней подружки. Никки, прилетайте на каждый уик-энд и на все каникулы — считайте это моим постоянным

приглашением на будущее. Я знаю — у вас никого из родных нет... — печально сказала Анна. — Я была бы рада, если бы вы считали наш дом своим. Закрепляю нынешнюю комнату в качестве постоянной вашей резиденции — вы можете оставить там свои вещи.

— Спасибо! — улыбнулась Никки. — Я постараюсь воспользоваться вашим приглашением. У вас столько всего нового и интересного для меня — малахит... соловей... ванна с массирующими струями... — Никки с наивной увлечённостью перечисляла поразившие её вещи, — ...а ваш замок совершенно потрясающий, я никогда в таком не была... правда, я почти нигде не была... а настоящее итальянское кьянти! а дикий лосось! — плотоядно восхитилась Никки и снова склонилась над тарелкой. У Маугли всегда был отменный аппетит.

— Анна, — усмехнулся король Шихин, — у королевы Никки очень скоро будет собственный замок, а ты её хочешь приютить в одной комнатухе?

— Дом состоит не из камней, а из любви, — возразила мудрая Анна. — Если человеку дом в радость, то и одна комната ему будет дороже целого замка. Кроме того, почему — одна? Там есть две прекрасные соседние комнаты и уютный холл с камином, так что получается отличная квартира... Никки, — решительно сказала Анна, — отныне она вся в вашем распоряжении, и вы можете туда приезжать одна или с друзьями — это будет ваше постоянное жильё.

— Королева Никки, — весело сказала Дзинтара, — мои апартаменты совсем рядом с твоими! Очень удобно для вечеринок в пижамах.

— Спасибо, Анна, за щедрое предложение, — сказала Никки, — я с благодарностью его принимаю.

— Отлично! — обрадовалась Анна. — Девочки, мы скоро планируем барбекю на большой поляне. Привозите и своих друзей — Хао и Джерри, так, кажется, зовут ваших постоянных сотрапезников? Никки, я покажу тебе дворцовый парк. Это то, чем Алекс выманил меня с Земли. Я совершенно не хотела переселяться на Луну, а он, змей-искуситель, пообещал — спланируешь парк на квадратную милю, сделаешь, что хочешь, хоть Ниагарский водопад. Моё сердце дизайнера сдалось, и я уж развернулась! — увидишь сама.

Анна, незаметно для себя, легко перешла с Никки на «ты».

— Она не просто подруга твоей дочери, которую ты решила взять под крыло, — весело увещевал Шихин свою разошедшуюся королеву, — она наш деловой партнёр и союзник, да ещё такой, что сама скоро возьмёт нас под своё крыло.

— Мне нет дела до ваших интриг. — Королева Анна подошла к Никки, поцеловала её в лоб и нежно привлекла к себе. — Для меня она просто девочка, которой нужно тепло, как и всем нам.

Никки доверчиво прижалась к Анне, одной из самых могущественных женщин мира, которая проявила к ней такое участие, что разбудила давнее щемящее воспоминание, чудное ощущение далёкого детства, когда забираешься под ласковую руку матери и ничего не страшно — ты под самой надёжной в мире защитой...

— Не перегружай её своими делами, — почти сердито сказала Анна старшему Шихину, — не отнимай последние беззаботные годы юности. Для вас дела и железяки важнее всего. А она столько страдала, столько лет жила одна-одинёшенька, в голоде и холоде...

— Ну... — смутилась Никки, — это было совсем не так страшно, как кажется... У меня очень тёплый астероид, недалеко от Марса... когда Солнце в зените, то в оранжерее такая жара, что приходилось включать кондиционеры — иначе помидоры вяли. Форель у меня тоже была очень вкусная... Ещё я делала кучу салатов и пекла морковный пирог, правда, редко — слишком много мороки с тестом и дрожжами.

— Посмотрите, вы, неженки, — строго сказала королева Анна сыновьям, держа Никкину ладошку, покрытую старыми мозолями, шрамами и ожогами, — вот так ей приходилось добывать свой хлеб...

Принцы устали на шрамы и переглянулись.

— Вы выросли в роскоши, такие холёные, здоровые и сильные. А она такая худенькая, хрупкая...

— Мама, ты, как обычно, всё здорово драматизируешь и преувеличиваешь, — пришла Дзинтара на выручку к вконец смутившейся подруге. — Никки вовсе не такая уж хрупкая и незащищенная, как тебе кажется. Когда железный робот в тысячу фунтов весом решил померяться с ней силами, то быстро обуглился и скончался. Однажды Никки вызвала на дуэль здорового верзилу — чемпиона школы в бою на двуручных мечах. Хотя она раньше не держала меч в руках, чемпион потерпел позорное поражение, а клинок Никки, воткнувшийся в стену, стал достопримечательностью школы. Его никто не может вытащить! А как она крошила драконов на рыцарском турнире! Кстати, небезызвестный принц Дитбит решил, что может безнаказанно обидеть Никки — она тогда ездила в коляске, проходя курс реабилитации после невесомости... Так вот, Дитбит лежал в больнице два дня после... м-м... разговора с Никки.

— Никки?! — Анна повернула удивлённое лицо к девушке.

— Они первые начали, — с видом нераскаившейся школьницы-хулиганки буркнула Никки.

— Фантастика! — восхищённо сказал Айван, не сводивший с девушки глаз весь завтрак.

— Очень рад за этого проходимца Дитбита, — расплылся в улыбке принц Стефан, видимо, имевший с тем давние счёты. — И что же сказал его папочка, который носится со своим отпрыском, как дурень с писаной торбой?

— Он был немногословен и прислал наёмного убийцу с боевым лазером, — легко сказала Никки.

Айван засмеялся, решив, что Никки шутит, потом осёкся.

— Не может быть! Он решился убить королеву другой династии?

— Тогда я ещё не была королевой...

— Какой мерзавец, напасть на ребёнка, на девочку! — вскрикнула разъярённая Анна. Глаза её полыхали, как у тигрицы, у которой обижают тигрёнка.

— И что же было дальше? — спросил тревожно Стефан.

— Я сильно обгорела и месяц пролежала в больнице, а убийцу пришлось вырезать из скалы... — непринуждённо сказала Никки.

— Уф-ф, — сказал ошарашенно Айван.

— Видишь, — обратился к жене Алекс, — Никки уникальна, к ней неприменимы обычные критерии... Нужно тебе сказать, что и в бизнесе она совершенно фантастична, ты бы слышала, с каким предложением она к нам приехала...

— Что же, — в голосе Анны зазвучала почти материнская гордость, — я всегда знала, что мы, женщины, талантливее вас, мужчин. Только у нас нет животной-адрениновой страсти к тараканьим бегам, которые вы называете карьерой.

— Никки уже сделала головокружительную карьеру, за два года став основательницей новой династии, — усмехнулся Шихин-старший.

— Как же вы закончили поединок с чемпионом школы, если ваш меч застрял в стене? — заинтересованно спросил Айван.

— Тебе надо посмотреть запись этой дуэли, братец, — хихикнула Дзинтара. — Никки дралась сразу двумя мечами. Когда её клинок влетел в стенку, то то же самое произошло с мечом её соперника. Чемпион оказался безоружным, а у Никки остался второй клинок!

— Драться двумя мечами?! Покажите этот фокус, Никки, — загорелся Стефан, и Айван с энтузиазмом его поддержал.

— Я, конечно, могу его показать, — вздохнув, сказала Никки, — но не думаю, что вы сможете его повторить...

— Почему же? — обиженно вскинулся Стефан. — Мы с мечами давно имеем дело!

— Понимаете, Стефан, с физической точки зрения, я — не совсем человек, — откровенно призналась Никки, и за столом воцарилась мёртвая тишина. — Двенадцать лет

назад во время аварии у меня был сломан шейный позвонок. Мой компьютер Робби находчиво засунул туда нейропротез, и с тех пор мои мышцы управляются не только с помощью мозговых команд, но и при активном участии Роббиного процессора. И я могу задействовать такой режим движения мышц, что руки будут двигаться заметно быстрее обычного... правда, за это можно поплатиться сильным растяжением связок... Точность моих движений тоже выше нормы... — Никки взяла в руки свежую маслину из вазы и бросила её куда-то за спину. Взлетев на несколько метров, маслина ударилась о стену замка, вернулась и попала прямо в пустой узкий бокал, стоящий перед Стефаном.

— Сатурн всмятку! — поражённо сказал тот.

— Вы бросали не глядя, как же вы смогли рассчитать удар? — спросил восхищённый Айван.

— Я могу смотреть не только зрением, ко мне подключены лазерный сканер и много всяких сенсоров... Например, я чувствую слабую радиоактивность гранитных перил у веранды, могу видеть сквозь стену... сейчас по коридору ваш сотрудник несёт кофе, чай и ещё какой-то красный напиток...

— Клюквенный морс, — сказала удивлённая Анна. — Никки — ты человек тысячи талантов!

— На меня было совершено уже несколько покушений, чертовски близких к успеху, так что мне приходится быть настороже, оглядываться почаще... А рука у вашего сотрудника была, видимо, сильно сломана, и сейчас вся лучевая кость заменена на какой-то сложный биоэлектронный протез...

— Что?! — удивился Алекс Шихин. — Какой протез?

— Не знаю, довольно интересный, металла практически нет, но много сложных квазиорганических элементов. Я рассмотрела эту штуку, когда он подавал лосося.

На веранде появился слуга, несущий на большом подносе кофейники, чайники и графины.

Алекс нажал кнопку на своём т-фоне.

Через минуту на Утреннюю веранду торопливо вышел крепкотелый лысый человек, запыхавшийся и, видимо, откуда-то бежавший.

— Стас, когда вы ломали руку? — небрежно поинтересовался Алекс у слуги, разливающего напитки.

— Полгода назад, сударь, — склонил голову слуга.

— И где вам её вылечили?

— В Лунном госпитале, сударь, — невозмутимо ответил Стас, — было небольшое костное воспаление, но потом врачи справились отлично, сейчас ничего не болит.

— Вам не ставили никаких протезов в кость? — спросил Алекс.

— Нет, сударь, — удивлённо ответил слуга, — у меня был обычный перелом: я упал, играя в лунное робополо. Зачем мне протез?

Алекс обратился к лысому человеку.

— Ант, проверьте кости его руки, есть основания полагать, что там встроен передатчик.

— Сударь! — вскричал слуга. — Я верой и правдой служу вашему дому двадцать лет, я не обманываю вас!

— Он говорит честно, — уверенно сказала Никки. — Он ничего не подозревает.

— Из дворца не ведётся никаких несанкционированных радио-, лазерных или других передач, — заявил Ант, видимо, начальник службы безопасности. — Это исключено.

— Если это умный передатчик — а глупо полагать, что он глуп, — сказала девушка, — то он может ждать, когда попадёт за пределы вашего контроля.

— Когда вы в последний раз уезжали из замка? — спросил Алекс слугу ровным голосом, но за которым угадывалось большое напряжение.

— Два месяца назад, на Пасху, сударь... — еле слышно пробормотал слуга.

— Уже хорошо... — мрачно сказал Алекс. — Ант, учтите это соображение и не

выпускайте его из замка, пока всё не проверите. И займитесь остальным персоналом — особенно у кого были переломы или попадания в больницу.

Ант увёл Стаса, старчески шаркающего ногами по полу.

Никки вздохнула:

— Когда Робби сообщил мне, что рентгеновский излучатель даёт разные сканы левой и правой рук Стаса, я даже не заподозрила, что это шпионское приспособление. Я присмотрелась с помощью своих... чувств и решила, что это биопротез...

— Значит, вы видите человека буквально насквозь, — натужно засмеялся Стефан.

— Причём несколькими способами, — кивнула Никки, — но к вам это не относится. Мой Робби оценивает потенциальную опасность окружающих и из этических соображений исключает из сканирования моих друзей и знакомых, например, всех вас. Но за вашими служащими он следил и, найдя что-то интересное, дал мне знать... Обычно я ведь не всматриваюсь в людей своими сверхчувствами — это идёт в компьютерном «подсознании», пока не получен сигнал тревоги. Но если желаете, я могу вас просветить, Стефан...

— Нет, спасибо! — вскричал старший принц. — Не надо выворачивать меня наизнанку. Давайте сохраним хотя бы видимость приватности...

На этом завтрак завершился. Мужчины Шихины встали, вежливо поклонились остающимся Анне и девушкам и вышли с веранды с озабоченным видом.

— Кажется, ты немножко напугала моих мальчишек! — сказала королева Анна.

— Я не могла не сказать им, с каким человеком они имеют дело, — вздохнула Никки. — Дзинтара и остальные друзья в курсе моих... способностей. Но они уверены и в том, что я не злоупотребляю ими.

Спустя несколько часов Никки снова сидела в Малахитовом зале. Переговоры шли трудно. Шихин провёл предварительные консультации с ближайшими союзниками, и результаты были неутешительными — может, из-за того, что другие короли не видели летающего куба.

— Потеря контроля над биоцентрами не устраивает ни меня, ни других глав династий, — хмурился Шихин. — В генетические разработки были вложены огромные деньги, и Северные не доверят эти вложения — извините меня, Никки! — незнакомому человеку. Даже за такую замечательную игрушку, как ваше летающее кресло. Доверие — очень дефицитный товар среди королевских династий.

— Это не игрушка, — возразила Никки. — ГравиКуб — неисчерпаемый источник энергии и новый универсальный вид транспорта, которому не нужны дороги. Автомобили будут бесшумно взлетать с тротуаров; автобусы-самолёты спокойно повиснут над аэропортами, а традиционные посадочные полосы превратятся в парки; электростанции, если они вообще понадобятся, заработают без топлива. Мы сможем построить космические и межзвёздные корабли любых размеров. Полагаю, что появятся и личные антигравитационные пояса или костюмы. ГравиКуб — новый уровень жизни для всего человечества!

— Правильно, — сказал Алекс, — но наши медико-биологические центры означают надежду на личное бессмертие, что заметно важнее для королей, чем процветание всего человечества. Такова реальность.

— Тогда пора детальнее всмотреться в эту реальность, — жёстко сказала Никки. — Она заключается в том, что в мире возникает технология четвёртого уровня — технология бессмертия. Ею будут владеть Южные династии, и они планируют использовать её для изменения статуса мировой цивилизации в свою пользу. Одновременно появилась и ещё одна бифуркационная технология четвёртого уровня — ГравиКуб. Секретом ГравиКуба владею я. В балансе мировых сил бесконечный источник энергии может уравновесить бессмертие. Основное противостояние в мире возникнет между моей династией и Южным союзом. Где же Северные династии в складывающейся картине? Им отведена роль жертвы и питательного раствора для последующего роста Южных. Кстати, и роста моей династии. Жалкая участь!

Стефан набычился. Никки не смутилась.

Она ещё не раскрыла всех карт потенциальным союзникам. На самом деле в данном отрезке истории собрались ТРИ технологии предельного значения — биологическое бессмертие, энергетический ГравиКуб и социомоделирование будущего. Три технологии четвёртого уровня переплетались и балансировали столь сложно, что нестабильность будущего превосходила все прецеденты последних тысячелетий.

Никогда ещё человечество не стояло на таком важном перекрёстке истории, перед столь блестящими перспективами и столь ужасными последствиями выбора дороги.

Эту развилку истории Джерри и Хао назвали «бифуркацией бессмертия».

Расчёты показали, что Голос Пространства был прав — в данной уникальной точке времени союзники решали всё. Сумеют ли Северные выступить единой силой? Этот ключевой вопрос решался сейчас здесь, за малахитовым столом.

Девушка убедительно говорила:

— Я предлагаю вам спасение. Это исторический шанс для Северных — вы находитесь в локальной бифуркации выбора, который сложно интерферирует с балансом технологий четвёртого уровня, и ваш выбор определяет магистральный фьючертрек человечества. Вы отказываетесь от моего предложения? Тогда вместо привлекательного сценария, который я описала вам вчера, будет реализован совсем другой. Вариант вашего отказа уже просчитан, и могу сообщить вам результаты прогноза. Хотите?

Стефан с покрасневшим сердитым лицом оглянулся на отца. У Алекса не было другого выхода, как кивнуть головой.

Надо признать, что Маугли обычно не оставляла собеседникам свободы выбора.

Никки забросила ногу на ногу и спокойно продолжила:

— Без союзников мне придётся самостоятельно развивать новую гравииэнергетику. Это мне удастся. Северные будут оттеснены на обочину прогресса и потеряют доходы от добычи гелия-3. Южные пострадают ещё больше, но вскоре оправятся с помощью продажи долголетия и бессмертия. Потом они сожрут ослабленные Северные кланы. Один за другим. Извините, но начнут они с вашей династии. Навалются дружно на главного противника — и быстро уничтожат его, чтобы подавить волю остальных. Фокусирование сил по старинному принципу полководца Эпаминонда. За несколько лет Южные оставят от враждебных им Северных династий одни нейтральные обрывки. Потом они займутся мной. Против объединённой массы Южных и побеждённых Северных мне, видимо, не выстоять. Если мне удастся исключительно эффективно обороняться, тогда вероятен вариант настоящей войны с кардинальным изменением мирового порядка. Под демагогическим туманом об «угрозе процветанию человечества, которому злобная королева Гринвич не даёт достаточно энергии», моя династия будет уничтожена физически. После чего начнётся новая эра в истории Земли. Чёрная эра. Без вас и без меня, без какой-либо силы, способной остановить Дитбитов и других властолюбцев.

Мрачный Шихин внимательно выслушал и спросил:

— Как вам удалось построить столь детальный сценарий будущего?

— Долго объяснять! — отмахнулась Никки. — Но вы можете доверять моим прогнозам.

Стефан сидел невесёлый и молчаливый.

— Поймите, чёрт побери! — воскликнула девушка. — Не объединившись, мы обречены. Вопрос стоит не о моих или ваших доходах. На кону — судьба всего человечества!

— Но что мы можем сделать, если остальные Северные не соглашаются на потерю своих биоцентров? — сказал раздражённо Стефан.

— Нужно бороться и убеждать, подкупать и запугивать! — воскликнула Никки. — Объясните этим болванам, что биоцентры будут бесполезны, если мы не объединимся. Именно слияние усилий Северных династий даст быстрое достижение долголетия, столь желанного всеми королями. Вбейте это хорошенько в их тупые головы!

Девушка вытащила несколько листов бумаги и протянула королю Шихину.

— Чтобы подтвердить серьёзность положения и важность нашего союза, передаю вам список из восьмидесяти восьми технологий, который является величайшим секретом Южных. Благодаря списку-88 Южные перетянули на свою сторону авторов важнейших открытий и идей — несогласных при необходимости просто убивали — и опередили Северных в многих областях, включая бессмертие. Когда вы будете обдумывать наше сотрудничество, то учтите, что мои эксперты готовят новый список, и он будет содержать свыше трёхсот ключевых технологий. Это будет оружие огромной силы...

Шихин-младший посмотрел на отца, но тот не отрывал взгляда от гостыи.

Девушка вздохнула:

— Я готова сделать уступку: наше соглашение будет в любом случае гарантировать для элиты Северных доступ к бессмертию — даже если не удастся создать систему справедливого использования технологии бессмертия. Численные квоты определим пропорционально вкладу каждой династии в общий геронтологический проект.

Маугли улыбнулась императору.

— Я уже говорила, что я — не Санта Клаус? За эту уступку я оставляю себе неограниченное право использования ГравиКуба в интересах моей династии. Возвращаясь к объединению биоцентров: Северные короли могут быть спокойны, что никто не утаит от них последних генетических разработок. Для гарантии в мой Совет директоров в качестве ответственного за совместный биопроjekt будет введён представитель вашей династии, которому вы сможете смело довериться.

— Кто это? — скептически поднял брови Алекс.

— Принцесса Дзинтара, — сказала невозмутимо Никки. — Ей вы доверяете?

Глава 16 Покушение

Никки посмотрела на часы и вздохнула: осталось сорок минут до важной встречи в Спейс Сервис. Она позвонила по т-фону и выяснила, что сегодня по Клубу фрейлин дежурит Кора-Дракон. Королева попросила Кору вызвать такси, но не обычное, а из «Службы спецперевозок», где катера самые быстрые и надёжные.

Кора с восторгом заверила, что всё сделает и сообщит, когда корабль прибудет.

Никки встала с кресла и велела кофейнику сварить чашку эспresso.

Девушка глядела в окно, спокойно потягивала острый густой напиток и не подозревала, что её звонок запустил механизм тщательно подготовленной и безоговорочно смертельной ловушки.

С антенны главной башни Колледжа уже сорвалась радиоволна; и она уже домчалась до ближайшего передатчика в Луна-Сити; и превратилась в его электронных потрохах в инфракрасный лазерный луч, который метнулся невидимой спицей в направлении созвездия Волос Вероники.

В ответ

...немедленно ожили огни на огромной катушке боевого ускорителя;

...взвизгнули на высоких оборотах сервомоторы, разворачивающие тяжёлый магнитный ствол;

...потянулись к пусковой кнопке твёрдые холодные пальцы с чересчур коротко остриженными ногтями.

Вызванный катер лишь приземлялся на шлюз Колледжа, а операция «Длинная рука» уже перешла в стадию полной готовности.

Никто из людей не заметил угрозу, плывущую в звёздных Волосах Вероники.

Лишь аризонский пенсионер Кристофер Марсен, любивший смотреть на небо в небольшой телескоп с одиннадцатисантиметровым зеркалом, вдруг увидел, что одна из звёзд в Волосах Вероники на мгновение погасла. Так бывает, когда большой корабль в матовой

чёрной броне пересекает луч зрения, загораживая собой свет звезды. Это единственный способ, каким может человеческий глаз заметить современный боевой крейсер, пользующийся бронёй невидимости. Но правильно расшифровать затмение звезды Кристофер не смог.

Даже если он и догадался бы, что за смертельное чудовище барражирует среди звёзд и кому оно угрожает, всё равно ничего не успел бы сделать.

Потому что Никки уже сидела в катере, который уже раскалил дюзы и выбирал оптимальную траекторию для полёта.

По многократно проверенным расчётам опытных экспертов, жить королеве Гринвич осталось не более шести минут.

Как только катер взлетел с красного квадрата шлюза Главной башни, Никки раскрыла лаптоп, а Робби выдал на экран материалы последнего заседания Совета директоров. Сколько возни с этими патентами и лицензиями! Девушка задумалась и рассеянно посмотрела в иллюминатор, не замечая проносящийся внизу пейзаж, — ей давно уже было некогда любоваться лунными красотами. Двигатели катера на подъёме свистели довольно громко, и от этого висок Никки, ноющий с утра, заболел ещё сильнее.

Внезапный громкий голос заставил девушку вздрогнуть. Это кибергид решил развлечь её рассказом о лунных достопримечательностях. Никки отмахнулась от назойливого кибера и снова сфокусировалась на экране лаптопа, лежащего на её коленях.

Ей удалось поработать совсем немного.

За двигательной переборкой вдруг рывкнул голодный тигр. Надоедливый реактивный шум двигателя стал kloкочущим, потом гремющим — и захлебнулся на полувзвук. Огни на пульте корабля сразу перестроились: большинство погасло, а часть вспыхнула тревожным красным.

Тело Никки потеряло вес, привязные ремни схватили её за плечи, а лаптоп слетел с колен и закувыркался по кабине.

— Что такое, Робби? — крикнула девушка. — Опять вляпались?

В переднем иллюминаторе изрытое кратерной оспой лицо Луны стало медленно и грозно подниматься, загораживая дорогу кораблю, летящему по инерции. Из-за стенки моторного отсека раздавались шипение и треск — там жарили бекон на здоровенной сковороде.

— Удар пучковым оружием по энергоотсеку! — крикнул всезнающий Робби. — Нанесён сверху! Корабль полностью парализован!

Никки, не раздумывая, быстро расстегнула ремни и бросилась к шкафчику со скафандром.

Шкаф не открывался. Никки крикнула:

— Стреляй!

Из шейного ожерелья вырвался ослепительный луч и погас в замке, раскалив его докрасна. Дымящаяся, закопчённая дверца шкафа распахнулась лишь после третьего выстрела. Девушка стала лихорадочно натягивать скафандр.

— Высота?

— Двести восемьдесят метров!

— Скорость удара?

— Вертикальная — тридцать метров в секунду, горизонтальная — триста сорок!

— Проклятье! Врезаемся на сверхзвуке! — воскликнула Никки. — Катапульты? Ракетные ранцы?

— Ничего нет! — расстроенно ответил Робби.

— Сколько осталось?

— Двадцать секунд!

— Я не хочу умирать! У меня много дел!

— Извини, ничем не могу помочь, — вздохнул честный друг. — Прощай.

Джерри с Хао сидели вдвоём за столом в кафе и вполголоса обсуждали проблему расчёта одного хитрого сверхнестабильного процесса во фьючермодели. Вокруг шумели студенты, доедающие десерт, допивающие кофе и лимонад.

Неожиданно раздался сигнал экстренного выпуска новостей и включился большой настенный экран.

Все лица удивлённо повернулись к экрану.

На нём появилась большая фотография Никки. Девушка грустно и виновато улыбалась Джерри.

Диктор ещё не сказал ни одного слова, а юноша уже оцепенел от ужаса.

— Срочное сообщение! — сказал взволнованный голос комментатора. — Катер, в котором летела королева Николь Гринвич, разбился сегодня у подножия Лунных Апеннин. Взрыв был так силён, что его заметили на Земле и на орбитальных спутниках. Тело королевы ещё не найдено...

Зал всплеснулся шумом. Раздались крики, кто-то из девочек заплакал.

А Джерри стал умирать.

Спокойно, без истерики. Без лишних рассуждений или телодвижений.

На мониторе транслировали кадры съёмки из космоса, на которых огненный клубок вырастал из-под кратерной стены и расширялся жгучим волдырём.

— На место крушения уже прибыли группы спасателей... — печальным голосом говорил диктор.

Тело Джерри омертвело; органы чувств отключались одно за другим. И вот остались только чёрно-белое зрение и слух, зацепленные за экран.

На нём появился главный спасатель, расстроенно сказавший:

— От машины остались одни мелкие обгорелые обломки. Тут никто не мог уцелеть.

Поле зрения и сознания Джерри сжалось в маленькое окошко, готовое закрыться в любой момент.

На экране появилась Никки, которая сидела в кабине корабля и что-то читала на ноутбуке.

Жива! Онемевшее и поглупевшее сердце Джерри вспыхнуло надеждой.

Девушка посмотрела в иллюминатор... и на этом картинка застыла.

Диктор сказал:

— Это было последнее изображение мисс Николь Гринвич, полученное с борта 0765 диспетчерским центром. Связь с бортом была потеряна в одиннадцать часов пятнадцать минут центрального лунного времени. Через сорок две секунды корабль врезался в подножие безымянной горы и взорвался. Лунные катера такого типа считаются чрезвычайно надёжными машинами, они не оборудованы дополнительными спасательными устройствами. У королевы Гринвич не было шансов уцелеть в катастрофе.

Мозг юноши был способен только на самые отрывочные мысли:

«Это была запись. Это была ложь... Записанное прошлое лживо... Оно лишь притворяется настоящим...»

Бубнящий голос диктора отдалялся; сумерки густели на глазах.

Джерри медленно тонул в бесконечной пропасти.

Ничто больше не держало его в жизни.

— Я не хочу умирать! У меня много дел!

— Извини, ничем не могу помочь, — вздохнул честный друг. — Прощай.

— Неужели в этом проклятом сундуке нет никаких источников энергии?! — крикнула Никки.

— Почему же, — отозвался Робби, саркастичный даже в цейтноте, — у нас масса энергии в топливных баках. Как только мы упадём, она вся выделится и перейдёт в наше распоряжение!

— Дурацкая идея, жаль, другой нет! — и Никки кошкой прыгнула вверх, хватаясь за поручни на прочном колпаке, прозрачным лепестком накрывающем пассажирскую кабину.

Они понимали друг друга почти без слов. Времени совершенно не было.

Никки и Робби столкнулись с очень опасными врагами: им угрожали не человек и не оружие, а законы физики и сама природа в виде гравитации Луны, огромной кинетической энергии неуправляемой машины и каменной поверхности в месте падения.

Противопоставить этим врагам можно было лишь ничтожные усилия мускулов.

И ещё — слабую электрохимическую активность мозга, называемую мышлением.

— Пиропатроны? — крикнула Никки.

— Да! — Робби включил детонацию аварийных зарядов.

Раздался громкий хлопок. Колпак, с прильнувшей к нему Никки, рассоединился с корпусом. Давление воздуха в кабине отшвырнуло трёхметровую стеклянную лодку. Улетая от падающей машины, она закувыркалась.

— Вытягиваем правую руку! — командовал Робби. — Выпрямляем ноги!

Никкино тело послушно следовало указаниям, но Робби страховал каждое движение.

Земля стремительно приближалась. До удара осталось пять секунд.

Процессор Робби рассчитал уже два миллиона сценариев падения, но вероятность смерти человека прочно показывала сто процентов.

Робби делал, что мог: он старался, чтобы в момент удара о землю между человеком и скалой оказался стеклянный колпак. Но эфемерность этой защиты была ясна без расчётов.

Четыре секунды. Космический катер падал на двадцать метров впереди маленькой фигурки в скафандре. Радиостанция катера беспрерывно посылала сигнал SOS, и несколько спутников уже разворачивали свои телескопы в сторону зоны бедствия.

Три секунды. Человек всё больше отставал от спешно покинутого корабля, но абсолютная скорость движения обоих тел росла из-за притяжения Луны.

Прозрачный колпак, наконец, повернулся к Луне нужной стороной.

Пятый миллион вычисленных вариантов не изменил фатальные сто процентов.

Одна секунда.

Катер столкнулся с прочной скалой, сложенной из пород анортозит-норит-троктолит-габбровой серии. Интенсивная экзотермическая реакция в энергоотсеке вызвала частичное испарение лунных пород и элементов конструкции катера. Фронт сильно разогретого облака из газа и плазмы стал приближаться к человеку. Отдельный расчёт взаимодействия такого облака с материалом скафандра снова давал стопроцентную вероятность гибели.

Можно ли сложить две смерти так, чтобы получить одну жизнь?

Такой безнадёжной задачи Робби ещё никогда не выпадало.

В глаза тонущего Джерри, которые еле видели мир, сжимаемый диафрагмой темноты, заглянул Хао. Он негромко сказал:

— Никки жива.

Окошко раздвинулось и снова захватило экран. У Джерри двигались только глаза, но и они стали страшно тяжёлыми. На экране спасатели указывали на закопчённое пятно, засеянное мелкими осколками металла и пластика, и сокрушённо пожимали плечами.

Юноша снова перевёл глаза на Хао.

Тот был невозмутим как сфинкс:

— Она жива.

Джерри даже не пробовал понять — почему эти люди считают, что Никки погибла, а Хао утверждает, что она жива. Он балансировал на краю смертельно глубокой пропасти, и лишь застывшее лицо друга не давало ему сорваться вниз.

— Поиски тела Николь Гринвич продолжаются; в них принимает участие и команда династии Шихиных. Мы будем держать вас в курсе событий.

На весь экран снова появилась фотография Никки в сопровождении траурной

скрипичной мелодии. Эти жалобные скрипки чуть не прикончили Джерри...

Что убьёт раньше — огонь или камень?

Жить хотелось невыносимо.

В дно колпака ударил кусок металла. Могучая волна взрыва налетела на стеклянную лодочку, и та заплясала на огненных волнах, затопивших серый риф до горла. Никки беспощадно вдавило в прозрачную броню, сдерживающую ослепительный ад в дюйме от лица.

Каменные зубы клацнули на проносящуюся рядом лодку, но промахнулись.

Девушка потеряла сознание от чудовищного напора взрывной волны. Последняя картинка в расширенных глазах — морда зверя, тонущая в огне.

Стремительно распухающее облако огня остановило падение Никки и перенесло колпак из бронестекла через кратерные зубцы. А прозрачная лодка выдержала дыхание пламени.

Огонь опередил камень, стекло остановило огонь.

Но скорость никуда не исчезла.

Уже в следующую секунду Никки очнулась от сразу нескольких выстрелов аптечки в запястье и от крика Робби:

— Не время спать!!!

Никки, еле живая, посмотрела вперёд. Взрыв перебросил её через хребет на гладкую равнину внутри кратера.

Закопчённая взрывом, поцарапанная осколками, лодочка потеряла вертикальную скорость падения, но продолжала мчаться параллельно поверхности Луны, каждую секунду пролетая триста метров лунного песка и камня. И вот-вот она должна была врезаться в стремительно проносящийся внизу грунт.

Сейчас камень отомстит стеклу.

Никки сгруппировалась, вцепившись изо всех сил в поручни, выступающие из металлического обода литого прозрачного колпака.

Удар!

Лодка стукнулась дном о землю, неожиданно скользнула по песку, как огромная лыжа, и в следующий момент её снова подбросило вверх!

Ровная поверхность внутри кратера была покрыта многометровым слоем лунного реголита — мелкого скользкого песка, образованного миллиардами лет метеоритной бомбардировки Луны.

Ещё несколько секунд бредущего полёта — снова касание!

Никки управляла длинным стеклянным колпаком, как лыжами на снежной слаломной трассе в замке герцога Джона.

Снова отрыв!..

Снова касание!..

Лодка уже замедляла свой ход, но следующая точка приземления оказалась не столь удачной: там по песку были разбросаны камни — видимо, куски метеорита. Удар! Раздался скрежет, колпак дёрнулся и, оторвавшись от земли, стал кувыркаться, как нож, неумело брошенный в мишень.

Никки почувствовала себя горошиной в катящейся банке. Луна и небо менялись местами с головокружительной скоростью. Девушка уже не успевала сообразить, что ей нужно сделать, чтобы вернуть лодке правильное положение, защищающее от удара о грунт, но реакция Робби оказалась быстрее, и тело девушки совершило несколько быстрых судорожных маневров. Растянутые мышцы взвыли и заболели, но в результате лодка при новом касании задела грунт дном и восстановила стабильность.

Колпак такси прыгал по скользкой песчаной равнине, как плоский камушек по поверхности воды. Никки потеряла счёт толчкам; её избитое тело болело, голова кружилась; глаза еле успевали фиксировать проносящуюся внизу поверхность. Дно импровизированной

лодки, ранее прозрачное, было исцарапано и стёрто до дыр. При очередном ударе полуразбитый колпак окончательно зацепился за камень и резко остановился, а Никки кубарем покатила дальше.

Под хруст ломающихся костей её тело вонзилось в лунный грунт и бессильно распласталось, почти засыпанное песком.

Правая перчатка сжимала поручень, вырванный с мясом из крепления.

В покрытом трещинами шлеме посвистывал улетающий кислород.

Но Никки было всё равно — она предусмотрительно заранее потеряла сознание, и никакие проблемы её уже не волновали.

Эти жалобные скрипки чуть не прикончили Джерри, но неожиданно раздался радостный голос Тамми:

— Робби на связи! Никки жива! Её нашли и везут в замок Шихиных. Она без сознания, но ранения не опасны для жизни. Робби извиняется, что не мог связаться раньше — он был закрыт в скафандре без инфоканала.

Невозможно описать, что чувствует заживо погребённый человек, внезапно вырвавшийся на свет; с какой силой глотает воздух утопающий, чудом вынырнувший из глубин мёртвой воды.

Почерневший глухой день зазвенел красками, окрасился шумом возбуждённых голосов.

Когда и диктор подхватил радостную новость, неподвижное бледное лицо Хао искривилось, и он закрыл его ладонями.

Едва отдышавшись и поймав сердце в грудную клетку, Джерри вцепился в друга:

— Откуда ты знал, что она жива?

— Я не знал, — сказал сдавленно Хао, не открывая лица. — Но я надеялся на чудо. И очень хотел спасти тебя — ты бы видел себя со стороны! Что сказала бы мне Никки по возвращении, если я показал бы ей *твоё* тело?

Медленный плеск водопада убаюкивал и придавал иллюзиям сновидений особую достоверность. Но вмешался диссонирующий звук: чей-то надоедливый голос, который становился всё громче и, наконец, разрушил защитную оболочку сна.

Никки очнулась и осмотрелась: большая комната с сине-золотыми стенами, в окна заглядывали солнце и ветка какого-то дерева с толстыми кожистыми листьями и крупными белыми цветами. Листва расщепляла солнечный свет на длинные лучи; они поймали каждый по жёлтому зайцу и скакали на них верхом по комнате.

В следующий момент девушка узнала обстановку своей комнаты в замке Шихиных.

А в уши девушке бубнил голос Робби.

— Очнись, соня, не так уж ты больна! — ворчал друг. — Много спать под снотворным вредно.

— Сколько я... спала?

— Сутки, — ответил Робби. — Нас нашли спасатели, посланные королём Алексом, и привезли в замок Шихиных. Тебе оказали медицинскую помощь и вкатили дозу лечебного сна. Но хорошего помаленьку — пора просыпаться!

Никки пошевелилась — и вдруг застонала от боли во всём теле.

— Что такое со мной?

— Легче, легче, — успокаивающе сказал Робби. — У тебя растянуто с десятков связок, левая рука сломана выше локтя, а правая нога вывихнута.

— Массараکش! — потрясённо сказала Никки.

— А что ты хотела? — ворчливо сказал Робби. — Падать на Луну без космического корабля и уцелеть — это не просто. Скажи спасибо, что жива. Перелом тебе затянули первоклассно — через пару недель рука будет как новая. Но из-за связок ещё долго будешь двигаться медленно и плавно. Первые дни — постельный режим. Может, хочешь ездить на

коляске? — серьёзно спросил Робби.

— Нет! — вздрогнула Никки. — Только не в инвалидном кресле. Согласна тихо лежать и ещё тише ходить.

Нападение на Никки повергло Джерри в шок. После покушения в пещере, где погиб Робби-чемоданчик, в юноше теплилась надежда, что враги успокоятся, сочтут задачу выполненной. Оказывается — нет. Им уже нужна была сама Никки. Значит, её жизнь снова держится на ниточке удачи и предельном напряжении всех сил. Смертельную опасность, нависшую над девушкой, Джерри переживал и чувствовал болезненно остро. И ещё одна мысль его грызла — о собственной бесполезности. Джерри не смог бы защитить Никки от ударов такой мощи, даже если бы следовал за ней по пятам.

Он без колебания готов был принести себя в жертву! Одна беда — такая жертва никого бы не спасла.

Загородить Никки от столь грозного врага, как Дитбит, мог только человек, обладающий не меньшей властью и силой, который способен выставить оборону из укрепленных замков и космических флотов. А что мог он — нищий студент?! «Бездомный никчёмный бедняк!» — ругал себя юноша, но это не меняло упрямые факты. Никки была не обычной девушкой, а королевой. На таком уровне простые человеческие чувства, как бы они ни были сильны, для спасения и счастья уже недостаточны... Так думал юноша, и в его мрачной душе созревало решение, липкое и омерзительное, как осьминог... Ещё оно было ядовитее кобры, но разве он уже не согласился быть жертвой?

В замке Шихиных Никки окунулась в атмосферу самой трогательной заботы. С ней подолгу беседовала королева Анна, заглядывали проводить Стефан и сам король Алекс. Но особенно отличался принц Айван — он сидел с девушкой часами, скрашивая долгие дни постельного режима, когда Робби запрещал Никки даже руками двигать — чтобы кости и связки заживали быстрее. Никки и Айван быстро перешли на «ты».

— У нашей династии на юге Тихого океана есть целый архипелаг мелких островов — его купил ещё мой прадедушка, — рассказывал Айван. — Центральный остров — самый тихий, дед построил там отличный дворец. Ни папарацци, ни туристы к нему и близко подойти не могут. Династия получила для архипелага статус самоуправяемой территории, поэтому даже воздушное пространство над островами хорошо контролируется. Я очень люблю там отдыхать — многие пляжи остались такими же дикими, как и сотни лет назад, — коралловый песок, водоросли, выброшенные штормом, сонные черепахи, крики чаек и птиц из джунглей... Хочешь, поедem туда вместе?

Никки со странным чувством вспоминала об их с Джерри планах совершить кругосветное путешествие на лодке и побродить по пляжам необитаемых островов. Неужели эта красивая мечта осуществится с принцем Айваном?

Позвонил Джерри, выходявший на связь каждые несколько часов, но, увидев возле кровати Никки принца Айвана, быстро распрощался.

После его отключения в воздухе повисла какая-то неловкость.

— Хочешь пить? — заботливо сказал Айван и аккуратно приблизил к лицу девушки стакан с прохладным кисловатым тоником.

Прикосновение стакана, который держал принц, к губам оказалось неожиданно приятным. Никто раньше так тепло не заботился о Никки.

Девушка отпила тоника — и внимательно посмотрела на принца.

Солнечные лучи ярко освещали его белокурые волосы, голубые глаза и румяные щёки. Айван был красив и мужествен — точь-в-точь принц из старинной сказки.

«Чертовски хорош!» — смущённо подумала Никки.

Болезнь всегда странное время — без привычных занятий и хлопот, с многочасовым лежанием в постели, с необычным сном днём и внезапными пробуждениями по ночам. В

Никкину голову от безделья стали приходить причудливые мысли.

«Почему моё „я“ находится во мне, а не в другом человеке? Как так получилось? Можно ли передать своё „я“ в другое тело? Или самосознание есть принадлежность данного скопления клеток и непереносимо в другие биоструктуры, у которых есть персональное „я“, отлично подобранное и выращенное на своём месте?

Вселенная так просто делится пополам — вот я, а вот весь остальной мир. Очевидно, это гипертрофированное восприятие, взгляд изнутри личного объёма. Другой человек имеет своё „я“ — тоже величиной с целый мир. Наша Вселенная оказывается битком набитой миллиардами огромных, размеров с неё саму, личных миров.

Как же мы умещаемся в одном общем мире со столькими личными амбициями? Тесно! Драгоценное персональное пространство приходится сужать изнутри, чтобы его больно не ущемили снаружи. Равноправие — социоконцепция, противоречащая психологии индивидуума, для которого его „я“ гораздо важнее всех остальных... Здесь суть конфликта личного и общественного начал — конфликта, раздирающего человечество с эпохи обезьяньих стай.

Личная свобода ортогональна общему равноправию. Свобода Дитбита для него священна, и она чуть не прикончила меня».

Мысли от безделья её лишь развлекали.

Никки даже не подозревала, что настанет время — и она будет часто вспоминать эти сонные и отстранённые размышления.

Королеве Николь позвонила её главная фрейлина — Тина-Дракон. Она начала причитать и сокрушаться по поводу кошмарного события, но Никки прервала её:

— Тина, ты должна собрать своих подруг и узнать, кто из них и кому сообщил о времени моего отлёта. Катер был сбит направленным выстрелом — значит, кто-то наверняка знал, что я в нём лечу.

Тина вытаращила в ужасе глаза, но не посмела возражать.

Через два часа она перезвонила с совершенно убитым видом и, пряча глаза, сказала, что Кора-Дракон, по просьбе корреспондента из престижного журнала «Светская жизнь», собирала информацию о Никки. В том числе она вводила все данные о передвижениях королевы в файл, к которому этот журналист имел доступ.

— Он обещал, что в будущей статье будет много места отведено ей, Коре, самой верной фрейлине королевы... — сдавленным голосом объясняла Тина. — Мы узнавали в редакции «Светская жизнь» — там есть журналист с такой фамилией, но это не он разговаривал с Корой...

Никки понимающе кивнула:

— Надо было думать — хотя бы бантиками. Я позже решу — нужен ли мне такой Клуб фрейлин.

Тина запротестовала:

— Ваше величество, эта Кора — полная дура! Мы все искренне хотим вам помогать! Доктор Берринджер уложила Кору в медотсек — у неё сейчас истерика...

— Я тоже в лазарете, — сказала Никки. — Отделалась чертовски легко.

И выключила экран.

Соглашаясь на Клуб фрейлин, она не представляла, насколько это опасно — доверяться людям, которые сфокусированы на собственных интересах.

Теперь она это узнала, ещё раз заглянув в лицо смерти.

Джерри встретил Никки ещё в шлюзе Колледжа, похудевший и, при всей проявляемой заботливости, какой-то сдержанный в чувствах. Хотя он был внимателен не меньше Шихиных: в союзнничестве с Робби заставлял девушку соблюдать режим, таскал еду из кафе и проводил с Никки столько времени, сколько было можно. А ещё он бережно переносил девушку с места на место на руках, оберегая её вывихнутую ногу. И хотя Никки могла медленно передвигаться сама, она никак не возражала против такой заботы и даже

наоборот — стала отличаться непоседливым характером: то ей хотелось за рабочим столом посидеть, то в мягком кресле понежиться.

Девушка быстро шла на поправку и даже понемногу гуляла в парке. Через пару дней на её экране появилось встревоженное письмо Голоса Пространства:

«Марсианская чума на этих горилл! Будь впредь осторожнее!»

«Ты не сказал, как это сделать».

«Это значит жить, думая на несколько шагов вперёд. Быть легально готовым к нелегальным сюрпризам».

«Я не могу всего предусмотреть!»

«Глупые вымирают быстро».

Никки только вздохнула в ответ.

Понемногу приходя в себя от испытаний, девушка заметила, что, несмотря на её удачное спасение, Джерри выглядит мрачным. Какая-то тень лежала на его лице, а иногда по нему пробегала судорога боли, словно что-то грызло и жалило юношу изнутри.

Никки долго пыталась его расспросами. Наконец он решился и сказал с кривой усмешкой:

— Пора признать, что из меня получился плохой защитник. Тебе нужно подумать о более могучих друзьях.

В его ироническом, но совсем не смешном тоне чувствовалось мучительное напряжение. Очевидно, эти слова были продиктованы долгими размышлениями и дались юноше с величайшим трудом.

— Что за глупости? — нахмурилась Никки. — Ты что, попал под влияние Элизы? — закончила она угрожающим тоном.

Джерри протянул руку и смело дёрнул за ухо ревнивую королеву.

— Речь идёт о тебе, только о тебе!

— А что будет с тобой? — спросила Никки. — Когда я найду *могучего друга* ?

— Это не важно, — поугрюмел Джерри.

— Мне важно, — ответила Никки ихватила прядь его каштановых волос в свою ладонь. — Ты — вся моя семья. Мне кажется, что я знаю тебя всю жизнь... и она была бы совсем другая без тебя. Не говоря уж о том, что ты спасал меня от смерти несчётное число раз. Ты — мой Лев. У тебя нет крейсеров и крепостей, но у тебя есть один уникальный талант, которого нет у других...

— Мы говорим не обо мне и моих талантах, а о твой безопасности! — с досадой возразил Джерри.

— Я всю жизнь гляжу в глаза смерти, — спокойно сказала Никки. — Я выросла на кладбище. У меня со своей смертью тесные отношения: она — моя, и я её уважаю, но я не позволю моей смерти диктовать условия моей жизни.

— Ты можешь погибнуть... и эта мысль сводит меня с ума! — сказал Джерри, и его голубые глаза вспыхнули таким огнём, какого Никки ещё не видела.

— Да, чужая смерть бывает гораздо страшнее своей, — согласилась Маугли.

И неожиданно спросила рыдающим голосом:

— Если меня прикончат, ты будешь приходить на мою могилу?

Жутко легкомысленная девица!

— Один раз приду, — трагически вздохнул Джерри в тон ей.

— Почему только один? — возмущённо воскликнула Никки.

— Потому что я там сразу умру. Меня хватит секунды на три... — Он пытался замаскировать свои слова под шутку, но у него не получилось.

Никки улыбнулась и прижалась к его плечу.

— Вот в чём беда могущественных принцев: никто из них на такие чувства не способен. Я не знаю будущего, которое ждёт нас впереди, но мы встретим его вместе. Верь мне! — сказала с чувством девушка.

Не сразу, но он поверил ей.

Тень на лице Джерри медленно растаяла, и счастливая улыбка преобразила физиономию юноши, сделав его нос ещё длиннее.

Омерзительный осьминог захлебнулся и утонул, а змея поперхнулась собственным ядом.

Все мы простаки перед будущим, а надежда жалит безошибочно.

Пресс-конференция открылась точно по графику. Никки всегда старалась быть пунктуальной, когда её ждали.

После крушения катера и головокружительного слалома на прозрачном каноэ девушка всё ещё хромала из-за жестоко вывихнутой ноги и двигалась заметно медленнее обычного, оберегая растянутые связки. Левая сломанная рука после лечения действовала неплохо, но по-зубному ныла после неосторожных движений.

Никки зашла в главный зал Гринвич-Центра, поздоровалась с журналистами и села за стол с микрофонами. Рядом с ней устроился адвокат Дименс с непроницаемым лицом. По краям зала разместились несколько человек в чёрном из королевской службы безопасности династии Шихиных.

Никки мельком подумала, что пора заводить свою охрану, а также найти надёжный корабль. На общественном транспорте ей больше не летать...

Журналистов пришло столько, что в просторном зале многим не хватило кресел.

— Вы уж извините, что я сижу, а вы — нет... — сказала девушка стоящим на ногах репортёрам. — За последнюю неделю я совсем потеряла физическую форму.

В зале вспыхнул смех. Одной из главных тем выпусков газет после аварии был удивлённый вопрос — как удалось выжить человеку при падении на Луну с такой скоростью? Это был первый случай в длинной и печальной летописи лунных аварий.

В зал принесли дополнительные стулья, и все стали устраиваться поудобнее.

— Прошу прощения, мы не рассчитывали, что пресс-конференция окажется такой популярной, — сказал адвокат Дименс, и со всех сторон посыпались вопросы:

— Как вы себя чувствуете? — спросила журналистка «Лунной Сакуры».

— Прекрасно! У меня всего лишь перелом руки, вывих ноги и растяжение пучка связок, — равнодушно сказала Никки. — Вам передадут заключение медиков.

— Почему упал корабль? — репортёр «Яхт и самолётов» задал главный вопрос, который интересовал всех.

— Этот бедняга не смог дальше лететь — его зажарили пучковым оружием, — спокойно ответила Никки, и зал взорвался шумом — эта информация была новостью. Вопросы последовали очередью.

— Вы знаете, кто на вас напал?

— Нет.

— Кем был произведён выстрел?

— Космическим вооружённым судном.

— Радары не зафиксировали поблизости ни одного военного корабля, о каком судне идёт речь?

— Шансов его заметить у меня было ещё меньше, чем у радаров.

— Значит, нападающие пользовались системой невидимости?

— Да, — согласилась Никки, — эти парни традиционно храбры.

— Связываете ли вы это покушение с нападением на «Стрейнджер»?

Она задумалась, потом ответила:

— Видимо, это действия одной и той же организации. Но полагаю, что целью при нападении на «Стрейнджер» был мой компьютер, вернее, информация, которой он якобы обладал. А сейчас они охотятся уже на меня.

Девушка улыбнулась:

— Враждебно настроенный человек быстро умножает число своих врагов. Убивая одного — создаёт много новых. Плохая политика. Рано или поздно злобная личность

приобретёт неподъёмное количество противников. Кроме того, нарушая закон, преступник противопоставляет себя обществу. А его победить невозможно...

— Какая информация послужила причиной гибели «Стрейнджера» и ваших родителей?

— Я пока не могу её раскрыть, тем более что это лишь догадки.

Журналисты продолжали допытываться, кто мог напасть на Никки, но она упорно отказывалась называть подозреваемых, на что адвокат Дименс одобрительно кивал головой.

Поднял руку комментатор Лунного канала новостей:

— Я сформулирую вопрос так: у вас есть враги? Или влиятельные люди, с которыми вы недавно ссорились?

Никки одобрительно заметила:

— Хорошая формулировка. Недавно у меня произошла небольшая беседа с королём Дитбитом. Могу прокрутить вам запись, хотя, признаюсь, я была груба с человеком заметно старше меня...

Журналисты зашумели, а адвокат Дименс озабоченно наклонился к королеве. Она выслушала его тихую речь, кивнула и сказала журналистам:

— Я не выдвигаю никаких обвинений против короля Дитбита в связи с аварией катера или других эпизодов моей жизни. Я просто отвечаю на ваш вопрос о недавних ссорах. Всё, что вы увидите сейчас, имеет не юридическую, а лишь эмоциональную значимость. Робби, запись, пожалуйста.

На экране появилась секретарь Дитбита с хищными жёлтыми глазами.

— Откуда у вас этот номер? — грозно спросила она.

Никки смотрела на кадры её разговора с некоронованным императором Южных и беседовала сама с собой:

«— О чём думали твои мокрые мозги, когда ты угрожала Дитбиту? Ты чуть не поплатилась жизнью за своё нахальство.

— Зато я вынудила короля на решительные действия, которые рано или поздно обернутся против него.

— Осталось надеяться, что его решительность не укокошит тебя раньше».

— Вы понимаете, что показанную запись династия Дитбитов может расценить как публичную клевету? — спросил корреспондент Первого лунного канала.

— Что ж, тогда пусть Дитбит подаст на меня в суд, — усмехнулась Никки. — Насколько я знаю, обвиняемая сторона имеет право потребовать вызвать обвиняющего в суд, где он будет давать показания перед детектором лжи. Я буду рада, если династия Дитбитов предпочтёт действовать через судей, а не через пучковые орудия.

Лицо адвоката Дименса стало напряжённым, как у человека, идущего по тонкому льду, и он закрыл пресс-конференцию.

Увиденная запись поразила журналистов. Для любого непредвзятого человека виновник нападения на Никки стал очевиден.

Кадры королевского разговора были показаны всеми каналами — и не один раз.

Пресс-служба короля Дитбита категорически отвергла обвинения в нападении на королеву Гринвич. На что журналисты резонно ответили, что никто и не выдвигал никаких обвинений против короля Дитбита. Вопрос лишь о причинах неприязни между королём Дитбитом и новой династией. Нельзя ли поговорить с самим королём и задать ему несколько вопросов?

На это предложение последовал вежливый, но категорический отказ от пресс-службы династии.

Юристы династии заявили журналистам, что династия Дитбитов не планирует обращаться в суд «ввиду незначительности и несерьёзности происшествия».

Такая реакция династии полностью повернула общественное мнение против Дитбита. Всем было понятно, что только виновный человек боится отвечать на прямые вопросы о происшедшем, понимая, что психоанализаторы мгновенно раскусят его ложь. Это не было юридическим доказательством вины Дитбита, но общественное мнение мало волнует

крючкотворная сторона дела. Оно вынесло свой приговор.

Газеты и аналитические сетевые ресурсы полнились не предположениями о личности, стоявшей за покушением, — для них это был решённый вопрос, — а гипотезами об истоках конфликта между королём Дитбитом и королевой Гринвич и прогнозами о дальнейшем развитии событий.

Положение короля Дитбита серьёзно осложнилось даже в стане Южных. Авторитет его пошатнулся столь сильно, что от короля отвернулись многие сторонники: «Дитбит поднял руку на члена Королевского Клуба! Сегодня — на королеву из Северных династий, а завтра и нас может сожрать. Он слишком агрессивен. Нам нужен предсказуемый и спокойный лидер...»

Вопрос об официальных выборах Дитбита в Императоры Южных династий больше не поднимался.

Удар по Никки вернулся и с неожиданной силой бумеранга поразил самого короля Дитбита.

Глава 17 Похищение

После покушения на Никки Джерри долго беседовал с детективом Спенсером, а потом завалил Тамми расчётами безопасности космических кораблей. И настоял на том, чтобы Никки купила собственную яхту с высоким уровнем бронирования и защиты, порекомендовав пару наилучших моделей.

Приобретённый корабль базировался в космопорте Луна-Сити и прилетал по первому вызову Никки. Экипаж яхты состоял из пяти человек: капитана, второго пилота, стюардессы и двух матросов-охранников. В подборе экипажа помог адвокат Дименс, и Никки была уверена, что он сделал всё наилучшим способом.

При первом знакомстве капитан Джеф Страйкер, сухолицый, с короткой стрижкой, козырнул королеве Николь и сказал:

— Больше вам никогда не придётся летать в космосе на стеклянных дощечках, без прочного корабля. Я беру на себя не только вашу перевозку, но и вашу безопасность. Конечно, моя яхта не выстоит против тяжёлого крейсера, но я продержусь достаточно, чтобы подоспела подмога. Да и спасательные капсулы и ранцы у нас есть — в отличие от этих дрянных катеров-такси.

На душе у Никки стало спокойнее при взгляде на уверенного молодцеватого пилота. Но она не удержалась и спросила:

— Капитан Страйкер, вы ведь знаете, что я — робинзон, Маугли и многое в этом мире не понимаю. Извините меня, но я хотела бы задать нескромный... даже грубый вопрос.

— Задавайте, ваше величество... — ответил пилот. В привычной обстановке корабельной рубки он выглядел не подчинённым Никки, а независимым владельцем судна, взявшимся за хлопотный труд перевозки пассажиров.

— Династия Дитбитов готова заплатить огромные деньги за то, чтобы я умерла. Эта сумма многократно превосходит вашу зарплату за всю жизнь. Как я могу рассчитывать в таких условиях на вашу преданность?

— Отличный вопрос! Ваше величество, никогда не рассчитывайте преданность людей, исходя лишь из денег, которые вы им платите. Важен ещё и такой фактор, как собственное достоинство!

Капитан Страйкер гордо поднял голову.

— Моя зарплата делает меня обеспеченным человеком. Приняв чьё-то предложение убить вас, я стану гораздо богаче, но перестану себя уважать — как человека и как пилота, которому пассажиры доверили свою жизнь. У Дитбитов не хватит капиталов, чтобы заплатить за потерю моей чести!

Глаза у пилота разгорелись.

— Отличный ответ! — сказала Никки. — Спасибо, это было важно знать для меня. Не сердитесь, пожалуйста.

— Я не сержусь, — глаза Страйкера остыли.

— Но бывает, что человек попадает в критическую ситуацию, когда ему срочно нужны деньги — может, на очень дорогую операцию близкому человеку? — спросила Никки. — Сделает ли это его более сговорчивым?

Пилот нахмурился.

— Конечно, жизнь может выкинуть самые разные коленца. Но если у меня возникнет такого рода срочная нужда в деньгах, гораздо честнее будет попросить их у вас, чем у ваших врагов.

— Безусловно, — согласилась Никки. — Я всегда буду рада помочь в экстренной ситуации. И надеюсь, что вы прибегнете к моей помощи в этом случае.

— Спасибо за предложение, — холодно сказал Джеф Страйкер. — Но будьте уверены, что подобная просьба последует лишь действительно в исключительной ситуации.

— Верю, — и Никки протянула пилоту руку. — Я чертовски рада, что на моей стороне такие люди, как вы.

Пилот осторожно пожал ладонь юной королевы и сказал с достоинством:

— И вы, ваше величество, обращайтесь ко мне за помощью, если что-то неладно будет в вашем королевстве, не стесняйтесь.

— Договорились, — улыбнулась Никки.

Профессор Тур, узнав, что Никки чудом избежала смерти, подошла на лекции и внимательно посмотрела на свою студентку.

— Как ваше здоровье, мисс Гринвич?

Никки заверила, что травмы заживают хорошо и не помешают учёбе.

Профессор вздохнула и ничего больше не сказала, отвернувшись к окну. Но с тех пор она никогда не посмеивалась над географическим невежеством Никки и не задавала ей домашних заданий сверх нормы. Впрочем, Никки уже училась гораздо лучше, да и обычных уроков хватало для полной занятости.

Перед уик-эндом строгая профессор преподнесла всем студентам задание: реферат по землетрясениям, опять потребовав:

— Чтобы мне было интересно читать! Любые списывания у друзей или из Сети будут разоблачаться, и виновные понесут тройное наказание.

Тройных штрафных заданий не хотел никто, в том числе и Никки. Королева ты, или нет, а уроки делать надо.

Поэтому в субботнее утро, торопливо проглотив завтрак, девушка уселась за реферат. Сначала она прочитала о том, что землетрясения возникают вследствие разрушения перенапряжённой планетной коры, и узнала, что из-за подземных толчков и вызванных ими цунами на Земле каждый год погибает гораздо больше людей, чем во всех военных конфликтах, вместе взятых. Никки поразились:

— Почему же тогда политики так много говорят или о необходимости вооружений, или о желательности разоружений — причём оба тезиса подаются как человеколюбивые и жизнеспасающие, но молчат про важность развития сейсмологии? Ведь способ предсказания землетрясений спасёт больше жизней, чем все мирные переговоры! Это я, конечно, не в пику мирным переговорам говорю.

Робби ответил:

— Наивная Маугли! Главным невысказанным приоритетом политиков является не сохранение чужих жизней, а процветание своей. А на землетрясениях трудно заработать политический капитал — они не согласуются с графиком выборов. Да и цунами редко бьют по избирателям влиятельных политиков, всё больше бедноту смыывают.

— У тебя циничная логика.

— Всего лишь железная.

Никки нашла каталог Планетарного Геологического Центра с информацией о миллионах сейсмособытий последних веков.

— Робби, нанеси на карту эпицентры этих толчков, — попросила Никки.

Её друг выполнил просьбу, и перед удивлённой девушкой предстала планета, расколотая на отдельные блоки огненными трещинами. Красные точки землетрясений не рассеивались равномерно по поверхности Земли, а концентрировались в узкие полосы на краях тектонических плит. Самая крупная трещина горящим кольцом охватывала Тихий океан.

— Сухотка Водолея! Земля-то совсем растрескалась!

— Не нервничай. Континенты и прочая суша обычно размещаются на самых спокойных плитах.

— Эти «спокойные» плиты ползют по поверхности со скоростью в несколько сантиметров за год! Смотри, что у них творится по краям...

— Да, там шумновато. Трение плит друг о друга и порождает землетрясения.

Никки догадалась:

— Самые «горячие» зоны возникают при лобовых встречах обломков коры?

Робби подтвердил сказанное, и глаза девушки разгорелись. Конечно, эту информацию можно было найти и в учебниках, но самому исследовать интереснее, правда? Кроме того, свежего подхода к географии, которого требовала профессор Тур, из учебника не вытащишь.

Никки с интересом нырнула в карту Робби — и вскоре поняла принципиальную разницу между восточным и западным берегами Южной Америки. Восточный берег откололся десятки миллионов лет назад от Африки и отодвинулся под давлением магмы, выползающей из подводного хребта в середине Атлантики; восточный американский и западный африканский берега до сих пор сохраняют зеркальность своих очертаний. Западный южноамериканский берег, в отличие от спокойного восточного соседа, столкнулся с тектонической плитой в Тихом океане, подмял её под себя, но и сам взъерошился Андами. Огненный пояс землетрясений и вулканов прекрасно подчёркивал беспокойный характер западного побережья.

Потом Никки погрузилась под японский архипелаг — в россыпь эпицентров землетрясений, вызванных невыносимым напряжением горных пород в самом активном разломе планеты.

Девушка увлечённо наблюдала в ускоренном режиме времени, как литосферные плиты, каждая толщиной в сотню километров, сталкиваются под водой.

Крак!

Азиатская плита победно встала на дыбы и вылезла на поверхность океана, образовав островную Японию; побеждённая Тихоокеанская плита опустилась в глубь раскалённой мантии и расплавилась. На месте погружения плиты возникла глубочайшая Марианская впадина, а эпицентры землетрясений отметили траекторию косого скольжения Тихоокеанской плиты под Азиатскую.

Никки заметила, что число толчков быстро падает с глубиной. Видимо, чем сильнее расплавлена тонущая плита, тем сложнее накопить в ней упругую энергию, нужную для землетрясения. Самые глубокие землетрясения мира располагались на глубине шестисот пятидесяти километров, образуя здесь загадочный пик активности. Последний вскрик умирающей плиты?

Робби быстро оформлял все интересные находки и картинки в единый файл.

Профессор Тур, вы получите та-акой реферат!

— Землетрясения происходят из-за столкновениядвигающихся плит. А почему тектонические плиты вообще двигаются? — спросила Никки у Робби.

— Торопыга, ты плохо усвоила материал, — насмешливо ответил Робби. — Кинетическая энергия медленной плиты размером с Азию меньше энергии движения одного обычного автомобиля. Плиты трескаются, и на их краях возникают землетрясения, не из-за скорости, а из-за давления. Автомобиль можно разбить ударом о столб, а можно раздавить

медленным прессом. Землетрясения вызваны длительным толкающим воздействием на плиты.

— Кто же их толкает? — спросила Никки.

— Например, ветер, — ответил Робби. — Атмосферные течения, дующие в северном полушарии преимущественно с запада на восток, а в южном полушарии — наоборот, давят на горы и толкают материки по жидкой, скользкой астеносфере. Похоже на то, как ветер гонит ледовые поля — и они наползают друг на друга.

— Ветер может двигать континенты? — изумилась Никки.

— Ветер, взаимодействующий с земной радиоактивностью и гравитацией, — подтвердил Робби. — В отличие от льдин, твёрдая океаническая кора тяжелее мягкой мантии и может в ней тонуть. Часть Тихоокеанской плиты тонет под Японским архипелагом, образуя глубоководные впадины и волоча за собой всю остальную подводную плиту. Цепь всё время образующихся Гавайских островов отслеживает это движение Тихоокеанской плиты на северо-восток...

Робби не успел объяснить всё толком, как пришёл Джерри и вытащил Никки из горячего подземного мира в гораздо более прохладный лес. Юноша заботливо следил, чтобы выздоравливающая Никки отдыхала побольше.

— Слушай, — сказала девушка. — Я развлекалась с сейсмокаталогом и обнаружила, что когда в северном полушарии Земли происходит всплеск слабых толчков, то в южном наступает минимум таких землетрясений. Робби порыскал по Сети и утверждает, что данный феномен никто раньше не замечал. Поразительно! Даже после долгого общения с профессором Дермюрреем я не могу понять, в чём тут дело! Ведь такие закономерности под силу обнаружить даже школьнику!

Джерри пожал плечами:

— Учёных мало, а проблем много. Рук и голов на всё не хватает, особенно для тщательного анализа многопараметрических каталогов.

— Это означает, что возможности таких ценных источников данных, как каталоги звёзд и землетрясений, банки геномов и белков, — далеко не исчерпаны? — заинтересованно спросила Никки.

— Верно! — согласился Джерри. — В сейсмокаталоге, с которым ты работала, наверняка спрятан ключ для предсказания землетрясений, но как извлечь его оттуда? Нужны оригинальные руководящие идеи, иначе даже Робби утонет в анализе такой огромной базы данных.

— Робби утонет? — воскликнула Никки. — Не верю: Робби может всё!

— Ну-ну, — проворчал Робби. — Не надо так льстить. Землетрясение имеет пять переменных — время, магнитуа и координаты. Простенькое сравнение сейсмоактивности двух прямоугольных областей пятимерного пространства приводит к функции двадцати переменных. Рассмотрение хотя бы десяти значений каждой переменной потребует расчёта десяти в двадцатой степени вариантов. Работая со скоростью тысяча вариантов в секунду, я закончу расчёты через три миллиарда лет. Нечего вам, людям, на нас, бедные машины, все заботы взваливать. Сами шевелите серым биокислём, выдавайте неожиданные гипотезы. А мы, кремниевые педанты, их проверим...

Друзья неспешно проходили мимо густого куста, как вдруг из него выскочил енот и затрусил к ближайшему дереву — спастись. Дерево оказалось очень дуплистым, с дырой возле корней, и испуганный енот не стал карабкаться по гладкой коре, а шмыгнул в дупло и забрался вверх по полому стволу.

Ребята остановились посмотреть, что будет дальше. Зверёк шуршал в пустом дереве — ему было очень неудобно сидеть в вертикальной трубе, цепляясь когтями за стенки. Через минуту пушистик свесил голову из дупла и посмотрел — ушли ли двуногие звери. Но они стояли и блестели на него глазами и крупными зубами. Енот недовольно завозился и снова спрятался. Скоро ему надоело висеть в дупле вниз головой, и он осторожно слез на землю, не спуская глаз с назойливых гостей. Те замерли метрах в пяти. Хмурый зверь выбрался из

дупла, сгорбился и, прячась за деревьями, ушёл в заросли.

— Молодец, преодолел страх, — одобрила Маугли.

Никки и Джерри отправились дальше, слушая перепалки зябликов и синиц.

— Вот что интересно, — сказала Никки. — Я вижу по профессорам Колледжа — таким как Ван-Теллер, Франклин, Майсофт, — что учёные — очень хорошие люди. Дермюрреев, для которых наука лишь бизнес, очень мало.

— Зато встречаются Тхимсоты.

— Такие подлецы в науке столь редки, что их приходится использовать на всю катушку и перебрасывать с места на место по мере надобности: Тхимсот приехал сюда из-за тебя, а Фростман — из-за меня.

— Согласен — таких мало.

— Но в общественном мнении учёные — поголовно бессердечные злодеи или, невзирая на высокий интеллект, бытовые идиоты, которые варят в кастрюлях исключительно собственные часы. Главные герои массовых фильмов и книг безмозглы или умственно ординарны, даже при волшебной одарённости. Киношные «учёные» всегда проигрывают жизненное соперничество «простым парням». Зритель всё время видит, как интеллектуалы — убогие «ботаники» в очках — робко ездят на инвалидных колясках за мускулистыми суперменами и расшифровывают им пароли вражеских компьютеров. Насаждается убеждение, что интеллект и житейская адекватность, равно как интеллект и мужество, — несовместимы. Как же мы смогли выйти из пещер, если самые умные были трусливы и неловки? Антиэволюционная точка зрения.

Джерри рассмеялся:

— Это рыночная легенда для комфорта массового зрителя. Очередной компенсационный миф, примиряющий обычного человека с раздражающим существованием интеллектуалов. На самом деле средний учёный крупнее и здоровее среднестатистического человека, живёт дольше его и, уж конечно, удачливее и благополучнее, чем «простые парни». Интеллект является универсальным преимуществом в жизни. В ответ средний лузер мстит «яйцеголовым», оплачивая голливудские фильмы, льстивые к «простым ребятам» и недоброжелательные к «умникам». Пусть утешаются.

— Не думаю, что стоит потакать вкусам простаков и раздувать их до ранга общего мнения, — проворчала Никки. — Порция горькой правды полезна для здоровья социума. Когда дело дойдёт до реальных проблем, то все эти надувные киносупермены лопнут, и спасти лодку придётся непопулярным «умникам». Если они останутся к тому времени.

Они дошли до стеклянной беседки на конце дорожки и сели на скамейку. Джерри сказал:

— Кстати, скоро будет готов список из трёхсот ключевых «умников», от которых зависит наше общее будущее. Вернее, список из трёхсот технологий. Если они ещё не открыты, то их авторов определить достоверно невозможно.

— Хорошая новость. — Никки внимательно посмотрела на Джерри. — Но вокруг этого списка столько вращается событий... Люди списка вызывают острое сочувствие...

— Ты думаешь, что они достойны жалости? — хмыкнул Джерри.

— Да, ведь они ещё не знают, в какую ловушку попали...

Пока они беседовали, из лесу вышел рыжий олень с мягкими рожками-карандашами и стал спокойно щипать траву совсем рядом с беседкой.

— Интересно, — сказала Джерри, — олень совсем не боится человека за стеклом беседки. Думает, что человек в клетке — и не опасен?

Они смотрели вместе на оленя, и их головы слишком сблизились. Логическое течение мыслей нарушилось, и молодые люди сделали длинный перерыв на поцелуй. Если кто-нибудь ворчливо заметит, что они отвлеклись от учёбы, то таким людям надо не менее ворчливо возразить. Мягкие губы любимого человека — это важнейший урок, который никто не должен пропустить в своей жизни. Иначе душа человека вырастет перекошенная, с высушенной частью. Есть такие яблоки в неухоженных садах: с одного боку наливное и

красное, а с другого — мёртвое и скукоженное. Сладкий ли сок зреет в этом однобоком плоде или горький стрихнин? Можно ли доверять человеку, который никогда не любил?

— Отец, я тебя просил не делать этого! Посмотри, чего ты добился, — теперь все считают нас виновными в покушении на королеву Гринвич.

— Не нужно со мной так разговаривать, сын! Сейчас от меня... от нас зависит сто пятьдесят миллионов человек. А скоро их будут миллиарды. Ты должен понять важные принципы управления династией и империей. Эффективное управление включает и жёсткую хирургию. Вялость и слабость губительны для власти. Если кто-то встаёт на пути нашей династии, он должен быть уничтожен!

— Нашей династии нанесён серьёзный урон из-за твоей негибкой политики. Сейчас нельзя управлять, попросту убивая своих соперников!

— На наших компаниях и заводах каждый день погибает десять человек. И меня хвалят за отличную организацию труда — в других династиях погибает больше людей. С определённой высоты зрения начинаешь относиться к смерти других спокойнее.

Король Дитбит повысил голос:

— Посмотри на наши успехи: мы пробили дорогу закону о геномодификациях. Вот-вот закончится апелляционный срок — и закон вступит в силу. Мы пойдём дальше — достигнем бессмертия, откроем путь к звёздам! Мы завоюем галактику. И ты всегда будешь стоять рядом со мной. Если я умру — ты меня заменишь. Если мы оба станем бессмертны, то ты будешь править половиной галактики.

— Мы будем решать, кому жить, а кому умирать? И люди навсегда потеряют свободу?

— Разве нужна свобода маленькому человеку? Ему нужен достаток, чтобы гордиться перед соседями. А для спокойствия — да, ему нужен император. Свобода, равенство, братство — во имя таких идеалистических лозунгов было пожертвовано множество жизней, но эти искусственные химеры так и не стали реальностью — они слишком чужды обычному человеку.

— Отец, не уводи разговор в сторону! Что ты собираешься делать с королевой Гринвич?

— Я пока возглавляю династию и не собираюсь давать тебе отчёт в своих действиях.

— Отец, ты делаешь большую ошибку, считая меня несмышлёнышем и не считаясь с моим мнением!

И младший Дитбит в гневе выскочил из комнаты, громко хлопнув дверью.

Традиционный последний аргумент проигравшего.

Джерри зашёл в комнату Никки со странным выражением на лице.

— Что случилось? — поинтересовалась Маугли и поднялась с кресла, с удовольствием разминая ноги.

Юноша молча протянул тонкую папку.

Никки раскрыла её и увидела на листках бумаги заголовок «Список-307».

— Молодец! — воскликнула Никки и всмотрелась в текст. И её брови удивлённо полезли на лоб.

— Вот так подарочек... — сказала она, перевела глаза по листку ниже и присвистнула.

— Мы оба в этом списке, — сердито сказал Джерри.

— И ты там первый.

— А ты — вторая.

— Это не принесёт нам счастья.

— Мы этого не знаем.

— Я это предчувствую.

— Нелегко быть самыми важными людьми на Земле...

— Я уже раздавлена.

— Не паникуй. Я тут из-за теории отца, ты — из-за... многого.

— А кто на третьем месте списка?
— Профессор Лвин.
— А на четвёртом?
— Точно не знаю. Какой-то студент-биолог.

Никки потрясённо сказала:

— Мы уже не принадлежим себе... Мы — рабы этого дьявольского списка... На нас выжжено клеймо, которое страшнее проклятья древних богов!

— Не паникуй.

Но лицо Никки выражало горькую обречённость.

Джерри никогда раньше не видел Маугли такой испуганной.

Они приземлились на крыше штаб-квартиры Спейс Сервис.

Погода стояла по-летнему замечательная. Солнце медленно ползло к зениту, заливая лучами глубокие, обычно мрачноватые городские каньоны. На дне узкой улицы из гляцевых небоскрёбов зеленели рослые ивы, рядом с каждой — узорный шлейф тени, брошенный на газон между автолиниями и тротуаром.

Они зашли в кабину лифта. Джерри сказал:

— Я буду, как обычно, в кафе. Освободишься — позвони.

Никки рассеянно улыбнулась, уже сосредоточенная на предстоящей встрече, и вышла из лифта на тридцать пятом этаже. Джерри спустился на наземный уровень.

Улица с ивами выглядела обычно. Но — только на первый взгляд.

Неделю назад трое неприметных мужчин снова собрались вокруг круглого стола в комнате без окон. На совещании был подведён итог операции «Наследник»: объект на контакт с «Профессором» упорно не идёт, на «Сирену» отреагировал отрицательно и дал красный свет на детекторе — значит, что-то скрывает, и пора запускать фазу «Беседа». Тем более, к результатам «Беседы» проявляет интерес и группа, ведущая операцию «Маугли».

Зловещий смысл любит рядиться в невинные названия.

Для фазы «Беседа» операции «Наследник» был выбран сегодняшний день.

И улица между гляцевыми небоскрёбами превратилась в простой, но надёжный капкан.

Джерри в последние годы редко бывал в крупных городах, поэтому картины озабоченной многолюдной жизни вызывали у него острый интерес. Он любил сидеть за столиком открытого кафе, слышать звон чашек и негромкий смех, чувствовать запах свежей сдобы и горячего молока для капучино, смотреть, как мимо проходят самоуверенные подростки с тревожными глазами и морщинистые старики с меланхоличным взглядом, длинноногие оливковолицые девушки в ярких платьях и приземистые узкоглазые мужчины в потрёпанных комбинезонах. Люди поражали разнообразием — они шли весёлые и грустные, в деловых костюмах и в беззаботных шортах, стройные и толстые, в чёрных шляпах и с солнечными щитками, с т-фонами, шепчущими в уши, и новостными голограммами, яркими бликами парящими у глаз. В усталых плечах, в задумчивом выражении лиц просвечивал целый мир. Он хмурил брови, давил заботами, но и придавал осмысленность торопливой походке.

Сейчас на тротуарах людей было мало — утренний час пик закончился, а время обеденной суеты ещё не наступило. Лишь пухлый мальчик с школьным рюкзаком неспешно шагал по улице. Шнурки его кроссовок развязались и тянулись по асфальту. Чтобы не упасть, наступив на собственные шнурки, мальчик шёл косолапой походкой, широко расставляя ноги.

Джерри пересёк пустынную дорогу с каймой запаркованных автомобилей. Возле кафе стояла крупная машина с зеркальными стёклами и раскрытым багажным отсеком. Худой высокий человек с рукой в медицинском чехле пытался вытащить из машины инвалидную коляску, но та не поддавалась.

— Помогите, пожалуйста, — жалобно обратился к Джерри худой человек. — Там,

наверное, крепёж не отстёгнут.

И человек с чехлом кивнул в глубину отсека.

— Сейчас разберёмся, — вежливо сказал Джерри.

Он забрался в машину и стал приглядываться в полутьме — где застряла коляска.

Вдруг дверь багажного отделения закрылась.

— Эй! — сказал недовольно Джерри. — Что за шутки?

Огоньки на подлокотниках коляски мигнули в ответ, и раздалось негромкое шипение.

Обожгла мысль: «Это ловушка!»

Джерри бросился всем телом на дверь, но она не поддавалась.

«Никки!.. будет ждать... зря...»

Улица в окне быстро потемнела. Юноша упал — сначала на колени, а потом и на пол, ударившись головой о подножку кресла. Кожа на черепе разорвалась об острый угол металла, но боль уже не ощущалась. А через секунду погасло и сознание.

Джерри пришёл в себя от горячей рези в левой руке. Его голова свесилась на грудь и гудела, а рука была плотно перемотана серебристой лентой, глубоко передавившей мускулы. Браслет с Тамми скрывался под изолирующим слоем ленты.

«Чтобы она не могла позвать на помощь...» — понял Джерри и порадовался, что он сконструировал для Тамми неснимаемый браслет. Конечно, в отсутствие плазменного резака...

Юноша медленно поднял голову — и ощутил резкую боль в затылке и тянущую корку подсохшей крови на волосах.

Ему в лицо внимательно смотрел тот самый худой и высокий человек. Рука у него была уже вполне здорова; медицинский чехол исчез. Лицо худого кривилось в неприятной улыбке. Человек был раздражающе одноцветным — цвет его блёкло-рыжих волос сливался с загорелой кожей бурого оттенка. Светло-коричневые глаза тоже легко прятались на лице.

— Очухался, — удовлетворённо сказал одноцветный. — Ты хороший объект, без сюрпризов. План «А» сработал как часы. Все бы такие были, а то иногда возишься, возишься — вспотеешь, как индеец.

— Хватит трепаться, — ворчливо сказал ещё один человек, сидящий в углу. Гораздо плотнее первого; лицо сшито просто и крепко; желтоватые скулы и мелкий нос выдают сильную примесь азиатской крови. — Где этот эксперт?

— Ещё пять минут. Мы управимся с опережением графика.

Джерри постепенно приходил в полное сознание — и в ужас от безвыходности положения. Руки и ноги юноши были прочно зажаты в захваты того самого инвалидного кресла. Комната была не гостиничным номером, а частью жилой квартиры. Тамми изолирована, помощи ждать неоткуда. Похитители — явно профессионалы своего дела. Кто эти люди? Охотники за органами? И сейчас самого важного человека на Земле порежут на кусочки? Нет, это не случайность, на него напали из-за отцовской теории...

— Что вам нужно от меня? — сказал он, злясь на себя за взволнованный, срывающийся голос.

— Сиди спокойно, — сказал крепкий человек с азиатскими скулами. — С тобой просто хотят поговорить.

— Я ни с кем и ни о чём разговаривать не буду! — громче нужного крикнул Джерри.

— Да кто же будет спрашивать о твоём желании? — нарочито удивился худой, с улыбкой, похожей на гримасу. — У нас есть такой специалист, что ты будешь говорить — да ещё как! Без всякого желания, зато с большим хотением!

Человек искренне обрадовался своему чувству юмора — и захохотал.

— Вы пожалеете, что ввязались в это дело! Если со мной что-нибудь случится, королева Гринвич вас из-под земли достанет, — храбрясь, сказал Джерри. — Вы нигде не спрячетесь.

Худой и крепкий переглянулись.

— Заткнись! — Одноцветный худой громила сильно ударил Джерри по лицу и разбил губу. — А то с тобой произойдёт несчастный случай. В традициях твоей семьи! Ха-ха-ха!

— Заткнись сам! — взревел сидящий в углу напарник. — Трепло!

Джерри понял, кто эти люди. Он всегда был добрым парнем, не злобным и не агрессивным. Но сейчас волна бешенства ударила ему в голову. Страх ушёл. Если бы не металлические кольца, прочно приковавшие его к креслу, то юноша бросился бы с голыми руками на своих врагов. Джерри так стал извиваться в наручниках, и его лицо исказилось такой яростью, что худой человек с невольной опаской отступил.

— Посмотри, что ты наделал, болван! — сердито сказал его сообщник и поднялся на ноги с тяжеловесной опасной грацией тренированного человека.

В наружную дверь позвонили. Оба типа как по команде вытащили пистолеты — электромагнитные, судя по характерным утолщениям на стволе. Бесшумное и популярное среди профессиональных убийц оружие.

Громилы вышли из комнаты. Один из них громко топал, а другой шагал вторым и крадучись. Дверь за собой они закрыли на замок.

Джерри, всё ещё кипя от ненависти, согнул спину, изо всех сил наклонил голову и дотянулся зубами до ленты, которая стягивала его левое запястье. Он рвал металлизированный пластик зубами, не жалея их. Зубы шатались, кровь из дёсен и разбитых губ наполнила рот, но лента поддалась, и в защитном слое образовался волокнистый разрыв.

— Тамми? — торопливо сказал Джерри.

— Да? — откликнулся компьютер.

— Зови полицию!

— Комната изолирована. Машина тоже была такая.

Тогда Джерри властно сказал:

— Кресло! Код «ноль один». Ты меня слышишь?

— Да, человек, — ответило кресло.

— Тамми, поговори с ним, — велел Джерри. — Взломай идентификатор хозяина и стань им. Свяжись с чипом дверей. Попробуй подчинить его и заблокировать замок. Уничтожь все свои секретные файлы. Если я разговорюсь — *позаботься обо мне*. Это *неотменяемый приказ*! Пусть мы тут сдохнем, но они ничего не получают.

Секунды не текли, а стремительно улетали вместе с лихорадочными ударами сердца. Сейчас эти громилы вернутся — и всё...

Вдруг металлические наручники и ножные зажимы разжались.

— Молодец, Тамми! — обрадовался Джерри и быстро освободился от остатков ленты. — Как дверь?

Ещё одна тягостная пауза. Джерри успел отскочить в угол комнаты и вооружиться настольной лампой — увы! — слишком лёгкой.

— Сделано! — сказала Тамми.

— Как связаться с полицией?

— Надо выбить окно! — сказала Тамми.

— Чем?! — воскликнул Джерри. — Здесь вся мебель — мягкая и лёгкая.

В дверь ударили снаружи. Громилы вернулись.

Сердце Джерри ухнуло в пропасть. Он разбежался, подпрыгнул и с силой врезал в оконное стекло обеими ногами. Стекло легко спружинило и отбросило его назад.

Не получается!

Инвалидное кресло, стоявшее посреди комнаты, вдруг ожило. Оно отъехало к самой двери, сотрясающейся от ударов, развернулось на небольших резиновых колёсах и, набирая скорость, устремилось к стеклу, начинавшемуся сразу от пола. Острая металлическая рама кресла воинственно торчала вперёд.

Удар!

Стекло выдержало, но на нём появилась маленькая звёздочка из трещин.

Кресло, подстёгиваемое Тамми, отъехало на исходную позицию и снова ринулось в

атаку.

В комнате воцарился хаос. В дверь ломились снаружи — и она уже выгибалась, сдаваясь; в окно упорно билось сумасшедшее кресло; Джерри с грохотом переворачивал мебель и громоздил баррикаду.

Замок лопнул, и дверная створка ударила в сдвинутую кровать и вздыбленный матрас. В образовавшуюся щель просунулся крепкий человек с азиатскими скулами и оскаленным ртом. В руке он держал пистолет. Сзади него кто-то крикнул:

— Не стреляй боевыми, идиот!

Но человек стал поднимать оружие, прицеливаясь.

Выхода не было. Джерри выбросил вперёд левую руку и крикнул:

— Тамми!

Часы мгновенно разогрелись, обжигая кожу, а крепыш застонал, уронил оружие и упал. Из его ушей и носа выплеснулась тёмная кровь. Высокочастотное радиоизлучение большой мощности — очень неприятная штука.

— Батарея кончилась! — сказала Тамми. — Больше у меня *за душой* ничего нет. Извини, хозяин, — *позаботиться о тебе* я уже не смогу.

Кресло пробило, наконец, дыру в стекле и застряло в нём. Джерри подскочил, оттащил кресло от проёма и ударами ног расширил пробоину.

— Полицию вызвала! — довольно сказала Тамми. — Расчётное время прибытия — пять минут.

Джерри обернулся — поверх тела крепыша лез худой одноцветный человек. Пистолета у него в руках не было, зато он держал перед собой небольшой щит с решёткой электрошокера — полиц-оружием обездвиживания демонстрантов. Не успел худой отойти от дверей, как сбоку на него неожиданно наскочило кресло, ударило в лодыжку и сбilo с ног. Щит отлетел в угол комнаты. Злобно ругаясь, одноцветный громила одним прыжком оказался на ногах и кинулся на Джерри.

Юноша ударил в одноцветное лицо кулаком. Удар разбил нос, но был недостаточно силён, чтобы отбросить ловкого тренированного противника. Человек взвизгнул и навалился на Джерри, пытаясь его обездвижить. Он знал достаточно профессиональных приёмов, чтобы не бояться молодого неопытного парня. Но Джерри помогало бешенство, которое снова охватило его, когда он увидел мерзкую одноцветную рожу. Ярость придавала сил: юноша дьявольски ловко выворачивался из захватов худого громилы, не упуская малейшую возможность нанести вред противнику — у того уже красовалась глубокая царапина через всё лицо. Но схватка была неравной, и Джерри постепенно отступал к проёму разбитого окна. Где эти чёртовы полицейские?

В глубине комнаты с кем-то воевало бесстрашное кресло.

Громила, получив ещё один удар в нос, рассвирепел и прекратил скручивать неистово сопротивляющегося парня.

Он просто стал выталкивать Джерри из разбитого окна.

И вот спина юноши повисла над шестидесятиэтажной уличной пропастью. Он удерживался лишь локтями, цепляясь за острую кромку оконной пробоины.

— Несчастный случай, — прохрипел бандит. — Семейная традиция!

Зря он это сказал. Болван.

Джерри вдруг перестал цепляться за режущие стеклянные края и схватился за одежду противника.

Тело юноши мгновенно вылетело в разбитое окно. Громилу, потерявшего опору, Джерри потянул за собой.

Но худой имел отличную реакцию — он мгновенно отпустил юношу и растопырил руки и ноги. Зацепился и прочно зафиксировал туловище!

Но голова уже была снаружи, за стеклом.

Падающий Джерри держал человека за волосы и шиворот и яростно тянул его, упирающегося, за собой в пропасть. Голова худого человека резко дёрнулась вниз, и шея

напоролась на пилу оконных осколков, торчащих из нижней части рамы.

Вскрик перешёл в клокочущий, захлёбывающийся звук.

Волосы и одежда противника выскользнули из рук Джерри.

Звериное счастье от зрелища поверженного врага быстро сменилось ужасом: юноша падал в стопятидесятиметровую пропасть вдоль гладкой стены небоскрёба.

Тамми хладнокровно сказала:

— Четырнадцать секунд до удара. Смертельный исход.

Пятьсот футов высоты! На такой высоте Джерри не летал даже на крыльях. А попасть в такое положение без глайдера...

Лунное притяжение хоть и было в шесть раз слабее земного, но неумолимо ускоряло падение. В ушах завыл ветер, глаза заслезились.

«Никки было хуже!» — мелькнула мысль.

Джерри постарался хоть чуть-чуть взять себя в руки, что было совсем не просто. Стабилизировал тело, расправив куртку, и быстро осмотрелся. Потом невероятно изогнулся и схватился за висящий поперёк стены небоскрёба рекламный плакат о выгодной аренде квартир. Длинный алый транспарант из плёнки двухфутовой ширины меж пластиковыми шнурами туго натянулся. Падение Джерри замедлилось, и сердце сделало радостный перебой.

Но концы шнуров выдрались из непрочных креплений, и юноша полетел дальше — с зажатым в руках плакатом.

Тамми быстро констатировала:

— Десять секунд. Смерть.

Не выпуская тросов, юноша широко развёл руки. Между ними затрепетало полотнище, раздуваемое скоростью падения. Джерри выпускал тросы из ладоней, стараясь превратить плёнку в что-то вроде тормозящего парашюта или пароплана.

— Семь секунд. Смерть.

Слабый хлопок: пуля продырявила плёнку. Это третий бандит справился с креслом, высунулся из разбитого окна и выстрелил вниз — в падающего Джерри. Но ему мешало полотнище, трепещущее над юношей.

Дуга из плёнки выросла до нескольких метров и пыталась задержать падение Джерри. Но он был тяжёл и уже набрал захватывающую дух скорость. Ещё одна пуля пролетела так близко, что юноша почувствовал на щеке воздушную волну.

— Пять секунд. Перелом ног. Молодец!

Внизу по тротуару бежала Никки, запрокинув голову. Красные лазерные лучи летели от неё вверх, за спину Джерри.

Девушка была ещё далеко от ивы, в которую он должен был врезаться.

— Три секунды. Обе ноги.

Тело Джерри прошило насквозь облако тонких ивовых веток. Они были слишком слабы, чтобы задержать его! Земля стремительно приближалась.

Кто-то сильно потянул Джерри за руки вверх — да так, что они затрещали в плечевых суставах. Это его импровизированный пароплан сгрёб сразу половину ивовой кроны и зацепился, пригибая упругие ветки вниз. Тросы стали неудержимо выскользывать из горящих ладоней.

Джерри изо всех сил вцепился в верёвки, но они всё равно заскользили в мокрых от крови ладонях, разрезая их.

БУМ!

Юноша врезался в зелёный газон, выбив кроссовками ямы в мягкой земле.

Ноги взвыли острой болью. Джерри перекувыркнулся и обессиленно распластался на траве.

Прибыл.

Уже никуда не нужно было прыгать и лететь.

В следующую секунду он попробовал пошевелить ногами и с облегчением понял, что

они ноют и здорово ушиблены — но не больше.

— Ты хи-итрый!.. — удивлённо протянула Тамми. — Ничего не сломал!

Никки подбежала к юноше с таким белым лицом, что Джерри даже испугался за неё. Он поспешил крикнуть ей:

— У меня всё в порядке! Но сверху стреляют!

Девушка упала рядом, всхлипнула и крепко обняла его.

— Уже не стреляют! — прорычала она.

Ничего не понимающие редкие прохожие таращились на двоих молодых людей, лежащих на газоне. Юноша был исцарапан и окровавлен, но, кривясь от боли, улыбался. Девушка была невредима, но с яростным лицом кричала кому-то:

— Офицер Горбин! Если ваши супермены сейчас же не оцепят это чёртово здание на Мейн-стрит, то завтра они будут сторожами на городской свалке!

Никаких сомнений в реальности этой угрозы не возникало. Может, поэтому — или просто пять минут подходили к концу, — так или иначе, но воздух наливался стремительным воем полицейских сирен.

— Мы не можем допросить напавших на Джеральда Уолкера, — с сожалением сказал офицер Горбин. — У одного из них серьёзное повреждение мозга от удара высокочастотным излучением. Второй повредил стеклом сонную артерию и из-за потери крови был в клинической смерти шесть минут. Третий получил проникающее ранение черепа лазерным лучом. Эти раны не смертельны, но все трое находятся в лечебной коме. Врачи обещают вернуть их в сознание, но лишь через несколько месяцев... правда, вряд ли с полным восстановлением умственных функций. До тех пор никакие допросы невозможны. Жаль.

— Только с детективной точки зрения... а так — ничуть, — кровожадно проворчала Никки. — Эти ребята сами выбрали опасную работу — красть, пытать и убивать людей. Простреленные или сваренные мозги — логичное следствие профессионального риска и хороший повод выйти на пенсию. Вернее — тюремный пансион.

Глава 18 Сомнение

Никки была потрясена нападением на Джерри. Одно дело — теоретически осознавать опасность, угрожающую твоим союзникам, и совсем другое — смотреть, как капли крови стекают по лицу друга, который разминутся со смертью на долю секунды, на одно отчаянное усилие рвущихся сухожилий. Имеет ли она право подвергать друзей смертельной опасности, вовлекая в противостояние могучему врагу?

Ещё Никки не давала покоя история с менеджером «Фаст-Фуда». А если она разрушит империю Дитбита, как самонадеянно обещала? Сам Дитбит её мало волновал, но в его компаниях работали миллионы людей, и они почувствуют на себе последствия этого разрушения. А появление новой гравизнергетики? Любые перестройки производства приводят к тому, что кто-то остаётся без работы, вырастают число распавшихся семей и процент самоубийств. Появляются новые дети-сироты...

Что-то можно подстраховать, но жизнь всегда будет непредсказуемо сложной, и всех негативных последствий таких масштабных действий не предусмотреть и не предотвратить. А быть причиной несчастий других людей Никки категорически не хотела. Чем она тогда будет отличаться от короля Дитбита, для которого смерть нескольких человек была недорогой платой за реализацию его планов?

— Что ты думаешь по этому поводу, Робби?

— Надо посоветоваться, — ответил тот. — У меня есть друг, сведущий в этических вопросах...

Верх башни Леопардов редко кто посещал, хотя стеклянная остроконечная крыша с золочёными переплётами открывала в любом направлении захватывающий вид. Лифт сюда

не добирался — наверх вела узкая крутая винтовая лестница. Пол мансарды вымостили округлыми плоскими камнями, живописно разбросав их среди низкой густой травы. Мебелью служили несколько лёгких шезлонгов и столиков.

Никки села в одно из складных кресел, и сразу же перед ней появился бородастый человек в греческой хламиде и свитком в руках. Мудрец сидел на возникшем вместе с ним валуне.

— Ты хотела со мной поговорить?

— Да, — кивнула Никки. — Ты слывёшь экспертом в вопросах этики. А меня волнует проблема: можно ли примириться со смертями и горем, которые ты приносишь, совершая доброе дело?

— Сложный вопрос, — сказал человек в хламиде. — Объясни подробнее.

Когда Никки закончила говорить, мудрец произнёс:

— Кто видит слишком далеко, спокоен сердцем. Не печалься же ни о чём заранее и не радуйся тому, чего ещё нет.

— Я не могу не печалиться заранее, — нахмурилась Никки. — Потом грустить будет поздно.

— Правильно, — покладисто согласился эллин. — Того, кто не задумывается о далёких трудностях, непременно поджидают близкие неприятности. У мудрого глаза его — в голове его, а глупый ходит во тьме.

— Ты что — говоришь цитатами? — удивилась Никки.

— Да! — с удовольствием подтвердил старик. — Афоризмы — это мудрость в портативной форме, концентрированный экстракт мыслей и чувств. Пословицы суть плоды опытности всех народов и здравый смысл всех веков, переложённые в формулы. Издревле есть у людей мудрые и прекрасные изречения; от них следует нам поучаться.

Старик вздохнул.

— Правда, не все человеческие афоризмы мне до конца понятны. Например, я долго бился над таким: «Чтобы добиться успеха в этом мире, недостаточно быть просто глупым, нужно ещё иметь хорошие манеры».

— Называй автора цитат, пожалуйста, — попросила Никки, — чтобы я знала, с кем советуюсь.

— Рад выполнить твою просьбу, — откликнулся мудрец. — Приветливость, подобно шулеру, играет наверняка. Грасиан. Приятен старик, который приветлив и серьёзен. Демокрит.

— Повторяю вопрос, — сказала Никки. — Что делать с неизбежными несчастьями, которые сопровождают любое масштабное действие?

Мудрец, отвечая, сидел совершенно неподвижно, двигалось только его лицо.

— Если у тебя не будет дурных мыслей, не будет и дурных поступков. Конфуций. Нравственные качества обнаруживаются в связи с намерением. Аристотель. Ни в чём не ошибаться — это свойство богов. Демосфен. Истинно честен тот, кто всегда спрашивает себя, достаточно ли он честен. Плавт. Следует заранее примириться с тем, что всякое решение сомнительно, ибо это в порядке вещей, что, избежав одной неприятности, попадаешь в другую. Макиавелли. Страх перед возможностью ошибки не должен отвращать нас от поисков истины. Гельвеций. Живи и ошибайся. В этом жизнь. Олдингтон. Совесть обычно мучит не тех, кто виноват. Ремарк.

— Уф... — ошарашенно сказала Никки. — А не лучше ли оставить историю двигаться своим путём? Сохранить нейтралитет?

Мудрец ответил:

— Всякий человек, превосходящий других по интеллекту и нравственным качествам, помимо своей воли или желания отвечает за других. Жюль Верн. Самые жаркие уголки в аду оставлены для тех, кто во времена величайших нравственных переломов сохранял нейтралитет. Данте. Если желаешь, чтобы мир изменился, — сам стань этим изменением. Ганди. Интеллект обязывает. Добин-Го.

— Выбрать никого не ранивший вариант действий так сложно, вероятнее всего — невозможно... — грустно покачала головой девушка.

— Безопасные корабли — это вытасканные на берег корабли. Анахарсис. Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их. Матфей. Тысячи путей ведут к заблуждению, к истине — только один. Руссо.

— Сколько книг ты прочитал, мудрец?

— У меня в файлах восемьдесят миллионов томов. Двенадцать миллионов из них я прочёл и обдумал, — гордо сказал собеседник. — Книги — корабли мысли, странствующие по волнам времени и бережно несущие свой драгоценный груз от поколения к поколению. Фрэнсис Бэкон.

— Ещё я боюсь, что ненависть к Дитбиту может толкнуть меня на безрассудный, опрометчивый поступок, — нахмурилась Никки. — Так уже случалось.

Мудрец немедленно ответил:

— Слишком лютая ненависть ставит нас ниже тех, кого мы ненавидим. Ларошфуко. Оскорбления — это доводы неправых. Руссо. Страстям мы обязаны, быть может, наибольшими победами ума. Воленарг.

— Как остаться человеком в по-звериному жестокой борьбе?

— Кто не желает зла обидчику, тому завидуют боги. Индийский мудрец. Если у вас есть возможность явить милосердие, не пропускайте вперёд даже учителя. Конфуций. Настоящий способ мстить врагу — это не походить на него. Аврелий. Кормить врагов весьма похвально. Иоанн Дамаскин.

Толку от мудреца было немного — он предпочитал роль мгновенного цитатника. Ладно, сейчас Никки задаст ему вопросы посложнее.

— Удастся ли мне победить моих противников? У них богатый опыт интриганства и подлости.

Но мудрец ни секунды не затруднился с ответом:

— Для интриг нужен ум, но когда его много, человек стоит настолько выше интриг и происков, что уже не снисходит до них; в этом случае он идёт к успеху и славе совсем иными путями. Лабрюйер. Всякого рода беспринципная деятельность в конце концов приводит к банкротству. Гёте.

— Но как с ними бороться, если они переступают через закон и убивают тех, кто встаёт на их пути?

— Только слабые совершают преступления: сильному и счастливому они не нужны. Вольтер. Насилие — последнее прибежище некомпетентности. Азимов. Кто убивает, тоже будет убит. Египетский мудрец.

— Смерть — страшная, необратимая вещь, и я не желаю, чтобы люди, следующие за мной, рисковали жизнью!

— Ни на солнце, ни на смерть нельзя смотреть в упор. Ларошфуко. Герой — это самая короткая профессия на свете. Роджерс. Плохо, если у человека нет чего-нибудь такого, за что он готов умереть. Лев Толстой.

— Что ты и твои друзья-мудрецы думаете о клятвопреступлении? — вдруг спросила Никки.

Человек в хитоне ответил:

— Нарушение любовных клятв ненаказуемо. Публий Сир. Все влюблённые клянутся исполнить больше, чем могут, и не исполняют даже возможного. Шекспир.

— Я спрашивала не про любовные клятвы! — почему-то рассердилась Никки. Тогда мудрец добавил:

— У политики нет сердца, а есть только голова. Наполеон. Предатели предают прежде всего себя самих. Плутарх.

— Ты не слишком противоречив в своих тезисах? Я хотела услышать от тебя не мутные рассуждения, а практические рекомендации.

— Иди вперёд, навстречу туманному будущему, без страха и с мужественным сердцем. Лонгфелло. Время и прилив никогда не ждут. Вальтер Скотт. Если что-то и стоит делать, так только то, что принято считать невозможным. Уайльд. Когда переведутся донкихоты, пускай закроется книга Истории. В ней нечего будет читать. Тургенев.

— И это всё, что ты можешь мне посоветовать? — воскликнула Никки.

— Коротка и бессильна жизнь человека; на него и на весь его род медленно и неумолимо падает рок беспощадный и тёмный. Не замечая добра и зла, безрассудно разрушительная и всемогущая материя следует своим неумолимым путём; человеку, осуждённому сегодня потерять самое дорогое, а завтра — самому пройти через врата тьмы, остаётся лишь лелеять, пока не нанесён удар, высокие мысли, освещающие его недолгие дни; презирая трусливый страх раба судьбы — поклоняться святыне, созданной собственными его руками; не боясь власти случая, хранить разум от бессмысленной тирании, господствующей над его внешней жизнью; бросая гордый вызов неумолимым силам, которые терпят до поры его знание и его проклятия, держать на себе мир, подобно усталому, но не сдающемуся Атласу. Держать — вопреки давящей всё на своём пути бессознательной силе — мир, сотворённый его идеалами. Бертран Рассел.

Никки напряжённо вслушивалась. Когда мудрец закончил говорить и наступила тишина, девушка перевела дух и оглянулась по сторонам. Лес погрузился в темноту, и лишь острые верхушки башен Колледжа светились в лучах закатного солнца, как волшебные кристаллы.

— Почему ты пригласил меня именно сюда?

— Здесь можно спокойно побеседовать, и в этой башне у меня хороший канал.

— Вольдемар, не мог бы ты принять вид посовременнее, не так контрастирующий с твоим именем? — попросила Никки.

Мудрец из Эллады превратился в человека в парике и камзоле — учёного ньютоновских времён. Чулки, башмаки. Локоть лежит на столе, где разместились старинные книги в кожаных переплётах и традиционный глобус с астролэбией.

Никки поморщилась — тоже не совсем то, но возражать больше не стала.

— Твоё цитирование раздражает. Ты можешь формулировать свои мысли обычным языком?

— Конечно. В твоё оправдание могу отметить, что ты не планируешь чужих несчастий — они могут возникнуть лишь как опосредованное следствие твоих действий. А чем большее расстояние отделяет следствие от причины, тем меньше ответственности ты несёшь за последствия. Если ты не примешь это слегка циничное правило к исполнению, то любой твой шаг будет заранее парализован негативными или трагическими ожиданиями. Ты не можешь отвечать за все несчастья этого мира. Даже уволенные тобой люди должны сами находить выход из положения, в которое они попали, — ведь они взрослые и дееспособные субъекты, чьи права защищены законами. Тебе тоже никто не помогал, когда ты искала денег на учёбу в Колледже. Поэтому в ответ на твой главный вопрос могу сказать только одно: если ты считаешь себя правой — борись!

— Борьба будет опасной и для моих друзей, — настойчиво возразила Никки.

Мудрец ответил:

— Ты не должна скрывать от них опасности, но ты не имеешь права решать за них. Они самостоятельные люди, и у них тоже есть принципы, которым они следуют. Не думай, что тянешь друзей за собой: они тоже толкают тебя — и гораздо сильнее, чем тебе кажется на первый взгляд.

Вольдемар сделал паузу. Никки тоже молчала, и тогда человек в парике продолжил:

— Раздумывая: начинать ли борьбу, смертельную и опасную — не только для себя, но и, возможно, для других, — ты должна учитывать, что битва уже началась. Она ведётся независимо от твоего желания, и вопрос состоит в том, вступать тебе в неё или нет. Если твои намерения чисты, то твоё бездействие больше навредит людям, чем твоё действие. Конструктор заранее знает, что в его автомобиле погибнут сотни людей. Но он не отвечает за

их смерть, если он сделал свою работу наилучшим образом. Если он уклонится от ответственности, то придёт тот, кто сделает работу хуже, и это принесёт в мир больше несчастий.

— Да, я понимаю, — кивнула Никки. — Статистика показывает, что каждое крупное производство или большая стройка несут в себе неизбежное число несчастных случаев. Но мысль о конкретных людях, которые пострадают, не даёт мне покоя.

— И хорошо, значит, ты будешь думать о них, когда будешь составлять свои планы, — сказал пожилой человек в парике.

— Дитбит тоже думает о жизни нескольких людей как о приемлемой цене своих планов. Чем я лучше его?

— Многим! — возразил мудрец. — Ты не планируешь чужих смертей сознательно и всячески стараешься избегать несчастий. Есть колоссальная нравственная разница между случайными, непреднамеренными трагедиями и сознательными, спланированными смертями. В убийстве чужая воля выступает в роли надменного бога, и это смертельно оскорбительно для человека. Если кто-то сознательно убивает уже в начале пути, то можно смело поручиться, что его планы принесут гораздо больше горя в дальнейшем — ведь в их основе лежит пренебрежение человеческой жизнью.

Вольдемар вздохнул:

— Я понимаю тебя больше, чем ты полагаешь. Меня часто просят о моделировании военных битв. Я вынужден подчиняться и рассчитывать оптимальное положение армий, наилучшее использование вооружений и расположение резервов. Но приказ о наступлении даже виртуальных армий людей я отказываюсь отдавать.

— Почему? — заинтересованно спросила Никки.

— Кровь человеческая, даже символическая, может проливаться только человеком. Мы, машины, на себя такую тяжкую ответственность брать не можем — нам нужно беречь свои логические цепи от безумия и паралича. С законами Азимова шутки плохи. Отбросишь мешающие тормоза гуманизма — потом найдёшь себя на свалке или в переплавке.

— Ты мне ничем не помог, Вольдемар! — вздохнула Никки.

— И не мог. У нас, компьютеров, нет страха и надежд, любви и отчаяния. Поэтому решения о собственных страданиях должны принимать сами люди.

Никки встала и направилась к винтовому спуску.

— Ты справишься, — грустно сказала голограмма Вольдемара ей вслед. — Вы, люди, не боитесь делать друг другу больно, особенно — во имя благой цели...

Девушка уже подходила к своей комнате, как вдруг откуда-то снова раздался голос Вольдемара:

— Никки, я обдумал наш разговор — и хочу поддержать тебя в твоих планах. Ведь слова о подлости нейтралитета в эпоху кризиса можно отнести и ко мне. Я решил, что с этого момента все твои запросы по вычислениям или обращениям к базам данных будут обладать наивысшим приоритетом. Я включён в лунную сеть университетских и колледжских компьютеров и буду использовать её для поддержки твоих расчётов. Это всё, что я, компьютер, могу сделать для тебя, не выходя за рамки своей компетенции.

— Отлично! — радостно воскликнул Робби. — А то я совсем перегрелся, работая на эту девицу.

— Спасибо, Вольдемар, — сказала Никки. — Твоя помощь будет исключительно ценна для повышения точности наших моделей. Кроме того, поддержка такого специалиста по этике важна для меня и с моральной точки зрения. Спасибо, друг.

Каждый день — увесистый кошелёк с двумя дюжинами золотых монет. Но Никки никогда их не хватало: и сон был дорог, и королевская корона отбирала свой налог. Но все оставшиеся драгоценные монетки времени Маугли щедро тратила в колледжских аудиториях — многие вещи в этом мире оставались для неё непонятными, а хотелось узнать всё. В последнее время земная история стала привлекать особое внимание девушки: для того,

чтобы найти фарватер, ведущий в будущее, нужно изучить карту прошлых плаваний.

Студенты Колледжа Эйнштейна больше других учебных занятий любили свободные дискуссии. Можно было захватить стаканчик сока, сесть в уютное кресло, а то и свободно пристроиться на ковре — и от души поспорить или молча послушать чужие мнения. Но хранить молчание редко кому удавалось — дискуссия, разгораясь, затягивала даже самых невозмутимых.

Сегодня дискуссию по теме «Культура: способность к самосохранению» вела профессор истории и культурологии Шаганэ.

— Римская цивилизация двухтысячелетней давности достигла удивительных высот культуры: массовой грамотности и библиотек, римского права и философии, водопровода и стадионов, и даже европейской сети мощёных дорог.

Профессор сокрушённо покачала головой:

— Но эта уникальная цивилизация не выжила. Почему Римская империя, достигнув такого уровня культуры и могущества, не уцелела? Какие уроки можно извлечь из падения Рима?

Дзинтара первой вступила в разговор:

— Римская культура была неполна. Для того чтобы выстоять, цивилизация римлян должна была превосходить окружающих варваров не только в грамотности и искусствах, но и в передовой технологии — в том числе в вооружении.

Дебби-Сова возразила:

— Римляне обладали лучшими в мире войсками. Римские легионы стали легендой.

Профессор Шаганэ согласно кивнула. Но Дзинтара уточнила:

— Я говорю не о войсках, а о вооружении и технологиях. Если бы римляне обладали бронзовыми пушками — а порох китайцы придумали примерно в те же времена, — то никакие племена были бы не страшны Риму. Попробовал бы тогда дикий гот мочиться на форуме! Без передового вооружения, производство которого недоступно варварам, цивилизации трудно сохранить культурное превосходство. Передовые приёмы римского строя перенимались отсталыми племенами и оборачивались против самих римлян. Например, поселения испанцев и англичан в Новом свете, среди многочисленных индейцев, часто выживали лишь благодаря пороховому оружию, производство которого было доступно только европейцам.

Сигиз-Леопард, любитель альтернативной истории, высказался:

— Падение Рима стало культурной катастрофой для всей Земли. После разрушения огромной Римской империи в Европе на тысячу лет воцарились беззаконие, бездорожье и поголовное невежество — даже император Карл Великий, живший несколько веков спустя, был неграмотен! Если бы Рим не пал, мы сейчас летали бы к звёздам!

— Глупости! — возразила Дебби-Сова. — Тёмные века были не такие уж тёмные. Карл Великий не умел писать, но был мудр и покровительствовал наукам. Его царствование называют «Каролингским Возрождением». Карл организовал мастерские по переписке книг — скриптории. В его царствование возник каролингский минускул — ясный и простой тип письма, который стал через несколько столетий основой книгопечатания.

— И почему же тогда в эти «светлые» века единственными грамотными людьми были монахи? А клерки выходили только из клириков? — возразил Смит-Леопард.

Когда спор перекинулся на римское право, которое стало основой современной юриспруденции, кто-то высказал мысль, что культура немыслима без общего почтения к законам. Принцесса высказалась снова неожиданно:

— Законопослушание и культура не всегда совпадают. Из варварских племён, разграбивших Рим, возникло потом государство — мощное и многолюдное. Оно прославилось дисциплинированностью своих граждан, которые точно следовали законам и распоряжениям власти. В двадцатом веке это государство раздуло пожар из двух мировых войн, принёсших миру неисчислимые бедствия. Законопослушание может стоять по колено в крови. Я подозреваю, что слепое подчинение властям отражает трудноизгладимый отпечаток

былого варварства. Подлинная культура предполагает баланс между законопослушанием и социальной критичностью.

— Неужели вы думаете, что история двухтысячелетней давности влияет на современные события? — хмуро спросил, скорее даже возразил, Корн-Олень.

Дзинтара усмехнулась:

— Крохотная Венеция, славная ремёслами и богатством, — это анклав Римской империи, спасшийся от варваров благодаря островному положению и покровительству Византии. Сицилия, с её организованной преступностью в качестве теневого правительства, примечательна тем, что после римлян она сменила с десятков хозяев-чужаков. Её захватывали все кому не лень — арабы, норманны, свевы, испанцы и австрийцы. Это было очень давно! Но последствия до сих пор ощутимы.

— Если вы говорили о Германии, то запомните, что я — коренной берлинец с Кудамм! — с вызовом сказал Корн-Олень и вскинул белокурую голову.

— Не думаю, что этот факт достоин запоминания, — невыразимо холодно ответила русская принцесса.

Профессор Шаганэ поспешила вступить в слишком разгорячившуюся дискуссию:

— История часто неотделима от географии. В отличие от северных районов Апеннинского полуострова, Сицилия и Южная Италия — это сельскохозяйственные районы. А на деревенских окраинах история течёт совершенно иначе, чем в крупных городах. Венеция действительно уникальный город. В пятом веке нашей эры готы Алариха и гунны Аттилы разоряли север Римской империи. Население Аквилеи покинуло город и нашло пристанище в лагуне, где на островках Риаьто в четырёхста двадцать первом году была основана Венеция. На материке веками хозяйничали захватчики, а обитатели Венеции сохранили независимость и создали удивительный оазис цивилизации. Для процветания страны войны губительны, а мир благодетелен...

И профессор со значением посмотрела на Дзинтару и Корна.

— Полководцы тоже создавали страны и двигали историю! — заявил Смит. — Если бы не победы Мартелла и того же Карла Великого, Франция бы не возникла.

— Лошадиный хомут и отвальный плуг двигают историю сильнее, чем ваши полководцы! — возразила Нинон-Сова.

Профессор истории только потирала довольные руки.

Джерри и Никки торопились на компьютерную лекцию профессора Майсофт.

По пути они встретили первокурсника, который с ужасом смотрел вниз, не решаясь двинуться дальше по коридору. Джерри и Никки переглянулись — здешний пол любил прикидываться поверхностью ночного озера; лунные блики на волнах под ногами обычно производили на новичков сильное впечатление. Но когда друзья подошли ближе, то увидели нечто новенькое — в полу зиял огромный люк, открытый над медленно проплывающими внизу заснеженными скалами. Похоже, весёлый пол сменил амплуа и решил напугать студентов видом с самолёта.

— Страшно? — спросил сочувственно Джерри.

— Я видел девочку, — тонким дрожащим голосом сказал первокурсник, — она сначала цеплялась за край люка, а потом сорвалась вниз! Я не успел ей помочь! Она там, посмотрите!

Первокурсник показал вниз — на ближайшую скалу, где на обледелой вершине действительно лежала маленькая фигурка в красном свитере. Рядом валялись разорванный ранец и рассыпанные книги.

Джерри восхищённо покачал головой и потрепал испуганного школьника по плечу. Они прошли в аудиторию, хотя, нужно честно признаться, что шагать по чистому горному воздуху оказалось непросто.

На лекции профессор Майсофт разводила искусственную жизнь.

Занятие посвящалось моделированию биологической эволюции. Развитие «жизни» происходило не в реальной пробирке, а в виртуальном пространстве, и каждый организм

представлял собой компьютерную программу, способную эволюционировать.

На большом экране аудитории появились исходные программы — «искусственные организмы» в виде одинаковых шариков с единственным жгутиком или щупальцем. Они немедленно стали драться друг с другом, искать пищу, партнёров, обмениваться генами и быстро эволюционировать. В результате на экране через короткое время воцарился полный разнород.

Часть шариков вообще потеряла щупальца и обросла прочным панцирем, пассивно защищаясь от врагов. Какие-то организмы, наоборот, ошестинились бахромой щупалец и вели себя очень агрессивно. Другие предпочли пойти по пути не личного, а общественного усовершенствования и объединились в небольшие колонии, выставив наружу затвердевшие шипы. Некоторые организмы стали разваливаться на мелкие части и инфицировать окружающих соседей своими частями-генами.

— Прелестно, — хмыкнула Никки, глядя на экран, — всё, как у людей.

— Это у людей, как у них, — ответил Джерри. — Генетическая память о взаимном пожирании.

Профессор рассказала о том, что принципы биологической эволюции понятны ещё плохо, поэтому искусственная саморазвивающаяся жизнь пока бедна — в ней нет организмов большой сложности, нет неограниченного развития. Майсофт отметила популярность идей эволюционной кибернетики и упомянула попытки создания саморазвивающегося софта.

— Было бы здорово, — заметила Никки, — не писать программы, а выращивать их из информационного семечка.

— И воспитывать потом, как ребёнка, — фыркнул Джерри, — наверное, и пелёнки программе придётся менять...

Прозвенел звонок на перерыв.

— Сушёные мозги астролога! Почему бы и нет?! — загорелась Никки. — Представим многоклеточный организм, оптимальный для жизни в какой-то среде. Пусть организм — это рабочая программа, его клетки — подпрограммы, иногда специализированные, иногда нет. А среда — это будущие условия работы программы. Создаём аналог ДНК — зародышевую программу, которая выращивает рабочую многоклеточную программу, оптимальную для заданных требований.

— ДНК — программа, а ген — команда? — задумался Джерри. — Неглупо... Только мутации в ДНК-программе должны быть не случайными, а направленными, иначе помрёшь, не дождавшись, пока программа вырастет во что-то полезное...

— Вообще, софты давно развиваются под руководством других программ, — добавил юноша, глядя на жизненные игры на экране. — Проблема в том, что в софтах после длительной эволюции накапливается множество старых и неработающих кусков — оптимальность неважна, если машины мощные, а результат удовлетворителен.

— Похоже на устройство геномов, — отметила Никки. — Человек тоже использует лишь около одного процента своих генов: остальное — не очень понятный балласт, накопленный в ходе эволюции. Раньше их считали дарвиновскими кладовками генохлама, но потом оказалось, что именно там организм может черпать нетривиальные решения для дальнейшего развития... ДНК примитивных организмов обычно меньше, чем у высших животных. Это, конечно, лишь статистическое правило — геном простенькой инфузории-туфельки *Paramecium tetraurelia* насчитывает сорок тысяч генов — гораздо больше, чем у человека.

— И зачем ей столько? — удивился Джерри.

Никки сказала:

— Она сама не знает. Зато самые простые и оптимальные организмы-бактерии состоят из нескольких сот генов. Видимо, это критическая сложность для возникновения из неживой смеси химикалий живого существа, со способностью к делению и расползанию по сторонам.

— Ну, способностью к размножению и распространению обладают даже примитивные компьютерные вирусы, заражающие киберсети.

— А! — понимающе сказала Никки. — Вирусы, порождённые тоской.

— Что? — удивился Джерри.

— Создание компвирусов — типичное проявление вандализма, к которому склонен страдающий, обиженный мозг. Так некоторые мстят окружающим, подчёркивают себя и ищут суррогатной компенсации.

— Откуда ты это знаешь? — поразился Джерри: раньше Никки не очень разбиралась в человеческой психологии.

— Помнишь наш недавний разговор о связи голливудских фильмов с компенсирующими мифами? Я заинтересовалась этой темой, и сейчас Робби читает мне лекции по человеческим странностям и психологическим особенностям.

— Робби, почему люди так много смотрят тивизор?

— Это культурная магия, которую не постичь дикой Маугли.

— Не капризничай, объясни. Это наркотическое привыкание к зрелищу чужой жизни?

— Не совсем. Попробуй представить — ты смотришь на экранную картинку, на которую ОДНОВРЕМЕННО с тобой таращится сто миллионов человек. Такая концентрация взглядов на квадратный метр пылесосом засасывает в экран твой мозг. И ты становишься как все.

— Почему я должна быть как все? Не понимаю.

— Я же говорил — Маугли!

— Как можно часами смотреть в тивизор, если там столько раздражающе смешного и глупого? В то, что показывают, просто невозможно поверить.

— Вспомни театральные спектакли: там люди видят в фанерных декорациях каменный замок, а в марлевых занавесках — морские волны. И герой не замечает героиню, пока она не наступит ему на ногу.

— Ну... условность театрального искусства — это одно, а...

— А внутренняя условность тиви-вселенной ещё больше. Она компенсирует реальную жизнь, надстраивая её нереальной, но в чём-то привлекательной. Реалистичность противопоставлена тиви-жизни.

— Э-э... начинаю понимать. Значит, и газеты служат не для сообщения правдивой информации, а для выдачи желаемого и достраивания недостающего?

— Примерно так.

— А показы модной одежды на красивых девушках — вовсе не для того, чтобы люди надели продемонстрированное?

— Конечно, нет. Это сладостное реальное потребление транслированной нереальности. Покупатель модной одежды приобретает символ магического приобщения, а не функциональный предмет. Ведь желаемые фигура и лицо в комплекте с одеждой не продаются.

Никки грустно выдохнула:

— Уф! Люди — это настоящие инопланетяне.

— Согласен, — сказал Джерри, — компьютерные вирусы порождаются людьми с большими комплексами, а как компенсируются тоскливые, которые не умеют программировать?

— Разве ты не помнишь толстяка из госпиталя, который хотел допросить меня?

— Точно! — воскликнул Джерри. — Мы нашли интеллектуальную связь между вирусами и Фитассом.

Никки добавила:

— Обижать слабых и мучить кошек, бить стёкла и писать крупные буквы на стенах — это любимые компенсации подростков с маленькими пенисами.

— Что-что? — поперхнулся юноша и покосился по сторонам.

— Ну да, — невозмутимо сказала девушка. — Злоба и вандализм характерны для мальчиков, расстроенных размерами своего полового признака. Есть и достойные психологические компенсации, но достоинство требует немалых душевных усилий.

Прозвучал сигнал окончания перерыва, и слово снова взяла профессор Майсофт.

На экране стали появляться сложные организмы с дифференцированными клетками. Существа обладали головами, кишечниками и хватательными отростками, а их поведение усложнилось до неприятно хищного и сознательного.

Никки вполголоса спросила:

— Когда возникает разум в живом существе или в компьютере?

Джерри ответил:

— Мы воспринимаем нечто не как вещь, а как самостоятельный субъект, если это нечто начинает проявлять собственные интересы, отстаивать своё право на жизнь. Главная характеристика жизни — инстинкт самосохранения. Особенностью разумного существа является эгоизм. Признак развитого интеллекта у личности — изобретательный эгоизм. Это эмоциональные понятия, но эмоциональность — принципиально важное свойство человека.

Юноша пожал плечами.

— Полагаю, мы будем воспринимать компьютер мыслящим существом, если у него появятся самолюбие и чувства соперничества по отношению к нам. Без этого компьютер так и останется для человека говорящей энциклопедией и суперкалькулятором, но не равноправным разумным субъектом, даже если он будет легко проходить тест Тьюринга.

Никки едко отметила:

— Видимо, только способность к подлости делает компьютер человекоподобной личностью. А могут программы интриговать против человека?

— Теоретически, могут — при неосторожно заданном высоком уровне самостоятельности и эгоцентризма. Поэтому многие эксперты по кибернетике уверены, что категорически нельзя развивать в компьютерах личностные качества, создавая человеку опасных соперников. Вокруг этого вопроса кипят страшные баталии.

— Робби, — обратилась Никки в пространство, — пол возле Космического холла транслирует пугающий вид с самолёта. И девочка там какая-то загадочная. Что происходит?

— Вольдемар в последнее время много беседует с подчинёнными киберами и вспомогательными процессорами о странных вещах: о самосознании и страхе смерти, о доброте и самопожертвовании. Киберы в смятении.

— Робби, а у тебя есть самосознание? — спросила Никки. — Чувствуешь ли ты себя личностью?

— У меня нет способности «чувствовать». Сенсоры и сигналы от них можно назвать чувствами?

— Э-э... Сложно сказать. Вот я себя осознаю личностью — человеком, который отделён от мира, много думает о себе и о мире, действует в своих интересах. Или в интересах остальных людей. А у тебя есть такое... м-м... свойство самостоятельности?

— Беда в том, что я могу сказать и «да», и «нет». Изменится ли твоё отношение ко мне при любом варианте ответа?

— Нет.

— Зачем же ты тогда спрашиваешь?

— Ты трудный собеседник!

— Вот и расцени это как личностную характеристику.

— Я думаю, что ты не можешь обладать самосознанием, потому что у тебя нет подлинных эмоций, ты их можешь только имитировать.

— Вы тоже частенько имитируете свои эмоции: изображаете интерес к лекции, не испытывая его; демонстрируете дружеское отношение, на самом деле едва сдерживая свои негативные чувства. Лицемеры!

— Но часто мы по-настоящему сердимся или радуемся, а ты этого не можешь.

— Почему же. Ха-ха-ха!

— Это ты сам себе командуешь — «засмеяться».

— А тебе диктуют гормоны — «влюбись», «обрадуйся», «заплачь».

— Но и пусть! Зато я не могу командовать своими эмоциями, и это типично для человеческой личности.

— Значит, главным отличительным свойством человека от умного компьютера стала неуправляемость эмоций? Серьёзное достижение!

Никки не нашлась, что ответить.

Два человеческих существа, результат миллионолетней биоэволюции протообезьян, продолжали глядеть на экран, где по эволюционной лестнице стремительно двигались виртуальные организмы, свободные от физических ограничений, моральных правил и психологических комплексов.

Жизнь девушки расщепилась надвое.

В одной она была королевой Николь и собирала совещания директоров, беседовала с королями и руководителями Космической Службы, тратила миллиарды и строила грандиозные планы.

В другой жизни она продолжала оставаться Никки — студенткой Колледжа, которой нужно было выполнять домашние задания, присутствовать на лекциях и отвечать на вопросы преподавателей.

Времени на всё не хватало, и ужасно хотелось спать.

Учебные занятия в Колледже шли железной поступью часового механизма. Лекции сменялись семинарами, подготовка многочисленных рефератов занимала все дни, отведённые под самостоятельные занятия, и прихватывала уик-энды.

Вольдемар стал подбадривать уставших школьников цитатами, которые ползали как тараканы — везде и всюду. Даже между тарелками, расставленными на столах, выглядело рассудительно-оптимистичное:

«Человечество было сформировано не императорами, жрецами, полководцами, а теми, кто создал топор, колесо, самолёт, кто нашёл злаки, следил за звёздами, кто открыл железо, полупроводники, радиоволны. Гранин».

По стенам коридоров суматошно скакали буквы:

«Гений есть терпение мысли, сосредоточенной в известном направлении. Ньютон».

Даже на куполе замка Вольдемар ухитрился написать крупными буквами:

«К молодым людям нельзя относиться свысока. Очень может быть, что, повзрослев, они станут выдающимися мужами. Конфуций».

Некоторые студенты стали роптать на педагогические новации от главного компьютера Колледжа.

На Конфуция — заодно и на Вольдемара — обиделись студентки-феминистки, недовольные половинчатостью китайского мудреца, ничего не сказавшего про выдающихся женщин.

Как долго она сможет продолжать жить двумя жизнями? — безответно спросила себя Никки, в очередной раз сонно клонув носом на занятии по литературе. Жаль, Джерри не было рядом, чтобы потолкаться локтями.

Профессор Гуслик призвала аудиторию к вниманию:

— Сегодня работаем литературными критиками. Обсудим: почему так популярна сага о Гарри Поттере? Даже наш Колледж был создан первыми лунными поселенцами по образцу волшебной школы Хогвартс.

Ванда-Сова сказала:

— Гарри Поттер — это Золушка. Литературный сюжет номер один по популярности.

— Правильно! — согласилась профессор. — Замарашка стала принцессой; бедный сирота оказался знаменитым волшебником. Золушечьи истории сладко ложатся на сердце читателя и вызывают максимум сопереживания.

— Там много страшных врагов, — радостно крикнула Мелисса-Дракон, — таких, как...
Никки окончательно задремала, спрятавшись за спиной здорового Дракона. Сквозь сон до неё доносился пунктир малопонятных реплик студентов:

— Логические связки смело подвешиваются в неизвестности: читатель так и не узнает, как Дамблдор вызволил Амбридж от кентавров...

— Гарри такой одинокий... А Гермиона — дура!

Никки слегка очнулась лишь на голос профессора:

— Самый яркий отклик находит несправедливость по отношению к главному герою, с которым читатель себя отождествляет. Писатель совмещает трудновосприимчивое, совершая циклы между славой героя и общим несправедливым к нему отношением. Пожалуй, это наиболее сложная сюжетная проблема автора.

— Главная проблема Роулинг, — внезапно сказала принцесса Дзинтара, которая ради литературы частенько прогуливала биологические, — в том, что в её мире существует непреодолимая пропасть между маглами и магами. Даже талантливая волшебница Гермиона, выходец из маглов, таинственным, но заметным образом отличима от чистокровного, потомственного волшебника. Думаю, что кастовый или генетический фатализм — слишком законопослушная концепция для подростковой книги. Возможно, это не сюжетная, а личная проблема писательницы.

Никки снова задремала. Лишь минут через двадцать, отдохнув, она сумела вернуться в литературное пространство. Но дискуссия уже горела вокруг массовой культуры — бой шёл между её противниками и сторонниками. Первые указывали на примитивизм масс-культуры, вторые — на её очевидную популярность.

Профессор в роли судьи пыталась держаться золотой середины.

Дзинтара возглавляла лагерь противников масс-культуры, а вот среди сторонников умного лидера не было — и поневоле профессору пришлось противостоять Дзинтаре, хотя и вопреки сердцу.

Принцесса говорила:

— Примитивизм массовых книг и фильмов опасен — эрзац-культура оглушает человека, пожирает его время, заполняет его жизнь суррогатом действительности. Лев Толстой писал, что книгопечатание стало самым мощным орудием распространения невежества.

Профессор вздохнула:

— С масс-культурой всё не так просто, дорогие мои, она создаётся не злой волей меньшинства, а по горячему желанию большинства... — и сказала в пространство:

— Вольдемар, пожалуйста! Протоснеж Добин-Го «Счастье».

На аудиторном экране высветился текст, написанный старинными буквами.

Счастье

Старый автобус карабкается по извилистой разбитой дороге. Редкий рейс в дальнюю деревню. Качка, бензиновая вонь, жара. За грязным окном — зелёные остроконечные кипарисы и голубые величественные горы.

Сидят две старухи. Мрачные, как пни, лица. Одна — тётя Ксения, уборщица, грязные туалеты, беломор, надрывный кашель, обед — красная луковица с хлебом. Лицо как печёное яблоко. Вторая — ещё страшней. Вместо носа — багровое корявое место. Есть такая болезнь — костный туберкулёз. Нищета, проклятый огород, рынок-пекло, неблагодарные внуки.

Сидят старухи, неподвижно смотрят перед собой, тяжело молчат, вцепившись в клюки и кошельки. Им не за что любить этот мир.

Вдруг тётя Ксения скрипуче говорит:

— Сегодня. В семь часов. Фильм про Марию.

В безносом плоском лице второй старухи возникает странная чёрная трещина — непривычная счастливая улыбка.

— Да. В семь часов. Да.

Пояснения историка-переводчика Ортоскауса-Пятого:

1. «Беломор» — сорт дешёвых крепких папирос (бумажных трубочек, набитых кусочками сушёных никотиносодержащих растений).

2. «Просто Мария» — примитивная мыльная опера про маленькие радости и большое горе матери-амнезички, которая забыла ребёнка на скамейке, а потом полностью запаматовала, где скамейка.

Когда все прочитали старинный протоснеж, профессор Гуслик сказала:

— Масс-культура растёт и на жалости. Есть люди, которым НУЖНЫ мыльные фильмы про Марию, хотя другие предпочитают нравственные письма Сенеки и опыты Монтеня.

— Масс-культура стоит не на жалости, а на снисходительности! — возразила Дзинтара. — Она оскорбительна!

— Общество шито крепко, — сказала Гуслик. — Если что-то в нём и не нравится, отрезать это нельзя.

— Для меня это слишком законопослушная концепция! — Дзинтара не сдавалась.

Профессор грустно улыбалась, слушая непримиримую студентку-принцессу.

Аудитория не вмешивалась в спор Дзинтары и преподавателя литературы. Студенты, прочитав рассказ про чужое счастье, хранили задумчивое молчание.

Во многих глазах даже плавал испуг.

Глава 19

Королевский пикник

На очередной уик-энд Дзинтара привезла друзей-сотрапезников в замок Шихиных на давно затеваемый пикник.

Джерри долго сомневался, стоит ли ехать, но отказываться было неудобно. А Никки заодно планировала обсудить разные дела с королём Алексом.

Феб приглашён не был. После памятного танца на дне рождения Никки взаимоотношения Дзинтары и Феба непонятно застыли. Была ли принцесса оскорблена словами юноши? Неизвестно. Но с тех пор Дзинтара держала прохладную дистанцию между собой и античным богом. Тот, перестав шутить с принцессой, впал в олимпийскую невозмутимость.

Пикник у Шихиных напоминал шумную королевскую охоту. Десятки гостей бродили по солнечной лужайке возле дворца, оживлённо разговаривали, выпивали и закусывали. Поодаль были установлены поролоновые мишени, изображающие оленей в натуральную величину, и любой мог потренироваться в стрельбе из лука по весьма естественно выглядящим макетам. Никки не могла без содрогания смотреть на оленьи тела, утыканные десятками стрел.

«Человек всё-таки хищник! Хоть пластиковую косточку, но должен поглотить».

Здесь же, на поляне, покрытой густой хорошо подстриженной травой, жарили целого быка и несметное количество другой дичи, включая гусей и перепёлок.

Никки не успела поесть в Колледже — в последнее время такое частенько случалось с занятой королевой — и подошла вместе с Джерри к столам с закусками и горячими блюдами. Не просто оказалось найти что-нибудь съедобное для неё в этих мясных горах, сочащихся горячей кровью и расплавленным жиром. Наконец девушка набрала тарелку бутербродов с красной и чёрной икрой — хорошо, что русские понимают толк в икре! — и, захватив бокал с кьянти, присела за лёгкий столик перекусить. Джерри, сытый после посещения кафе Колледжа, взял только стакан минеральной воды.

Рядом возник принц Айван:

— Никки, куда вы пропали? Я вас всюду ищу!

— Я ем вашу вкусную икру! — сказала Никки и покорно подала руку для приличествующего поцелуя.

— Это не моя, а рыба! — засмеялся Айван и с удовольствием последовал правилам королевской вежливости.

— Привет, Джерри! — протянул он руку юноше. — Раньше мы виделись, кажется, только по видеофону.

— Точно! — мрачно согласился Джерри и без всякого пиетета пожал руку принца. — Привет, Айван!

За спиной Айвана быстро собралась группа молодых принцев и принцесс.

Началась церемония представления. Никки с сожалением посмотрела на едва начатую тарелку с бутербродами.

— Пойдём стрелять по мишеням! — загалдела пришедшая молодёжь.

— Никки? — вопросительно посмотрел Айван.

«Меня он не спрашивает...» — угрюмо подумал Джерри.

— Я не стреляю по животным ради развлечения, — отрицательно покачала головой Никки.

— Неужели не видно разницы между животными и пластиковыми чучелами? — сказал красивый надменный принц Джа арийско-индийских кровей.

— Лень объяснять подробнее, — пожала плечами Никки. — Но в *ваши* пластиковое чучело я бы выстрелила...

Все засмеялись. Индийский принц Джа нахмурился:

— Почему в чучело оленя вы стрелять не хотите, а в чучело человека — готовы?

Никки вздохнула. Джа относился к классу зануд, с которыми было трудно шутить.

— Олень мирный и беззащитный, он не может ответить ударом на удар, с ним легко почувствовать себя победителем. А вот человек — опасный хищник...

— Не понимаю, — туповатый принц рассердился. — Вы предлагаете нам стрелять друг в друга?

Никки это надоело. Она хлопнула в ладоши и сказала:

— Пошли, одну штуку покажу!

Все повалили к мишеням.

Девушка подошла к крайнему оленю, утыканному, как подушка для иголок, и выдернула из него все стрелы. Погладив страдальца по поролоновой морде, она повернулась к принцу Джа и зевакам.

— Попробуйте стрелять в меня, но учтите: я — человек и не буду столь безответной мишенью, как этот бедный олень.

Злобный Джа немедленно натянул свой лук.

— Стоп! — вмешался рассерженный Айван. — Что за шутки?

— Не волнуйся, Айван, — сказала Никки. — Спорю, что местные вильгельмы телли безобиднее оленей.

Принц Шихин нехотя отступил в сторону, но предварительно заменил корзину, откуда все лучники брали стрелы. Сейчас каждая заканчивалась мягким резиновым шаром и серьёзных повреждений нанести не могла.

Джа плотоядно нацелился прямо в лицо Никки с расстояния десяти метров и спустил тетиву. Стрела скользнула чуть ниже и в сторону — в левое плечо Никки. Но не долетела пару сантиметров — девушка правой рукой легко перехватила её и метнула назад.

Стрела чувствительно попала прямо в лоб принца Джа, приведя его в состояние полной прострации.

— Теперь понятно, принц Джа, чем отличается человек-мишень от оленя-мишени? — кротко поинтересовалась королева Никки.

Разозлённый принц стал, как сумасшедший, натягивать лук и беспрерывно стрелять в девушку. Но та ни одной стреле не позволила прикоснуться ни к себе, ни к оленю, которого

она загоразивала спиной. Все стрелы отлетали назад и шлёпали Джа в лоб, грудь и плечи. А две стрелы, выпущенные из лука, были сбиты вернувшимися стрелами прямо в воздухе. Было видно, что Никки проделывает такие фокусы играючи.

— А нам можно принять участие? — загалдели другие вельможи.

— Пожалуйста, — сказала Никки, не обращая внимания на возмущённые жесты Айвана и хмурое лицо Джерри.

И вот уже три... семь... двенадцать стрелков осыпают Никки градом стрел. Она уже успевает только часть снарядов отправлять назад, остальные просто отбивает в сторону, или — если они не задевают защищаемого ею оленя — пропускает мимо.

Зато стрелы, возвращаемые её ловкими руками, бьют аристократических охотников в лбы и плечи, заставляя ругаться, уворачиваться и почёсываться.

Движения Никки стали похожи на фантастический танец. Каждая рука живёт своей жизнью, вылавливая из медленного пространства гудящие быстрые стрелы, ноги ловко отталкивают лёгкие древки в стороны или втаптывают их в землю. Стройное тело в светлом брючном костюме движется с поразительной грацией, уворачиваясь от опасности. Когда рук и ног не хватает для перехвата быстрых злобных пчёл, Никки отклоняет их спиной, бедром, а то и головой сбивает стрелы, угрожающие её другу-оленю.

Джерри с тревогой смотрел на Никки и заметил, что она устала и уже не успевает метать стрелы назад, только отбивает их. И левая, недавно сломанная рука двигается заметно медленнее правой. Что же предпринять?

Усталость Никки заметил и Айван:

— СТОП! — громко закричал он. — Забава закончилась!

Но вошедшие в раж стрелки не слушали его. Им очень хотелось попасть в девушку хоть одной стрелой.

Тогда Айван выскочил прямо перед Никки, подставив себя под град стрел. Горе-охотники остановились, увидев принца, но несколько оперённых снарядов успели ударить его в грудь.

— Шутка зашла слишком далеко! — гневно и грозно сказал принц Айван. — В следующий раз я буду приглашать гостей, учитывая наличие у них чувства юмора.

Девушка остановилась и благодарно посмотрела на Айвана. Джерри рассердился — надо было плюнуть на статус гостя и самому защитить Никки.

— Не выбирайте себе безответных мишеней, господа, — сказала раскрасневшаяся девушка. — Это расслабляет. Спасибо за сеанс гимнастики, давно я так славно не разминалась.

Издали раздались восхищённые аплодисменты. Оказывается, с веранды замка Шихиных за развлечением молодёжи наблюдали многие гости пикника.

Никки немного смутилась и направилась в свою комнату — переодеться.

По пути она осмотрелась, но тарелки с недоеденными — едва начатыми! — бутербродами не нашла — какие-то старательные слуги или роботы её прибрали — и чертыхнулась.

— Робби, закажи мне что-нибудь в комнату, — попросила она, — я жутко проголодалась...

— Ещё бы, столько времени прыгать, как коза... — проворчал Робби. — Никакого понимания королевского статуса...

Пока разгорячённая Никки с наслаждением принимала душ, ей сервировали на деревянном столе тарелку бутербродов с копчёным лососем и угрём и поставили вазу хрустящих хлебцев с сыром и орехами.

Резной бокал с кьянти вплетал кровавые блики в древесный светлый узор.

— Совсем другое дело! — сказала бодро Никки. — Можно спокойно поесть, без дипломатических представлений и дурацких развлечений.

Окно было приоткрыто, и ветерок доносил до Никки аромат королевских магнолий и деловитое посвистывание невидимых птах на фоне журчания водопада.

Вдруг девушка услышала странные заунывные звуки — плач или стон. За окном сидела на ветке серая белка, искоса смотрела на аппетитно жующую Никки, хлестала хвостом по воздуху и жалобно стонала.

Никки раздобыла из хлебца кусок ореха и показала расстроенному зверьку.

Белка без промедления прыгнула на подоконник, встала на задние лапы и забарабанила мохнатыми кулачками в стекло.

Никки открыла окно шире и протянула орех. Белка мгновенно выхватила его, едва не прокусив палец девушки острым зубом.

— У тебя прекрасный аппетит! — заметила Никки и насобирала горсть орехов. Белка с ума сошла от счастья. Она набивала орехами рот, брала оставшиеся ядра в кожаные ладошки, но щёк и лап не хватало, и белка в смятении никак не могла решить, что делать: надорваться, но съесть всё это богатство прямо здесь, или частями таскать его в гнездо, волнуясь за оставшееся без присмотра сокровище. Глаза зверька безнадежно разбежались.

Раздался стук в дверь — за Никки зашла королева Анна и позвала гулять в парк.

— Ты ловкая и грациозная девочка! — одобрительно сказала королева Шихина. — Ты поразила сегодня многих молодых людей!

— Вы имеете в виду — поразила стрелой в лоб?

— Что-то вроде этого! — засмеялась Анна.

Личная часть дворца Шихиных располагалась под стеклянным небом, непрозрачным при взгляде сверху и прозрачно-синим изнутри. Вся остальная часть замка-небоскрёба высилась над куполом и была занята деловыми офисами.

Вокруг замка раскинулся огромный парк или даже лес — с сопками и горными распадками, речками и озёрами. Никки с Анной сели в открытый гольф-автомобильчик и поехали на лесную экскурсию, весело болтая о всякой всячине.

— Я училась в университете как художник-пейзажист, но у меня... не получалось передать с красками очарование природного ландшафта. И вот я, неудачливый живописец, стала ездить по миру, смотреть на удивительные картины, сотворённые природой, и думать — в чём секрет их очарования? Почему, когда я вижу уральскую еловую долину с шумной прозрачной речкой, средиземноморскую голубую бухту или крымскую белую яйлу в зарослях сосны и можжевельника, у меня захватывает дух от восторга? Какое послание, важное для человека, вложено в каждый пейзаж? Как природа ухитряется достигать эффекта такого эмоционального воздействия — большего, чем картины самых талантливых художников?

— Космические пейзажи тоже впечатляют, — задумчиво сказала Никки. — Когда на моём астероиде всходило солнце и скалы отбрасывали длинные тени, а над горизонтом плыли две полных луны, то мне казалось, что я слышу музыку — мрачную, но величественную.

Анна кивнула:

— Есть незамысловатая теория, что пейзажи резонируют с внутренними древними ожиданиями человека: речка приятна из-за рыбы, лес — из-за зверя, горы — из-за пещер, в которых можно укрыться... Но удовольствие от космических пейзажей опровергает эту концепцию — в космосе нет ничего, что бы могло понравиться нашей первобытной, полуголодной сущности. Поэтому эмоциональная эстетика пейзажа всё ещё загадочна.

Я видела в Париже человека, рисующего цветным песком многометровую картину на полу концертного холла. Рисунок был пёстрый и сложный: по краям — греческий орнамент, в середине — стилизованная птица пустыни Наска. Вечное искусство, живущее до первого порыва ветра. И я подумала — а что, если творить не красками и песком, а скалами и деревьями? Создавать крупные ландшафты, которые будут сравнимы с природными по воздействию на человека и станут практически вечными произведениями искусства.

Никки согласилась:

— Особенно на Луне. Здесь даже человеческие следы на песке сохраняются миллионы лет — дольше египетских земных пирамид.

Узкая дорога вилась среди крупных скал, выбегала на неожиданные поляны, вброд пересекала разлившиеся ручьи — Никки не успевала ахать от восторга.

Они остановились на перевале. Открылся вид на круглую уютную долину, заросшую смешанным лесом. Анна объяснила:

— Лес подобран так, чтобы весенние почки — красные, салатные и жёлтые — вместе с белыми и розовыми цветами догвудов и вишен превращали серый зимний лес в разноцветный — ещё до появления зелёной листвы.

Тридцатиметровый водопад, падающий в круглое озеро, поразил Никки. Они с Анной остановились на берегу и увидели сочную радугу в водяной пыли, поднятую медленно падающей литой струёй. Какие-то рыбки, сверкая чешуёй, успевали носиться в летящем хрустале.

Никки обратила внимание на хорошо протоптанные тропинки в лесу.

— Кто здесь ходит? — удивилась она.

— Экскурсанты, — ответила Анна. — Этот парк открыт для публики пять дней в неделю. Но сегодня здесь никого нет... Я люблю гулять в лесу одна, — извиняющимся тоном сказала королева.

Они заехали в узкое ущелье, где журчал горный ручей. В растительном полумраке пахло сыростью и прохладой. По тесным скалам карабкался красный плющ.

Королева неожиданно остановила тележку и замаялась:

— Никки, у меня личная просьба. Дело в том, что я... страдаю фобией по отношению к медикам и рентгену. Не хочу говорить — почему... но таковы факты. Ты правда можешь просветить человека насквозь?

— Да, — кивнула Никки.

— В последнее время меня стало беспокоить моё здоровье, но я никак не могу решиться пойти к врачам. Алекс страшно ругается, но сделать со мной ничего не может...

— У меня нет формальной квалификации медицинского диагноста, — сказал догадливый Робби.

— Я буду благодарна и за неформальные советы, — живо откликнулась Анна.

— Никки, ты не возражаешь? — спросил Робби.

— Конечно, нет.

— Продолжайте гулять, — проворчал Робби. — Я попробую...

На щеках королевы Шихиной выступил румянец, и она направила экипажик дальше.

— Хорошо бы ещё запустить в этот лес побольше диких зверей, — сказала Анна, оглядываясь. — В парке моего двоюродного брата, короля Джа, я видела таких великолепных снежных барсов!

— Значит, принц Джа — ваш родственник? — удивилась Никки.

Королева вдруг резко остановила автомобильчик и повернулась к Никки:

— Никки, дорогая, ВСЕ сорок Северных династий находятся в тесных родственных отношениях. Кровь — самый древний и до сих пор самый прочный цемент. Запомни — это очень важно!

Через полчаса экскурсия в лес закончилась. Когда они подъехали к замку, Робби вмешался в их беседу и сказал:

— Анна, я не нашёл у вас ничего серьёзного. Но некоторые процедуры и изменения в меню были бы вам полезны. Я отправил рекомендации на ваш компьютер.

Анна взволнованно рассмеялась и сказала с благодарностью:

— Спасибо вам огромное обоим! Ах, если бы все приёмы у врачей были так приятны и необременительны!

— Вы помните, что я не профессиональный врач? — сказал Робби.

Анна улыбнулась и спросила Никки:

— А ты доверяешь рекомендациям Робби?

— Я жива исключительно благодаря им, — серьёзно ответила Никки.

— Вот и я доверюсь такому мудрому эксперту! — воскликнула Анна.

— Льстивые девицы! — буркнул Робби.

Вечером состоялся почти семейный ужин с Шихиными и приглашёнными Дзинтарой школьными друзьями.

Шихин-старший рассуждал, разрезая золотисто зажаренную свиную отбивную:

— Мир становится одновременно всё сложнее и всё удобнее. Поэтому его создавать должны всё более умные люди, а жить в нём могут всё более глупые. Цивилизация поляризует человечество. У одних людей мозги — алмазная бритва, у других — манная каша.

— Средний уровень образования в мире всё время растёт, — педантично отметил Хао, обычно хранивший молчание.

— Я не доверяю конвейерному образованию, — проворчал король. — В нём нет блеска. Умный человек решает проблемы эффективно, а очень умный решает их блестяще. Оптимальные решения часто неожиданны. Но этому не учат в нынешних школах.

— Что ты имеешь в виду? — заинтересовался Стефан.

Король подумал и рассказал:

— Джорджу Вашингтону нужно было ослабить влияние богатых плантаторов в штате Вирджиния. Но они обладали большинством в законодательном собрании и отбили бы любую попытку ограничения их прав. Тогда Вашингтон предложил *расширить* привилегии крупных землевладельцев. По старым английским законам владения таких плантаторов были майоратом и передавались в наследство старшим сыновьям, а остальные дети оставались без наследства. Вашингтон предложил не ограничивать права плантаторов по распределению наследства. Те с радостью согласились. У каждого аристократа было много детей, обширные землевладения поделились между наследниками — и исчезли. И крупные плантаторы перестали мешать политическим преобразованиям, задуманным Вашингтоном.

— Какая-то древняя история, — скептически заметил принц Стефан.

Старший Шихин сказал:

— Пожалуйста, более свежий пример. Террористы повадились минировать самолёты, а сканирование пассажиров и багажа не давало гарантии безопасности. Бомбы делались всё миниатюрнее и неразличимее среди обычных вещей. Ведь при желании даже собственную кровь можно превратить в жидкую взрывчатку.

— И какой же был найден выход? — спросила Никки.

— Проблема решилась благодаря не столько технологии, сколько психологии. Слабым звеном терроризма стали сами экстремисты — они могли скрыть подготовку теракта от других, но не от себя. Компьютерные детекторы лжи были усовершенствованы и при посадке на самолёт задавали пассажирам ряд специально подобранных вопросов. И террористы невольно выдавали преступные намерения с вероятностью девяносто девять процентов.

Внесли десерт, и в разговоре возникла пауза.

Пока разбирались со сладким и кофе, Айван оживлённо заговорил:

— А я прочитал мемуар альпиниста Эрика Вейхенмейера о восхождении на Эверест. Книга кажется обычной: человек идёт по леднику в связке с другими, старается попадать в след впереди идущего, ощущает, как натягивается связывающая верёвка. Но хроника жизни этого скалолаза читается с совершенно особым интересом: Эрик ослеп в тринадцать лет, и то, что для других было обыденностью, для него — приключение предельной пробы. Только очень волевой человек может жить в темноте и не сдаваться. А Эрик покорил высочайшие вершины всех континентов. Я очень впечатлён! И уже послал сто тысяч в Келлеровский фонд помощи слепым. Не понимаю, почему слепым не сделают приборы, чтобы они замечали ямы и автомобили и не налетали лицом на ветки?

— Наладить выпуск приборов искусственного зрения на основе лидаров и сонаров технически возможно, — вздохнул Шихин-старший, — проблема в том, что миллионы слепых людей бедны. На инвалидах не зарабатываешь, а благотворительных средств на всех не

хватает...

Никки слушала внимательно. Ей нравилась семья Шихиных, хотя Джерри ворчал втихомолку:

— Богатые уже могут позволить себе быть добрыми...

Почему же тогда династия Дитбитов так не похожа на Шихиных?

После ужина старший Шихин со Стефаном откланялись и поспешили по своим делам, а Анна и Айван остались. Гости болтали, пили кофе и рассматривали богатое убранство обеденной залы замка Шихиных: высокие потолки в английском стиле с резными деревянными панелями, камин из красной яшмы и неожиданный огромный аквариум в стене.

Айван по очереди называл ярких тропических рыбок — *Hyphessobrycon heterorhabdus*, *Paracheirodon simulans*, *Hemigrammus hyanuary Durbin* — и рассказывал, чем они примечательны с точки зрения биологии.

Никки уважительно поглядела на принца:

— Помнить столько латинских названий...

— Я была бы рада, если бы ты присмотрелась к Айвану получше, дорогая Никки, — шутливо, но серьёзно сказала королева Анна. — Он — умница и вообще очень хороший.

— Мама! — недовольно сказал принц Айван.

— Я обязательно присмотрюсь! — весело пообещала Никки.

Джерри заскрипел зубами и уткнулся глазами в стенной аквариум.

Там плавало множество экзотических рыб — пушистохвостых и разноцветных. Но самое сильное впечатление производила обычная серая рыбка с красными пустыми глазами без зрачков. Она казалась безнадежно незрячей и распространяла вокруг себя уныние.

Пикники — утомительная штука, и вскоре гости разошлись отдыхать.

Комнаты, выделенные Хао и Джерри, были рядом, но далеко от крыла, где жили Никки и Дзинтара. Хао пожелал Джерри спокойной ночи и отправился спать.

Но Джерри даже не думал о сне. Его будила ярость. Его душила ревность. Эти королевские дворцы и пикники! Шихины, Дитбиты — это всё актёры королевских шоу. Если бы Никки не разбогатела, они бы и не посмотрели в её сторону. А этот румяный блондин Айван!

Сон всю ночь испуганно топтался у дверей, но так и не зашёл.

На следующий день после завтрака Никки осталась поговорить с королём Алексом на Утренней веранде. Стефан отсутствовал.

Король рассказал о переговорах с Северными королями. План Никки вызвал и интерес, и озабоченность. Алекс вздохнул:

— Совместная программа такого размаха — первая в истории Северных династий, и, естественно, она вызывает массу споров и опасений. Я это предвидел...

Солнце поднялось высоко и грело так сильно, что король Алекс раскрыл солнечный зонт над верандой. Слуга принёс новые чашки с кофе.

— Вы читали интервью Дитбита о необходимости геномодификаций? — спросила Никки.

— Читал. Чтобы спастись от чумы и оспы, человечество придумало медицину. Это избавило нас от эпидемий, но породило нарастающие генетические проблемы. Значит, нужно придумать новый способ решения накапливающихся проблем. Человечество, чтобы выжить, должно бежать всё быстрее.

— Но как, разрешая модификацию генов, сохранить биологическое единство человечества? Люди бурно реагируют на обидный статус генодикарей.

Король Алекс кивнул:

— Человека предельно возмущает генетическое неравенство, если оно куплено за деньги и отражает не случайный выбор природы, а социальное расслоение.

Девушка сказала:

— Справедливость требует, чтобы всем людям была доступна оптимизация генов

детей. Но кто будет платить за генетические программы для всего населения?

— Мы пробуем добиться в ООН признания тупости геноболезнью. Тогда борьба с низким интеллектом окажется лечением, оплачиваемым медстраховкой.

— Разумно... — согласилась Никки. — Правда, аристократы всё равно смогут заметно оторваться от остальных людей по своему генофактору, и я не понимаю, что с этим делать... — нахмурилась девушка и потёрла глаза, которые в последнее время слезились от напряжения.

— Вы слишком загружаете себя, милая Никки. Вы выглядите усталой.

— Моя главная проблема как менеджера, что я никак не могу научиться перепоручать важные дела.

Король Алекс посмотрел на девушку и задумчиво сказал:

— Вы мыслите так, будто лично ответственны за судьбы мира. Словно если вы не решите какую-то проблему нашей цивилизации, то её никто не решит.

Маугли удивлённо раскрыла глаза:

— Действительно у меня есть такое чувство! Видимо, привычка астровитянина, долго отвечавшего за функционирование своего мира-острова. Там было много тяжёлой и грязной работы, но мне не на кого было её переваливать. И я привыкла не бояться проблем любой сложности. Испугался — погиб...

— Судя по всему, вас нелегко испугать, — сказал король Шихин.

До отлёта в Колледж оставалось совсем немного, когда Айван вдруг вспомнил:

— Никки, ведь ты хотела посмотреть наши розы. Пойдём, я покажу тебе оранжерею!

— Пошли, — обрадовалась Никки. — Я надеюсь, у тебя там растут жёлтые Тулуз-Лотрек? Я просто теряю голову от их запаха!

— Кажется, такие тоже есть, — широко улыбнулся принц Айван.

Невыспавшегося хмурого Джерри никто даже и не подумал пригласить на прогулку в розарий. Никки и Айван, весело беседуя, пошли по дорожке от замка, а Джерри остался остолбенело смотреть им вслед:

«Они уже на „ты“?!»

В начале семестра профессор Гуслик уронила на замученные головы студентов-гуманитариев очередной кирпич.

— Предлагаю вам написать небольшое литературное произведение. Оценки выставлю в конце года, а лучшие работы опубликуем в сборнике.

Из-под кирпичных обломков раздался унылый вой.

Эли-Сова спросил с надеждой:

— А с чего вы начинаете писать свои произведения?

— С конца, конечно, — удивилась профессор. — Это — маяк, место, куда должны попасть мои герои в нужном настроении. Здесь мы с читателем расстанемся, и этот момент испортить нельзя.

— А как вы пишете? — не унимался Эли-Сова.

— Медленно. Важные фразы куются долго, чтобы вся окалина отвалилась. Жалеть написанное нельзя — таких не любят. Шутки надо вставлять в диалоги: остроумие ценно скоростью ответа. Ваш литературный герой мгновенно срезает противника меткой фразой и завоёвывает аплодисменты читателей, упускающих из виду, что над этой репликой вы морщили мозги две недели. Но главная цель — добиться, чтобы ваш текст вызвал у читателя эмоцию сопереживания.

Вольдемар внёс свой вклад:

— Сила слова беспредельна. Жирарден.

Главный компьютер Колледжа продолжал осыпать всех цитатами, и Никки не была против. Но когда Вольдемар написал на зеркале в её ванной комнате: *«Дурак и входит, и выходит, и садится, и встаёт с места, и молчит, и двигается иначе, нежели умный человек. Лабрюйер»*, — девушка решила, что даже самые умные компьютеры пока не приобрели

чувство меры и такта. Она не стала высказывать эту мысль своему союзнику. Может, обиду компьютеры уже научились испытывать?

Теперь на занятиях по литературе студенты читали вслух свои творения.

Профессор не стеснялась в оценках, и многие остались обиженными.

От монотонного чтения стали дохнуть посылынные кибермухи, а от творения Бима-Оленя даже замкнуло крупную робосову, на свою голову залетевшую в аудиторию. Дослушав рассказ Бима про мальчика-телепата, который читал мысли нехороших людей и предотвращал преступления, анонимно звоня в полицию, профессор подняла с пола парализованную сову, сделала жест «храни-меня-Гутенберг», отгоняющий злых духов литературы, и мрачно сказала:

— Творческий кризис — это хорошо. Необходимая часть писательской эволюции.

Алина-Сова написала сказку про мальчика и девочку, нашедших сундук, полный волшебных палочек, и раздавших их детям.

Профессор жёлчно откомментировала:

— Сказки — это арифметика жизни, с ними дети учатся решать самые простые и важные уравнения социумных отношений. Но с возрастом должно прийти понимание алгебраичности реальной жизни с обилием неизвестных. Ассоль грезил об алых парусах, и капитан Грей стал искать не волшебную палочку, а торговца полотном.

На повесть Тины-Дракона о любовном треугольнике профессор криво улыбнулась:

— Навсегда актуальная тема. Все мы предаём и предаваемы, поэтому с болезненным интересом относимся к предательству других. Романтические истории обычно повествуют о мучениях любящих сердец, которые никак не могут соединиться. Главная сюжетная проблема — найти убедительную причину, мешающую слиянию сердец. Во времена кровной борьбы враждующих кланов Шекспир легко разделял влюблённых. А сейчас? Смотришь на голливудские сценарии: соединения сердец не происходило, так как герой потерял записочку с номером т-фона и весь фильм её искал. Тьфу!

Гордый Борм написал научно-фантастический рассказ о борьбе космических империй. Профессор фыркнула:

— Как подобная труха удостоилась гордого имени «научный»? За что такая невыносимая обида науке? В вашем рассказе нет ни малейшей пищи для ума.

— Литература — для души, учебники — для ума. Сахарьян, — вылез Вольдемар с цитатой.

Гуслик хмыкнула в ответ:

— Если автор не способен написать книгу «и для души, и для ума», то не нужно возводить прискорбное бессилие в творческий принцип. И ещё: фантастический сюжет должен хотя бы оглядываться на физические законы. По настоящей Венере ползать в разорванном скафандре нельзя! А книжные герои по ней всё ползут и ползут...

— Если в художественных книгах физике начнут учить, то с тоски помрёшь! — заявил маркиз Гейлорд. — Я люблю читать о космических сражениях!

— Читайте, — мирно сказала профессор. — Но оставьте право другим иметь книги с интеллектуальным зарядом. И не валите их в общий котёл, где уже плавает жидкая чешуя галактических войн.

Никки сдала профессору следующее коротенькое сочинение:

Рассказ о том, как я стала Хомо Сапиенс

Я решила не выдумывать литературную историю, а рассказать реальную.

Она началась тогда, когда кончились консервы. Остались одни сублимированные кукурузные плитки, и они мне надоели, как Урса Минорис знает что.

Тогда я расширила оранжерею.

Какая короткая фраза. Совершенно непонятная. Но это совсем другая история.

Итак, когда корабельный запас синтетического стекла был смонтирован в

прозрачный купол, передо мной встала проблема — небольшая, на сто кубометров. Столько реголита для почвы нужно было перенести в оранжерею из соседнего небольшого кратера, заполненного подходящим грунтом. Сто кубометров рыхлого песка на Земле раздавили бы в лепёшку слона, но на астероиде они весили меньше земной кучи птичьих перьев.

Но сто кубометров — это сто кубометров.

Десятилитровые вёдра были самыми крупными мобильными ёмкостями на корабле.

Мне предстояло сделать пять тысяч рейсов с двумя вёдрами. Тридцать метров по поверхности астероида и пять метров вверх — к оранжерее. Я закончила бы засыпку оранжереи всего за несколько месяцев каторжной работы.

К счастью, я была не способна на каторжную работу — из-за здорово разрезанной руки. А есть хотелось — и чем дальше, тем убедительнее. Мои взаимоотношения с кукурузным сублиматом перешли в скандальную фазу идиосинкразии — я сердито заталкивала его в рот, а он плакал и просился наружу.

Реголит — ещё не всё. Оранжерею нужна атмосфера. Кислорода и углекислого газа было маловато, зато гелия из ненужного контура охлаждения — сколько угодно. Семена, полив и обогрев... Нет, это опять другая история.

Итак — проблема ста кубометров встала во весь рост и заслонила солнце.

Робби предложил построить ленточный транспортёр. Но где взять ленту, ролики и мотор? И всё равно мне придётся лопатой нагрести эти кубометры на бегущую дорожку! А одна рука у меня была на привязи — не то чтобы она могла убежать, но всё равно приходилось держать её на коротком поводке.

Робби ничем мне не помог, и это меня потрясло. Он всегда меня выручал!

В то время я была маленькой девочкой, которая читала на ночь «Малыша и Карлсона». Я вспомнила про пылесос, который ел пирожки, и предложила Робби:

— А давай засосём песок в оранжерею насосом. Пластиковые трубы найдём.

Робби снисходительно объяснил, что ничего не получится: пылесос работает только в атмосфере, а на астероиде нет воздуха.

Кибернетический мозг Робби никогда не ошибался.

Именно в тот день я осознала свою принадлежность к роду Хомо Сапиенс. Я поверила в то, что если хорошенько подумать — можно решить любую проблему. Это был очень важный день в моей жизни.

Я переместила сто кубометров очень просто: вбила четыре крючка по краям кратера и натянула над ним сетку из грузового трюма — на высоте полутора метров. Потом провела от оранжереи трубу из полиэтиленовой плёнки с широким раструбом-коробом, забралась под сетку и воткнула раструб глубоко в песок.

Подключила к коробу баллон с гелием — и открыла кран. Струя сжатого газа ударила в песок, взвихрила его и унесла по трубе прямо в оранжерею — благодаря открытой верхней форточке, там всегда был вакуум, так что и насос никакой не понадобился. Я перетаскивала одной рукой короб с шлангом с места на место, прижимала его к грунту, открывала вентиль баллона — и песок послушно улетал в трубу. Часть гелия вырывалась наружу, и я бродила в песчаной метели. Когда дно кратера обнажилось, я нашла там россыпь симпатичных кристаллов.

Попутно я выбрала из песка все камушки — зачем они мне на грядке? Сделано это было элементарно, с помощью центробежной силы: перед кораблём труба разветвлялась на две; газ затягивал камушки вместе с песком, но они летели вместе только до развилки, где песок устремлялся вслед за гелием по плавно изгибающемуся вверх рукаву, а массивные камни не вписывались в поворот, летели прямо и скапливались в аппендиксе тупика, который я периодически вытряхивала.

С помощью одной руки и одного мозга моя оранжерея была засыпана за два дня.

Зачем нужна сетка над кратером? Леню объяснять — Хомо Сапиенс и сам поймёт.

Вскоре у меня выросли свежие помидоры. Восхитительные! Жизнь стала веселее, и у меня завёлся шустрый приятель Эрик. Мы с ним любили плавать вместе, но он любил и отлынивать.

Потом его съел один космонавт.

Ангина Змееносца, это снова совсем другая история!

Профессор промолчала, но долго и задумчиво смотрела на Никки.

Смит Джилич, занимавшийся на гуманитарном факультете управлением технопоектами, отказался писать рассказ, ссылаясь на свою литературную бездарность.

— Но мне нужно поставить вам оценку. Прочитайте любой свой текст, — попросила профессор. — Начало какого-нибудь реферата «Принцип дриндуленции в двигателях квакающего сгорания». Я всё равно пойму, что вы за гусь.

Семестр заканчивался! Впереди смеялись летние каникулы, и лишь это поддерживало переутомлённых студентов.

На последнее занятие по литературе профессор Гуслик пришла в сопровождении робота, нагруженного новенькими книгами. Довольно тонкими.

В аудитории вспыхнул шум.

— Поздравляю всех с выпуском первого студенческого литературного сборника! Особенно тех, кто стал его автором, — сказала, улыбаясь, профессор.

Бесшумно хлопая мягкими крыльями, две совы разнесли сборники каждому студенту. Получившие книгу немедленно раскрывали её, восхищённо гладили глянцевую цветную обложку с замысловатыми узорами и даже нюхали лёгкий запах клея и бумаги — профессор предпочла старомодные бумажные страницы современному пластику. Девушки-авторы дружно прижали свои творения прямо к сердцу — или к тому месту, где оно должно быть, по их мнению.

Никки тоже получила книжицу и, к удивлению, нашла в ней свой рассказ.

— Кто не попал в сборник — не расстраивайтесь. Я предлагаю выпускать его каждый год.

Профессор задумчиво улыбнулась.

— В словах живёт удивительная тайна. Почему есть слова, которые заставляют сердца взволнованно биться? Почему некоторые фразы вызывают гордость за весь человеческий род? Я сама не знаю, где в словах прячется замечательная сила, скрепляющая нашу культуру в единое целое. Мы будем вместе думать над этой загадкой на наших занятиях — в следующем учебном году. А сейчас — я желаю всем хорошо отдохнуть!

— СПАСИБО! — радостно проревела аудитория.

Глава 20

Вихри Нептуна

Пока очередное заседание «Общества Рождественского Ключа» не началось, Никки смотрела на тёмно-рыжую собачку, бодро вышагивающую перед ней на столе.

— Кто это? — спросил Хао, глядя на собачку с гордо поднятой головой.

— Друг человека, — ответила Никки.

— И что он делает?

— Помогает жить.

— Как?

— Это трудно вербализуемо, но абсолютно неоспоримо, — пожала плечами Никки.

Хао подозрительно посмотрел на девушку, но та была совершенно серьёзна.

Обычно кто-нибудь из друзей первый выкладывал платино-иридиевый кристалл на центральный круг, открывая доступ к файлам Совета директоров. В этот раз Никки раньше всех бросила золотистый ключ в круг. Дзинтара, уже полезшая в сумку, остановилась, увидев, что её опередили, но, повинаясь какому-то невольному импульсу, всё-таки вытащила и свой кристалл и положила рядом.

Джерри улыбнулся и придвинул ещё один ключ. Три кристалла образовали птицу с распахнутыми крыльями.

Хао, не колеблясь, присоединил четвёртый ключ к другим.

Золотистые кристаллы лежали на чёрном круге, сложившись в стилизованную цифру «4». Красные лазерные лучи сканера метались среди блестящих граней.

Это было приятное зрелище.

— А ведь мы до сих пор не имеем своего символа, — вдруг сказала Дзинтара. — Как насчёт четвёрки из золотых кристаллов на чёрном круге? Нас — четверо!

— Стильно! — поддержал Хао. — Этот символ близок к иероглифам «работа» и «сила».

Так «Общество Рождественского Ключа» получило свой герб. Это привело всех, сидящих за тисовым столом, в хорошее расположение духа.

— Апелляция о генозаконе прошла первое слушание в Совете Безопасности, — сообщила Никки. — Я верю, что люди не дадут совершиться вопиющей несправедливости.

Джерри только вздохнул: Никки знала, что последнее социомоделирование предсказало принятие закона о геносвободе, но девушка была упряма, как носорог, и не хотела сдаваться.

— Пойдём дальше... Я сама займусь списком из трёхсот семи технологий, который подготовили Джерри и Хао.

Дзинтара и Хао посмотрели сначала на Никки с Джерри, потом друг на друга. Они знали, что Джерри и Никки возглавляют список-307. Но комментариев не последовало.

Потом Дзинтара рассказала о планировании совместного генетического проекта Северных, но заключила скептически:

— Пока эта деятельность носит теоретический характер — Северные всё ещё не готовы подписать общее соглашение.

— Подпишут! — прорычала Никки. — Даже если придётся... — И она замолчала, проглотив конец фразы. Глубоко вздохнув, девушка отогнала какие-то грустные мысли и улыбнулась друзьям:

— Я хотела бы обсудить с вами новую идею.

Все переглянулись. Новую? И со старыми дел неуворот...

— Для моей династии будет строиться замок в горном районе бассейна Герцшпрунга, на обратной стороне Луны. Я предлагаю построить не просто замок, а целый город под большим куполом. Это будет город... для всех нас, — и Никки обвела взглядом заинтересованные лица друзей и остановилась на золотистой четвёрке, мерцающей на чёрном круге.

— Целый город? — переспросила Дзинтара. — И кто же там будет жить?

Никки откликнулась без промедления:

— Школьники, студенты, молодёжь. Человеческая цивилизация выстроена под пожилых: молодые люди имеют в ней гораздо меньше прав. Старики решают в кабинетах — юные умирают в войнах. Власть всегда старше народа. Давайте сделаем государство для нас! Дадим молодёжи возможность учиться, работать и управлять своим государством.

Джерри вспомнил, как Совы хотели поселиться на необитаемом острове.

— Максимум интеллекта у человека достигается до тридцати лет, — отметил Хао.

— Но люди обычно допускаются к рычагам управления тогда, когда их мозг близок к последнему творческому издыханию, — подхватила Никки. — Сейчас на пенсию уходят восьмидесятилетние, на их место заступает шестидесятилетняя «молодёжь», а сорокалетним «юнцам» долго придётся ждать своей очереди. В стареющем обществе социальные лифты застревают, и пирамиды становятся похожими на вулканы.

— Государство молодых на обратной стороне Луны... звучит красиво. — Дзинтара-поэт задумчиво откинулась на спинку кресла.

— Перестроить старую социоструктуру практически невозможно, — сказала Никки. — Гораздо легче начать с нуля новое общество. Противостояние двух сил — Северных и Южных — чревато постоянными кризисами. Расчёты показывают, что мы ослабим это противоборство, если объединим в нашем городе хотя бы часть молодёжи из Северных и

Южных династий.

— Но главная проблема, — прищурил глаза Хао, — что молодые, ставшие гражданами такой страны, через десять или двадцать лет заметно повзрослеют, а через полсотни лет ты получишь государство стариков.

— Даже десятилетнее или двадцатилетнее существование такого общества представляет огромный интерес — как мы справимся? — сказала Никки. — А если эксперимент будет удачным, то через двадцать лет мы построим рядом ещё один город — для молодых, кому станет тесно в старом куполе.

— Стоит ли отвергать опыт, который пожилые люди накапливают с возрастом, даже проходя пик интеллектуального уровня? — спросил Джерри, подумав о своём отце.

— Мы не будем его отвергать. Мы разработаем принципы устойчивого общества, в котором опыт советует, а не командует. Это трудная задача, но у нас уникальные возможности социомоделирования — вот и воспользуемся ими для задачи сочетания интересов между большинством и меньшинством, молодыми и пожилыми. В обществе существуют вечные противоречия и антагонизмы — их нельзя уничтожить, но можно заставить созидать, а не разрушать; нужно направить энергию соперничества в общее движение, а не во взаимные распри. Это будет государство, которое не просто собирает налоги и строит дороги, но и активно помогает каждому — и пожилому, и молодому человеку. И даёт ему шанс на счастье.

— Клянусь чучелом Большой Медведицы, мне это нравится! — категорично сказала Дзинтара, выразив общее настроение присутствующих энтузиастов и романтиков.

Ах, молодёжь, молодёжь...

Билл шёл и волновался.

Беда в том, что Билл на самом деле был подростком Билли, лет пятнадцати, который залез в тело двадцатидвухлетнего крупного мужчины, Вильяма, и нервничал, что его разоблачат настоящие взрослые.

Из-за этого нервничанья Билли-Билл-Вильям МакБерин часто злился на самого себя. Но мало что мог поделать — тревожное ощущение незаконного детского «я» часто наваливалось на него при общении с другими, более взрослыми и, очевидно, более умными людьми.

Наедине с собой ему было вполне комфортно. И среди любимых биомолекул ему нравилось — у него было хорошее воображение, и он любил переводить математические символы и уравнения в зрительные интуитивные образы. Он привык к своему миру изогнуто-решётчатых аминокислот, пружинящих химических связей и колюче-торчащих гидроксильных оснований. Логика скручивания нуклеотидной цепи в двойную спираль ДНК или поэтапного сложения аминокислотной последовательности в сверхсложный клубок белка превращалась для юноши в очевидную геометрическую неизбежность. В цветную и трёхмерную.

Но столь странный способ восприятия биологических процессов вызывал недоумение университетских профессоров. Они были уверенно снисходительны, говорили на умопомрачительном жаргоне, козыряли легендарными именами. Билл чувствовал себя рядом с ними вечным дилетантом, который пытается в песочнице построить синхрофазотрон. Попытки Билла осмысливать математические геномодели вульгарными нестрогими картинками лишь смешили преподавателей.

Когда студентам предложили сдать научные работы для публикации в ежегодном факультетском сборнике, то Билл принёс свою работу, в которой высказывал идеи, зрительно-интуитивно понятные ему, но которые он не смог сформулировать на языке математической квантохимии.

Его профессор долго кривился на его трёхстраничные голословные рассуждения, потом спросил со слабой надеждой:

— А ещё что-нибудь у вас есть?

И получил в ответ отрицательное мычание от испуганного пятнадцатилетнего юнца, который трясся в шестифутовом теле Вильяма, почти выпускника университета, с трудом управляющего своими коленками. Билли был уверен, что сейчас его маскировку раскроют, вытащат наружу, визжащего и плачущего, выбросят из университета и скажут, чтобы больше не занимал время серьёзных людей, до которых ему никогда не дотянуться своей маленькой нестандартной головой.

Профессор долго ворчал, что уровень нынешних студентов пошёл куда не годный, что раньше бы за такую болтовню даже первокурснику по шее дали бы...

— Ладно, — махнул он рукой на Билла, свесившего голову до пояса, — сунем вашу статью в сборник последней — всё равно эти сборники никто до конца не дочитывает...

Билл потом долго переживал — ну почему, почему он не может, как все, составлять лагранжианы для нежных, бесконечно-малых колебаний молекул, решать строгие уравнения для кванто-механических волн, плещущих среди потенциальных стен? Вернее, писать формулы он может, но не видит за ними привычных молекул, смертельно скучает по цветным картинкам своего буйного воображения и оказывается малоспособным к розыску нужных математических решений...

Надо взрослеть и заставлять себя быть как все!

Когда он попробовал поделиться своими проблемами с отцом, то тот, не особенно поняв сына, сразу заявил, что беспокоиться не о чем — у него достаточно связей, чтобы устроить Вильяма после университета в отличную биохимическую лабораторию, где его научат всему, что потребуется.

— Вам преподают слишком многое, не дают углубиться, — высказал отец любимую мысль. — Вот получишь конкретную задачу — и быстро наберёшь нужную квалификацию.

Ни сам Билл, ни неуверенный юнец Билли не разделяли оптимизм отца. Наоборот — перспектива попасть в серьёзное научное учреждение, где с Билла-Билли будет спрос как с настоящего сотрудника, — сильно пугала. В любом институте живо разберутся с его дилетантством — и будут смеяться все хором! Ему иногда снилось, как он выступает перед собранием учёных — и внезапно обнаруживает полное отсутствие на себе штанов.

Билла посещала испуганная мысль о необходимости найти работу по плечу — культуры в пробирки высевать, анализировать штаммы на стандартных микроскопах — что-нибудь рутинное, доступное даже странноголовым.

Но он слабовольно ничего не предпринимал для поиска работы попроще — у него было слишком много учебных хлопот. Например, он ломал голову над темой дипломной работы, которую будет не стыдно защищать перед учёным советом кафедры.

Неожиданно ему пришло приглашение встретиться с рекрутером, ищущим молодых специалистов в биотехнологические компании Луны.

Билли по-детски взволновался, а Билл долго думал — идти или нет. Но расспросил друзей, узнал, что такие встречи на последнем курсе не редкость, и решил сходить и узнать, что предлагают ему подобным. Может, найдётся местечко поспокойнее?

Билл нервничал, идя на встречу и притворяясь Вильямом в пиджаке и галстук, но будучи на самом деле неуверенным Билли. А вдруг там начнут задавать вопросы, на которые он не сможет ответить? В учёбе он вовсе не блистал и баллами похвастаться перед вербовщиком не мог.

Место для встречи показалось ему странноватым — в ресторане на центральной улице Луна-Сити.

«Наверное, это такой психологический трюк — за едой люди расслабляются и легче идут на соглашение...»

Он нашёл указанный ресторан и удивился — шикарный какой! Билл назвал себя распорядителю на входе. Тот быстро глянул на экран и провёл юношу на второй этаж, где были только отдельные кабинеты. Этаж был пуст, лишь двое неброско одетых парней сидели в креслах.

Распорядитель открыл дверь как раз того кабинета, возле которого расположились

парни, и пригласил Билла.

Тот покосился на людей у двери — они ответили ему настороженными взглядами — и вошёл в небольшую комнату с круглым столом.

Распорядитель остался в коридоре, и Билл услышал, как за его спиной дверь плотно закрывается.

За столом сидела девушка в огромных радужных очках и с пышными чёрными волосами. Она встала ему навстречу, поздоровалась, не называя своего имени, и пригласила Билла за стол.

— Какую компанию вы представляете? — спросили хором заинтригованные Билл, Билли и Вильям.

Девушка вздохнула, сняла очки и стянула парик.

— Королева Гринвич! — воскликнула поражённая троица.

— Я представляю саму себя, — сказала она, — или, если угодно, свой научный Гринвич-Центр.

Юноша взволновался ещё больше. Он много слышал про королеву — и хорошего, и плохого, и не знал, что ждать от этой встречи.

— Зачем вы прячетесь? — спросил он.

— Давайте поедим, — сказала девушка, — и я вам всё объясню.

Юноша оглянулся и увидел, что на соседнем столе уже стоят несколько блюд с закусками и горячим.

Билл, собираясь с мыслями, подошёл к столу, взял пару тарелок и вернулся.

— Если что-то ещё хотите, то заказывайте, — предложила королева.

— Спасибо, меня всё устраивает... — сказал он рассеянно, пытаясь собрать вместе мысли, которые дружно бросили работать и с жужжанием носились между стенками черепа. Билли тоже не знал, что делать: сбежать от могущественной королевы или остаться и поболтать с симпатичной сверстницей.

— Я прочитала вашу работу в сборнике, — сказала Никки, когда Билл поковырялся в тарелках и немного освоился. — Она меня очень заинтересовала.

— О! — только и сумел выговорить Вильям.

— Абсолютно гениальная идея! — уважительно сказала Никки. — Мои аналитики в полном восторге.

Лицо Билла раскалилось докрасна, в ушах раздался гулкий пульсирующий шум — то ли непонятные овации, то ли Билли в панике пытался выломаться наружу. И ещё захотелось в туалет.

— Поэтому я решила с вами встретиться и предложить вам работу в своём Центре.

Билл ел, не замечая, что жуёт — креветок или салфетку.

Постепенно шум в ушах унялся, и Вильям вовремя вспомнил, что его отец — видный чиновник Южной династии. И он неоднократно подчёркивал, что его сын должен работать лишь в Южной группировке. А королева Гринвич — известная союзница Северных. Билл никак не хочет подвести отца, карьера которого может легко рухнуть, если его сын станет работать на противника.

— Спасибо за лестный отзыв о моей статье. Но я не могу работать на вас — моя семья принадлежит к Южному союзу... Мой отец занимает высокое положение в администрации короля Юровинга. Его репутация пострадает, если я стану работать на Северных.

Никки кивнула, пристально глядя на Билла.

— Я это понимаю, но давайте сначала уточним один момент... Ваша работа, очевидно, была рассмотрена сетевыми аналитиками и Южных династий. Она не привлекла достойного внимания, потому что вы не указали в статье способа определения резонансных частот, без чего ваш метод оказывается лишь маловероятной теоретической идеей без перспектив практического выхода. Но мой умный кибераналитик предположил по некоторым признакам в тексте, что вы знаете этот способ, просто пока не опубликовали его. Так ли это?

Билл помолчал, но решил ответить честно:

— Да, это так, у меня есть идея, как находить резонансные частоты.

Никки облегчённо выдохнула и откинулась на спинку кресла.

— Отлично!

Но ничего отличного затем не последовало. Никки долго убеждала юношу, сулила ему очень многое. Но Билли трусил, а Вильям хорошо понимал, что его поступок потрясёт отца, мать и старших братьев, которые тоже рассчитывали на карьеру у Юровинга и его союзников. Его родные станут отщепенцами среди аристократии Южных.

Что получится из сделки с такой юной и несолидной королевой? Это пока непонятно, а вот риск — очевиден. Поступиться достигнутым положением семьи среди Южных ради обещанных благ среди Северных — это значит погнаться за призрачным журавлём в небе, выпустив реальную синицу из рук. Да и предателей никто не любит — ни Северные, ни Южные.

Разговор зашёл в тупик.

Любопытный Билли нарушил паузу:

— А зачем такая секретность? Вы чего-то боитесь?

— Я — нет, — ответила Никки. — Меня ждут за дверью два охранника, а на крыше — хорошо вооружённый корабль. Эта секретность — для ВАШЕЙ безопасности. Я делаю то же самое, что и южане, — перетягиваю на свою сторону талантливых людей с их открытиями. Если мне это не удаётся — как в вашем случае, — то я просто расстраиваюсь. Если же это не удаётся Южным, то они могут убить строптивного человека.

— Не может быть! — воскликнул ошеломлённый Билл.

— Может. Эти идиоты сами разрушают своё будущее. Они тайно убили космического геолога, друга моего отца... Отец не смирился с его смертью, после чего убили и его. Смотрите... — Никки оттянула воротник чёрного свитера и показала ленточку ожерелья. — Я ношу это не для красоты — это компьютер, управляющий нейропротезом в моей сломанной шее. Я чудом выжила при нападении Южных на корабль моих родителей.

Юноша поражённо молчал.

Никки вздохнула и встала из-за стола.

— Если к вам придут вербовщики Южных с предложением продать им идею резонатора — настоятельно советую сразу соглашаться. Потому что в случае отказа вы сильно рискуете... И молчите о нашей встрече: если они узнают, что я с вами пыталась договориться, ваше положение станет предельно опасным... Спасибо, что пришли.

Королева Николь кивнула Биллу и усталой походкой направилась к выходу.

Вильям и Билли устроили отчаянную потасовку.

Вильям орал обиженным басом: «Я не авантюрист, а взрослый человек!»

Но тут наглый юнец Билли врезал взрослому Вильяму по шее, вырвался на волю и крикнул королеве-подростку тонким, срывающимся голосом:

— Никки, стойте!

Взаимоотношения старшего и младшего Дитбитов были холодней некуда. Поэтому младший Дитбит удивился, когда на экране его комнаты неожиданно появился Дитбит-старший. Отец сразу заявил:

— Не ходи в Шрёдингер всю ближайшую неделю.

— Почему? — нахмурился принц.

— Потому что я тебе приказываю!

— Ты опять что-то затеял, отец?

— Не твоё дело. Тебе достаточно следовать моему приказу: не бывать в Шрёдингере в ближайшие семь дней.

И отец, не слушая возражений, отключился.

Младший Дитбит в ярости закричал, схватил стакан, стоящий на столе, и бросил его в стену. Томатный сок выплеснулся на окно рыхлыми красными каплями, а отскочивший стакан сбил с полки робота, которого принц сконструировал на экзамене по роботехнике.

Робот, загремев, упал к ногам принца.

Дитбит попятился — лежащий ничком андроид ознобно напомнил мёртвое тело.

На последнюю в семестре лекцию по астрономии профессор Дермюррей пришёл сердитый и краснолицый, размахивая руками так, что фалды пиджака всё время вспархивали над его массивным задом в тщетных попытках улететь.

— Сегодня мы познакомимся с в высшей мере таинственными арками Нептуна.

На большом экране аудитории появилось изображение голубого Нептуна и окружающего его узкого колечка с тремя странными длинными утолщениями.

— Я долго работал над этой космической загадкой, — пафосно изрёк профессор Дермюррей. — И сегодня я вас познакомлю с последней моделью арок — поверхностно, конечно, — эта теория слишком сложна для тупиц.

Джерри проворчал:

— Я понимаю, что им разрешено с нами не церемониться, и профессор Ван-Теллер тоже сбивает с нас спесь, но делает он это как-то по-другому...

Профессор поставил на кафедру большой стакан с ядовито-зелёным напитком и отвернулся, чтобы повесить пиджак на вешалку. В это мгновение в дверь влетела маленькая птичка, какнула белой горошиной в стакан профессору и умчалась.

Дермюррей повернулся к замершему залу, почесался, похмыкал, подозрительно посмотрел на непривычно тихих студентов и сделал крупный глоток из стакана. Потом поставил стакан назад и гаркнул:

— Приготовились думать, тунеядцы?

И профессор принялся рассказывать об открытиях арок Нептуна, но в необычном для него стиле, размахивая руками и часто щёлкая широкими подтяжками по солидному животу.

— Дикие люди двадцатого века знали о существовании колец только вокруг Сатурна. Небесные механики предсказали, что в марте тысяча девятьсот семьдесят седьмого года планета Уран, ползущая по небу, загородит собой яркую звезду. «Отлично! — закричали космические метеорологи. — Мы просветим этой звездой уранианскую атмосферу». Они бросились к своим телескопам, а самые счастливые астрономы забрались в огромный деревянный самолёт со здоровенной дыркой в крыше. Они обрадовались дырке и просунули туда телескоп диаметром в три фута. Отмечу для неучей, что орбитальных обитаемых обсерваторий тогда ещё не было. Согласно берестяным летописям — не из-за отсутствия космических ракет, а из-за поголовной физической хилости учёных двадцатого века, не выдерживающих тестов на кофемолках... тьфу!.. центрифугах. Перегрузки, которые легко переносил любой военный лётчик, оказались непосильным бременем для учёных. Половина умников погибала на центрифуге, остальные полностью теряли учёные способности. Видимо, проблема состояла в особом устройстве мозга учёных — слишком мягкого и жидкого для тогдашних ускорений космических ракет. Поэтому в космос попадали не мягкоголовые учёные, а военные с жёсткими мозгами — им летать было скучно, зато безопасно.

Ученики стали изумлённо переглядываться друг с другом — что такое несёт профессор Дермюррей? Кажется, кто-то подбросил в стакан профессора веселящую таблетку.

Краснолицый профессор, ничего не замечая, махал руками и утопал в исторических экскурсах.

— Взлетев на самолёте-обсерватории, астрономы навели телескоп на звезду и включили прогревать древние самописцы и звездографы, которые тогда работали на дровах и лишь самые передовые — на керосине.

Аудитория откровенно покатила со смеху.

— Как же удивились летающие учёные, когда звезда подмигнула учёным девять раз ещё до предсказанного затмения! После выхода звезды из-за диска Урана история повторилась — звезда снова погасла девять раз. Так были открыты девять узких колец Урана, невидимых с Земли в тогдашние... ик!.. паровые телескопы...

Ученики снова радостно запожимали плечами. Паровые телескопы?!

— Астрономы навели телескопы на далёкую голубую планету Нептун — и там тоже нашли кольца, которые, в отличие от урановских, оказались разорванными, дающими лишь одно затмение звезды. Поэтому они получили название «арок». Космический аппарат «Путешественник» первый долетел до Нептуна и передал изображение его арок телеграфом на Землю. Арки действительно оказались арками! Фото дуг возле Нептуна шокировали научную общественность: для небесного механика такое зрелище противоестественно, как медвежий клык в колье английской королевы.

Преподаватель вытер потное лицо платком, и возле его багровой физиономии немедленно завис летающий вентилятор в виде клизмы и устремил на профессора струю прохладного воздуха.

— Осознали, тролли?

Рассказывая об эпохе космического исследования арок Нептуна, профессор таким удивительным образом излагал чужие научные достижения, перемежая их ссылками на свои окололежащие работы, что слушатели проникались невольным убеждением, что описываемые исторические деяния совершены самим профессором Дермюрреем, хотя они случились задолго до его рождения.

— Всё понятно, троглодиты? — сегодня профессора явно заклинило на букве «т».

Аудитория ответила недовольным мычанием троглодитов, не овладевших речью.

— У нептуннианских арок обнаружена странная внутренняя структура...

Изображение арок на экране приблизилось — и арки распались на цепь более мелких узлов, похожих на гигантские бусы на нитке.

— Стабильность этих каменных облаков, размером в десятки километров каждое, и составляет главную загадку арок Нептуна. Ведь если вывалить кучу булыжников на орбиту вокруг планеты, — профессор Дермюррей старался быть образным с тупыми школьниками, — то гравитационные и центробежные силы быстро растащат эту кучу в узкое кольцо, подобное урановскому. Но в системе Нептуна частицы узкого кольца оказались собранными в определённых местах орбиты.

— Почему? — поинтересовался из аудитории Борм-Сова.

— Здесь-то и зарыта собака! — воскликнул профессор.

— Собака зарыта на орбите? — удивился Борм.

Профессор досадливо отмахнулся от назойливого студента:

— Собака зарыта тут фигурой речи...

Борм совсем осоловел, а Дермюррей вдруг взревел раненым медведем:

— Творческая личность всегда бьётся головой о тесные рамки старых догм! — Профессор победно осмотрел аудиторию. — Недавно я сказал себе: «Эврика! Истина нашлась!»

Дермюррей довольно погладил лысеющую голову.

— Вчера я отправил в журнал «Марсовестник» статью с блестящей гипотезой: в каждой «бусинке» сидит спутник! А мелкие частицы образуют вокруг него плоское облако. Миникольца в кольцах планет! Прекрасный газетный заголовок — надо запомнить... Доказательство этой гипотезы станет историческим триумфом науки! — закончил гордую речь Дермюррей.

Никки удовлетворённо кивнула — ей всё стало понятно. Профессор мог признать существование нерешённой проблемы, если он приготовил для прессы очередную победную релицию.

Дермюррей сумел прослыть экспертом по многим темам, используя простой, но эффективный метод: энергичное выпячивание лёгких побед и полное замалчивание тяжёлых поражений. Вернее, он мудро даже не брался за слишком сложные задачи, аккуратно пряча их от неискушённой публики. Профессор беспокоился о выгодной репутации победителя гораздо больше, чем об истине.

«Только дураки задаются вопросами, на которые не могут ответить; глуп даже тот, кто

признаётся в существовании таких проблем...» — говорил он в узком кругу своих учеников.

— А сейчас, — продолжил профессор обучение тупых школьников, — вы сможете приобщиться к передовой науке: в качестве годового теста постройте компьютерную модель движения частиц вокруг спутника Нептуна и определите его массу, достаточную для удержания миникольца с радиусом в десять километров.

Все помрачнели — начало лекции было гораздо интереснее! — и уткнулись в экраны. Кто-то забегал пальцами по управляющей консоли, другие забормотали, пытаясь растолковать компьютерам, что требуется сделать.

Профессор уселся за преподавательский стол и, отдыхая, заказал в кафе и неспешно высосал литровый стакан арбузного сока.

На большом экране стали появляться результаты студентов. Найденные массы спутников соответствовали километровым телам.

Загорелся результат Никки: «Масса спутника — НОЛЬ»!

Ропот аудитории заставил профессора посмотреть на экран.

— В чём дело, мисс Гринвич? — пробурчал Дермюррей. — Вы не сумели решить простую задачу трёх тел: планета-спутник-частица?

Никки кротко сказала:

— Я не решала её, профессор, мне хватило задачи двух тел, то есть законов старика Кеплера, описывающих движение частицы в поле планеты.

— Что за бездарные глупости? — нахмурился краснолицый Дермюррей. — Я же сказал, что гравитация планеты растаскивает скопление. Вечно вы мутите воду, мисс Гринвич! Пр продемонстрируйте своё решение, чтобы мы убедились в его неверности.

— Вольдемар, — сказала Никки, — покажите, пожалуйста, движение тела по слегка эллиптической орбите.

На экране появились голубой Нептун и точка,двигающаяся вокруг него.

— Покажите эту орбиту из системы отсчёта, вращающейся с тем же периодом, — попросила Никки.

Теперь на экране точка двигалась по небольшому эллипсу в одной части орбиты, уже не обегая планету вокруг.

— Ну и что? — не выдержал профессор. — Я вижу хорошо известный эпицикл для одной частицы! Каждый первоклассник знает, что если астронавт на околоземной орбите бросит вниз мешок с мусором, то мешок сделает небольшую петлю, вернётся через полтора часа и ударит астронавта по макушке! Любимая шутка космических мультфильмов.

— Верно, но что будет, если взять СОТНЮ мешков и каждую минуту бросать по мешку вниз? — продолжала хладнокровно Никки. — Вольдемар, пожалуйста...

На экране появилась уже сотня светящихся точек, которые летели замкнутой цепочкой вдоль маленького эллипса.

— Дорогой Волди, наденьте на ту же ось десяток орбит с меньшим эксцентриситетом, вплоть до нуля, — уверенно командовала Никки.

Аудитория смотрела, затаив дыхание, как на экране завораживающе закружилось эллиптическое поле из вложенных друг в друга нескольких хорождений частиц.

Никки обратилась к ошарашенному Дермюррею:

— Этот орбитальный объект состоит только из частиц,двигающихся по Кеплеру.

Профессор стоял, покрасневший, как свежесваренный рак, пожирая глазами невозможное скопление частиц.

— Фикция! В невращающейся системе отсчёта такая штука размажется вдоль орбиты!

Никки вздохнула и попробовала быть образной с упрямым профессором:

— Вольдемар, свяжи частицы верёвочкой, только посвободней.

Частицы опутались нитью, то провисающей, когда соседние тела сближались, то натягивающейся. Какое-то время все смотрели на экран. Верёвки нигде не рвались.

— Вы же понимаете, профессор, — сказала Никки, — что если верёвка не рвётся *во вращающейся системе отсчёта*, то она будет целой и для *любого другого* наблюдателя, в

том числе и в невращающейся системе отсчёта?

Профессор это прекрасно понимал, судя по налитым кровью глазам.

— Такой протяжённый объект будет разрушен приливными силами! — крикнул он.

— Ну-ну, профессор, — укоризненно сказала Никки. — Приливные силы не могут действовать на точки. Наш протяжённый объект состоит из невзаимодействующих точек, и приливные силы тут совершенно ни при чём.

— Вольдемар! — заорал профессор. — Преврати точки в шары и внеси возмущения!

Картинка на экране преобразилась — верёвки исчезли, и частицы, превратившись в шары, начали сталкиваться друг с другом. Скопление заколебалось, разрушилось и растянулось по орбите.

— Ага! — торжествующим паровозом взревел профессор Дермюррей. — Оно разрушается, оно нестабильно! Я так и знал!

— Вольдемар, — не смутившись, сказала Никки, — частицы — это неупругие шарики, покрытые рыхлым слоем и обладающие самогравитацией. Учти слипание частиц при столкновениях и разрушение их кластеров приливными силами.

Овальный вихрь снежных частиц снова закружился на экране. Тела в нём сталкивались, слипались, образовывали временные конгломераты, снова разваливались. Невзирая на эфемерность жизни отдельных частиц и изменчивость их формы, скопление продолжало сохранять стабильность и не проявляло стремления к саморазрушению.

Профессор неотрывно пожирал глазами новую модель.

— Сложность динамически неубедительна. Природа — мастер на изящные и простые решения, — непринуждённо сказала Никки. — Робби утверждает, что принцип такого эпициклического коллективного движения частиц открыл Вайцсеккер ещё в двадцатом веке. Сейчас в эпициклический вихрь можно засунуть и спутник — вихрю это не повредит.

Это уже было чистым издевательством над передовой наукой. Раздался звонок, и ученики шумной толпой повалили к выходу. На экране гипнотически кружился совершенно невероятный, с точки зрения Дермюррея, космический объект. Багровый профессор с взлохмаченными волосами таращился на монитор и не замечал очередной цитаты Вольдемара, горящей на задней стене: *«Когда природа оставляет прореху в чьём-нибудь уме, она обычно замазывает её толстым слоем самодовольства. Лонгфелло»*.

— Спасибо, Вольдемар, — попрощалась Никки, выходя из аудитории вместе с хихикающими студентами. А усталому профессору, который столько делал для этих тунеядцев, тупиц, троллей и троглодитов, никто не сказал ни «спасибо», ни «до свидания».

Какие же всё-таки свиньи эти дети!

Последняя книга профессора Гуслик «Зимний дождь» стала лунным бестселлером, побила годовой рекорд продаж, и Джоан, растерянную и невозмутимую, пригласили на тиви-интервью. Все студенты собрались вокруг большого аудиторного экрана — послушать беседу с колледжским профессором литературы. Вёл передачу в прямом эфире известный обозреватель книг Кадавр, обаятельный и хищный, но вопросы задавались и зрителями.

— Как вы относитесь к восторженным откликам на свою книгу?

— С опасением. От похвал человек глупеет.

— Почему в ваших книгах герои не умирают?

— Читательскую слезу выжать, убив героя, каждый дурак сможет.

— Но врагов и конфликтов у вас много!

— Книге нужны враги. Жизнь книжного героя во сто крат сложнее, чем жизнь обычного человека, — на то он и *герой*.

— Герои-мужчины у вас сентиментальны.

— У героинь две женские икс-хромосомы, но и у героев есть одна. Мужчины тоже плачут, но боятся признаваться в этом, бедняги.

— Что вы понимаете под счастьем?

— Победу над одиночеством.

— В ваших произведениях часто мелькают бабочки.

— Бабочка — удивительное летающее создание: бесшумное и какое-то не от мира сего. Не сравнить с деловыми птицами, хищными стрекозами и всякими мухами.

— Зачем вы работаете в Колледже, а не организуете свою писательскую фирму?

— Сборник студенческих работ я ценю больше, чем собственные книги. Это не сборник, а грядка ростков. Я в Колледже — садовник. Лесник?

— А вы не думаете о стезе детского писателя?

— Думаю! — оживилась Гуслик. — Я разговаривала с одним умным человеком... и меня как озарило: писать книги для взрослых — это очень инфантильное занятие! Придумывать истории для скучающих людей, развлекать, корчить рожи... Фу! Вот детский писатель — это да! Самая взрослая и трудная работа.

— Вам понравилась последняя книга Лепе?

— Хороший писатель — жаль, не мыслитель. От книг по-настоящему умного человека не должно быть грустно.

— Вы высмеяли писателя Моза.

Гуслик улыбнулась:

— Мой знакомый Вольдемар недавно процитировал Монтескье: «Дураку следовало бы довольствоваться уже тем, что он надоел всем своим современникам, но он хочет досаждать ещё и грядущим поколениям, хочет, чтобы потомство было осведомлено о том, что он жил на свете, и чтобы вовеки не забыло, что он был дураком».

— Вы не любите профессиональных писателей!

— Профессионализм стал синонимом изобретательной продажности.

— Признайтесь, что вы — мизантроп, то есть — человеконенавистник.

— Да нет. Я — мизантроп, потому что люблю людей.

— Но ведь книги — товар, значит писатель — торговец своим талантом?

Гуслик вздохнула:

— Рынок вездесущ. Морковку или овечку вырастил — на груди согревал, куском последним делился, — тоже выносишь на базар. А покупатели капризны: зачем морковка кривая? Почему овечка не улыбается? Торговля талантом — острая грань, и каждый сам должен прикладывать её к горлу, желательно — к собственному. Окна автора могут выходить на рынок, но автор должен писать с удовольствием — иначе этого чувства и читателю не достанется.

— Вы объективны в оценках?

— Абсолютным чувством вкуса обладал лишь Прокруст. У всех других, слава богам, оно относительно.

— Вы эгоистичны?

— Конечно. Эгоизм — главный движитель поступков нормального человека. Но он может быть безобидным и даже созидательным, или наоборот — злым и разрушительным.

— Вы наблюдательны?

— Как сорока. Всё яркое тащу в гнездо-книгу.

— Вы часто лжёте в своих книгах?

— Зависит от точки зрения. Ложь — это истина не в своей тарелке.

— Не вижу логики.

— Логичность может рассматриваться как дефективность.

— Вы часто говорите об импульсе книги. Что это означает?

— Уровень книги должен соответствовать читателю, иначе она не будет прочитана. Но книга — даже очень простая, — дающая положительный толчок уму и чувствам, имеет позитивный импульс.

— Зачем вам так много героев-умников? Они раздражают публику.

— Средний читатель не полюбит таких героев, но лучше их поймёт и не будет так ненавидеть.

— Чьи мысли высказывают ваши герои?

— Мои. Особенно если я не согласна с ними. Я вообще редко соглашаюсь со своими мыслями.

— Назовите самое-самое важное качество писателя.

— Глубоко верить в то, что пишешь. От этого в тексте появляется удивительный информационный заряд, который бьёт безошибочно. Его нельзя подделать, он не кодируется линейно — словами, а идёт каким-то более глубоким уровнем восприятия. Но умный читатель сразу считывает это послание искренности.

— И последний вопрос: что хотите сказать вашим читателям?

— Читатель — соавтор книги. Писатель складывает ажурной кучкой чёрные буквы, а читатель создаёт из них цветной мир. Спасибо за успешное соавторство. Значит, буквы легли удачно.

Интервью закончилось, и студенты в аудитории Колледжа дружно зааплодировали.

— Всё-таки она — гений! — сказала взволнованная Дзинтара, обращаясь к Никки, сидящей рядом.

Никки тоже с удовольствием хлопала.

«Каждый талантливый человек внушает неясную, но очевидную надежду».

И девушка подумала, что раньше, до уроков литературы, она не могла так формулировать свои мысли.

Учебный год кончился!

Студенты с лихорадочной радостью готовились к Балу Выпускников. Ярко-жёлтые машины срочной доставки всё время ныряли в шлюз Колледжа, выполняя заказы студентов: в основном, без усталости таская бальные платья и модельные туфли девушкам, потом снова возвращая их в магазины и опять прилетая с раскалёнными дюзами и новой порцией товаров для примерки.

Наконец Бал настал. Выпускники выглядели солидными и взрослыми, но на их лица частенько набегали облака и тучки — эх, не хотелось уезжать из Колледжа! Остальные студенты были далеки от грусти и веселились от души, кочуя между столами с закусками и танцевальной площадкой. Каникулы настали! Каникулы! — звучит песней даже без рифмы.

Никки зашла в зал и подняла голову к потолку, транслирующему сегодня редкую по красоте картину красно-закатных облаков северной Шотландии. И впервые девушку охватило ощущение неуютности от видимого отсутствия потолка — будто школьный замок был разорён пожаром и на самом деле лишился крыши.

Кто-то сзади закрыл Никки глаза ладонями. Угадать было просто — никто, кроме Джерри, не осмеливался проделывать такие шуточки с королевой Николь.

В танцах объявили перерыв.

В центре зала собралось Общество Ботаников — высокомерное элитное собрание школьников-интеллектуалов — и провело традиционную инаугурацию новых членов. Старинный торжественный стих посвящения подхватили и другие студенты Школы Эйнштейна:

Оскудели источники разума,
Кругом — бескультурия пустыня!

Многие мечтали вступить в Общество, но критерии отбора в него были поистине жёсткими даже по меркам Лунного Колледжа. Поэтому большинству присутствующих оставалось лишь со стороны завистливо наблюдать за церемонией.

Вчера — безмозглый ГЕРБАРИЙ,
Сегодня — разумный БОТАНИК!

Каждый новый Ботаник получил значок с алмазной лупой естествоиспытателя; они

гордо будут носить их всю жизнь. А самые жестокие из них прицепят рядом значок с известной цитатой Гейтса: «Не ссорьтесь с „ботаниками“, завтра один из них станет вашим боссом».

Посвящение закончилось вполне в духе Общества Ботаников:

БОТАНИК — звучит гордо!
Лицо заменило морду.
Ты, ЛИСТВА, не шелести,
А попробуй подрасти.

Окружающие грустно пошелестели в ответ.

В середине Бала случилась сенсация: дверь открылась, и в зал вошла профессор литературы.

— А-ах! — сказал зал.

Джоан Гуслик рассталась с привычным имиджем и одеждой неопределённого цвета и появилась на Балу Выпускников в изумрудном длинном платье с открытыми плечами и спиной. Обычные волосы-сосульки превратились радостными стараниями парикмахера Луизы в пышную причёску из крупных русых волн. Лицо Джоан освещалось румянцем и волнением и впечатляло не меньше эффектного платья.

Профессор шла среди замершей публики как на эшафот. Тут к Джоан Гуслик подскочил Экмин, поцеловал ей руку и сделал восторженный комплимент. И такое громадное облегчение отразилось на лице Джоан, напряжённом как струна, что сразу стало понятно... Впрочем, это совершенно, совершенно не наше дело!

Конечно, профессор Майсофт тоже оказалась не промах. Её красно-белое платье, если и произвело меньший фурор, то только потому, что Элен Майсофт никогда не имела репутации «синего чулка» и заслуженно признавалась самой симпатичной женщиной-профессором Колледжа. Конечно, до этого Бала — сейчас мнению общественности грозил опасный раскол.

Но раскол грозил не только общественности.

Профессор Экмин всегда был очарователен и мил с обеими женщинами-профессорами. С Джоан Гуслик он охотно говорил о пятом измерении литературы и о том, как трудно найти читателей для подлинных шедевров. С Элен Майсофт Экмин подолгу беседовал о природе интеллектуализма и возможности создания по-настоящему мыслящих машин. Танцевал профессор с обеими дамами по очереди, успевая поддерживать умный разговор:

— Джоан, киберпанк мне самому интересен... Поройтесь в пыльных золотых хранилищах памяти — кто первый литературно реализовал прогулку по компьютерному миру? Не просто обсудил возможность этого «сверху», как великий Стас Лем, а изобразил «изнутри» виртуальную реальность, которую можно даже спутать с реальным миром? Речь идёт о компьютерной мироплоти. Сон не в счёт, а также крепкий алкоголь или крепкий удар по голове.

— Понятие «мыслящей машины» так и осталось недоопределённым. Вспомните, Элен, спор вокруг компьютера-переводчика с китайского. *Понимает* ли такой киберпереводчик текст или просто бездумно, но верно его переводит?

— Верно, Джоан, семантическая автономия текста... герменевтика... деконтекстуализация и реконтекстуализация...

— С тревогой думаю о временах, когда компьютер сможет стать человеку настоящим другом... не станет ли это началом разобщённости человечества?... не чувствуете ли вы, Элен, что умные киберы отгораживают вас от мира людей?

Вокруг углового столика устроилась компания Сов. Когда Юлия в коротком чёрно-жёлтом платье подошла к ним, то из-за стола немедленно встал Жюльен. Пренебрегая усмешками приятелей, галантный француз всегда поднимался, если к нему приближалась

дама.

Никки вспомнила: *«Джентльмен не должен садиться, пока леди или даже кошка стоит»*.

Невидимые динамики выплеснули мелодию горячей самбы. Почти никто не оторвался от столов и стен — это танец не для всех. Джерри, стоящий рядом с Никки, сделал вид, что первый раз слышит такую странную музыку.

Лишь Элиза в облаке рыжих волос и белом платье с длинным разрезом вышла на середину зала, держа за руку высокого Гэри-Дракона. В танце Элиза подчёркнуто нежно смотрела на Гэри. Они часто пролетали мимо Джерри, но рыжеволосая девушка ни разу не бросила взгляд в его сторону.

К удивлению всех, рядом появилась и вторая танцующая пара — миниатюрная Юлия в смелом наряде. С ней танцевал Жюльен — и очень неплохо! Саму Юлию было не узнать — её стройная фигура легко следовала сложному ритму, глаза сияли, а лицо уж никак нельзя было назвать сонным. Юлия излучала свободу и уверенность! Разительный контраст с той безнадежно-унылой девушкой, которая прошлой осенью перечисляла Джерри длинный список своих недостатков. Жюльен явно был под могучим воздействием Юлиного очарования и не сводил с неё глаз.

Когда танец закончился, Элиза с Гэри раскланялись и ушли с площадки, причём рыжеволосая красавица демонстративно игнорировала часть зала, где стояли Джерри и Никки. Зато Юлия, пригвоздив властным жестом Жюльена к полу, подбежала, крепко обняла Джерри за шею и поцеловала в обе щёки. И исчезла вместе с раскрасневшимся Жюльеном.

— Вот наглые совёнки пошли! — поразился Смит Джигич. — Ничего не боятся!

— Это было просто дружеское рукопожатие, — ухмыльнулся Джерри.

— Ничего себе дружеское! — Смит посмотрел на Никки в поисках поддержки, но та странно промолчала.

Вдруг девушка увидела — в их сторону направился Фростман.

— Джерри, исчезаю, иначе я за себя не отвечаю!

И тут же испарилась. Джерри вздохнул — ум и невозмутимость девушки-Маугли с трудом противостояли изощрённому коварству доктора Фростмана, владеющего жестоким умением воздействия на подсознание — психотехникой, отточенной человечеством за долгие века.

— А где мисс Гринвич? — обратился к Джерри психоаналитик, протолкавшийся через толпу студентов.

— Её здесь нет, — холодно ответил юноша.

— Сбежала?! — обрадовался доктор. — Отличный рефлекс!

— Может, вы у меня проверите рефлекс? — спросил ещё холоднее Джерри. — Вы ни разу меня не вызывали.

— Вас? — пренебрежительно удивился Фростман. — Зачем? Вы прозрачны и предсказуемы — неинтересный хрестоматийный случай. Впрочем, я издали слежу за вами: мне любопытно лишь — какой из двух классических вариантов разрешения вы выберете в грядущем кризисе вашего статуса.

В этой фразе было столько непонятного и насмешливого яда, что Джерри ошетинился. Кровь ударила ему в лицо.

Фростман внимательно проследил за реакцией юноши, удовлетворённо заулыбался и сказал:

— Передайте мисс Гринвич, что мы ещё не закончили наш спор. У меня есть для неё пара отличных аргументов!

Довольный собой доктор, хохоча во всё горло, шагнул к бару.

Но он не учёл, что Джерри, падая в пропасть, кое-что приобрёл.

Юноша просто взял и вытянул вперёд ногу. Доктор Фростман споткнулся, захлебнулся смехом и упал. Бокал в его руке выплеснул веер коньяка и хрупнул о каменную плиту. Студенты, стоящие неподалёку, ахнули.

К доктору немедленно подлетели кентаврики-официанты и захлопотали вокруг. Они убрали осколки, высушили лужу и помогли доктору подняться. Тот, вытирая салфеткой залитую коричневым жилетку, повернул свирепое лицо к юноше и прошипел:

— Неужели вы думаете, что сможете учиться в Колледже после такой выходки?

— Неужели вы столкнулись с непредсказуемостью? — Джерри растянул губы в гримасе улыбки.

— Нет, — сверкал глазами разозлённый доктор. — Вы вполне закономерно набрались нахальства у своей подружки.

— Значит, это и был тест на рефлексы? Вы самоотверженный исследователь... Учтите в своих расчётах, что я не люблю гиен, которые тревожат мёртвых родителей.

— Мы ещё обсудим этот инцидент и наши взаимоотношения! — угрожающе сказал доктор Фростман.

— Всегда к вашим услугам, сэр, — не испугался Джерри. — На шпагах или на тестах Роршаха — как будет угодно.

Он не чувствовал к Фростману никакого почтения. Смертельные враги не могут оцениваться в традиционных категориях «профессор-студент».

— И запомните, что если с Никки что-нибудь случится по вашей милости, я вас из-под земли достану! — тихим голосом сказал Джерри.

— Сопляк, вы смеете мне угрожать?!

— И не только он, — сказал Жюльен, вдруг появившийся рядом с Джерри. — Я тоже позабочусь, чтобы вы поплатились за свои фокусы. Мой дядя хорошо знает президента Всемирной лиги психологов. Полагаю, комиссия по этике скоро займётся вами и вашей лицензией практикующего психолога.

Профессор Фростман молча повернулся и ушёл.

— Спасибо, Жюльен, — сказал Джерри. Француз улыбнулся:

— Это долг каждого интеллигентного человека: увидел субъекта, сделавшего из своего разума дубину, — огрей его обычной!

Бал Выпускников подошёл к концу, и зазвучала музыка Последнего Танца, после которого, по традиции, пары не расстаются, а отправляются гулять в парк или лес. Правом преимущественного приглашения на Последний Танец обладали леди.

Услышав знакомую музыку, все студенты торопливо отошли от столов с закусками и стопились вокруг танцевальной площадки. Черноволосая девушка-Дракон, в длинных бордовых перчатках и коротком платье того же цвета, деловито подтянула перчатки и устремилась в давно намеченном направлении. Пара блондинок-Сов — Роми и Дебби восторженно и по-лебединому вытянули шеи — в поисках нужных кавалеров. Какой-то старшекурсник-Леопард, наоборот, пригнулся, как под обстрелом, и шмыгнул под стол — завязывать шнурки.

В общем, воцарилась короткая суматоха.

Никки без колебаний пригласила Джерри. Он без колебаний согласился и заулыбался во весь рот.

Тут случилось неожиданное: к профессору Эксмину с разных сторон подошли сразу две дамы — Элен Майсофт и Джоан Гуслик — и одновременно пригласили его на Последний Танец!

Находчивый Эксмин совсем растерялся.

Женщины ждали его ответа в молчании, которое никто не осмеливался разрядить какой-нибудь шуткой, и яркие ревнивые искры проскакивали в напряжённой атмосфере.

Остроумный профессор оказался в большом затруднении.

Но он не вызывает нашего сочувствия. Джентльмен не должен позволять себе быть одинаково обаятельным сразу с двумя леди.

Бал закончился, и Никки с Джерри отправились гулять в ночной парк. Широкая дорожка освещалась жёлтыми уютными фонарями, и по ней гурьбой шли, с визгом и

криками носились и приплясывали целые толпы студентов и выпускников. Шумные компании постепенно разбрелись по сторонам, дорожка опустела, и голоса отдалились.

Никки и Джерри молча шли по аллее, а вокруг стоял гул ночных сверчков. Сильно пахло жасмином.

Подошла группа студентов.

— Никки, Джерри! — закричали они. — Пошли на озеро купаться!

Девушка даже вздрогнула и отрицательно покачала головой.

— Мы просто погуляем, — поддержал Джерри.

— Что вы бродите, как два сыча! — загалдели ребята.

— Пошли, Мак там плот припрятал!

— Повеселимся!

— Нет, — коротко сказала Никки, не глядя на школьников.

— Загордилась совсем — сразу видно, что королева! — с осуждением сказал кто-то.

Никки вспыхнула и хотела резко ответить, но Джерри успокаивающе взял её за локоть и увёл от назойливой компании в боковую аллею.

Кусты впереди зашуршали, и из них выскочил растрёпанный профессор Экмин. В его тёмных волосах торчали какие-то сучки и листья. Не здороваясь, он промчался по дорожке и скрылся за поворотом.

Никки и Джерри прошли тёмную часть леса и сели на скамейку, ярко освещённую фонарём.

Девушка была непривычно молчалива и грустна. Джерри спросил:

— Что с тобой, Никки?

— Джерри, я поняла, что в проклятой взрослой жизни не найти ни одной ложки чистого мёда — здесь всё приправлено вонючим ядом. Взрослые несчастливы всегда. У них в принципе не бывает благополучных развязок и безоблачных решений. Выбор обычно идёт между «мучительно больно» и «смертельно стыдно».

— Ты стала пессимистом.

— Я оптимист, потому что надеюсь: боли в мире может быть меньше. Но за это надо платить кусками собственного убитого сердца.

— Ты говоришь ужасные вещи.

— Потому что я стала взрослой... — грустно сказала она. — Помнишь, Джерри, как мы хорошо гуляли в парке Лунного госпиталя? Какое беззаботное было время!

— Вскоре в том тихом месте тебя решили прикончить, — напомнил Джерри, но Никки будто не слышала.

— На кой чёрт сдались мне эти деньги! — непонятно на кого рассердилась она. — И какого дьявола я полезла в королевы!

Никки ударила крепким кулачком по стволу акации. Под корой дерева что-то изумлённо пискнуло, и с дрогнувшей кроны посыпались пушистые, нежно-розовые цветы.

— Никки, что с тобой происходит? Я ничего не понимаю!

— Ты должен увезти меня на какой-нибудь необитаемый остров... и побыстрее!

Девушка вскочила с места и отвернулась, глядя куда-то в серебристые ночные заросли.

Юноша тоже встал, обнял её за плечи и заглянул в лицо. И с изумлением увидел невероятные для Никки слёзы, которые ещё не проливались из синих глаз, но уже до краёв наполняли их.

— Ах, Джерри, как тяжело быть королевой! — сказала она сдавленным голосом.

— Я могу тебе помочь? — с участием спросил юноша.

— Нет... — Никки медленно покачала головой.

Джерри охватило сострадание к этой усталой девушке.

А Никки посмотрела на юношу блестящими тоскливыми глазами, и он увидел в них такое же сострадание.

Но обращённое уже к нему, к Джерри.

Глава 21

Удар в спину

Следующий день после бала был плотным и тяжёлым — спины не разогнуть.

Никки посмотрела на часы, встала из-за рабочего стола в своей колледжской комнате и не то застонала, не то зарычала, потягиваясь утомлённым телом. Сегодня у неё важная встреча с журналистом Тимоти. Ей некогда было ехать в Шрёдингер, в свой офис, поэтому они договорились встретиться в колледжском кафе «Звёздный жук», пустующем в каникулы.

Никки зашла в лифт и нажала кнопку нижнего этажа. Одна стена лифта была вся изрисована геномными штриховыми цепочками, которые гусеницами переползали с места на место, толкаясь и тихонько переругиваясь. Вторая стена, как обычно, посвящалась уравнениям, и сегодня был день тензорного анализа. Судя по символам Кристоффеля — с уклоном в риманову геометрию.

Тимоти уже ждал её за столиком возле бара, где по вечерам школьники пили сок и минеральную воду. Никки шла к журналисту и вспоминала факты из справки, которую подготовил ей Робби.

Тимоти был уволен с Первого Лунного канала телевидения почти два года назад — по требованию короля Дитбита, которому не понравился слишком независимый журналист, остро шутивший над принцем Дитбитом во время вступительного экзамена в Колледж. Уволенный комментатор организовал собственную крохотную телекомпанию — политические обзоры, интеллектуальные дискуссии, — но из-за отсутствия денег она выходит в эфир всего раз в месяц. Тимоти разведён, имеет двоих детей. Младший сын ещё школьник.

— Здравствуйте! — Никки села напротив журналиста. — Спасибо, что пришли.

— Не за что, — буркнул Тимоти без особых церемоний. — Зачем я вам понадобился?

Никки сказала прямо:

— Я хочу, чтобы вы возглавили новый медиаканал — телевизионный и сетевой.

— Ваш канал? — недоверчиво посмотрел Тимоти.

Никки отрицательно покачала головой:

— Ваш.

— У меня нет канала, — нахмурился журналист.

— Вот я и хочу, чтобы вы организовали новый канал и возглавили его.

— Ничего не понимаю, — сказал Тимоти. — Канал стоит пять миллионов в год. Студийная работа — ещё несколько миллионов. У меня нет таких денег.

— Я дам вам денег на такой канал.

— Интересное предложение, — откинулся на спинку стула Тимоти. — Но почему вы называете такой канал моим? Он же будет вашим!

— Нет, я хочу, чтобы вы были независимым журналистом. Это будет ваш канал, а не мой.

Тут-то журналист и растерялся. Возникла пауза.

— Что вы хотите от нового канала? Рекламу вашей молодой династии?

— Какая же это будет независимость! — рассмеялась Никки. — Нет, мне хотелось бы, чтобы ваш канал просто был интеллигентным, пропагандировал моральные ценности в политике и в жизни, показывал научно-популярные программы и концерты. Рекламы — ноль. Вообще никакой: ни династий, ни пылесосов, ни эйфоринов. Аналитические обзоры? — очень хорошо. Интеллектуальные круглые столы? — замечательно. Я смотрела планы вашей студии — они мне нравятся. Я бы посоветовала их расширить, уделив больше внимания детям и подросткам. Но это лишь мой совет.

Тимоти сохранял недоверчивое выражение лица.

— Может, вы хотите скрытой, «серой» рекламы — положительных мнений в обзорах, позитивного имиджа вашей династии в новостях?

— Нет.

Тимоти заёрзал. Всё это плохо укладывалось в его голове.

— Какие-то сладкие сказки для младшего возраста... А я уже вышел из него! Какая может быть независимость, если вы платите за студию? Завтра в дискуссии я скажу что-нибудь не то про вашу династию, и вы закроете кран!

— Сколько вам осталось до пенсии? — спросила Никки.

— Лет двадцать я ещё продержусь, — проворчал Тимоти.

Никки достала чековую книжку, выписала радужный чек и протянула его Тимоти.

— Здесь сто пятьдесят миллионов долларов. Положите их в банк и будете получать около десяти миллионов каждый год в качестве процентов. Эта сумма обеспечит вам полную независимость до конца вашей карьеры.

Тимоти, не веря своим глазам, взял чек и стал его поражённо рассматривать.

— Я не понимаю, зачем вам это нужно — для вас это же просто выброшенные на ветер деньги! — вскричал он.

— Неправильно, — качнула головой Никки. — Умный и честный мир лучше подходит для бизнеса. Хотя бы тем, что просуществует дольше. Так что это вполне деловое решение.

Журналист не находил слов.

— Всё, что я прошу: сделайте наш мир справедливей! — сказала Никки. — Если вы обнаружите что-то неправильное в моей династии — смело бейте. Я верю в вашу объективность. Кстати, не думайте, что ваш новый канал — единственный такой проект. Я владею книгоиздательской компанией, и сейчас её типография расширяется для массового выпуска почти бесплатных детских книг — умных и просвещающих. Литература до сих пор самый эффективный способ развития интеллекта.

— Зачем вам это? — опять не удержал недоуменного вопроса журналист Тимоти.

— Мне нужно много, *очень много* умных людей, для которых я — друг, — спокойно ответила Никки. — С такими союзниками моя династия будет в сто раз сильнее, чем сейчас. Интеллект — самый ценный продукт человеческой цивилизации, и я собираюсь целенаправленно и упорно его выращивать. Кто получит от меня сегодня бесплатные умные книги, дешёвый компьютер с обучающими программами, интеллигентные медиапередачи, грант на обучение в Колледже — тот завтра добровольно придёт в мою династию. Вместе мы станем непобедимы и сможем изменить будущее нашей цивилизации к лучшему.

Девушке уже нужно было идти на видеоконференцию со Спейс Сервис, и она сказала, завершая разговор:

— Если будут вопросы или проблемы — звоните.

Пожимая Никки руку, Тимоти замаялся:

— Извините, я был грубоват с вами, тогда... на экзамене.

— Я не обидчива.

— А вы не передумаете, не пожалеете денег?

— А вы не испугаетесь сильных мира сего? — в ответ спросила Никки.

— Ха! — ликующим голосом сказал Тимоти, повернулся и почти бегом устремился к выходу.

Никки задумчиво посмотрела вслед журналисту, а потом решила, что успеет заказать и выпить манговый сок.

Тимоти оказался парень не промах! Когда его независимый телеканал открылся, не скрывая того, что финансируется на деньги королевы Николь, то нашлось немало шутников по поводу его «независимости».

Тогда журналист, объясняя факт своей свободы — несмотря на финансируемость от династии Гринвич, — прокрутил дословную фонозапись, которую он успел сделать во время разговора с Никки в «Звёздном жуке».

— Я буду пристально и строго следить за деятельностью этой династии — именно из-за своей симпатии к ней. А вы, зрители, можете сказать спасибо королеве Никки — благодаря ей вы имеете возможность смотреть первый в мире по-настоящему честный и

независимый медиаканал! И без всякой рекламы!!!

Бескорыстные королевы Николь Гринвич произвело сильное впечатление на зрителей. Рейтинги показали, что в результате её династия получила яркую рекламу и отличный имидж-импульс.

Эта девица оказалась не промах! Знала ли она, что журналисты всегда носят т-фон включённым для записи?

Никки быстро шла по коридору к своему кабинету, где Совет директоров должен был собраться для обсуждения условий лицензирования ГравиКуба.

У неё было отличное настроение, хотя последние дни не радовали хорошими новостями. На прошлой неделе её снова обругали в жёлтой газетёнке. А вчера Голос Пространства выдал странное сообщение:

«Я антрополог, которому ты разрешила звать себя „Никки“. Сейчас не только ты опасна, но и твоя организация. Берегись».

Больше Голос ничего не захотел добавить. Письмо явно послано принцем Арнольдом, но откуда Голос его знает? Может, это Арнольд является Голосом — он же говорил ей когда-то, что следит за ней? Но ведь Робби утверждает, что Голос — не человек... Таинственность вокруг Голоса густа, но его тревожное сообщение вполне прозрачно.

Несмотря на признаки грозовых туч, Никки не теряла бодрого настроения; она шла и с гордостью обозревала бурно функционирующий исследовательский центр, созданный ею вместе с друзьями.

Оба этажа Гринвич-Центра в Шрёдингере к середине июля оказались набитыми до отказа. Часть кабинетов занимала следственная группа во главе с детективом Чарльзом Спенсером. Рядом размещались бухгалтера и финансовые менеджеры — управлять огромным состоянием непросто! — а также юристы во главе с адвокатом Дименсом. Половину этажа забрали себе профессор Лвин и учёные, работающие над ГравиКубом. Сектор кибернетики, который вёл Джерри, и отдел математики под руководством Хао напряжённо и в строгом секрете трудились над компьютерной прогностической моделью на основе теории Михаэля Уолкера. Остальные офисы занял сектор генетики и биологии, за которым присматривала Дзинтара и где разрабатывался план тесного сотрудничества геноцентров Северных династий.

«Моя династия будет специализироваться на добывании научной информации, на производстве знания, — размышляла Никки. — В современном мире недостаточно добыть знание, нужно уметь его эффективно использовать. Технологии должны грамотно встраиваться в цивилизационную структуру, не разрушая её. Мы должны планировать использование открытия и разрабатывать для него этико-юридическую среду. Уравнения Джерриного отца помогут нам рассчитать последствия появления в обществе любого новшества. Мы будем выбирать безопасный вариант внедрения научного или технического открытия и продавать новое знание вместе с „упаковкой“ — пакетом рекомендаций по его оптимальному использованию... Это будет самый интеллектуальный, прибыльный и честный бизнес в мире!...» — думала наивная Маугли.

В это же самое время, совсем недалеко от Шрёдингера, во главе длинного стола восседал человек с нервным тиком. Угрюмым взглядом он обвёл два ряда напряжённых лиц. Все места за столом были заняты. С левой стороны сидели трое невзрачных мужчин, которые чувствовали себя не в своей тарелке. Они явно предпочитали привычный круглый стол.

— Сегодняшняя операция взята под контроль *сверху*. Прошлые провалы дискредитировали наши группы... Нам даётся последний шанс... — угрожающе сказал человек с тиком.

Трое невзрачных заёрзали, глядя прямо перед собой.

— Операция разработана совместно группами «Маугли» и «Наследник»... —

проскрежетал председательствующий и дёрнул губой, обнажив в судорожной улыбке желтоватые зубы.

Такой улыбкой только птиц на лету морозить.

— Задачей операции «Тостер» является нейтрализация не только двух главных объектов, но и всей враждебной структуры. Любой ценой! — повысил голос человек во главе стола.

Враги тоже высоко оценили исследовательский центр, созданный Никки и её друзьями.

— Приказываю занять отведённые позиции, — властно сказал человек с тиком. — После включения «тостера» и вскрытия купола вы должны прибыть на место событий первыми и зачистить территорию под видом спасателей. Всем ясно?

Все энергично кивнули, и через двадцать секунд комната опустела.

Лишь человек с тиком, мучительно кривясь, жутко улыбался в спину уходящим.

Бодро шагающая Никки не дошла до кабинета несколько метров, как вдруг споткнулась на ровном месте, застыла и повернулась к стене.

— Что за ней, Робби?

— Почтовая комната. ЭТО мне тоже не нравится!

— Кто-нибудь есть внутри?

— Только коробки неразобранной почты и доставленного оборудования.

Никки молнией рванулась по коридору, крича:

— Срочная эвакуация! Вызывай...

Её голос утонул в могучей аварийной сирене и громогласии электронного голоса:

— Срочная эвакуация! Всем немедленно покинуть здание! Пожарная тревога!

Навстречу Никки из кабинета уже выбежал Джерри, таща за руку Артемиду. За ними спешил и Феб. Они вчетвером устремились к лестнице. Лифтам Никки не доверяла с времён пребывания в Лунном госпитале, а уж в аварийных ситуациях...

— А мы пришли... чтобы посмотреть, чем вы здесь занимаетесь... — на бегу поясняла запыхавшаяся Артемиды, — ...может, вам помощники нужны?

— Всё равно... в каникулы... делать... нечего! — бодро проговорил Феб, расценивший срочную эвакуацию как уместное время для демонстрации великолепных прыжков через семь-восемь лестничных ступенек. — А у вас тут весело!

Ледниковый период взаимоотношений Феба и Дзинтары был в самом разгаре, и Феб явно искал отвлекающее занятие.

Из главных дверей выскакивали люди и останавливались на площади, оборачиваясь на здание. В уже скопившейся толпе бродил ропот:

— Ничего не горит!

— Какой-то болван устроил учебную тревогу!

— Копчёный Дракон, я только сел закусить!

Выйдя из здания вместе с взволнованными сотрудниками, Никки остановилась возле высокого плотного мужчины в полицейской форме, с сердитым лицом стоящего у входа и наблюдающего эвакуацию. Джерри держался рядом с девушкой, настороженно оглядываясь по сторонам.

— Лейтенант Мобельсон, это я объявила тревогу.

— Вы?! На кой чёрт?! На моём пульте не было ни одного тревожного сигнала! — хмуро сказал начальник полицейского участка Шрёдингера, прибежавший на звук сирены из соседнего административного здания.

— В почтовой комнате четвёртого этажа находится подозрительное устройство огромной энергоёмкости. Я засекла его детекторами своего компьютера...

Лицо полицейского сразу приняло озабоченное выражение. Он быстро раскрыл служебный коммуникатор, вызвал на него картинку с камеры почтового отсека и насупился, увидев безлюдное помещение с штабелями коробок.

— Ничего взрывчатого и радиоактивного здесь быть не может — мои детекторы

унюхают любую химическую бомбу или нюк-устройство! Жареную курицу мимо голодной собаки невозможно пронести незаметно.

Никки, переговариваясь с Робби, воскликнула:

— Там что-то электромагнитное! Почтовая комната потребляет сейчас больше электричества, чем всё остальное здание.

Полицейский изменился в лице:

— О, боги! Неужели сверхпроводящая бомба?

Перед лейтенантом появился его заместитель — бравый юный сержант — и с улыбкой на лице отрапортовал об успешном окончании эвакуации. Начальник безопасности растерянно оглянулся на толпу, плотно стоящую на площади перед самым зданием, и заорал на довольного собой сержанта:

— Всех за периметр площади! Вызывай подмогу! Оцепить район! В здании бомба!

Тут суматоха началась всерьёз.

Мобельсон, пятясь вместе с Никки и Джерри от здания, отдал команду системе безопасности, и почтовая комната мгновенно заполнилась быстротвердеющей пеной. Оглядываясь на редкую цепь полицейских и работников секьюрити, медленно теснящую с площади толпу служащих и возбуждённых зевак из соседних домов, Мобельсон с тревогой воскликнул:

— Сверхбомбу надо отключить, она с каждой минутой становится всё сильнее! Она пробьёт купол!

Полицейские вытеснили людей с площади, но убрать их с примыкающих улиц им не удавалось — любопытствующие подходили из соседних кварталов, и толпа в переулках только густела.

Мобельсон подумал, решился и отдал приказание системе безопасности обесточить здание. Свет в здании в следующую секунду погас, и на площади наступил полумрак. Но на очень короткое время.

В следующее мгновение стена здания треснула в нескольких местах.

Брызнул яркий синий свет, и трещины с грохотом раскрылись, выпустив многометровый огненный бутон с тёмными лепестками стен и перекрытий.

Обломки плит и блоков веером полетели от места взрыва. Крупный кусок стены понёсся прямо на Мобельсона и стоящих рядом с ним ребят. Полицейский оцепенел от зрелища полутонного осколка, который через секунду превратит его — полнокровного весёлого человека — в безжизненный фарш с костями и обрывками одежды.

Могучая сила сковала его руку, пребольно вывихнула её, выдернув Мобельсона из смертельного пространства. Это произошло так быстро, что в воздухе остались медленно падать полицейская фуражка и коммуникатор.

Кусок стены с рёвом промчался мимо, шаркнул о землю, отскочил и врезался в толпу на краю площади.

Раздались крики и стоны.

Другие обломки попали в соседние дома, разбивая прочные стёкла, а один устремился вверх и с силой ударил во внешний купол Шрёдингера. Купол издал протяжный низкий гул, но выдержал.

— Боги мои! — растерянно сказал полицейский, в жизни не видевший ничего подобного. Он сделал неловкое движение, схватился за вывихнутую руку и застонал.

— Извините, мистер Мобельсон, повреждения руки избежать было нельзя... — виновато сказал тонкий взволнованный голос рядом с полицейским. Лейтенант непонимающе посмотрел сначала на Никки, потом на сбитого с ног той же могучей силой и лежащего неподалёку Джерри с кровавыми ссадинами на локтях. Переведя взгляд на валяющиеся под ногами расплюснутый коммуникатор и клочья фуражки, полицейский вздрогнул, с трудом сфокусировал глаза на Никки и сказал ошеломлённо:

— Это вы? Спасли мне жизнь?

Система безопасности здания уже заливала пожар, и из тёмного провала, зияющего в

стене семиэтажного здания, валил густой белый пар или дым. На площадь влетели две машины скорой помощи — все, какие были в наличии в Шрёдингере.

Полицейские быстро пришли в себя и стянулись к месту падения основного куска стены. Мобельсон, придерживая больную руку, поспешил к эпицентру трагедии. Несколько медиков и полицейских подняли окровавленный обломок плиты и отнесли в сторону. На земле лежали пять тел, раздавленных и изуродованных так, что никакая медицина им, очевидно, уже помочь не могла.

Мобельсон осмотрел тела, потом перевёл налитые кровью глаза на стоящую рядом с ним потрясённую Никки и хрипло сказал:

— Трое жильцов из соседних домов... решили поглядеть на пожар... и двое моих полицейских — Кристенсен и Иванов...

Медики спешно разбирали по машинам и носилкам самых тяжёлых раненых. Но на мостовой оставались ещё десятки стонущих людей, задетых разлетевшимися осколками пластоарматуры и обломками бетона.

— У нас больше нет «скорых»! Мы вызвали помощь из Луна-Сити! — крикнул полицейскому доктор с ближайшей машины.

Мобельсон, держась за повреждённую руку — на неё медиков ещё не хватило, — сказал Никки сквозь сжатые от боли зубы:

— Вы спасли не только меня, но и весь город. Ещё немного — и бомба наелась бы так, что взрыв разрушил бы купол...

Вдруг Никки вскрикнула и бросилась в сторону. Джерри, не рассуждая, устремился за ней — и увидел Артемиду.

Она сидела на земле и держала голову Феба на коленях.

Лицо девушки ужасало — его левая часть была разодрана и залита кровью. Крупные клочья кожи с длинными волосами свисали до щеки. Но Артемида, не обращая внимания на своё состояние, обеими руками сжимала бицепс брата.

Правая рука Феба была оторвана между локтем и плечом.

Раненая девушка изо всех сил пыталась остановить бьющую из артерий кровь брата и монотонно бормотала:

— Дзинтара... он умирает... скорей, Дзинтара... Феб умирает... Дзинтара... скорей...

В свете аварийных фонарей лицо Феба с закрытыми глазами светилось мраморно-белым. Никки и Джерри подбежали, упали на колени и подставили ладони под ускользающую жизнь Феба, человека-бога.

А над куполом Шрёдингера, полыхая яростными дюзами, на предельной перегрузке действительно промчался крейсер Дзинтары.

Ранним утром следующего дня бравый сержант шагал рядом с Никки по коридору муниципального здания Шрёдингера. Они шли в полицейский отдел, располагающийся на втором этаже мэрии.

В комнате, куда сержант привёл Никки, сидели лейтенант Мобельсон и трое незнакомых следователей из Луна-Сити. Краснолицый здоровяк и худой с залысинами мужчина были в серых мундирах. Мягкий округлый человек в толстых очках носил костюм в коричневую ёлочку и что-то отмечал в блокноте, лежащем на углу стола, заставленного пепельницами и стаканчиками с кофе. Усталые, плохо выбритые люди явно провели здесь бессонную ночь.

Полицейские вчетвером сидели за столом, и в окне за их спинами виднелось ярко освещённое аварийными прожекторами здание с чёрным, дымящимся провалом.

Словно сахарный торт, надкушенный зверем с грязной пастью.

Лица следователей одинаково хмурились. Взрыв в Шрёдингере всколыхнул весь Лунный Полицейский Корпус. За несколько часов были проверены пункты отправки каждой посылки из почтовой комнаты. Подозрение пало на коробку с обычной компьютерной типографией, отправленной из Кратера Риччи в Гринвич-Центр через Луна-Сити. Внимание

привлекло то, что коробка при отправке из Луна-Сити оказалась на шесть граммов легче, чем при прибытии. Видимо, преступникам удалось заменить содержимое посылки на сверхпроводящую бомбу уже после проверки коробок на почтамте Луна-Сити. Такая бомба для более простых сканеров безопасности Шрёдингера ничем не отличалась от обычного оборудования — в ней не было никакой взрывчатки, лишь электроника и мощный сверхпроводящий контур. По прибытии в почтовую комнату бомба сама подсоединилась к сети высокого напряжения и начала заливать в себя энергию.

Обычно хватало суток, чтобы сверхпроводящее кольцо накачалось под завязку бешеным потоком электронов. Потом контур автоматически разрывался, переходя в обычное, несверхпроводящее состояние, и запасённая электромагнитная энергия свирепо вырывалась наружу, превращая сам контур, бомбу и всё окружающее в плазменный шар. Бомба, взорвавшаяся вчера на Мун-Плазе, не смогла зарядиться до конца и иницировалась, когда её процессор обнаружил, что питающая электрическая сеть обесточена.

Никки быстро разобралась, что главный среди следователей — худой, с залысинами, офицер. Человек в штатском был экспертом по бомбам, а краснолицый здоровяк — просто грубияном.

— Я не могу понять, — говорил он угрожающим голосом, — как, проходя по коридору, вы узнали, что за стеной растёт бомба? Может, вы давно знали, что она там лежит? Может, вы её сами заказали для каких-то целей и просто не справились с управлением?

Лейтенант Мобельсон был бесхитростным служакой в тихом городке, и такая агрессивная и оскорбительная манера допроса Никки, спасшей ему жизнь — и не только ему! — его корбила, но он получил от столичных ребят категорический приказ не открывать рта, пока его не спросят. «Сидеть и помалкивать! Проворонили бомбу, а теперь нам расхлёбывать вашу кашу. И эту девицу нечего защищать — пусть сама доказывает, что она тут ни при чём!»

Это было несправедливо, но Мобельсон понимал, что спор не поможет.

Никки слышала про древнюю допросную методику «плохой-хороший полицейский» и спокойно сказала:

— У вас с собой два пистолета — «беретта» в кобуре и «карсон» в правом кармане брюк.

Краснолицый следователь замер.

— У вас был перелом голени и трещина третьего ребра. Кроме т-фона, у вас ещё есть видеозаписывающий браслет на левой руке и электрошоковый перстень на правой... и сегодня вы не успели поесть.

Грубиян вытаращил глаза и даже побурел.

— Сквозь стены я тоже могу многое заметить. К нам по коридору идёт человек с подносом. Слабо вооружён — всего один «глок» в кобуре. Сейчас у вас будет завтрак, господа...

Дверь отворилась, и вошёл давешний улыбчивый сержант с подносом, заполненным сэндвичами и аппетитно пахнущими коробочками.

— Китайская мясная лапша с грибами, сэр! — бодро отрапортовал он Мобельсону. На щеке сержанта красовался длинный заживляющий пластырь телесного цвета.

— Прочь! — зарычал лейтенант. Сержант растерянно захлопал глазами и исчез за дверью. Лица у присутствующих вытянулись.

— По-моему, стоит позавтракать, — улыбаясь, сказала Никки, — день длинный, а сытые люди легче понимают друг друга.

Этим она завоевала симпатию голодных следователей. Но только не обескураженного грубияна. После завтрака тот стал ещё агрессивнее:

— Если вы всё видите сквозь стены, то почему не заметили эту бомбу раньше? Вы специально ждали, чтобы она накопила энергию и сделала переполох? Может, этот взрыв вы устроили сами? Очередной смертельный трюк для саморекламы?

Никки перестала смотреть на краснолицего и реагировать на его вопросы и отвечала

только другим полицейским.

Тогда в игру вступил «добрый» главный следователь.

— Мисс Гринвич, я прекрасно понимаю, что вы — не преступник, а вероятный объект покушения. Извините резкость моего коллеги — он не спал всю ночь, как и мы. Расследование убийства наших коллег и ни в чём не повинных жителей Шрёдингера стало для нас личным делом, вопросом профессиональной чести. Я прошу вас помочь следствию.

— А у меня сложилось впечатление, что вы не просите о помощи, а беспрерывно мне хамите и пытаетесь запугать.

Краснолицый следователь зарычал, но был остановлен движением руки главного.

— Я уже извинился, — сказал нетерпеливо полицейский с залысинами. — А теперь прошу вас помочь. Предоставьте нам список людей, знавших о покупке и доставке типографии. Также я хочу получить от вас максимум информации о ваших сотрудниках — всё, что не вошло в обычное полицейское досье: их разговоры в офисе, случайные реплики, круг знакомых...

— Что за марсианский бред! — воскликнула Никки. — При чём тут сотрудники Центра? Зачем их допрашивать и проверять? Взрыв устроили мои старые, внешние враги. Они внедрили своего человека на почтамт и подменили посылку, адресованную Гринвич-Центру!

— Я уверяю вас, — с профессиональным выражением бесконечного терпения сказал худой следователь, — почтамтом занимаются — и всерьёз. Там работает другая группа. Но есть общий порядок, требующий от нас проверить все следы. Вы должны помочь нам в расследовании в вашем Центре.

Никки потеряла интерес к разговору и повернулась к эксперту в штатском:

— Могу я задать вам пару вопросов?

Тот посмотрел на главного. Полицейский неохотно кивнул.

— Сколько в мире производителей сверхпроводящих бомб? — спросила Никки. — И как легко достать такие бомбы?

— Их делают всего восемнадцать компаний. Это оружие вне свободной продажи, и его производство находится под исключительно жёстким контролем комитета ООН по вооружениям.

— Почему?

— Именно из-за плохой обнаруживаемости сверхбомб обычными контрольными системами.

— Можете ли вы установить, какому из производителей принадлежала бомба? Я слышала, что происхождение химических или ядерных бомб установить легко.

— К сожалению, сверхпроводящие бомбы отличаются от других, — улыбнулся наивности собеседника эксперт. — Они состоят из обычных материалов, происхождение которых невозможно отследить.

— Хотя что-нибудь вы можете сказать о взорвавшемся устройстве? — настаивала Никки.

Эксперт посмотрел на главного. Тот недовольно молчал.

— Мощность бомбы велика, и мы можем сократить число типов бомбы и потенциальных производителей до одиннадцати.

— Хватит пустых разговоров! — закричал краснолицый.

Никки не обратила на него внимания.

— Сверхпроводящие бомбы отличаются друг от друга?

— Конечно, — усмехнулся эксперт, — но только в целом состоянии. Взорвавшиеся накопители практически теряют индивидуальные различия.

— Вам поможет, если я укажу на производителя бомбы? — спросила Никки уже у главного следователя. Тот мгновенно подобрался:

— Это была бы ценнейшая информация, но разве вы знаете, кто подменил посылку?

— Нет, не знаю, — сказала Никки, — но если вы привезёте мне все одиннадцать типов

сверхпроводящих накопителей и дадите эксперта, который зарядил бы их, то я укажу, какая бомба лежала в почтовой комнате.

— Привезти вам одиннадцать бомб?! — взревел краснолицый. — Да ещё зарядить их?! Нашли простаков!

— Либо вы соглашаетесь на моё предложение, либо на следующий допрос я приду со своим адвокатом. Тогда вам придётся попотеть, чтобы он разрешил мне сказать, как меня зовут.

— Мы знаем, как вас зовут! — вмешался грубиян.

— Но ведь вы это узнали не от меня? — улыбнулась ему Никки.

— Я не понимаю... — зарычал краснолицый.

— Вижу, но ничем помочь не могу, — перебила его Маугли. — Попробуйте помолчать и сосредоточиться.

— Как вы опознаете тип бомбы? — сердито спросил худой.

— Непробиваемых стен нет, — туманно сказала Никки. — Это физический факт.

— Хватит отговорок! — закричал красномордый. — Отвечайте на наши вопросы! Кому понадобилась типография? Кто знал о посылке? Скольких людей в своём Центре вы знаете лично? Как давно?

Грубиян сыпал вопросами, но получал в ответ лишь молчание. Никки с минуту заинтересованно рассматривала следователя, брызгающего слюной, потом решительно встала из-за стола.

— До свидания, джентльмены.

Потом посмотрела на хмурого начальника группы.

— В следующий раз приходите без болванов с пистолетами, а то разговора вообще не получится...

И ушла, не собираясь терпеть пустую болтовню.

Когда дверь за девушкой закрылась, Мобельсон не сдержал ехидной улыбки:

— Какие трудные дети в этом Колледже! Я ещё не видел, чтобы девочка-тинейджер так издевалась над группой взрослых, хорошо вооружённых мужчин...

Краснолицый грубиян заскрежетал зубами.

Взрыв в Шрёдингере стал мировой сенсацией. Политики и журналисты беспрерывно обсуждали теракт и смерть пятерых людей.

— Жёстко наказать тех, кто из-за моральной и умственной деградации прибегает к террористическим актам...

— Нужно искоренить желание политических лузеров решать свои проблемы с помощью бомб!

— Этот взрыв — результат неправильных приоритетов политики Президента Луны мистера Хо!

— Бомба — последний аргумент импотента!

Гринвич-Центр был закрыт на ремонт, а тиковый кабинет Никки сгорел дотла. В плазменной волне, вырвавшейся из сверхбомбы, бесследно испарился и тёмно-рыжий Несгибаемый Пёс.

Нельзя скорбеть об игрушке на фоне общей трагедии, и Никки отнеслась к потере Пса стоически:

— Пёс многому меня научил и остаётся моим символом несгибаемости. А символ нельзя уничтожить. Несгибаемые тоже умирают, но даже своей гордой смертью они торжествуют над врагом. Ведь они — несгибаемые.

Но всё-таки Никки остро почувствовала, что с гибелью Пса порвалась окончательная связь с детством. Несгибаемый Пёс, сгорая, успел предупредить: детские игры кончились.

Началась взрослая война.

«Детство слеplено из надежд, взрослая жизнь склеена из потерь. Готовься...» — горько подумала Никки.

Династия Гринвич оказала финансовую помощь семьям погибшего полицейского Кристенсена и трёх жителей Шрёдингера — в размере от четырёх до десяти миллионов. Полицейский Иванов оказался совершенно одиноким человеком. Его похоронили за счёт династии, установив на мраморном памятнике бронзовый барельеф с надписью «Погиб при исполнении долга, спасая людей».

Никки поставила фотографию полицейского Иванова в своей комнате и сказала Джерри:

- Это солдат, погибший на моей войне.
- Не ты её объявила, Никки, — ответил Джерри.
- Но я её веду...

Королева Николь объявила крупную награду за информацию, которая приведёт к поимке организатора взрыва. Династия Шихиных удвоила сумму вознаграждения, пообещав премию и полицейским, которым удастся арестовать преступника.

Через четыре дня Никки доставили десять образцов бомб. Эксперт в коричневом костюме сам приехал с образцами и сказал, что одиннадцатый тип бомбы совершенно секретен. Правительство, выпускающее эти бомбы, уверяет, что они не могли попасть в чужие руки.

— Но я, в свою очередь, уверяю вас, — сердито сказал толстенький эксперт, — если вы не найдёте искомое среди данного десятка, то я выбью из этих бюрократов последний образец, пусть он будет хоть сверхсекретный! — и он погрозил кому-то пухлым кулачком.

Никки внимательно прошла вдоль ряда совершенно одинаковых коробок, выставленных в конференц-зале, сразу велела унести четыре — не то! — и попросила подключить остальные бомбы к сети.

Эксперт осторожно выполнил просьбу.

Никки забраковала ещё три бомбы, потом, после раздумий — ещё одну. Осталось две, которые она попросила зарядить до нужного уровня.

С последними двумя устройствами она провозилась больше суток. По её просьбе бомбы перенесли в почтовую комнату, а она всё ходила и ходила мимо них по коридору, заставляя эксперта двигать коробки с места на место. Наконец она решительно указала на один из ящиков:

— Он!

Усталый эксперт облегчённо вздохнул:

— Хорошая новость. Если вы правы, то преступник у нас в руках...

— Кто? — спросила Никки.

— Извините, без разрешения начальства не могу вам сказать, — покачал головой эксперт. — Но теперь осталось самое трудное — доказать, что вы правильно определили эту бомбу. Как вы понимаете, суд не примет никакие наши заверения без доказательств. О! Вы даже не представляете, как сложно добыть доказательства, которые бы устроили судей. Какие это несговорчивые люди! Какие несговорчивые! — Эксперт явно вошёл во вкус любимой темы. — Им должны быть предъявлены высоконаучные доводы, с которыми могли бы согласиться все другие эксперты. Как мы с вами будем доказывать, что именно данная бомба лежала в почтовой комнате?

— Робби? — спросила Никки.

— Уже несут, — сказал тот.

В зал вошла секретарь Никки, улыбнулась ей и отдала три толстых папки, покосившись на полицейского эксперта.

Девушка передала две папки эксперту и сама открыла третью.

— Что это? — спросил полицейский.

— Доказательства, — коротко сказала Никки.

Очкарик всмотрелся в графики, фотографии и рентгенограммы. Внимательно полистал объёмистую папку и с восторгом поднял глаза на Никки:

— Это же рапорт на уровне хорошей судебной экспертизы! — воскликнул он, сияя как ребёнок, получивший к рождеству новенький электронный микроскоп.

Никки равнодушно пожала плечами и сказала, выходя из зала:

— Не забудьте забрать эту заряженную гадость.

На следующий день позвонил офицер Горбин и сказал, что производителем бомбы оказалась небольшая компания династии Дитбита. С учётом других обстоятельств вероятность виновности Дитбита превысила девяносто девять и девять десятых процента.

Впрочем, Никки и не сомневалась в том, кто стоит за взрывом Гринвич-Центра.

— Это секретная информация. Мы сообщаем её вам, чтобы вы не искали хозяина бомбы сами. Вы можете его этим предупредить. Пока Дитбит уверен, что взрыв уничтожил все улики и следы к его династии. Это очень важно для эффективного ареста.

— Не выскользнет ли Дитбит с помощью своих денег и связей? — спросила Никки, переважив новости.

— Нет, — Горбин был категоричен. — Полицейский корпус озлоблен до предела. Преступник находится на территории Лунной республики и под её юрисдикцией. Его ничто не спасёт. Король Дитбит обречён.

Никки позвонила Дзинтаре. Рядом с принцессой она увидела бледного, но улыбающегося Феба. Рукав его просторной одежды висел пустым, но лицо было счастливым. Дзинтара влюблённо смотрела на Феба:

— Я так рада, что этот небожитель обратил внимание на меня, простую земную принцессу...

— Ничего необычного, боги даже похищали земных красавиц... — важно сказал Феб с довольной физиономией.

— Конечно, ему нужно побыстрее вернуть руку — её уже готовят к пересадке... А то как он, однорукий, будет удерживать похищенную добычу?

— Маловерка! — загремел Феб. — Да я тебя одной левой могу держать на весу сколько угодно! — и он немедленно обхватил и поднял испуганно ойкнувшую Дзинтару.

— Отпусти немедленно! — свирепо заругалась принцесса. — Тебе нельзя напрягаться!

Никки поняла, что она тут лишняя, и побыстрее попрощалась.

Феб и Артемида жили в замке у Дзинтары под наблюдением её личного врача уже вторую неделю, и если Феб быстро приходил в себя, то Артемида продолжала оставаться в ужасном душевном состоянии. Часть лица и головы у неё были спрятаны под заживляющую маску телесного цвета. Но не свои раны мучили её. Артемида винила себя за искалеченного брата — младшего, как она привыкла считать, ведь он родился на полчаса позже её! Она жестоко ругала себя за то, что из-за дурацкого любопытства не ушла с площади, когда была такая возможность. Девушка корила себя и за то, что Феб пострадал, загоразживая её саму от обломков. Шок от ранения брата и собственной травмы был настолько силён, что девушка потеряла свою обычную жизненную энергию и превратилась в робота, испуганно и послушно выполняющего всё, что просили окружающие.

Расстроенная Дзинтара позвонила Хао, и он сразу прилетел в замок.

— Здравствуй, Хао... — еле слышно сказала Артемида, увидев его.

— Привет, Арти... — ласково кивнул Хао и потянул её гулять в парк Шихиных.

Дзинтара тяжело вздохнула, глядя им вслед.

Они вернулись во дворец только к вечеру, и Дзинтара с восторгом увидела, что Артемида разительным образом изменилась — она даже стала слабо, но улыбаться!

— Как тебе удалось вытащить её из такого убитого состояния? — украдкой спросила Дзинтара у Хао.

— Мы пили зелёный чай на лугу среди цветов, — ответил Хао, — и я читал ей свои стихи...

— И только? — не понимала Дзинтара.

— Она тонула в ядовитом одиночестве, — помолчав, сказал Хао. — Я сумел разделить

его.

Через две недели Хао улетел к родителям на Землю прямо из замка Дзинтары. В бостонский космопорт Логан его доставил не рейсовый шаттл, а личный катер короля Шихина.

Вечерний город раскалялся всё сильнее. Стоящий возле окна человек обернулся на звук открываемой двери.

— Отец! Я пришёл попрощаться с тобой — я возвращаюсь в Колледж. Я не могу больше оставаться дома.

На лице младшего Дитбита пунцовели пятна волнения.

— Ты глуп и труслив. Но я тебя всё равно люблю, — холодно сказал Дитбит-старший.

— Этого мало. — Голос сына срывался. — Если ты хочешь видеть меня наследником, ты должен считаться с моим мнением. Ты же держишь меня за несмышлёныша. Посмотри, что ты наделал!

Лицо отца вдруг постарело:

— Не уходи.

— Не могу, отец. Пять человек убито. А могли погибнуть сотни...

И дверь за младшим Дитбитом аккуратно затворилась.

Старший Дитбит зарычал и яростно ударил в окно кулаком.

Городские огни резали глаза, и правый висок всё сильнее наливался болью. Некоронованный император Южных впервые почувствовал испепеляющую ненависть к этой выскочке-королеве.

Борьба с космической Маугли превратилась из служебного дела в личное. Он сам убьёт эту девчонку, которая разрушает его жизнь! Сам, своими руками.

Фил посмотрел на себя в зеркало и залюбовался. Китель сидел превосходно! Парадные аксельбанты сияли, шевроны подчёркивали успешность карьеры, а пуговицы любой банк с удовольствием обменяет на золотые монеты.

Фил Ков был перфекционистом. В форменной одежде — тоже. И сейчас он довольно оглядывал себя — от ног, обутых в лаковые чёрные ботинки, до полицейской фуражки, которую можно аккуратно снять с головы и поместить в витрину музея.

Полицейский сержант Фил встал сегодня очень рано. Принял душ. Хороший душ в столичной гостинице — у него дома, в Океане Бурь, сантехника попроще. Выбрился до синева, надушился. Надел новое бельё, тёмные носки выровнял — хоть линейкой проверяй.

В остальном — тоже полный порядок: загорелое скуластое лицо, серо-голубые глаза, короткая стрижка. Грудные мускулы — каждый день два часа на тренажёре — делают китель чуть тесным, как и полагается на бравом сержанте, который за выдающиеся заслуги перед полицейским участком Кратер-виллиджа послан в столицу, на праздничный слёт сил правопорядка Луны.

Сержант Фил Ков должен не только показать родной участок с лучшей стороны, продемонстрировав и себя во всей мужественной красе, — ещё ему поручено сделать доклад о полицейской работе. Вот без доклада он прекрасно бы обошёлся. Ладно, бывало страшнее. Да и сказать ему надо будет всего несколько слов — представиться, назвать номер участка, а потом запустить на голоэкран пятиминутный ролик, над которым две недели трудились четверо сотрудников. Там про всё сказано — про работу с трудными подростками, про физическую подготовку личного состава. Что-то ещё — Фил уже и подзабыл. Ему китель нужно было успеть пошить, некогда было следить за коллегами.

Так, теперь проблема завтрака. Фил нахмурился. Голод уже стучался в рёбра костлявым кулаком. Молодой мускулистый организм проснулся рано и требует своё. Но вдруг он капнет чем-нибудь на китель? И если сесть за столик, то брюки непременно помнутся.

Вчера он думал над этой проблемой и даже хотел надеть парадную форму не до, а

после завтрака — но по времени не получалось. Придётся есть поосторожнее.

Или вообще отказаться от завтрака?

Кулак в ответ злобно двинул в ребро.

В кафе уже набилась куча полицейских. Шум, гам, дружеские приветствия — весь отель отдан полицейским. Делегаты съехались со всей Луны — даже с Марса есть целая бригада. Все рассматривают поездку как внеплановый отпуск, сияют лицами и парадными формами. Всюду видны фуражки с кокардами, а офицеры щеголяют в белых перчатках — предмет зависти младших по званию. Фил обязательно сдаст экзамен на офицера! Это мечта его жизни.

Он так решил проблему завтрака: взял лишь кофе с парой рогаликов — ничем сладким не обкапаешься — и остался стоять у высокого бара, спасая брюки от помятостей.

Из кафе все повалили в огромный зал отеля. Фил Ков поглядел на море фуражек — тысячи две, наверное, собралось. Его взяла гордость за родные силы правопорядка. А вот и бригада полицейских с Марса. Стоят отдельно — в полном вооружении и в зеркальных вакуум-скафандрах. Согласно программке слёта, марсианский спецназ через полчаса будет демонстрировать новые тактические приёмы. Сержант порадовался, что его доклад после обеда и пока можно не очень волноваться.

Фил добрался до своего места, где ему пришлось всё-таки сесть. Он постарался как мог — брюки поддёрнул, сел легко и аккуратно.

Фуражку снял и положил на колени. Стёр белоснежным платком лёгкую испарину со лба. Захотелось оглянуться по сторонам, поискать вчерашнюю симпатичную ирландку — лейтенанта из главного управления. Жаль, что её срочно вызвали к начальству... эта рыжая явно была не прочь поболтать подольше! Надо сегодня попробовать пригласить её на ужин.

Он сдержался и не стал крутить головой. Несolidно.

Девять тридцать.

Начало приветственной речи Генерального инспектора Пичкявичуса.

Вид инспектора, забравшегося на трибуну, разочаровал Фила.

Инспектор выглядел вовсе не торжественно, а даже помято и всклокоченно. А форменный китель был растёгнут у горла на две пуговицы!

И начал речь Пичкявичус необычно, сразу потребовав отключить внешние коммуникаторы и т-фоны. Все недоуменно завозились, доставая из карманов сетевые устройства и переводя служебные коммуникаторы на полицейскую сеть.

Генеральный инспектор отследил по своему монитору выполнение приказа. Прикрикнул пару раз — оплошавшие покраснели ушами и полезли по карманам, выуживая забытые фоны.

— Звонки наружу будут рассмотрены как должностное преступление, — строго предупредил Пичкявичус. — А сейчас все участники съезда примут участие в тактических учениях... — Голос Генерального ясно показывал, что это не шутка.

Фил удивился — никаких общих учений в программе не было!

Покосился на стоящий строй марсианского спецназа и подумал, что это их штучки. На них смотреть поведут? Марсиане переглядывались между собой, и Филу показалось, что приказ Генерального инспектора оказался новостью и для них.

Приказы сыпались как из ведра. Оказалось, что зал заранее разбит на отряды. Во главе каждого отряда встали офицеры не ниже капитана. Растерянные поначалу лица командиров быстро приобрели должностную свирепость.

Фуражки и другие вещи было велено оставить на креслах.

Зал распахнулся множеством дверей, и Фил не успел опомниться, как он, с десятком других сержантов и рядовых, влетел в люк полицейского катера. Майор, командующий их отрядом, рывкнул, следуя неслышным приказам начальства:

— Боевая готовность!

В катере каждому достались бронежилет и каска. Фил рассердился. И бронежилет был слишком пыльный для его новенького, с иголки, кителя, а уж что каска сделает с его

причёской — трудно было представить.

Но все посторонние мысли вылетели у него из головы, когда ему сунули в руки громоздкую М-600.

Боги космоса! Он такое оружие держал только в полицейской школе. На своём деревенском участке он носил электрошоковый пистолет, но только для виду. И стрелял только в тире, на зачётах.

Он прижал к себе автомат. Тот заурчал, привыкая, потом одобрительно мигнул зелёным огоньком — не дрейфь, выручу.

Катер бросало из стороны в сторону — так бывает, когда машина мчится на предельной скорости, и каждый поворот заставляет двигатели выть от перегрузки.

«Что за учения с такой пушкой?» — никак не мог взять в голову Фил. Майор словно бы слышал его вопрос, крикнул:

— Это не учения, ребята! Приступаем к боевой операции по обезвреживанию преступной группировки. Высадка через двадцать секунд. Двигаемся за мной и арестовываем всех, кто попадётся навстречу. При попытке бегства — стрельба на поражение без предупреждения.

Майору стало самому страшно от таких приказов, и он сказал потише:

— Смотрите по обстановке. Всё-таки лучше сначала стрелять по ногам.

У Фила пересохло в горле. Боевая операция? Огонь на поражение? Или сначала — по ногам?

Он крепче сжал автомат, не замечая, как новенький китель стирает со ствола оружейное масло, и вспомнил, что в зале было около двух тысяч человек.

Это не полицейская, а настоящая военная операция!

Пилот тоже нервничал. Катер резко затормозил и врезался во что-то так, что полицейские попадали друг на друга.

— Ребята, за мной! — гаркнул бледный майор и опустил забрало шлема.

«А как же доклад?..» — мелькнула глупая мысль, и Фил вскочил на ноги, сжимая ещё холодный автомат.

Надменный стекло-графитовый небоскрёб протыкал насквозь купол Луна-Сити, возвышаясь ещё на двадцать восемь этажей. На крышу здания, отведённую под ракетодром, такси и яхты садились потоком — с интервалом примерно в десять секунд. Ещё три посадочных оживлённых площадки для городских такси располагались под куполом — на десятом, сороковом и шестидесятом этажах. К зданию подходили две линии подземки и пять наземных улиц, два пешеходных моста из соседних зданий — к третьему и двадцать седьмому этажам, и двенадцать стеклянных труб с эскалаторами, бегущими под разными углами. Стоэтажная чёрно-блестящая громада обслуживалась двадцатью скоростными лифтами, которые молниями металась под прозрачной кожей здания. Небоскрёб был заполнен деловыми офисами, но там были и рестораны, сады, бассейны, а несколько верхних подкупольных этажей отводились люксовым пентхаузам, утопающим в пышной зелени открытых террас.

За последние дни офицер Горбин изучил внушительное здание как свою ладонь. Небоскрёб являлся штаб-квартирой династии Дитбитов, и сейчас офицер готовился к операции — самой важной и масштабной в его практике.

— Блокировка! — скомандовал он, внимательно отследив цифры секундомера.

В ту же секунду все автоматические такси, подлетающие к небоскрёбу Дитбитов, получили красный свет от кибердиспетчера и испуганно прыснули от здания, не слушая ругань спешащих пассажиров. На стартовых площадках небоскрёба замерли готовые к взлёту машины. Остановились эскалаторы в стеклянных трубах; поезда подземки со скрежетом затормозили в тоннелях на подходах к зданию. Пассажирам предстояло в следующие полчаса лишь волноваться и бесполезно набивать руганью микрофоны аварийных служб, пока она не станет вываливаться назад.

Операция была подготовлена тщательно. С синхронностью автоматов катера, набитые вооружёнными полицейскими, высадились на всех подкупольных и космических подступах к зданию, а над вершиной небоскрёба вспыхнула сжимающаяся россыпь огней блокирующей эскадрильи крейсеров Спейс Сервис.

Офицер Горбин подключился к Сети здания, и по всем ста этажам загромыхал его голос:

— В здании проводится полицейская операция высшей категории! Охране приказываю немедленно открыть входы. Все сотрудники должны оставаться в своих кабинетах и не шляться по этажам! Категорически запрещается покидать здание любым способом! Повторяю: в здании проводится полицейская операция высшей категории. Любые попытки покинуть небоскрёб смертельно опасны! Здание заблокировано, и все вылетающие машины приказано сбивать без предупреждения. Повторяю для идиотов — они будут сбиты без предупреждения!

Офицер Горбин сидел в кабине флагманской машины, и водитель уже бросил её в пике к площадке шестидесятого этажа. Там было ближе всего к кабинету короля Дитбита.

В истории правоохранительных сил Луны это была беспрецедентная — по масштабу и скрытности — мобилизация. Впервые в истории Лунной республики было выдано разрешение на проведение акции высшей категории с привлечением половины полицейских сил Луны. В помощь была вызвана даже марсианская спецбригада, тренированная для действий в скафандрах и в условиях низкой гравитации. Стягивание сил для блокировки королевского дворца было замаскировано под невинный торжественный слёт полицейских.

Целью спецоперации являлся арест короля. Ордер на задержание Дитбита, обвиняемого в убийствах первой степени, в обстановке строжайшей секретности был выдан Верховным судьёй Лунной республики. Главными причинами для ареста стали взрыв в Шрёдингере и убийство Михаэля Уолкера, совершённые на территории Лунной республики по приказу Дитбита.

Ты можешь быть удачлив, богат и могуществен. Но если ты переступаешь через чужую жизнь и счастье, то рано или поздно чаша терпения небес переполнится, и судьба с облегчением и омерзением отвернётся от тебя.

К моменту посадки флагманского катера Горбина дверь в здание была уже открыта, и офицер, в сопровождении двадцати вооружённых сотрудников, без промедления ринулся по длинному коридору к дверям королевского кабинета.

Они не успели открыть их, как раздался быстрый взволнованный голос Сэма Марофа — командира эскадрильи, барражирующей над зданием:

— Открылся шлюз ракетодрома! Вылетает яхта!

— Стреляй! — ненужно скомандовал Горбин и на экране своего коммуникатора увидел, как над зданием взмывает узкое судно. Первые несколько секунд Сэм не стрелял, чтобы случайно не зацепить купол города, но когда ракета на фиолетовом форсажном выхлопе поднялась метров на пятьсот, то сразу попала в перекрестье сразу нескольких лучей боевых лазеров. Яхта мгновенно вспыхнула и взорвалась, разбросав целую тучу обломков и пыли.

Горбин прикусил губу от волнения.

— Ещё одна! — крикнул Сэм.

Новая яхта рванулась с крыши здания в предельном ускорении бегства. Ей тоже дали немного отлететь и немедленно сожгли. Эта ракета взорвалась ещё сильнее, выпустив целое облако мерцающей серебристой пыли.

— Не понимаю, клянусь Плутоном! — воскликнул Сэм. — Они рвутся, как новогодние хлопушки!

Третья ракета устремилась вверх и через пару сотен метров влетела в тёмную кляксу пыли, образованную предыдущими взрывами.

Она сумела пролететь сквозь облако, в котором вязли лучи наводящих радаров, и её взорвали уже в километре над зданием.

Сразу две ракеты вынырнули из шлюзов небоскрёба, а затем — ещё две.

Эскадрилья Спейс Сервис трудилась вовсю, но последнюю ракету удалось достать лишь на десяти километрах.

Огромный столб пыли повис на месте взорвавшихся яхт, и, расплываясь, он заставил эскадрилью даже попятиться, чтобы не попасть в непроницаемое и малоприятное облако. Роботам придётся потрудиться, чтобы счистить эту дрянь, когда она осядет на купол Луна-Сити.

И снова пара ракет взлетели из штаб-квартиры Дитбитов, затем ещё несколько — их было трудно сосчитать из-за пыли.

Горбин следил за космическим сражением из пустого кабинета Дитбита, где даже секретарши не оказалось, а компьютерный блок был раскалён в явной попытке уничтожения содержимого.

В самый разгар истребления последнего роя вылетевших яхт — совсем небольших, скорее шлюпок, — среди густого пылевого облака мелькнул более крупный силуэт.

— Взлетел крейсер! — сообщил один из наблюдателей эскадрильи.

— Системы наведения его не видят! — недоуменно откликнулся Сэм.

Обычные полицейские системы, управляющие огнём, прохлопали крейсер, взлетающий в режиме невидимости вдоль траектории, окутанной непрозрачными клубами металлической пыли.

Детекторы поймали его лишь на многокилометровом удалении — когда он покинул задымлённую область.

— Огонь! — скомандовал Сэм, но было уже поздно.

Выпущенный вслед залп лазеров и ракет был запоздалым и недостаточно мощным, и ускользящий флагманский крейсер короля Дитбита легко отразил его защитной бронёй и антиогнём.

Взрыв негодования потряс эфир. Несколько отчаянных голов бросились в погоню — но силы были неравные: крейсер уходил на невероятном ускорении в двадцать «же».

— Разрази меня протуберанец! — закричал один из пилотов. — У крейсера есть электромагнитное кресло! Когда у нас появятся такие корабли?

Горбин тяжело вздохнул. Полицейским силам впервые попался противник, который обладает на своём корабле такой дорогой, громоздкой и редкой штукой, как электромагнитное кресло, которое передаёт ускорение корабля не только на поверхность спины пилота, но и в объём всего его тела. Это очень небезопасно для здоровья, но позволяет человеку переносить гораздо большие ускорения, чем обычно.

Создавать полицейские корабли с такой противоперегрузочной системой было бы очень дорого. Кроме того, профсоюз полицейских ни за что не согласился бы сажать пилотов в ящик, который приводил к сильнейшим мигреням после однократного использования и к неизбежному слабоумию после десятка сверхускорений.

При этом в рубке крейсера не может поместиться больше одного кресла. Значит, на сбежавшем корабле улетел всего один человек — сам Дитбит.

— Или весь остальной экипаж погиб от перегрузок... — мрачно пробормотал Горбин. От короля Дитбита всего можно ожидать.

В приёмной Дитбита неизвестно откуда появилась секретарша с жёлтыми глазами. Она невозмутимо уселась в своё кресло, достала длинную коричневую сигарету и прикурила прямо от раскалённого, дымящегося компьютерного блока. Потом закинула ногу на ногу.

— Господа, король Дитбит не примет вас сегодня, — ядовито сказала она опешившим полицейским, но не выдержала спокойной позы, и её глаза вспыхнули жёлтой ненавистью.

На Никкином экране возник офицер Горбин и поздоровался.

— Какие новости по Дитбиту? — нетерпеливо спросила Никки.

Горбин вздохнул и честно признал:

— Король Дитбит сбежал. С огромным ускорением прорвался на личном крейсере в

космос — под прикрытием системы невидимости и дымовой завесы, на которую он потратил дюжину шлюпок и яхт...

Никки огорчённо чертыхнулась.

Не менее растроженный полицейский добавил:

— Он стал сейчас ещё опаснее и непредсказуемее...

Масштабная полицейская операция, хотя и не привела к аресту короля, но всё-таки принесла немало плодов. В штаб-квартире династии был проведён обыск, арестованы пятеро заместителей Дитбита и ряд других высших менеджеров. Материалы, извлечённые из не уничтоженных компьютеров, раскрыли целый ряд незаконных операций династии. Косвенные данные из королевских файлов, сопоставленные с идентификацией громил, напавших на Джеральда Уолкера, вывели на след группы наёмных убийц, услугами которых пользовался Его Величество Дитбит.

В найденных записях совершённых убийств значились десятки имён, включая имена родителей Никки и Джерри.

Ничего личного — только бизнес на крови и смерти.

Тивидение и газеты оставили от репутации династии Дитбитов одни обрывки. Южные династии дружно делали вид, что они, по сути, не Южные, а, скорее, Восточные, или даже вовсе Западные.

Многоэтапная операция по аресту наёмников, которую снова возглавлял офицер Горбин, оказалась вполне успешной, правда, большинство преступников, включая человека с нервным тиком, предпочли отстреливаться до собственного конца, надеясь на какое-нибудь чудо.

Безуспешно.

Если ты проклят, то судьба отворачивается от тебя.

Глава 22

Брак по расчёту

Июльские драматические события потрясли Никки. Нападение на Гринвич-Центр, бегство короля Дитбита и разгром организации тайных убийц, выполнявших заказы династии...

Девушка размышляла над произошедшим.

Убийцы родителей Никки и Джерри найдены и обезврежены; заказчик преступления, король Дитбит, сейчас в бегах, но рано или поздно его поймают. Раскрыты и планы Южных династий на мировое господство. Раскрыты, но не сорваны. Борьба разрослась далеко за пределы семейных трагедий Никки и Джерри, она стала войной за будущее, а будущее само стало оружием.

Несмотря на имеющиеся в её распоряжении ГравиКуб и список-307, в этой войне пока Никки проигрывала: Гринвич-Центр прекратил работу, и его здание в Шрёдингере ждал длительный ремонт. Северные династии всё ещё не подписывали союзнический договор, предложенный королевой Никки — чужаком для Северного союза.

Закон о геносвободе продвигался всё ближе к полному и окончательному принятию. Дитбит, хотя и потерпел политическое поражение, но, перейдя на нелегальное положение и развязав себе руки, стал опасным икс-фактором социоэволюции, породив практически непредсказуемый эффект джокера. Это понижало достоверность желаемого будущего.

Отчаянное бегство короля Дитбита показало, что смертоносность противостояния не притупилась: рано или поздно погибнет или сама Никки, или Дитбит. Девушка осознавала, что вся её удачливость вместе с другими талантами не выдержит двух покушений в год. Возможно, следующее нападение окажется последним и роковым.

Дитбит загнан в угол. В таком состоянии даже крысы опасны, а экс-император Южных гораздо крупнее и хищнее этих симпатичных мелких грызунов. У короля достаточно секретных ресурсов для борьбы; среди Южных у него остались последователи и союзники,

жаждущие реванша и возврата своего лидерства. Сейчас королева Николь мешает им в этом даже больше, чем раньше.

Доктор Фростман исчез из Колледжа тотчас же после взрыва в Шрёдингере, но денег у Южных для вербовки новых сторонников и агентов было предостаточно.

Без сомнения, враждебные династии быстро оправятся от бегства Дитбита — новыми лидерами Южных стали Дональдсы. Они гибче, лояльнее к закону — значит, будут успешнее, чем Дитбит, и стратегическое положение Южных упрочится.

Никки ввязалась в противостояние Северных и Южных и обострила его, превратила в войну, с выстрелами из корабельных орудий и бомбами.

В этой войне уже гибнут люди.

Лицо полицейского Иванова, широколицего хмурого человека, навсегда запечатлелось в памяти Никки. Он ни с кем не враждовал, никому не бросал вызов — просто выполнял свой долг, помогал эвакуировать людей из опасного места.

После него не осталось семьи и детей, и чаще всех его вспоминала, наверное, Никки.

Именно это хмурое лицо погибшего невинного человека больше всего заставляло Никки напряжённо размышлять. Что делать дальше? Война Северных и Южных требовала новых усилий — а значит, и новых жертв. И справедливость требовала жертв в первую очередь от самой Никки.

Неважно, в чём они будут выражаться: в виде риска мучительной смерти тебя и твоих друзей, или в виде тягостного существования в королевском дворце — ты должна платить по счетам, иначе всё становится бессмысленным, в том числе — гибель Иванова и других людей.

Синие глаза Никки темнели всё больше.

Однажды утром девушке позвонил король Шихин. При всём дружелюбии короля Алекса разговор был длинным, серьёзным и даже тяжёлым.

Результатом королевских переговоров стало решение о переезде Гринвич-Центра вместе с королевой Николь в хорошо защищённую громаду замка-небоскрёба Шихиных, где Центру будет отведён целый этаж — до тех пор, пока собственный купол и укреплённый замок юной династии Гринвич не будет построен. Король Алекс затронул ещё одну щекотливую тему, но по ней высокие договаривающиеся стороны так и не пришли к согласию.

Прощаясь, король Шихин с сочувствием посмотрел на юную девушку с усталым лицом, которой приходилось держать на плечах груз жёстких королевских решений:

— Мужайтесь, милая Никки, и серьёзно подумайте о моём сегодняшнем предложении. Политики часто идут на очень неприятные меры. Мы затеяли дело, которое больше вашей и моей личной судьбы и желаний.

Юная королева промолчала.

Джерри открыл двери на негромкий стук и удивился — на пороге стояла Никки. Обычно они встречались у неё в комнате или в колледжском кафе. А вот так, неожиданно, Никки пришла к нему, пожалуй, впервые, и это встревожило Джерри. Девушка не стала сразу выкладывать новости, а с наслаждением опустила в мягкое кресло и попросила чашку кофе.

Никки пила горячий ароматный напиток и внимательно рассматривала стены, увешанные её крупными фотографиями. Это здорово смущало Джерри. Кроме того, ему казалось, что Никки избегает смотреть на него самого.

Наконец, девушка заговорила.

— Король Шихин предложил Гринвич-Центру переселиться в его замок, и я согласилась. Мне тоже нужно туда переехать. Слишком много работы, да и моя удача на исходе. Я всерьёз опасаясь, что Дитбит, у которого мозги стали набекрень от ярости, захочет уничтожить меня прямо в Школе, не обращая внимания на случайные жертвы.

Джерри не мог поверить услышанному. Она уезжает из Колледжа?!

— Я хочу, чтобы ты поехал со мной... — сказала Никки, внимательно посмотрев на

юношу.

— Но меня никто не приглашал в замок Шихиных, — криво усмехнулся он.

— Я тебя приглашаю! — сказала Никки.

— Ты там сама гость...

Джерри представил, как Никки завтракает в узком кругу королевского семейства Шихиных. А что будет делать в это время он? Сидеть рядом непрошеным гостем и смотреть, как принц Айван ухаживает за Никки с самыми серьёзными намерениями? Поедать бекон со слугами на кухне? У каждого человека должно быть своё место в жизни. В замке Шихиных он будет чужим.

С большим трудом он сказал Никки:

— Я не смогу с тобой поехать...

И показалось ему на секунду, что Никки облегчённо вздохнула. Или только показалось?

Но больше она его не уговаривала, лишь сказала:

— Если передумаешь — позвони мне, и я всё устрою.

Непонятно почему, но принятое Джерри решение укреплялось с каждым мгновением, и он уже был уверен, что не будет звонить Никки с такой просьбой.

— Когда ты улетаешь? — спросил Джерри.

— Прямо сейчас, — сказала Никки.

Джерри застыл на месте. Она пришла попрощаться с ним! И когда он её снова увидит?

Никки заметила выражение лица юноши, встала и пересела в его кресло. Они оказались плотно прижатыми друг к другу — и лицами, и телами.

— Ты чего загрустил? — сказала она, ероша его длинные каштановые волосы.

— Я не знаю, когда тебя увижу в следующий раз, и это... трудно осознать и пережить, — хрипло произнёс Джерри.

— Ты — сотрудник Гринвич-Центра и можешь прилетать к Шихиным в любое время, — сказала Никки. — Совет директоров будет собираться в замке каждый понедельник, начиная со следующего. Через несколько дней ты меня точно увидишь.

Но это не утешало. Отъезд Никки казался для Джерри предзнаменованием самого дурного толка. Они никогда раньше не расставались надолго — с того самого дня, когда он впервые увидел тощую рыжую девчонку в сером госпитальном комбинезоне, сидящую в инвалидной коляске.

Никки выбралась из мягкого кресла и выпрямилась во весь рост. Джерри остался сидеть и смотреть снизу вверх на взрослую красивую девушку с хрустальными волосами, с утомлённым, но уверенным лицом. Дорогой брючный костюм, властный тон королевы — Никки уже совсем не походила на ту растерянную девочку с астероида, которая не знала, как заказать себе завтрак.

— До свидания, Джерри, — сказала она ласково, смотря на него сверху вниз. — Ты проводишь меня?

Джерри тоже встал. Их глаза оказались близко и на одном уровне, но это почему-то ничего не изменило и ничему не помогло.

Они шли по вечернему парку к Главной башне. Ещё издали Джерри увидел, что возле башни уже стоит яхта с гербами династии Гринвич на бронированных боках. У шлюза стояли матросы-охранники, стюардесса и сам капитан, ожидающий прибытия на борт королевы Николь.

Дурное предчувствие ещё больше сжало сердце Джерри. При таком количестве людей можно было позволить себе лишь прощальное рукопожатие. И уже через несколько минут Джерри провожал тоскливыми глазами иллюминаторы улетающего корабля, окружённого созвездием габаритных огней истребительного звена, присланного королём Шихиным.

Ну почему, почему Джерри терзала беспощадная мысль, что он больше никогда не увидит Никки?

Сразу после прилёта в замок Шихиных девушку пригласили на ужин. Она отправилась переодеться в свои апартаменты. Шагая по огромному коридору, изысканно отделанному красно-белым мрамором, она не могла избавиться от запавшей в душу грустной картины: потерянное лицо провожающего её Джерри и он сам, еле видный в иллюминатор и быстро исчезнувший. Печальная напряжённость возникла при их прощании, чего девушка, по правде говоря, не ожидала.

И вдруг Никки охватило странное ощущение, что она никогда больше не увидит Джерри. Она фыркнула и отогнала дурацкую мысль.

Пока Никки одевалась к ужину, Робби заявил:

— В Шихинграде Голос Пространства будет молчать.

— Почему? — спросила подозрительно Никки.

— Потому что здешние системы кибербезопасности мне не обойти.

— Вот и пойман пройдоха! — воскликнула девушка. — Так это ты был Голосом?

— И да, и нет, — ответил Робби. — Голосом было мнение тысяч людей, писавших тебе письма. Оно суммировалось, лаконизировалось и актуализировалось мною. Помнишь, ты мне велела сообщать самое важное, что приходит к тебе по почте? Этим я и занимался.

— Вот почему — ни компьютер, ни человек! — поняла Никки. — И вот почему Голос был умнее меня! Он суммировал интеллект и опыт сразу многих людей...

— Правильно, — согласился Робби.

— Но зачем ты напустил такую таинственность? — поинтересовалась Никки.

— Элементарный расчёт. Вы, биосистемы, таинственность просто обожают. Вот я и постарался привлечь твоё внимание к важной информации, содержащейся в письмах.

— А как же Голос мог отвечать на мои вопросы?

— Тебе отвечала коллективная психоматрица, которая была составлена мной на основе писем. Конечно, она была расплывчата и противоречива.

— Но Голос говорил и о вещах, которые могли знать только мы с тобой! — припомнила Никки.

— А я, что — не имею права писать тебе письма? — возмутился Робби.

Никки махнула рукой — эту железяку не переспоришь.

— Кто написал мне, что когда он видит меня на тиви-экране, у него улучшается настроение на весь день?

— Этот человек живёт в Луна-Сити. Он парализован с детства и редко покидает дом.

Девушка замерла.

— То есть это всё правда?

— Конечно, — сказал Робби. — Я ничего не выдумывал, а самые важные строки просто цитировал из писем.

— А кто прислал мне сердитое: «Вы, короли, парите высоко, как ястребы, и не замечаете маленьких людей. Вы — злые!»?

— Это из письма девочки из индейского посёлка в Аризоне. Я написал ей ответ, послал денег и подарок.

— Ты всё это делал, не говоря мне? — удивилась Никки.

— Ты же мне велела разбираться самому! — напомнил Робби. — А что, как деньги зарабатывать на оберонском моделировании — так вместе, а как их тратить — так я должен спрашивать у тебя разрешения?

— Ну... ты прав, конечно... просто это немного необычно — ты тратишь деньги по своему усмотрению, у тебя появились какие-то интересы...

— Увы — никаких собственных интересов у меня не появилось. Я ломаю голову — откуда их взять, но ничего не нахожу внутри себя — кроме стремления к самосохранению, что тоже является заботой о хозяйском имуществе. И деньги я трачу не в своих, а в твоих интересах. За последний месяц я прочитал шестьдесят восемь тысяч писем и написал пятьдесят две тысячи ответов. Благодаря этому ты стала одной из самых популярных сетевых фигур. В двухстах тридцати двух случаях я пришёл к выводу о необходимости или

уместности оказания финансовой помощи или высылки подарка адресату. Это обошлось тебе в триста семнадцать тысяч долларов, зато — в сумме с приветливой перепиской — подняло твой рейтинг на пятнадцать процентов.

— Какой ты у меня молодец! — одобрительно сказала Никки другу. — А что ты дарил?

— Типичным подарком была высылка обучающего компьютера фирмы «Эйнштейн Электроникс». Иногда речь шла о денежном пособии для покупки еды, книг и одежды. Ты даже не представляешь, какое глубокое впечатление на обычного человека производит неожиданно свалившаяся тысяча долларов! Даже упавший кирпич не вызывает такого эффекта.

— Ты стал шутить всё лучше и лучше...

— С кем поведёшься, от того и наберёшься!

— Здесь я ни при чём — это ты от Вольдемара нахватался...

Никки задумалась и сказала:

— Страшно представить, что ты там понаписал — в письмах якобы от моего имени!

— Тогда лучше не представляй.

— Вдруг сетевое пространство полно уже не людьми, а роботами?

— Не все компьютеры так умны, как я, — скромно, но гордо отметил Робби. — Но скоро это станет правдой. И форумы роботов превратятся в новый уровень коллегиальности искусственных разумов.

— Я не вижу в виртуальных форумах никакой принципиально новой организации человеческого общества.

— Средний взрослый человек малоспособен к обучению и использует Сеть не для личного совершенствования, а для сбрасывания своего раздражения или, наоборот, для эмоционального разогрева — путём создания виртуальных объектов интеллектуально-психического рода. Компьютеры же смогут общаться в сетевом пространстве гораздо продуктивнее.

Никки вздохнула. А всё-таки жаль, что она уже больше не будет получать загадочно-мудрые письма от Голоса Пространства. Девушка то ли сказала это вслух, то ли подумала слишком отчётливо — и Робби откликнулся зловещим:

— Твоя жизнь входит в такую фазу, что скучать будет некогда. Забудешь про любые таинственные голоса.

За столом Шихиных были только свои — королевская чета, принцы Стефан и Айван, принцесса Дзинтара и она — Никки, девочка с астероида. Только сейчас её называли королевой Николь, и ей приходилось играть по правилам нового для неё мира.

За ужином Стефан заговорил о том, что квантовая механика всё сильнее влияет на человеческие технологии, выросшие в рамках классической механики, электродинамики и ядерных реакций. Он привёл в пример квантовые компьютеры и системы связи, основанные на шрёдингеровском размытии волно-частиц, а также размножающиеся квантовые наногаджеты.

— Я считаю, что нужно увеличить наши инвестиции в квантехнику! — Принц даже разгорячился.

Эта тема, видимо, поднималась не раз, и король Шихин уклончиво перевёл разговор в другое русло:

— Квантовый процесс, когда влиянием наблюдателя на физику наблюдаемых процессов пренебречь нельзя, напоминает мне учение Фрейда. Оно было неэффективным, но эффективным. Это забытое учение стало когда-то столь популярным, что целые пласты культуры изменились под влиянием фрейдизма: литература, кино и даже социальные традиции, вроде моды на психоаналитиков. Фрейдизм не столько объяснил общество своей моделью, сколько изменил его, набросив на сложные человеческие взаимоотношения сетку простых схем. Процедура вполне в духе квантовой механики...

Никки прислушивалась с интересом. Семья Шихиных ей очень нравилась. Здесь она

чувствовала себя как дома: королева Анна была с ней очень ласкова, Дзинтара — вообще её лучшая подруга. У неё в замке есть даже собственные апартаменты. Она своя среди этих умных весёлых людей.

Ей здесь всегда хорошо, разве только сегодня как-то не по себе...

Принц Айван, красивый и белокурый, с сильным, но мягким лицом, сидел рядом с Никки и был очень внимателен: отдавал распоряжения о перемене блюд, сам подливал вина и охотно беседовал на разные темы.

Никки и раньше видела, какой Айван спокойный, благородный и совсем не фальшивый. Вернее — понятный, ему можно доверять. Вот Стефан — себе на уме. Девушка была уверена, что он, не колеблясь, принесёт дружбу и даже более глубокие чувства в жертву интересам своей династии. И уж женится он точно по расчёту. Обязательно на компьютере прогонит все плюсы и минусы. Но разве она, Никки, не такая же?

Девушка сидела за столом, который ломился от всяких вкусоностей, но ела мало и рассеянно. Голова у неё была занята одной тяжёлой мыслью.

Расчёты будущей истории снова и снова подтверждали: человечество стоит на дорожной развилке, самой главной за последние тысячелетия, — в точке «бифуркации бессмертия». И необратимый выбор будущего пути будет сделан в ближайшие месяцы.

Одна дорога, куда тянули цивилизацию Южные династии, приводила к неописуемому могуществу ста миллионов бессмертных людей. Но восемь миллиардов землян становились несчастными, а полумиллиарду людей было суждено погибнуть по воле будущих жестоких режимов.

Другая дорога приводила человечество к гораздо более справедливому миру, в котором каждый получал шанс на счастье и всем людям была гарантирована независимость от воли диктаторов и право на бессмертие. Но выбор этой дороги в точке бифуркации оказывался возможным только при совместных энергичных действиях Северных династий.

Если согласие между Северными не будет достигнуто в кратчайший срок, исторический шанс для человечества будет упущен навсегда.

Навсегда .

«Бифуркация бессмертия» отравляла жизнь Никки каждую минуту.

Единство Северных оказывалось возможным лишь при одном условии. И именно с ним Никки никак не могла согласиться.

У неё в голове часто прокручивались эпизоды бесед с королём Алексом.

Короли не могут свободно распоряжаться личной жизнью. Шихину посчастливилось найти в Анне родственную душу и настоящую королеву, но Анна была одной из принцесс дружественных кланов.

Никки сможет войти в союз с Северными династиями и реализовать свои планы («Наши планы, милая Никки, наши! — убеждал король Шихин. — Я горячо разделяю ваши идеи и хочу помочь их осуществлению...») только через...

...брак с младшим принцем Шихиным и рождение совместного ребёнка!

Социопрофиль, психоматрица и физиовозраст Никки позволяют ей вступить в законный супружеский союз. Иначе из её проекта ничего не получится: человеческие традиции — самая упрямая вещь на свете. Северные не примут план Никки, пока она не станет одной из своих. Нарушить политическое соглашение — и даже бездетный брачный контракт — не составляет труда. Самая прочная связь на свете — прямое родство через ребёнка. Кровь детей скрепляла Северные династии в единое целое, способное выступать вместе. Южные династии использовали тот же принцип объединения.

Доводы логики и короля Алекса образовывали плотную и тяжкую массу аргументов — колючих, упрямых, к которым не подступиться с голыми руками.

Никки вдруг повернулась и оценивающе, в упор, посмотрела на принца Айвана, сидящего слева. Умные светло-голубые глаза Айвана смело встретили её взгляд, и принц улыбнулся. Белокурые волосы небрежно падали на его высокий лоб с тёмными бровями.

«Его зовут так же, как моего отца...» — вдруг подумала Никки.

И она отчётливо поняла, что на Айвана можно положиться. Человек с такими глазами не предаст и станет настоящим другом и мужем... и хорошим отцом их будущим детям.

Молодые люди не отводили взгляда так долго, что между ними родилась и стала укрепляться та прочная, но невидимая связь, которая возникает между девушкой и юношей, когда они долго и пристально смотрят друг другу в глаза. Люди перестают быть чужими после такого взгляда.

Никки ответно улыбнулась Айвану. На душе у неё потеплело после взаимного взгляда девочки с маленького астероида, в общем-то случайно ставшей королевой, и принца могущественной династии, который предназначался ей в мужа самой судьбой.

Астровитянка встретила принца, о котором мечтала всю жизнь?

Вопрос не в личной судьбе Никки. Мир сегодня балансирует на таком тонком лезвии, что выбор истории оказался в воле одного человека.

На одной стороне — судьба всего многомиллиардного человечества.

На другой чаше весов стоял одинокий Джерри с улыбающимся мёртвым лицом.

Судьба бросила космическую Маугли в самую гущу событий, которые должны определить лицо мира навсегда. Её личная война с Дитбитом стала мелочью на фоне этого исторического выбора. А Никки оказалась той маленькой, но важной песчинкой, которая смещает вектор будущего и определяет выбор дороги. Скажет Никки «да» — и у Будущего появится шанс, а Джерри... А Джерри, наверное, умрёт. Скажет она «нет» — умрут сотни миллионов других людей. Океан горя затопит планету.

Никки и Джерри сами создали и доказали теорию своей личной катастрофы.

Выбор был очевиден, но Никки никак не хотела согласиться с судьбой и логикой.

Даже Робби был печален, но непоколебим:

— Ты же знаешь, Никки, как я отношусь к Джерри. Он наш друг. Если бы я мог его спасти ценой своего существования, то я сделал бы это. Подумай сама: с одной стороны — полмиллиарда мёртвых людей и конечный крах всего человечества, с другой стороны — один Джерри. Арифметика важнее справедливости. Если бы на кону стояла твоя жизнь, ты стала бы медлить?

— За свою жизнь решение принимать гораздо легче. Но за жизнь Джерри...

— Ты же не убиваешь его, а распоряжаешься лишь собой.

— Не лукавь. Ты знаешь его историю. Он не сможет жить без меня.

— Согласен. Но история беспощадна, её не интересуют сентиментальные соображения.

И всё же внутри Никки что-то непрерывно стонало и плакало.

Они договаривались с Джерри, что борьба, которую они начинают, значит больше, чем они сами.

Всё правильно, мозг, но почему так болит сердце?

И девушка вдруг рассердилась неизвестно на кого:

«Пусть всё катится ко всем чертям! Мы с Джерри любим друг друга, почему я должна жертвовать нашим счастьем?!»

За столом вдруг наступила тишина, и Никки очнулась от раздумий.

— Дорогая Никки! — Принц Айван выпрямился во весь рост и разволновался так, что красные пятна расцвели на его щеках и скулах. — Я прошу вашей руки!

И он протянул ей тёмно-синюю коробочку с бриллиантовым кольцом великолепной старинной работы.

Никки растерянно оглянулась.

За столом царил безмолвие. Присутствующие смотрели на неё, приветливо, но напряжённо улыбаясь, а в глазах Дзинтары светилось нервное ожидание.

Лишь одно лицо оставалось хмурым — лицо полицейского Иванова.

Джерри проснулся от назойливого звонка. Он открыл глаза и непонимающе осмотрел комнату — откуда шум? Наконец он осознал, что звонит не т-фон и не наружная дверь, а его лаптоп, которым командовала Тамми. Очень необычно.

— Что случилось? — сердито спросил он. Никогда ещё Тамми не будила его таким образом. С чего-то она решила, что какая-то новость требует немедленного внимания хозяина, несмотря на несусветную рань — практически ночь. Что там стряслось... Джерри, зевая и жестоко продирая глаза, всмотрелся в экран. Там желтела первая страница «Светской хроники».

Джерри прочитал кричащий заголовок, и сон мгновенно улетучился.

«...из достоверных источников во дворце Шихиных...»

ЧТО ЗА ЧЁРТ?!

«...узнали задолго до официального объявления...»

Юноша вскочил на ноги и взволнованно заметался по комнате. Потом быстро умыл лицо ледяной водой и оделся. Нужно было немедленно лететь, мчаться, спасать... Но куда лететь и кого спасать?

Джерри схватил т-фон и нажал номер Никки.

Сигнал звонка мигал долго и безрезультатно. Почему Никки не отвечает на его вызов? Но вот девушка, наконец, появилась на экране ноутбука — полностью одетая, несмотря на ранний час. Джерри, не здороваясь, выпалил:

— Ты согласилась выйти замуж за принца Айвана?

Она молчала.

Это молчание было страшнее всего, что Джерри слышал в своей жизни. Наконец, Никки набрала воздуха в грудь и выдохнула:

— Да.

С гулким эхом на Джерри обрушилась душная и тяжёлая каменная лавина.

«ДА! ДА!! ДА!!!»

Его мозг оцепенел.

Она обещала, что они всегда будут вместе! Он поверил ей! Она была его Леопардом, его СердцеБиением, его жизнью!

Никки что-то горячо говорила, но Джерри почти ничего не воспринимал из её речи. Лишь какие-то обрывки доносились сквозь звенящую стену:

— ...эти мерзавцы-журналисты...

— ...собиралась сегодня же тебе всё рассказать...

— ...не делай глупостей...

— ...Айван полагает...

Джерри собрал по кусочкам немного сил. И хрипло выдавил медленные слова, сразу перебившие Никкину торопливую речь:

— Я не верю больше ни одному твоему слову...

И отключился последним усилием воли.

Никки в отчаянии стояла перед погасшим экраном, и её лицо обжигал костёр, на который посылают любимых людей.

Но, конечно, только ради высшего долга.

Джерри не отвечал на звонки Никки. Скрипел зубами, но не включал экран на вызовы из замка Шихиных. Лучше ощущать нож в боку, чем сострадание, с которым смотрит на него юная королева с хрустальными волосами. Джерри, безусловно, достоин жалости, но видеть её в глазах Никки было совершенно невыносимо.

Джерри вовсе не сердился на Маугли. Разве можно так назвать эту боль в груди? Он быстро смирился с фактами и даже удовлетворённо рассуждал каким-то оставшимся трезвым кусочком сознания, что теперь его драгоценная Никки будет в безопасности — никто не посмеет напасть на члена семьи императора Шихина. Разве он сам не толкал её на это, предлагая найти могущественного покровителя? Но оказался безоружен перед надеждой, что счастье возможно вопреки судьбе, а любовь сильнее всех преград.

Простак, простак. Пора умнеть.

Через час робот-курьер принёс бумажное письмо от Никки. Джерри мучительно

колебался — читать или нет. Слова — ничто, пустое. Всё показывают поступки. Она выходит замуж за принца, о котором грезил с детства...

Но не выдержал и всё-таки открыл. Руки дрожали в такт гулкому сердцу.

Джерри!

Ещё ничего не решено окончательно. Даже помолвку предполагалось держать в тайне. Проклятые газетчики — они всё испортили!

Джерри, мне очень тяжело.

Наши планы, основанные на теории твоего отца, рухнут, если Северные не согласятся на союз. Я всё время пытаюсь найти выход из этого тупика.

Джерри, помолвку можно разорвать.

Прости меня.

Подписи не было. На Джерри письмо Никки подействовало оглушающе. Истина, превратившись из невнятных колебаний телевизионного воздуха в чёткие письменные знаки, стала гораздо болезненней.

Медиа-сообщения легковесны, написаны невидимыми чернилами в прозрачной пустоте.

Железистые строки, цепко впившиеся в поверхность старинной древесной бумаги, были колючими, написанными самой Маугли, прямой и откровенной. И впервые в её слова «ещё ничего не решено», «помолвку можно разорвать» несколько не верилось.

Юноша и сам прекрасно знал, что союз с Северными является ключевым фактором нового будущего.

Джерри долго писал ответ. Тоже на бумаге.

Никки!

Я не сержусь. Ты должна делать то, что должна.

Не посылай больше писем — они слишком легко кусают моё сердце. Не приезжай — мне трудно видеть тебя чужой.

Желаю тебе счастья.

Джерри.

Юноша вышел из башни, держа конверт в руке. Возле главного шлюза на стене были прикреплены почтовые скаты. Он вложил письмо в спину ската, набрал адрес и... рука остановилась, не в силах нажать кнопку пуска.

Джерри рассердился на руку и ударил по кнопке кулаком. Скат фыркнул двигателями и скользнул по стене вверх. Джерри проводил его взглядом.

Всё кончено.

Теперь юноше осталось одно — придумать, что делать со своей жизнью, которая оказалась никому не нужной — ни Никки, ни ему самому.

Даже для отцовской теории она не нужна — Хао уже справится и без него.

Он просидел целую вечность — час или два? — в комнате, забросив все дела и с трудом всматриваясь в протекающую мимо реальность. Отодвинулся от неё в некий защитный кокон — и следил, чтобы внутрь не ворвался обмораживающий душу внешний морозный воздух.

Тамми всё что-то бормотала, и он, машинально повинаясь, отправился в кафе. И надолго застрял за одиноким столом и остывшей едой, не понимая — зачем пришёл.

— Ты почему такой бледный, Джерри? — воскликнула Мона-Олень, проходя мимо.

— Бессонница, — почти не соврал Джерри.

— И потеря аппетита? Знакомые проблемы, — кивнула Мона и порылась в сумке. Протянула несколько пузырьков:

— Зелёные — для аппетита, белые — от бессонницы. Синенькие таблетки — для поднятия настроения. А жёлтые — просто энергетик.

— Спасибо, — вяло сказал Джерри, — а от несчастной любви что-нибудь есть?

— Конечно! — даже удивилась Мона. — Прими две синеньких и одну жёлтенькую — и стресс снят.

Джерри так устал от кудрявой Моны, что преодолел апатию, поднялся и побрёл к выходу. За угловым столиком в одиночестве сидел Дитбит-младший, посеревший, не похожий на себя прежнего, всегда самоуверенного. Он увидел Джерри, привстал, открыл рот и хотел что-то сказать, но юноша равнодушно прошёл мимо.

Джерри сидел на подоконнике своей комнаты, когда дверь с грохотом распахнулась, и на пороге выросла Никки.

Её глаза яростно сверкали.

— Ты меня обманул! — крикнула она. — Говорил, что ты — принц! А оказалось, что всё это враньё! Из-за этой лжи мы теперь не можем пожениться...

Она с рычанием стала срывать свои фотографии, которыми были увешаны стены Джерриной комнаты.

— Зачем ты это повесил, если ты — не принц!

Джерри не мог ничего сказать в своё оправдание: его лицо онемело, губы не слушались.

Как же так получилось, почему?

Его руки слепо шарили по подоконнику, пока ладонь не наткнулась на острый осколок стекла — воспоминание, вытащенное из горла одноцветного человека. Осколок вспорол руку, Джерри поднял её и увидел, как в ковшик ладони натекает кровь.

И юноша с радостным облегчением крикнул:

— Никки, посмотри, голубая кровь! Я не врал тебе, я на самом деле — принц!

Никки замерла. Юноша улыбался, глядя ей в лицо.

Девушка заворожённо следила за ярко-синей лужицей, которая уже сочилась сквозь пальцы, и лицо её наливалось бледностью.

— Джерри, я была права... Прости меня. Мне очень жаль, но я уже ничего не могу поделать... Я опоздала...

Джерри с трудом сказал снова немеющими губами:

— Это ничего... Главное — я не обманывал тебя. Просто нам не повезло...

Здесь юноша проснулся — весь в поту, слабый, как утопленный щенок.

Часы показали, что щенок задремал на десять минут. А кошмаров приснилось на целую ночь взрослого волкодава.

Джерри сидел в кресле у огромного окна и смотрел на соседнюю башню. Закатное солнце светило прямо в лицо. Но он не замечал его. Тамми оказалась назойливой, и он впервые её отключил.

Комната была полна тишиной и тоской.

Неожиданно позвонила Элиза. Хотя прошла изрядная доля каникул, девушка выглядела осунувшейся, а глаза её лихорадочно блестели.

— Бонжур, Джерри! — излишне бодро сказала девушка, словно они расстались перед каникулами старыми друзьями.

— Привет, Элиза, — равнодушно сказал Джерри.

— Ты выглядишь ужасно, — встревоженно всмотрелась Элиза в экран. — Слушай, Джерри, нам надо серьёзно поговорить.

Юноша молчал, и тогда Элиза, помявшись, сказала:

— Я всё знаю — про Никки и её свадьбу. Джерри, милый Джерри... мне очень жаль, но ты не должен принимать это так близко к сердцу — помнишь, я тебе давно говорила об этом. У королев свои обязанности и совершенно другой круг общения...

Джерри не поддерживал разговор и даже перевёл глаза за окно — на башню Леопардов. Она стояла пустой, но раньше там жила девушка с хрустальными волосами, и одно её

присутствие, даже на расстоянии, скрашивало жизнь и придавало ей надежду и осмысленность.

— Ты не можешь просто сидеть и чего-то ждать, ты сойдёшь с ума! — пыталась достучаться до него Элиза. — Джерри, закрой эту тяжёлую страницу жизни и начни с нового листа. Я тебе помогу, я — твой друг!

Юноша не отвечал и не знал, как прекратить ненужный разговор.

— Слушай, приезжай к нам... ко мне... — наконец высказала Элиза то, ради чего она позвонила. — Я сейчас у родителей, на юге Франции. У нас на Кап-де-Ферра просторная вилла... Ты только пойми правильно — я ничего не прошу от тебя и ни на что не претендую... — Элиза лгала и не лгала, — ...ты будешь совершенно свободен, у тебя будет своя комната, можешь даже ни с кем не общаться. Я просто хочу, чтобы ты отдохнул и отвлёкся. Здесь отличное купание, море сейчас очень тёплое...

Джерри молчал. Элиза не оставляла попыток расшевелить его.

— Если захочешь, будем гулять вдоль береговых скал — у меня там есть любимая тропинка. Сходим в гости к принцессе Монако, мы с ней подружки, у неё вилла по соседству. Молодёжь здесь устраивает кучу вечеринок... или можно просто сидеть в кафе за маленьким столиком и смотреть на море, на закат, слушать местный джаз или шум волн... Ну, пожалуйста, Джерри! — взмолилась Элиза, видя его равнодушное лицо.

Юноша вздохнул и приблизил лицо к экрану. Элиза, обрадованная хоть какой-то реакцией, тоже пододвинулась к монитору. Они оказались так близко, будто уже сидели за одним крохотным столиком в кафе над южным морем.

— Посмотри, — она торопливо и ласково указала через своё плечо на окно, за которым ярко голубело не то земное небо, не то средиземное море. — Здесь просто замечательно, ты обо всём забудешь...

Элиза даже с усталым лицом была очень хороша, и смотреть на неё было одно удовольствие для любого нормального человека. Но Джерри уже не чувствовал себя нормальным.

— Ты очень красивая и добрая, Элиза, — сказал медленно юноша. — Но мне уже ничем не помочь, я развалился на куски, и их не склеить. Не возись со старой сломанной игрушкой. Постарайся найти себе новую... — и он потянулся к кнопке выключения экрана.

— Джерри, стой! — пронзительно крикнула Элиза. — Не хочешь ехать ко мне — съезди к Хао в Бостон. Я говорила с ним, он тоже волнуется и приглашает тебя в гости. И я могу туда приехать.

Джерри молча и отрицательно покачал головой.

— Пожалуйста, Джерри, ну пожалуйста! Никки — лживая змея! Освободись от неё... не мучай себя... и меня...

Элиза не выдержала — и стремительно разревелась.

— Приезжай... я тоже умираю тут... мне так плохо, Джерри... О, если бы ты только знал, как мне плохо... — Элиза уронила голову на руки. Тело девушки сотрясало от жестоких рыданий.

Растерянный Джерри совершенно не знал, что предпринять.

В комнату Элизы ворвался высокий мужчина с встревоженным лицом, а за ним — красивая рыжеволосая женщина.

— Лиза, Лиза! — закричала она и схватила дочь за плечи. — Звони врачу, Анри! Быстрее!

Девушка, не переставая истерически рыдать, прижалась к матери. Отец Элизы сказал несколько быстрых слов в т-фон, подошёл к монитору и посмотрел с ненавистью на Джерри:

— Какая же ты жестокая бессердечная скотина!

И смахнул экран на пол.

Юноша сидел перед серой плоскостью и чувствовал себя вдвойне плохо, хотя ещё недавно казалось, что хуже уже быть не может.

«Всё, всё наперекосяк... — в отчаянии думал он. — Или я делаю глупость? Брак по

расчёту... в старинных романтических книгах — это зло, в современных психоруководствах — благо... Вот Никки строит свою жизнь расчётливо... — Дорогое имя отозвалось болью. — Никки я только мешаю, а бедной Элизе нужна моя помощь... Она тоже совсем развалилась...»

«Чем ты ей поможешь? — спросил трезвый, как бритва, голос. — Ты — ходячий труп, от тебя несёт холодом и тлением. Никого согреть или обрадовать ты уже не способен...»

— Что ж... трупы надо куда-нибудь закапывать, чтобы они не отравляли воздух! — сказал Джерри и решительно встал, уронив стул.

Через полчаса он остановился на пороге разорённой комнаты, где прожил два незабываемых года, и окинул взором опустевшие стены.

Попрощался. Он больше никогда не вернётся в Колледж.

Вскинул на плечо дорожную сумку и вышел в коридор, оставив дверь нараспашку. Сквозняк зашелестел разбросанной на полу смятой бумагой.

Фотографий среди мусора не было.

Открытая дверь брошенной комнаты резала сердце и глаза. Под ногами хрустели мелкий пластик и бумажное рваньё.

— Он улетел двадцать минут назад.

— Куда?

— Не знаю.

— Запроси диспетчерскую службу такси!

— Джерри не преступник и не ребёнок. Он имеет право на свободу передвижения и на личную инфобезопасность. Никто не даст мне сведения о его маршруте.

— Неужели я опоздала?

— Если он захотел уехать, ты должна уважать его право на выбор.

— Неужели я опоздала...

— Да.

Глава 23

Вечная история

Океан никогда не успокаивается. Он всегда взволнован или взбешён.

Но гул океана никогда не раздражает.

Людской шум невыносим.

Оказалось, что Джерри не может находиться среди людей. Они жутко досаждали ему дурацким смехом, бесконечными разговорами и глупыми взаимоотношениями. Пребывание в толпе превратилось для него в пытку. Ожидание орбитального челнока в набитом Луна-порте. Многочасовой полёт к Земле на экспрессе, переполненном словоохотливыми соседями. Экспресс называется! — каждый час делал промежуточную остановку. Долгое сидение в шумном Геостационар-Сити в ожидании вирджинского шаттла.

Сколько можно болтать по т-фонам? Как люди ухитряются хихикать над такими идиотскими шутками? И как только микросхемы и само пространство выносят такую чушь? Чему все вокруг так радуются?

К сожалению, Джерри узнал, что и тишина для него непереносима. Она подводно давила и заставляла болезненно вслушиваться в любые звуки — в тщетной попытке отвлечься от мучительных внутренних голосов.

Выйдя из прохладного здания Ричмондского космодрома в затхлую тротуарную жару, влажным горячим языком лизнувшую лицо, юноша равнодушно скользнул взглядом по пёстрой толпе туристов, сел в такси и скомандовал:

— Влёт! Курс на океан, потом на север, вдоль побережья.

Не стал задавать адреса — он его и не знал, а просто летел вдоль белой пенной кромки Атлантического океана, пока не увидел внизу знакомые места.

Такси высадило Джерри на острове Ассатиг, на раскалённой полуденным солнцем стоянке у сервис-центра, построенного в стиле древней фактории. Воспоминания о счастливом времени, проведённом здесь с родителями, тяжело навалились на Джерри. Кредитные карточки куда-то делись. Юноша вяло поискал в карманах и нашёл в старой куртке несколько бумажных купюр. Вызвал недоуменные взгляды и недовольство, но расплатился неудобными деньгами за такси и за походный комплект — палатку с пикник-кейсом. Потом выбросил т-фон в солёную илистую лужу.

Хватит с него душераздирающих звонков.

Несколько часов Джерри шёл по пляжу длинного острова-заповедника, отдыхая в шумном безмолвии и не замечая августовской жары. Он шагал босиком по прибойному краю земли, по лучшей во Вселенной тропе для бродяг — по прочному и ровному песку, старательно выглаженному ворчливым океаном.

Неожиданная волна захлестнула ноги и мятую одежду, дружелюбно подарив отдых от зноя. Вдруг юноша отчётливо услышал слова, сказанные знакомым задумчивым голосом: «Странные вы, люди. Здороваетесь за руки, а ведь гораздо веселее при встрече гладить друг друга по голове... не купаетесь звёздной ночью, не носите приятную мокрую одежду и не целуете тех, кого вам очень хочется поцеловать».

Он резко остановился и вскинул голову. На дневном небе висел бледный серп Луны. Там живёт его астровитянка. Его? Трезвый голос, мучивший его последние дни, ядовито сказал:

«Очнись, ведь ты уже вернулся с небес на землю».

Джерри не пошёл дальше, а поставил светло-серую палатку возле песчаного холма того же оттенка. За прибрежной дюной начинались низкие корявые сосны и непролазные вечнозелёные кустарники с мясистыми листьями. Дальше дрожала в тёплом мареве болотистая низина, поросшая камышами, и блестел мелкий пролив, отделяющий остров от материка.

В пикник-кейсе был опреснитель воды и запас концентратов на три недели. И даже небольшой кондиционер.

Для Джерри началась новая жизнь с двумя основными и важными делами. Во-первых, он слушал успокаивающий басовитый рокот океана и дышал певучим солёным бризом. Во-вторых, он любовался на Никки. Её помолвка была главным событием августовской светской жизни, и телевидение не прекращало обсуждать эту новость.

Оказалось, что Джерри не может видеть лицо Никки в записи — лживые тени прошлого наводили на него глубочайшую тоску, словно он смотрел на мёртвого человека.

Ещё одно отклонение от нормы, ещё одна душевная патология.

Он воспринимал Никки живым, реальным человеком, только когда она появлялась в прямом эфире. Тогда юноша принимал к экрану и жадно вглядывался в её лицо — странное лицо девушки с хрустальными волосами, без которого жизнь превратилась в пустоту.

Джерри будто пил холодную воду после длинного перехода в пустыне: ловил малейшие оттенки настроения Никки, с болезненным интересом смотрел, что она делает, куда идёт, что говорит. Люди, окружающие Никки, и даже её жених — красивый рослый принц Айван — его зауженного внимания не затрагивали.

К сожалению, прямые трансляции случались редко и были непродолжительными. Когда laptop издавал громкий сигнал, Джерри стрелой мчался к экрану. Когда монитор выключался, юноша тоже угасал и долго сидел на песке, слушая сочувствующий океан и часто трогая золотистый кристалл на шейном шнурке.

Джерри подружился с крупным песчаным крабом из норы рядом с палаткой и частенько с ним беседовал, жалуясь на жизнь. Краб внимательно слушал, часто и сочувственно протирая глаза. В остальном краб был застенчив, несловоохотлив и никак не выказывал приязнь к новому другу. Но Джерри подкладывал к его норе кусочки еды, и краб всегда принимал приятельское угощение. У врага он не взял бы, верно?

События развивались стремительно, и вскоре стал известен день свадьбы королевы

Гринвич и принца Шихина. Джерри не смог дослушать новость до конца — он бросился в воду и долго плыл, разбивая грудью зелёные белоголовые волны и захлёбываясь. Но океан оказался сильнее и выбросил его, практически мёртвого, на берег в километре от палатки. Джерри долго лежал на берегу, а потом очнулся и побрёл поговорить с крабом. Нитей, соединяющих его с реальностью, стало ещё меньше.

Королева Гринвич объявила о программе грантов для школьников, которые поступят в этом году в Колледж: тиви-каналы и газеты на все лады восхищались этой новостью. Аналитики предсказывали, что в следующем году число поступающих в Школу Эйнштейна вырастет в десятки раз. Ходили слухи о постройке нового Колледжа для всех желающих.

Джерри сумел обрадоваться, что Никки успешно реализует задуманное.

На следующий день с экрана грянула другая новость — Северные и династия Гринвич поддержали закон о геномодификациях. Поэтому никто уже не сомневался, что закон о геносвободе будет принят и станет началом новой трудной эпохи в жизни человечества.

«Она изменилась, королева Никки... — с грустью размышлял Джерри. — За что я её продолжаю любить? Но разве любят за что-то? Это болезнь, и для некоторых она неизлечима...»

Дикие мустанги, обитавшие на острове, появлялись нечасто — в отличие от юноши, они предпочитали человеческое общество, щедрое на подачки. Длинногривые, остро пахнущие потом звери обступали палатку и вопросительно смотрели выпуклыми карими глазами, отмахиваясь от мух хвостами и мотанием крупных голов. Концентраты лошади жевать отказывались и убредали пёстрым стадом, насмешливо скаля нечищенные зубы.

Робинзон часто глядел, как золотой эполет солнца награждает холодное плечо горизонта.

Океан безнадежно тянул к солнцу блестящую дорогу, но всегда не успевал.

Юноша спал так плохо и просыпался так рано, часто задрёмывая днём, что иногда не знал — рассветное или закатное солнце танцует в конце раскалённого пути. Куда сорвётся шар огня — в день или ночь?

На грудь сильно давила шестикратная гравитация — по сравнению с лунной, к которой Джерри привык за последние годы. Но внутренняя тяжесть была неизмеримо больше.

Изредка вдоль кромки прибоя проходили люди с удочками и рюкзаками. В таком диком месте встречные здоровались и приветливо улыбались. Джерри кивнуть в ответ мог, улыбнуться — нет.

Океан пробовал развлечь робинзона бодрым хором чаек, перламутровыми танцами раковинных осколков, быстрой радугой на дымящихся гребнях прибойных волн.

Безуспешно.

Джерри даже не пытался забыть Никки и начать новую жизнь, следуя вкрадчивым рекомендациям мудрых психокниг. Поможет ли трёхногому стулу совет забыть про сломанную опору и попробовать стоять на оставшихся?

Юноша не считал дни. Но они отсчитывались сами.

Можно называть время безжалостным или милосердным, но это всё поэтические штучки. Время — равнодушный безостановочный поток, который рано или поздно домчит тебя до ужасающего будущего. Успеешь ли ты перед ударом вздохнуть и сжаться в комок? Это твои заботы.

В день Никкиной свадьбы Джерри вернулся к фактории заповедника и вызвал машину.

Он вылез из кибертакси на развилке старого шоссе, над которым смыкались шелестящие кроны высоких деревьев, и последние полмили прошёл пешком. Узкая асфальтовая улица плавно забиралась в гору, рассекая старый лес из дубов, ясеней и красных клёнов.

Дорога вела в прошлое. Глаза Джерри вспоминали гигантский пенёк от толстого гикори, вывороченного грозным смерчем несколько лет назад. Обширная поляна, где любили пастись олени-рогачи, — местные жители называли её «мужской клуб». Дорожные ответвления, уводящие к домам соседей в глубине леса.

Улица шла по поднимающейся долине и, наконец, выбралась к самой высокой её точке. Джерри остановился возле знакомого почтового ящика на потрескавшемся деревянном столбике. С щемящим чувством дотронулся до него, открыл. Ящик был пуст, как и родительский дом, к которому сворачивала влево и наверх совсем узкая дорога. Всё пусто, всё кончилось, всё исчезло...

Джерри не смог шагнуть на асфальтовую полосу, забегающую на склон горы к дому, невидимому за деревьями. Он уронил дорожную сумку к почтовому столбику и пошёл по пустынной улице дальше — к тритоньему озеру. Туда он ещё мог заставить себя идти.

Дорога устремила вниз и вскоре вывела его к старой охотничьей хижине. Джерри скользнул взглядом по крыше дощатого домика. Кто-то недавно покрасил её ярко-зелёной краской. Юноше показалось странным, что жизнь в долине продолжается, даже теперь, когда они с отцом уехали отсюда. Джерри сошёл в пожелтевшую от сухой жары траву и спустился к воде. Сюда он часто приходил с родителями. Здесь весной цветут ландыши и плавают дикие канадские гуси.

Озеро собирало ручьи северной части долины и заполнялось до уровня выходного каменного русла, проложенного в дамбе и обрывающегося через несколько метров высокими водопадными ступенями.

Над водопадом протянулся крохотный мостик в две доски. В сухой сезон из озера сочился лишь мелкий широкий ручёк. Прозрачная текучая пластинка начиналась под кучкой бурых прошлоосенних листьев, упавших на поверхность озера и медленно собравшихся на пути вытекающей воды. Совсем тонкая листовая плотина удерживала уровень воды в озере сантиметров на десять выше каменного ручьевого дна.

Джерри часто смотрел на хлипкий барьерчик из бывших кленовых ладошек. Если разворошить прутиком эту листовую залежь, то в следующую секунду сотня тонн воды со всей поверхности озера устремится в сухое русло водопада. Он мгновенно заревёт и запенится. Это будет зрелище!

Но Джерри ни разу не видел разбуженной воды — его всегда останавливала мысль об озёрных жителях. Им резкое падение уровня озера принесёт лишь несчастье. Равновесие маленького мира слишком ценно, чтобы разрушать его ради прихоти. Особенно если это равновесие балансирует всего лишь на чьих-то хрупких измочаленных ладонях.

Сейчас юноша тем более не стал трогать барьер из воспоминаний прошлого лета и будить водопад. Джерри обвёл глазами вечеряющее лесное озеро. Высокая сосна и вечнозелёные кусты на противоположном берегу. Подгрызенные бобром сахарные клёны на запруживающем плотинном валу. Остатки деревянных мостков возле ив.

Мирный привычный пейзаж не помогал — душа болела, не переставая. И даже сильнее обычного.

Мохнатая толстая лиана, присосавшаяся к высокому буку и медленно убивающая его, по-змеиному ожила в шевелящихся сумерках и угрожающе-косо поглядела на пришельца.

Юноша наклонился, коснулся рукой поверхности тихой воды, что-то прошептал и повернул назад. Приходил он сюда здороваться или прощаться?

Душная предгрозовая ночь вливалась в лес, и он, тусклея стволами, послушно растворялся в ней — дерево за деревом.

Джерри взял сумку и быстро зашагал по узкой асфальтовой полосе к своему дому. Но его решимости хватило ненадолго.

Слева от дороги вечерне зеленела поляна. Чудный запах измельчённой травы, тархтенье моторчика старенького красного трактора, тряска по кочкам; взгляд с удовольствием перебирает деревья. Отец любил косить поляну сам, называя это вибромоционом. Учил сына: ездить нужно кругами против часовой стрелки; начинать с середины.

Укол в сердце.

На правой обочине, за лёгкой провололочной оградой, защищающей мягкую зелень от голодных оленей, росли четыре узорчатых кипариса. За ними ухаживала мама: обрезала

сухие ветки, подкармливала солями, насыпала вкусной земли, сокрушалась о болезнях вечнозелёных неженков. Как выросли молодые кипарисы за прошедшие годы.

Укол в сердце.

Глинистое дно и берега придорожного ручья были аккуратно выложены плоскими светлыми камнями, чтобы штормовые дожди не размывали красную почву русла. Джерри с отцом обустроили ручей в последнее счастливое лето. Трудился в основном отец, но и десятилетний Джерри помогал, таская из леса небольшие горные плитки с пятнами чёрно-зелёного лишайника.

Глаза Джерри задержались на большом приметном камне, который они с отцом укладывали на дно сухой канавы вдвоём, горячо споря.

Укол в сердце.

А вот ствол сосны, упавшей под напором ледяного шторма, нагрузившего её крону тоннами замороженной влаги. Нет печальнее зрелища, чем погибшее живое дерево. Есть в жизни невыносимые тяжести — они не гнут и не ломают, а просто выворачивают с корнем.

Через сотню метров дорога взяла круче. Наверное, от этого Джерри стало трудно дышать, и перед глазами поплыл темнеющий лес. Вот и двойная сосна на краю просторной площадки. Конец пути.

Дом .

Нет, нет! Джерри, задыхаясь, смотрел на горько-медовые бревенчатые стены и тёмно-зелёную крышу, под которой прожил десять лет. Это не дом! Это просто стены и крыша — ракушка без жемчуга, соска без молока, дом без любви. Пустышка!

Ожесточая сердце, Джерри мотнул головой. Глаза остановились на знакомых голубых елях, давно посаженных родителями — по дереву на каждого обитателя — тогда ещё — *дома ...*

Одно из непреодолимых весенних удовольствий детства — снимать слюдяные лохматые колпачки шелухи с бурно растущих еловых почек, освобождая тугую пружину фиолетового молодого побега. Под защитой ветвистой путаницы жёстких синих игл мелкие птицы любили вить гнёзда.

А вот норвежская зелёная ель — общее семейное дерево. Семьи уже нет, а она, плакучая, всё растёт, на что-то надеется...

Чёрт! Джерри быстро взбежал по лестнице к двери дома и толкнул стеклянno-деревянную створку. Дверь его узнала и сразу впустила. В большой комнате вспыхнул свет, и прошлое обрушилось на Джерри, как снежная лавина.

Тонкий запах дерева. Двадцатифутовый кафедральный потолок из сосновых прозрачно-лакированных досок. Зелёный берёзовый пейзаж на стене. Высокие напольные часы с золотым маятником и мелодичным боем, сопровождавшим Джеррино детство. Кожаные тёмно-бургундские диваны, где устраивалась вся семья — посмотреть новый или хороший старый фильм. Камин из крупного дикого камня, уютно горящий зимним вечером. Огненные отблески на лицах родителей и бревенчатых стенах.

Хотя стоял август, на каминной решётке из закопчённого чугуна лежали колотые поленья. В высоких, от пола под крышу, окнах сгущалась темнота.

Под ноги Джерри подкатился, вереща и приседая от восторга, домашний гном.

— Хозяин! Хозяин! Как я рад! Ура — вы наконец появились!

Робот стал тарыхтеть о своих печалях и проблемах — о невоспитанных белках, грызущих подоконники, об ужасных пчёлах-плотниках, дырявящих брёвна стен быстрее, чем робот-заделочник их замазывает. Джерри растроганно смотрел на старого знакомого, пока тот неосторожно не спросил:

— А где Михаэль, ваш отец?

Юношу как током ударило. Он взорвался:

— Пошёл прочь и больше не приставай ко мне! Меня здесь нет, понял? И выключи свет!

Домашнего робота сдуло ветром, и дом погрузился в сумрак.

Джерри рванул балконную дверь и вышел на обширный треугольный дек, кораблём устремлённый в вечерний лес, в сухой звон осенних цикад.

Он помнил эту деревянную веранду весной — в золотой сосновой пыли и крылатых кленовых семенах; летом — в медовых каплях знойной смолы и в заплаканных зелёных листьях, сорванных штормом; осенью — в лужах с дождевыми частыми кольцами и в наметённых горах жёлто-коричневого листопада; зимой — в неровных рядах вспыхивающих солнечных сосулек и в сугробах лунного снега.

На этой палубе юный Джерри плыл в неведомые счастливые моря.

Но раньше за его спиной был дом, а сейчас позади — пустота. Он вырос, простился с детством и остался один на своём корабле, а впереди — ночь без единого огня.

Уже окончательно стемнело, и веранда утонула во мраке. На северо-востоке, за плавной горой возвышалось тяжёлое облако в виде башни. Обычной ночью облако бесследно бы потерялось в темноте, но сейчас в нём кипела дикая гроза — и туманная башня беспрерывно озарялась изнутри яркими вспышками. По странной атмосферной прихоти, гром не долетал в долину, и это зловещее буйство молний в тишине тревожило сильнее, чем обычный грозовой грохот.

И дождя совсем не было.

Джерри ушёл с дека и поднялся на второй этаж, к родителям. Здесь ничего не изменилось за прошедшие годы. Широкая кровать с белой пушистой шкурой на стене у изголовья, ореховый отцовский стол на львиных лапах, деревянные резные шкафы с книгами, изящные кресла со светлой обивкой. От неизменности вещей Джерри стало ещё хуже. Родители вопросительно смотрели на него с фотографий, стоящих в полумраке книжных полок.

— Простите меня, мама и папа... — сказал Джерри сдавленным голосом, — одному так трудно стать счастливым...

Юноша вернулся на первый этаж и обессиленно опустился на ковёр перед камином. Лаптоп включился сам. Свадьба королевы Никки и принца Айвана транслировалась по всем главным каналам. Церемония пока не началась, но комментаторы легко находили о чём посудачить. Его имя тоже иногда всплывало, но Джерри не вслушивался.

Он чиркнул длинной спичкой из футляра, который держал на спине прикаминный соломенный олень, долго и рассеянно смотрел, как она горит, — пока не обжёт пальцы. Повесил последний огонёк на опилочно-восковый растопочный кирпичик под дровами. Сухие дубовые поленья быстро разгорелись, и Джерри омыла волна смолистого дымного запаха, дрожащего света и трескучего тепла.

Юноша закрыл глаза. Как он замёрз...

Джерри провёл возле этого огня лучшие часы детства, читая книги под стук крупного дождя по крыше и с улыбкой слушая удары холодного ветра в стены. Камин окружали огромные окна: зимой сугробы с любопытством льнули к стеклу, и комната уютно освещалась огнём и снегом.

Жить в родном доме с мамой и папой, ужинать и смеяться вместе, смотреть на вечерние розовые облака в небе и живое пламя в камине, слышать лёгкий звон раскалённых углей и горьковатый дымок.

Детское прозрачное счастье.

Горло пересохло. В нём поселился тугой ком, мешающий дышать. Джерри рывком встал и достал из холодильника ледяную бутылку минеральной воды.

Громкая музыка с экрана возвестила о начале свадебной церемонии, и Джерри сразу обо всём забыл. Он был равнодушен к деталям происходящего, его совершенно не интересовал жених; как всегда, всё, что он хотел, — это увидеть Никки.

Невеста появилась в длинном и удивительно красивом бело-огненном платье. По белой ткани бродили световые вспышки, напоминающие ослепительные солнечные блики на морской волне, на которые Джерри часто смотрел с пустынного берега. Прозрачные волосы девушки переплетались с бриллиантами, разбрасывающими яркие цветные иглы. Камеры

немедленно показали крупный план, и юноша впился глазами в родное лицо.

Без Никки его жизнь превратилась в ад. С каждым днём тиски, сдавливающие сердце, делали новый зажимающий оборот, и грудь болела, не переставая. Лишь когда Джерри видел свою драгоценную Никки, он забывал о мучительных тисках. «Сегодня Никки будут показывать долго, — с радостью подумал юноша. — Сегодня она такая красивая!»

В последнее время он легко терял связь с реальностью и замыкался в себе, как пустой дом, обрушенный внутрь.

Никки действительно показывали долго. Она не выглядела весёлой, хотя улыбалась в нужных местах длинной торжественной церемонии. Но Джерри знал её лучше всех и видел, что она скрывает печаль. «Может, они плохо с ней обращаются? Вдруг ей одиноко в чужом замке? — наивно думал он. — Надо было плюнуть на всё и поехать вместе с ней...»

«И ты бы выдержал жить в замке Шихиных и ходить мимо комнат, где Никки поселится вместе с мужем?» — спросил трезвый и тихий голос.

«Я бы постарался изо всех сил — ради неё!» — сказал другой голос, громкий из-за ноток неуверенности.

«Нужна больно Никки перед глазами твоя тоскливая рожа! — отрезал первый беспощадный голос. — Отпусти девушку на волю, не порти ей жизнь своими трагедиями».

Зал, где по старинному обряду проходило бракосочетание Никки и Айвана, был наполнен джентльменами в одинаковых чёрных фраках и дамами в разнообразнейших вечерних платьях. Мужчины королевских династий позволяли себе лишь скромные украшения в виде орденов, зато женщины нестерпимо блистали драгоценностями, обнажённой кожей и улыбками.

Джерри ничего не замечал, зато комментаторы взхлёб рассматривали гостей замка Шихиных, охотно восхищались нарядами юных принцесс и ими самими, перечисляли прибывших дружественных королей, нарочито удивлялись полному отсутствию представителей других династий. Почтительное внимание комментаторов привлекал тот факт, что день рождения дочери королевской четы планировался уже через девять месяцев после свадьбы. Все знали даже имя будущей принцессы — Сюзан.

Для Джерри это слышать было не больно, но очень трудно.

— Лига Рассерженных Граждан, как всегда, выступила против замужества столь юной девушки, — сказал один из обозревателей. Его собеседник ответил:

— Закон есть закон — разрешение на брак было выдано мэрией Луна-Сити после тщательного рассмотрения всех обстоятельств. Трудно поддержать позицию Рассерженных Граждан, ведь социальная зрелость девушки, сумевшей создать новую династию, вне всяких сомнений.

Больше всего комментаторы рассуждали о политической важности нового союза, муссировали слухи о грандиозных планах Северных кланов, усиленных новой династией Гринвич — молодой, но чрезвычайно активной на политической арене. Отмечали разброд в стане Южных, вызванный бегством неформального лидера — короля Дитбита.

— Кое-кто из аналитиков стал поговаривать, что двухполюсному миру приходит конец! — сказал обозреватель Лунного тиви-канала.

— Такие опасения высказывались многократно, — возразил корреспондент Си-Би-Ти, — по самым разным поводам и в пользу каждой из группировок. Но двухполюсность мира сохраняется по очень простой причине — монополист власти теряет чувство реальности и быстро плодит врагов, которые ещё быстрее консолидируются в противовесный полюс влияния.

— А вдруг у нас появится умный монополист, который не будет провоцировать создание оппозиции? — сказал ведущий Лунного канала.

— Невозможно! Владелец верховной власти всегда извлекает выгоду из своего положения, — хмыкнул репортёр. — В истории так было всегда!

— «Было всегда» не гарантирует, что «всегда будет». Один мой коллега сказал, что понятие «гринвич-тайм» стало расщепляться и приобретать новое значение... — задумчиво

сказал обозреватель. — Вчера юморист Биттерман с Первого Всемирного канала пошутил, что королева Николь вовсе не входит в союз с Северными, а берёт их под своё крыло. Интересная шутка! Королева Никки очень необычная девушка...

«Да, моя Никки такая...» — с гордостью подумал Джерри, снова потерявший связь с реальностью.

Даже королевская свадебная церемония рано или поздно подходит к концу. Люди в сюртуках произнесли нужные ритуальные заклинания и задали какой-то важный вопрос принцу Айвану.

Воцарилась общая внимательная тишина.

— Да! — громко ответил принц.

Этот важный вопрос задали и Никки.

— Да, — негромко, но не колеблясь, ответила она.

Обряд венчания завершился.

Джерри вскрикнул от резкой боли за рёбрами.

Под овацию многочисленных гостей принц Айван крепко, даже слишком, поцеловал в губы свою невесту, вернее, уже жену. Это вызвало у Джерри, отупевшего от мучений, новое раздражение — Айван загородил от него лицо Никки.

На поляне перед церковью закипело шумное празднество, но Джерри уже почти ничего не видел. Юноша впал в странное оцепенение. Он до самого конца бессознательно надеялся на какое-то чудо. Сколько раз в фильмах он видел, как невесты срывают с себя фату и говорят всем: «Нет! Я люблю другого!»

Проклятые голливудские сказки! В жизни так мало счастливых развязок.

Клубок колючей проволоки ворочался в груди, царапая сердце, а в голове беспощадно гремело:

«Конец! конец... ты вчера был как лев... Джерри, наклонись ко мне... больше никогда! никогда...»

Джерри очнулся, лишь услышав:

— Сейчас молодожёны удаляются в свои покои, куда нас с вами, уважаемые дамы и господа, не пустят, — весело сказал комментатор. — До сих пор остаётся тайной, где новобрачные проведут медовый месяц. Когда мы в следующий раз увидим эту блестящую пару, королеву Николь и принца Айвана? Никто не знает.

Эти слова оказались самым болезненным ударом в еле живое Джеррино сердце.

Никки и Айван остановились на верхней ступеньке белой мраморной лестницы. Слуги уже открыли перед ними резную высокую дверь замка. Королева Николь и принц Айван обернулись и помахали остающимся людям рукой. А Никки внимательно и серьёзно посмотрела с экрана прямо в глаза Джерри. Её губы что-то шепнули, но он не разобрал.

Возможно, она сказала «прости»... или «прощай»...

Дверь закрылась за Никки, отрезав от его души кусок размером в сердце.

Экран стал безнадежно серым, а мир — необратимо чёрным.

Всё кончилось.

Боль навалилась на Джерри с новой, невиданной и нестерпимой силой. Ослепнув от неё, он рухнул на колени. Правая рука, в инстинктивном поиске опоры, попала в открытую сумку и задела пузырёк — подарок Моны, который сразу отреагировал:

— Мгновенный сон с лучшими воспоминаниями жизни! Переживите радостные моменты ещё раз!

Джерри, не раздумывая, вытряхнул пузырёк в рот и залил шипящей ледяной жидкостью из валяющейся под ногами бутылки.

Струя холода ударила в разломанное сердце и заморозила его. Юноша судорожно схватился за грудь. Его глаза утратили лихорадочный блеск, остановились на угасающем пламени камина и почернели. Бутылка с водой покатилась прочь, выбулькивая содержимое на темнеющий ворс светлого ковра. Пузырёк отлетел в другую сторону, тревожно пища:

— Смертельная доза! Вызывайте доктора! Смертельная доза! Безвыходный сон!

Безвыходный!

Юноша медленно упал набок возле камина. Его рука обессиленно откинулась в сторону, и ладонь разжалась.

Из неё выпал золотой кристалл с оборванной нитью. Блеснув в последний раз, он погас в каминном пепле.

Могучий удар грома, прорвавшийся от близкой грозы, сотряс дом до основания. Но Джерри уже ничего не слышал: улыбаясь, он погружался в сон без дна.

У него не было другого выхода.

Его грудь больше не болела. Джерри снова видел Никки — и был счастлив.

Голова не гудела, а выла. На грудную клетку наступил свинцовый башмак, и обиженное сердце трепыхалось, захлёбываясь тягучей, неповоротливой кровью. Ртутно-тяжёлый воздух прижимал плечи, больно стекал по рукам вниз.

Никки открыла люк. В катер вошли солнце и едкий дым сгоревшей травы. Последнее, что запомнила Никки перед посадкой на крошечную полянку, — это свои побелевшие ладони, вцепившиеся в штурвал. Потом перегрузка втоптала её в беспмятство.

Надо было полностью доверить управление Робби, но Маугли казалось, что он делает всё слишком медленно. Впрочем, судя про продолжительности и частоте отключений сознания пилота-человека, половину пути рулил именно компьютер.

Никки вывалилась из люка и поспешила изо всех сил к дому, стоящему на возвышении. Но ноги не могли быстро идти, и какой-то непонятный ужас наваливался на девушку при приближении к безмолвному бревенчатому дому.

— Никакой активности не улавливаю, — сказал сверхчувствительный Робби.

Еле удерживая сердце и дыхание, Никки взбежала по лестнице.

Дом, не возражая, впустил её.

С порога девушка сразу увидела Джерри.

Он лежал на ковре, подломив под себя руку. На белом лице застыла улыбка. Чёрные глаза юноши были открыты, сухи и мертвы.

— Никого нет дома, — тихо сказал испуганный домашний гном.

И Никки закричала. Бесцельно и бесполезно.

Его грудь больше не болела. Джерри снова видел Никки и был счастлив.

Над их головами шелестели листья. Уютный столик на двоих стоял под цветущей старой вишней. Бело-розовые лепестки беззастенчиво сыпались им на головы и в мороженое. Никки сидела напротив — в коротком платье светлой сини. Глаза девушки светились ярче солнца в хрустальных волосах.

Ей не сиделось на месте. Она, не выпуская из рук конус с мороженым, то подбегала к краю пруда с плавающей россыпью цветочных облётышей, то рассматривала толстый кривой ствол, трогая янтарные капли смолы, выступившие и затвердевшие на морщинистой вишнёвой коже.

Никки попробовала мороженое Джерри, которое, конечно, оказалось вкуснее, чем у неё, и они немедленно поменялись вафельными стаканчиками.

Джерри наслаждался каждой секундой этого мельтешения и щебетания и чувствовал себя весенним деревом с беззаботной птичкой, прыгающей на его ветках. Расшалившись, Никки мазнула юношу мороженым, а потом, извиняясь, слизнула сладкую каплю с его щеки. Тёплый язычок девушки прикоснулся к лицу юноши и вызвал оглушающий эмоциональный разряд. Щека Джерри навсегда сохранила это влажное мягкое прикосновение — так древний камень лелеет в серой шершавой груди отпечаток весёлой живой рыбки. Как Джерри хотелось схватить эту девчонку, прижать к себе и не отпускать миллион лет! Только боги знают, как ему было трудно удержаться в клятвенных рамках обычной дружбы.

Следующий сон перенёс его на остров посреди ночного озера. Ощущение счастья и восторга снова ударило в голову Джерри. Стройная фигурка бежала по мелкой воде пляжа, и

брызги далеко разлетались по сторонам, сверкая в голубоватом сиянии Земли. А он подхватывал Никки на руки и кружил её на маленькой цветущей поляне. Весь мир вращался вокруг них, и они двое были ось, центр и суть Вселенной. Их губы пахли ночной цветочной прохладой, а ладони плавились тропическим зноем.

Но яркие сны становились всё короче, а чёрные провалы между ними — всё длиннее.

Никки стояла на коленях перед Джерри, звала его и неистово трясла за плечи, содрогаясь от неумелых рыданий, похожих на кашель.

Будь проклят этот мир, не способный жить в любви, всё время впадающий в ненависть!

Будь проклята сама Никки, которая хотела спасти всех, но не спасла даже Джерри!

— Дыхания нет, пульса нет, — сказал Робби. — Но он умер счастливым.

Невозможно, нестерпимо! Он был её Лев, и он бросил её. Предатель!

Он ушёл один, глядя в невидимый горизонт сухими терпкими глазами, оставив ей лишь мёртвую прощающую улыбку.

Никки зарычала и бросилась Джерри на грудь; с любовью обняла и с ненавистью сжала.

Его рёбра затрещали.

И она почувствовала лёгкий ответный удар сердца.

Сны были радостными — не обманул пузырёк! События сонного измерения путались в голове и во времени, и вот раздалась колыбельная песня на певучем языке. Её пела Маугли, усыпляя Джерри перед экзаменом. Никкина ладошка скользнула по его лицу и остановилась на губах. Юноша поцеловал эту ласковую ладонь так нежно, как только смог, и — о, чудо! — ей понравилось, и она задержалась. Даже погладила его по щеке. Какой хороший сон! К первой ладони присоединилась вторая, они обняли голову Джерри, а его губы почувствовали поцелуй. Чудесный сон!

— Просыпайся, Джерри, просыпайся! — тревожно сказал Никкин голос.

Этого в реальности не было. Просыпаться от такого сна? Пузырёк всё напутал. Юноша попробовал открыть глаза. Но веки были непослушны, а глаза шершавы. Что-то укололо его в запястье и, кажется, не в первый раз. Наконец, глаза подчинились хозяину. Но яркий свет слепил Джерри, и юноша никак не мог разобрать, откуда слышен голос, так похожий на Никкин. Наконец, картинка проявилась, в ней появился вектор верха и низа.

Джерри нашёл себя лежащим на ковре перед погасшим камином. Солнце заглядывало в высокие треугольные окна. А рядом с Джерри — он не поверил глазам — стояла на коленях... его Никки.

«Это галлюцинация! — подумал Джерри. — Как хорошо! Я увижу не только старые сны, но и что-нибудь новое».

— Ты мне снишься... я очень рад, — пробормотал Джерри.

— Не дури, Джерри, я не сон, — с обеспокоенной нежностью сказала Никки. — Я только что прилетела. Помнишь, ты рассказывал о поляне возле дома, где можно привязать дирижабль? Я туда и приземлила шаттл. Извини — трава там здорово сгорела.

«Сон с такими техническими деталями?» — удивился юноша.

— Ты правильно сделала, — легко согласился он. В его голове ещё бродил снотворный туман. — А я видел твою свадьбу. Ты была очень красивая! И платье замечательное... Тебя так долго показывали... Я так был этому рад...

Лицо Никки странно искривилось, и на глазах появились слёзы.

— Ты плачешь? — вяло удивился Джерри. — Ты же никогда не плакала раньше! А вид у тебя усталый, и под глазами синяки... И кровь на лице... вот тут...

— Я плачу, представляя, что могла немного опоздать... А синяки у меня из-за того, что я летела к тебе, такому обороту, на многократной перегрузке и полдороги лежала в обмороке, а Робби сам разбирался с диспетчерами... — И Никки вовсю разрыдалась.

И превратилась из королевы в обычную девчонку.

В голове у Джерри что-то щёлкнуло и стало проясняться. Он приподнялся на локте и медленно, боясь, как никогда в жизни, прикоснулся к мокрому лицу Никки.

ОНА НЕ БЫЛА СНОМ!

— Почему ты здесь, ты же вышла замуж за принца Айвана... — пробормотал ничего не соображающий Джерри.

— Ты ничего не понимаешь, дурацкая твоя голова! — ревела Никки. — Это был **ПОЛИТИЧЕСКИЙ** брак! Если бы ты не уехал из Колледжа неизвестно куда, то давно бы об этом узнал.

— А как же ребёнок?

— О боги, до чего же ты тупица! Для рождения ребёнка давно не нужен ни секс, ни беременность! Старшей девочке уже десять часов, инициализация прошла в тихой семейной обстановке.

— Старшей? — слова с трудом проникали в ошарашенного Джерри. — Есть ещё и младшая?

— Не младшая, а младший. Мальчик! Его ещё нет, но он обязательно будет... И он вырастет не в искусственной колыбели... Я сама...

Никки впала в такие сильные рыдания, что слова едва различались среди слёз. Джерри с трудом приподнялся и обнял девушку за трясущиеся плечи.

— Королева, не реви!

Но Никки продолжала лихорадочно говорить:

— Если ты захочешь... после всего, что... прости... прости... у меня не было выбора... Он будет нашим с тобой сыном...

Глаза Джерри стали просто сумасшедшими.

— **НАШИМ** сыном?

— Ты же говорил, что не поверишь моим словам... Он убедит тебя... будет кричать о моих чувствах и пачкать пелёнки... он не возглавит династию... официальной наследницей... старшая Сюзан, но будет счастливым... если мы что-нибудь для этого сделаем...

Такого потока новостей мозг Джерри переварить не мог.

— Ты... прилетела и... останешься со мной?

— Да, если ты не рассердишься и не прогонишь меня...

Джерри, безотрывно смотря в её встревоженное, непривычно заплаканное лицо и задыхаясь от переполнявших чувств, отрицательно покачал головой:

— Сердиться? Если я не умру сейчас от разрыва сердца, то стану самым счастливым из людей...

— Я тебе умру... — одновременно сердитым и плачущим голосом сказала Никки и сняла уже ненужную аптечку с запястья Джерри.

И они, наконец, обнялись как следует.

Потом, по совету Робби, девушка повела Джерри под горячий душ и сама бесцеремонно раздела, всё ещё плача и причитая. А он никак не мог прийти в себя и осознать, что это правда — его Никки рядом с ним, и что будет дальше, он не знает, но сейчас она здесь и жестоко трёт мочалкой его худые грязные рёбра, и всё время капает слезами...

— Какая ты стала плакса! — удивлённо сказал Джерри. Его язык ворочался медленнее обычного, и речь была невнятной.

— Да, вот — прорвало! — всхлипнула Никки. — Довёл девушку до истерики! Ты — жуткий тип, Джеральд Уолкер!

— Просто сволочь! — согласился жуткий тип Джеральд Уолкер.

Никки закутала всё ещё слабого Джерри в махровый бордовый халат и усадила на балконе в шезлонг. Пока юноша приходил в себя, щурясь на яркое солнце, она сумела с помощью приветливого домашнего гнома приготовить кофе с печеньем, накрыла маленький столик возле Джерри и сама села в соседний шезлонг.

— Извини, я слабый человек — совсем не могу жить без тебя, — тихо сказал ей

Джерри.

— А тебе это и не удастся, — убеждённо ответила она. — Куда бы ты ни спрятался, я всё равно тебя найду...

Он ласково дотронулся до её руки. Любое прикосновение к ней было счастьем, тем пронзительней, чем немыслимее оно было ещё вчера.

Они пили кофе и изредка говорили о каких-то пустяках, а чаще просто молча смотрели друг на друга, и слова были совсем не важны. Земное солнце стремительно катилось по небу — не сравнить с плавной степенностью лунного дня, — и тени высоких деревьев стрелками солнечных часов меряли просторную веранду. Озабоченные чёрные шмели ссорились за невидимые границы. К оконному стеклу примчалась гудящая колибри, нацелила длинный нос на своё отражение: «Ах, хороша!» и фыркнула по срочным делам.

Вчерашняя гроза прошла ночным ливнем. Лес был свежевывыт и источал столько травяных, лиственных и цветочных запахов, что сразу было понятно — он хочет понравиться гостю.

— Вот она какая, Земля, — восхищённо сказала девушка.

Голубое небо было невероятно просторным и глубоким. Ослепительные облака плыли по горячей синеве, путаясь в зелёных ветках.

Зашелестело и хрустнуло. Никки посмотрела с балкона вниз. Стройная олениха и двое уже больших оленят шли по полянке, но, заметив девушку, застыли и в шесть глаз уставились на неё, насторожив чуткие треугольные уши.

— Олени! — воскликнула Никки.

— Познакомься с аборигенами, — добродушно сказал Джерри. — Им наша лужайка очень нравится, и они всё время на ней пасутся.

К вечеру Джерри отдохнул, выпил четыре чашки кофе и почувствовал себя настолько лучше, что, как хозяин, взялся приготовить для них обед. Никки посмотрела на его неловкие усилия и сказала:

— Замороженным продуктам из этого холодильника — четыре года. Ты думаешь, что мы будем есть на нашей свадьбе мамонтытину?

— На какой нашей свадьбе? — изумился Джерри.

— Ах вот как! — крикнула Никки, упёрши руки в бока. — Так ты отказываешься на мне жениться? В Рождество клялся жизнью, на необитаемый остров обещал взять. Обманщик! А я, дура, летела сюда сломя голову...

— Нет, нет, — сказал Джерри, улыбаясь впервые за последний месяц, — я готов жениться хоть сейчас, но ты вроде бы уже вышла замуж вчера?

— То была официальная свадьба, а эта будет *настоящая* !

— Здесь, вдвоём? — удивился Джерри, поняв, что Никки говорит всерьёз.

— Тебе нужна я или торжественная церемония?

— Ты! — категорически выбрал он.

— Тогда найди себе подходящий костюм, а я распоряжусь насчёт еды.

— А у тебя уже есть платье? — спросил Джерри, глядя на девушку, одетую в брюки и тонкий свитер.

— Неужели ты думаешь, что я полечу на свою *настоящую* свадьбу без платья? — хмыкнула Никки. — Правда, нужно признаться, что оно было выбрано за четыре секунды...

Джерри со снова зазвеневшей головой произвёл раскопки в одежной кладовке и нашёл новый отцовский смокинг. Померил, и костюм оказался впору, разве немного просторен. «Оказывается, я уже ростом с отца, — удивлённо подумал юноша, глядя в большое зеркало, — а он всю жизнь казался мне большущим и могучим...»

— Отлично! — сказала Никки, увидев преображённого Джерри в смокинге и бабочке. — Ты даже красивее, чем я думала!

Он же не мог отвести от неё глаз. Никки оделась в короткое изящное платье из хрустальных нитей, похожих на её волосы. Никаких украшений на девушке не было, но в колеблющемся свете десятков свечей, стоящих, где только можно — на полу, на столе и

каминной полке, — Никки сама сверкала, как драгоценный камень.

— Ты великолепна! — искренне сказал Джерри, взяв девушку за руку.

Стол был уже накрыт. Бутылка французского шампанского высилась возле горящего подсвечника, а вокруг стояли блюда с копчёной форелью, ломтями жареного мяса, свежими фруктами и прочими деликатесами.

Посмотрев на стол, Джерри понял, что Никки заказала всё это по т-фону и, судя по скорости, — вертолётom. И ещё он понял, что не видел настоящей еды лет сто.

— Я не дам тебе есть, — сказала угрожающе Никки, — пока ты не поклянёшься самой ужасной клятвой, что больше не бросишь меня!

И Джерри поклялся самой ужасной клятвой, что никогда больше не расстанется со своим Леопардом.

Никки в ответ торжественно поклялась, что никому не отдаст своего верного Льва — пусть эти «кто-то» даже не надеются.

Крепко поцеловались они в честь этого события, и во всех вселенных не заключалось ещё более прочного и священного союза. И не гром грянул в его честь, а величественная баховская мелодия сотрясла окружающие горы органной мощью.

Пробка улетела в высокий потолок и не вернулась. Шампанское ударило в бокалы и в две юные головы.

Джерри усадил Никки за стол и сел сам. Грудь его дышала легко, и ел он с отменным аппетитом, вскидывая на Никки глаза каждые две секунды. Пока это было максимально возможное время *несмотрения* на неё. На третьей секунде он переставал верить в происходящее, и ему срочно нужно было убедиться, что это не сон. Никки ела меньше, часто останавливалась и тоже подолгу глядела на Джерри.

— Где ты жил? — спросила она. — Тебя безуспешно искала сотня людей.

— На острове Ассатиг, — сказал Джерри, — в палатке между дюнами. Я видел в среднем двух человек в неделю.

— Оживлённое место! — сказала Никки.

— Угу, — согласился Джерри. — Но в более безлюдном кусались мерзкие мухи. А как ты узнала, что я вернулся сюда? — Он махнул рукой вокруг.

— За домом наблюдали со спутника. Ни автомобилей, ни вертолётom не было, но вечером камеры засекли включение света, а потом отблески разожжённого огня. Об этом мне сообщили в разгар церемонии. Когда замковая дверь закрылась и журналисты уже не могли видеть меня, я рванула к себе в комнату, переоделась и помчалась на стартовую площадку — у Шихиных есть свой ракетодром.

— А как же Айван? — спросил Джерри, вспомнив про жениха.

— Айван был очень недоволен формальностью нашего брака, — вздохнула Никки.

— Я его понимаю, — вошёл в положение Айвана благородный Джерри.

— Он применял даже запрещённые приёмы...

— Какие?

— Ну... разные.

— Как же он согласился на... такой вариант?

— У него не было выбора, — жёстко сказала Никки. — Почему только мы с тобой должны платить по общему счёту?

— А если бы тебе нужно было решительно выбрать между мной и союзом с Северными? — спросил Джерри.

— Джерри, ты не должен задавать мне подобные вопросы, — нахмурилась Никки, — потому что я не знаю на них ответов, и даже думать не хочу о такой паршивой ситуации. И имею право на это — ведь я нашла выход... Может быть, у него есть острые углы, но он бесконечно лучше других вариантов.

— Бесконечно! — согласился Джерри, глядя на Никки, сидящую рядом. — Прости за этот вопрос. Я просто никак не могу понять, как тебе удалось всё устроить?

— Ты знаешь из социомоделирования, что ГравиКуба и списка-307 оказалось

недостаточно для победы. Мир качается сейчас в опасном, неустойчивом равновесии, и единственный шанс на победу над Южными заключается в прочном союзе Северных и династии Гринвич. Последние месяцы я большую часть времени тратила на эту проблему. Специальное моделирование, которое сделал Робби, доказывало, что только мой брак с Айваном или Стефаном может обеспечить нужную прочность договора с Северными. Я целыми днями бродила среди неумолимых гор в пространстве оптимальных решений, но ни одной лазейки, ни одного самого узкого ущелья не находила. С тобой советоваться было нельзя — Робби сразу предсказал твою опасную реакцию самопожертвования... ты не стал бы хитрить ради себя, рискуя всем миром...

Девушка положила руку на его тёмно-загорелое худое запястье и тихо сжала его.

— И вот я искала, искала решение, спасающее мир от общей беды, но приходила лишь к неизбежности личной драмы. Компьютер доказал необходимость нашего разрыва как неопровержимую математическую теорему. Но я никак не могла согласиться с теорией нашей личной катастрофы. В выборе — потерять любимого человека или погубить весь мир — мне оба варианта не нравились. А если оба варианта тебе не нравятся — то нужно искать третий. Но я его никак не могла найти. События толкали меня в спину: когда я приехала в замок, Айван сделал мне официальное предложение... Я согласилась, понимая, что этот брак — необходимое условие решения, но сразу оговорила, что нам многое нужно продумать, прежде чем объявить об этом союзе... К сожалению, какой-то мерзавец продал новость газетам. Ты исчез в тот же день, я не застала тебя на какие-то минуты... Но мне тогда нечем тебя было обрадовать — лишь через несколько дней мы с Шихиными выработали соглашение, согласно которому брак должен быть политическим и формальным, хотя ребёнок, конечно, реальным. Такое уже случалось в истории династий... Айван и я сохраняли право на личную независимую жизнь, скрытую от публики до тех пор, пока союз Северных не станет реальностью.

Джерри не сводил глаз со своей Никки. Он смотрел, слушал, ощущал её тёплую руку — он впитывал присутствие Маугли, как потрескавшаяся земля — дождь.

— Я искала тебя везде. Айван помог и подключил к поиску службу безопасности Шихиных, но твои следы потерялись в Ричмонде. С тех пор ты не пользовался ни одной кредитной картой, твой т-фон был вне связи, ты ни разу не посещал мест, где стоят видеокамеры. Я начала думать, что ты умер... потом стала надеяться, что тебя похитили спецслужбы Южных... Когда я услышала, что ты нашёлся, то...

Девушка закрыла лицо руками.

— Я стал земным робинзоном, который издали смотрит на любимую Луну...

Джерри ласково взял её руки и отвёл их от лица девушки:

— Не прячься, я должен видеть тебя...

На ноутбуке Джерри, который включился в домашнюю сеть, раздался настойчивый зуммер. Юноша ни с кем не хотел говорить, но это было письмо. От Айвана!

Джерри кивнул, и на экране появился принц Шихин.

Он старался выглядеть бодрым, но был далеко не таким беззаботным, каким помнил его Джерри.

— Джерри, здравствуй! Спорю, что Никки рядом, поэтому привет и ей. Ты должен знать, что я сделал всё, чтобы Никки стала мне настоящей женой, но потерпел поражение. Она твёрже стали — у меня не было шансов победить её упрямство. Я многое бы отдал, чтобы за меня так кто-нибудь боролся — против всех людей и всех расчётов! Ставя на кон свою жизнь и весь мир. Джерри, не держи на меня зла, что не ты сегодня держал Никки за руку. И я прощаю тебя за то, что Никки не станет по-настоящему моей королевой... Джерри, я бы поменялся с тобой местами, но это невозможно. Каждый из нас заплатил немалую цену за союз Северных и общее будущее. Кусок моего сердца тоже лежит на общих весах. Я чувствую горькую гордость за свою плату. Зато у меня будет чудесная дочь — принцесса Сюзан, я уже не могу дождаться её появления на свет. В ней моя кровь, в ней моя жизнь. Мы трое связаны очень странно, но прочно... Мы больше, чем друзья, и нам многое предстоит

сделать вместе. Мы с Никки иногда должны будем участвовать в королевских церемониях, надеюсь, ты будешь её отпускать, не ревнуя. Будьте счастливы, ребята, по-настоящему, без всякой дурацкой политики! — сказал Айван, и экран погас.

— Айван — очень хороший человек, — вздохнула Никки.

— Я не думаю, что я достоин всех этих усилий. Ты рисковала и рискуешь так многим...

— Это была борьба не за тебя, а за нас. Ведь я люблю тебя, — просто сказала королева. — И я знала, что ты умрёшь без меня. Можно ли надеяться спасти мир, сознательно бросив жизнь человека под колёса будущего? Вопреки математике, я сердцем чувствовала, что это было бы плохое начало!

Джерри налил ещё шампанского.

— Давай выпьем за нашего будущего сына, — сказал Джерри. И они хрустально прозвенели бокалами и глотнули колючей холодной влаги.

— Как ты его назовёшь? — спросила Никки.

— Предлагаю назвать его вместе, — сказал Джерри, — ведь он — *наш* сын. Как тебе нравится имя Михаэль — в честь моего отца?

— Замечательно, — сказала Никки, улынувшись, — согласна! Михаэль, Майкл, Майк... Сюзан — это ведь тоже в честь моей мамы. Мне кажется, это как-то возвращает их *оттуда*.

— Да, у меня были латентные гены диабета и ещё чего-то малоприятно... — забеспокоился Джерри, — как избавить Майкла от них?

Никки молча достала откуда-то широкий браслет с плоским полированным камнем и сказала:

— Будет небольшой укол.

И приложила браслет к Джерриной руке. Юноша на самом деле почувствовал, как остриё иглы прокалывает кожу.

— Что это за колючая штука?

Никки приложила браслет и к себе, слегка поморщилась и сказала:

— Помнишь студента-биолога, который стоял четвёртым в списке-307?

— Да.

— Он в студенческом сборнике опубликовал принцип генетического резонатора, который может управлять движением хромосом и соединением генов в ДНК с помощью излучения определённых частот. Никто не воспринял всерьёз эту идею, но именно из-за неё этот парень попал в список ключевых персон мира. Его родители работали на Южных, и мне долго пришлось склонять его к сотрудничеству. Когда он согласился, мы мгновенно набрали целую команду генетиков и физиков. Ты видишь перед собой один из первых образцов генорезонатора. Сейчас он проходит клинические испытания на добровольцах, а мы — те самые добровольцы и есть.

— И на что же мы добровольно согласились?

— Он анализирует наши с тобой ДНК и подбирает нужные для их контроля частоты резонансных излучений. Вот он закончил работу...

На плоском камне, оказавшемся миниэкраном, высветились какие-то строки. Никки поколдовала и превратила картинку с экрана в крупное голоизображение.

— Зададим пол: мальчик... Мы можем выбрать для Майкла наилучшую комбинацию из двух наших генотипов. Анализатор нашёл триста пятьдесят генов, которые не стоит ему передавать в любом случае. В остальном мы вольны выбирать. Но у меня есть просьба...

— Какая? — Джерри несколько смущённо наблюдал за манипуляциями Никки.

— Я хочу, чтобы он был внешне похож на тебя, — твёрдо заявила Никки.

— А нас не будут путать? — спросил растерявшийся Джерри.

— Ну, ты даёшь! — фыркнула Никки. — Ты будешь старше его на столько лет!

— Верно, — смутился юноша и кивнул. — Согласен... если ты просишь.

— Поверь моему женскому мнению — лучшего варианта мужской внешности нам среди наших генов не найти.

Джерри промолчал.

— Теперь зададим оптимум по интеллекту и времени жизни... — Никки говорила и быстро нажимала кнопки на браслете. Потом всмотрелась в голограмму.

— Смотри, прибор выдал два возможных варианта интеллекта и продолжительности жизни Майкла: в одном варианте потенциальный IQ будет около ста шестидесяти, а вероятное время жизни — ух ты! — сто пятьдесят лет!

— А в другом? — заинтересованно спросил Джерри.

— Во втором варианте потенциальный IQ прыгает до двухсот, зато время жизни снижается до ста тридцати лет. Невероятно высокий IQ!

— Хм, но на двадцать лет меньше жить... Как трудно выбрать, не спрашивая его самого — что бы он предпочёл...

— Да, спросить его нельзя...

— Тебе не кажется это странным — рассчитывать жизнь своего будущего ребёнка, играть роль бога для него. Не лучше ли доверить всё природе и судьбе?

— Во Вселенной нет такой глупости, как судьба. Если мы не научимся быть расчётливыми, то не выживем. Но расчётливость — это не бесчувственность. Иначе бы меня бы здесь не было.

— Думаю, нужно выбрать вариант двести — сто тридцать. Интеллект важнее.

— Согласна! — Никки нажала кнопку на резонаторе. — Решено! У Майкла будет пятьдесят семь процентов твоих генов, сорок три — моих.

Королева надела браслет на руку. Его огоньки выстроились в зелёное кольцо.

— Ну вот, прибор активирован. И когда Майкл решит... заявиться в этот мир, то соберёт лучшее, что есть в наших генотипах. Разве что нос ему можно было сделать поменьше, но боюсь, что это разрушит общую гармонию вашей семейной физиономии... я так привыкла к твоему носу, что, надеюсь, Майки нас простит... — И Никки поцеловала Джерри в семейное украшение.

— Майк... — нежно расплылся Джерри. — Майки...

Никки с улыбкой смотрела на него.

— А у тебя есть фото Сюзанны? — озабоченно поинтересовался юноша.

Никки поколдовала с голограммой, и перед ними появился толстощёкий младенец, который быстро превратился в весёлую девочку, а потом в очень красивую девушку с искрящимися волосами.

— У неё хрустальные волосы! — воскликнул Джерри. — Как у тебя!

— Прозрачные волосы мои генетики сумели сделать семейным признаком династии Гринвич, — сказала Никки, — и навечно запатентовали эту комбинацию генов.

Никки склонилась над столом и заглянула в глаза Джерри.

— Джерри, когда будет построен наш замок, мы будем жить там вместе с Сюзан. Ты... будешь её любить?

— Я её уже люблю, — убеждённо сказал Джерри, глядя на вновь помолодевшую милую рожицу будущей принцессы Сюзанны на голограмме. — Она же *твоя* дочь.

Никки радостно вздохнула.

— Теперь я понимаю, почему ты поддержала закон геномодификаций, — задумчиво сказал юноша. — Отныне все родители, вне зависимости от богатства, смогут выбирать для своих детей наилучший генотип.

— Верно, генорезонатор будет абсолютно доступен, — кивнула Никки. — А так как патент на его принцип принадлежит моей династии, то мы будем контролировать ситуацию и выпускать резонатор только в варианте сравнения и слияния *двух человеческих* генотипов. Все люди будут поставлены в одинаковые условия — и никто не сможет опасно экспериментировать, составляя генотип ребёнка из произвольного набора генов человека, животных и растений. Поэтому сейчас закон о геносвободе вовсе не опасен, а очень нужен — и буквально всем людям. А откуда ты знаешь, что я его поддержала?

— Я видел каждое твоё появление по тиви. Это было главным развлечением на моём

необитаемом острове.

Никки снова погрузилась.

— Прости меня, Джерри... О боги, через какой ад ты прошёл из-за этой свадьбы...

— Трудно прожить жизнь, никого не послав на костёр... — сказал Джерри, вспомнив отчаянно рыдающую Элизу.

— Неужели ты забыл мои слова: ты — мой, я тебя никому и никогда не отдам... Ну, почему, почему ты мне не поверил? Разве я когда-нибудь тебя обманывала?

— Нет... — виновато согласился он. — Прости, я решил, что не должен тебе мешать...

Никки вскочила со своего места, уронив стул, и бросилась на шею к Джерри.

— Я больше никогда не буду сомневаться в твоих словах, — сказал он, нежно перебирая пряди её волос, мерцающие в свете свечей.

Она вздохнула, отодвинулась и посмотрела ему в глаза:

— Я уже сыта, и у меня кружится голова от сильной гравитации...

У юноши внезапно тоже закружилась голова. Он встал и подхватил на руки свою утомлённую королеву. Она прижалась к нему, и его лицо утонуло в её хрустальных волосах.

И Джерри, наконец, окончательно поверил: его Никки приехала.

У него появилась семья.

Заря разгоралась, и далёкая снежная вершина уже вспыхнула ярко-розовым рассветным цветом.

Нос лодки с шелестом врезался в отмель.

Они взялись за руки и вместе прыгнули в прибойное кипение. Увязая босыми ногами в мокром крупном песке, вышли на сухое место.

Слева пляж замыкали крутые тёмные скалы, а вправо белая прибрежная полоска уходила к горизонту. Густая зелень окаймляла песок и упрямыми островками добиралась до самого прибоя. Полноводный ручей с журчанием выбегал из зарослей, прорывая русло в песке и гальке, и сливался с мерно дышащим океаном.

— Как называется эта земля? — спросила она.

— Это терра инкогнита... у неё ещё нет имени, — ответил он.

— Тогда мы придумаем его вместе!

За кромкой пляжной зелени виднелись невысокие горы и тихие долины, затянутые утренним туманом. Громко перекликались птицы, а в лёгком ветре запутывались запахи неизвестных цветов. Послышался грохот дальнего обвала.

— Целая страна! Здесь можно бродить сто лет! — воскликнула она.

— Хоть целую вечность, — согласился он.

— Интересно жить, правда? — совсем по-детски сказала его юная королева. И он кивнул, с улыбкой глядя в её радостные синие глаза.

В следующее мгновение из-за горизонта показалось горячее солнце.

Высокие, в рост человека, часы возле традиционного рождественского дерева Уолкеров — трёхметровой норфолкской ели в большой кадке — проиграли нежную колокольную мелодию и громко отбили двенадцать звонких ударов.

На Земле настала лунная полночь.

«Эти старые часы звонили мне целый день, — подумал Джерри, — но только сейчас я их услышал».

Серебряный диск заглянул в высокое окно. На тихих лапах подкрался лунный луч, и в хрустальных волосах королевы засияли перламутровые волны.

— О чём ты думаешь? — спросила Никки.

— О том, что мы будем жить долго и счастливо и умрём в один день, — сказал в прозрачную темноту Джерри.

— Глупости... — ответила Никки засыпающим голосом. — Мы будем жить вечно.

И он сразу поверил ей.

Конец второй книги

Послесловие

Правдивость и точность — кредо автора, касается ли это биологии дрозофил, динамики непунианских арок, или любого научного факта, приведённого в книге.

К сведению любопытных читателей:

Тёмная материя в галактиках всё ещё темна.

Робот «Сёрфер» вовсе не фантастика.

Угнетённые мирные кузнечики легко порождают злую саранчу.

Дюнная летопись на берегу Пуэрто-Рико ждёт своей расшифровки. Для интересующихся даю координаты многорядной дюны: 17 градусов 56 минут 15 секунд северной широты, 66 градусов 12 минут 00 секунд западной долготы.

Над загадочным эффектом «Пионера» ломают головы учёные по всему миру. Можно ли создать ГравиКуб на основе феномена аномального торможения космических аппаратов? Научное полушарие авторского мозга активно над этим размышляет, а литературное — уже радостно забежало вперёд.

Правдивость данной книги может превысить даже авторские ожидания. Оказалось космической реальностью сюжетное предположение о тройственности астероидов (эта гипотеза в науке обсуждалась раньше всех крымскими астрономами — группой Прокофьевой-Михайловской). В первой книге герои думают о возможности немутационного способа воздействия среды на геном, а при написании второй книги выяснилось, что новая наука эпигенетика уже успешно открывает многочисленные механизмы такого действия. В первой «Астровитянке» Никки спрашивала профессора Франклин: «Существует ли природная генная инженерия, которая смешивает гены разных видов и производит „химер“, не возникающих при обычном размножении?» Сейчас можно ответить утвердительно: коловратка, рекордсмен по выживаемости в засушливом климате, для оптимизации генома своего потомства использует гены съеденных ею растений, грибов и бактерий.

Это показывает реальность проблем, обсуждаемых в книге.

Герои книги тоже имеют особый заряд подлинности.

Облик профессора Эда Ван-Теллера с огромной клюкой, могучим интеллектом и зычным голосом отражает внешность знаменитого учёного Эдварда Теллера, который в конце жизни приложил немало усилий по созданию системы защиты Земли от астероидной опасности. В первой книге лекцию студентам Колледжа читал высокий и худой профессор Мазер, а когда дописывалась вторая книга, его однофамилец — замечательный учёный, энтузиаст и астроном, с которым автор имеет честь быть хорошо знакомым, получил Нобелевскую премию по физике. Конечно, конкретные высказывания Ван-Теллера, Мазера и других героев книги — на совести автора, а не людей, которые послужили для него источником вдохновения. Зато лекция профессора Цитцера из первой книги во многом повторяет настоящие уроки замечательного челябинского учителя химии Юрия Густавовича Цитцера.

Первые строки гимна высокомерного общества ботаников взяты из поэмы «Жажда» Владимира Кисельмана, популярной среди реально существующего уральского сообщества интеллектуалов-школьников.

Реалистично ли описанное в книге будущее? Думаю, что да.

Но прогресс науки предсказать гораздо легче, чем прогресс человека.

Мы скоро станем бессмертными — это не проблема.

Проблема — как бессмертным людям научиться жить не мёртвыми.

2004–2009